Боргман

Повторительный и дополнительный курс Русской истории.

Б-б сб.

4/50

1701/46

А. И. Боргманъ

Проверено
год

ПОВТОРИТЕЛЬНЫЙ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КУРСЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

(ОБЗОРЪ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ)

Примѣнительно къ программѣ 13 іюля 1913 г.

1701/46.

БИБЛІОТЕКА
М. Г. У.
Историч. Фак.

ПЕТРОГРАДЪ
Изданіе Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время»
1915

Х сер
Б-бсб.

пр 38
5Go 1066
ФБ
...ГОРЬКОГО
БИБЛИОТЕКА
№ 2
М. Г. У.
5941 W V

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13

652 -6- 71
пр93

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая книга составлена примѣнительно къ программамъ, утвержденнымъ 13 іюля 1913 г. (курсъ VII и VIII класса гимназій) и 2 іюля 1914 г. (курсъ дополнительнаго класса реальныхъ училищъ), а также объяснительнымъ запискамъ къ нимъ. Отступленіемъ отъ программы 1913 г. является лишь внесеніе въ эту книгу трехъ отдѣловъ, не указанныхъ программой, а именно обзоровъ: 1) общественнаго строя Московской Руси (§§ 63—68), 2) развитія Верховной власти въ теченіе Императорскаго періода (§§ 85, 86), 3) церковной политики XVIII—XIX в.в. (§§ 102—103). Впрочемъ, послѣдняя охарактеризована лишь постольку, поскольку она представляетъ собою завершеніе процессовъ, обозначившихся еще въ Московской Руси; иными словами, поскольку она касается отношеній государства къ Церкви и положенія старообрядцевъ. Отношеніе же законодательства къ сектантству, инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ не разсмотрѣно, такъ какъ изложеніе этихъ спеціальныхъ вопросовъ значительно увеличило бы объемъ книги.

При составленіи предлагаемаго курса авторъ стремился къ тѣмъ же цѣлямъ, какъ и при работѣ надъ своей «Русской исторіей» (пособіе для средней школы и самообразованія), а именно, онъ старался использовать важнѣйшую научную литературу, придать изложенію строгую послѣдовательность и тѣсно связать между собою отдѣльныя части курса.

Значительная часть этой книги написана за-ново, другая—заимствована изъ «Русской исторіи», при чемъ заимствуемый матеріалъ иногда перепечатывался безъ измѣненій, иногда же подвергался суще-

ственной переработкѣ сообразно требованіямъ программы и указаніямъ г.г. рецензентовъ. Особенно цѣнными для автора были замѣчанія Н. П. Покотило («Педагогическій сборникъ» 1913—1914 г.г.), г. Вернадскаго («Русская Мысль», апрѣль 1914 г.) и нынѣ покойнаго А. Г. Воронова (рецензія, представленная Учебному Комитету Вѣд. учр. Императрицы Маріи).

Выпуская въ свѣтъ эту книгу, авторъ ждетъ новыхъ указаній и приметъ ихъ съ величайшей благодарностью.

Относительно объема книги авторъ позволяетъ себѣ высказать слѣдующее. Самый характеръ *дополнительнаго* и повторительнаго курса, по мнѣнію автора, исключаетъ возможность *краткости*. Вѣдь этотъ курсъ имѣетъ своей цѣлью отнюдь не простое повтореніе пройденнаго въ среднихъ классахъ, но и *дополненіе* знаній учащихся, ознакомленіе ихъ съ новыми выводами исторической науки. При краткомъ изложеніи такая цѣль едва ли достижима. Поэтому, быть можетъ, будетъ цѣлесообразнѣе, если, при недостаткѣ времени, учащіеся получатъ *обстоятельныя дополнительныя* свѣдѣнія хотя бы *не* по всѣмъ отдѣламъ Русской исторіи, чѣмъ если они пройдутъ *цѣльный*, но *краткій* повторительный курсъ, мало углубляющій ихъ прежнія знанія. Руководствуясь указанными соображеніями, авторъ старался разобрать съ достаточной полнотой по возможности *всѣ* вопросы, поставленные программой, предоставляя самимъ г.г. преподавателямъ дѣлать сокращенія (хотя бы въ видѣ пропуска цѣлыхъ параграфовъ и главъ), если они окажутся необходимыми. Конечно, не предназначаются для заучиванія подробности, вынесенныя въ мелкій шрифтъ или заключенныя въ скобки, а также нѣкоторыя статьи законовъ и статистическія данныя, приводимыя лишь для подтвержденія тѣхъ или иныхъ основныхъ положеній.

Въ заключеніе авторъ считаетъ своимъ долгомъ выразить глубокую благодарность Д. К. Лаврентьеву за его цѣнныя указанія въ области нѣкоторыхъ разбираемыхъ въ этой книгѣ юридическихъ вопросовъ.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Петроградъ, Эртелевъ, 13.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Кіевская Русь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Страна и населеніе.

СТРАН.

§ 1. Физическія условія Восточно-европейской равнины и ихъ вліяніе на исторію ея обитателей 1
§ 2. Населеніе 6

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Главныя племена и области русскихъ славянъ.

§ 3. Восточно-славянскія племена и ихъ бытъ 10
§ 4. Переходъ родового и племенного быта въ задружно-общинный и волостной 11

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Возникновеніе государственнаго порядка.

§ 5. Утвержденіе княжеской власти 13
§ 6. Вопросъ о призваніи князей 15
§ 7. Попытки объединенія Кіевской Руси 21

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Политическій строй Кіевской Руси послѣ Ярослава Мудраго.

§ 8. Порядокъ княжескаго владѣнія Русской землей 23
§ 9. Вѣче и князь 27
§ 10. Управленіе и судъ 34

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Общественный строй Кіевской Руси.

§ 11. Дружина княжеская 38
§ 12. Городское и сельское населеніе 39
§ 13. Холопы 41

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Экономическое состояніе Кіевской Руси и исторія ея упадка.

СТРАН.
§ 14. Промышленность 42
§ 15. Торговля 43
§ 16. Упадокъ экономическаго и политическаго значенія Приднѣпровской Руси . 46

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Церковь и просвѣщеніе.

§ 17. Распространеніе христіанства 49
§ 18. Установленіе церковной іерархіи 52
§ 19. Устройство Русской Церкви при Ярославѣ и его преемникахъ 55
§ 20. Просвѣщеніе 59

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Характеристика южно-русскаго князя и заключеніе.

§ 21. Характеристика южно-русскаго князя 61
§ 22. Заключеніе 63

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Удѣльная Владимірская Русь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Происхожденіе удѣльныхъ порядковъ.

§ 23. Заселеніе края 65
§ 24. Великія и удѣльныя княжества Сѣверо-Восточной Руси 67

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Характеристика Удѣльнаго періода.

§ 25. Наслѣдственный порядокъ княжескаго владѣнія 68
§ 26. Управленіе и судъ 70
§ 27. Общественный строй 72
§ 28. Хозяйственный бытъ 76
§ 29. Вліяніе татарской власти на образованіе характерныхъ чертъ Удѣльнаго періода 78

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Церковь и просвѣщеніе въ Удѣльные вѣка.

§ 30. Церковь 80
§ 31. Просвѣщеніе 83

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

§ 32. Характеристика Сѣверо-Восточнаго князя 84

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Литовская Русь.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Образованіе Литовской Руси и унія Литвы съ Польшей.

СТРАН.
§ 33. Образованіе Литовской Руси 87
§ 34. Слѣдствія уніи 1386 г. 89

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Общая характеристика политическаго строя Литовско-Русскаго государства.

§ 35. Положеніе князя 92
§ 36. Положеніе областей Литовской Руси 94

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Сословія Литовской Руси.

§ 37. Паны 95
§ 38. Шляхта 95
§ 39. Сельское населеніе 97
§ 40. Городское населеніе; промышленность и торговля 99

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Политическій строй Литовской Руси.

§ 41. Строй управленія 102
§ 42. Сеймы 104
§ 43. Законы 105

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Вліяніе Польши.

§ 44. Подготовленіе и установленіе Люблинской уніи 106
§ 45. Подготовленіе и установленіе церковной уніи 108

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Борьба русскаго населенія съ вліяніемъ Польши.

§ 46. Отношеніе западно-русскаго православнаго населенія къ польскому вліянію до церковной уніи 1596 г. 110
§ 47. Отношеніе западно-русскаго православнаго населенія къ польскому вліянію послѣ уніи 1596 г. 112

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Московская Русь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Объединеніе Русской земли, народа и государства подъ властью Московскаго Государя, царя, великаго князя и самодержца всея Руси.

СТРАН.

§ 48. Введеніе 115

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Характеристика московскихъ государей.

§ 49. Укрѣпленіе московскаго самодержавія въ XVI в. 119
§ 50. Національнистическая и политическая идеологія XVI в. 122
§ 51. Отношеніе московскихъ государей XVI в. къ національнистической и политической идеологіи 126
§ 52. Царская власть въ эпоху Смуты XVII в. 129
§ 53. Теорія царской власти въ XVII в. 133

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Территоріальный ростъ Московскаго государства.

§ 54. Завершеніе объединенія Великороссіи 136
§ 55. Оборона и расширеніе границъ. 139
§ 56. Колонизація Поволжья и Сибири, типы колонизаціи: народная и государственная 147

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Внутреннее состояніе Московскаго государства.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Государственный строй.

§ 57. Царь 155
§ 58. Боярская дума 156
§ 59. Земскій соборъ 160
§ 60. Приказы 167
§ 61. Мѣстное управленіе и судъ 170
§ 62. Законодательство 174

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Общественный строй.

§ 63. Общія замѣчанія 179
§ 64. Служилое сословіе. Его высшій слой—боярство 180
§ 65. Служилое сословіе. Средній и низшій его разряды 184
§ 66. Крестьянство. Владѣльческіе крестьяне 190
§ 67. Крестьянство. Черносошные крестьяне 200
§ 68. Посадскіе люди 201

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Экономическое состояніе Русскаго государства въ Московскій періодъ.

стран.

§ 69. Преобладаніе натуральнаго хозяйства 204
§ 70. Торговля и промышленность въ XVI и первой половинѣ XVII в. 205
§ 71. Экономическая политика XVII в. 207

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Церковь и просвѣщеніе.

§ 72. Ересь жидовствующихъ 211
§ 73. Монастырское землевладѣніе 212
§ 74. Отношеніе Церкви къ государству 215
§ 75. Происхожденіе церковнаго раскола 219
§ 76. Просвѣщеніе 232
§ 77. Заключеніе 243

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Россійская Имперія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Образованіе и ростъ Россійской Имперіи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Общій обзоръ преобразованій Петра Великаго.

§ 78. Происхожденіе реформы Петра Великаго. Связь между внѣшней и внутренней политикой Петра 245
§ 79. Характеристика преобразованій въ связи съ личностью Петра Великаго . 247

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Территоріальный ростъ Имперіи въ XVIII и XIX вѣкахъ.

§ 80. Расширеніе русскихъ владѣній на сѣверо-западѣ и западѣ 254
§ 81. Восточный вопросъ 261
§ 82. Тройственный и двойственный союзы; вооруженный миръ 271
§ 83. Расширеніе русскихъ владѣній на Кавказѣ и въ Средней Азіи 275
§ 84. Колонизація въ Императорскій періодъ 278

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Внутреннее состояніе Россійской Имперіи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Государственный строй.

§ 85. Верховная власть. Титулъ и законы о престолонаслѣдіи 280
§ 86. Верховная власть. Опредѣленіе ея существа въ законодательствѣ 283
§ 87. Высшія государственныя учрежденія въ XVIII вѣкѣ 291

стран.

§ 88. Высшія государственныя учрежденія съ начала XIX вѣка до нашего времени 297
§ 89. Мѣстныя учрежденія, правительственныя и общественныя, до реформъ Императора Александра II 304
§ 90. Мѣстныя учрежденія, правительственныя и общественныя, со времени реформъ 60-хъ г.г. 311
§ 91. Кодификація 319

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Общественный строй Россійской Имперіи и сословныя реформы.

§ 92. Положеніе сословій въ эпоху Петра Великаго 325
§ 93. Положеніе дворянства и крестьянства въ эпоху ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго и Императрицы Екатерины II 328
§ 94. Положеніе дворянства и крестьянства въ царствованія императоровъ Павла I, Александра I и Николая I 335
§ 95. Крестьянская реформа 1861 г. и послѣдующія узаконенія о крестьянахъ 340
§ 96. Городское состояніе 346

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Развитіе военныхъ и морскихъ силъ.

§ 97. Армія и флотъ до введенія всеобщей воинской повинности 348
§ 98. Всеобщая воинская повинность и другія преобразованія арміи и флота во второй половинѣ XIX в. 354

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Успѣхи экономическаго развитія Россійской Имперіи. Финансы и ихъ исторія.

§ 99. Сельско-хозяйственная дѣятельность 360
§ 100. Промышленность и торговля 363
§ 101. Финансы и ихъ исторія 372

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Церковная политика XVIII—XIX в.в.

§ 102. Святѣйшій Правительствующій Синодъ 380
§ 103. Отношеніе правительства къ старообрядцамъ 389

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Главные успѣхи русскаго просвѣщенія въ XVIII—XIX в.в.

§ 104. Зарожденіе свѣтской школы 395
§ 105. Попытки обоснованія системы общаго образованія на принципахъ западно-европейской педагогики 401
§ 106. Созданіе цѣльной системы народнаго просвѣщенія и ея судьба въ первой половинѣ XIX в. 404
§ 107. Успѣхи русскаго просвѣщенія во второй половинѣ XIX в. 409

Приложеніе. Краткій списокъ важнѣйшихъ трудовъ по русской исторіи . . . 413

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Кіевская Русь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Страна и населеніе.

§ 1. Физическія условія Восточно-европейской равнины и ихъ вліяніе на исторію ея обитателей.

Общія замѣчанія.

Природа страны, по словамъ проф. Ключевскаго, представляетъ собою ту «силу, которая держитъ въ своихъ рукахъ колыбель каждаго народа». Эта сила обусловливаетъ самую возможность перехода населенія отъ косныхъ формъ *до-историческаго быта* къ *историческому развитію*, опредѣляетъ темпъ цивилизаціи, налагаетъ свой отпечатокъ на народную психологію. Однако, содѣйствуя своими благопріятными условіями культурнымъ успѣхамъ человѣчества, природа даетъ послѣднему оружіе противъ самой себя: вѣдь чѣмъ цивилизованнѣе становятся люди, тѣмъ успѣшнѣе подчиняютъ они себѣ природу, тѣмъ искуснѣе преодолѣваютъ ея напасти и пользуются ея дарами. Значитъ, воздѣйствіе физическихъ условій особенно проявляется лишь въ *первые* вѣка историческаго существованія народа. Въ Россіи оно сильнѣе всего сказалось въ Кіевскій и Удѣльный періоды, но давало себя знать и въ послѣдующее время. Поэтому для пониманія многихъ характерныхъ чертъ русской исторіи необходимо ознакомиться съ особенностями Восточной Европы.

Особенности Восточной Европы.

Главная ея особенность—однообразіе формы поверхности: Восточная Европа представляетъ собою огромную равнину, лишь слегка приподнятую внутри, гдѣ выступаютъ невысокія плоскогорья или гряды холмовъ. Эта равнина покрыта превосходною рѣчною сѣтью. Важнѣйшія рѣки, большинство которыхъ беретъ начало у подножія Валдайской возвышенности, очень извилисты и имѣютъ много притоковъ, такъ что ихъ бассейны, широко развѣтвляясь, охватывая

громадныя пространства и прорѣзывая равнину въ разныхъ направленіяхъ, почти соприкасаются другъ съ другомъ, чѣмъ облегчается сообщеніе между ними. Къ тому же главныя рѣки бассейновъ, по большей части, полноводны и судоходны, такъ какъ находятъ неизсякаемыя средства питанія въ массѣ озеръ, въ обширныхъ болотахъ, въ таяніи снѣговъ и въ обильныхъ атмосферныхъ осадкахъ.

По характеру почвы Восточная Европа дѣлится на три полосы: сѣверную область суглинка, среднюю—черноземную и южную—солончаковую; по характеру растительности на два пояса: лѣсной и степной, составляющій непосредственное продолженіе азіатскихъ пустынь.

Указанныя особенности страны имѣли сильное вліяніе на жизнь ея обитателей. Обширная привольная равнина давала большой просторъ для поселеній; величественныя рѣки и зимой и лѣтомъ служили лучшими путями сообщенія и направляли колонизацію; страна обладала немалыми почвенными, растительными и зоологическими богатствами. Все это, въ связи съ умѣреннымъ климатомъ, не знающимъ особенно рѣзкихъ переходовъ въ направленіи отъ Сѣвера къ Югу, казалось, должно было лишь благопріятствовать цивилизаціи обитателей Восточной Европы.

Значеніе черноморской степи.

Однако упомянутыя особенности заключали въ себѣ и такія условія, которыя задерживали восточно-европейскую цивилизацію, и такія, которыя придавали ей своеобразный характеръ. Важнѣйшее изъ первыхъ—незащищенность страны: равнина не даетъ своимъ обитателямъ той естественной защиты, какою въ гористыхъ странахъ являются горные хребты. Особенную опасность по своей незащищенности представляла южная, черноморская степь, соединявшая Восточную Европу съ Азіей. Эта степь, по словамъ проф. Ключевскаго, была «столбовой дорогой, которою черезъ Урало-Каспійскія ворота хаживали въ Европу изъ глубины Азіи страшные гости»... Выбрасываемые изъ-за Урала въ силу различныхъ причинъ, потоки кочевниковъ устремлялись въ черноморскія степи, временно располагались здѣсь и потомъ быстро уносились или покорялись вновь нахлынувшими ордами. Часто смѣняясь, эти кочевники въ большинствѣ случаевъ не успѣвали достигнуть цивилизаціи. Понятно, что восточнымъ, т. е. русскимъ, славянамъ степняки не оставляли никакого культурнаго наслѣдія, а лишь задерживали ихъ развитіе. Въ этомъ отношеніи восточные славяне при своемъ разселеніи по равнинѣ очутились, какъ замѣчаетъ проф. Ключевскій, «въ географической и международной обстановкѣ, совсѣмъ не похожей на ту, въ какую нѣсколько раньше попали ихъ арійскіе родичи», начавшіе новую исторію Западной Европы. Ареной историческаго выступленія послѣднихъ была Римская имперія, покоренная ими, но въ то же время и покорявшая ихъ своей высокой культурой. «Восточные славяне, напротивъ, увидѣли себя на безконечной равнинѣ... среди

сосѣдей, чуждыхъ по происхожденію и низшихъ по развитію, у которыхъ нечѣмъ было позаимствоваться и съ которыми приходилось постоянно бороться»: борьба съ ними, стоившая огромныхъ жертвъ, красною нитью проходитъ почти черезъ всю русскую исторію; до XV в. русскіе, большею частью, вынуждены были отступать подъ напоромъ кочевниковъ, сниматься съ насиженныхъ мѣстъ; затѣмъ, окрѣпнувъ, они перешли въ наступленіе и пядь за пядью освояли безпокойную степь, заселяли ее.

Такимъ образомъ борьба со степняками побуждала русскихъ къ переселеніямъ. Эти переселенія, облегчаемыя равнинностью страны и рѣчною сѣтью, въ свое время не разъ спасали русскихъ отъ истребленія врагами, но тормазили цивилизацію: на новыхъ мѣстахъ приходилось приспособляться къ новымъ условіямъ жизни, вновь добиваться тѣхъ культурныхъ успѣховъ, которые раньше были уже достигнуты. Дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, бытъ восточныхъ славянъ значительно видоизмѣнялся по мѣрѣ ихъ передвиженій по Восточно-европейской равнинѣ и заселенія ея. Поэтому, слѣдуя проф. Ключевскому, и русскую исторію нужно дѣлить на періоды въ зависимости отъ того, въ какой части Восточно-европейской равнины сосредоточивалась главная масса русскаго населенія, и гдѣ находился центръ русской жизни.

Періоды эти слѣдующіе:

Періоды русской исторіи

1) Съ VIII до XIII в. главная масса русскаго населенія жила на верхнемъ и среднемъ Днѣпрѣ съ его притоками и на линіи Волхова — Ловати. Политическимъ центромъ въ это время былъ Кіевъ. Это—Днѣпровскій или Кіевскій періодъ русской исторіи.

2) Съ XIII до середины XV в. большинство русскаго населенія сосредоточивалось въ области верхней Волги съ ея притоками, около Новгорода и въ Приднѣстровскомъ краѣ. Одного политическаго центра въ это время не было: Русская земля была раздроблена на разобщенныя между собою части. Это такъ называемый Удѣльный періодъ русской исторіи.

3) Съ половины XV до начала XVIII вѣка русское населеніе изъ области верхней Волги распространялось на югъ и востокъ по донскому и средне-волжскому чернозему, углублялось въ степи, уже нѣсколько обезопасенныя къ этому времени отъ кочевниковъ, и расходилось по всей Восточно-европейской равнинѣ и за ея предѣлы. Политическимъ центромъ въ эту эпоху была Москва, собравшая подъ своею властью почти всѣ области съ русскимъ населеніемъ, почему и указанный періодъ называется Московскимъ.

4) Съ начала XVIII вѣка политическій центръ русскаго государства перемѣстился въ Петербургъ (нынѣшній Петроградъ), сдѣлавшійся столицею Россійской Имперіи. Съ этого времени можно начинать Петербургскій или Императорскій періодъ русской исторіи.

Изъ изложеннаго видно, что незащищенность Восточно-европейской равнины, особенно въ ея южной части, являлась причиной *частой смѣны пришлыхъ народовъ, врывавшихся въ черноморскія степи*, и *неустойчивости поселеній восточныхъ славянъ*. Послѣдняя же обусловила своеобразную періодизацію русской исторіи. Далѣе, та же незащищенность страны выдвинула на первый планъ необходимость *внѣшней обороны*, сдѣлала ее *важнѣйшей политической задачей* для русскаго народа. Самая открытая область—южная степь—оказалась какъ бы злой феей русской исторіи: сперва она, какъ сказано, грозила чуть не безпрерывными вражескими нашествіями, задерживавшими и искажавшими мирное развитіе Руси, затѣмъ стала пристанищемъ «вольныхъ, гулящихъ» людей, бѣжавшихъ отъ установившагося государственнаго порядка и готовыхъ перевернуть его вверхъ дномъ. Иными словами, степь питала противогосударственныя, центробѣжныя силы.

Значеніе рѣчной сѣти.

Совсѣмъ другое вліяніе оказывали русскія рѣки. Правда, способствуя колонизаціи, онѣ разсѣивали населеніе, но въ то же время поддерживали тѣсную, живую связь между колонизаціоннымъ центромъ и окраинами и являлись такимъ образомъ силой центростремительной. Бассейнъ средняго и верхняго Днѣпра съ его естественнымъ продолженіемъ къ сѣверу, образуемымъ линіей Ловати и Волхова, былъ колыбелью *восточныхъ* славянъ: здѣсь и обитали первоначально ихъ племена. Указанныя рѣки не только поили и кормили обитателей своихъ береговъ, но и вывели ихъ изъ до-историческаго періода ихъ жизни. Именно, по этимъ рѣкамъ шелъ «великій водный путь» или «путь изъ Варягъ въ Греки», которымъ велась оживленная торговля между страной Норманновъ и Византійской имперіей. Восточные славяне приняли дѣятельное участіе въ этой торговлѣ, и она совершенно измѣнила ихъ бытъ: ниже мы увидимъ, что торговые интересы способствовали сближенію отдѣльныхъ племенъ, что именно торговля, обусловленная, главнымъ образомъ, рѣчной сѣтью Приднѣпровской Руси, въ значительной степени содѣйствовала происхожденію и развитію Кіевскаго княжества. Правда, послѣднее не сохранило своего единства: центробѣжныя силы возобладали въ немъ надъ центростремительными. Оно сперва раздробилось между нѣсколькими князьями, затѣмъ подъ напоромъ кочевниковъ лишилось своего торговаго и политическаго значенія, сильно опустѣло, разгромлено было татарами, и, наконецъ, изъ-подъ татарской власти перешло на долгое время въ подданство Литвы, а потомъ Польши.

Однако, когда убѣгавшее отъ всѣхъ этихъ невзгодъ русское населеніе стало отливать изъ Приднѣпровской Руси, оно опять-таки нашло въ родныхъ рѣкахъ надежныхъ путеводительницъ: по нимъ шло оно въ болѣе безопасную Сѣверо-восточную или Верхне-Волжскую Русь, по нимъ разселялось. Несомнѣнно, что время коло-

низаціи Верхне-Волжскаго края—эпоха наибольшей раздробленности Руси: политическая обособленность удѣловъ осложнялась еще экономическою разобщенностью, такъ какъ въ это время почти повсемѣстно, за исключеніемъ Новгородской земли, преобладало натуральное хозяйство. Но такая раздробленность не могла продолжаться слишкомъ долго; въ преодолѣніи ея не малую роль сыграли снова благопріятныя особенности русской рѣчной сѣти: взаимная близость рѣчныхъ бассейновъ и сосѣдство истоковъ важнѣйшихъ рѣкъ. Первая особенность—«не позволяла размѣщавшимся по нимъ частямъ населенія обособляться другъ отъ друга, поддерживала общеніе между ними, подготовляла народное единство и содѣйствовала государственному объединенію страны» (слова проф. Ключевскаго). Вторая особенность обозначила центръ этого объединенія: онъ обозначился невдалекѣ отъ Алаунскаго плоскогорья, представлявшаго собою, по словамъ проф. Ключевскаго, «узловой пунктъ рѣчной сѣти нашей страны». Здѣсь «образовался сборный пунктъ переселенческаго движенія съ Юго-Запада», «здѣсь завязался и политическій узелъ»: именно въ этомъ краю стало возвышаться Московское государство. Причины его возвышенія заключались не только въ разумной и настойчивой работѣ потомковъ Калиты, но и въ выгодныхъ географическихъ условіяхъ Москвы, среди которыхъ не малое значеніе имѣли рѣки. «Государственная сила, пишетъ проф. Ключевскій, основавшись въ области истоковъ главныхъ рѣкъ равнины, естественно стремилась расширить сферу своего владычества до ихъ устьевъ, по направленію главныхъ рѣчныхъ бассейновъ, двигая и населеніе, необходимое для ихъ защиты. Такъ, центръ государственной территоріи опредѣлился верховьями рѣкъ, окружность—ихъ устьями, дальнѣйшее разселеніе—направленіемъ рѣчныхъ бассейновъ. На этотъ разъ наша исторія пошла въ достаточномъ согласіи съ естественными условіями: рѣки во многомъ начертали ея программу».

Преобладаніе задачъ внѣшней обороны надъ другими, какъ слѣдствіе физическихъ особенностей Восточной Европы.

Выполненіе этой программы не мало затруднялось вышеупомянутою особенностью страны—ея незащищенностью. Изъ-за нея русскимъ государямъ, сковывавшимъ и расширявшимъ свою державу, приходилось почти непрерывно вести борьбу на три фронта: не только на югѣ — со степняками-татарами, а затѣмъ покровительствовавшими имъ турками, но еще на сѣверо-западѣ со шведами, и на западѣ— съ Польско-Литовскимъ государствомъ, которое во время татарскаго владычества надъ Русью успѣло отторгнуть отъ нея нѣсколько областей. Эта борьба, какъ уже сказано, стала важнѣйшей національной задачей внѣшней политики, получившей свое полное разрѣшеніе лишь въ Императорскій періодъ. Понятно, что такая задача, рѣшавшаяся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, вызывала огромное напряженіе военныхъ силъ государства, надолго превратила его какъ бы въ вѣчно мобилизованный лагерь, надолго дала перевѣсъ военнымъ потребностямъ надъ всѣми другими. Послѣднее обстоятельство, какъ

увидимъ ниже, наложило извѣстный отпечатокъ на государственный и, особенно, общественный строй Россіи, развивъ въ ней сильную центральную власть и на продолжительное время прикрѣпивъ классы общества къ опредѣленнымъ обязанностямъ, при чемъ такое прикрѣпленіе по своей идеѣ преслѣдовало прежде всего удовлетвореніе военныхъ нуждъ.

Въ предшествующемъ изложеніи вкратцѣ намѣчено, какое вліяніе могла оказывать природа Восточно-европейской равнины на жизнь ея обитателей, какими своими особенностями она содѣйствовала и какими—препятствовала ихъ цивилизаціи, какія задачи и затрудненія ставила имъ. Умѣніе приспособляться ко всѣмъ особенностямъ родной природы, пользоваться благопріятными условіями, преодолѣвать неблагопріятныя, справляться съ затрудненіями, рѣшать сложныя задачи, наконецъ, умѣніе создать на незащищенной равнинѣ сильное государство, которое съ первыхъ вѣковъ своего существованія играло великую всемірно-историческую роль, служа щитомъ для Европы противъ Азіи, колонизаторомъ пустынныхъ восточныхъ пространствъ и культурнымъ посредникомъ между Западомъ и Востокомъ, все это составляетъ огромную заслугу русскаго народа. Изученіе его созидательной работы и составитъ предметъ дальнѣйшаго изложенія. Но такъ какъ русскіе были не первыми и не единственными обитателями Восточной Европы, то прежде, чѣмъ приступать къ ихъ исторіи, отвѣтимъ на слѣдующіе три вопроса: 1) когда впервые заселена была Восточная Европа, 2) какіе исторически-извѣстные народы обитали въ ней до выступленія на исторической аренѣ восточныхъ славянъ, 3) когда появились здѣсь славяне и въ сообществѣ съ кѣмъ жили они?

§ 2. Населеніе.

Древнѣйшіе обитатели Восточной Европы.

Свѣдѣнія о самомъ древнемъ, первобытномъ населеніи Восточно-европейской равнины почерпаются исключительно изъ изученія матеріала, добываемаго при раскопкахъ и представляющаго собою предметы изъ кости, дерева и, главнымъ образомъ, *камня*. Каменныя орудія весьма различны какъ по своей выдѣлкѣ, такъ и по предназначенію. Древнѣйшія изъ нихъ сдѣланы изъ совсѣмъ необработаннаго или только грубообработаннаго камня и предназначены исключительно для занятій охотой и рыболовствомъ. Болѣе поздніе орудія отличаются извѣстнымъ совершенствомъ выдѣлки и приспособлены, повидимому, для земледѣлія и скотоводства.

Въ зависимости отъ усовершенствованія орудій и измѣненій въ жизни пользовавшагося ими населенія, эпоху каменнаго вѣка раздѣляютъ въ наукѣ на два періода: палеолитическій (древне-каменный и неолитическій (ново-каменный). Стоянокъ палеолитической культуры въ Восточной Европѣ найдено мало (изъ нихъ очень интересна

Кіевская стоянка), зато весьма многочисленны остатки неолитической культуры, обнаруживаемые преимущественно въ области рѣчныхъ бассейновъ.

Вмѣстѣ съ позднѣйшими орудіями неолитическаго періода при раскопкахъ встрѣчаются также металлическія произведенія. Это показываетъ, что каменная культура постепенно переходила въ металлическую, и что издѣлія первой долго уживались съ продуктами второй.

Большинство металлическихъ издѣлій относится уже къ историческому времени, т. е. къ той эпохѣ, когда въ Восточно-европейской равнинѣ обитало не первобытное населеніе, а позднѣйшіе исторически-извѣстные народы. Поэтому возможно съ достаточной вѣроятностью вычислить, сколь древни произведенія металлической культуры и тѣ каменные предметы, которые раскапываются вмѣстѣ съ ними. Гораздо труднѣе опредѣлить древность палеолитическихъ и раннихъ неолитическихъ орудій, выдѣланныхъ задолго до ознакомленія людей съ металломъ. Примѣняемые для этого способы, большею частью, очень не точны. При помощи одного изъ нихъ вычислено, что, напр., каменныя издѣлія, найденныя въ 1878 г. на южномъ берегу Ладожскаго озера, насчитываютъ 80—90 вѣковъ существованія. Итакъ, на первый поставленный нами вопросъ мы можемъ отвѣтить лишь предположительно: Восточная Европа была впервые заселена примѣрно за 8 тысячъ лѣтъ до нашего времени. Древнѣйшими ея обитателями являлись люди «каменнаго вѣка», о бытѣ которыхъ можно составить нѣкоторое представленіе лишь по раскопкамъ.

Раскопки издѣлій болѣе поздняго, чѣмъ каменный вѣкъ, времени служатъ также драгоцѣннымъ матеріаломъ для сужденій о послѣдующихъ, неоднократно смѣнявшихъ другъ друга обитателяхъ Восточной Европы. Однако сколько-нибудь отчетливыя свѣдѣнія о нихъ можно имѣть только въ томъ случаѣ, когда археологическій матеріалъ (т. е. матеріалъ, даваемый раскопками) дополняется опредѣленными историческими извѣстіями. А самыя раннія изъ такихъ извѣстій относятся къ половинѣ перваго тысячелѣтія до Р. Х.

Первые исторически-извѣстные обитатели Восточной Европы.

Именно, въ греческихъ источникахъ этого времени встрѣчаются упоминанія о цѣломъ рядѣ колоній, основанныхъ греками въ VII, VI и V в. до Р. Х. на сѣверномъ побережьѣ Чернаго и Азовскаго морей (къ ихъ числу относятся, напр., Ольвія, Пантикапей, Фанагорія, Танаисъ, Херсонесъ). Значитъ, греки-колонисты были первыми *исторически*-извѣстными обитателями нашей страны. Кромѣ грековъ, на черноморскомъ побережьѣ обитали и другія этническія (т. е. народныя) группы: такъ, на западѣ колонисты встрѣтились съ ѳракійскими племенами; на востокѣ жили предки нынѣшнихъ кавказскихъ народовъ; къ сѣверу отъ колоній широко раскинулись поселенія скиѳовъ. Границами ихъ страны были: Карпаты и нижній Дунай на западѣ, Черное и Азовское моря на югѣ и Донъ на востокѣ; сѣверная граница шла приблизительно по 52° сѣверной широты.

По извѣстіямъ древнихъ писателей (особенно Геродота) и по раскопкамъ кургановъ можно составить довольно ясное представленіе о бытѣ скиѳовъ. Гораздо труднѣе рѣшается вопросъ о томъ, къ какому племени принадлежали они. Объ этомъ было много споровъ въ наукѣ. Въ послѣднее время, благодаря изученію нѣкоторыхъ сохранившихся остатковъ скиѳскаго языка (главнымъ образомъ, собственныхъ именъ), большинство ученыхъ признало, что скиѳы принадлежали къ иранской группѣ.

Начиная съ IV вѣка до Р. Х., могущество скиѳовъ стало клониться къ упадку, и господствующее положеніе въ степяхъ постепенно заняли родственные скиѳамъ по происхожденію и по образу жизни сарматы (обитавшіе ранѣе къ востоку отъ нижняго Дона). Они дѣлились на нѣсколько народцевъ: язиговъ, роксалановъ, алановъ и др. (Потомки алановъ и донынѣ живутъ на сѣверномъ Кавказѣ, называясь теперь осетинами).

Древнѣйшія поселенія славянъ, литовцевъ и финновъ.

Въ то время, какъ южная степная полоса Восточно-европейской равнины занята была народами иранскаго происхожденія (скиѳами и сарматами), въ центральной ея части издавна обитали тѣ племена, которыя разрослись впослѣдствіи въ главное ея населеніе,—именно, славяне, литовцы и финны.

Славяне и литовцы (два наиболѣе родственныхъ между собою по происхожденію народа) жили первоначально только въ западной части Восточно-европейской равнины. Именно, ихъ поселенія занимали четыреугольникъ, имѣвшій приблизительно слѣдующія границы: Висла на западѣ, Балтійское море на сѣверѣ, среднее теченіе Днѣстра и Днѣпра на югѣ и бассейнъ Днѣпра (исключая восточные его притоки) на востокѣ. Литовцы населяли сѣверную его часть—балтійское юго-восточное побережье и земли между Нѣманомъ и Западною Двиною до истоковъ Припяти и Днѣпра, а славяне—остальное его пространство. Здѣсь-то и находилась европейская прародина славянъ. Отсюда они стали съ теченіемъ времени разселяться, разбившись на нѣсколько группъ и образовавъ впослѣдствіи нѣсколько народовъ. Когда и откуда появились славяне въ указанномъ краю, очень трудно сказать: древніе писатели были мало знакомы съ ними (въ упоминаемыхъ Геродотомъ сѣверныхъ сосѣдяхъ скиѳовъ—неврахъ, разселившихся по берегамъ Припяти и частью по Деснѣ, нѣкоторые ученые видятъ славянъ; латинскіе писатели I вѣка по Р. Х. называли прибалтійскихъ славянъ венедами или венетами; у византійскихъ историковъ VI вѣка встрѣчается уже названіе славяне, но въ примѣненіи къ западнымъ славянамъ, восточные же зовутся антами). Однако можно думать, что въ западной части Восточно-европейской равнины славяне и литовцы поселились еще до Р. Х.

Къ востоку отъ славянъ на громадномъ пространствѣ обитали финскія племена. Границы ихъ поселеній можно прослѣдить по географическимъ названіямъ, главнымъ образомъ по названіямъ русскихъ

рѣкъ, многія изъ которыхъ несомнѣнно финскаго происхожденія. Такъ, финны занимали весь бассейнъ Волги, простираясь на западъ до Днѣпра (почти всѣ лѣвые его притоки носятъ финскія названія). Они заселяли такимъ образомъ сѣверную и центральную части нынѣшней Россіи.

Населеніе южной части равнины въ первые вѣка по Р. Х.

Въ первые вѣка по Р. Х. составъ населенія южной части Восточно-европейской равнины видоизмѣнился. Господство надъ степями перешло къ народу германскаго происхожденія—готамъ. Первоначально готы обитали по сосѣдству со славянами въ области нижней Вислы. Отсюда они въ концѣ II вѣка стали переселяться на югъ, занявъ пространство отъ нижняго Дуная до Дона. Въ серединѣ IV вѣка могущественнѣйшему изъ остготскихъ королей Германариху была подвластна значительная часть Восточно-европейской равнины. Однако, готская держава не отличалась сплоченностью и въ томъ же IV вѣкѣ распалась подъ натискомъ дикаго и воинственнаго народа тюркомонгольской или урало-алтайской расы —гунновъ, около 375 года появившихся у низовьевъ Днѣпра и представлявшихъ собою первую страшную волну того опустошительнаго потока кочевниковъ, который, какъ выше упоминалось, наводнялъ нашу степь.

За гуннами послѣдовали изъ Азіи новыя тюркскія орды: такъ, въ VI в. въ степи вторглись авары (обры), поселившіеся затѣмъ въ Средне-дунайской равнинѣ, откуда они громили Византію и «примучивали» окрестныхъ славянъ.

Съ VII вѣка на югѣ Восточно-европейской равнины прочно утвердились хозары (смѣшанный угорско-тюркскій народъ, кочевавшій прежде у Каспійскаго моря) и на нѣкоторое время преградили доступъ въ степи новымъ ордамъ. Однако смѣна народовъ въ степяхъ не закончилась хозарами. Въ IX в. сюда проникли венгры (финскаго племени), вытѣсненные потомъ печенѣгами, за которыми двинулись узы или торки; затѣмъ оба эти народа въ половинѣ XI вѣка были покорены половцами, которые въ свою очередь въ XIII в. подчинились татарамъ. Изъ всѣхъ перечисленныхъ кочевниковъ нѣкоторой цивилизаціи достигли лишь хозары, господствовавшіе въ степяхъ въ VII, VIII и IX в.в.

Подъ вліяніемъ евреевъ и арабовъ, проникшихъ въ степи изъ Закавказья, хозары сдѣлались преимущественно торговымъ народомъ. Ихъ столица Итиль (въ низовьяхъ Волги, недалеко отъ нынѣшней Астрахани) обратилась въ первостепенный рынокъ, привлекавшій разноплеменныхъ купцовъ.

Не менѣе значительную торговлю велъ другой народъ (тюркскаго племени), обитавшій между Волгой и Камой,—болгары [1]). Столицей

[1]) Болгары нѣкогда входили въ составъ гунскаго царства и жили въ прикавказскомъ краю. Въ началѣ VII вѣка ихъ орда распалась. Часть ихъ осталась на сѣверномъ Кавказѣ подъ названіемъ черныхъ болгаръ; часть двинулась къ сѣверу на Волгу и Каму; остальные устремились на западъ и подчинили себѣ нѣкоторыхъ славянъ, колонизовавшихъ къ этому времени берега Дуная.

ихъ былъ важный торговый городъ «Великій Булгаръ», расположенный на Волгѣ.

Большую роль въ предпріятіяхъ хозаръ и болгаръ играли восточные славяне. Они составляли часть славянскаго народа, который къ VII вѣку успѣлъ значительно расширить мѣста своего жительства по сравненію съ первоначальной своей прародиной и раздѣлился на три группы: южныхъ, западныхъ и восточныхъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Главныя племена и области русскихъ славянъ.

§ 3. Восточно-славянскія племена и ихъ бытъ.

Толчкомъ къ разселенію славянъ изъ ихъ европейской прародины (стр. 8) послужило передвиженіе ихъ сосѣдей, особенно усилившееся въ эпоху великаго переселенія народовъ. Съ уходомъ части славянъ за Вислу и за Карпаты въ Восточной Европѣ остались *восточные* славяне. Территорія, занимаемая ими въ VIII—IX вѣкахъ, была уже довольно обширной.

Восточные славяне жили въ это время, главнымъ образомъ, по линіи Волхова — Днѣпра, простираясь на востокѣ до верховьевъ Оки и Волги, а на западѣ до Карпатъ и верховьевъ Западной Двины. Они дѣлились на нѣсколько племенъ, разселившихся по бассейнамъ рѣкъ. [Именно: славяне ильменскіе обитали по Волхову и озеру Ильменю; кривичи — по верховьямъ Днѣпра, Западной Двины и Волги; дреговичи — между Припятью и Двиною; радимичи — по Сожѣ; поляне — на правомъ берегу средняго Днѣпра; сѣверяне — на лѣвомъ берегу средняго Днѣпра, достигая на востокѣ верховьевъ Оки; далѣе на Окѣ жили вятичи; древляне — къ югу отъ Припяти между поселеніями сѣверянъ, полянъ, дреговичей и дулѣбовъ (называвшихся также волынянами и бужанами), обитавшихъ по верховьямъ Западнаго Буга; уличи — между нижнимъ Днѣпромъ и Южнымъ Бугомъ; тиверцы — между Днѣстромъ и Дунаемъ. Поселенія сѣверянъ и уличей распространялись и въ бассейнъ Донца]. Незаселенная славянами часть Восточной Европы занята была литовцами, обитавшими у Балтійскаго моря и по бассейну Западной Двины и Нѣмана, финнами, по прежнему занимавшими сѣверъ и центръ равнины, но нѣсколько подавшимися подъ напоромъ славянъ на востокъ, болгарами и хозарами.

Въ до-историческій періодъ своего существованія восточные славяне жили родовымъ бытомъ. Ихъ племена слагались изъ обособленныхъ родовъ, т. е. союзовъ людей, которые были соединены кровною связью, безпрекословнымъ подчиненіемъ старѣйшему и культомъ общаго бога-предка — Рода, Щура или Чура, владѣли общимъ имуществомъ и обязаны были слѣдовать обычаю кровной мести. Степень

культурности разныхъ племенъ была неодинакова (лѣтописецъ противопоставляетъ, напр., полянъ древлянамъ). Различія въ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ въ значительной степени зависѣли отъ хозяйственной дѣятельности того или другого племени. Большинство населенія первоначально занималось преимущественно добывающей промышленностью, отличавшейся въ то время нерасчетливымъ характеромъ: восточные славяне быстро истощали богатства природы и должны были искать новыхъ мѣстъ для охоты, рыбной ловли и пчеловодства. Значитъ, частыя передвиженія восточныхъ славянъ объяснялись не только незащищенностью ихъ страны, но и тою важною ролью, которую играла добывающая промышленность въ ихъ экономической жизни. Скотоводство, также очень распространенное у нѣкоторыхъ племенъ, въ свою очередь способствовало передвиженіямъ. Напротивъ, земледѣліе, постепенно развивавшееся все болѣе и болѣе нѣсколько сдерживало этотъ разбродъ, привязывая населеніе къ опредѣленному обрабатываемому участку земли. Впрочемъ, земледѣльческое хозяйство въ то время носило гораздо болѣе подвижной характеръ, чѣмъ теперь: земли не удобрялись, а засѣивались только до тѣхъ поръ, пока давали урожай; потомъ онѣ забрасывались, и хозяйство переносилось на другой участокъ.

Со времени утвержденія въ черноморскихъ степяхъ хозаръ, поставившихъ въ нѣкоторую зависимость отъ себя часть восточно-славянскихъ племенъ, послѣднія, какъ уже упоминалось, приняли очень дѣятельное участіе въ торговлѣ, обмѣнивая свое сырье (напр., мѣха, медъ и воскъ) на обработанные продукты. Велась торговля преимущественно въ двоякомъ направленіи: на востокѣ — съ азіатскими, особенно арабскими, купцами, съѣзжавшимися въ «Великомъ Булгарѣ» и въ Итилѣ, и по великому водному пути — съ Византіей. На этомъ пути восточные славяне сталкивались съ варягами, встрѣчая въ послѣднихъ не только сотоварищей по торговлѣ, но и воинственныхъ соперниковъ: сѣвернымъ племенамъ восточныхъ славянъ не разъ приходилось отражать варяжскіе набѣги.

Упомянутые экономическіе успѣхи восточныхъ славянъ (именно, развитіе земледѣлія и торговли), достигнутые ими въ VIII—IX в. в., значительно ускорили процессъ разложенія ихъ родового и племенного быта, способствуя переходу послѣдняго въ задружно-общинный и волостной.

§ 4. Переходъ родового и племенного быта въ задружно-общинный и волостной.

Еще при разселеніи славянъ въ области Днѣпра родовыя связи стали ослабѣвать. Въ лѣсистой мѣстности (берега Днѣпра въ то время были покрыты лѣсомъ) трудно было селиться цѣлыми родами; приходилось выбирать участки, удобные для хозяйства, и размѣщаться

небольшими группами. Вслѣдствіе этого прежній родъ распадался на свои составныя части — семьи. Съ теченіемъ времени семья снова разросталась въ большую семейную общину. Въ нее могли входить и другіе члены, не связанные съ нею узами кровнаго родства, напр., зятья (мужья дочерей), усыновленные и совершенно посторонніе люди, получившіе разрѣшеніе «приселиться». Иногда ради хозяйственныхъ интересовъ такая разросшаяся семья вступала въ тѣсное общеніе съ другой сосѣдской семьей. Такимъ образомъ вмѣсто прежнихъ союзовъ, связанныхъ кровными узами, получались союзы другого характера, члены которыхъ были объединены не исключительно родствомъ, но и сосѣдскими, хозяйственными и имущественными интересами, а именно тѣмъ, что они работали на одной землѣ, частью которой они сообща владѣли. Такіе союзы, извѣстные подъ названіемъ «задругъ», и донынѣ существуютъ у нѣкоторыхъ балканскихъ славянъ. У восточныхъ славянъ эти общины назывались обыкновенно вервями. Во главѣ общины стоялъ избранный старшина—большакъ или хозяинъ. Власть его не походила на власть прежнихъ родовладыкъ: она была сильно ограничена, и всѣ важнѣйшія дѣла рѣшались на совѣщаніяхъ представителей (обыкновенно, отцовъ) семей, входившихъ въ составъ общины.

Общины разростались въ деревни и села, гдѣ населеніе жило въ мирное время. На случай нападенія враговъ строились городища, т. е. защищенныя рвомъ и валомъ и огороженныя частоколомъ мѣста. Нѣкоторыя изъ нихъ заполнялись только въ военное время, а въ мирное стояли пустыми; другія мало-по-малу получали постоянное населеніе и обращались въ города. Появленіе городовъ оказало важное вліяніе на распорядокъ жизни восточныхъ славянъ.

Уже самая постройка укрѣпленныхъ мѣстъ, если они предназначались для обороны обширнаго округа, должна была связывать взаимными интересами членовъ различныхъ общинъ, независимо отъ того, были ли онѣ въ родствѣ или нѣтъ, принадлежали ли къ одному племени или къ разнымъ. Связь эта еще болѣе усилилась, когда съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія славянской торговли, города получили не только военное, но и торговое значеніе. Они становились тогда средоточіемъ цѣлаго округа, цѣлой области, жители которой сбывали въ нихъ свои продукты и такимъ образомъ были связаны съ ними хозяйственными интересами. А экономическая связь съ городомъ объединяла между собой всѣхъ окрестныхъ жителей независимо отъ того, въ составъ какого племени входили они. Поэтому границы области, во главѣ которой стоялъ торговый городъ, не соотвѣтствовали границамъ, занятымъ прежде извѣстнымъ племенемъ. Такъ, напр., Новгородъ постепенно дѣлался средоточіемъ не только ильменскихъ славянъ, но и части кривичей; Кіевъ — полянъ, древлянъ и части дреговичей и т. д. Вслѣдствіе этого племенныя различія восточныхъ славянъ съ теченіемъ времени стали ослабѣвать, и они начали дѣлиться уже не по своей принадлежности къ какому-нибудь

опредѣленному племени (напр. полянъ, сѣверянъ и т. д.), а по своему жительству въ опредѣленной области или «волости», напр., Кіевской, Смоленской, Новгородской и т. д. Процессъ перехода племенного быта въ волостной совершался, конечно, постепенно, но начало этого процесса относится, вѣроятно, къ VIII вѣку, когда у восточныхъ славянъ существовали уже значительные города, напр., Новгородъ, Смоленскъ, Черниговъ, Любечъ, Кіевъ и друг.

По мѣрѣ возвышенія города надъ областью, усиливалось также значеніе той власти, которая управляла городскими дѣлами. Такой властью было вѣче. На немъ такъ же, какъ и на общинныхъ совѣщаніяхъ, участвовали не всѣ обыватели, а обычно только главы семей горожанъ; особеннымъ же вліяніемъ на вѣчѣ пользовались богатые купцы — «старцы градскіе».

Постановленіямъ вѣчевыхъ собраній большихъ городовъ повиновалось не только сельское населеніе тѣхъ областей, во главѣ которыхъ стояли они, но обыкновенно и городское населеніе маленькихъ городковъ—такъ называемыхъ «пригородовъ», зависѣвшихъ отъ большихъ. Кромѣ власти вѣча, жители нѣкоторыхъ областей издавна подчинялись и *племеннымъ* князьямъ.

Изъ изложеннаго видно: 1) что въ VIII—IX в. в. родовой и племенной бытъ восточныхъ славянъ переходилъ въ задружно-общинный и волостной, 2) что восточные славяне занимали въ это время опредѣленную, довольно обширную территорію, раздѣлявшуюся на нѣсколько областей, во главѣ которыхъ стояли города, управляемые вѣчами и находившіеся въ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ иноземными странами. Итакъ, къ IX в. восточные славяне достигли извѣстной цивилизаціи, перешли изъ до-историческаго періода своей жизни въ историческій.

Начальнымъ моментомъ исторіи восточныхъ славянъ принято считать появленіе у нихъ княжеской власти не прежняго племеннаго, а новаго, *государственнаго* характера.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Возникновеніе государственнаго порядка.

§ 5. Утвержденіе княжеской власти.

Варяжскія дружины.

Возникновеніе государственнаго порядка у восточныхъ славянъ стояло въ тѣсной связи съ развитіемъ ихъ торговли.

Чѣмъ шире развивалась торговля, тѣмъ яснѣе сознавалась необходимость устройства особыхъ военныхъ дружинъ, которыя защищали бы города и обороняли торговые караваны во время далекаго пути отъ нападеній и грабежей какъ соотечественниковъ, такъ и внѣшнихъ враговъ. Опасность со стороны послѣднихъ начала грозить

съ IX вѣка, когда хозарская держава, охранявшая ранѣе Восточно-европейскую равнину отъ нашествій кочевыхъ ордъ, стала слабнуть подъ напоромъ печенѣговъ, и они, пробившись черезъ хозарскія владѣнія, заняли то степное пространство, по которому шли торговые пути восточныхъ славянъ.

Итакъ, торговые интересы вызывали необходимость образованія военныхъ дружинъ. Онѣ набирались изъ разнаго люда. Въ IX вѣкѣ (а также и въ послѣдующее время вплоть до половины XI) въ такія дружины во множествѣ поступали норманны, пользовавшіеся репутаціей искусныхъ купцовъ и смѣлыхъ воиновъ.

Эти норманны, прозываемые у восточныхъ славянъ варягами, въ IX вѣкѣ (а можетъ быть и еще ранѣе) появились на великомъ водномъ пути, подобно тому, какъ и на западно-европейскихъ рѣкахъ (на Эльбѣ, Рейнѣ, Сенѣ и др.). Какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Восточной они промышляли торговлей, военной службой и грабежомъ. Но, поступая на службу, они рѣдко довольствовались ролью простыхъ наемниковъ: предводители варяжскихъ дружинъ иногда подчиняли себѣ города, въ которыхъ служили, утверждали въ нихъ свое господство.

Путемъ захвата власти и возникли въ IX вѣкѣ въ славянскихъ областяхъ варяжскія княжества. (Весьма возможно, что въ нѣкоторыхъ городахъ власть захватывалась славянскими, а не варяжскими дружинниками, или въ нихъ по разнымъ причинамъ усиливалось значеніе прежнихъ племенныхъ князей). Въ народной памяти сохранились имена нѣсколькихъ князей IX вѣка, напр. Рюрика, правившаго въ Новгородѣ, Трувора—въ Изборскѣ, Синеуса—на Бѣломъ озерѣ, Аскольда и Дира—въ Кіевѣ.

Кіевское (Русское) княжество.

Первенствующее значеніе изъ всѣхъ княжествъ получило Кіевское, основанное въ землѣ полянъ, которая стала называться Русью. (Первоначально названіе Русь принадлежало, повидимому, варяжской дружинѣ, захватившей власть надъ полянами, затѣмъ перешло на полянскую землю, а по мѣрѣ присоединенія къ ней другихъ областей восточныхъ славянъ стало распространяться и на нихъ).

Пользуясь исключительною выгодою географическаго положенія Кіева и опираясь на свою сильную варяжскую дружину, русскіе—кіевскіе князья очень скоро достигли большого могущества: съ IX в. они стали совершать смѣлые набѣги (упоминаемые въ византійскихъ и арабскихъ источникахъ) на побережье Чернаго моря (которое получило названіе «Русскаго» моря) и даже на Царьградъ и объединять подъ своею властью славянскія области и племена. (Съ подчиненіемъ Кіеву падала зависимость послѣднихъ отъ хозаръ, и съ X вѣка ея уже не стало [1]).

[1]) Память о прежней зависимости отъ хозаръ сказывалась, между прочимъ, въ томъ, что кіевскіе князья именовались иногда каганами, т. е. носили титулъ хозарскихъ вождей, властвовавшихъ въ былое время надъ южными племенами восточныхъ славянъ.

Къ половинѣ X вѣка почти всѣ земли, населенныя восточными славянами, и нѣкоторыя финскія оказались подъ главенствомъ Кіевскаго княжества. Но ихъ зависимость отъ Кіева была весьма различна. Можно указать слѣдующіе виды ея: 1) Нѣкоторыя области были только союзными съ Кіевскимъ княжествомъ и обязаны были помогать ему во время войны; въ своей же внутренней жизни пользовались полной самостоятельностью и имѣли собственныхъ князей. 2) Другія отличались отъ первыхъ тѣмъ, что платили дань кіевскимъ властителямъ. 3) Третьи управлялись князьями, посаженными изъ Кіева. 4) Четвертыя находились подъ непосредственнымъ управленіемъ кіевскаго князя и его намѣстниковъ.

Итакъ, Кіевская (Русская) держава первоначально представляла собою лишь совокупность отдѣльныхъ областей или княжествъ, весьма разнообразно, иногда очень слабо и призрачно связанныхъ въ политическомъ отношеніи съ Кіевомъ. Она объединялась не столько политическою, сколько торговою связью. Подобно тому, какъ въ свое время торговля притягивала къ городамъ различныя племена, точно также и въ X вѣкѣ она сплачивала съ самымъ важнымъ торговымъ городомъ—Кіевомъ—разнородныя области. Понятно поэтому, что первая забота кіевскихъ князей заключалась въ укрѣпленіи этой связи и въ развитіи главной связующей силы—торговли. Князья заботились объ этомъ вмѣстѣ со своей дружиной.

Изъ изложеннаго видно, что съ IX—X в.в. въ землѣ восточныхъ славянъ рядомъ съ исконнымъ вѣчевымъ строемъ развивался княжеско-дружинный строй. Новые князья получали несравненно большее значеніе, чѣмъ прежніе племенные князьки.

Вотъ тѣ общія соображенія, которыя могутъ быть высказаны объ образованіи Русскаго государства. Соображенія эти остаются только догадками, такъ какъ достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ: разсказъ о началѣ Руси, приводимый въ лѣтописи, является лишь легендой, породившей множество споровъ въ наукѣ.

§ 6. Вопросъ о призваніи князей.

О происхожденіи Русскаго государства лѣтописецъ-составитель «Повѣсти временныхъ лѣтъ» [1]) разсказываетъ слѣдующее:

Лѣтописное сказаніе.

«Въ лѣто 6367 (отъ сотворенія міра) пришли Варяги изъ-за моря и брали дань съ Чуди (финское племя) и со Славянъ (ильменскихъ),

[1]) Эта «Повѣсть» дошла до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, лучшимъ изъ которыхъ признается Лаврентьевскій. Она составлена въ 1116-мъ году игуменомъ Михайловскаго Выдубицкаго монастыря (въ Кіевѣ) Сильвестромъ. Сильвестръ былъ только составителемъ, а отнюдь не авторомъ «Повѣсти»: онъ лишь перерабатывалъ и дополнялъ болѣе древніе лѣтописные своды. Эти послѣдніе не дошли до насъ въ своемъ непосредственномъ видѣ, но могутъ быть приблизительно возстановлены на основаніи анализа текста Сильвестровой повѣсти и сличенія его съ текстами дру-

съ Мери, Веси (финскія племена) и Кривичей, а Хозары брали дань съ Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей. Въ лѣто 6370 (т. е. 862-мъ г. отъ Р. Х.) славянскія и финскія племена прогнали Варяговъ за море и перестали платить имъ дань и стали управляться сами собою; но не было у нихъ правды: родъ возсталъ на родъ, и были у нихъ усобицы, и воевали они другъ съ другомъ. Тогда сказали они другъ другу: «поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по правдѣ». И пошли за море къ варягамъ Руси. (Такъ назывались эти варяги—Русь, какъ другіе называются Свеи (Шведы), другіе—Урмане (Норвежцы), другіе Англяне (Англы, жившіе въ то время въ Шлезвигѣ), другіе Готе (вѣроятно, жители Ютландскаго полуострова). И сказали Чудь, Славяне, Кривичи и Весь Руси: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; приходите княжить и владѣть нами». И были выбраны три брата съ родомъ ихъ; они взяли съ собою всю Русь и пришли. Старшій братъ Рюрикъ сѣлъ княжить въ Новгородѣ, второй—Синеусъ на Бѣлоозерѣ, третій—Труворъ въ Изборскѣ. Отъ этихъ Варяговъ прозвалась Русская земля».

Норманская теорія.

Итакъ, лѣтописецъ считаетъ основателями Русскаго государства князей, призванныхъ изъ какого-то заморскаго племени Русь, отъ котораго произошло будто бы и самое названіе Русской земли. При перечисленіи славянскихъ племенъ онъ не называетъ этого племени а помѣщаетъ его посреди норманскихъ народовъ:—шведовъ, норвежцевъ, готовъ (датчанъ)[1]) и англовъ. Вслѣдствіе этого большинство ученыхъ, разбиравшихъ разсказъ лѣтописца, выводили изъ него заключеніе, что начало Русскому государству положено «норманскимъ племенемъ Русь». Эти ученые получили названіе норманистовъ или представителей норманской школы.

гихъ лѣтописей (главнымъ образомъ, новгородскихъ). Именно, современная историческая наука полагаетъ, что первый кіевскій лѣтописный сводъ (такъ называемый Древнѣйшій) составленъ былъ около 1039 года, когда окончена была постройка Св. Софіи въ Кіевѣ и вполнѣ установлена кіевская митрополія. Вѣроятно, онъ и вырабатывался при митрополичьемъ дворѣ или при церкви Св. Софіи, какъ каѳедральномъ соборѣ митрополита. Черезъ нѣкоторое время лѣтописаніе перешло въ Печерскій монастырь, иноки котораго занялись дополненіемъ и переработкой Древнѣйшаго свода. Такъ возникъ въ 1073 году первый Печерскій сводъ, надъ которымъ трудился іеромонахъ Никонъ. Этотъ сводъ впослѣдствіи былъ продолженъ, а въ 1095 году игуменомъ Иваномъ составленъ былъ второй Печерскій сводъ, извѣстный подъ названіемъ Начальнаго кіевскаго свода и имѣющій *общерусскій* характеръ, такъ какъ онъ представляетъ собою соединеніе перваго Печерскаго свода съ лѣтописями, составлявшимися въ другихъ русскихъ городахъ и, главнымъ образомъ съ первымъ Новгородскимъ сводомъ. Этотъ послѣдній является въ свою очередь переработкой Древнѣйшаго кіевскаго свода, который былъ дополненъ новгородскими извѣстіями, почерпнутыми изъ мѣстныхъ народныхъ преданій и первоначальной новгородской лѣтописи. Начальный кіевскій сводъ, переработанный и продолженный Несторомъ, послужилъ основаніемъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», изъ которой исходили всѣ позднѣйшіе лѣтописные своды.

[1]) Очевидно, что подъ названіемъ «готы» лѣтописецъ разумѣетъ не древнихъ готовъ, а именно жителей Ютландскаго полуострова—датчанъ.

Къ числу ихъ относятся наиболѣе выдающіеся русскіе историки, напр., Шлецеръ, Карамзинъ, Погодинъ, Куникъ, Соловьевъ, Ключевскій и друг. Подтвержденіе своей теоріи норманисты находятъ не только въ указанномъ разсказѣ, но и въ цѣломъ рядѣ иностранныхъ свидѣтельствъ, важнѣйшія изъ которыхъ слѣдующія:

1) Въ такъ называемой Бертинской лѣтописи упоминается, что въ 839 г. къ Людовику Благочестивому прибыло, вмѣстѣ съ греческимъ посольствомъ, нѣсколько человѣкъ, которые называли свое племя Русью, а своего царя Хаканомъ; когда же относительно ихъ было произведено дознаніе, то оказалось, что они *шведскаго* происхожденія.

2) Ломбардскій писатель X в. Ліутпрандъ при перечисленіи сѣверныхъ народовъ указываетъ «нѣкій народъ, который греки, по его наружности, называютъ Руссами (русыми, т. е. рыжими), а итальянцы, по его мѣстожительству, зовутъ норманнами, т. е. сѣверными людьми».

3) Византійскій императоръ—писатель X в.—Константинъ Багрянородный приводитъ названія Днѣпровскихъ пороговъ на двухъ языкахъ: по-русски и по-славянски. «Русскія» названія (Ессупи, Ульворси, Геландри, Ейфаръ, Варуфоросъ, Леанти, Струвунъ) по своимъ корнямъ принадлежатъ къ германскимъ языкамъ; напротивъ того, соотвѣтствующія имъ «славянскія» (Островунипрахъ, Неясыть, Вулнипрахъ, Веруци, Напрези) могутъ быть произведены отъ славянскихъ корней. Изъ этого заключаютъ, что древнее племя Русь, говорившее «русскимъ» языкомъ, было не славянскимъ, а германскимъ, въ частности скандинавскимъ народомъ.

4) Имена первыхъ русскихъ князей—Рюрикъ, Аскольдъ, Труворъ, Игорь, Олегъ—очень похожи на норманскія имена.

Антинормани-сты.

Хотя норманская теорія основана на очень опредѣленныхъ свидѣтельствахъ, тѣмъ не менѣе она вызвала много возраженій, и среди историковъ можно насчитать не мало противниковъ ея, извѣстныхъ подъ названіемъ антинормани стовъ. Уже Ломоносовъ старался опровергнуть норманскую теорію, но серьезной критикѣ подвергли ее, главнымъ образомъ, Гедеоновъ, Иловайскій, а въ послѣднее время Бильбасовъ, Пархоменко и проф. Багалѣй. Дружно нападая на норманскую школу, антинорманисты, однако, очень не единодушны въ своихъ толкованіяхъ лѣтописнаго разсказа. Одни изъ нихъ считаютъ, что русскіе князья призваны не изъ скандинавскаго (норманскаго) племени, а изъ какого-нибудь другого. Такъ, напр., нѣкоторые ученые пытались доказать, что родину первыхъ князей слѣдуетъ искать въ странѣ прибалтійскихъ славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря, или же на островѣ Рюгенѣ, который назывался Ругіей или Рузіей (съ этимъ названіемъ ставится въ связь имя Русь). Другіе антинорманисты вовсе отрицаютъ призваніе князей изъ иноземнаго племени Русь, считая лѣтописный разсказъ объ этомъ про-

Городского библиотека

стой легендой, и утверждаютъ, что племя Русь было славянскимъ и искони обитало въ южной части Восточно-европейской равнины.

Важнѣйшіе доводы антинорманистовъ (преимущественно второй группы) сводятся къ слѣдующему:

1) Лѣтописный разсказъ о призваніи князей не можетъ считаться убѣдительнымъ, потому что, по всей вѣроятности, онъ представляетъ собою такую же легенду, какъ и другія фантастическія преданія о происхожденіи разныхъ государствъ. Дѣйствительно, разсказъ о призваніи «трехъ братьевъ изъ-за моря» по своему характеру похожъ на сказку. Кромѣ того, онъ очень напоминаетъ преданіе изъ исторіи саксовъ, написанной западно-европейскимъ средневѣковымъ писателемъ Видукиндомъ († ок. 1000 г.).

2) Ни одинъ историческій источникъ, кромѣ лѣтописи, не упоминаетъ объ основаніи норманскими выходцами государства въ странѣ восточныхъ славянъ. Равнымъ образомъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ указаній на мѣстожительство племени Русь до его призванія къ славянамъ.

3) Допущеніе факта призванія приводитъ къ существеннымъ недоумѣніямъ. Трудно повѣрить лѣтописцу, что славянскія и финскія племена, только что прогнавъ варяговъ, снова зовутъ ихъ и добровольно отдаются подъ чужеземную власть. Далѣе, если призванная Русь была только княжеской дружиной, то трудно понять, какимъ образомъ могла она въ короткое время подчинить своему владычеству почти всѣ племена восточныхъ славянъ. Если же она была цѣлымъ многолюднымъ племенемъ, то неясно, почему ни въ религіи восточныхъ славянъ, ни въ ихъ обычаяхъ, ни въ языкѣ не замѣтно сильнаго русскаго (норманскаго) вліянія, а напротивъ есть указаніе на то, что призванная Русь очень быстро ославянилась. Непонятно также и то, что лѣтописецъ, разсказавъ о призваніи Руси сѣверными славянскими племенами, въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи называетъ Русью именно южное племя—полянъ, употребляя для другихъ племенъ ихъ прежнія названія.

4) Иностранныя свидѣтельства, въ которыхъ Русь называется норманскимъ племенемъ, можно объяснить тѣмъ, что иностранцы смѣшивали славянскую Русь и норманновъ, такъ какъ эти два народа часто дѣйствовали сообща. Если же предположить близкія сношенія ихъ, то легко понять и заимствованіе русскими славянами кое-какихъ норманскихъ словъ (напр., именъ князей, названій днѣпровскихъ пороговъ и т. д.), а также и то, что въ извѣстныхъ случаяхъ норманны выступали какъ бы представителями Русской земли (см. извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей).

Итакъ, по мнѣнію антинорманистовъ, ни на основаніи лѣтописнаго разсказа, ни на основаніи иностранныхъ свидѣтельствъ нельзя заключать о тождествѣ Руси и норманновъ, тѣмъ болѣе, что имѣются извѣстія, которыя прямо говорятъ противъ него. Важнѣйшія изъ

нихъ слѣдующія два: а) Арабскій писатель второй половины IX вѣка Ибнъ-Хордадбехъ, разсказывая о торговлѣ русскихъ купцовъ, называетъ ихъ принадлежащими къ *славянскому* племени; б) въ житіи Св. Кирилла, первоучителя славянскаго, сообщается, что онъ, прибывъ въ г. Херсонесъ (въ Крыму), нашелъ тамъ «евангеліе и псалтирь, написанныя *русскими* письменами, и человѣка, глаголюща тою бесѣдою». Кириллъ познакомился съ этимъ человѣкомъ и скоро научился и русскому языку, и письменамъ. Разсказываемое въ этомъ житіи относится къ болѣе раннему времени, чѣмъ призваніе князей, а значитъ, русскій-херсонесецъ не могъ быть однимъ изъ пришедшихъ вмѣстѣ съ князьями изъ племени Русь. Кромѣ того, если упоминаемыя въ житіи «русскія» письмена и «русская» бесѣда обозначаютъ какой-нибудь изъ *норманскихъ*, а не славянскихъ языковъ, то мало вѣроятно, чтобы Кириллъ въ короткое время могъ усвоить ихъ.

Такимъ образомъ относительно племени Русь въ наукѣ существуютъ разнообразныя толкованія: одни ученые считаютъ это племя пришлымъ, сѣвернымъ, норманскимъ; другіе—туземнымъ, южнымъ, славянскимъ [1]).

Толкованія названія «варяги»

Разнорѣчивы толкованія и другого термина, которымъ лѣтописецъ обозначаетъ призванное племя, именно названія «варяги». По мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, оно является синонимомъ слова «норманны»; другіе утверждаютъ, что варягами назывались всѣ обитатели Балтійскаго поморья (а значитъ, и прибрежные славяне); наконецъ, третьи считаютъ, что подъ «варягами» разумѣлись военныя дружины, составленныя изъ людей разноплеменнаго происхожденія. Самое слово «варягъ» (встрѣчающееся у византійскихъ писателей XI вѣка въ формѣ «варангъ» и въ скандинавскихъ народныхъ пѣсняхъ того же вѣка въ формѣ «веринтъ») толкуется различно изъ корней разныхъ языковъ.

Впрочемъ, въ настоящее время въ наукѣ все же преобладаетъ взглядъ, что варяги были именно норманнами, и что они играли очень важную роль въ образованіи Русскаго государства. Происхожденіе послѣдняго обыкновенно объясняется захватомъ власти наемной дружиной (стр. 14). Преданіе же о такомъ захватѣ власти

[1]) Въ послѣднее время проф. Багалѣй и Пархоменко независимо другъ отъ друга вновь выдвигаютъ теорію Черноморско-Азовской или Пріазовской, Тмутараканской Руси, къ которой они и относятъ древнѣйшія упоминанія о Руси, заключающіяся въ памятникахъ первой половины IX в. (житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго). По мнѣнію Пархоменко (въ передачѣ академика Шахматова, Журн. Мин. Нар. Пр. 1914, Августъ), эта Пріазовская Русь была потомкомъ антовъ, славянскаго племени, поселившагося на нижнемъ теченіи Дона и у Азовскаго моря еще въ VI в. и оттертаго затѣмъ отъ прочаго славянства въ приморскій сѣверно-кавказскій уголъ (Тмутаракань). Культурный ростъ этой Руси предшествовалъ возвышенію Кіева (она получила изъ Византіи христіанство будто бы уже въ концѣ IX в.). Съ теченіемъ времени политическое и культурное значеніе переходитъ къ Кіеву, заимствующему отъ Азовской Руси и свое имя «Русь» и свою культуру—прежде всего христіанство.

призванной на службу дружиной, дошедшее до лѣтописца, могло быть истолковано имъ именно въ смыслѣ добровольнаго призванія князей. Это тѣмъ болѣе естественно, что онъ писалъ уже въ то время, когда потомки варяговъ считались законными русскими государями.

Итакъ, вопросъ объ образованіи Русскаго государства въ странѣ восточныхъ славянъ разрѣшается лишь предположительно. Предположеніями приходится ограничиваться и при рѣшеніи вопроса о происхожденіи названія Русской земли. Они сводятся къ слѣдующему.

Толкованія названія «Русь».

Славяне называли норманновъ не только варягами, но также и Русью или Руссами, заимствовавъ это названіе у финновъ, на языкѣ которыхъ слово Ruotsi обозначало шведовъ. Изъ финскаго языка восточные славяне взяли вообще не мало собственныхъ именъ (напр., названій рѣкъ, озеръ и проч.), а заимствовать имя Руси они могли тѣмъ естественнѣе, что финны были именно той посредствующей средой, черезъ которую проникали норманны въ земли славянъ. Подъ именемъ «Русь» они были извѣстны и на сѣверѣ, и на югѣ страны восточныхъ славянъ. Однако на сѣверѣ это названіе не перешло на туземное славянское населеніе, такъ какъ норманны не смѣшивались съ малокультурными сѣверными славянскими и финскими племенами и, захватывая власть надъ ними, довольствовались сборомъ дани съ нихъ. Главная масса норманновъ, не засиживаясь подолгу на сѣверѣ, устремлялась на югъ, гдѣ кипѣла торговая жизнь. Здѣсь, въ Кіевской области, норманны-варяги, извѣстные также подъ именемъ Русь, входили въ тѣсныя сношенія съ мѣстными жителями, участвовали въ общихъ предпріятіяхъ, смѣшивались съ ними и основали въ ихъ странѣ государство. Поэтому имя «Русь» перешло и на славянъ, обитавшихъ по среднему теченію Днѣпра, а затѣмъ и на другихъ [1]).

Принимая во вниманіе сказанное, легко объяснить противорѣчивыя свидѣтельства о Руси иностранцевъ, одни изъ которыхъ называютъ ее норманскимъ племенемъ, а другіе помѣщаютъ ее на югѣ. Объ употребленіи же термина «Русь» составителемъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» можно высказать слѣдующее:

Когда названіе «Русь» сдѣлалось обозначеніемъ днѣпровскихъ славянъ, за пришлыми норманнами утвердилось окончательно наименованіе «варяги». Первоначальное значеніе Руси съ теченіемъ времени, быть можетъ, было даже забыто, сохранившись только въ древнихъ преданіяхъ. Имя и воспользовался, вѣроятно, составитель Повѣсти. Именно, съ одной стороны онъ зналъ древнее славянское сказаніе о призваніи князей изъ племени варяговъ, съ другой сто-

[1]) Переходъ названія пришлаго народа на туземный встрѣчается не только у восточныхъ славянъ. Такъ, напримѣръ, и дунайскіе славяне прозвались болгарами по имени пришлаго народа.

роны ему было извѣстно, что и названіе «Русь» идетъ отъ нихъ. Сопоставивъ это, онъ и передѣлалъ первоначальное сказаніе въ томъ смыслѣ, что князья были призваны изъ варяговъ-Руси. Въ дальнѣйшемъ же своемъ изложеніи онъ употреблялъ имя Русь въ современномъ ему смыслѣ, т. е. обозначалъ имъ по преимуществу полянъ.

Легендарный элементъ лѣтописнаго повѣствованія о первыхъ кіевскихъ князьяхъ.

Лѣтопись не даетъ также достовѣрныхъ извѣстій о первыхъ кіевскихъ князьяхъ, правившихъ до X вѣка. Основателями Кіева она считаетъ трехъ братьевъ: Кія, Щека и Хорива. Очевидно, имена эти вымышлены съ цѣлью объяснить происхожденіе географическихъ названій: Кіева, Щековицы и Хоревицы. Весьма скудны также свѣдѣнія лѣтописца о двухъ варягахъ-дружинникахъ: Аскольдѣ и Дирѣ, которые вокняжились въ Кіевѣ, когда тамъ вымерло будто бы потомство Кія, и предприняли смѣлый, но неудачный походъ на Царьградъ. Болѣе подробно разсказываетъ лѣтопись объ Олегѣ—опекунѣ Рюрикова сына Игоря,—княжившемъ въ Кіевѣ въ концѣ IX и началѣ X вѣковъ и пришедшемъ сюда изъ Новгорода. Самое существованіе этого князя не подлежитъ никакому сомнѣнію, но извѣстія о его личности и дѣятельности разукрашены многочисленными легендами. Поэтому въ лѣтописный разсказъ о немъ слѣдуетъ внести цѣлый рядъ поправокъ. 1) Трудно повѣрить, что Олегъ былъ опекуномъ Игоря: по счету лѣтописца, онъ княжилъ свыше 30 лѣтъ. Не могъ же Игорь все это время считаться несовершеннолѣтнимъ. Слѣдовательно, на Олега нужно смотрѣть, какъ на самостоятельнаго князя. 2) Едва ли объединеніе славянскихъ земель шло изъ Новгорода, такъ какъ, судя по тому, что въ послѣдующее время Новгородъ платилъ дань Кіеву, гораздо правдоподобнѣе заключить, что покореніе племенъ славянскихъ начато было кіевскими, а не новгородскими князьями. 3) Мало вѣроятно, что Олегъ въ одинъ походъ овладѣлъ всѣмъ великимъ воднымъ путемъ, а въ нѣсколько послѣдующихъ — приднѣпровскими землями. Возможно, что дѣятельности одного Олега приписано то, что совершено въ теченіе долгаго времени его предшественниками, имена которыхъ не дошли до насъ.

§ 7. Попытки объединенія Кіевской Руси.

Критическій разборъ лѣтописнаго разсказа приводитъ къ выводу, что въ IX в. въ земляхъ восточныхъ славянъ появилась русская княжеская власть, а уже въ первой половинѣ X в. почти всѣ эти земли были такъ или иначе объединены подъ властью Кіева, первымъ *историческидостовѣрнымъ* княземъ котораго былъ Олегъ. Однако ему не удалось закончить объединенія восточно-славянскихъ племенъ (извѣстно, что, напр., уличи покорены были уже при Игорѣ, а вятичи—только при Святославѣ) и прочно спаять государство своей единой властью: въ

источникахъ, кромѣ Олега, упоминаются «князья, подъ Олегомъ сущіе»—своего рода вассалы, среди которыхъ, вѣроятно, встрѣчались и прежніе племенные вожди. Вообще можно думать, что племенной бытъ еще не совсѣмъ отошелъ въ область прошлаго, что не всѣ племена сплотились въ городскихъ волостяхъ, и что нѣкоторыя изъ нихъ тянули врозь, лишь только княжеская власть почему-либо ослабѣвала. Вспомнимъ, напр., возстаніе древлянъ при Игорѣ, упорную, разукрашенную легендами, борьбу съ ними Ольги, отложеніе отъ Кіева нѣкоторыхъ областей и племенъ и возникновеніе самостоятельныхъ княжествъ (напр., Полоцкаго княжества Роговолода) во время кровавыхъ распрей сыновей Святослава. Правда, Владиміру Св. (980—1015) удалось возстановить единодержавіе, но, въ сущности, оно было неполнымъ: по мѣрѣ того, какъ подрастали сыновья Владиміра, онъ сажалъ ихъ на княженія въ различные города. Онъ надѣялся, что правленіе сыновей, связанныхъ съ нимъ и между собою родственными узами, лучше объединитъ различныя части его владѣній, чѣмъ правленіе княжескихъ намѣстниковъ и зависимыхъ князьковъ. Однако сыновья не всегда довольствовались такою подчиненною ролью, стремились къ самостоятельности и изъ-за этого вступали въ раздоры съ отцомъ и другъ съ другомъ. Такимъ образомъ еще при жизни Владиміра готовы были разразиться усобицы между князьями. Но онѣ разразились только послѣ его смерти и снова привели государство къ временному распаду.

Лишь въ 1036 г. Ярославъ Владиміровичъ, побѣдившій однихъ своихъ братьевъ-соперниковъ и переживший другихъ, сталъ «единовластцемъ» Русской земли и расширилъ ея предѣлы новыми завоеваніями. Единодержавіе Ярослава было послѣднимъ опытомъ объединенія всей Кіевской Руси въ однѣхъ рукахъ.

При Ярославѣ Мудромъ Кіевское княжество находилось въ цвѣтущемъ состояніи. Въ составъ его входили всѣ области, заселенныя восточными славянами (за исключеніемъ княжества Полоцкаго, принадлежавшаго потомкамъ Изяслава, сына Владиміра Св. отъ Рогнѣды Роговолодовны), а также нѣкоторыя финскія земли, такъ что оно охватывало громадное пространство отъ Ладожскаго озера до устьевъ рѣки Роси (праваго притока Днѣпра) и Ворсклы (лѣваго его притока) и отъ устья Клязьмы до верховьевъ Западнаго Буга. Кіевской Руси принадлежала еще Тмутаракань (прежняя греческая колонія Фанагорія, ставшая впослѣдствіи владѣніемъ хозаръ, отъ которыхъ она была отвоевана затѣмъ Святославомъ). Войны Ярослава, въ особенности побѣда его въ 1036 г. надъ печенѣгами, обезопасили на нѣкоторое время Русскую землю отъ нападеній враговъ. Внѣшней силѣ государства соотвѣтствовало внутреннее благосостояніе, обусловливаемое широкимъ развитіемъ торговли. Русь находилась въ тѣсномъ общеніи съ Западной Европой не только благодаря торговлѣ, но и благодаря родственнымъ и дипломатическимъ сношеніямъ Ярослава съ иностран-

ными дворами[1]). Успѣхи христіанства и распространеніе просвѣщенія дѣлали Русь страною культурной. Однако процвѣтаніе ея было очень недолгимъ.

Постепенный упадокъ Кіевской Руси сталъ сказываться вскорѣ послѣ смерти Ярослава. Главными причинами его были, съ одной стороны,—дробленіе Руси на части—области или волости—и междоусобія князей-преемниковъ Ярослава, съ другой стороны—возобновившіяся нападенія на Русскую землю степныхъ кочевниковъ. Эти бѣдствія вели къ ослабленію внѣшней силы Кіевскаго государства и тяжко отзывались на народной жизни. Дробленіе Русской земли[2]), сопровождавшееся усобицами, обусловливалось тѣмъ политическимъ строемъ, который установился въ ней послѣ кончины Ярослава въ 1054 г.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Политическій строй Кіевской Руси послѣ Ярослава Мудраго.

§ 8. Порядокъ княжескаго владѣнія Русской землей.

Дробленіе Кіевской Руси.

Ярославъ, подобно Владиміру, еще при жизни поручилъ своимъ сыновьямъ управленіе нѣкоторыми областями, передъ смертью же произвелъ окончательный раздѣлъ своихъ владѣній. По этому раздѣлу старшій сынъ его Изяславъ получилъ Кіевскую землю (т. е.

---

[1]) Ярославъ былъ въ супружествѣ со шведской принцессой (Ингигердой), сынъ его женатъ на родственницѣ византійскаго императора Константина Мономаха, одна изъ дочерей его Анна—была замужемъ за французскимъ королемъ Генрихомъ I, другая—за королемъ Норвегіи—Гаральдомъ Смѣлымъ. Связи съ иностранными дворами не ограничивались брачными союзами: со многими государями Европы Ярославъ вступалъ въ дипломатическія сношенія, а съ императоромъ Генрихомъ II, еще во время своей борьбы со Святополкомъ, заключилъ формальный союзъ, но не извлекъ изъ него никакой пользы.

[2]) Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній сдѣлаемъ слѣдующія оговорки относительно обозначеній, которыя встрѣтятся въ дальнѣйшемъ: 1) Совокупность всѣхъ земель, входившихъ въ составъ Кіевскаго княжества до его раздѣленія Ярославомъ, будетъ обозначаться названіемъ «Кіевская Русь», «Русская земля» или просто «Русь». 2) Крупныя части Кіевской Руси, образовавшіяся послѣ раздѣленія, будутъ называться «землями», «областями», иногда «княжествами». Слѣдовательно, выраженіе «Кіевская земля», «Кіевская область» или «Кіевское княжество» въ дальнѣйшемъ будетъ употребляться въ смыслѣ округа города Кіева—именно области, заселенной полянами и древлянами. (Приблизительно она соотвѣтствуетъ большей части нынѣшней Кіевской губерніи, восточной половинѣ Волынской, небольшой части Подольской и западнымъ отрѣзкамъ Черниговской и Полтавской). 3) Такъ какъ, по мѣрѣ размноженія членовъ княжескаго рода, земли дробились на болѣе мелкія части, дѣлавшіяся въ свою очередь княжествами, то эти части, въ отличіе отъ «земель», будутъ называться «волостями». Иногда эти волости состояли изъ одного города съ его окрестностями. Напр., въ Кіевской землѣ были волости-города: Вышгородъ, Бѣлгородъ, Торческъ, Каневъ и др.

область, заселенную полянами и древлянами), Турово-Пинскую (расположенную по среднему теченію Припяти) и Новгородско-Псковскую; второй сынъ Святославъ—Черниговскую, часть Сѣверской, Муромскую и Тмутараканьскую; третій — Всеволодъ — Переяславскую и Ростово-Суздальскій край; четвертый сынъ Игорь получилъ Волынскую землю; пятый — Вячеславъ — Смоленскую. Кромѣ сыновей, Ярославу пришлось надѣлить и внука своего—Ростислава (сына Владиміра Ярославича, умершаго ранѣе кончины отца). Ему досталась Галицкая область.

Дробленіе Русской земли не ограничилось указаннымъ раздѣломъ: по мѣрѣ разростанія княжескаго рода, земли Ярославовыхъ сыновей распадались на болѣе мелкія части — «волости», распредѣлявшіяся между ихъ потомками. Это распредѣленіе сопровождалось почти всегда междоусобіями и раздорами князей, такъ что въ теченіе 170 лѣтъ послѣ кончины Ярослава (отъ 1055 до 1225 гг.) было только 90 лѣтъ мирныхъ, а остальныя 80 прошли въ усобицахъ. Борьба велась изъ-за волостей: каждый князь требовалъ себѣ какую-нибудь волость, но рѣдко довольствовался тѣмъ, что получалъ. Въ большинствѣ случаевъ, князья стремились «передвинуться» изъ доставшихся имъ княжествъ въ лучшія или захватить сразу нѣсколько волостей, чтобы управлять ими единолично, а иногда при посредствѣ ближайшихъ родственниковъ (обыкновенно — сыновей). Больше всего добивались они полученія Кіевскаго княжества, какъ самаго значительнаго и доходнаго, къ тому же такого, властитель котораго считался старѣйшимъ надъ другими и назывался иногда великимъ княземъ. Впрочемъ, онъ могъ пользоваться правами старшинства только въ томъ случаѣ, если былъ самъ-по-себѣ силенъ и могучъ и обладалъ достаточнымъ авторитетомъ. Въ противномъ же случаѣ его старшинство ничего не значило, и онъ не имѣлъ никакой власти надъ другими князьями, такъ какъ они были самостоятельными государями и обязаны были почитать старшаго только «какъ отца».

Научныя объясненія дробленія Руси.

Вопросъ о причинахъ дробленія Руси и о сущности междукняжескихъ отношеній разрѣшался въ наукѣ неодинаково. Одни ученые, выдвигая на первый планъ безпрестанныя княжескія усобицы, придерживаются взгляда, что въ Кіевскій періодъ не было никакого точнаго порядка ни въ раздѣленіи Русской земли на волости, ни въ распредѣленіи ихъ между князьями, и что послѣдніе, не основываясь ни на какомъ правѣ, кромѣ права сильнаго, просто захватывали волости и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ упорядочивали свои взаимныя отношенія рядами, т. е. договорами, или постановленіями съѣздовъ, которыя имѣли лишь частное, а не общее значеніе. Другіе ученые объясняютъ дробленіе Русской земли тѣмъ, что городовыя волости, изъ которыхъ она сложилась, стремились къ автономіи (т. е. самостоятельности и самоуправленію). Третьи полагаютъ, что славянскія племена, вошедшія въ составъ Кіевской Руси, не успѣли еще слиться въ одну народность и тянули врозь, чѣмъ и обусловливались раздѣлы.

Какъ видно изъ изложеннаго, всѣ вышеприведенныя теоріи объясняютъ дробленіе Руси вполнѣ конкретными фактами (захватами, обособленіемъ городовыхъ волостей и рознью племенъ), а не какими-либо отвлеченными соображеніями князей, занимавшихъ отдѣльныя волости. Однако, въ наукѣ существуетъ еще и четвертое мнѣніе, раздѣляемое очень многими историками, будто у князей Кіевскаго періода былъ выработанъ опредѣленный взглядъ на характеръ своей власти надъ Русской землей и установленъ особый порядокъ владѣнія ея волостями, и что именно вслѣдствіе его примѣненія Русь дробилась на части. Сторонники указанной теоріи называютъ этотъ порядокъ очереднымъ порядкомъ княжескаго владѣнія и, исходя изъ наблюденій надъ Ярославовымъ раздѣломъ и нѣкоторыми другими случаями распредѣленія княжествъ, характеризуютъ его слѣдующимъ образомъ.

Власть надъ Русской землей принадлежитъ совмѣстно всему княжескому роду,—именно: каждый членъ его имѣетъ право на владѣніе тою или другой областью въ зависимости отъ своего *старшинства*, т. е. старшій въ родѣ получаетъ важнѣйшую по значенію и по доходности область (таковою была область Кіевская вмѣстѣ съ Новгородской), второй по старшинству получаетъ слѣдующую по важности область и т. д. Права старшинства переходятъ не по вертикальной линіи (отъ отца къ старшему сыну и отъ него къ старшему внуку), а по горизонтальнымъ линіямъ, т. е. отъ брата—къ слѣдующему брату и такъ далѣе до младшаго брата, а послѣ него къ старѣйшему его племяннику, затѣмъ къ слѣдующему племяннику и такъ далѣе въ томъ же порядкѣ. Такимъ образомъ, при перемѣнахъ въ княжескомъ родѣ, происходящихъ отъ умиранія старшихъ и рожденія новыхъ князей, младшіе по очереди старшинства должны занимать освобождающіяся области старшихъ, передавая свои владѣнія болѣе младшимъ, и такимъ путемъ они, постепенно передвигаясь, приближаются къ обладанію великимъ княжествомъ. Это приближеніе къ кіевскому столу (т. е. престолу) называлось «лѣствичнымъ восхожденіемъ». Вслѣдствіе постепенной княжеской передвижки, Русская земля дробилась не на опредѣленное количество частей, которыя находились въ прочномъ владѣніи какого-нибудь княжескаго колѣна, а постоянно передѣлялась въ зависимости отъ наличнаго числа князей. Только въ одномъ случаѣ не должна была происходить передвижка. Именно, если какой-нибудь князь умиралъ, не достигнувъ кіевскаго княженія, то его сыновья и вообще всѣ его потомки какъ бы выкидывались изъ очереди, лишались права продолжать «лѣствичное восхожденіе» [1]); они должны были довольствоваться тѣми волостями, которыя получали отъ своихъ полноправныхъ сородичей.

---

[1]) Такіе князья назывались изгоями. Слово «изгой» значитъ «изжитой», т. е. выкинутый изъ обычной колеи, потерявшій права своего прежняго состоянія (см. ниже). Существуетъ, впрочемъ, мнѣніе, что княжеское изгойство основано было не на правѣ, а просто на злоупотребленіяхъ старшихъ сородичей, обижавшихъ младшихъ князей, за которыхъ не могъ вступиться ихъ отецъ.

Таковъ былъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, очередной порядокъ, опредѣлявшій междукняжескія отношенія въ Кіевскій періодъ. Происхожденіе его объясняется тѣмъ, что среди князей того времени установился взглядъ на Русскую землю, какъ на свое родовое владѣніе. Существованіе такого взгляда весьма естественно: вѣдь князья Ярославичи едва ли ясно сознавали различіе между управленіемъ государствомъ и владѣніемъ собственностью; понятіе же родовой собственности они могли заимствовать у своихъ подданныхъ, въ жизни которыхъ сохранилось не мало пережитковъ родового быта, хотя самъ онъ уже отошелъ въ область преданій.

Итакъ, въ исторической наукѣ существуютъ четыре главнѣйшихъ мнѣнія относительно причинъ дробленія Руси и характера междукняжескихъ отношеній. Трудно сказать, которое изъ этихъ мнѣній болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ судить о ней можно только по тѣмъ даннымъ, которыя сообщаются лѣтописями, а лѣтописи повѣствуютъ лишь о безпорядочныхъ усобицахъ и разсказываютъ кое-что о княжескихъ переговорахъ. Вѣроятнѣе всего предположить, что очередной порядокъ признавался въ теоріи, какъ нѣчто идеальное, на практикѣ же соблюдался крайне рѣдко. Это утверждаютъ и ученые, доказывающіе существованіе его. Именно, они полагаютъ, что мудреный очередной порядокъ подтачивался съ двухъ сторонъ:—сверху, т. е. со стороны князей, и снизу, т. е. со стороны русскихъ городовъ.

Нарушенія очереднаго порядка.

Князья нарушали очередной порядокъ не только «добываніемъ» (т. е. захватомъ) столовъ, но и примѣненіемъ новаго способа распредѣленія княжествъ, въ силу котораго князья-сыновья владѣли «отчиной», т. е. тѣмъ, чѣмъ владѣли отцы. Такой способъ предложенъ былъ на первомъ княжескомъ съѣздѣ (въ Любечѣ въ 1097 г.) и въ послѣдующее время, вслѣдствіе размноженія княжескаго рода и происходившей изъ-за этого запутанности родовыхъ счетовъ, получилъ широкое примѣненіе, вытѣсняя прежнее владѣніе по старшинству.

Этотъ новый порядокъ приводилъ къ тому, что Русская земля постепенно распадалась на области, находившіяся въ наслѣдственномъ владѣніи княжескихъ линій, изъ которыхъ каждая вела свое происхожденіе отъ опредѣленнаго предка и называлась по его имени. Такъ, напр., были линіи Святославичей, Ольговичей, Мономаховичей, Ростиславичей и т. д. Князья, принадлежащіе къ такой линіи, раздѣляли свою «отчину» между собой, устанавливая въ ней «большій столъ» (т. е. главное княжество) и меньшіе столы, которыми они владѣли по старшинству [1]). Старѣйшій представитель линіи, сидѣвшій

[1]) Правильнѣе всего соблюдался порядокъ владѣнія по старшинству въ предѣлахъ Черниговской волости, гдѣ братья переходили по очереди старшинства съ одного стола на другой, а за ними въ томъ же порядкѣ переходили ихъ сыновья. Такимъ образомъ сама Черниговская земля находилась въ отчинномъ владѣніи, а ея части—во владѣніи по старшинству.

на большемъ столѣ, имѣлъ по отношенію къ своимъ младшимъ сородичамъ такія же права, какъ кіевскій князь по отношенію ко всѣмъ другимъ. Изъ областей, на которыя къ XII вѣку распалась Русская земля, важнѣйшими были слѣдующія: Черниговская, Смоленская, Полоцкая, Ростовская, Волынская, Галицкая, Муромо-Рязанская. Онѣ находились въ отчинномъ владѣніи. Земли же Кіевская, Переяславская, Новгородская не утвердились наслѣдственно ни за одной княжеской линіей: ожесточенная борьба за обладаніе ими продолжалась.

Русскіе города не могли оставаться равнодушными зрителями междукняжескихъ отношеній, потому что эти послѣднія тяжко отзывались на городскомъ и вообще земскомъ благосостояніи. Уже самая передвижка князя изъ одной волости въ другую въ большинствѣ случаевъ была очень невыгодна для мѣстнаго населенія: князь, являясь въ волость въ качествѣ временнаго гостя и не разсчитывая долго удержаться въ ней, стремился какъ можно скорѣе извлечь побольше выгодъ изъ своего управленія. А между тѣмъ княжеская передвижка совершалась очень часто. (Такъ, напримѣръ, за время отъ 1054 до 1202 г. въ одномъ Кіевѣ князья смѣнялись сорокъ разъ). Особенно страдало населеніе отъ усобицъ, предшествовавшихъ каждой такой смѣнѣ. Бѣдствія усугублялись еще тѣмъ, что князья вмѣшивали въ свои распри иноземцевъ: поляковъ, чеховъ, венгровъ и степныхъ кочевниковъ-половцевъ, нашествія которыхъ были особенно губительны.

Города, въ лицѣ своего вѣча, не только жаловались князьямъ на вредъ, приносимый усобицами, но и вмѣшивались въ междукняжескія отношенія. Княжеской власти они не отрицали, но, если представлялась возможность, энергично боролись съ неугодными для горожанъ князьями, удаляли ихъ изъ волости и, совершенно не считаясь съ очереднымъ порядкомъ, призывали тѣхъ князей, которыхъ считали «народолюбцами». Такъ, среди суматохи усобицъ складывались взаимоотношенія между княземъ и вѣчемъ, часто мѣнявшіяся въ зависимости отъ разныхъ условій.

§ 9. Вѣче и князь.

Двое ластіе.

Изъ изложеннаго видно, что объединеніе русскихъ областей, достигнутое Ярославомъ, было непрочнымъ, и съ половины XI вѣка Русь стала распадаться на множество самостоятельныхъ княжествъ. Число ихъ измѣнялось, и границы ихъ перекраивались въ зависимости отъ увеличенія числа князей, между которыми распредѣлялись они. Распредѣленіе княжествъ обусловливалось, какъ выяснено выше, нѣсколькими началами: 1) старшинствомъ, 2) отчиной, 3) вѣчевымъ избраніемъ, 4) захватомъ, 5) договорами, а иногда завѣщаніями князей. Ни одно изъ этихъ началъ не было настолько сильнымъ,

чтобы вытѣснить другія. *На практикѣ преобладали захваты и договоры.* Посредствомъ своихъ договоровъ-рядовъ князья не только распредѣляли волости и улаживали споры, но и заключали другъ съ другомъ союзы для общихъ дѣйствій противъ соперниковъ и враговъ. Всѣ крупныя предпріятія въ Кіевской Руси совершались не отдѣльными князьями, *а союзами договорившихся князей.* Договоры скрѣплялись крестнымъ цѣлованіемъ и присягой. Хотя на практикѣ они часто нарушались, тѣмъ не менѣе были главной силой, сдерживавшей князей. Впрочемъ, договоры связывали ихъ *только въ области внѣшней политики*; вопросовъ внутренняго управленія они не касались, такъ какъ *каждый князь считался самостоятельнымъ государемъ своей волости.*

Будучи самостоятельнымъ, князь не былъ, однако, *неограниченнымъ властителемъ.* Во внутреннемъ управленіи онъ былъ связанъ волею населенія своей волости, выражавшеюся въ постановленіяхъ *вѣчевыхъ собраній.* Такимъ образомъ въ XI и XII вв. въ княжествахъ господствовало не единовластіе, *а двоевластіе —князь и вѣче.* Степень зависимости князя отъ вѣча и раздѣленіе между ними правительственныхъ заботъ не были строго опредѣлены, такъ какъ въ Кіевской Руси вообще руководились не законами, а обычаемъ и тѣми отношеніями, какія вытекали изъ практики. Поэтому въ разное время и въ разныхъ княжествахъ взаимоотношеніе князей и вѣча было весьма различно.

Вѣче. Подъ вѣчемъ разумѣлось *всякое народное собраніе, достаточно многолюдное для того, чтобы мнѣніе его имѣло вѣсъ, и достаточно сильное для того, чтобы настаивать на исполненіи своего рѣшенія.*

Такія собранія-сходки, извѣстныя и другимъ народамъ, *исконно и повсемѣстно* существовали у восточныхъ славянъ. Въ докняжескій періодъ, какъ мы знаемъ (стр. 13), вѣчевыя собранія большихъ торговыхъ городовъ были единственной властью, которой обычно подчинялось населеніе пригородовъ и всей области. Съ появленіемъ князей вѣче раздѣлило свою власть съ ними, но не утратило своего значенія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Кіевѣ, Полоцкой землѣ и особенно въ Новгородѣ, продолжало играть очень важную роль. Вѣчевыя собранія были необходимы, такъ какъ выразителями мѣстныхъ интересовъ служили именно они, а не князья, являвшіеся въ волости, обыкновенно, лишь въ качествѣ кратковременныхъ пришельцевъ.

Будучи, такимъ образомъ, весьма важнымъ бытовымъ явленіемъ, вѣче не получило, однако, опредѣленной организаціи ни внѣшней, ни внутренней.

1) *Составъ его былъ всегда случайнымъ.* Хотя каждый свободный взрослый горожанинъ имѣлъ *право* участвовать на немъ, однако, этимъ правомъ пользовались, конечно, далеко не всѣ. Вообще не было опредѣлено, при какомъ числѣ собравшихся вѣче считается

имѣющимъ законный составъ: самое понятіе законности или незаконности неприложимо къ вѣчу, такъ какъ оно было не учрежденіемъ, установленнымъ какимъ-нибудь закономъ, а существовало въ силу обычая.

2) *Время и мѣсто собранія и порядокъ созыва вѣча были также не установлены.* Оно собиралось не періодически, а тогда, когда извѣстная часть населенія считала нужнымъ обсудить что-нибудь по приглашенію князя или по почину тѣхъ или другихъ лицъ изъ народа.

3) *Порядокъ рѣшенія дѣлъ равнымъ образомъ не былъ выработанъ.* Говорить на вѣчѣ начинали обыкновенно тѣ, по зову которыхъ оно собралось, а именно: князь, его уполномоченные или же вожаки народныхъ партій. Далѣе шли пререканія и споры. Голосованія вопроса не производилось, а за рѣшеніе признавалось мнѣніе, вызвавшее одобрительные крики подавляющаго большинства присутствующихъ, замѣтнаго безъ всякаго подсчета голосовъ. Въ случаѣ разногласія, вѣче разбивалось на партіи, изъ которыхъ каждая отстаивала свое мнѣніе. Иногда одновременно въ различныхъ частяхъ города собиралось *нѣсколько враждебныхъ вѣчъ;* между ними происходили бурныя столкновенія, часто переходившія въ жестокій бой. Побѣжденная партія должна была уступить.

Вѣче могло обсуждать *любой* вопросъ, такъ какъ кругъ вѣдомства его не былъ ничѣмъ ограниченъ. Обычными же дѣяніями вѣча являлись слѣдующія:

1) *Призваніе князя въ волость и удаленіе его, если онъ оказывался неугоднымъ.* Этимъ своимъ правомъ вѣче, конечно, могло пользоваться лишь въ томъ случаѣ, если чувствовало себя достаточно сильнымъ. (Въ Кіевскомъ княжествѣ, напр., при сорока смѣнахъ князей, за время отъ 1054 до 1202 года, вопросъ о престолонаслѣдіи рѣшенъ былъ городскимъ вѣчемъ 14 разъ). Сами князья никогда не отрицали права вѣча избирать ихъ. Когда же они овладѣвали волостью помимо воли вѣча, то спѣшили привести населеніе къ крестному цѣлованію, которое являлось какъ бы замѣной вѣчевого избранія. Равнымъ образомъ на свое удаленіе изъ волости князья не смотрѣли, какъ на недопустимое мятежное дѣйствіе со стороны вѣча.

2) *Договоръ или рядъ съ княземъ*, являвшійся естественнымъ слѣдствіемъ права избранія: призывая князя, вѣче могло ставить ему извѣстныя условія. Впрочемъ, послѣднія носили обыкновенно очень общій характеръ: князь обязывался править по старинѣ, судить по правдѣ и не искать больше доходовъ, чѣмъ ему положено.

3) Вмѣшательство въ военныя дѣйствія князя, если онъ велъ ихъ при помощи не только своей дружины, но и земскаго ополченія (т. е. войска, составленнаго изъ мѣстнаго населенія), или если они наносили существенный ущербъ интересамъ волости.

Въ *исключительныхъ* случаяхъ вѣче вмѣшивалось также въ княжескій судъ и управленіе, привлекало къ отвѣтственности князя и его должностныхъ лицъ и даже чинило расправу надъ ними. Иногда вѣчу приходилось вести переговоры съ другими княжествами помимо своего князя.

Новгородское вѣче.

То, что́ въ большинствѣ русскихъ городовъ являлось *исключеніемъ*, стало *правиломъ* въ Новгородѣ: здѣсь вѣче получило безусловно первенствующее значеніе и полное преобладаніе надъ княжеской властью; князь сдѣлался выборнымъ наемникомъ вѣча, совершенно связаннымъ его волей и контролемъ и очень ограниченнымъ въ своихъ правахъ.

Причины этого слѣдующія: 1) до половины XII вѣка Новгородъ управлялся не самостоятельнымъ княземъ, а намѣстникомъ кіевскаго князя, обыкновенно его старшимъ сыномъ, смотрѣвшимъ на свое пребываніе въ Новгородѣ, какъ на переходъ къ владѣнію Кіевомъ, а потому не особенно заботившимся объ упроченіи здѣсь своей власти; 2) съ половины XII вѣка шла борьба преимущественно за кіевскій престолъ, занимавшая всѣхъ сильнѣйшихъ князей; въ Новгородъ, поэтому, садились или второстепенные князья, съ которыми вѣче не считало нужнымъ стѣсняться, или же князья, выжидавшіе лишь удобнаго случая, чтобы обратиться къ добыванію кіевскаго стола; лавируя между различными претендентами на кіевскій престолъ, Новгородъ могъ извлекать для себя выгоды; 3) вслѣдствіе географической отдаленности Новгорода князьямъ было трудно возстанавливать свою власть въ немъ съ помощью другихъ князей или кочевниковъ; 4) возвышенію новгородскаго вѣча способствовали также экономическія условія: какъ увидимъ ниже, торговля имѣла для Новгорода еще бо́льшее значеніе, чѣмъ для Кіева, а въ городахъ, живущихъ кипучей торговой и промышленной жизнью, всегда развивается самодѣятельность населенія, проявлявшаяся въ древней Руси на вѣчѣ. Поэтому во всѣхъ торговыхъ городахъ вѣче было вліятельнымъ, но въ то время, какъ въ Кіевѣ и нѣкоторыхъ другихъ торговыхъ центрахъ чрезмѣрныя притязанія вѣча встрѣчали противовѣсъ въ княжеской власти, въ Новгородѣ послѣдняя должна была склониться передъ ними.

Въ силу изложенныхъ обстоятельствъ новгородское вѣче и добилось полноты верховной власти. Оно избирало, судило и смѣщало князя и всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ, важнѣйшими изъ которыхъ были посадникъ и тысяцкій; оно имѣло также законодательную и распорядительную власть, именно, устанавливало новые законы и правила, заключало ряды съ князьями, утверждало отъ имени «Великаго Новгорода» договоры съ иноземцами, дѣлало постановленія объ уступкѣ новгородскихъ земель, о сборѣ войска; оно, наконецъ, объявляло войну и заключало миръ.

Хотя большинство вопросовъ, обсуждавшихся на вѣчѣ, разсматривалось ранѣе въ «совѣтѣ господъ» (состоявшемъ изъ высшихъ

должностныхъ лицъ), и хотя участники вѣча могли столковаться относительно нихъ на своихъ частныхъ кончанскихъ собраніяхъ (т. е. собраніяхъ жителей кварталовъ — концовъ, которыхъ въ Новгородѣ было пять), тѣмъ не менѣе рѣдко въ какомъ русскомъ городѣ вѣче носило столь бурный характеръ и столь часто раздѣлялось на враждебныя партіи, какъ въ Великомъ Новгородѣ. Эти партіи возникали или на почвѣ политической розни, особенно обострявшейся при избраніи и смѣщеніи князей и посадниковъ, или на основѣ классовой борьбы — распри богатыхъ и бѣдныхъ, обусловленной тѣмъ, что въ Новгородѣ (какъ это обычно бываетъ въ торговыхъ центрахъ) богатства распредѣлялись крайне неравномѣрно. Очень сильнымъ было вѣче также въ новгородскомъ пригородѣ Псковѣ [1]); что же касается одной изъ новгородскихъ колоній Вятки, то она управлялась только вѣчемъ безъ князя.

Указанное полновластіе и до извѣстной степени единовластіе вѣча, развивавшееся притомъ лишь постепенно, имѣло мѣсто только на сѣверѣ Восточно-европейской равнины, входившемъ въ составъ владѣній Новгорода. На остальномъ же пространствѣ Русской земли въ Кіевскій періодъ господствовало именно *двоевластіе* князя и вѣча, при чемъ условія жизни выработали между ними, какъ ясно изъ вышеизложеннаго (стр. 29), слѣдующее соотношеніе: вѣче дѣйствовало обыкновенно въ *особо важныхъ случаяхъ*, когда оно признавало свое вмѣшательство необходимымъ. Что же касается *текущихъ* правительственныхъ заботъ, то онѣ по большей части лежали на князѣ и его совѣтникахъ. Совѣщаться князь могъ съ кѣмъ хотѣлъ, но обычно онъ приглашалъ въ свою *думу* старшихъ дружинниковъ, высшихъ духовныхъ лицъ, а въ болѣе раннее время (до XI вѣка) также и старцевъ градскихъ — вліятельныхъ горожанъ.

Вѣдомство князя.

Вѣдѣнію князя подлежали обыкновенно слѣдующія правительственныя дѣла: 1) внѣшняя политика, т. е. сношенія съ другими князьями, заключеніе съ ними союзовъ и договоровъ, военная оборона княжества отъ внѣшнихъ враговъ, 2) финансовая дѣятельность, заключавшаяся, главнымъ образомъ, въ сборѣ податей и налоговъ, 3) законодательная дѣятельность, 4) высшее управленіе княжествомъ

[1]) Политическій строй во Псковѣ былъ похожъ на новгородскій: послѣ князя важнѣйшими должностными лицами были посадники (здѣсь ихъ было два); они, вмѣстѣ съ другими псковскими властями (сотскими и кончанскими старостами), составляли правительственный совѣтъ, подобный новгородской «господѣ»; верховная власть принадлежала вѣчу. Собранія вѣча отличались, однако, мирнымъ характеромъ: здѣсь не было ожесточенной новгородской борьбы партій, такъ какъ общественный строй во Псковѣ былъ иной, чѣмъ въ Новгородѣ. Вслѣдствіе ограниченности Псковской области и меньшаго развитія ея торговли, въ рукахъ состоятельныхъ псковичей не могли сосредоточиться такія громадныя земельныя и денежныя богатства, какъ у новгородскихъ бояръ. Поэтому во Псковѣ не было рѣзкаго имущественнаго неравенства, не было приниженности бѣднѣйшихъ классовъ общества.

и назначеніе должностныхъ лицъ, 5) высшій судъ надъ населеніемъ княжества.

По самому происхожденію своей власти князь былъ прежде всего военнымъ сторожемъ своей земли и блюстителемъ ея торговыхъ интересовъ.

Внѣшняя политика первыхъ кіевскихъ князей.

Внѣшняя политика первыхъ кіевскихъ князей (до Ярослава включительно) обусловливалась преимущественно стремленіемъ сохранить добытые восточными славянами иноземные рынки, пріобрѣсти новые и обезопасить торговые пути отъ кочевниковъ.

Восточные славяне, какъ упоминалось, очень оживленно торговали съ Византіей. Понятно поэтому, что кіевскіе князья стремились къ установленію выгодныхъ торговыхъ отношеній съ нею. Если почему-либо въ нихъ происходила заминка или наносился вредъ интересамъ купцовъ, князья силою оружія пробивались къ такому заманчивому заморскому рынку, какъ Константинополь, совершая походы на Византію. Источники сохранили извѣстія о нѣсколькихъ походахъ туда: первый приписывается Аскольду и Диру, второй — Олегу, третій и четвертый — Игорю, пятый — Святославу, шестой (послѣдній) — совершенъ былъ въ 1043 г. сыномъ Ярослава Владиміромъ. Походы влекли за собою заключеніе договоровъ, изъ которыхъ до насъ дошли два договора Олега, одинъ Игоревъ и отрывокъ Святославова. Для русскихъ было, конечно, важно не только сохранить Константинопольскій рынокъ, но пріобрѣсти еще новые. Стремленіе къ этому проглядываетъ въ военныхъ предпріятіяхъ Святослава. Правда, этотъ типичный князь-дружинникъ нерѣдко воевалъ просто ради войны, тѣмъ не менѣе и въ немъ можно уловить торговый инстинктъ, не всегда, впрочемъ, вѣрный. Вспомнимъ, напр., его походъ на хозаръ и ихъ сосѣдей, имѣвшій цѣлью проложить русскимъ купцамъ свободный (безъ хозарскаго посредничества) путь на востокъ, — въ закаспійскія области, его стремленіе утвердиться въ странѣ дунайскихъ болгаръ: Дунай являлся важнымъ воднымъ путемъ, которымъ велась торговля съ Западной Европой, а городъ Переяславль-Дунайскій (Преславъ) открывалъ сухопутную дорогу на Царьградъ и былъ, по мнѣнію Святослава, тѣмъ центромъ, куда «вся благая сходятся», — куда свозятъ всѣ товары. Однако дунайскіе походы Святослава окончились неудачей, а разгромъ хозаръ былъ роковой ошибкой его: 1) паденіе Хозаріи, страны съ отлично налаженными торговыми сношеніями, въ сущности, только вредило восточной торговлѣ русскихъ; 2) разгромивъ хозарскую державу, Святославъ не столько открывалъ себѣ свободный путь въ Азію, сколько облегчалъ доступъ въ Европу азіатскимъ кочевникамъ, отъ нашествій которыхъ южно-русскія степи до этого времени были хоть отчасти ограждены хозарами.

Правда, печенѣги еще со времени Игоря дѣлали налеты на Русь, а въ княженіе Святослава (въ 968 г.) подвергли тяжкой осадѣ даже самый Кіевъ, но особенно страшнымъ бичомъ для Русской земли

они стали именно послѣ разгрома Хозаріи. Напряженная, почти непрерывная борьба съ ними (какъ наступательная, такъ и оборонительная посредствомъ постройки городовъ и земляныхъ укрѣпленій) составляетъ большую заслугу Св. Владиміра. Ярославу удалось, наконецъ, нанести рѣшительное пораженіе печенѣгамъ (въ 1036 г.), которые къ этому времени были сильно ослаблены наступавшими на нихъ новыми кочевниками—узами или торками. Первымъ Кіевскимъ князьямъ приходилось имѣть столкновенія не только съ греками и печенѣгами. Такъ, напр., Владиміръ Св. сражался съ поляками, съ литовскимъ племенемъ ятвяговъ и съ нѣкоторыми другими западными сосѣдями. Ярославъ Мудрый дѣйствовалъ также противъ поляковъ и совершилъ нѣсколько походовъ на прибалтійскихъ финновъ.

Внѣшняя политика князей областного періода.

Преемники его (князья «областного періода», какъ называетъ проф. Багалѣй время дробленія Кіевской Руси на области или волости) бились съ поляками, литовцами, чехами и венграми (послѣдніе на-голову разбиты были въ 1099 г. подъ Перемышлемъ и этимъ на сто лѣтъ отважены отъ покушеній на Галицію). Однако въ своей внѣшней политикѣ потомки Ярослава заняты были, главнымъ образомъ, усобицами и борьбой съ половцами, смѣнившими во второй половинѣ XI в. узовъ и оказавшимися еще болѣе страшной грозой для русскихъ, чѣмъ были печенѣги. Эта борьба шла съ перемѣннымъ успѣхомъ (особенно удачны для русскихъ были походы 1103 и 1111 г., предпринятые подъ руководствомъ внука Ярослава, Владиміра Мономаха, и походъ 1168 г.—подъ предводительствомъ правнука послѣдняго,—Мстислава II Изяславича).

Войско.

Безпрестанныя усобицы и частые набѣги кочевниковъ требовали сосредоточенія въ рукахъ князей значительныхъ военныхъ силъ. Ядромъ княжескаго войска была конная дружина, но такъ какъ она обыкновенно бывала немногочисленна (даже у крупныхъ князей областного періода она рѣдко превышала тысячу человѣкъ), то при каждомъ большомъ походѣ князь долженъ былъ обращаться за помощью къ мѣстному населенію, которое по его призыву составляло земское ополченіе. Въ немъ участвовали или одни добровольцы, или же, по постановленію вѣча, всѣ способные носить оружіе. Кромѣ того, къ участію въ походахъ приглашались и многочисленныя вспомогательныя войска изъ инородцевъ (обыкновенно изъ Черныхъ Клобуковъ [1]), а иногда изъ половцевъ и иноземцевъ.

Доходы князя.

Для содержанія дружины, двора и для удовлетворенія другихъ государственныхъ, а также церковныхъ потребностей князь нуждался въ денежныхъ средствахъ. Источники, откуда получались они, были троякаго рода: 1) военная добыча, 2) доходы отъ княжескихъ иму-

[1]) Это были кочевые народцы, напр., турпѣи, берендѣи, торки, выведенные изъ степей и поселенные на границѣ для защиты ея отъ половцевъ.

ществъ (главнымъ образомъ, земельныхъ владѣній) и отъ торговли, въ которой князья принимали дѣятельное участіе, 3) различные налоги и подати. Къ числу важнѣйшихъ налоговъ относились: 1) обычная дань, которую князья собирали съ подвластнаго населенія, 2) денежныя взысканія съ осужденныхъ за различныя преступленія, 3) торговыя пошлины. Кромѣ платежа денежныхъ податей, населеніе обязано было выполнять нѣкоторыя натуральныя повинности, напр., принимать участіе въ устройствѣ крѣпостей, мостовъ, дорогъ и т. д.

Законодательство князя.

Установленіе податей и повинностей было однимъ изъ проявленій *княжескаго законодательства*. Какъ законодатель, князь могъ также измѣнять судебные порядки (Ярославичи, напр., постановили замѣнить денежнымъ штрафомъ кровную месть за убійство) и вводить въ жизнь новыя правила (напр., Мономаху приписывается ограниченіе прежнихъ весьма высокихъ процентовъ и опредѣленіе порядка погашенія долговъ). Впрочемъ, законодательная дѣятельность князя была весьма несложна, такъ какъ древняя Русь жила не по законамъ, а по издавна установившимся обычаямъ, и князь, поэтому, не столько долженъ былъ вводить преобразованія, сколько «править по старинѣ». На первомъ планѣ были не вопросы законодательства, а вопросы управленія.

§ 10. Управленіе и судъ.

О правительственной и судебной дѣятельности первыхъ князей сохранились лишь самыя общія, отрывочныя и краткія свѣдѣнія. Извѣстно, напр., что Ольга, какъ правительница, считалась «мудрѣйшей всѣхъ человѣкъ», что она объѣзжала подвластныя земли и вводила «уставы и оброки», т. е., по объясненію проф. Ключевскаго, «учреждала сельскіе судебно-административные округа и устанавливала податные оклады». Извѣстно также, что Владиміръ Св., «часто съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ епископами, какъ уставить законъ среди людей, недавно познавшихъ Бога», какъ наказывать разбойниковъ. Наконецъ, Ярославъ, по преданію, пользовался славой отличнаго правителя и заслужилъ у послѣдующихъ поколѣній прозваніе Мудраго. Весьма бѣдны также свѣдѣнія объ устройствѣ управленія въ послѣдующую, областную, эпоху Кіевскаго періода. На основаніи ихъ можно придти лишь къ слѣдующимъ общимъ выводамъ. Правительственныя заботы такъ или иначе распредѣлялись между вѣчемъ, княземъ и назначенными имъ должностными лицами. Эти лица были двоякаго рода: одни состояли при княжескомъ дворѣ (самымъ вліятельнымъ изъ нихъ были дворскій или дворецкій), другія—посылались въ качествѣ намѣстниковъ въ подвластные князю города и области. Княжескіе намѣстники назывались обыкновенно посадниками. Они, по опредѣленію проф. Дьяконова, являлись «связующимъ элементомъ того города, гдѣ они сидятъ, съ землею и съ

княземъ, которымъ посажены». Наряду съ посадниками слѣдуетъ упомянуть тысяцкихъ—начальниковъ земскаго ополченія. Въ Новгородѣ оба эти должностныхъ лица занимали особое положеніе: во-первыхъ со времени развитія новгородской вольности они не назначались княземъ, а избирались вѣчемъ, во-вторыхъ, ихъ обязанности были тамъ гораздо сложнѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ [1]).

Довольно большое число должностныхъ лицъ различнаго наименованія установлено было въ Кіевской Руси для сбора податей и для несенія всевозможныхъ обязанностей по производству суда. Однимъ и тѣмъ же лицамъ поручались весьма разнородныя дѣла. Напр., княжескіе приказчики — *тіуны*, вѣдавшіе, собственно, различныя отрасли княжескаго хозяйства и назначавшіеся часто изъ среды холоповъ, творили иногда, по порученію князя, также судъ, даже въ самомъ Кіевѣ. Спеціальныхъ судей на Руси вообще не было, а судили тѣ лица, которыя вѣдали управленіе. Поэтому князь, будучи верховнымъ правителемъ, былъ въ то же время и верховнымъ судьей по всѣмъ дѣламъ, кромѣ подвѣдомственныхъ церковному суду.

Князь творилъ судъ или самъ лично или черезъ посредство своихъ должностныхъ лицъ.

О судебныхъ порядкахъ Кіевской Руси даетъ нѣкоторое представленіе дошедшій до нашего времени въ нѣсколькихъ спискахъ сборникъ древнихъ русскихъ судебныхъ обычаевъ и рѣшеній, извѣстный подъ названіемъ «Русской Правды».

Русская Правда.

На характеръ «Русской Правды» въ исторической наукѣ смотрятъ неодинаково. Въ прежнее время ее считали сборникомъ законовъ, составленнымъ Ярославомъ Мудрымъ и дополненнымъ его преемниками, однимъ словомъ, *оффиціальнымъ* юридическимъ памятникомъ. Теперь, на основаніи многихъ вѣскихъ данныхъ, этотъ взглядъ отвергнутъ большинствомъ изслѣдователей, и въ наукѣ высказывается мнѣніе, что «Русская Правда» имѣетъ не оффиціальное, *а частное* происхожденіе, т. е. что она составлена частными лицами, записывавшими господствовавшіе на Руси обычаи, которые примѣнялись въ судебной практикѣ, постановленія князей и княжескихъ судей и тѣ иноземные (преимущественно византійскіе и скандинавскіе) судебные законы, которые были заимствованы нами. Такъ какъ эти записи (подобно лѣтописному своду) дѣлались различными лицами въ различное время, то естественно явилось нѣсколько редакцій «Русской

[1]) Новгородскій посадникъ вѣдалъ по преимуществу гражданскія дѣла и заботился объ интересахъ высшихъ слоевъ новгородскаго общества, а тысяцкій—дѣла военныя и полицейскія, дѣла купечества и простонародья. Трудно, впрочемъ, точно опредѣлить кругъ ихъ дѣйствій: по порученію вѣча, они несли весьма разнообразныя обязанности дипломатическаго, финансоваго, правительственнаго и судебнаго характера. Кромѣ того, что всего важнѣе, они (въ особенности же посадникъ) были постоянными и обязательными сотрудниками князя во всей его дѣятельности и соглядатаями за нимъ.

Правды». Ихъ можно установить три: краткую, пространную и позднѣйшую сокращенную. Краткая возникла не позднѣе шестидесятыхъ годовъ XI вѣка (вѣроятно, при Изяславѣ Ярославичѣ), а пространная составлена при Владимірѣ Мономахѣ и содержитъ почти втрое больше статей (по подсчету ученыхъ, въ различныхъ спискахъ число ея статей колеблется отъ 115 до 135). Позднѣйшее сокращеніе пространной Правды принято называть третьей редакціей ея (впрочемъ, не всѣ изслѣдователи признаютъ самостоятельность послѣдней). Итакъ, Русская Правда, подобно лѣтописнымъ сводамъ, составлялась исподволь. Но въ какой средѣ возникла она, кто работалъ надъ ней? Проф. Ключевскій полагаетъ, будто составителями Правды были пріѣзжія на Русь изъ Греціи *духовныя лица*, принимавшія, какъ будетъ сказано ниже, видное участіе въ области древнерусскаго суда и нуждавшіяся поэтому въ хорошемъ знаніи господствовавшей судебной практики. Свое мнѣніе онъ доказываетъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что списки Русской Правды дошли до насъ въ сборникахъ, содержащихъ переводы памятниковъ византійскаго *церковнаго* права, а также тѣмъ, что нѣкоторыя постановленія Правды сходны съ византійскими законами. Но, конечно, указанный взглядъ остается лишь предположеніемъ и не исключаетъ допустимости другого объясненія происхожденія Правды, напр., такого, что она записана княжескими судьями. Проф. Дьяконовъ не считаетъ даже возможнымъ категорически отрицать оффиціальный характеръ тѣхъ *первообразовъ* Правды (не дошедшихъ до насъ), «отъ которыхъ пошли всѣ многочисленные частные списки», имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи. Полной картины судебныхъ порядковъ Правда не даетъ, а потому для возстановленія этой картины приходится прибѣгать къ косвеннымъ соображеніямъ и догадкамъ.

Судопроизводство.

Судопроизводство Кіевской Руси рѣзко отличалось отъ суда нашего времени, когда правительство считаетъ одной изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей защиту интересовъ частныхъ лицъ, преслѣдованіе преступниковъ и привлеченіе ихъ къ отвѣтственности. Въ Кіевской Руси каждый долженъ былъ самъ блюсти свои интересы. Поэтому потерпѣвшій самъ производилъ слѣдствіе, отыскивая виновнаго, самъ приводилъ его на судъ, выступалъ на судѣ обвинителемъ, представлялъ свидѣтелей и самъ же иногда приводилъ приговоръ въ исполненіе. Княжескіе судьи и должностныя лица ограничивали свою дѣятельность тѣмъ, что оказывали потерпѣвшимъ нѣкоторую помощь въ производствѣ слѣдствія, выслушивали показанія свидѣтелей [1]), взвѣшивали доказательства и произносили приговоръ.

---

[1]) Достовѣрными свидѣтелями на судѣ признавались только свободные люди, свидѣтельство рабовъ не допускалось. Кромѣ свидѣтелей-очевидцевъ, такъ называемыхъ «видоковъ», на судѣ фигурировали иногда «послухи». Подъ этимъ названіемъ разумѣлись или свидѣтели совершенія какого-нибудь договора, или же сви-

Обычными наказаніями за преступленія были *штрафы*. Каждый штрафъ слагался изъ двухъ частей: одна шла въ пользу князя, какъ наказаніе за совершенное беззаконіе, другая — въ пользу потерпѣвшаго, или его родственниковъ, какъ возмѣщеніе нанесеннаго ущерба. Эти штрафы носили различныя названія: осужденный за убійство платилъ князю *виру* (размѣръ обыкновенной виры былъ 40 гривенъ, за убійство старшаго княжескаго дружинника платилась *двойная вира*), а родственникамъ убитаго *головничество* (т. е. плату за голову); за нанесеніе тяжкихъ увѣчій князь взыскивалъ *полувирье* (20 гривенъ; такая же сумма платилась за убійство невѣрной жены); преступленія противъ здоровья и чести, противъ правъ собственности, а также и всѣ другіе проступки, подвѣдомственные княжескому суду, влекли за собою штрафъ въ пользу князя, называвшійся «продажа», потерпѣвшіе же отъ этихъ преступленій получали или плату «за обиду» (если оскорблена была ихъ честь побоями или угрозами) или такъ называемый «урокъ» (возмѣщеніе за кражу или порчу чужой вещи). Такимъ образомъ вира и продажа были штрафами, взимавшимися государственною властью, а «головничество», плата «за обиду» и «урокъ»—частными вознагражденіями. «Продажи» были установлены различныя, въ зависимости отъ качества преступленія (во вниманіе принимался преимущественно матеріальный ущербъ, нанесенный имъ), умышленности и завѣдомости его и степени проявленія злой воли.

Въ двухъ случаяхъ и убійство каралось не вирою, а продажею: именно, если убитъ 1) чужой холопъ «безъ вины», 2) свободный, захваченный на мѣстѣ преступленія, но не сопротивлявшійся задержанію (убійство своего или провинившагося чужого холопа, а также убійство при самооборонѣ не влекли за собою никакого наказанія).

Взыскиваніе виры и головничества постепенно вытѣснило прежній способъ расправы съ убійцами — такъ называемый *обычай кровной мести*. «Русская Правда» не считаетъ его самоуправствомъ, а только упорядочиваетъ его: именно, она опредѣляетъ, въ какихъ случаяхъ и кто можетъ выступать въ качествѣ мстителя. Но съ теченіемъ времени кровная месть вышла изъ употребленія (повидимому, она была отмѣнена старшими Ярославичами).

Кромѣ штрафовъ, въ древней Руси существовало еще высшее наказаніе, извѣстное подъ названіемъ «*потокъ и разграбленіе*» и

дѣтели добраго поведенія обвиняемаго, когда обвиненіе построено было только на подозрѣніи. Въ послѣднемъ случаѣ обвиняемый долженъ былъ представить не менѣе семи послуховъ (для чужеземца достаточно было и двухъ). Въ случаѣ отсутствія свидѣтелей судья приводилъ обвиняемаго къ присягѣ, иногда же назначалъ ему «испытаніе водою или желѣзомъ». Иногда споръ тяжущихся рѣшался такъ называемымъ «полемъ», т. е. судебнымъ поединкомъ: одолѣвшій противника въ бою считался правымъ, но при этомъ требовалось, чтобы противники были приблизительно равныхъ силъ, и слабѣйшему предоставлялась, поэтому, возможность поставить вмѣсто себя кого-нибудь другого. Русская Правда не упоминаетъ обычая «поля», но на существованіе его есть другія указанія.

состоявшее въ изгнаніи преступника (а иногда и въ отдачѣ его въ рабство) и въ отобраніи его имущества. Это наказаніе налагалось за преступленія, считавшіяся особенно тяжкими, а именно: 1) за поджоги, 2) за конокрадство и 3) за умышленное, разбойное убійство. Разбойники одно время при Владимірѣ Св. карались *смертною казнью;* затѣмъ Владиміръ отмѣнилъ ее. Была, повидимому, попытка возстановить еще разъ смертную казнь при Ярославѣ Мудромъ, но и тогда она просуществовала недолго. *Вообще духу Кіевской Руси были чужды какъ смертная казнь, такъ и тѣлесныя наказанія;* послѣднія допускались только по отношенію къ рабамъ и должникамъ-работникамъ (закупамъ). Правда, князья во время усобицъ иногда предавали своихъ недруговъ истязаніямъ и смерти, но это являлось скорѣе однимъ изъ средствъ борьбы, чѣмъ результатомъ карающаго правосудія. Равнымъ образомъ нельзя возводить въ правило случаи жестокой расправы вѣча съ лицами, заподозрѣнными въ измѣнѣ, въ подстрекательствѣ къ возстанію и тому подобныхъ преступленіяхъ. Такіе случаи встрѣчались чаще всего въ Новгородѣ, вѣче котораго, въ качествѣ верховнаго судилища, нерѣдко приговаривало осужденныхъ къ потопленію, повѣшенію и сожженію, и само же приводило приговоръ въ исполненіе. Слѣдуетъ помнить, что судъ вѣча, какъ собранія народной толпы, отличавшейся въ Новгородѣ крайней необузданностью, болѣе походилъ именно на расправу, чѣмъ на спокойный разборъ дѣла. Поэтому и въ приговорахъ его часто можно видѣть скорѣе проявленіе народной мести, чѣмъ установленныя обычаемъ и закономъ наказанія. Наказывать смертью по суду было не въ обычаѣ въ Кіевской Руси, и поэтому «Русская Правда», передающая *судебные обычаи* того времени, смертной казни не знаетъ.

«Русская Правда» говоритъ не только о наказаніяхъ за преступленія; она также даетъ довольно обстоятельную картину *общественнаго строя Кіевской Руси.*

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Общественный строй Кіевской Руси.

§ 11. Дружина княжеская.

Дружинники были главной опорой князя—небольшимъ по численности, но важнѣйшимъ по значенію ядромъ его войска. Они дѣйствовали заодно съ нимъ, дѣлили его радости и горести, но, будучи свободными, добровольными слугами князя, имѣли право, въ случаѣ несогласія съ нимъ, перейти на службу къ другому. Дружинники раздѣлялись на два разряда: младшихъ, называвшихся обыкновенно отроками, дѣтскими, гридями, и старшихъ, извѣстныхъ подъ назва-

ніемъ бояръ, огнищанъ [1]). Первые (младшіе) были личными слугами князя, его вооруженной силой, низшими должностными лицами. Вторые (старшіе) являлись сотрудниками его въ управленіи, его совѣтниками, а иногда даже руководителями не только малолѣтнихъ, но и взрослыхъ князей. За свою службу старшіе дружинники получали большія денежныя награды, пользовались нѣкоторыми преимуществами: за убійство боярина платилась двойная вира, а за оскорбленіе его—вчетверо большая, чѣмъ за оскорбленіе простолюдина; другая привилегія состояла въ томъ, что, при отсутствіи у боярина сыновей, ему могли наслѣдовать и дочери, тогда какъ наслѣдниками простолюдина являлись только сыновья, а незамужнія дочери получали лишь выдѣлъ. Будучи, такимъ образомъ, привилегированнымъ классомъ, боярство, однако, не превратилось въ замкнутое сословіе: доступъ въ него былъ открытъ людямъ различнаго происхожденія, различныхъ народностей [2]). Первоначально въ княжеской дружинѣ преобладалъ варяжскій элементъ, затѣмъ она ославянилась благодаря притоку въ нее туземцевъ, особенно изъ среды вліятельныхъ горожанъ.

§ 12. Городское и сельское населеніе.

По своему имущественному положенію, горожане дѣлились на *большихъ* или лучшихъ и *меньшихъ* людей. Заправилами городовъ, руководителями городского вѣча были богатѣйшіе капиталисты, извѣстные подъ названіемъ «старцевъ градскихъ». Они выдѣлялись по своему политическому вліянію надъ людьми средняго достатка—купцами и ремесленниками, пользовались городскою чернью, какъ орудіемъ на вѣчѣ, и имѣли значеніе не только въ городахъ, но и въ цѣлыхъ областяхъ, такъ какъ многіе изъ нихъ были крупными землевладѣльцами — «*земскими боярами*». Мѣстное земское боярство можно отличать отъ *пришлаго боярства*, состоявшаго изъ старшихъ княжескихъ дружинниковъ. Впрочемъ, рѣзкой разницы между ними не было, такъ какъ многіе мѣстные земскіе бояре, какъ сказано, вступали въ составъ княжеской дружины, и, напротивъ, пришлые

---

[1]) Слово «огнищанинъ» понимается двояко: или въ смыслѣ рабовладѣльца, или въ смыслѣ человѣка, живущаго у княжескаго очага.

[2]) Сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо на Руси, развилось значеніе боярства въ Галицкомъ княжествѣ. Боярство подчинило здѣсь своему вліянію не только вѣче, но и самихъ князей. Усиленіе его объясняется, главнымъ образомъ, политическою обособленностью Галиціи отъ другихъ русскихъ земель: въ теченіе ста лѣтъ, т. е. съ конца XI до конца XII вѣка, въ ней, съ ничтожными лишь перерывами, княжила одна династія Ростиславичей (т. е. потомковъ внука Ярослава Мудраго—Ростислава Владиміровича), пользовавшаяся услугами мѣстной дружины—боярства; пришлая дружина не смѣняла мѣстную, не лишала ее вліянія. Послѣдняя слагалась, поэтому, въ аристократическое сословіе, владѣвшее крупными земельными богатствами, наслѣдственно служившее князьямъ и получавшее важныя правительственныя назначенія.

дружинники, пріобрѣтая земельную собственность, часто засиживались въ волости несмотря на то, что въ ней мѣнялся князь: отъ прежняго князя они переходили на службу къ новому; далѣе, княжескіе дружинники вмѣстѣ съ горожанами принимали дѣятельное участіе въ торговыхъ предпріятіяхъ и, наконецъ, раздѣляли съ ними административныя заботы, такъ какъ, кромѣ княжеско-дружинной, существовала вѣдь и городская администрація, напр., выборные сотскіе, десятскіе.

Конечно, не всѣ русскіе города вели торговлю, да и въ торговыхъ городахъ не все населеніе жило ею. Понятно поэтому, что рядовые городскіе обыватели, меньшіе люди, должны были заниматься также земледѣліемъ и, значитъ, близко примыкали къ простолюдинамъ — сельчанамъ, называвшимся смердами. Послѣдніе представляли собою земледѣльческое населеніе древней Руси. Обладая всѣми правами свободныхъ, смерды пользовались, однако, на дѣлѣ меньшимъ значеніемъ, чѣмъ горожане, такъ какъ не принимали участія въ городскомъ вѣчѣ. Ближайшее отношеніе къ завѣдыванію и управленію смердами имѣли князья, которые судили ихъ, брали съ нихъ различные налоги и подати и имѣли право на наслѣдованіе имуществомъ смердовъ, не оставившихъ послѣ себя дѣтей. Но, конечно, управленіе князя и его должностныхъ лицъ не могло касаться всѣхъ сторонъ жизни смердовъ, проникать вглубь ея. Поэтому смерды пользовались значительной долей *самоуправленія*. Они жили *общинами*, каждая изъ которыхъ сама раскладывала между своими членами тѣ подати, которыя шли князю, выбирала своихъ старостъ, сотскихъ и десятскихъ, имѣла свой судъ, вѣдавшій маловажныя дѣла, и распоряжалась землями, находившимися не въ частномъ, а въ общемъ владѣніи (напр., лѣсами, выгонами и т. д.).

Вопросъ о томъ, были ли смерды собственниками обрабатываемыхъ ими земель, или послѣднія являлись собственностью князя и давались смердамъ только въ пользованіе, рѣшается неодинаково различными изслѣдователями. Повидимому, правильнѣе признавать смердовъ княжескими арендаторами. Смерды считались низшимъ слоемъ свободнаго населенія. Среднее положеніе между свободными и несвободными занимали *закупы*. Это были должники, обезпечивавшіе своей работой на заимодавца сумму долга и освобождавшіеся отъ его власти лишь уплатою ему этой суммы. Въ отличіе отъ холоповъ (рабовъ), они пользовались гражданскими правами: именно, они сами отвѣчали передъ судомъ за содѣянныя преступленія, личность ихъ охранялась закономъ, и господинъ, нарушившій установленныя отношенія къ закупу, подвергался отвѣтственности. Тѣмъ не менѣе они находились въ довольно ощутительной зависимости отъ господъ, такъ какъ послѣднимъ было предоставлено право 1) наказывать закуповъ «за дѣло», 2) обращать ихъ въ рабство въ случаѣ попытки къ побѣгу или кражи, совершенной закупами у другого лица, 3) привлекать ихъ къ отвѣт-

ственности за причиненные въ хозяйствѣ убытки. Приниженность закуповъ сказывалась и въ томъ, что на судѣ можно было ссылаться на свидѣтельство ихъ только «по нуждѣ», т. е. при отсутствіи свидѣтелей изъ людей вполнѣ свободныхъ [1]).

Наряду съ закупами слѣдуетъ упомянуть *изгоевъ*. Къ нимъ относились 1) выкупившіеся изъ неволи холопы, 1) безграмотные поповичи, 3) разорившіеся купцы. Будучи людьми, вышедшими изъ того общественнаго положенія, къ которому они принадлежали по происхожденію, выбитыми изъ привычной колеи, изгои нуждались и въ матеріальномъ обезпеченіи и въ защитѣ болѣе сильныхъ. Они работали на земляхъ, принадлежавшихъ князьямъ или духовенству, и находились подъ церковной опекой. Церковь, какъ увидимъ, стремилась облегчить также положеніе холоповъ.

§ 13. Холопы.

Несвободное населеніе носило названіе *холоповъ*, *челяди*, *слугъ*. Число ихъ было весьма значительно, такъ какъ существовало много источниковъ рабства. Именно, въ холоповъ обращались: 1) непріятели, взятые въ плѣнъ, 2) люди, продавшіеся или проданные своими родителями въ неволю, 3) поступившіе на нѣкоторыя хозяйственныя должности къ другимъ лицамъ безъ договора о сохраненіи за собою свободы, 4) женившіеся на рабыняхъ безъ договора съ ихъ хозяевами, 5) неоплатные должники, 6) приговоренные къ неволѣ за тяжкія преступленія и 7) всѣ потомки несвободныхъ. Холопы работали на своихъ господъ и считались ихъ полною собственностью. Древнерусскіе обычаи и законы охраняли не личность рабовъ, а лишь права на нихъ ихъ хозяевъ. Поэтому, виновный въ убійствѣ или кражѣ чужого холопа подвергался судебной отвѣтственности лишь за то, что своимъ преступленіемъ наносилъ имущественный ущербъ господину холопа; за это, какъ и за уничтоженіе или похищеніе любой чужой вещи, онъ долженъ былъ внести штрафъ-продажу и уплатить хозяину «урокъ»—стоимость холопа. Первоначально холопы не пользовались никакими правами. Такъ, они не могли имѣть своего имущества (все пріобрѣтенное ими принадлежало господину), вступать отъ своего имени въ торговыя сдѣлки, быть свидѣтелями на судѣ, отвѣтствовать передъ судомъ за свои преступленія (за преступленія холоповъ отвѣчалъ ихъ господинъ).

---

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи считали закуповъ просто «наймитами», т. е. наемными рабочими. Однако пересмотръ вопроса о закупахъ, произведенный П. И. Яковкинымъ (Ж. М. Н. Пр., 1913 г. Апрѣль и Май) выяснилъ, что закупничество тождественно съ Schuldknechtschaft'омъ (долговой кабалой) норвежскаго права, представляющимъ собою «самозакладъ должника» въ обезпеченіе долга, и что закупы, какъ и Schuldknecht'ы, юридически считались свободными, фактически же находились въ положеніи полурабовъ.

Съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ Церкви, проводившей идею равенства людей и не признававшей рабства, а также вслѣдствіе житейскихъ условій, положеніе холоповъ нѣсколько измѣнилось къ лучшему. Такъ какъ у своихъ господъ они исполняли иногда отвѣтственныя обязанности, а княжескіе рабы служили часто даже должностными лицами, то установилась различная оцѣнка ихъ, и за убійство нѣкоторыхъ княжескихъ холоповъ платилось даже больше, чѣмъ за свободныхъ людей.

Изъ изложеннаго видно, что въ основѣ дѣленія древне-русскаго общества на классы лежали 1) политическія права, 2) имущественное положеніе. По своимъ политическимъ правамъ населеніе раздѣлялось на привилегированныхъ—княжихъ людей или княжихъ мужей, называвшихся боярами,—на свободныхъ людей (простолюдиновъ)—и на несвободныхъ—безправныхъ холоповъ. Имущественныя отношенія вызывали дробленіе общества на старцевъ градскихъ, лучшихъ и меньшихъ людей, закуповъ и изгоевъ. Иными словами, какъ и слѣдовало ожидать, общественный строй Кіевской Руси въ значительной мѣрѣ обусловливался ея экономическимъ бытомъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Экономическое состояніе Кіевской Руси и исторія ея упадка.

§ 14. Промышленность.

Въ Кіевскій періодъ преобладали тѣ же хозяйственныя занятія, какъ и въ эпоху, предшествовавшую образованію Русскаго государства, именно,—добывающая и обрабатывающая промышленность, сельскохозяйственная дѣятельность и торговля.

Добывающая промышленность.

Тѣ самые виды добывающей промышленности—охота, рыболовство и пчеловодство (бортничество),—наличность которыхъ въ до-государственный періодъ удостовѣряется раскопками, упоминаются въ Русской Правдѣ и другихъ источникахъ. Такъ, напр., Русская Правда обезпечиваетъ интересы звѣролововъ и бортниковъ. Изъ показаній Мономаха видно, что охота на дикихъ звѣрей признавалась большой заслугой князя, и что звѣроловство организовано было на широкихъ началахъ. То же можно сказать и о рыболовствѣ, которымъ занимались особыя «ватаги» или артели.

Обрабатывающая промышленность и искусство.

Обрабатывающая промышленность стояла на второмъ планѣ. Тѣмъ не менѣе удостовѣрено не мало отраслей ея, напр., ремесла: гончарное, кузнечное, слесарное, ткацкое, кожевенное, столярное, плотничье и др. «Чрезвычайно важнымъ, по словамъ проф. Багалѣя, является фактъ существованія цѣлыхъ ремесленныхъ организацій», изъ чего

видно, что «ремесло являлось профессіей опредѣленныхъ группъ населенія».

Изъ искусствъ прежде всего развились зодчество, особенно церковное, фресковая и мозаичная живопись, филигранное[1]) и ювелирное мастерства. Указанныя отрасли искусства и художественной промышленности возникли преимущественно подъ византійскимъ вліяніемъ; первыми нашими зодчими и художниками были греки; они сумѣли создать себѣ хорошихъ подражателей и среди русскихъ мастеровъ, имена которыхъ встрѣчаются въ лѣтописяхъ. И искусство, и художественное производство особенно процвѣтали въ Кіевѣ.

Своимъ внѣшнимъ видомъ Кіевъ возбуждалъ удивленіе иностранцевъ-путешественниковъ XI вѣка. Они называютъ его «вѣнцомъ Востока», соперникомъ Константинополя, насчитываютъ въ немъ нѣсколько сотъ церквей и около десятка рынковъ. Конечно, эти отзывы очень преувеличены, но во всякомъ случаѣ Кіевъ былъ богатымъ, хорошо обстроеннымъ и многолюднымъ городомъ. Населеніе его было очень многочисленно (въ XII вѣкѣ оно доходило, пожалуй, до 100.000 ч.) и отличалось разноплеменностью: кромѣ туземцевъ и пріѣзжихъ русскихъ купцовъ, здѣсь проживали, занимая цѣлые кварталы, западноевропейскіе купцы (такъ называемые латины), евреи и армяне. Богатство и населенность Кіева объясняются тѣмъ, что онъ былъ торговымъ центромъ древней Руси.

§ 15. Торговля.

Какъ уже много разъ упоминалось, начало оживленной торговли восточныхъ славянъ относится къ очень давнему времени—къ эпохѣ хозарскаго господства въ степяхъ. Доказательства процвѣтанія торговли.

Объ ихъ обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ сохранились многочисленныя свидѣтельства арабскихъ и византійскихъ историковъ. Равнымъ образомъ обнаруженіе въ Приднѣпровьѣ кладовъ съ арабскими монетами VII, VIII и IX вв. доказываетъ, что отсюда велась бойкая торговля съ азіатскимъ Востокомъ. Далѣе, указанный уже фактъ, что расположенные по рѣкамъ торговые города способствовали переходу племеннаго быта въ волостной и притягивали къ себѣ разноплеменное населеніе (стр. 12), убѣждаетъ также въ важности значенія торговли. Въ этомъ убѣждаетъ и характеръ дѣятельности первыхъ князей, стремившихся къ сохраненію старыхъ и пріобрѣтенію новыхъ рынковъ (стр. 32). Наконецъ, о широкомъ развитіи торговыхъ оборотовъ свидѣтельствуетъ «Русская Правда», которая удѣляетъ много статей выясненію различныхъ имущественныхъ отношеній, напр., займа, процента, торговой несостоятельности и т. п.

---

[1]) Замѣчательнѣйшимъ памятникомъ филигранаго искусства считается «Мономахова шапка».

При преобладаніи добывающей промышленности русскіе, естественно, торговали по преимуществу ея продуктами: главными предметами вывоза были мѣха, медъ и воскъ. (Во множествѣ вывозилась на продажу также рыба). Ввозились же на Русь обработанные продукты и предметы роскоши, напр., оружіе, металлическія издѣлія, матеріи, плоды, вина и т. д.

Первоначально торговля была мѣновой, такъ какъ своихъ денегъ славяне не имѣли и въ качествѣ орудія обмѣна, т. е. средства для опредѣленія сравнительной цѣнности товаровъ, употребляли, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, мѣха животныхъ. Впослѣдствіи названія различныхъ мѣховъ (куны, ногаты, рѣзаны и векши) сдѣлались названіями частей денежной единицы — гривны, представлявшей собою продолговатый серебряный слитокъ, вѣсомъ въ нынѣшній фунтъ, т. е. 96 золотниковъ. Впрочемъ, мнѣніе о существованіи на Руси «мѣховыхъ денегъ» является лишь гипотезою, не получившею общаго признанія. Къ тому же самый терминъ «деньги» можно примѣнять къ Кіевской Руси лишь условно, такъ какъ онъ, какъ увидимъ ниже, заимствованъ русскими отъ татаръ, на языкѣ которыхъ «денгою» называлась мелкая серебряная монета; современному же значенію понятія «деньги» (въ смыслѣ орудія обмѣна вообще) соотвѣтствовалъ въ Кіевскій періодъ терминъ «куны». Это слово употреблялось, какъ выше сказано, и въ другомъ, болѣе узкомъ смыслѣ, именно какъ обозначеніе *части* гривны. На происхожденіи послѣдней, по мнѣнію проф. И. И. Кауфмана, сказалось вліяніе арабской денежной системы, съ которою восточные славяне должны были хорошо познакомиться благодаря своей торговлѣ. «Тѣ сношенія, которыя къ намъ занесли въ огромномъ количествѣ куфическія (арабскія) монеты, вмѣстѣ съ ними занесли вѣсъ, на которомъ эти монеты были основаны. Этимъ вѣсомъ былъ иракскій фунтъ, тождественный съ нынѣшнимъ нашимъ фунтомъ, въ 96 золотниковъ». Такой именно вѣсъ получила и древнерусская гривна серебра. Въ видѣ слитка она служила въ домонгольскій періодъ и вѣсовою единицею (т. е. обозначеніемъ вѣса), и самою крупною и главною—денежною. (Совпаденіе названій вѣсовыхъ и денежныхъ единицъ встрѣчается очень часто, напр., греческая мина, французскій ливръ, англійскій фунтъ и т. д.). Сходство древне-русской денежной системы съ арабскою не ограничивалось тождествомъ гривны и иракскаго фунта, а простиралось и дальше: Владиміръ Св. при чеканкѣ своей монеты шелъ за арабами; его золотыя монеты соотвѣтствовали арабскимъ динарамъ, серебряныя — диргемамъ.

Торговые центры.

Во время процвѣтанія Кіевской Руси торговля велась очень оживленно. Ея важнѣйшими центрами были Кіевъ и Новгородъ. Изъ Кіева торговые пути шли по всѣмъ направленіямъ, и русскіе купцы заводили сношенія со многими окрестными странами: съ азіатскимъ Востокомъ, съ Византіей, ея владѣніями въ Крыму и съ нѣкоторыми западно-европейскими городами (напр., Регенсбургомъ, Прагой и друг.).

Развита была и внутренняя торговля съ сѣвернымъ Приднѣпровьемъ и съ Новгородомъ. Что касается послѣдняго, то его кипучая торговая дѣятельность объяснялась не только выгодами его географическаго положенія, но являлась также слѣдствіемъ широко развитой новгородской колонизаціи и удовлетвореніемъ насущныхъ нуждъ населенія. Колонизація обусловливалась причинами экономическими и политическими. Окрестности Новгорода были неплодородны. При неумѣніи удобрять почву приходилось часто бросать истощенныя земли и передвигаться на новыя. Къ передвиженіямъ побуждала также добывающая промышленность. Колонизація могла имѣть и политическія основанія: при постоянной борьбѣ партій въ Новгородѣ недовольные слои его общества искали себѣ счастья и выгодъ въ другихъ мѣстахъ. Такъ, движимые различными побужденіями, новгородцы разъѣзжали на своихъ лодкахъ, такъ называемыхъ «ушкуяхъ» (отсюда произошло названіе «ушкуйники») по сѣвернымъ русскимъ рѣкамъ и по Бѣлому морю, основывали многочисленныя колоніи и утверждали свою власть (правда, не вездѣ одинаково прочно) на громадномъ пространствѣ, охватывающемъ весь сѣверъ Восточно-европейской равнины.

Изъ своихъ обширныхъ владѣній Новгородъ получалъ во множествѣ продукты добывающей промышленности (напр., мѣха, кожи, медъ, воскъ, ленъ, коноплю, рыбу, китовое и моржевое сало, деготь и т. п.). Они не потреблялись цѣликомъ мѣстнымъ населеніемъ, а составляли предметъ торговли; въ обмѣнъ на свое сырье Новгородъ получалъ то, въ чемъ онъ настоятельно нуждался: именно, изъ русскихъ областей шелъ въ него хлѣбъ, изъ азіатскихъ земель, и особенно изъ Западной Европы, всевозможные обработанные продукты, излишекъ которыхъ новгородцы перепродавали потомъ по всей Руси.

Торговля Новгорода съ Скандинавскими странами и съ Прибалтійскимъ краемъ — весьма древняго происхожденія. Въ XII вѣкѣ особенно оживленныя сношенія велись съ островомъ Готландомъ, торговымъ центромъ котораго былъ городъ Висби, а затѣмъ съ Любекомъ, сдѣлавшимся въ концѣ XIII вѣка главой знаменитаго торговаго союза — Ганзы. «Нѣмецкій дворъ» (т. е. поселеніе нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородѣ) сталъ подчиненной Ганзѣ конторой, и такимъ образомъ, въ лицѣ его, Новгородъ тоже вошелъ въ Ганзейскій союзъ, но скорѣе проигралъ, чѣмъ выигралъ отъ этого: опираясь на мощную поддержку Ганзы, нѣмецкій дворъ обратился въ какое-то государство въ государствѣ, пользовавшееся самоуправленіемъ и почти неподвѣдомственное мѣстнымъ властямъ; онъ опуталъ новгородцевъ договорами и сосредоточилъ въ своихъ рукахъ западную новгородскую торговлю. Еще больше страдала послѣдняя отъ частыхъ войнъ Новгорода со шведами, прибалтійскими нѣмецкими рыцарями и Литвою.

Однако, несмотря на всѣ стѣсненія, которымъ подвергалась торговля со стороны замкнутаго въ себѣ нѣмецкаго двора, корыстной

Ганзы и враговъ-сосѣдей, она все же была важнѣйшимъ занятіемъ жителей Новгородской области и стояла на высокой ступени развитія вплоть до конца XV вѣка. Несравненно скорѣе замерла она въ *собственно Кіевской Руси — въ Приднѣпровьѣ.*

Упадокъ торговли.

Экономическое процвѣтаніе Приднѣпровской Руси было непродолжительнымъ: торговля здѣсь скоро стала приходить въ упадокъ. Уже въ X вѣкѣ Святославъ Игоревичъ, разгромивъ Болгарское и Хозарское царства, нанесъ жестокій ударъ восточной торговлѣ, которая велась, главнымъ образомъ, черезъ посредство Великаго Булгара и Итиля. Въ позднѣйшее время, вслѣдствіе занятія южно-русскихъ путей половцами, а затѣмъ татарами, сдѣлались затруднительными и торговыя сношенія съ югомъ — Византіей и Крымомъ. Русскіе купцы, торговавшіе съ Греціей, такъ называемые «гречники», подвергались постояннымъ грабежамъ и нуждались въ сильной военной защитѣ. Къ тому же «великій путь изъ Варягъ въ Греки» утратилъ прежнее значеніе вслѣдствіе того, что происходившіе въ это время крестовые походы вызвали перемѣщеніе торговыхъ центровъ. Что касается торговли съ Западной Европой, то хотя она не прекращалась, однако, какъ сказано, постепенно переходила въ руки иностранныхъ купцовъ и новгородцевъ.

По мѣрѣ замиранія торговли населенію приходилось обращаться преимущественно къ земледѣлію. Земли въ Кіевской Руси было достаточно, и занимать свободную землю могъ всякій, кто прилагалъ къ ней свой трудъ. Но для того, чтобы завести хозяйство или возстановить его послѣ опустошенія, произведеннаго княжескими усобицами и половецкими нашествіями, нужны были средства, а ихъ не имѣлось у разоренныхъ смердовъ. Поэтому въ періодъ упадка Кіевской Руси мелкое землепользованіе встрѣчалось рѣже, чѣмъ раньше. Однако и крупное землевладѣніе князей, княжескихъ дружинниковъ и монастырей, пользовавшихся даровымъ трудомъ холоповъ, не могло устоять при неблагопріятныхъ условіяхъ, роковымъ образомъ приводившихъ Приднѣпровскую Русь къ полному упадку.

§ 16. Упадокъ экономическаго и политическаго значенія Приднѣпровской Руси.

Изъ вышеизложеннаго выяснилось, что три недуга подтачивали благосостояніе Кіевской Руси, вносили полное разстройство въ ея жизнь: половецкія нашествія разрушали ее извнѣ, княжескія усобицы терзали ее изнутри, а несовершенство общественнаго порядка, сказывавшееся въ широкомъ распространеніи рабовладѣнія и упадкѣ сельскаго населенія, вызывало сильное недовольство въ средѣ низшихъ слоевъ кіевскаго общества, которые притомъ больше всѣхъ страдали и отъ половцевъ, и отъ княжескихъ неурядицъ.

Подъ вліяніемъ этихъ неблагопріятныхъ условій многія мѣстности Кіевской Руси приходили въ запустѣніе.

Оно объясняется не только непосредственнымъ вліяніемъ княжескихъ смутъ и набѣговъ половцевъ, но и тѣмъ, что населеніе отливало изъ Приднѣпровскаго края, гдѣ ему жилось тяжело и тревожно, и переходило въ болѣе спокойныя мѣста: на западъ, въ область верхняго Днѣстра и Вислы — въ Волынь, Галицію и Полѣсье, и на сѣверо-востокъ — въ сѣверную часть Черниговской волости и далѣе въ Поволжье. Этотъ постепенный отливъ населенія изъ Приднѣпровья, начавшійся въ концѣ XII в., способствовалъ его упадку и въ то же время содѣйствовалъ возникновенію *новыхъ политическихъ центровъ* въ тѣхъ мѣстахъ, куда направлялась колонизація.

Что же касается самого Кіева, то по мѣрѣ замиранія торговли, являвшейся для него главной живительной силой, и по мѣрѣ усиленія усобицъ, городъ этотъ утрачивалъ свою экономическую и политическую роль. Правда, его политическій упадокъ сказывался лишь *постепенно*. Поэтому исторію Кіевскаго княжества послѣ смерти Ярослава дѣлятъ обыкновенно на три періода: I—отъ 1054 до 1132 г., II — отъ 1132 до 1169 г. и III — отъ 1169 до 1240 г.

Въ первый періодъ признаки упадка Кіевскаго княжества еще мало замѣтны: Кіевъ попрежнему играетъ первенствующую роль среди русскихъ городовъ и переходитъ отъ одного князя къ другому безъ особенно грубыхъ нарушеній правъ старшинства. Кіевскіе князья сохраняютъ важное значеніе и, какъ старшіе, руководятъ обще-княжескими предпріятіями. Замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ былъ внукъ Ярослава, Владиміръ Всеволодовичъ, по прозванію Мономахъ.

Послѣ смерти Мстислава I (сына Мономаха) начался *второй періодъ* исторіи Кіевскаго княжества (1132 — 1169 г.), бывшій эпохой особенно ожесточенной *борьбы за Кіевскій престолъ*. Борьба эта, въ которую князья многократно вмѣшивали половцевъ, страшно разоряла и ослабляла Кіевское княжество. *Сокращались*, кромѣ того, и самые *размѣры его*, такъ какъ, чтобы удовлетворить своихъ соперниковъ, кіевскіе князья должны были уступать имъ часть своихъ владѣній. Вслѣдствіе этого постепенно *падало ихъ междукняжеское значеніе*. Тѣмъ не менѣе Кіевъ продолжалъ еще сохранять свою *притягательную силу*, и за него въ это время боролись наиболѣе *видные князья*. Именно, борьба велась между слѣдующими княжескими линіями: *Мстиславовичами* (потомками Мстислава I Владиміровича), младшими *Мономаховичами* (младшими сыновьями Мономаха и ихъ дѣтьми), *Ольговичами* и *Давидовичами* (т. е. сыновьями Олега и Давида Святославичей, внуковъ Ярослава Мудраго). Одни и тѣ же князья по нѣсколько разъ овладѣвали Кіевомъ и по нѣсколько разъ лишались его. Наибольшій интересъ, по своему упорству и по количеству участниковъ, представляетъ борьба Изяслава II Мстиславича съ его дядей Юріемъ Владиміровичемъ, по прозванію Долгорукимъ.

Сынъ послѣдняго Андрей Боголюбскій, княжившій въ Ростово-Суздальскомъ краю и сумѣвшій создать тамъ новый политическій центръ Руси — Владиміръ на Клязьмѣ, — нанесъ Кіеву страшный ударъ,ославъ на него соединенныя полчища нѣсколькихъ князей. 8 марта 1169 г. они взяли Кіевъ и подвергли его сильному разоренію.

Послѣ этого начался *третій періодъ* исторіи упадка Кіевскаго княжества, продолжавшійся до разгрома его татарами. Періодъ этотъ характеризуется тѣмъ, что Кіевъ *совершенно утрачиваетъ значеніе политическаго центра древней Руси*. Въ политическомъ отношеніи онъ уступаетъ *не только Владиміру*, но и возвысившемуся въ началѣ XIII вѣка *западному городу Галичу*. *Ростово-Суздальскіе князья* (сперва Андрей, а затѣмъ братъ его Всеволодъ III) стремились распоряжаться Кіевомъ по своему усмотрѣнію и старались обратить князей кіевскихъ въ своихъ подручниковъ, т. е. подчиненныхъ, служилыхъ князей. Продолжавшійся раздѣлъ Кіевскаго княжества приводилъ къ тому, что нѣкоторые князья владѣли *однимъ только городомъ Кіевомъ*. Однако и въ этотъ періодъ были свѣтлые промежутки въ исторіи Кіевскаго княжества, когда оно могло нѣсколько отдохнуть отъ тревожныхъ неурядицъ и даже возобновить борьбу съ половцами. Но Кіевская Русь не могла устоять противъ новыхъ степныхъ враговъ—*татаръ*. При первомъ своемъ нашествіи они въ 1223 году нанесли страшное пораженіе соединеннымъ силамъ южнорусскихъ князей въ битвѣ на р. Калкѣ, а во время второго (Батыева) нашествія (1237 — 1240) татары подчинили своей власти Русскую землю и въ 1240 году разгромили Кіевъ. Послѣ этого онъ настолько потерялъ всякое значеніе, что или вовсе не имѣлъ князей, или же подчинялся власти князей, сидѣвшихъ въ другихъ городахъ.

Такимъ образомъ татарскій разгромъ нанесъ послѣдній, роковой, смертельный ударъ Кіевскому княжеству. Сама Кіевская земля не прекратила, конечно, своего существованія и послѣ этихъ тяжкихъ потрясеній: ея порѣдѣвшее, разбѣжавшееся отъ татаръ населеніе мало-по-малу стало возвращаться на развалины своихъ жилищъ; разоренный, растерзанный Кіевъ сталъ кое-какъ обстраиваться, и на обломкахъ прежней кипучей жизни началось новое житье подъ татарской зависимостью... Но экономическому и политическому первенству Кіева положенъ былъ безвозвратный конецъ. Прочнѣе и дольше всего сохранялъ Кіевъ свое первенство *церковное*, являясь мѣстопребываніемъ кіевскаго митрополита—предстоятеля Русской Церкви.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Церковь и просвѣщеніе.

Важнѣйшими событіями исторіи Русской Церкви и русскаго просвѣщенія въ Кіевскій періодъ являются: 1) пріобщеніе русскаго народа къ христіанству и греческой культурѣ, 2) установленіе церковной іерархіи, 3) основаніе монастырей, изъ которыхъ особенное значеніе получилъ Кіево-Печерскій.

§ 17. Распространеніе христіанства.

Христіанство до Владиміра Св.

Оставляя въ сторонѣ смутныя упоминанія иностранныхъ источниковъ о крещеніи какого-то народа Русь еще въ IX в., можно съ полной увѣренностью сказать, что въ половинѣ X вѣка христіанство было значительно распространено въ Кіевѣ. Оно проникало сюда или непосредственно изъ Византіи, или же черезъ посредство Болгаріи [1]). Первымъ вполнѣ достовѣрнымъ *русскимъ* источникомъ, доказывающимъ существованіе его на Руси до Владиміра Св., является договоръ Игоря съ Греками, заключенный въ 945 г. Присяга въ соблюденіи его приносилась двояко: послы Игоря-христіане—клялись въ Константинополѣ, въ Св. Софіи; «некрещеная же Русь» должна была принести языческую роту (т. е. клятву); изъ текста этого договора можно даже заключить, что въ Кіевѣ уже тогда существовала церковь Св. Иліи, что христіане въ немъ, по словамъ проф. Голубинскаго, «если не численно, то нравственно преобладали надъ язычниками, что они составляли партію политически-господствующую, въ рукахъ которой находилось веденіе государственныхъ дѣлъ». Преемница Игоря, Ольга, крестилась въ Царьградѣ, принявъ имя Елены, въ честь супруги царствовавшаго тогда императора Константина. При Святославѣ одолѣла языческая партія. Ярополкъ Святославичъ, очень недолго княжившій въ Кіевѣ, склонялся, повидимому, снова къ христіанству, но онъ погибъ въ борьбѣ съ Владиміромъ, который въ первыя семь лѣтъ своего правленія выказывалъ себя, какъ извѣстно, ревностнымъ идолопоклонникомъ и усердно насаждалъ языческій культъ. (Къ первому году княженія Владиміра древняя повѣсть пріурочиваетъ мученическую кончину двухъ варяговъ-

[1]) Роль Болгаріи, какъ посредницы въ дѣлѣ распространенія на Руси греческой культуры, христіанства и богослужебныхъ книгъ, особенно подчеркивается академикомъ А. А. Шахматовымъ. (См. рецензію на книгу Пархоменко «Начало христіанства Руси» въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1914 г. Августъ, а также рецензію на книгу М. Д. Приселкова «Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси» въ Научн. Истор. Журн. 1914 г. № 4).

христіанъ, растерзанныхъ толпой язычниковъ). Но въ 987 или 988 гг. торжеству язычества наступилъ конецъ: Владиміръ крестился самъ, крестилъ народъ, и съ этого времени христіанство сдѣлалось *господствующей* религіей на Руси.

Крещеніе Владиміра Св.

О томъ, какъ и гдѣ именно принялъ Владиміръ крещеніе, достовѣрныхъ свѣдѣній не имѣется: современные византійскіе писатели (Левъ-Діаконъ, М. Пселлъ, Кедринъ-Скилица и Зонара) не упоминаютъ о самомъ фактѣ крещенія, арабскій историкъ Яхъи кратко сообщаетъ о немъ; русскій памятникъ половины XI вѣка—«Слово о законѣ и благодати и похвала князю Владиміру» митрополита Иларіона по самому характеру своей темы заключаетъ въ себѣ не исторію крещенія Руси, а разсужденія о значеніи христіанства и о великихъ заслугахъ Владиміра; что же касается общеизвѣстнаго пространнаго сказанія о крещеніи Владиміра, помѣщеннаго въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», то оно не можетъ считаться вполнѣ достовѣрнымъ историческимъ источникомъ, такъ какъ, по мнѣнію изслѣдователей (проф. Голубинскаго и академика Шахматова), оно 1) представляетъ собою соединеніе двухъ или даже трехъ преданій, связанныхъ вмѣстѣ значительно *позже* крещенія Руси, а именно въ началѣ XII в., 2) содержитъ въ себѣ, наряду съ историческою правдою, также и легендарныя черты, 3) составлено не столько съ историческою, сколько съ *поучительною* цѣлью — доказать *преимущества греческой православной вѣры передъ всѣми другими*. Указанные источники, взятые въ отдѣльности, не вскрываютъ обстановки крещенія Владиміра, но въ своей совокупности даютъ все-таки приблизительное представленіе о событіяхъ, предшествовавшихъ этому факту и непосредственно слѣдовавшихъ за нимъ. Повидимому, дѣло обстояло такъ. Въ 987 г. противъ византійскаго императора Василія, получившаго впослѣдствіи прозваніе Болгаробойцы, поднялъ возстаніе одинъ изъ его военачальниковъ Варда-Фока. Бунтъ принялъ столь грозные размѣры, что императоръ вынужденъ былъ обратиться за помощью къ Владиміру. Послѣдній согласился оказать ее, но обставилъ свое согласіе нѣсколькими условіями, однимъ изъ которыхъ было супружество его, Владиміра, съ сестрой императора, Анной. Конечно, прежде чѣмъ жениться на византійской царевнѣ, нужно было принять христіанство, къ которому Владиміръ, можно думать, чувствовалъ теперь и душевное влеченіе, такъ какъ предпринятая имъ въ началѣ княженія реставрація язычества едва ли проистекала изъ искренняго убѣжденія. Вѣдь Владиміръ былъ внукомъ христіанки—Ольги; мать его, повидимому, тоже исповѣдывала христіанство; христіанки встрѣчались и средн его женъ. Поэтому онъ долженъ былъ хорошо знать христіанскую религію; приверженность же его къ языческому культу можно истолковать лишь какъ временную уступку языческой партіи, восторжествовавшей послѣ гибели Ярополка. Итакъ, собираясь вступить въ родственный союзъ съ византійскимъ домомъ, имѣющій,

очевидно, огромное государственное значеніе, Владиміръ крестится по греческому обряду и приступаетъ къ крещенію народа. Затѣмъ онъ оказываетъ военную помощь Василію, который, благодаря ей, справляется съ возстаніемъ. Избавившись отъ опасности, византійскій императоръ медлитъ выполнять условія, выговоренныя Владиміромъ, и послѣднему, чтобы добыть себѣ въ жены Анну, приходится предпринять походъ на крымскія владѣнія имперіи и временно захватить въ свои руки городъ Корсунь (древній Херсонесъ). Корсунь былъ взятъ весною 989 г., а такъ какъ, по свидѣтельству «Древнѣйшаго лѣтописнаго свода», Владиміръ пошелъ въ корсунскій походъ «на третье лѣто по крещеньи», то, значитъ, послѣднее правильнѣе всего относить къ 987 г., какъ это и дѣлается упомянутымъ сводомъ.

Крещеніе народа. Крещеніе народа начато было съ кіевлянъ. Вслѣдъ за ними были крещены жители Кіевской области, а затѣмъ, въ теченіе остальныхъ 25 лѣтъ княженія, Владиміру удалось крестить почти все чисто-славянское населеніе своей земли. Не крещеными при немъ остались инородческія (финскія) племена, а изъ славянскихъ—лишь радимичи и вятичи. Большая часть населенія принимала христіанство безъ сопротивленія; послѣднее замѣтно проявилось лишь въ Новгородѣ. Главными противниками христіанства были волхвы. Но противодѣйствіе волхвовъ не могло быть особенно сильнымъ, такъ какъ они не представляли сплоченной жреческой касты, а дѣйствовали въ-разбродъ. Важнѣйшей же причиной быстраго распространенія христіанства слѣдуетъ признать примитивность (неразвитость) языческой религіи. Главнымъ культомъ (т. е. формой богопочитанія) восточныхъ славянъ были празднества въ честь боговъ («игрища бѣсовскія», какъ называли ихъ впослѣдствіи) и жертвоприношенія. (Въ жертву приносили различные съѣстные продукты, домашнихъ животныхъ и птицъ, а въ исключительныхъ случаяхъ и людей). Ни храмовъ, ни жрецовъ восточные славяне не имѣли; ихъ боги не составляли одной опредѣленной семьи (какъ боги олимпійскіе) и представлялись въ неясныхъ, туманныхъ очертаніяхъ. Славянская религія не успѣла, подобно греческой и римской, развиться до антропоморфизма, т. е. представленія боговъ въ видѣ людей; зачатки послѣдняго появились не ранѣе X вѣка, когда на Руси начали ставить человѣкоподобные кумиры. Однако именно съ этого времени язычество стало постепенно вытѣсняться христіанствомъ. Правда, послѣднее первоначально не уничтожало язычества, а только покрывало его: языческія представленія или жили наряду съ христіанскими, вслѣдствіе чего получалось такъ называемое двоевѣріе, существовавшее очень долгое время, или же смѣшивались съ ними, образуя суевѣрія [1]).

---

[1]) Е. В. Аничковъ въ своемъ трудѣ: «Язычество и древняя Русь» устанавливаетъ какъ бы три періода развитія восточно-славянской религіи. 1) «Кореннымъ и изначальнымъ язычествомъ славянскихъ племенъ была *сельско-хозяйственная вѣра*»—

Для того, чтобы превратить русскихъ людей изъ внѣшнихъ христіанъ въ настоящихъ, нужно было совершить огромную, долгую работу—сдѣлать крещеную Русь книжной и грамотной, т. е. просвѣтить народъ. Начало этой работѣ было положено уже Владиміромъ. Общее крещеніе и просвѣщеніе народа возможно было лишь при наличности достаточнаго количества духовенства, цѣльной церковной іерархіи.

§ 18. Установленіе церковной іерархіи.

Изъ показаній источниковъ видно, что на Руси въ княженіе Владиміра были епископы, выступавшіе совѣтчиками князя (стр. 34); что же касается *митрополіи*, то первое вполнѣ достовѣрное упоминаніе объ ея учрежденіи относится лишь ко времени Ярослава, къ 1037 г., подъ которымъ въ «Древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ» записано: «заложи (Ярославъ) церковь святыя Соѳья, *митрополью*». Первымъ *достовѣрнымъ* кіевскимъ митрополитомъ былъ грекъ Ѳеопемптъ, поставленный на Русь въ 1037 г. Константинопольскимъ патріархомъ; существованіе его предшественниковъ - *митрополитовъ*, имена которыхъ (Михаилъ, Леонъ, Іоаннъ) упоминаются въ позднѣйшихъ источникахъ, подвергается сомнѣнію или даже отвергается современной исторической критикой. Кромѣ этихъ именъ, источники не даютъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о русской церковной іерархіи до 1037 г. Вотъ почему тѣмъ историкамъ, которые не хотятъ признать *митрополитовъ* — предшественниковъ Ѳеопемпта, остается одно изъ двухъ: или вовсе отказаться отъ сужденій о русскомъ церковномъ строѣ *до* 1037 г., или же судить о немъ *предположительно* по намекамъ и *косвеннымъ* указаніямъ русскихъ и иностранныхъ источниковъ.

почитаніе огня, солнца, воды—стихій, столь важныхъ въ жизни земледѣльцевъ. 2) Изъ этого исконнаго язычества выдѣляется затѣмъ «городская вѣра» съ ея домашними культами, отвѣчающими потребностямъ личности и семьи. (Къ этому періоду относится, быть можетъ, и почитаніе Волоса—скотьяго бога, т. е. покровителя торговли—богатства, такъ какъ на древне-русскомъ языкѣ слово «скотъ» означало вообще имущество). 3) Къ началу княженія Владиміра относится попытка «религіозно-политической реформы»: этотъ князь, по словамъ лѣтописи, «ставитъ на холму, *внѣ двора теремнаго* кумиры и, прежде всего, кумиръ Перуна. По толкованію Аничкова, такимъ поставленіемъ Перуна *внѣ* своего двора Владиміръ предназначилъ этого бога, бывшаго первоначально дружинно-княжескимъ богомъ, для *общественнаго поклоненія* и окружилъ его сонмомъ другихъ боговъ—боговъ покоренныхъ племенъ. Значитъ, Владиміръ поступилъ подобно римлянамъ, вводившимъ въ свой пантеонъ божества подвластныхъ народностей: богъ властелина Владиміра — Перунъ сталъ богомъ боговъ, получилъ *общее* почитаніе. Вводя единообразіе въ религіозную систему, Владиміръ, по мнѣнію Аничкова, дѣлалъ послѣднюю попытку борьбы со стремленіемъ Византіи распространить на Руси христіанство. Такая попытка, какъ извѣстно, не удалась.

Второй путь избранъ новѣйшимъ изслѣдователемъ М. Д. Приселковымъ въ началѣ его труда: «Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси». Сущность его выводовъ сводится къ слѣдующему. М. Д. Приселковъ полагаетъ, что всѣ кіевскіе государи, начиная съ Ольги (а, можетъ быть, и съ Игоря), готовясь къ распространенію христіанства на Руси, домогались установленія независимой церковной іерархіи, иными словами, стремились къ тому, чтобы будущая Русская Церковь сдѣлалась вполнѣ самостоятельной, не подчиненной какой-либо другой. Добиться этого отъ Византіи не удалось, такъ какъ послѣдняя, въ силу установившейся традиціи, всегда посягала на церковную, а до извѣстной степени даже на политическую независимость тѣхъ народовъ, которые принимали отъ нея церковное устройство. Поэтому Владиміръ, крестившійся самъ и приступившій къ крещенію народа, вынужденъ былъ, послѣ тщетныхъ переговоровъ съ Константинопольскимъ правительствомъ, искать желаемой іерархіи въ другомъ мѣстѣ—въ новомъ Болгарскомъ государствѣ, духовный предстоятель котораго — патріархъ Охридскій — былъ фактически независимъ отъ Византіи. Оттуда Русь и получила въ 990 г. свое церковное устройство. Однако оно было очень далекимъ отъ самостоятельности: Охридскій патріархъ учредилъ Кіевскую епископію, къ которой вскорѣ присоединилась Новгородская, а затѣмъ и Бѣлгородская, но поставилъ Русскую Церковь въ подчиненіе себѣ. Когда въ 1018 г. Болгарское царство покорено было Византійскимъ императоромъ Василіемъ Болгаробойцей, послѣдній переименовалъ Охридскаго патріарха въ архіепископа, однако, сохранилъ всѣ его права и, значитъ, его власть надъ Русской Церковью. Послѣ же смерти этого бывшаго патріарха, а именно въ 1037 г. положеніе какъ Охридской, такъ и Русской Церквей существенно измѣнилось. Съ этого времени, по словамъ М. Д. Приселкова, «архіепископія Охридская, завѣдуя Церковью всего болгарскаго народа, совершенно превратилась изъ болгарской въ греческую, ставъ центромъ огреченія болгаръ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Русская Церковь была изъята изъ-подъ вѣдѣнія Охридскаго архіепископа и, какъ новая *митрополія* (порученная Θеопемпту), вошла въ составъ Константинопольскаго патріархата». Каѳедральнымъ соборомъ стала уже не Десятинная Церковь, какъ это было въ первое время по крещеніи, а заложенный въ 1037 г. храмъ Св. Софіи.

Предположеніе о первоначальной зависимости Русской Церкви отъ Охридскаго патріархата.

Приведенные выводы М. Д. Приселкова вызвали нѣсколько возраженій. Такъ, академикъ Шахматовъ [1]) признаетъ недостаточно убѣдительными его доводы въ пользу установленія на Руси Охридской церковной іерархіи *при* Владимірѣ [2]) и недоказаннымъ его мнѣніе

[1]) См. рецензію въ Научн. Истор. Журн. 1914 г. № 4. Многимъ другимъ выводамъ, заключающимся въ остальныхъ частяхъ книги М. Д. Приселкова, акад. Шахматовъ придаетъ большую цѣнность и вполнѣ соглашается съ ними.

[2]) Важнѣйшими доводами являются: 1) умолчаніе греческихъ источниковъ и

объ *исконномъ* стремленіи русскихъ князей къ церковной самостоятельности [1]). Первоначальная церковная зависимость Кіевской Руси отъ Охриды или отъ другого болгарскаго центра, «созданная самимъ фактомъ распространенія христіанства въ Кіевскую Русь изъ Болгаріи» (стр. 49), представляется академику Шахматову «несомнѣнной», но онъ склоненъ думать, что *именно Владиміръ* нарушилъ эту зависимость своимъ обращеніемъ къ грекамъ и принятіемъ на Русь греческаго духовенства—въ лицѣ хотя бы корсунянъ-епископовъ,—что онъ «пріобщилъ Русскую Церковь именно къ *Греческой*, разорвавъ исконную связь Кіева съ Болгаріей». Значитъ, въ противоположность М. Д. Приселкову, А. А. Шахматовъ отодвигаетъ эту связь *вдалъ*, въ тѣ времена, когда христіанство на Руси не было еще господствующей религіей. Напротивъ, стремленіе къ церковной самостоятельности А. А. Шахматовъ пріурочиваетъ лишь къ *послѣдующему* времени—эпохѣ Ярослава и его преемниковъ. При Ярославѣ такое стремленіе (въ этомъ съ М. Д. Приселковымъ согласны и другіе изслѣдователи) особенно ярко и замѣтно проявилось: по предложенію Ярослава, въ 1051 г., соборъ *русскихъ* епископовъ избралъ на кіевскую митрополію *русскаго* пресвитера Иларіона. Но въ Константинополѣ, повидимому, отказали въ утвержденіи его, и Русской Церкви пришлось снова склониться передъ греческой іерархіей, а именно принимать митрополитовъ изъ среды греческаго духовенства, поставляемыхъ Константинопольскимъ патріархомъ, и признавать послѣдняго высшимъ своимъ начальникомъ. Въ спискѣ

русскаго Древнѣйшаго лѣтописнаго свода (составленнаго, какъ можно предположить, подъ руководствомъ митрополита грека Ѳеопемпта) объ установленіи русской церковной іерархіи и ея характерѣ до 1037 г., свидѣтельствующее, по мнѣнію Приселкова, о томъ, что «церковныя событія Кіевской державы до установленія митрополіи 1037 г. были какъ-то неудачны и непріятны для грековъ; ихъ неудача заключалась именно въ томъ, что Русь уклонилась отъ византійской зависимости, промѣнявъ ее на охридскую»; 2) христіанскія имена Бориса и Глѣба — Романъ и Давидъ, данныя имъ, вѣроятно, въ честь героевъ современной Владиміру Болгаріи; 3) совпаденіе именъ архіепископа Іоанна, дѣйствовавшаго на Руси въ 20 г.г. XI в., и архіепископа Іоанна (бывшаго патріарха), стоявшаго въ это время во главѣ охридской Церкви; основываясь на такомъ совпаденіи, М. Д. Приселковъ заключаетъ, что это не два разныхъ лица, а одно и то же, и предполагаетъ, что Іоаннъ охридскій наѣзжалъ на Русь по дѣламъ подвѣдомственной ему Кіевской Церкви.

[1]) Вполнѣ сознательное стремленіе къ этому М. Д. Приселковъ предполагаетъ, напр., у кн. Ольги. Онъ думаетъ, что ей при крещеніи была обѣщана независимая іерархія. Когда же, несмотря на вторичную поѣздку Ольги въ Царьградъ, обѣщаніе не было исполнено, княгиня попыталась будто бы получить іерархію отъ Западно-Римской Церкви и съ этою цѣлью обратилась къ Оттону Великому. (О прибытіи къ нему пословъ «Елены, королевы Руговъ», просившихъ посвятить для ея народа епископа и священниковъ, сообщаютъ западные лѣтописцы). Однако присланный Оттономъ на Русь епископъ вернулся обратно, «не успѣвъ ни въ чемъ». Его неуспѣхъ Приселковъ объясняетъ тѣмъ, что въ Кіевѣ желали вовсе не учрежденія «рядовой епископіи», а независимой іерархіи.

митрополій Константинопольскаго патріархата кіевская митрополія заняла 61 мѣсто по времени своего устроенія.

Выводы.

Изъ изложеннаго можно сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) Христіанство стало распространяться на Руси, особенно въ средѣ княжеской дружины, не позже первой половины X в.; въ это время въ Кіевѣ была уже христіанская церковь св. Иліи, а значитъ, и священники. По мнѣнію академика Голубинскаго, это были «варяжскіе священники», академикъ же Шахматовъ полагаетъ, что священники для церкви св. Иліи ставились, вѣроятно, въ Болгаріи, были подчинены одному изъ ея епископовъ, и что такимъ образомъ Русская Церковь *до* времени своего оффиціальнаго признанія находилась въ зависимости отъ Болгарской.

2) Болгарское вліяніе, болгарскіе учителя и книги подготовили почву для широкаго распространенія христіанства, и съ 987 или 988 г. оно сдѣлалось господствующей религіей на Руси. *Общее* крещеніе при Владимірѣ Св. Русь получила отъ грековъ; отъ нихъ же она получила и первыхъ епископовъ, т. е. *церковную іерархію*.

3) Высшій іерархъ русскій имѣлъ первоначально титулъ не митрополита, а архіепископа (въ житіяхъ свв. Бориса и Глѣба упоминается Іоаннъ, который въ текстѣ житій чаще называется архіепископомъ, чѣмъ митрополитомъ,—54 стр. прим.).

4) Первое *достовѣрное* упоминаніе о Русской *митрополіи* относится къ 1037 г.

§ 19. Устройство Русской Церкви при Ярославѣ и его преемникахъ.

Митрополиты.

Предстоятель Русской Церкви—кіевскій митрополитъ—находился въ подчиненіи у Константинопольскаго патріарха. Власть послѣдняго надъ Русскою Церковью выражалась въ томъ, что онъ, 1) по соглашенію съ Византійскимъ императоромъ, поставлялъ кіевскаго митрополита изъ среды греческаго духовенства безъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ съ русскими князьями и епископами, 2) имѣлъ право судить его самъ или черезъ своего уполномоченнаго, 3) могъ, когда находилъ это нужнымъ, вмѣшиваться въ дѣла русской митрополіи. Въ теченіе всего Кіевскаго періода было лишь два случая поставленія митрополитовъ не патріархами и не изъ грековъ. Первый случай уже указанъ (поставленіе Иларіона); второй—произошелъ въ княженіе Изяслава II Мстиславича, который, пользуясь тѣмъ, что митрополитъ-грекъ (Михаилъ) уѣхалъ въ 1145 г. изъ Кіева въ Царьградъ, поручилъ собору русскихъ епископовъ, созванному въ 1147 г., поставить на кіевскую митрополію Климента (Клима) Смолятича. Но онъ не добился патріаршаго утвержденія, да и русскіе епископы не всѣ признали законность его избранія. Поэтому Климъ дер-

жался на митрополіи лишь до тѣхъ поръ, пока властвовалъ въ Кіевской Руси Изяславъ. Когда же этого могучаго князя не стало, онъ сразу лишился опоры и вынужденъ былъ уступить свое мѣсто ставленнику Византіи (Константину).

Епископы.

Кіевскому митрополиту подчинены были епископы, по отношенію къ которымъ онъ пользовался такою же властью, какъ Константинопольскій патріархъ по отношенію къ нему. Епископскія епархіи возникали постепенно: открытіе ихъ обусловливалось преимущественно стремленіемъ князей къ обособленію своихъ земель въ отдѣльныя епископіи. Такъ какъ княжескія владѣнія часто перераспредѣлялись, то, понятно, и епископіи подвергались передѣламъ, и число ихъ было непостояннымъ. Такъ, напр., при сыновьяхъ Ярослава можно насчитать пять епископій (не считая митрополіи), при вокняженіи Владиміра Мономаха—8, при Изяславѣ II—9 или 10. Епископы поставлялись кіевскимъ митрополитомъ по *соглашенію* съ *мѣстными князьями*. Очевидно, что составъ епископовъ видоизмѣнялся въ зависимости отъ отношеній князей къ Византіи: при князьяхъ, приверженныхъ ей,—каѳедры замѣщались греками, при сторонникахъ національной Церкви—постриженцами русскихъ монастырей. Митрополитъ и епископы представляли собою церковное правительство; въ ихъ вѣдѣніи находились не только чисто-духовныя дѣла; они управляли также церковными имуществами и творили судъ лично или черезъ «намѣстниковъ».

Церковные доходы и епископскій судъ.

Церковь располагала весьма значительными доходами. Къ числу ихъ относились: 1) десятина, т. е. десятая часть княжескихъ доходовъ, которую князья жертвовали со времени Владиміра Св., 2) вознагражденія за церковныя требы, 3) плата, взимавшаяся митрополитами съ лицъ, посвященныхъ въ епископы, а епископами—съ рукополагаемыхъ въ священники, 4) вклады князей и частныхъ лицъ и 5) судебныя пошлины.

Вѣдомство епископскаго суда въ древней Руси было обширно: *извѣстная часть общества отвѣтствовала передъ нимъ за всякаго рода преступленія, другая—только за нѣкоторые опредѣленные проступки.* Лицами, подлежавшими *исключительно церковному суду* и не судившимися въ свѣтскомъ, были не только монахи, священно- и церковнослужители, но и такъ называемые *церковные люди*. Составъ послѣднихъ весьма разнообразенъ. Въ него входили: 1) семьи духовныхъ лицъ и церковнослужителей, 2) люди, жившіе на церковныхъ земляхъ, 3) убогіе и безпріютные, призрѣваемые въ церковныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, 4) отпущенные на свободу рабы и вообще изгои. Всѣ указанныя лица судились епископскимъ судомъ, и только при обвиненіи ихъ въ особо важныхъ преступленіяхъ въ этомъ судѣ участвовалъ княжескій уполномоченный; въ такомъ случаѣ судъ получалъ названіе общаго или «смѣснаго». (Послѣдній дѣйствовалъ и тогда, когда въ какомъ-нибудь дѣлѣ сталкивались интересы церковнаго и нецерковнаго лица).

За извѣстнаго рода проступки епископскому суду подлежали *всѣ безъ различія слои русскаго населенія.* Сюда относились, главнымъ образомъ, тѣ дѣянія, въ которыхъ древняя Русь усматривала не столько преступленія,—караемыя, какъ извѣстно, княжескимъ судомъ,—сколько грѣховность, а именно: 1) проступки противъ религіи (напр., святотатство, ворожба, волхвованіе, приверженность къ языческимъ обрядамъ), 2) дѣла бракоразводныя и проступки противъ нравственности и святости брака (напр., супружеская измѣна, многоженство, неправильное совершеніе браковъ и т. д.), 3) споры и распри между близкими родственниками, 4) ссоры и драки, не повлекшіе за собою серьезныхъ послѣдствій (иногда, впрочемъ, неумышленное убійство тоже подлежало церковному суду).

Осужденные церковнымъ судомъ подвергались не только денежнымъ штрафамъ, но несли и другія кары: церковную эпитемію, заключеніе подъ арестомъ, тѣлесныя наказанія[1]).

Вліяніе духовенства на міръ.

Посредствомъ своего суда духовенство оказывало значительное вліяніе на древне-русское общество. Кромѣ того, ему, какъ самому образованному классу, поручались иногда и чисто мірскія дѣла. *Политическое значеніе духовенства* было *велико:* митрополитъ кіевскій, титуловавшійся митрополитомъ «всея Руси», поддерживалъ идею ея *національнаго единства*, не нарушаемаго политическою раздробленностью; во время усобицъ митрополитъ «ходилъ между князьями», т. е. посредничалъ, стремился привести ихъ къ соглашенію; духовенство поднимало авторитетъ князей, какъ «избранниковъ Божіихъ», требовало повиновенія имъ, участвовало въ княжескихъ совѣщаніяхъ наряду со старшими дружинниками. Еще болѣе замѣтнымъ было

---

[1]) Церковный судъ заимствовалъ послѣднія изъ византійскаго законодательства, памятниками котораго онъ пользовался. Эти памятники, извѣстные на Руси, были слѣдующіе: 1) Номоканонъ (получившій въ русскомъ переводѣ названіе Кормчей книги)—сводъ церковныхъ правилъ и законовъ византійскихъ императоровъ касательно Церкви; 2) Эклога—византійскій сводъ, касающійся семейнаго права, составленный въ половинѣ VIII вѣка; 3) «Законъ судный людемъ»—славянская передѣлка Эклоги, возникшая у болгаръ въ IX вѣкѣ; 4) «Прохиронъ»—сводъ императора Василія Македонянина IX вѣка. На основаніи переводовъ этихъ византійскихъ законодательныхъ памятниковъ и на основаніи церковной судебной практики, составлены были русскіе *церковные уставы*, опредѣлявшіе вѣдомство епископскаго суда. Такихъ уставовъ нѣсколько: одинъ приписывается Владиміру Св., другой—Ярославу Мудрому, третій—новгородскому князю Всеволоду Мстиславичу; имѣются еще церковный уставъ новгородскаго князя Святослава Ольговича и уставная грамота Смоленской епархіи, данная княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ. Первые уставы дошли до нашего времени въ спискахъ, содержащихъ множество позднѣйшихъ вставокъ, измѣненій и наслоеній. Поэтому очень трудно составить представленіе о первоначальномъ ихъ видѣ. Да и вообще настолько же сомнительно считать Владиміра и Ярослава составителями указанныхъ церковныхъ грамотъ, насколько трудно признавать Ярослава авторомъ Русской Правды: *и Правда и церковные уставы возникали постепенно по мѣрѣ развитія свѣтскаго—княжескаго и церковнаго—епископскаго суда.*

нравственное вліяніе духовенства: въ своихъ поученіяхъ оно боролось съ суевѣріями и пережитками язычества, съ пороками, смягчало, по возможности, суровое отношеніе къ холопамъ, освобождало отъ рабства тѣхъ изъ нихъ, которые работали на церковныхъ земляхъ; оно принимало подъ свою защиту обездоленныхъ, занималось дѣлами благотворенія; оно, наконецъ, содѣйствовало устройству монастырей.

Кіево-Печерскій монастырь.

Замѣчательнѣйшимъ изъ древне-русскихъ монастырей былъ Кіево-Печерскій, зародившійся въ самомъ концѣ правленія Ярослава Мудраго и меньше, чѣмъ въ десять лѣтъ, выросшій изъ «печерки» отшельника въ первую по своему значенію святую обитель. Такимъ быстрымъ ростомъ монастырь обязанъ трудамъ своихъ устроителей, преподобныхъ Антонія († 1073 г.) и Ѳеодосія († 1074 г.) и особенно Никона. Первый изъ нихъ былъ извѣстенъ какъ убѣжденный подвижникъ-аскетъ, второй, кромѣ того, стяжалъ себѣ громкую славу образцоваго игумена, сумѣвшаго ввести въ монастырѣ суровый Студійскій уставъ, третій являлся великимъ церковнымъ и политическимъ дѣятелемъ съ необыкновенно широкимъ кругозоромъ. По словамъ Приселкова, Никонъ былъ «иниціаторомъ и двигателемъ роста и жизни обители, непримиримымъ борцомъ за общерусское дѣло—установленія на Руси независимой Церкви». Главнымъ образомъ благодаря ему дѣятельность Печерской лавры широко распространилась за предѣлы монастырской ограды: монастырь сталъ «*самостоятельнымъ отъ митрополіи* устроителемъ на Руси уставнаго монашества, разсадникомъ *русскихъ* епископовъ, борцомъ противъ огречиванія епископскихъ каѳедръ». Правда, такія націоналистическія стремленія встрѣчали откликъ не у всѣхъ князей: нѣкоторые изъ нихъ относились къ монастырю холодно, старались подчинить его греческой іерархіи; да и въ немъ самомъ послѣ кончины Никона непримиримое отношеніе къ послѣдней пошло на убыль. Но какія бы внѣшнія и внутреннія измѣненія ни переживала обитель, слава ея не меркла: она считалась свѣтильникомъ русскаго Православія, ей стремились подражать основатели другихъ многочисленныхъ монастырей.

Конечно, въ монастыряхъ встрѣчались и недостатки: строгіе уставы не всегда исполнялись, обрядовая сторона благочестія часто преобладала надъ внутреннимъ его содержаніемъ, инокамъ не чужды были мірскіе пороки. Несмотря на это, монастыри имѣли огромное значеніе, не исчерпывавшееся подготовленіемъ русскихъ епископовъ, нравственными примѣрами и благотворительностью. Игумены монастырей (особенно преп. Ѳеодосій), возвышали иногда свой голосъ и въ *политическихъ вопросахъ*, обличая князей за неправый судъ, дурное управленіе или распри. Еще важнѣе политической роли монастырей было ихъ крупное *просвѣтительное значеніе*: они были средоточіемъ образованности, и изъ монашеской среды вышли почти всѣ выдающіеся писатели древней Руси — составители проповѣдей и поученій, житій святыхъ и лѣтописцы.

§ 20. Просвѣщеніе.

Кругъ знаній.

Начало просвѣщенія совпадаетъ на Руси съ принятіемъ христіанства. По словамъ лѣтописи, уже Владиміръ Св. и Ярославъ I положили основаніе школьному обученію дѣтей. Оно ограничивалось обыкновенно чтеніемъ, письмомъ и начатками ариѳметики. Лица, подготовлявшіяся къ высшимъ духовнымъ должностямъ, изучали, кромѣ того, греческій языкъ и, вѣроятно, ораторское искусство. Всѣ другія познанія, извѣстныя въ древней Руси, пріобрѣтались посредствомъ самообразованія, т. е. чтенія. «Источникомъ мудрости» русскихъ людей была довольно обширная византійская литература, переведенная на южно-славянскія нарѣчія (начало такимъ переводамъ положено было, какъ извѣстно, свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ) или же на русскій языкъ.

Главнѣйшую часть этой литературы составляли *богословскія произведенія:* Св. Писаніе и его толкованія, творенія Отцовъ Церкви, въ особенности же Св. Іоанна Златоуста, житія святыхъ, а также апокрифы. Изъ историческихъ книгъ были извѣстны *греческія хроники* Малалы, Синкела и Амартола, лѣтопись Никифора и такъ называемая Историческая Палея. Отсюда же черпались и географическія познанія. Существовали еще на Руси *сборники различныхъ изреченій* не только изъ библейскихъ книгъ, но и изъ древнихъ греческихъ писателей, напр., Платона, Аристотеля.

Какъ видно, научныя познанія древне-русскаго общества ограничивались преимущественно богословскими свѣдѣніями. Однако и они, вслѣдствіе крайней дороговизны книгъ и недостатка учителей, извѣстны были весьма небольшому кругу лицъ, и даже князья, повидимому, не всѣ были грамотными. Но среди членовъ княжескаго рода встрѣчались также люди, отличавшіеся по тому времени весьма основательнымъ образованіемъ. Изъ такихъ книголюбцевъ-князей особенно замѣчательны: Ярославъ Мудрый, сыновья его: Святославъ и Всеволодъ, владѣвшій 5 языками, Владиміръ Мономахъ и Владиміръ Васильковичъ Галицкій. Неодинаково распространено было просвѣщеніе и среди духовенства. Отъ простыхъ священниковъ требовалась только грамотность. Среди же высшихъ іерарховъ можно указать нѣсколько «философовъ», блиставшихъ въ своихъ поученіяхъ и проповѣдяхъ большою начитанностью и умѣніемъ пользоваться изысканными византійскими ораторскими пріемами. Къ числу ихъ относятся два кіевскихъ митрополита изъ русскихъ людей—Иларіонъ и Климъ Смолятичъ—и епископъ Кириллъ Туровскій.

Литературная дѣятельность.

Проповѣдники-философы были, впрочемъ, исключеніемъ среди кіевскихъ духовныхъ писателей, большинство которыхъ, какъ, напр., епископъ новгородскій Лука, Ѳеодосій Печерскій, монахъ Іаковъ (авторъ «Памяти и Похвалы кн. Владиміру»), Серапіонъ, излагали свои мысли

простымъ, чуждымъ всякихъ прикрасъ языкомъ, ограничиваясь преимущественно вопросами нравственности и обрядности.

Литературная дѣятельность духовныхъ писателей не исчерпывалась проповѣдями и поученіями: они составляли житія святыхъ, и, что важнѣе всего, — лѣтописные своды. Изъ житій слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько сказаній, посвященныхъ описанію мученической кончины Свв. Бориса и Глѣба (древнѣйшія изъ нихъ написаны Несторомъ въ 1079—1081 г.г.), и прославленію первыхъ подвижниковъ Кіево-Печерскаго монастыря. Лѣтописные же своды являются самыми цѣнными незамѣнимыми произведеніями древней письменности, изъ которыхъ почерпаются почти всѣ свѣдѣнія о Кіевской Руси.

На литературномъ поприщѣ въ древней Руси выступали не только духовныя лица, но и свѣтскіе люди, напр., Владиміръ Мономахъ и неизвѣстные авторы «Моленія Даніила Заточника» и «Слова о полку Игоревѣ».

Въ древней русской литературѣ, по словамъ проф. Багалѣя, «нашли себѣ яркое выраженіе идея національнаго самосознанія, благородное чувство національной гордости, горячая любовь къ единой Руси», «яже вѣдома и слышима есть всѣми концы земли». Эту единую Русь кіевскіе писатели никогда не теряютъ изъ вида за отдѣльными княжествами, горько скорбятъ о распряхъ, терзающихъ ее, радуются ея успѣхамъ. Бодрое національное чувство проглядываетъ также въ устной народной словесности, повѣствующей о богатыряхъ времени Владиміра-Краснаго Солнышка. Развитіе литературы и былиннаго эпоса является, какъ извѣстно, лучшимъ показателемъ умственнаго уровня общества. Поэтому, несмотря на ограниченность круга научныхъ знаній и малое распространеніе ихъ въ Кіевской Руси, все же слѣдуетъ признать, что *древне-русское общество, хотя бы въ неболѣшой своей части, достигло довольно значительной степени культурнаго развитія.*

Иноземное вліяніе.

Культурныя вѣянія шли сюда не только изъ старой Византіи, но и изъ молодыхъ западно-европейскихъ государствъ, съ которыми Кіевская Русь находилась въ живомъ, почти непрестанномъ общеніи: десятки брачныхъ союзовъ соединяли Рюриковичей съ иностранными династіями [1]); экономическія нити тянулись изъ Кіева въ иноземные торговые центры; въ свои распри князья вовлекали не только польскихъ, чешскихъ и венгерскихъ властителей, но даже такихъ исполиновъ современной Западной Европы, какъ Григорій VII и Генрихъ IV (къ ихъ помощи обращался Изяславъ Ярославовичъ, изгнанный изъ

[1]) Изъ брачныхъ союзовъ, кромѣ указанныхъ выше (стр. 23), слѣдуетъ еще упомянуть женитьбу Владиміра Мономаха на дочери англійскаго короля Гаральда (погибшаго въ битвѣ при Гастингсѣ), замужество сестры Мономаха Евпраксіи съ императоромъ Генрихомъ IV, а его дочери съ сыномъ Византійскаго императора Діогена; больше всего браковъ заключалось съ представителями и представительницами польскаго и скандинавскихъ домовъ.

Кіева братомъ Святославомъ). Можно даже установить нѣкоторое сходство между Западной Европой и Кіевской Русью въ общемъ характерѣ внѣшней политики того времени: въ XII и XIII в.в. Западъ поднялся для крестоносной борьбы; русскимъ же суждено было стать «крестоносцами отъ начала», — имъ выпало назначеніе отражать «поганыхъ» — печенѣговъ, половцевъ, а затѣмъ татаръ, служить заслономъ отъ нихъ для Запада. И если въ Западной Европѣ этихъ вѣковъ воспѣвался типъ рыцаря-крестоносца, защитника угнетенныхъ и обездоленныхъ, то и на Руси къ этому времени выкристаллизовался излюбленный образъ князя-народолюбца, безстрашнаго борца съ «погаными».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Характеристика южно-русскаго князя и заключеніе.

§ 21. Характеристика южно-русскаго князя.

Въ пору сѣдой древности, на зарѣ русской исторіи, кіевскій князь, какъ мы уже знаемъ (32 стр.),—прежде всего отважный, неустрашимый воинъ, энергичный руководитель торговыхъ каравановъ. Крѣпко спаянный со своею дружиною, не жалѣющій для нея ничего, готовый ради нея даже поступиться интересами мирнаго населенія, онъ живетъ еще завѣтами викинговъ, этихъ неутомимыхъ морскихъ львовъ. Ему не сидится на мѣстѣ. То, какъ Олегъ, онъ на утлыхъ ладьяхъ бороздитъ воды порожистаго Днѣпра или негостепріимнаго Чернаго моря и дерзко грозитъ Царьграду, то, какъ Святославъ, чуть не однимъ размахомъ такъ опустошаетъ восточныя страны отъ Камы до Кавказскихъ горъ, что, по впечатлѣнію современника-арабскаго писателя, «не остается и слѣда ни отъ Булгара, ни отъ Буртаса, ни отъ Хозара». Закаленная походами первыхъ князей, Русь стяжала себѣ такую славу воинственности, что даже тогда, когда она, вложивъ мечи въ ножны, являлась къ Константинополю въ качествѣ купцовъ, византійцы опасливо смотрѣли на нее. Такъ въ передвиженіяхъ изъ Кіева въ Царьградъ, въ Новгородъ, въ Итиль, въ Переяславль Дунайскій, въ печенѣжскія степи и проходила жизнь древняго князя; даже свои правительственныя и судебныя обязанности онъ исполнялъ, большею частью, на-ходу, отправляясь на полюдье. Этотъ духъ странствованія долго жилъ въ княжескомъ родѣ, и даже среди далекихъ потомковъ Ярослава можно насчитать нѣсколько князей, унаслѣдовавшихъ безпокойный характеръ викинговъ. Таковъ былъ, напр., правнукъ Мстислава Владиміровича (сына Мономаха) Мстиславъ Удалой. Отважный, неустрашимый боецъ, превосходный

полководецъ, вліятельнѣйшій князь этого времени, выходившій побѣдителемъ изъ самого пекла смутъ, онъ не умѣлъ, однако, пользоваться плодами своихъ побѣдъ, главнымъ образомъ, изъ-за присущаго ему непостоянства. Безпокойный духъ, мѣшавшій прочности Мстиславовыхъ успѣховъ, проявлялся у нѣкоторыхъ другихъ князей много хуже: именно въ немъ заключалась главная причина распрей, усобицъ, «добыванія столовъ». Наиболѣе мятущіеся изъ князей, увлекшись захватными стремленіями, не разбирали порою никакихъ средствъ. Таковъ, напр., безжалостный Давидъ Игоревичъ, рѣшившійся на жестокое дѣло ослѣпленія Василька, которое такъ глубоко возмутило его современниковъ и съ такимъ искреннимъ драматизмомъ разсказано въ лѣтописи. Таковъ и суровый Олегъ Святославичъ, прозванный Гореславичемъ за то, что на бѣду своей родины онъ наводнялъ ее хищными половецкими стаями.

Однако бурная эпоха междоусобицъ и грозный вихрь событій, крутившійся около Кіева, питали въ князьяхъ не только задоръ, своеволіе и неукротимость, но и тонкое дипломатическое искусство. «Геніально-ловкимъ политикомъ», по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, былъ Святополкъ II Изяславичъ. Дипломатическими талантами еще превосходилъ его Всеволодъ Ольговичъ (сидѣвшій въ Кіевѣ отъ 1139 до 1146 г.). Этотъ князь какъ бы усвоилъ знаменитое правило римлянъ: «раздѣляй и властвуй», какъ бы предвосхитилъ принципы макіавеллизма. Съ необыкновенной ловкостью онъ ссорилъ и разъединялъ своихъ соперниковъ, привлекалъ ихъ къ себѣ заманчивыми обѣщаніями, которыхъ, по большей части, и не думалъ исполнять, дѣйствовалъ противъ однихъ князей съ помощью другихъ, а когда было нужно, умѣлъ пользоваться соединенными силами князей. Искусными политиками были и оба непримиримѣйшихъ соперника, Изяславъ II Мстиславичъ и Юрій Долгорукій. Они сумѣли втянуть въ свою борьбу не только всѣхъ русскихъ князей, но и многихъ иноземцевъ, вели тонкую игру съ кіевскимъ вѣчемъ.

Было бы, однако, очень несправедливо представлять всѣхъ южнорусскихъ князей приверженцами захватнаго права или эгоистической политики. Среди нихъ встрѣчались и такіе, которые проявляли истинную государственную мудрость, способны были проникаться широкими планами, готовы были на самопожертвованіе во имя національной идеи. Выше всѣхъ стоитъ въ этомъ отношеніи Владиміръ Мономахъ, истинный князь-народолюбецъ, во многомъ осуществившій тотъ идеалъ, который рисовался и патріоту-лѣтописцу и подвижнику-составителю поученій. Мономахъ сочеталъ въ себѣ отвагу своихъ предковъ, блестящіе таланты полководца, наводившаго трепетъ на половцевъ, недюжинныя способности правителя и высокія нравственныя качества гуманнѣйшаго человѣка и образцоваго христіанина. Обаятельный обликъ Мономаха живо и ярко характеризуется его «Поученіемъ къ дѣтямъ», въ которомъ онъ описываетъ свою дѣя-

тельность и излагаетъ обязанности князя, при чемъ выказываетъ отличное знаніе всѣхъ нуждъ своего времени и замѣчательно доброжелательное отношеніе ко всѣмъ безъ различія сословій общества. Однако, несмотря на свои исключительныя способности, Мономахъ смогъ лишь пріостановить, но не остановить, процессъ упадка Кіевской Руси, лишь залѣчить, но не вылѣчить ея недуги. Да едва ли они и были излѣчимы. Ихъ роковое дѣйствіе, какъ мы знаемъ, стало сказываться вскорѣ послѣ смерти Мономаха: подтачиваемая ими, кипучая политическая жизнь гасла на Днѣпрѣ.

§ 22. Заключеніе.

По мѣрѣ упадка Кіева стали возвышаться другіе города, сдѣлавшіеся средоточіемъ крупныхъ областей, а именно Новгородъ въ Сѣверо-западной Руси, Владиміръ-на-Клязьмѣ въ Сѣверо-восточной и Галичъ въ Юго-западной. Въ Новгородѣ развивались дальше тѣ особенности, которыя характеризовали его исторію еще въ Кіевскій періодъ. Важнѣйшими изъ нихъ были, какъ мы знаемъ, обширность территоріи, процвѣтаніе торговли, полновластіе вѣча и напряженная борьба со шведами, Литвой и Прибалтійскими нѣмцами. Эти особенности наиболѣе ярко проявились съ половины XIII вѣка. Около этого же времени въ хозяйственномъ и культурномъ бытѣ, а также въ политическомъ строѣ Сѣверо-восточной — Владимірской — и Юго-западной — Галицкой — Руси стали обнаруживаться черты, незнакомыя Кіевскому періоду. Вслѣдствіе этого въ исторической наукѣ принято начинать приблизительно съ половины XIII вѣка новый періодъ русской исторіи — Удѣльный [1]).

Особенности Владимірской Руси выработались, какъ увидимъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ условій природы Верхне-Волжскаго края, значительно отличающихся отъ Приднѣпровской области, и отчасти подъ вліяніемъ татаръ, власть которыхъ особенно тяжко

[1]) Терминъ «удѣльный» происходитъ отъ слова «удѣлъ». Такъ назывались мелкія княжества, на которыя распалась въ XIII и XIV вѣкахъ Сѣверо-восточная Русь, и которыя по своему строю значительно отличались отъ «волостей» Кіевскаго періода. Поэтому, строго говоря, терминъ «удѣльный» можно относить только къ исторіи Сѣверо-восточной Руси, въ примѣненіи же къ другимъ частямъ Русской земли понятію «Удѣльный» періодъ будетъ придаваться лишь хронологическій смыслъ: именно, оно будетъ обозначать XIII, XIV и XV вв. ихъ исторіи. Подъ названіемъ Сѣверо-восточная Русь здѣсь и въ слѣдующемъ отдѣлѣ разумѣется отнюдь не весь сѣверъ и востокъ Восточно-европейской равнины, а лишь то пространство, которое въ Удѣльный періодъ было заселено русскими, именно, главнымъ образомъ, междурѣчье Оки и Волги. Такъ какъ одними изъ первыхъ основанныхъ здѣсь городовъ были Ростовъ и Суздаль, то Сѣверо-восточная Русь называется обыкновенно Ростово-Суздальскимъ краемъ, а такъ какъ столицей ея скоро сдѣлался городъ Владиміръ, то она зовется также Владимірской Русью.

давала себя знать именно въ Сѣверо-восточной Руси. Измѣненіе же древне-русскихъ устоевъ, лежавшихъ первоначально въ основѣ быта Юго-западной Руси, и проявленіе въ немъ новыхъ характерныхъ чертъ вызвано было иноземнымъ, литовско-польскимъ вліяніемъ.

Названныя три части Русской Земли долго были обособлены другъ отъ друга, и каждая изъ нихъ выработала свой особый укладъ жизни. Ихъ сближеніе какъ политическое, такъ и культурное началось лишь съ конца XV вѣка, когда усилившееся и собравшее подъ своею властью всю Сѣверо-восточную Русь Московское княжество сбросило съ себя татарское владычество и принялось за объединеніе всѣхъ областей, заселенныхъ русскимъ народомъ.

Не останавливаясь отдѣльно на Новгородской Руси, характерныя черты которой извѣстны уже намъ изъ вышеизложеннаго (стр. 30), обратимся къ изученію Владимірской, а затѣмъ Литовской (Юго-западной) Руси.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Удѣльная Владимірская Русь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Происхожденіе удѣльныхъ порядковъ.

§ 23. Заселеніе края.

Колонизація изъ Новгорода и Приднѣпровья

Къ XIII вѣку Сѣверо-Восточная Русь была заселена русскими славянами, главнымъ образомъ, на протяженіи между верхней Волгой и Окой.

Русскіе являлись здѣсь пришлымъ населеніемъ, такъ какъ древнѣйшими коренными обитателями междурѣчья Оки и Волги, какъ вообще всей сѣверной и центральной полосы Восточно-европейской равнины, были финскія племена: по Окѣ жило племя Мурома, по Волгѣ — Меря, въ области Бѣлоозера — Весь [1]). Первые славянскіе переселенцы приходили сюда изъ Новгорода и его окрестностей. Уже издавна они построили здѣсь нѣсколько городовъ, старѣйшими изъ которыхъ были Ростовъ, Суздаль (отъ ихъ имени и вся область часто называется Ростово-Суздальскимъ краемъ), затѣмъ Муромъ, Владиміръ на Клязьмѣ, Ярославль и др. Значительно позднѣе (съ половины XII вѣка) появились въ Ростово-Суздальскомъ краѣ выходцы изъ Приднѣпровской Руси, и число ихъ тѣмъ болѣе увеличивалось, чѣмъ безпокойнѣе становилась жизнь на югѣ. Южные пришельцы, устраиваясь на новыхъ мѣстахъ, давали своимъ поселеніямъ старыя знакомыя названія. Вслѣдствіе этого въ Сѣверо-Восточной Руси появилось не мало городовъ, носящихъ одинаковыя названія съ городами Приднѣпровья, напр., Переяславль, Звенигородъ, Стародубъ, Галичъ,

[1]) Давнишнее присутствіе финновъ въ междурѣчьѣ Волги и Оки доказывается, главнымъ образомъ, географическими названіями, особенно названіями рѣкъ, оканчивающимися на «ва». Слово Ока — тоже финскаго происхожденія.

Вышгородъ и др. Часто одно и то же имя давалось нѣсколькимъ городамъ. На сѣверъ принесены были также былины, сложенныя на югѣ и повѣствующія о кіевскихъ событіяхъ.

Русскіе при разселеніи въ новомъ краю не встрѣчали противодѣйствія со стороны финновъ. Объясняется это отчасти миролюбіемъ послѣднихъ, отчасти — обиліемъ незанятыхъ еще земель. По мѣрѣ притока славянскихъ колонистовъ (особенно увеличившагося послѣ упадка Кіева), финны отступали далѣе на сѣверъ и востокъ, или же, смѣшиваясь съ русскими, обрусѣли. Однако и пришельцы, въ свою очередь, испытали извѣстное воздѣйствіе со стороны финновъ, переняли кое-что отъ нихъ. Здѣсь съ теченіемъ времени выработалась особая вѣтвь русскаго народа — такъ называемые великоруссы. Они стали отличаться отъ своихъ приднѣпровскихъ соплеменниковъ говоромъ, складомъ характера, привычками и даже наружностью. Значительно было также различіе въ ихъ хозяйственномъ бытѣ, объясняющееся особенностями природы Приволжскаго и Пріокскаго края.

Хозяйственный бытъ Сѣверо-Восточной Руси.

Географическое положеніе Сѣверо-Восточной Руси, отдаленной отъ великаго воднаго пути и отрѣзанной кочевниками отъ сношеній съ азіатскимъ Востокомъ, не представляло тѣхъ благопріятныхъ условій для развитія внѣшней торговли, какими въ свое время обладала Кіевская Русь. Внутренняя торговля равнымъ образомъ не могла быть значительной въ странѣ съ очень еще рѣдкимъ населеніемъ. Къ тому же въ Верхневолжскій край устремлялись изъ Приднѣпровья, главнымъ образомъ, земледѣльцы — смерды, наиболѣе терпѣвшіе отъ княжескихъ усобицъ и половецкихъ нашествій. Естественно поэтому, что обитатели Сѣверо-Восточной Руси обратились къ добывающей промышленности, земледѣлію и незатѣйливымъ ремесламъ.

Вслѣдствіе преобладанія земледѣлія надъ торговлей, жизнь стала сосредоточиваться, главнымъ образомъ, въ деревняхъ, а не въ городахъ: города въ Сѣверо-Восточной Руси имѣли, по большей части, иное значеніе, чѣмъ въ Приднѣпровской. Въ послѣдней они возникали преимущественно въ интересахъ торговли; многіе изъ нихъ существовали въ незапамятное время, еще до появленія на Руси княжеской власти. Слѣдовательно, они были *старше* князей. Совершенно иное получалось въ Сѣверо-Восточной Руси. Старые города, какъ, напр., Ростовъ и Суздаль, являлись здѣсь рѣдкими исключеніями. Большинство городовъ Верхневолжскаго края возникло ради военныхъ и правительственныхъ нуждъ при князьяхъ-потомкахъ Юрія Долгорукаго, трудившихся надъ заселеніемъ и устроеніемъ Сѣверо-Восточной Руси. Города оказывались, такимъ образомъ, *моложе* княжеской власти: не они призывали къ себѣ на службу князей, а скорѣе князья зазывали населеніе въ новые города и на пустовавшія земли.

Усиленіе княжеской власти.

При такихъ условіяхъ городское вѣче не могло пріобрѣсть особеннаго вліянія и соперничать съ княжеской волей. Двоевластіе вѣча и

князя постепенно замѣнялось *единовластіемъ* послѣдняго. Княжеская власть надъ городами усиливалась: князья считали себя хозяевами городовъ и собственниками всего княжества. Это замѣтно уже при Андреѣ Юрьевичѣ и братѣ его Всеволодѣ (1176—1212 г.). Покорный имъ Ростово-Суздальскій край игралъ, какъ извѣстно, преобладающую политическую роль въ концѣ XII и началѣ XIII в.в. Но мощь Ростово-Суздальскаго края, столицей котораго сдѣлался Владиміръ на Клязьмѣ, была непродолжительна: послѣ смерти Всеволода возникли жестокія усобицы, а вскорѣ затѣмъ въ 1238 году сынъ его Юрій былъ разбитъ татарами въ сраженіи при Сити.

Политическій упадокъ Сѣверо-Восточной Руси объясняется тѣмъ, что она не избѣгла печальной участи Приднѣпровья—дробленія на части. Андрей и Всеволодъ сумѣли упрочить свою власть, но имъ не удалось установить единодержавія въ своемъ владѣніи и тѣмъ обезопасить его отъ распада: при сыновьяхъ Всеволода его княжество раздробилось на пять, при внукахъ на 12, а съ теченіемъ времени на множество частей.

Княжества, на которыя распадалась Сѣверо-Восточная Русь, получали названіе — *удѣловъ*, ихъ владѣльцы — удѣльныхъ князей, а та эпоха, въ которую происходило это распаденіе,—Удѣльнаго періода русской исторіи. Новые термины соотвѣтствовали новымъ явленіямъ: удѣльные князья и по взаимоотношеніямъ и по порядку наслѣдованія княжествами, и по характеру своей власти отличались отъ своихъ предковъ, княжившихъ въ Приднѣпровьѣ.

§ 24. Великія и удѣльныя княжества Сѣверо-Восточной Руси.

Перечислить всѣ удѣлы трудно и даже едва ли возможно: при продолжавшемся дробленіи Сѣверо-Восточной Руси ихъ стало очень много, и нѣкоторые изъ нихъ были совсѣмъ ничтожны по своей величинѣ. Такъ, напр., Заозерское княжество (на Кубенскомъ озерѣ) состояло изъ княжескаго дворца, церкви и одного села. Мелкія княжества группировались вокругъ какихъ-нибудь центровъ, напр., Ярославля, Твери, князья которыхъ называли себя «великими» по отношенію къ своимъ удѣльнымъ. Такимъ образомъ, кромѣ старшаго великаго княжества Владимірскаго, образовывались еще великія княжества Ярославское, Тверское и другія, раздробленныя на удѣлы.

О взаимоотношеніяхъ князей Удѣльнаго періода можно судить по договорнымъ грамотамъ. Всѣ онѣ, по мнѣнію проф. Багалѣя, «подтверждаютъ, что каждый князь является независимымъ владѣльцемъ въ своемъ удѣлѣ»; «этотъ принципъ выражается стереотипной фразой: «тобѣ знати своя отчина, а мнѣ знати своя отчина». Отношенія между князьями опредѣляются какъ братскія, при чемъ удѣльные князья обязуются чтить великаго, въ качествѣ старѣйшаго брата, «во

отцево мѣсто». Такіе принципы, какъ видно, завѣщаны Кіевскимъ періодомъ. Но наряду съ ними въ договорахъ встрѣчаются обязательства, чуждыя духу Кіевской Руси: такъ, напр., великій князь обязываетъ удѣльнаго держать подъ нимъ «княженіе великое честно и грозно» или ставитъ ему такое условіе: «а тобѣ брату моему молодшему мнѣ служити безъ ослушанья... а мнѣ тобе кормити по твоей службѣ». Вообще жизненная практика этого періода вела къ «превращенію удѣльныхъ князей въ служилыхъ по отношенію къ великому», хотя они и продолжали оставаться государями-вотчинниками по отношенію къ населенію своего удѣла. Такое превращеніе происходило, конечно, постепенно, но въ исходѣ Удѣльной эпохи уже вполнѣ установилось понятіе о князьяхъ «подручникахъ», служилыхъ князьяхъ, почти неизвѣстное Кіевской Руси. Указанное взаимоотношеніе князей было лишь одной, притомъ далеко не главной, особенностью удѣльныхъ порядковъ, къ характеристикѣ которыхъ мы и обратимся.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Характеристика Удѣльнаго періода.

§ 25. Наслѣдственный порядокъ княжескаго владѣнія.

Порядокъ распредѣленія удѣловъ замѣтно отличался отъ способа замѣщенія «столовъ» въ Кіевской Руси: въ Кіевскій періодъ князья стремились къ передвижкѣ изъ одной волости въ другую, болѣе доходную; въ Удѣльный—они предпочитали оставаться въ своихъ владѣніяхъ на всю жизнь. Отсутствіе передвижки объяснялось, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ малонаселенномъ, бѣдномъ Ростово-Суздальскомъ краю не было такихъ городовъ, какъ Кіевъ, ради обладанія которыми стоило бы жертвовать своимъ удѣломъ. Наиболѣе заманчивымъ былъ городъ Владиміръ съ его областью, и, по обычаю, шедшему изъ прежнихъ временъ, Владимірское княжество, вмѣстѣ со званіемъ великаго князя, предоставлялось старѣйшему изъ князей, въ придатокъ къ его удѣлу.

Засиживаясь въ своихъ княжествахъ, упрочивая въ нихъ свою власть, сѣверо-восточные князья стали смотрѣть на удѣлъ, какъ на *наслѣдственную* земельную собственность, и дробили его по личному усмотрѣнію. Обычно отецъ передъ смертью дѣлилъ свое княжество соотвѣтственно числу сыновей, не передавая его въ боковыя линіи родственниковъ. Но онъ могъ также завѣщать удѣлъ или часть его (напр., нѣсколько селъ) женѣ или дочери. (Часть, выдѣленная вдовѣ въ собственность, называлась «опричниной»). Значитъ, порядокъ наслѣдованія устанавливался волею завѣщателя, его духовной грамотой. Любопытно отмѣтить, что, по духовнымъ удѣльныхъ князей, территоріаль-

ныя владѣнія дѣлились между наслѣдниками и наслѣдницами наравнѣ съ движимымъ имуществомъ, съ мелочными предметами домашняго обихода и драгоцѣнностями, при чемъ дѣлились порою даже черезполосно: каждый изъ сонаслѣдниковъ получалъ города и села въ разныхъ мѣстахъ. Правда, удѣльнымъ князьямъ было не вполнѣ чуждо сознаніе различія между тѣмъ, что являлось ихъ частною собственностью, и тѣмъ, что принадлежало имъ, какъ политическимъ владѣтелямъ. Но *частноправныя* понятія нерѣдко преобладали у нихъ надъ государственными. По опредѣленію проф. Платонова, «удѣлъ сѣверо-восточнаго князя есть наслѣдственная земельная собственность князя, какъ политическаго владѣтеля (какъ частный землевладѣлецъ, онъ владѣлъ селами), собственность, по типу управленія и быта, подходящая къ простой вотчинѣ, а иногда и совсѣмъ въ нее переходящая». Дѣйствительно, при крайнемъ измельчаніи удѣловъ, нѣкоторые изъ нихъ по своимъ размѣрамъ не превышали крупнаго частнаго имѣнія, и ихъ князья болѣе походили на землевладѣльцевъ, чѣмъ на государей. На первомъ планѣ у нихъ стояли *хозяйственныя*, землевладѣльческія заботы, такъ какъ въ Сѣверо-Восточной Руси земля являлась единственнымъ средствомъ обезпеченія и князя, и его слугъ, и всего населенія. Между ними и распредѣлялись различныя части удѣла.

Часть его находилась въ непосредственномъ владѣніи князя, составляла какъ бы личное его дворцовое хозяйство. Другія земли удѣла заселялись крестьянами (такъ съ конца XIV вѣка стали называться смерды), которые занимали и обрабатывали въ свою пользу земельные участки, распоряжались ими по своему усмотрѣнію, но зато платили князю подати. Такія земли, не составлявшія личнаго хозяйства князя или чьей-либо частной собственности (крестьяне, какъ увидимъ, считались не собственниками, а только арендаторами), но обложенныя податями и, значитъ, служившія источникомъ княжескихъ доходовъ, назывались «черными». Впослѣдствіи онѣ получили характеръ казенныхъ, государственныхъ земель.

Въ нѣкоторыхъ удѣлахъ были еще земли, состоявшія въ частномъ владѣніи монастырей, духовныхъ лицъ и бояръ. Происхожденіе ихъ бывало различнымъ: иногда, князья получая удѣлъ, заставали уже въ немъ частныхъ собственниковъ, иногда же сами жаловали земли въ наслѣдственное владѣніе монастырямъ, церквамъ и своимъ дружинникамъ-боярамъ. Такія наслѣдственныя земельныя владѣнія назывались «вотчинами».

Итакъ, въ нѣкоторыхъ, обыкновенно крупныхъ, удѣлахъ слѣдуетъ различать три рода земель: собственно-княжескія или дворцовыя, черныя и частно-владѣльческія или вотчинныя. Неодинаково было и ихъ управленіе.

§ 26. Управленіе и судъ[1]).

Княжескій дворецъ.

Различныя отрасли дворцоваго хозяйства и управленія вѣдались «боярами введенными» (т. е. довѣренными) и «дворцовыми слугами». Въ дворцовомъ вѣдомствѣ, игравшемъ роль центральнаго управленія того времени, надобно, по словамъ проф. Ключевскаго, «различать два главныя отдѣленія, между которыми довольно своеобразно распредѣлялись статьи княжескаго хозяйства: однимъ былъ *дворецъ* въ тѣсномъ смыслѣ, состоявшій подъ управленіемъ дворецкаго; другое отдѣленіе составляли дворцовые *пути*». «Дворецкій» завѣдывалъ дворцовымъ хлѣбопашествомъ, управители «путей»—дворцовыми промыслами». (Слово «путь» на древне-русскомъ языкѣ обозначало, между прочимъ, толкъ, прокъ, пользу, всякій промыселъ, приносящій доходъ, а также завѣдываніе этимъ промысломъ; въ данномъ случаѣ проф. Ключевскій употребляетъ выраженіе «путь» въ смыслѣ «дворцовыхъ вѣдомствъ, между которыми была раздѣлена эксплуатація принадлежавшихъ княжескому дворцу хозяйственныхъ угодій»). Такъ, напр., «чашничій» путь былъ вѣдомствомъ дворцоваго пчеловодства и государевыхъ питей; къ стольничему пути принадлежали «дворцовыя рыбныя ловли и также, кажется, сады и огороды» и т. д. Дѣятельность управителей путей не ограничивалась однѣми хозяйственными заботами; они были и главными совѣтниками князя, обычными участниками думы; наконецъ, имъ принадлежала также административная и судебная власть надъ населеніемъ, приписаннымъ къ соотвѣтствующему пути, въ какой бы части удѣла оно ни жило. Такимъ образомъ, по словамъ проф. Ключевскаго, «управленіе путей составляло особую административную систему, которая, исходя изъ княжескаго дворца, перерѣзывала областное управленіе намѣстниковъ и волостелей».

Намѣстники и волостели.

Послѣдніе вѣдали территоріей удѣла, не приписанной къ княжескому дворцу, при чемъ «намѣстники» правили городами и пригородными мѣстностями, а «волостели» — сельскими волостями. Должности такихъ областныхъ правителей назывались «кормленіями», такъ какъ лица, занимавшія ихъ, имѣли право получать съ населенія доходы: «кормы» (т. е. приношенія отъ всѣхъ жителей) и «по-

---

[1]) Для приводимой ниже характеристики политическаго и общественнаго строя Сѣверо-Восточной Руси въ Удѣльный періодъ привлечены данныя, относящіяся, главнымъ образомъ, къ московскому удѣлу. Объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ, что его исторія наиболѣе обслѣдована исторической наукой, во-вторыхъ, тѣмъ, что московскій государственный порядокъ, къ изученію котораго мы обратимся въ Отдѣлѣ IV, выросъ на почвѣ московскаго удѣльнаго; поэтому для правильнаго пониманія перваго необходимо знакомство съ послѣднимъ. Быть другихъ сѣверо-восточныхъ удѣловъ характеризуется тѣми же чертами, что и московскій, только взятыми въ меньшемъ масштабѣ.

шлины» (напр., судебныя, таможенныя, свадебныя и др., платившіяся отдѣльными лицами). Такимъ образомъ, «кормленщики» содержались на средства населенія, а не князя. Послѣднему они даже отдавали часть своихъ доходовъ, почему проф. Ключевскій и называетъ ихъ «правительственными арендаторами у князя-хозяина». Такъ какъ доходы ихъ были по тому времени весьма значительны, то посылка на «кормленіе» являлась большой милостью для боярина и служила обыкновенно наградой за его прежнюю службу князю.

Судъ.

На кормленщикахъ лежали не только правительственныя, но и судебныя обязанности, осуществляемыя ими при помощи подчиненныхъ лицъ (напр., тіуновъ, доводчиковъ, напоминавшихъ нынѣшнюю полицію, праветчиковъ—нѣчто въ родѣ судебныхъ приставовъ, и др.). При отправленіи правосудія въ Удѣльное время руководствовались Русской Правдой, а также «уставными и судными грамотами» князей (см. ниже.) Наказанія за преступленія назначались болѣе строгія, чѣмъ въ Кіевскій періодъ: наряду съ денежными штрафами встрѣчаются неизвѣстныя прежде и, вѣроятно, заимствованныя у татаръ тѣлесныя наказанія, пытки и смертная казнь. Какъ судебная, такъ и правительственная власть намѣстниковъ и волостелей распространялась не одинаково на различные классы удѣльнаго общества. Она почти не простиралась на тѣ вотчины, владѣльцы которыхъ (бояре и монастыри) получали отъ князя особыя «жалованныя грамоты», освобождавшія ихъ земли отъ вмѣшательства княжескихъ должностныхъ лицъ и предоставлявшія имъ право суда надъ населеніемъ вотчинъ и сбора податей съ него. Пожалованіе такихъ грамотъ превращало вотчинниковъ не только въ привилегированныхъ землевладѣльцевъ, но и предоставляло имъ какъ бы государственныя права. Населеніе привилегированныхъ вотчинъ, подобно людямъ, приписаннымъ къ «путямъ», отвѣчало передъ намѣстникомъ лишь за важнѣйшія преступленія, обычно за убійство; самъ-же землевладѣлецъ-бояринъ подлежалъ суду только князя или его боярина введеннаго, чаще всего дворецкаго.

Изъ изложеннаго видно, что управленіе въ Удѣльный періодъ отличалось раздробленностью: въ немъ можно различить три рода вѣдомствъ—дворцовое (дворецъ и пути), администрацію намѣстниковъ и волостелей и привилегированныя вотчины частныхъ владѣльцевъ, представлявшія собою какъ бы самостоятельные административные округи. Но, конечно, на практикѣ точнаго разграниченія этихъ вѣдомствъ не было; поэтому, простое по своей идеѣ, управленіе оказывалось на самомъ дѣлѣ очень сложнымъ и запутаннымъ. Что касается суда, то, какъ мы видѣли, подсудность опредѣлялась принадлежностью къ тому или другому классу общества.

§ 27. Общественный строй.

Вольные слуги.

Въ Удѣльный періодъ такъ же, какъ и въ Кіевскій, наверху общественной лѣстницы стояли бояре. Не подчиненные княжескимъ должностнымъ лицамъ, они мало зависѣли и отъ самого князя, такъ какъ были не подданными его, а только «вольными слугами». Они «садились на коня» (т. е. отправлялись въ походъ) вмѣстѣ съ княземъ, помогали ему своимъ совѣтомъ въ думѣ, управляли дворцомъ или путями, судили и рядили въ качествѣ намѣстниковъ, исполняли всевозможныя княжескія порученія, но дѣлали все это лишь до тѣхъ поръ, пока сами хотѣли, такъ какъ за ними сохранялось право *отъѣзда*. Отъѣзжая на службу къ другому князю, боярин сохранялъ, однако, за собою владѣніе вотчиной въ удѣлѣ того князя, которому онъ раньше служилъ. Впрочемъ, эта вотчина, по установившемуся обычаю, «судомъ и данью тянула» къ удѣлу мѣстнаго князя, т. е. оставалась въ его «государственномъ подчиненіи», и онъ могъ требовать у ея владѣльца участія въ «городной осадѣ»: именно, гдѣ бы ни служили вотчинники, они должны были, въ случаѣ непріятельскаго нашествія, являться на защиту того города, въ уѣздѣ котораго находились ихъ земли. Отъ повинности «городной осады» освобождались лишь «введенные и путные» бояре, какъ наиболѣе близкіе къ князю.

Дворцовые слуги.

Отъ «вольныхъ слугъ» слѣдуетъ отличать «дворцовыхъ слугъ». Послѣдніе были различны какъ по своему происхожденію (среди нихъ встрѣчались свободные и несвободные), такъ и по занятіямъ: одни изъ нихъ исполняли военныя обязанности и соотвѣтствовали младшимъ дружинникамъ Кіевскаго періода, другіе служили на низшихъ хозяйственныхъ должностяхъ, третьи занимались промыслами (напр., рыболовы, бобровники и т. д.). Князь раздавалъ иногда дворцовымъ слугамъ земли, преслѣдуя при этомъ двоякаго рода цѣли: служебныя и хозяйственныя. Именно, съ одной стороны, земля должна была давать дворцовому слугѣ средства для несенія службы, обезпечивать его; съ другой стороны, ему вмѣнялось въ обязанность заботиться объ улучшеніи хозяйственнаго состоянія полученнаго имъ участка, заселеніи его крестьянами, однимъ словомъ, объ обращеніи его «изъ пуста въ живущее». Такіе участки дворцовыхъ слугъ носили, обыкновенно, названіе «служнихъ земель». Онѣ давались какъ во временное, такъ и въ пожизненное и даже наслѣдственное пользованіе и были, такимъ образомъ, различны по своему характеру, однако, всѣ имѣли одну общую черту: именно, онѣ представляли собою не полную собственность, а только *условное* владѣніе. Это значитъ, что дворцовые слуги владѣли данными имъ землями лишь при томъ условіи, если сами они (или ихъ потомки) служили князю. Иными словами, землевладѣніе дворцовыхъ слугъ было подчинено условію службы.

Подобно князьямъ, и другіе крупные вотчинники, напр., бояре и монастыри, раздавали земельные участки въ условное владѣніе, чтобы обезпечить своихъ слугъ и улучшить хозяйственное состояніе своихъ вотчинъ.

Черные люди.

Населеніе, не служившее князю, а лишь платившее въ его пользу подати и отбывавшее повинности, носило названіе «черныхъ людей». Къ нимъ относились не только крестьяне, но и посадскіе, т. е. горожане, которые въ Удѣльное время, вслѣдствіе слабаго развитія торговли, мало отличались отъ крестьянъ. Черные люди иначе назывались тяглыми; подъ тягломъ разумѣлась совокупность податей, вносившихся цѣлыми обществами. Подати (по крайней мѣрѣ, въ московскомъ великомъ княжествѣ) собирались по «сохамъ». При обложеніи крестьянъ соха означала первоначально извѣстное количество труда (размѣръ ея опредѣлялся однимъ источникомъ такъ: «кто на трехъ лошадяхъ пашетъ самъ-третей, то—соха»), впослѣдствіи—опредѣленный размѣръ обрабатываемой земли; въ примѣненіи же къ посадскимъ людямъ подъ сохою понималось установленное число населенныхъ ими дворовъ.

Болѣе или менѣе опредѣленныя свѣдѣнія о правовомъ положеніи тяглыхъ людей, въ частности крестьянъ, восходятъ лишь къ XV—XVI в.в., и только на основаніи ихъ приходится дѣлать заключенія и высказывать догадки о предшествующемъ времени. Съ полнымъ убѣжденіемъ можно утверждать, что въ Удѣльный періодъ крестьяне представляли собою *свободное* сельское населеніе. Вопросъ же о ихъ правахъ на землю считается спорнымъ. Крестьяне-собственники—своеземцы — существовали, повидимому, лишь въ Новгородской области. Что же касается центральной части Восточно-Европейской равнины, то здѣсь, съ развитіемъ частнаго землевладѣнія и съ усиленіемъ власти великаго князя московскаго, большинство земель было «обоярено» (т. е. досталось во владѣніе вотчинникамъ и монастырямъ) или «окняжено» (т. е. стало достояніемъ великаго князя). Не имѣя, такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ земельной собственности, крестьяне арендовали земельные участки во владѣніяхъ частныхъ лицъ и учрежденій (напр., свѣтскихъ вотчинниковъ, монастырей, митрополита и т. д.) или же занимали земли черныя и дворцовыя. Хотя черносошные крестьяне (т. е. съемщики черныхъ земель) первоначально распоряжались занятыми участками совершенно свободно (а именно, могли продавать, закладывать и завѣщать ихъ), тѣмъ не менѣе, называли ихъ «землями великаго князя, а своего владѣнія», слѣдовательно, не считали себя ихъ полными собственниками. Такимъ образомъ по отношенію ко всѣмъ землевладѣльцамъ (въ томъ числѣ и къ князю) крестьяне были арендаторами-съемщиками; по отношенію же къ государству они являлись податнымъ классомъ. Несеніе тягла, т. е. участіе въ платежѣ податей, было ихъ главной обязанностью.

Правительство устанавливало только общую сумму податей, под-

лежащую уплатѣ съ опредѣленнаго количества земли, раскладка же ея по частямъ (въ зависимости отъ величины участка каждаго тяглаго человѣка, его имущественнаго и семейнаго состоянія) и ея взиманіе предоставлялись самимъ крестьянамъ, сидѣвшимъ на этой землѣ. Для выполненія этого крестьяне соединялись въ волости [1]) и выбирали должностныхъ лицъ, которыя завѣдывали не только распредѣленіемъ податей, но также *хозяйственными и судебными* дѣлами. «Правительственная администрація намѣстниковъ и волостелей, по словамъ проф. Багалѣя, возвышалась надъ общинной властью, не стѣсняя ея проявленій».

Особенно развито было общинное, «мірское» самоуправленіе у черносошныхъ крестьянъ, но оно существовало также и у частновладѣльческихъ, т. е. занимавшихъ вотчинныя земли. Послѣдніе, кромѣ тягла, которое они несли въ меньшемъ, впрочемъ, размѣрѣ, чѣмъ черносошные [2]), отбывали еще различныя повинности и уплачивали извѣстный оброкъ въ пользу собственника земли (свѣтскаго вотчинника или монастыря). Характеръ этихъ повинностей опредѣлялся «порядной записью», т. е. арендным договоромъ, заключавшимся при наймѣ земельнаго участка и перечислявшимъ обязанности, добровольно принимаемыя на себя нанимателемъ.

Такимъ образомъ крестьяне были тяглыми свободными арендаторами. Свобода ихъ выражалась не только въ томъ, что законъ рѣзко отличалъ ихъ отъ рабовъ-холоповъ, но и въ томъ, что они могли выйти изъ своего состоянія, бросивъ обрабатываемый участокъ земли, или, «отказавшись» отъ даннаго землевладѣльца, могли снять землю у другого.

Въ эпоху раздробленія Руси крестьяне переходили не только отъ вотчинника къ вотчиннику, но и изъ удѣла въ удѣлъ. Князья не препятствовали этому; въ междукняжескихъ договорахъ встрѣчаются, напр., такого рода статьи: «а межъ насъ людемъ и гостемъ путь—чистъ безъ рубежа» или: «а христіанамъ межъ насъ вольнымъ—воля». Однако къ концу Удѣльнаго періода положеніе крестьянъ нѣсколько измѣнилось въ связи съ общими перемѣнами, происшедшими въ Сѣверо-Восточной Руси. Когда большинство удѣловъ послѣдней объединилось подъ властью Московскаго государства, когда въ немъ сталъ налаживаться государственный и хозяйственный порядокъ, когда вольные слуги прочно осѣли въ своихъ вотчинахъ, и широко раски-

---

[1]) Слово «волость» употреблялось въ нѣсколькихъ смыслахъ; въ данномъ случаѣ подъ нимъ разумѣется общество крестьянъ нѣсколькихъ сосѣднихъ селеній.

[2]) Такъ, напр., въ XVI в. въ соху черныхъ крестьянъ вносилось менѣе земли (500 четвертей въ одномъ полѣ, значитъ 1500 четвертей въ трехъ поляхъ; четверть равняется половинѣ десятины), чѣмъ въ соху монастырскихъ (600 четвертей въ одномъ полѣ) и частновладѣльческихъ крестьянъ (800 четвертей въ одномъ полѣ). Такимъ образомъ, послѣдніе съ большаго количества земли платили то же, что черносошные съ меньшаго.

нулось монастырское землевладѣніе, тогда нужда въ тяглыхъ людяхъ и ихъ рабочихъ рукахъ, конечно, увеличилась: князю особенно нужны были первые, землевладѣльцамъ—вторыя. Поэтому въ это время (въ XV в.) появляются княжескія грамоты, запрещающія владѣльцамъ льготныхъ земель (т. е. такихъ, населенію которыхъ даны льготы въ несеніи тягла) принимать тяглыхъ людей князя, чтобы казна послѣдняго не потерпѣла убытка. Вмѣстѣ съ тѣмъ другія грамоты, идя навстрѣчу интересамъ вотчинниковъ, страдавшихъ отъ крестьянскаго «отказа» и «выхода», особенно, если онъ совершался въ рабочую пору, разрѣшаютъ нѣкоторымъ изъ нихъ не отпускать крестьянъ въ иное время, кромѣ, какъ около Юрьева дня осенняго (26 ноября), когда сельскохозяйственныя работы прекращались. Но это мѣры *частныя и мѣстныя*. Установленіе *общаго* срока крестьянскаго «выхода»—недѣля до и недѣля послѣ Юрьева дня осенняго,—а равнымъ образомъ сочетаніе такихъ условій, которыя вели къ экономической задолженности крестьянъ и тѣмъ способствовали ихъ прикрѣпленію къ землѣ, относятся уже къ Московскому періоду русской исторіи. Эти условія будутъ разсмотрѣны ниже.

Несвободное населеніе.

Среднее положеніе между свободными и несвободными занимали въ Удѣльный періодъ закладни, закладчики или закладники (напоминавшіе закуповъ кіевскаго времени) «Закладчиками» назывались люди, забросившіе свое хозяйство, вышедшіе изъ тягла и живущіе за кѣмъ-нибудь, обыкновенно за своимъ кредиторомъ, на его дворѣ или же посаженные имъ на льготную (освобожденную отъ тягла) землю и исполняющіе въ пользу него различныя работы. То лицо, за которымъ они жили, не всегда было ихъ дѣйствительнымъ кредиторомъ, а иногда—просто покровителемъ; въ такомъ случаѣ заемная запись (т. е. расписка въ полученіи денегъ) была фиктивной (мнимой), служившей лишь для закрѣпленія закладчиковъ, а ихъ повинности имѣли характеръ платы за заступничество.

Кредиторъ или покровитель являлся и судьей закладчиковъ, такъ какъ они были неподсудны намѣстникамъ и волостелямъ. Закладничество развивалось, несмотря на противодѣйствіе со стороны князей, для которыхъ оно было невыгодно, такъ какъ сокращало число плательщиковъ тягла. Въ Московскій періодъ, начиная съ конца XV вѣка, на почвѣ закладничества возникаетъ новая форма зависимости—*кабальное* холопство (кабала—арабское слово, заимствованное русскими черезъ посредство татаръ, означаетъ заемъ, заемную расписку). Кабальное холопство, какъ увидимъ ниже, значительно отличается отъ полнаго «обельнаго», ведущаго свое начало, какъ извѣстно, съ древнѣйшихъ временъ (стр. 41). Положеніе полныхъ холоповъ въ Удѣльный періодъ нѣсколько улучшилось по сравненію съ Кіевскимъ: сократились источники холопства, упала работорговля. Произошло это, конечно, съ одной стороны въ силу благотворнаго вліянія Церкви, съ другой—въ силу экономическихъ условій. Дѣйствительно, прави-

тельство не могло благопріятствовать увеличенію количества холоповъ, такъ какъ послѣдніе не несли тягла, а ихъ владѣльцы должны были болѣе бережно относиться къ нимъ, потому что холопы составляли въ хозяйствѣ чернорабочую силу.

§ 28. Хозяйственный бытъ.

Земледѣліе.

Уже упоминалось (стр. 66), что основой народнаго хозяйства Сѣверо-Восточной Руси въ Удѣльный періодъ было земледѣліе, получившее преобладаніе надъ торговлей. Крупное землевладѣніе соединялось здѣсь съ мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ; крестьяне, какъ уже сказано, занимали не только черныя земли; подъ участки, отдаваемые имъ на обработку, разбивалась также бо̀льшая часть собственно-княжескихъ и вотчинныхъ земель, и лишь незначительное пространство послѣднихъ—въ качествѣ барской запашки—воздѣлывалось трудомъ несвободныхъ.

Промышленность и торговля.

Наряду съ земледѣліемъ большую роль въ хозяйственной жизни Удѣльнаго періода играли различные виды добывающей промышленности: бортничество, рыболовство, охота (особенно на бобровъ, которыми изобиловали почти всѣ рѣки Сѣверо-Восточной Руси). Объ ихъ важномъ значеніи свидѣтельствуетъ то, что завѣдываніе ими поручено было центральнымъ вѣдомствамъ—путямъ, къ которымъ приписано было множество дворцовыхъ слугъ и крестьянъ. Обрабатывающая промышленность по сравненію съ Кіевскимъ періодомъ была очень мало развита. Въ значительной степени это являлось слѣдствіемъ подчиненія татарамъ, дурно отозвавшагося вообще на русской культурѣ. Но и помимо ихъ вреднаго вліянія, производство должно было упасть просто потому, что при господствѣ въ Сѣверо-Восточной Руси натуральнаго хозяйства «производители, по словамъ проф. Багалѣя, разсчитывали, главнымъ образомъ, не на сбытъ добываемыхъ продуктовъ, а на собственное потребленіе». Однако натуральное хозяйство господствовало не повсемѣстно и не безраздѣльно. Въ Новгородѣ, какъ мы знаемъ (стр. 45), въ удѣльные вѣка торговля пышно процвѣтала; не совсѣмъ замерла она и въ Сѣверо-Восточной Руси. Такъ напр., Москва, благодаря выгодѣ своего географическаго положенія, дѣлавшаго ее узловымъ пунктомъ пересѣченія нѣсколькихъ большихъ дорогъ, вела довольно оживленную внутреннюю торговлю съ рязанскими, приволжскими и нѣкоторыми другими городами. Что касается внѣшнихъ торговыхъ сношеній, то, по мнѣнію проф. Багалѣя, «татарское нашествіе не сыграло для сѣверо-востока такой гибельной роли, какъ для юго-запада: оно не отняло внѣшнихъ рынковъ и даже создало новые». Важнѣйшими торговыми путями восточнаго направленія (западная торговля находилась въ рукахъ Новгорода) сдѣлались Волга и Донъ. Русскіе

купцы торговали съ Золотою Ордою, съ Крымомъ (торговымъ центромъ котораго былъ въ то время г. Сурожъ), пробирались даже въ Среднюю Азію. Однако, несмотря на все это, торговля не играла на сѣверо-востокѣ такой первенствующей роли, какъ это было нѣкогда на Днѣпрѣ. Безспорнымъ доказательствомъ ея упадка проф. Ключевскій считаетъ вздорожаніе денегъ, уменьшеніе ихъ вѣса, свидѣтельствующее о сокращеніи прилива драгоцѣнныхъ металловъ изъ-за границы.

Эта мысль Ключевскаго находитъ подтвержденіе себѣ въ изслѣдованіи проф. И. И. Кауфмана («Русскій вѣсъ, его происхожденіе и развитіе въ связи съ исторіею русскихъ денежныхъ системъ съ древнѣйшихъ временъ»). Проф. Кауфманъ полагаетъ, что при неблагопріятныхъ условіяхъ жизни, государственной и экономической, вызванныхъ безконечными удѣльными неурядицами и татарскимъ разгромомъ, прежняя вѣсовая и денежная единица—гривна въ 96 золотниковъ (стр. 44) оказалась слишкомъ крупной. Поэтому она замѣняется «новой гривной» или «гривенкой» въ 48 золотниковъ, которая съ начала 1320 гг. получаетъ также названіе «рублевой гривенки», «рубля серебра» или просто рубля. Отношеніе послѣдняго къ мелкимъ денежнымъ единицамъ опредѣлилось подъ вліяніемъ татарской денежной системы. «Въ теченіе XIV вѣка русское населеніе окончательно усваиваетъ себѣ татарскій счетъ на денги и алтыны, въ которыхъ выражаются уже всякія цѣны, податные оклады и княжескіе сборы». Дань татарамъ русскіе платили серебряными слитками, носившими названіе «сумъ» или «саумъ», вѣсившими 36 золотниковъ и равнявшимися 108 татарскимъ денгамъ, такъ какъ каждая татарская денга вѣсила $^1/_3$ золотника сер. Послѣ Куликовской битвы (1380 г.) Димитрій Донской сталъ чеканить русскія серебряныя денги съ такимъ расчетомъ, чтобы изъ двухъ татарскихъ выходили три русскія: иными словами, русская денга равнялась $^2/_3$ татарской или $^2/_9$ золотника серебра. На гривенку или рубль, вѣсомъ, какъ сказано, въ 48 золотниковъ, такихъ русскихъ денегъ шло 216. Съ 1420 г. и въ Новгородѣ стали чеканить денги точно такого же вѣса. Значитъ, первоначально гривенка и рубль, какъ московскій, такъ и новгородскій были тождественны, представляли собою—въ видѣ серебрянаго слитка вѣсомъ въ 48 золотниковъ—одновременно и вѣсовую и денежную единицу и равнялись 216 денгамъ, такъ какъ послѣднія вѣсили вмѣстѣ также 48 золотниковъ. Но такой вѣсъ онѣ имѣли только до половины XV вѣка. Съ этого времени стали чеканить болѣе легковѣсныя денги, которыя, въ числѣ 216, не составляли уже 48 золотниковъ, при чемъ уменьшеніе вѣса денги въ Москвѣ пошло болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ въ Новгородѣ. Это привело къ двумъ слѣдствіямъ. Первымъ было исчезновеніе изъ обращенія серебряныхъ рублей въ видѣ слитковъ: вѣдь такой слитокъ приравнивался 216 денгамъ, между тѣмъ при перечеканкѣ рубля въ денги, ставшія болѣе легковѣсными, послѣднихъ получалось свыше 216; понятно поэтому, что обладатели серебряныхъ рублей предпочитали переливать ихъ въ денги. Но такъ какъ послѣднія уменьшались въ своемъ вѣсѣ быстрѣе въ Москвѣ, чѣмъ въ Новгородѣ, то отсюда проистекало второе слѣдствіе—возникновеніе двухъ различныхъ денежныхъ счетовъ: московскаго и новгородскаго, между которыми нужно было установить соотношеніе. Въ результатѣ всего этого рубль пересталъ быть *вѣсовою*, дѣйствительною денежною единицею, а обратился лишь въ единицу *счетную*, въ «рубль денегъ», при чемъ оказалось два счетныхъ рубля: новгородскій составлялся изъ 216 новгородскихъ денегъ, московскій—изъ 100 новгородскихъ или двухсотъ московскихъ (такъ какъ московская денга приравнивалась половинѣ новгородской); иными словами новгородскій рубль равнялся 2,16 московскаго, или 100 новгородскихъ рублей составляли 216 московскихъ. Такое соотношеніе [1]) установлено было уже въ Московскій періодъ русской исторіи и продержалось вплоть до конца XVI вѣка.

---

[1]) Соотношеніе это подробнѣе выясняется изъ слѣдующаго сравненія: Московскій рубль = 10 московскимъ гривнамъ = 100 новгородкамъ (т. е. новгородскимъ

Выводы. Изъ изложеннаго выяснились характерныя черты удѣльнаго порядка, именно: 1) преобладаніе земледѣлія надъ торговлей, 2) упадокъ значенія городскихъ вѣчъ, 3) измельчаніе и раздробленность удѣловъ, не связанныхъ другъ съ другомъ ни политическою, ни торговою связью, 4) частно-владѣльческій характеръ власти и управленія удѣльныхъ князей, 5) отсутствіе прочныхъ связей между княземъ и боярами, 6) условное землевладѣніе. Наряду съ этимъ нужно отмѣтить обѣднѣніе князей и всего населенія и пониженіе культурности, что являлось слѣдствіемъ упадка торговли и прекращенія сношеній съ образованными иноземными странами.

Черты феодализма въ Удѣльный періодъ. Въ изложенномъ обзорѣ Удѣльнаго періода можно найти много сходныхъ чертъ съ западно-европейской феодальной эпохой, а именно: 1) раздѣленіе государственной территоріи на множество частей: удѣльныхъ княжествъ и привилегированныхъ боярскихъ вотчинъ, 2) раздробленіе государственной власти (между княземъ и вотчинниками) и смѣшеніе правъ частно-владѣльческихъ и государственныхъ, 3) условное землевладѣніе, 4) договорныя (вассальныя), а не подданническія отношенія между землевладѣльцами-государями, 5) преобладаніе натуральнаго хозяйства и слабость торговаго обмѣна, 6) упадокъ городовъ и городского класса, 7) политическую и экономическую разобщенность различныхъ областей и 8) пониженіе культурнаго развитія и огрубѣніе нравовъ общества.

Наряду съ чертами сходства нѣкоторые историки указываютъ и различія. Такъ, напр., западно-европейское крѣпостное крестьянство (сервы и вилланы) находилось въ иномъ положеніи, чѣмъ русскіе крестьяне, пользовавшіеся въ удѣльное время правомъ перехода съ одной земли на другую; государственныя права бояръ основывались не столько на ихъ землевладѣніи, сколько на полученныхъ ими жалованныхъ грамотахъ; ихъ служебныя обязанности проистекали не изъ поземельныхъ отношеній къ князьямъ а изъ договоровъ съ послѣдними.

Однако другіе изслѣдователи не признаютъ подобныхъ различій и утверждаютъ полнѣйшее тождество удѣльныхъ и феодальныхъ порядковъ, прослѣживая его во всѣхъ подробностяхъ.

§ 29. Вліяніе татарской власти на образованіе характерныхъ чертъ Удѣльнаго періода.

Особенности Удѣльнаго періода сложились не только подъ вліяніемъ условій природы Верхне-Волжскаго края и создавшагося здѣсь политическаго порядка. Въ образованіи ихъ большую роль сыграла также татарская власть, тяготѣвшая надъ Русью въ Удѣльное время. Правда, татарское владычество не слишкомъ проникало въ глубину народной жизни: татары не затронули православной вѣры, не уничтожили княжеской власти, не вмѣшивались въ княжеское управленіе и въ междукняжескія отношенія, если только сами князья

денгамъ) = 200 московкамъ; новгородскій рубль = $15^3/_7$ новгородскихъ гривенъ, = 216 новгородокъ = 432 московки. Какъ видно, гривна является здѣсь уже обозначеніемъ *части* рубля. Что касается «гривенки», то, оторвавшись отъ рубля, потерявшаго свою связь съ вѣсомъ и сдѣлавшагося счетной единицей, она стала исключительно вѣсовою единицей и получила названіе гривенки скаловой, т. е. вѣсовой.

не впутывали ихъ въ свои распри. Послѣ своего страшнаго и опустошительнаго нашествія, татары, поселившись преимущественно въ южныхъ степяхъ, довольствовались общимъ надзоромъ за покоренной Русью, требовали выраженія почтенія и покорности со стороны русскихъ князей и обложили все населеніе, за исключеніемъ духовенства, данью и натуральными повинностями. Подчиненность князей хану выражалась, какъ извѣстно, въ томъ, что, наслѣдуя княжества сообразно установившимся въ удѣльной Руси обычаямъ, они утверждались въ своемъ достоинствѣ ханскими «ярлыками», а одинъ изъ князей (обыкновенно, старѣйшій) получалъ ярлыкъ «на великое княженіе» и считался старшимъ надъ другими. Въ случаѣ же распри изъ за княжества, ханъ распоряжался самъ престолонаслѣдіемъ и не стѣснялся произвольно и жестоко расправляться съ князьями [1]). Что касается дани, то первоначально она собиралась ханскими «данщиками» на основаніи переписи русскаго населенія, произведенной татарскими «писцами» или «численниками». Впослѣдствіи, въ XIV вѣкѣ, русскіе князья получили отъ хановъ право самостоятельно собирать дань татарамъ и отвозить ее въ Орду.

Изъ этой общеизвѣстной характеристики отношеній Руси къ татарамъ видно, что ихъ власть не была въ сущности тѣмъ игомъ, тягость котораго могла остановить пульсъ національной русской жизни. Этотъ пульсъ продолжалъ биться, хотя и замедленнымъ темпомъ. Тѣмъ не менѣе татарское вліяніе было значительнымъ и разностороннимъ. Отъ повторныхъ татарскихъ нашествій и грабежей, отъ самоуправства ханскихъ «баскаковъ» (намѣстниковъ), отъ дани и «окуповъ» Русь прежде всего понесла неисчислимыя матеріальныя жертвы. Такое обѣднѣніе, конечно, отразилось на состояніи торговли. А ея упадокъ не могъ благопріятствовать развитію городовъ. Городское вѣче утратило свое значеніе не только потому, что города были моложе князей, но и потому, что князья могли вовсе не считаться съ голосомъ народа на вѣчѣ, если чувствовали за собой поддержку хана и утверждались его ярлыкомъ. Не безъ татарскаго вліянія складывалась внутренняя политика удѣльныхъ князей—взглядъ на удѣлъ, какъ на вотчину,—въ особенности же впѣшняя. Мысль объ оборонѣ родины отъ «поганыхъ», воодушевлявшая нѣкогда южнорусскихъ князей на совмѣстныя выступленія, какъ-то замерла въ Удѣльный періодъ: многіе князья этого времени, отдалившись другъ отъ друга, обѣднѣвъ вслѣдствіе измельчанія удѣловъ, сознавая свое безсиліе, думали не о борьбѣ съ татарами, а о приспособленіи къ

[1]) Нѣкоторые города и области послѣ татарскаго нашествія совершенно утратили прежнее княжеско-дружинное управленіе: они оказались въ непосредственной зависимости отъ татаръ, а ихъ внутреннія дѣла вѣдались мѣстными вѣчевыми собраніями. Такіе безкняжьи порядки установились въ такъ называемыхъ Болоховскихъ городахъ (по верхнему теченію рѣкъ Южнаго Буга и Случи), въ Кіевской и Переяславской области.

нимъ, объ извлеченіи выгодъ изъ ихъ владычества. Князья всякими способами добывали у хана ярлыки на княженіе и военную помощь, чтобы дѣйствовать противъ сородичей и «примыслить» что-нибудь изъ ихъ владѣній. Правда, политика примысловъ превратилась впослѣдствіи у князей московскихъ въ великую національную задачу «собиранія Русской земли». Но въ разгаръ Удѣльнаго періода въ основѣ этой политики лежали не національно-государственныя, а эгоистическія соображенія. По утвержденію проф. Ключевскаго, въ это время «замутилось самое понятіе о единой Русской землѣ, и съ половины XIII вѣка литературные памятники употребляютъ выраженіе «Русская земля» далеко не такъ часто и не съ такою любовью, какъ это было въ XII в.».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Церковь и просвѣщеніе въ Удѣльные вѣка.

§ 30. Церковь.

Въ удѣльной Руси духовныя лица были единственными свѣточами культурности, а монастыри являлись тѣми очагами, гдѣ тлѣла еще искра просвѣщенія, тѣми обителями, гдѣ стремились осуществлять идеальное по понятіямъ того времени житіе, гдѣ развита была широкая благотворительность.

Значеніе монастырей.

Монастыри возникали въ Ростово-Суздальскомъ краю по мѣрѣ его заселенія. (Уже въ XIV вѣкѣ построено было ихъ около 80, такое же число прибавилось въ XV вѣкѣ). Какъ и въ Кіевской Руси, монастыри здѣсь были двоякаго рода: одни—городскіе и пригородные, другіе—такъ называемые пустынные. Первые учреждались высшими духовными лицами, князьями, богатыми боярами, иногда же въ складчину цѣлыми обществами людей, вторые—отшельниками, жаждавшими высокихъ подвиговъ благочестія.

Отшельники уходили отъ міра, но міръ шелъ за ними: къ спасавшемуся подвижнику приходили другіе; на мѣстѣ кельи возникалъ пустынный монастырь. Онъ привлекалъ вниманіе свѣтскихъ людей: князья жаловали ему окрестныя земли, давали денежные вклады; примѣру князей слѣдовали и бояре. Пустынный монастырь превращался въ богатаго землевладѣльца: иноки сперва сами обрабатывали земли, но по мѣрѣ расширенія своихъ владѣній привлекали крестьянъ, и вокругъ монастыря создавался цѣлый посадъ. Исканіе уединенія и безмолвія дѣлалось, такимъ образомъ, однимъ изъ способовъ колонизаціи; пустынный монастырь обращался въ мірской, и изъ него, какъ и изъ городскихъ монастырей, уходили нѣкоторые подвижники и основывали новыя обители.

Изъ монастырей, возникшихъ въ Удѣльный періодъ, особенно замѣчателенъ по своему огромному значенію для всей послѣдующей русской исторіи Троицкій Сергіевъ монастырь, основанный въ половинѣ XIV в. невдалекѣ отъ Москвы. Изъ многочисленныхъ же его колоній (иноками Сергіева монастыря учреждено было до 30 обителей) наибольшей славы достигъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, возникшій въ концѣ XIV в. Нѣкоторые подвижники посвящали свои силы распространенію христіанства среди финновъ-язычниковъ и даже татаръ.

Значеніе монастырей и духовенства для подвластной татарамъ, раздробленной, безгосударственной и непросвѣщенной Сѣверо-Восточной Руси было огромно.

Митрополиты.

Высшія духовныя лица часто являлись ходатаями за князей и за русскій народъ передъ ханами; духовенство стремилось по-прежнему проводить идею національнаго единства Руси; оно вносило извѣстный порядокъ въ междукняжескія отношенія. Поддержка духовенства, въ особенности митрополита, оказываемая какому-нибудь князю, всегда поднимала авторитетъ послѣдняго въ глазахъ народа и возвышала его княжество. Городъ Владиміръ на Клязьмѣ, куда митрополитъ Максимъ въ концѣ XIII вѣка перенесъ свое мѣстопребываніе изъ Кіева, сталъ терять свое значеніе, когда митрополія со времени вступленія на каѳедру Ѳеогноста, преемника св. Петра (скончавшагося въ 1326 году), утвердилась въ Москвѣ, бывшей дотолѣ небольшимъ удѣльнымъ городомъ. При дѣятельной помощи духовенства Московское княжество стало быстро возвышаться, присоединять сосѣдніе удѣлы и разрушать безгосударственный удѣльный порядокъ. Митрополиты въ Удѣльный періодъ поставлялись Константинопольскимъ патріархомъ не исключительно изъ грековъ, а также и изъ русскихъ. Такъ, напр., и св. Петръ, другъ и совѣтникъ Калиты, и св. Алексѣй, руководитель Димитрія Донского, были русскими уроженцами. Митрополитовъ, поставляемыхъ въ Греціи безъ согласія московскихъ князей, неохотно принимали въ Москвѣ. Такимъ образомъ Константинопольскій патріархъ долженъ былъ считаться съ желаніями, шедшими изъ Москвы. Однако и московскіе князья считались съ его властью.

Обособленіе Русской Церкви отъ Константинопольскаго патріархата.

Такъ продолжалось дѣло до сороковыхъ годовъ XV в.—до середины правленія Василія II Темнаго. Въ это время митрополитомъ поставленъ былъ грекъ Исидоръ. Онъ отправился на Флорентійскій соборъ, обсуждавшій вопросъ о соединеніи Западно-Римской и Восточно-Греческой церквей, выступилъ на немъ ревностнымъ приверженцемъ папы и поборникомъ католицизма, а, вернувшись въ Москву, сталъ призывать православныхъ къ сближенію съ католиками. Этимъ онъ вызвалъ большое негодованіе въ московскомъ населеніи, которое вѣками воспитано было въ рѣзкой непріязни къ католицизму. Исидоръ въ 1441 г. былъ преданъ суду собора русскаго духовенства и лишенъ сана.

Когда въ Москвѣ узнали, что унія принята не только Исидоромъ, но также Византійскимъ императоромъ и патріархомъ, то рѣшили не брать больше митрополитовъ изъ Греціи, а поставлять ихъ соборомъ русскаго духовенства. Такъ именно и былъ поставленъ преемникъ Исидора—Іона. Послѣдовавшее вскорѣ послѣ этого, въ 1453 г., завоеваніе Византіи турками еще болѣе убѣдило русскихъ въ необходимости обособленія отъ Константинопольскаго патріарха. Нѣсколько позже, въ 1458 году, противъ воли Іоны произошло также давно подготовлявшееся обособленіе отъ Западно-Русской Церкви: на Кіевскую митрополію соборомъ мѣстнаго Западно-Русскаго духовенства, по указанію великаго князя литовскаго, политическаго обладателя Западной Руси, стали поставляться особые митрополиты, которые получали затѣмъ благословеніе и подтвержденіе своихъ правъ отъ Константинопольскаго патріарха.

Итакъ, съ половины XV вѣка Русская Церковь, освободившись отъ своей многовѣковой зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, стала автокефальною (самостоятельною) и національною.

Церковныя нестроенія.

Признавая огромныя заслуги духовенства передъ родиной, нельзя, однако, обойти молчаніемъ также нѣкоторыя темныя стороны церковной жизни Удѣльнаго періода, къ числу которыхъ относятся, напр., неправильности въ богослуженіи, въ писаніи иконъ, погрѣшности въ богослужебныхъ книгахъ, несоблюденіе монастырскихъ уставовъ, обрядовый характеръ благочестія, сказывавшійся въ томъ, что приверженность къ обряду и буквѣ затемняла иногда истинный смыслъ вѣроученія, необразованность и подчасъ недостойная жизнь духовенства, а также низкій уровень религіозно-нравственнаго развитія мірянъ, въ средѣ которыхъ продолжали жить языческіе суевѣрія и обычаи. Возникали въ это время и ереси. Такъ, уже издавна на Руси было не мало послѣдователей болгарской секты, возникшей въ X вѣкѣ—богумильства, придерживавшейся дуализма. Въ XIV вѣкѣ въ Псковѣ и Новгородѣ распространилась ересь стригольниковъ. Подъ послѣднею разумѣлись различные виды религіознаго вольномыслія и отрицательнаго отношенія къ духовенству. Одни изъ стригольниковъ возставали только противъ обычая уплаты пошлины при поставленіи въ священники; другіе отрицали вообще священство, вселенскіе соборы, монашество, таинства, Св. Преданіе; третьи истолковывали по своему и Св. Писаніе, отвергали почитаніе святыхъ, загробную жизнь и т. д.

Главной причиной указанныхъ церковныхъ нестроеній былъ низкій уровень просвѣщенія въ Удѣльный періодъ.

§ 31. Просвѣщеніе.

Отдаленная отъ Византіи и другихъ культурныхъ очаговъ, скрытая подъ покровомъ владычества невѣжественныхъ татаръ, Сѣверо-Восточная Русь поставлена была, очевидно, въ условія, крайне неблагопріятныя для развитія просвѣщенія. И оно значительно понизилось по сравненію съ Кіевскимъ періодомъ. Даже въ наиболѣе культурной средѣ духовенства образованіе стояло далеко не на высотѣ. «Епископы русскіе—люди не книжные», по отзыву митрополита Исидора, и въ этомъ отзывѣ, поскольку онъ касался Удѣльнаго періода, было много правды. Къ низшему духовенству онъ еще болѣе примѣнимъ: ощущался огромный недостатокъ не только въ книжныхъ, но просто въ «грамотныхъ» священникахъ. Что касается мірянъ, то не знающіе грамоты встрѣчались даже среди князей. Иначе, конечно, и быть не могло при отсутствіи школьнаго обученія. Стремленіе же къ самообразованію не находило достаточно духовной пищи, такъ какъ удѣльная Русь не имѣла такого книжнаго центра, какимъ нѣкогда былъ Кіевъ. Впрочемъ, въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ монастыряхъ все же создавались довольно богатыя книгохранилища. Литературная дѣятельность также не совсѣмъ заглохла. Ея памятники проф. Багалѣй распредѣляетъ на слѣдующія группы: 1) богословскія произведенія — слова, поученія и посланія, замѣчательнѣйшими составителями которыхъ были епископъ Серапіонъ, московскіе митрополиты Св. Алексѣй и Кипріанъ, а также Бѣлозерскій игуменъ Кириллъ, 2) житія святыхъ, которыя къ концу Удѣльнаго періода утрачиваютъ свои самобытныя національныя черты, свою жизненную непосредственность, а вмѣстѣ съ тѣмъ историческую цѣнность и, подъ вліяніемъ Южно-Славянской письменности, получаютъ подражательный, риторическій, исключительно назидательный характеръ и однообразную форму, 3) историческія сказанія, посвященныя преимущественно описанію борьбы съ татарами, въ частности Куликовской битвы, 4) переводныя повѣсти и апокрифы, 5) лѣтописи, не блещущія богатствомъ содержанія. И событія и дѣятели Удѣльнаго періода кажутся болѣе блѣдными и тусклыми, чѣмъ въ Кіевской Руси. Въ Сѣверо-Восточныхъ князьяхъ, за нѣкоторыми лишь исключеніями, также меньше героическихъ чертъ по сравненію съ ихъ Южно-Русскими предками.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

§ 32. Характеристика Сѣверо-Восточнаго князя.

Въ условіяхъ политической жизни Сѣверо-Восточной Руси выработались три главныхъ типа князя: князь—установитель единовластія, князь—заступникъ за Русь передъ татарами, и князь—осторожный политикъ, разсчетливый хозяинъ, неутомимый собиратель земель. Самымъ яркимъ выразителемъ перваго типа былъ Андрей Юрьевичъ Боголюбскій. По времени княженія онъ принадлежитъ еще Кіевскому періоду и широкимъ размахомъ своей дѣятельности, смѣлостью замысловъ и значительностью предпріятій живо напоминаетъ Южно-Русскихъ князей: стремительный разгромъ Кіева въ 1169 г., подчиненіе своей волѣ Новгорода, походы на камскихъ болгаръ... Отъ всего этого вѣетъ Приднѣпровскимъ укладомъ. Но это только внѣшнее сходство: по своему духу, по политическому міровоззрѣнію Южно-Русскіе князья и Андрей совсѣмъ чужды другъ другу, и не даромъ послѣдній считается провозвѣстникомъ удѣльныхъ порядковъ, незнакомыхъ древней Руси. Цѣлью Андрея было сдѣлать власть свою неограниченной, и для осуществленія этого онъ боролся и со своими родичами—сосѣдними князьями, и съ мѣстными городскими вѣчами, и съ вліяніемъ дружинниковъ. Къ занятію Кіевскаго престола Андрей Юрьевичъ не стремился, такъ какъ положеніе Кіевскаго князя, какъ перваго между равными, не соотвѣтствовало его взглядамъ на князя, какъ на самодержца. Не желая быть даже въ церковной зависимости отъ Кіева, онъ хлопоталъ, хотя и безуспѣшно, объ учрежденіи митрополіи во Владимірѣ, который всячески возвышался имъ въ противовѣсъ старымъ вѣчевымъ городамъ: Ростову и Суздалю. Вообще своенравный Андрей ненавидѣлъ старину, не стѣснялъ себя никакими обычаями и древними завѣтами. Продолжателемъ его политики сдѣлался Всеволодъ Большое Гнѣздо, который, по утвержденію «Слова о полку Игоревѣ», былъ такъ могучъ, что шлемами своей дружины могъ вычерпать Донъ.

Но проходитъ десятокъ-другой лѣтъ, и Русская земля становится ханскимъ улусомъ (владѣніемъ); уцѣлѣвшіе князья, прежде всего сѣверо-восточные, превращаются въ данниковъ-ставленниковъ Орды; частичныя попытки борьбы противъ татаръ оказываются безплодными, приходится склониться передъ ихъ властью и всѣ усилія направить къ тому, чтобы предотвратить повтореніе ужасовъ Батыева нашествія. Лучше всѣхъ князей исполнилъ эту задачу Св. Александръ Невскій. Двѣ роли выпали ему. Пока онъ дѣйствовалъ въ Новгородской землѣ, спасшейся, вслѣдствіе своей отдаленности, отъ татарскаго погрома, онъ своею отвагою, неустрашимостью, несклонностью къ какимъ либо уступкамъ, превосходилъ даже самыхъ воинственныхъ

изъ южно-русскихъ князей, и имя его, по выраженію лѣтописца, стало извѣстно «тьмамъ темъ и тысячамъ тысячъ людей». Такова одна, блестящая, героическая роль Александра, запечатлѣнная въ его прозваніи Невскій. Въ другой его роли—меньше блеска, но не меньше заслугъ. Это роль «святого страдальца за Русскую землю», ходатая за нее передъ ханомъ, принятая Александромъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ изъ ханскихъ рукъ получилъ ярлыкъ на великое княженіе Владимірское и долженъ былъ, скрѣпя сердце, удерживать народъ въ повиновеніи новымъ властителямъ.

Прошло еще нѣсколько десятилѣтій. Подъ нависшей грозной тучей татарской власти многое измельчало на Руси: мельчало большинство удѣловъ, мельчали чувства, интересы, характеры, блекли и глохли героическія черты князей. Но будничная хозяйственная работа, посвященная устроенію удѣловъ, продолжалась и въ эти пасмурные годы. Особенно успѣшно шла она у московскихъ князей. Очень похожіе другъ на друга, вѣрные завѣту: «жити за одинъ», крѣпко спаянные на протяженіи многихъ поколѣній семейной традиціей, упорно и ровно продолжали они начатое дѣло, не отвлекаясь въ сторону, не задаваясь несбыточными мечтами; послѣдовательно клали они камни въ строившееся ими зданіе и какъ бы незамѣтно для самихъ себя создали изъ Московскаго удѣла обширное національное государство, какъ бы невзначай, среди мелочныхъ заботъ о пріумноженіи селъ, хозяйственнаго инвентаря и домашней утвари, совершили много великаго. Образцомъ князя-хозяина, творившаго и малыя и великія дѣла, былъ Іоаннъ Даниловичъ Калита. Онъ девять разъ ѣздилъ въ Орду и, быть можетъ, слишкомъ ужъ благоугождалъ хану, но зато этимъ онъ усыпилъ ханскую подозрительность, надолго обезопасилъ свой удѣлъ отъ татарскихъ нашествій, надолго обезпечилъ въ немъ тишину и сумѣлъ возвысить его надъ другими удѣлами. Онъ жестоко поступилъ со своимъ соперникомъ, княземъ тверскимъ Александромъ Михаиловичемъ, но зато, упрочивъ за собой и своими потомками великокняжескій ярлыкъ, на многіе годы прекратилъ распри изъ-за него. Будучи образцовымъ хозяиномъ, Іоаннъ Калита не отличался дальновидностью политика: подобно своимъ современникамъ, онъ смотрѣлъ на удѣлъ не какъ на государство, а какъ на частную собственность и, по завѣщанію, раздробилъ его между членами своей семьи, надѣливъ и трехъ сыновей и жену съ дочерьми; Москву онъ раздѣлилъ на части по числу сыновей, предоставивъ и вдовѣ своей получать съ нея доходъ; о великомъ княжествѣ Владимірскомъ Калита не упомянулъ въ завѣщаніи, такъ какъ распоряженіе имъ принадлежало, по его мнѣнію, ханамъ. Но та же горячая любовь къ дѣтямъ, которая послужила причиной дробленія удѣла, побудила Калиту позаботиться и объ увеличеніи его. А раздѣленную на трети Москву онъ все же сумѣлъ сдѣлать духовной столицей всей Русской земли благодаря перенесенію митрополіи.

Преемники Калиты слѣдовали его примѣру: подобно ему, они были искусными и опытными, не всегда разборчивыми въ средствахъ «собирателями Русской земли»; но, подобно ему же, они не усваивали идеи единаго государства: эта идея прививалась имъ гораздо медленнѣе, чѣмъ умѣніе «примыслить». Однако стоило только одному изъ этихъ преемниковъ присоединить къ традиціоннымъ хозяйственнымъ способностямъ еще дерзновеніе противъ татаръ, и онъ получилъ уже обликъ національнаго государя. Мы имѣемъ въ виду Димитрія Донского — героя Куликовской битвы, которая являлась до извѣстной степени днемъ зарожденія національнаго Русскаго государства. При Димитріи же началось соперничество Сѣверо-Восточной Руси съ Литовской.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Литовская Русь.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Образованіе Литовской Руси и унія Литвы съ Польшей.

§ 33. Образованіе Литовской Руси.

Литовская Русь образовалась путемъ объединенія западныхъ и юго-западныхъ русскихъ областей подъ властью князей Литвы [1]).

---

[1]) Слово Литва будетъ употребляться въ трехъ смыслахъ: 1) для обозначенія страны, населенной литовцами, 2) какъ синонимъ понятія литовцы, 3) для обозначенія одного (самаго многочисленнаго) изъ литовскихъ племенъ, которое не имѣло спеціальнаго названія; оно обитало по среднему теченію Нѣмана и по Вилін. Характерными чертами первоначальнаго быта литовцевъ являлись: 1) низкій уровень культуры (объясняющійся въ значительной степени неблагопріятными условіями заселенной ими страны), 2) отсутствіе политическаго единства (они распадались на нѣсколько племенъ, къ числу которыхъ относятся пруссы, ятвяги, корсь, литва, жмудь, жемгала, латыши). Первое способствовало тому, что литовцы легко поддавались вліянію тѣхъ народовъ (напр., русскихъ и поляковъ), съ которыми имъ приходилось вступать въ сношенія. Второе затрудняло ихъ борьбу съ внѣшними врагами. Особенно опаснымъ сдѣлалось положеніе Литвы съ тѣхъ поръ, какъ въ XIII вѣкѣ на Балтійскомъ берегу въ мѣстахъ литовскихъ и сосѣднихъ съ ними финскихъ поселеній образовались духовно-рыцарскіе ордена: Ливонскій и Тевтонскій.

Первый изъ нихъ очень быстро подчинилъ себѣ латышей, корсь и жемгалу, а второй, поработивъ пруссовъ, началъ ожесточенную борьбу съ ятвягами, жмудью и другими литовцами. Подъ безпощадными ударами нѣмцевъ литовскія племена встрепенулись и стали объединяться. Слѣдствіемъ объединенія уцѣлѣвшихъ отъ нѣмецкой грозы литовцевъ были участившіеся набѣги ихъ на русскія области. Особенную воинственность проявили три наиболѣе энергичныхъ племени: ятвяги, литва и жмудь. Первые не выдержали, впрочемъ, борьбы: въ половинѣ XIII вѣка Ятвяжская земля была подѣлена между Русью, Тевтонскимъ орденомъ и Польшей. Но Литва и Жмудь, закаленныя войнами, сложились въ сильное государство, которое съ самаго начала должно было вести борьбу на два фронта: съ одной стороны оно отбивалось отъ нѣмецкихъ рыцарей, съ другой — наступало на русскія владѣнія.

Объединеніе это было начато въ серединѣ XIII в. Миндовгомъ, котораго считаютъ основателемъ Литовскаго государства, и послѣ нѣкотораго перерыва продолжалось въ XIV в. при Гедининѣ († 1341 г.), его сынѣ Ольгердѣ († 1377 г.) и племянникѣ послѣдняго Витовтѣ Кейстутовичѣ († 1430 г.). Собирательная работа этихъ князей привела въ концѣ XIV вѣка къ созданію огромной державы, въ составъ которой вошли всѣ Приднѣпровскія русскія области вмѣстѣ со своей древней столицей Кіевомъ. Гединиовичамъ, въ лицѣ Любарта (одного изъ сыновей Гедимина), удалось было овладѣть и престоломъ Галицко-Волынскаго княжества, которое, какъ извѣстно, получило послѣ упадка Кіева первенствующее значеніе въ южной Руси и достигло высокой степени культурнаго развитія и благосостоянія при знаменитомъ Галицкомъ «королѣ» Даніилѣ Романовичѣ († 1264 г.) и его потомствѣ. Но Любартъ (вокняжившійся тамъ въ 1340 г., вскорѣ послѣ прекращенія рода Даніила) сумѣлъ удержать за собою лишь большую часть Волыни, Галиція же съ западными волынскими городами была отвоевана у него Польшей.

Итакъ, за исключеніемъ Галиціи, вся юго-западная часть Восточно-европейской равнины сдѣлалась достояніемъ великихъ князей литовскихъ. Ихъ держава простиралась отъ Чернаго моря почти до Балтійскаго и отъ нижняго Днѣпра, Ворсклы, Оки, Угры и верховьевъ Волги до Западнаго Буга и Днѣстра. Литовскимъ государямъ удавалось порою утверждать свое вліяніе даже въ земляхъ псковской, новгородской, смоленской и тверской. Но въ этихъ областяхъ оно было очень кратковременнымъ и непрочнымъ, такъ какъ здѣсь Гединиовичи встрѣчали сильный отпоръ со стороны московскихъ князей, заинтересованныхъ въ дѣлахъ указанныхъ областей и не меньше, чѣмъ литовская династія, трудившихся надъ собираніемъ въ одно цѣлое Русской земли. Напротивъ, на юго-западѣ представители литовской династіи, талантливѣйшимъ изъ которыхъ былъ Ольгердъ, легко добивались прочнаго успѣха именно благодаря отсутствію сильныхъ соперниковъ: южно-русскія области или совсѣмъ не знали княжеской власти или были раздроблены на крошечныя, слабыя княжества. Объединительнымъ планамъ Литвы могли противодѣйствовать только татары, но Золотая Орда во второй половинѣ XIV вѣка уже пришла въ полный упадокъ вслѣдствіе междоусобной борьбы въ ней нѣсколькихъ хановъ, а, кромѣ того, по отношенію къ татарамъ Ольгердъ придерживался очень искусной политики: онъ старался ссорить между собою хановъ-соперниковъ; если было нужно, платилъ татарамъ дань, а если представлялось возможнымъ, боролся съ ними.

Такимъ образомъ, ни южные князья, ни татары не были въ состояніи противиться Ольгерду, а между тѣмъ населеніе присоединяемыхъ русскихъ областей добровольно шло подъ власть литовской династіи, такъ какъ она освобождала его отъ татарскаго владычества, и такъ какъ при Гедининѣ и при Ольгердѣ Литовское го-

сударство становилось государствомъ Русскимъ, правильнѣе—Литовско-Русскимъ.

Дѣйствительно, къ концу княженія Ольгерда огромная часть пространства Литовской державы заселена была русскими. При такомъ численномъ преобладаніи, русское населеніе стало подчинять своей культурѣ податливыхъ иноземному вліянію литовцевъ (только жмудь сохраняла свои національныя особенности). Русскій языкъ быстро распространился среди Литвы и сдѣлался правительственнымъ и придворнымъ языкомъ; также распространилось и православіе; усваивалось русское искусство и военный строй. Очень скоро обрусѣла и сама литовская династія, породнившаяся съ русскими княжескими родами.

Политическій строй въ Литовско-Русскомъ государствѣ былъ приблизительно такой же, какъ и на Руси: кромѣ великаго князя, существовало еще нѣсколько удѣльныхъ. Одни изъ нихъ были потомками Гедимина, другіе—князьями русской династіи, признававшими верховенство Литвы.

Такимъ образомъ въ XIV вѣкѣ въ Восточной Европѣ одновременно создались два сильныхъ государства: Литовско-Русское и Московское, изъ которыхъ каждое занято было одинаковымъ дѣломъ—собираніемъ Русской земли,—и между которыми происходили уже столкновенія. Если бы Литва послѣ смерти Ольгерда продолжала свою прежнюю политику, то было бы трудно предвидѣть исходъ соперничества ея съ Москвою; было бы трудно предсказать, около какого центра объединится Русь: около Москвы или около Литвы? Но спустя менѣе, чѣмъ десять лѣтъ послѣ смерти Ольгерда, его сынъ и ближайшій преемникъ Ягайло (Ягелло) рѣшился на мѣру, внесшую рознь въ подвластное ему населеніе: именно, подъ вліяніемъ соображеній отчасти чисто личныхъ, отчасти внушенныхъ ему поляками, Ягайло, принявъ католицизмъ и женившись на польской королевѣ Ядвигѣ, согласился на *унію* (соединеніе) Литовско-Русскаго государства и Польши.

§ 34. Слѣдствія уніи 1386 г.

Унія заключена была 18 февраля 1386 г. Ближайшимъ слѣдствіемъ ея было распространеніе католицизма среди языческой части Литвы. Литовскихъ вельможъ Ягайло склонялъ къ принятію новой вѣры, обѣщая имъ преимущества, принадлежавшія польской «шляхтѣ», освобождая ихъ отъ нѣкоторыхъ служебныхъ обязанностей и открывая имъ доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ. По отношенію же къ простому народу онъ дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, принужденіемъ. Окатоличеніе Литвы порождало глубокій внутренній разладъ между литовскимъ населеніемъ и русскимъ, въ громадномъ большинствѣ оставшимся вѣрнымъ православію. Этотъ разладъ ослабилъ Литовско-Русское государство, политическое положеніе котораго послѣ уніи стало очень неопредѣленнымъ.

Дѣятельность Витовта.

Попытка Ягайла отнестись къ нему, какъ къ *составной* части Польши, вызвала такой отпоръ со стороны литовско-русскаго населенія, что Ягайло вынужденъ былъ пойти на уступки и въ 1392 г. призналъ своего двоюроднаго брата Витовта Кейстутовича вассальнымъ государемъ Литовскимъ. Съ этого времени въ Ягайловой державѣ установилось двоевластіе: самъ Ягайло, при содѣйствіи польскихъ пановъ, правилъ Польшей, Витовтъ же, титуловавшійся великимъ княземъ, сталъ дѣйствительнымъ пожизненнымъ управителемъ Литовско-Русскаго государства. Его зависимость отъ Ягайла, подтверждавшаяся послѣдующими договорами, была на дѣлѣ весьма слабой и даже призрачной. Могущественный и способный Витовтъ, снискавшій большое расположеніе своихъ подданныхъ, при извѣстномъ стараніи могъ бы возстановить полную политическую самостоятельность Литвы. Временами онъ стремился къ этому, но не сумѣлъ довести дѣло до конца, такъ какъ, при всей своей талантливости, отличался большою непослѣдовательностью, а кромѣ того, по многимъ причинамъ долженъ былъ избѣгать разрыва и вражды съ Ягайломъ. Въ помощи послѣдняго Витовтъ особенно нуждался для проведенія своей внѣшней политики, которая была направлена къ дальнѣйшему присоединенію русскихъ областей, къ борьбѣ съ татарами (отъ нихъ Витовтъ потерпѣлъ тяжкое пораженіе на Ворсклѣ въ 1399 г.) и къ вмѣшательству въ дѣла нѣмецкихъ рыцарей (славная побѣда надъ рыцарями была одержана при Грюнвальдѣ и Танненбергѣ въ 1410 г.). Внутренняя политика Витовта, заключавшаяся въ разрушеніи удѣльной системы въ Литовско-Русскомъ государствѣ и въ превращеніи удѣльныхъ князей въ привилегированныхъ землевладѣльцевъ, требовала также содѣйствія Ягайла. Наконецъ, отторженію отъ Польши препятствовала до извѣстной степени горячая приверженность Витовта къ католицизму. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ: непослѣдовательности самого Витовта, интересовъ его внѣшней и внутренней политики и его католическихъ симпатій, онъ не воспользовался возможностью уничтожить унію 1386 года, а, напротивъ, соглашался на ея подтвержденія въ 1410 г., а затѣмъ въ 1413 г. (по договору, заключенному въ Городлѣ). Лишь въ концѣ своего правленія Витовтъ сдѣлалъ энергичную попытку добиться полной независимости отъ Польши, но умеръ, не достигнувъ этого.

Три партіи.

Послѣ смерти Витовта продолжалось начавшееся еще при немъ соперничество трехъ партій: польской, русской и литовской, планы которыхъ были различны. Первая стремилась къ *слiянію* Польши, Литвы и Западной Руси въ одно недѣлимое цѣлое; вторая старалась *разорвать всякую связь* съ иновѣрной Польшей и тяготѣла къ православной Москвѣ; третья занимала среднее положеніе между первыми двумя, руководствуясь слѣдующими соображеніями. Союзъ съ Польшей былъ для литовцевъ соблазнителенъ изъ-за соображеній какъ внѣшней, такъ и внутренней политики: онъ облегчалъ борьбу съ

Москвою, татарами и другими врагами и предоставлялъ литовской католической знати преимущества передъ православными русскими. Однако полнаго сліянія съ Польшей литовская партія не желала изъ-за національнаго самолюбія и изъ-за опасенія наплыва поляковъ въ Литву и соперничества съ ними. Даже для правившей династіи такое сліяніе было невыгодно: и въ Литвѣ, и въ Польшѣ установился порядокъ избранія государей сеймами, но въ то время, какъ литовцы провозглашали великимъ княземъ непремѣнно кого-нибудь изъ Гедиминовичей, поляки при выборѣ короля не были связаны этой фамиліей; однако желаніе сохранить унію побуждало ихъ выбирать на польскій престолъ лицо, бывшее великимъ княземъ литовскимъ, или, по крайней мѣрѣ, его близкаго родственника. Слѣдовательно, сохраненіе польской короны за потомками Ягайла въ значительной степени зависѣло отъ того, что Литовско-Русское государство имѣло отдѣльное устройство съ правомъ выбора великаго князя. Поэтому короли долгое время лишь нехотя уступали польскимъ панамъ, требовавшимъ скрѣпленія уніи, на дѣлѣ же часто сочувствовали литовской партіи. Идеаломъ послѣдней былъ, какъ видно, тѣсный, но *свободный* (а не подневольный) *союзъ* Литвы и Польши въ качествѣ равноправныхъ державъ, подвластныхъ или двумъ разнымъ государямъ или хотя бы одному, но во всякомъ случаѣ *имѣющихъ отдѣльное управленіе и особыя права, а не слитыхъ вмѣстѣ*, какъ того хотѣли поляки.

Въ теченіе XV и большей части XVI вѣковъ литовская партія торжествовала надъ другими. Вслѣдствіе этого многократныя подтвержденія уніи грамотами преемниковъ Витовта оказывались мертвой буквой; на самомъ же дѣлѣ уніи, не только въ смыслѣ сліянія (какъ ее истолковало, напр., постановленіе 1501 г.), но хотя бы въ смыслѣ дѣйствительнаго соединенія двухъ государствъ, не существовало: между ними былъ лишь союзъ, да и то не всегда искренній. Это соотвѣтствовало желаніямъ литовской партіи. Однако и двѣ другія партіи наложили также замѣтный отпечатокъ на Литовско-Русское государство: существованіе въ немъ какъ бы двухъ центробѣжныхъ силъ (польская партія тянула къ Польшѣ, русская—къ Москвѣ) способствовало *упадку* его *внѣшняго могущества*. Послѣ кончины Витовта, при которомъ Литовская держава достигла наибольшихъ размѣровъ и наивысшей мощи, не только прекратилась объединительная дѣятельность Литовскаго правительства, но даже обнаружился обратный процессъ—отливъ русской народности въ Московское государство. Вліяніе польской партіи сказалось и на внутреннемъ состояніи Литовской Руси.

Считая необходимымъ условіемъ успѣховъ внѣшней политики Польши и Литвы ихъ тѣсное соединеніе и видя безплодность бумажныхъ подтвержденій уніи, польская партія всячески способствовала преобразованію общественнаго и политическаго строя Литовско-Русскаго государства по примѣру Польши, чтобы этимъ способомъ слить его съ послѣдней. Иными словами, польская партія старалась ополя-

чить Литовскую Русь такъ же точно, какъ она ополячила русскія «провинціи Польской Короны», т. е. области, перешедшія подъ непосредственную власть Польши. Къ ихъ числу относились Галиція, Холмщина и Подолье, отобранное отъ Литвы въ 1432 г. Вслѣдствіе пограничнаго положенія этихъ земель иноземныя вѣянія чувствовались въ нихъ издавна (съ XII—XIII в.в.); со времени же польскаго господства русская культура должна была окончательно отступить здѣсь передъ польской, проводниками которой были многочисленные польскіе колонисты. Несмотря на противодѣйствіе, оказываемое ей православнымъ духовенствомъ и сельскимъ населеніемъ, впадавшимъ въ полную зависимость отъ шляхты, русскія провинціи Польской Короны уже въ первой половинѣ XV вѣка были сильно ополячены: въ 1435 году здѣсь было введено польское право (за исключеніемъ тѣхъ городовъ и мѣстечекъ, которымъ было предоставлено жить на нѣмецкомъ, такъ называемомъ, магдебургскомъ правѣ); управленіе перестраивалось по польскому образцу; въ дѣлопроизводство проникалъ латинскій языкъ; шляхта получила выборные суды и важныя политическія права и была уравнена съ польской, хотя и не вполнѣ: ея военныя повинности, связанныя съ землевладѣніемъ, сохранились и въ послѣдующее время, тогда какъ польская шляхта владѣла землями на правѣ полной собственности.

Къ насажденію такихъ же порядковъ польская партія, какъ сказано, стремилась и въ земляхъ, вошедшихъ въ составъ Великаго княжества Литовскаго. Однако русскій складъ жизни удерживался здѣсь гораздо дольше и прочнѣе. Лишь постепенно, какъ сейчасъ увидимъ, польское вліяніе стало сказываться на ихъ политическомъ и общественномъ строѣ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Общая характеристика политическаго строя Литовско-Русскаго государства.

§ 35. Положеніе князя.

Во главѣ Литовско-Русскаго государства стоялъ великій князь изъ династіи Гедиминовичей, — вступавшій на престолъ обычно въ силу избранія, производимаго сеймами, на которыхъ первоначально присутствовали лишь вельможи и «старшіе», т. е. виднѣйшіе, шляхтичи. (Извѣстны также случаи, когда великій князь назначался завѣщаніемъ предшественника или ставился польскимъ королемъ, но они относятся къ начальной исторіи Литовской Руси). По смыслу условій уній (напр., постановленій 1413 и 1501 г.г.), выборы великаго князя должны были производиться *сообща* литовскими и польскими вельможами, но первые нерѣдко обходились безъ вторыхъ. Иногда

Литва имѣла отдѣльныхъ отъ Польши государей (Свидригайла Ольгердовича, Сигизмунда Кейстутовича, а также Александра и Сигизмунда Казимировичей — внуковъ Ягелла — и правнука послѣдняго Сигизмунда II Августа до ихъ воцаренія въ Польшѣ), иногда же одно и то же лицо совмѣщало санъ польскаго короля и великаго князя литовскаго (такъ, напр., Казимиръ Ягайловичъ, избранный въ 1440 г. на литовскій престолъ, въ 1445 г., послѣ кончины преемника Ягайла-Владислава Ягайловича,—сдѣлался польскимъ королемъ и правилъ обоими государствами до 1492 года; послѣ смерти его старшаго сына, польскаго короля Яна-Альбрехта, братъ послѣдняго Александръ, правившій въ Литвѣ, снова соединилъ въ своихъ рукахъ оба государства и завѣщалъ ихъ въ 1506 году брату Сигизмунду, сынъ котораго, Сигизмундъ II Августъ, также владѣлъ Литвой и Польшей); но въ такомъ случаѣ дѣйствительное управленіе Литовско-Русскимъ государствомъ принадлежало высшему правительственному совѣту—литовской *радѣ*. Развившись изъ древне-русской княжеской думы, рада получила огромное политическое значеніе: по привилею (т. е. жалованной грамотѣ) Александра Казимировича (1492 г.) великій князь обязывался во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ дѣйствовать съ согласія рады; она была какъ бы совѣтомъ министровъ, а въ отсутствіе государя замѣняла его. Такимъ образомъ рада играла гораздо болѣе крупную роль, чѣмъ соотвѣтствовавшая ей московская государева дума, и много больше походила на учрежденіе. Въ составъ рады входили католическіе епископы, важнѣйшіе сановники, представители знатнѣйшихъ княжескихъ и боярскихъ фамилій, не только литовскихъ, но и русскихъ. Участіе послѣднихъ въ радѣ разрѣшалось вопреки закону, такъ какъ не только Ягайловы привилеи (1387 г. и 1413 г.), но и постановленія его преемниковъ открывали доступъ въ раду и къ занятію высшихъ должностей («урядовъ») только для католиковъ, а не для православныхъ. Это ограниченіе православныхъ не было отмѣнено въ законодательномъ порядкѣ вплоть до второй половины XVI вѣка, и изданный вскорѣ послѣ смерти Витовта привилей (1432 г.), не разъ подтверждавшійся впослѣдствіи, уравнивая права русскихъ и литовцевъ, имѣлъ въ виду русскихъ, *принявшихъ католицизмъ*. Но на дѣлѣ это ограниченіе не имѣло силы: русскіе православные вельможи проникали въ раду, добивались иногда и высшихъ государственныхъ должностей.

Итакъ, великій князь, обладавшій первоначально всей полнотою власти, сосредоточивавшій въ своихъ рукахъ всѣ нити управленія и лишь въ силу практической необходимости совѣщавшійся съ радой, съ конца XV вѣка былъ значительно ограниченъ послѣднею въ проявленіяхъ своей распорядительной, судебной и законодательной власти. Кромѣ того, ему приходилось считаться съ «правами земель», которыя опредѣлялись и подтверждались великокняжескими уставными грамотами или «привилеями».

§ 36. Положеніе областей Литовской Руси.

По отношенію къ подвластнымъ землямъ ближайшіе преемники Витовта руководствовались правиломъ «старины не рушить и новизны не вводить», а потому предоставляли имъ своими привилеями широкую автономію, т. е. самоуправленіе, и обезпечивали неприкосновенность установившихся въ нихъ порядковъ. Каждая земля жила по своему мѣстному праву. Въ нѣкоторыхъ (напр., Полоцкой, Витебской, Смоленской, Кіевской и друг.) въ XV и даже въ началѣ XVI в. сохранялись старинныя общенародныя вѣча—сеймы, на которыхъ мѣстные епископы, должностныя лица, землевладѣльцы, низшіе служилые люди, горожане и даже крестьяне обсуждали свои нужды, рѣшали дѣла, касавшіяся какъ управленія, такъ и суда, договаривались съ областнымъ намѣстникомъ-воеводою, а иногда даже избирали его. Въ другихъ земляхъ (напр., въ Волынской) сеймы имѣли не общенародный, а сословный шляхетскій характеръ. Судебная власть воеводъ ограничивалась представителями отъ мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ политическій и общественный строй Литовско-Русскаго государства при первыхъ Ягеллонахъ (т. е. потомкахъ Ягайла) отличался аристократическимъ и автономнымъ характеромъ: полновластная рада и высшія должности замѣщались знатью, а отдѣльныя области пользовались самоуправленіемъ, настолько развитымъ, что Великое княжество Литовское можетъ быть названо до извѣстной степени федеративнымъ (союзнымъ) государствомъ. Уже самъ-по-себѣ такой строй былъ очень непрочнымъ.

Непрочность его увеличивалась еще тѣмъ внутреннимъ разладомъ, который являлся слѣдствіемъ уніи съ Польшей и выражался, какъ сказано, въ соперничествѣ трехъ партій и въ розни православныхъ и католиковъ. Причина послѣдней лежала въ томъ, что, несмотря на провозглашенныя правительствомъ вѣротерпимость и уваженіе къ религіознымъ интересамъ русскихъ подданныхъ Литвы, православная вѣра на самомъ дѣлѣ не была равноправной съ католической: затруднялась, напр., постройка православныхъ церквей; кіевскій митрополитъ и западно-русскіе епископы не допускались въ раду, бывали случаи принужденія православныхъ къ переходу въ католицизмъ. Къ указанному разладу присоединились еще несогласія между сословіями Литовской Руси.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Сословія Литовской Руси.

§ 37. Паны.

Высшимъ классомъ литовско-русскаго общества были магнаты или паны. Въ составъ этой аристократіи, сформировавшейся въ XV вѣкѣ, входили прежніе удѣльные князья и важнѣйшіе нетитулованные роды литовскаго и русскаго происхожденія. Магнаты пользовались слѣдующими преимуществами: 1) они были обычными членами рады, засѣдая въ ней или въ силу своего высокаго служебнаго положенія, или по праву рожденія (отсюда и названіе паны-рада или паны радные), 2) назначались на важнѣйшія должности, 3) подлежали суду непосредственно великаго князя или рады и были независимы отъ мѣстныхъ властей, 4) владѣли громадными землями, на которыхъ, кромѣ крестьянскаго населенія, сидѣли также шляхтичи, обязанные имъ службой и находившіеся въ вассальной и судебной зависимости отъ нихъ, 5) посылали со своихъ земель ратныхъ людей въ походы подъ своими фамильными знаменами. Такія привилегіи, принадлежавшія первоначально лишь магнатамъ, создавали для послѣднихъ крайне выгодное положеніе. Желаніе сохранить его въ неприкосновенности и было одной изъ причинъ, побуждавшихъ литовско-русскую знать противиться *сліянію* Литвы съ Польшей. Въ виду этого польская партія старалась найти противовѣсъ магнатамъ въ среднемъ землевладѣльческомъ и служиломъ литовско-русскомъ сословіи—*шляхтѣ*.

§ 38. Шляхта.

Шляхтичи (называвшіеся также земянами и боярами [1]), соотвѣтствовали московскимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и по своимъ обязанностямъ, и по составу: иными словами, они представляли собою классъ среднихъ и мелкихъ помѣщиковъ, т. е. лицъ, владѣвшихъ землею не на правѣ полной собственности, а подъ условіемъ военной службы. Значитъ, въ Литовско-Русскомъ государствѣ такъ же, какъ въ Московскомъ, основой военнаго строя было служилое землевладѣніе, и великій князь считался верховнымъ собственникомъ всѣхъ земель, предоставлявшимъ ихъ лишь во владѣніе своимъ слугамъ за отбываніе службы. Такъ какъ обязанность поставлять съ земли ратныхъ людей была распространена и на магнатовъ, которые посылали многочисленные отряды, и на состоятельныхъ крестьянъ, вооружавшихъ въ складчину конныхъ воиновъ, то понятно, что шляхта

[1]) Слово бояринъ въ Литовской Руси не имѣло такого аристократическаго оттѣнка, какъ въ Московской.

не представляла собою сначала строго опредѣленнаго, обособленнаго сословія: верхи шляхты приближались къ магнатамъ, а низами своими она опускалась до земледѣльческаго класса. Посредствующимъ звеномъ между шляхтою и селянами (крестьянами) были такъ называемые «бояре путные» (исполнявшіе различныя правительственныя порученія, напр., курьерскую службу) и «слуги замковые» (т. е. служившіе при крѣпостяхъ въ качествѣ сторожей, пушкарей и т. д.), или «ордынскіе» (сопровождавшіе пословъ въ Орду) [1]).

Характеръ сословія шляхта получила только тогда, когда правительство, подъ давленіемъ польской партіи, стало перестраивать ее по польскому образцу, чтобы подкупить ее въ пользу тѣсной уніи съ Польшей: въ теченіе XV и особенно XVI в.в. постепенно, въ силу различныхъ привилеевъ, литовско-русская шляхта, какъ католическая, такъ и *православная*, пріобрѣтала преимущества польскаго шляхетства: судебную власть и верховенство надъ своими подданными-крестьянами, свободу отъ постоянныхъ податей, выборные «земскіе» суды, судебныя привилегіи, шляхетскіе сеймики наподобіе польскихъ, а также право свободнаго распоряженія своими землями.

Возвышеніе шляхты способствовало постепенному уравненію ея съ магнатами, которые, лишь въ силу своего имущественнаго и личнаго значенія, а не въ силу закона, продолжали пользоваться большимъ вліяніемъ. Однако правительство признавало широкія привилегіи лишь за тѣми изъ шляхтичей, которые издавна принадлежали къ этому сословію и свою принадлежность къ нему могли подтвердить свидѣтельскими показаніями или документами; остальные, не сумѣвшіе доказать своихъ шляхетскихъ правъ, низводились въ податное сословіе. Кромѣ того, наряду съ полноправной существовала еще неполноправная шляхта.

Къ ней относились шляхтичи, 1) отбывавшіе, кромѣ общей для всѣхъ военной службы, еще разнообразныя повинности, 2) сидѣвшіе на земляхъ князей, пановъ или просто шляхты и непосредственно зависѣвшіе, такимъ образомъ, отъ частныхъ лицъ, а не отъ короля. Въ коронныхъ (т. е. собственно-польскихъ) земляхъ зависимая шляхта встрѣчалась въ видѣ исключенія, но въ Великомъ княжествѣ Литовскомъ первоначально былъ очень распространенъ обычай раздачи земель съ населявшей ихъ шляхтой, и лишь по мѣрѣ возвышенія послѣдней онъ сталъ выходить изъ употребленія.

Однако и полноправная литовско-русская шляхта, несмотря на дарованныя ей привилегіи, осталась, подобно шляхтѣ русскихъ земель Польской Короны, служилымъ сословіемъ: ея землевладѣніе и въ XVI в. обусловлено было военной службой. Именно, сейму при-

---

[1]) Обязанность поставлять воиновъ распространялась также на церковныя земли, вслѣдствіе чего вопросъ о церковномъ землевладѣніи не имѣлъ въ Литвѣ такого значенія, какъ въ Московской Руси (см. объ этомъ ниже).

надлежало право постановлять «посполитое рушенье», т. е. сзывать поголовное ополченіе шляхты на защиту родины отъ враговъ. Въ этомъ ополченіи каждый землевладѣлецъ долженъ былъ участвовать лично вмѣстѣ со своими людьми (число ихъ, какъ и въ Московской Руси, обусловливалось количествомъ земли); непригодные къ военной службѣ посылали за себя наемныхъ ратниковъ. «Рушившаяся» шляхта составляла «земское» войско [1]). Но это многочисленное войско все же не удовлетворяло военныхъ нуждъ Великаго княжества Литовскаго, и поэтому правительство прибѣгало къ услугамъ наемныхъ «служилыхъ людей» (въ составъ ихъ входили жолнеры, гусары и т. д.), а также татарскихъ и казацкихъ отрядовъ. Высшее командованіе наемнымъ войскомъ предоставлено было гетману польному или дворному. Онъ былъ подчиненъ гетману наивысшему, который стоялъ во главѣ всѣхъ военныхъ силъ литовскихъ, т. е. и земскаго и наемнаго войска.

§ 39. Сельское населеніе.

Еще ранѣе возвышенія шляхты, въ русскихъ земляхъ Польской Короны и Великаго княжества Литовскаго начался упадокъ крестьянства: права и привилегіи первой расширялись въ ущербъ низшему классу. Правда, древне-русское невольничество существовало въ Литовско-Русскомъ государствѣ только въ незначительномъ количествѣ и постепенно исчезало. Но оно исчезало потому, что мало-помалу сливалось съ крестьянствомъ [2]), различныя категоріи котораго почти не отличались отъ невольниковъ—холоповъ.

Многочисленные классы западно-русскаго крестьянства можно раздѣлить на три главныхъ разряда: данники, служебные и работные или тяглые. Данники жили въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было развито частное землевладѣніе (преимущественно въ Пинскомъ Полѣсьѣ и нѣкоторыхъ южныхъ окраинахъ); они обложены были податями (податной единицей считалась совокупность нѣсколькихъ хозяйствъ), не несли барщины, но исполняли кое-какія работы (главнымъ образомъ, по постройкѣ укрѣпленій) въ пользу правительства. Впрочемъ, различныя работы лежали не столько на данникахъ, сколько на другомъ разрядѣ земледѣльческаго класса, такъ называемыхъ «людяхъ служебныхъ», къ числу которыхъ принадлежали или «слуги» разныхъ наименованій (напр., замковые, ордынскіе, земскіе, стрѣльцы и т. д.) или промышленники (напр., ловцы, бобровники, сокольники, лѣс-

[1]) Кромѣ участія въ посполитомъ рушеньѣ, шляхта по постановленію сейма должна была уплачивать, когда это признавалось нужнымъ, особый денежный налогъ, такъ называемую «серебщизну».

[2]) Въ памятникахъ литовско-русскаго права терминъ «крестьяне» не встрѣчается: для обозначенія этого класса служатъ слѣдующія выраженія: подданные мужики, посполство, люди, кметы

ничіе, рудники, бондари и т. д.) [1]). Особенно много служебныхъ людей было въ степной полосѣ Кіевской земли. Высшіе разряды ихъ составляли, какъ упоминалось, переходную ступень къ шляхтѣ. Однако, несмотря на это, въ средѣ низшихъ служебныхъ людей было не мало потомковъ несвободной челяди. Еще болѣе несвободныхъ входило въ составъ третьяго разряда крестьянъ—работныхъ или тяглыхъ (дякольныхъ), которые заняты были преимущественно барщиной, но платили также подати. По мѣрѣ развитія частнаго землевладѣнія число работныхъ крестьянъ возрастало насчетъ двухъ другихъ разрядовъ.

Различіе положенія крестьянъ зависѣло не только отъ того, къ какому разряду принадлежали они, но также и отъ того, на какомъ правѣ жило то или другое селеніе. Именно, въ земляхъ Польско-Литовскаго государства встрѣчались поселенія польскаго, русскаго, нѣмецкаго и волошскаго права. Подобно московскимъ черносошнымъ крестьянамъ, западнорусскіе крестьяне, жившіе на русскомъ правѣ, пользовались широкимъ самоуправленіемъ. Остатками его служили надолго сохранившіеся въ Литовско-Русскомъ государствѣ «копные» суды. «Копою» назывался союзъ жителей извѣстной мѣстности (нѣчто въ родѣ древне-русской верви), имѣвшій цѣлью раскрывать преступленія, совершенныя въ ея предѣлахъ, предупреждать ихъ и поддерживать внутренній порядокъ. Въ селахъ нѣмецкаго права крестьянское самоуправленіе не было развито: первенствующее значеніе въ нихъ имѣли войты, которые, за уплату извѣстной суммы собственнику земли или правительству, получали наслѣдственное право сбора части доходовъ съ крестьянскаго населенія и суда надъ нимъ и становились, такимъ образомъ, начальниками крестьянской общины. Въ селахъ польскаго права войту до извѣстной степени соотвѣтствовалъ сельскій начальникъ; въ поселеніяхъ же волошскаго права (оно встрѣчалось преимущественно въ коронныхъ русскихъ земляхъ и было принесено сюда колонистами изъ Прикарпатскаго края) войта замѣнялъ наслѣдственный старшина, называвшійся «княземъ», но по внутреннимъ своимъ порядкамъ они близко стояли къ русскимъ селамъ.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ усиленія шляхты, различія въ положеніи крестьянъ, жившихъ на разныхъ правахъ, стали стираться: всюду первенствующее положеніе получили привилегированные землевладѣльцы; войты становились вполнѣ зависимыми отъ нихъ, самоуправленіе крестьянъ разрушалось и неволя ихъ росла.

Развитіе крестьянской неволи зависѣло, главнымъ образомъ, отъ трехъ причинъ: 1) подчиненія крестьянъ суду землевладѣльцевъ, 2) ограниченія права крестьянъ распоряжаться землями, а также права перехода и 3) увеличенія барщины.

Судебная зависимость крестьянъ отъ землевладѣльцевъ существовала въ польскихъ земляхъ уже въ XIV вѣкѣ, въ Великомъ княжествѣ Литовскомъ—въ половинѣ XV, а съ XVI в. установилось правило, что никакая власть, даже самъ король, не можетъ вмѣшиваться въ отношенія пана къ его «подданнымъ», и правительственные суды не имѣютъ права принимать ихъ жалобъ. Только крестьяне государственныхъ земель подлежали суду правительственныхъ должностныхъ лицъ изъ землевладѣльческаго шляхетскаго сословія.

Право свободнаго распоряженія землями, принадлежавшее древне-

[1]) Нѣкоторые историки относятъ указанныхъ промышленниковъ не къ служебнымъ людямъ, а къ данникамъ.

русскимъ смердамъ, также постепенно утрачивалось. Польскіе законы признавали собственниками земель только лицъ привилегированнаго класса, крестьянъ же считали лишь съемщиками ихъ. Въ крѣпостныхъ съемщиковъ частновладѣльческихъ земель обратились и крестьяне Великаго княжества Литовскаго.

Здѣсь прикрѣпленіе устанавливалось не столько законодательнымъ порядкомъ (какъ въ Польшѣ), сколько условіями жизни и, главнымъ образомъ, развитіемъ служилаго землевладѣнія, для обезпеченія котораго необходимо было закрѣпощеніе крестьянъ. Такъ же, какъ и въ Московской Руси, «непохожими», т. е. утратившими право перехода, становятся прежде всего засидѣвшіеся на землѣ, «старожильцы», называющіеся здѣсь «извѣчными», «отчичами» въ отличіе отъ «лезныхъ», «гулящихъ». Впрочемъ, прикрѣпленіе и связанный съ ними, притомъ все усиливавшійся, гнетъ барщины распространялись въ XVI в. не повсемѣстно: въ южной степной полосѣ, т. е. въ земляхъ по Днѣпру къ югу отъ Кіева и по Южному Бугу, вслѣдствіе непрестанныхъ нашествій крымскихъ татаръ, не было развито господское хозяйство, и здѣшнее населеніе, служившее государству своей смѣлой борьбой съ татарами, жило своеобразнымъ бытомъ, оставаясь чуждымъ какъ литовскаго, такъ и польскаго вліянія, и не только не знало неволи, но было почти неподвѣдомственно и государственнымъ властямъ.

Литовское правительство, подобно Московскому, мало занималось законодательствомъ по крестьянскому вопросу. Исключеніе составляетъ только его грандіозный проектъ преобразованія податного обложенія и поземельныхъ отношеній, извѣстный подъ названіемъ «Устава о волокахъ», который былъ составленъ въ 1557 году. Именно, предполагалось раздѣлить всѣ земли на равномѣрные, приносящіе одинаковый доходъ участки (волоки), раздать ихъ крестьянамъ и точнымъ образомъ опредѣлить подати и повинности послѣднихъ. Цѣль проекта заключалась въ установленіи соотвѣтствія между крестьянскимъ землепользованіемъ и обложеніемъ. Приведеніе его въ исполненіе потребовало перемежеванія старинныхъ крестьянскихъ участковъ, переоцѣнки ихъ, перевода крестьянъ съ однѣхъ земель на другія. Однако осуществлено все это было только въ западныхъ земляхъ Великаго княжества.

§ 40. Городское населеніе; промышленность и торговля.

Польское вліяніе, какъ выяснено, способствовало, главнымъ образомъ, измѣненію положенія шляхты и крестьянства. Другое иноземное вліяніе—нѣмецкое право—преобразовало бытъ западно-русскихъ городовъ. Древне-русскій городъ былъ, какъ извѣстно, экономическимъ, культурнымъ и политическимъ центромъ области, крѣпко связаннымъ со всѣмъ ея населеніемъ. Напротивъ, средневѣковый нѣмецкій городъ съ его муниципальнымъ строемъ и иммунитетомъ (неподвѣдомственностью внѣгородскимъ властямъ)—представлялъ собой обособленный, тѣсно замкнутый въ себѣ мірокъ. Введеніе нѣмецкаго права

въ русскіе города Польской Короны и Великаго княжества Литовскаго также разорвало ихъ живую связь съ областями, которыми они когда-то руководили, отрѣзало ихъ отъ общей политической жизни, но не улучшило ихъ положенія. Въ польскихъ городахъ нѣмецкое право стало вводиться уже въ XIII вѣкѣ, послѣ татарскаго опустошенія, для привлеченія туда нѣмецкихъ колонистовъ. Въ XIV вѣкѣ и въ Галицко-Волынской землѣ встрѣчаются общины иностранцевъ, живущихъ на нѣмецкомъ правѣ. Онѣ существовали, напримѣръ, во Владимірѣ (повидимому, уже въ XIII вѣкѣ), Львовѣ и другихъ мѣстахъ. Со времени распространенія литовскаго и польскаго владычества въ Западной Руси, особенно со времени Витовта, покровительство иноземной колонизаціи и постепенное введеніе нѣмецкаго права, отрывавшаго городъ отъ земли, преслѣдовало не только экономическія, но и политическія цѣли, служило средствомъ для ослабленія русской народности. Русскіе города устраивались по образцу польскихъ, образцомъ же для послѣднихъ служилъ преимущественно Магдебургъ. Впрочемъ, полнаго однообразія не было, и каждый городъ имѣлъ свои особенности. Въ общемъ же введеніе нѣмецкаго права сказывалось въ слѣдующемъ:

Населеніе города—мѣщане—за извѣстный денежный взносъ освобождалось отъ управленія и суда правительственныхъ властей (напр., старостъ и воеводъ) и иногда даже отъ подчиненія общегосударственному законодательству. Городъ управлялся на основаніи нѣмецкаго права, а самое управленіе сосредоточивалось въ рукахъ городской имущественной аристократіи, изъ среды которой составлялся совѣтъ (магистратъ), выбирались должностныя лица (напр., бурмистры) и члены судебныхъ коллегій (присяжные—«лавники»). Впрочемъ, самоуправленіе было неполнымъ, такъ какъ во всѣхъ городахъ большимъ значеніемъ пользовался войтъ, служившій посредникомъ между правительствомъ и городской общиной и имѣвшій судебную и административную власть. Лишь немногимъ городамъ удалось добиться права самостоятельно замѣщать должность войта. Въ большинствѣ она была или наслѣдственной и принадлежала въ такомъ случаѣ основателю города (или мѣстечка) съ его потомствомъ, или назначенной отъ правительства [1]). Такъ какъ это званіе доставляло большія выгоды, то претендентами на него являлись обыкновенно шляхтичи. Это было однимъ изъ средствъ вліянія шляхты на жизнь города. Сверхъ того, на сеймахъ, гдѣ не участвовали представители отъ городовъ, шляхта проводила постановленія, очень невыгодныя для нихъ.

---

[1]) Въ городахъ и мѣстечкахъ, построенныхъ на частновладѣльческой землѣ, самоуправленіе было совершенно призрачнымъ: вся полнота власти принадлежала собственнику городской территоріи, который единолично издавалъ обязательныя постановленія для мѣщанъ.

Страдая извнѣ отъ сеймоваго шляхетскаго законодательства, города не пользовались и внутреннимъ миромъ: въ нихъ происходила борьба классовая, т. е. вражда городской бѣдноты съ имущественной аристократіей, захватившей власть въ свои руки, и борьба національная, т. е. соперничество различныхъ населявшихъ городъ народностей, пользовавшихся неодинаковыми правами. Полноправными гражданами считались только католики. Напротивъ, русское православное населеніе было принижено: цѣлымъ рядомъ несправедливыхъ и оскорбительныхъ ограниченій оно было почти оттѣснено отъ участія въ городскомъ управленіи; кромѣ того, ему приходилось вести тяжелую, непосильную борьбу съ евреями, также ограниченными въ правахъ, но сумѣвшими, тѣмъ не менѣе, добиться экономическаго господства, благодаря широко развитой взаимопомощи и покровительству многихъ должностныхъ лицъ, которыхъ они не разъ ссужали деньгами.

Нѣмецкое право, не давъ городамъ внутренняго мира, не способствовало и успѣшному экономическому развитію, такъ какъ цеховое устройство до крайности стѣсняло промышленность.

Дѣйствительно, обрабатывающая промышленность стояла въ литовско-русскихъ городахъ далеко не на высотѣ: ея продукты не выдѣлывались на мѣстѣ, а ввозились изъ-за границы для удовлетворенія потребностей шляхты, въ средѣ которой въ XVI вѣкѣ очень распространилась страсть къ роскоши. Вывозилось изъ Литвы преимущественно сырье — лѣсъ, хлѣбъ, воскъ, ленъ, сермяжное сукно, продукты скотоводства. Внѣшнія условія XVI в., а именно, ослабленіе нѣмецкихъ орденовъ, преграждавшихъ прежде доступъ къ Балтійскому морю, и прекращеніе конкуренціи со стороны Новгорода (лишившагося въ концѣ XV в. своей самостоятельности и торговой роли)—должны были благопріятствовать торговлѣ литовско-русскихъ городовъ. Но послѣднимъ не удалось въ достаточной мѣрѣ воспользоваться такими благопріятными условіями, и важнѣйшіе торговые пути съ Востока на Западъ прошли мимо Литвы. Причина этого лежала не только во внутренней розни, терзавшей, какъ сказано, города, но и въ характерѣ всей экономической политики Литовско-Русскаго государства, обслуживавшей почти исключительно интересы казны и шляхты, а не торгово-промышленное развитіе страны. «И великокняжеская казна и землевладѣлецъ принимаютъ, по словамъ проф. Довнаръ-Запольскаго, всѣ мѣры къ тому, чтобы получать участіе въ той прибыли, которую долженъ купецъ извлечь отъ торговли товаромъ». Отсюда—цѣлая сѣть высокихъ таможенныхъ сборовъ различныхъ наименованій, цѣпко оплетающая массу купцовъ и дѣлающая невозможной для нихъ конкуренцію съ отдѣльными лицами или корпораціями, которыя получали привилегіи «по милости и ласкѣ» господаря—великаго князя; отсюда—правительственныя, а также пожалованныя или отданныя на откупъ частнымъ

лицамъ монополіи на выгоднѣйшіе товары (напр., продажу меда и лѣса) и промыслы (устройство мельницъ и корчемъ). Указанныя черты проявлялись тѣмъ рѣзче, чѣмъ сильнѣе приближался строй Литовско-Русскаго государства къ Польскому.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Политическій строй Литовской Руси.

§ 41. Строй управленія.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ общественнаго строя преобразовывалось и управленіе Литовско-Русскаго государства какъ мѣстное, такъ и центральное. Старорусскія его основы замѣнялись польскими.

Мѣстное управленіе.

Въ сложномъ областномъ дѣленіи Великаго княжества слѣдуетъ различать: 1) державы, подчиненныя державцамъ или «несудовымъ старостамъ», 2) «повѣты», управляемые старостами судовыми, и 3) воеводства, во главѣ которыхъ стояли воеводы. «Державцею» или старостою несудовымъ дѣлалось такое лицо, которое, въ награду за свои заслуги или въ обезпеченіе ссуды, данной имъ казнѣ, получало отъ великаго князя, на извѣстный срокъ или пожизненно, нѣкоторое количество государственной (т. е. великокняжеской, а не частно-владѣльческой) земли съ правомъ управленія, суда и сбора доходовъ. Кромѣ державцевъ или старостъ несудовыхъ, существовали еще судовые, которые, пользуясь всѣмъ значеніемъ первыхъ (т. е. несудовыхъ), являлись въ то же время правительственными чиновниками, стоявшими во главѣ *цѣлаго повѣта*, т. е. земельнаго округа, въ предѣлахъ котораго находилась ихъ держава. Имъ принадлежала административная и судебная власть.

Изъ нѣсколькихъ повѣтовъ или старостъ судовыхъ составлялось воеводство. Въ началѣ XV вѣка было только три воеводства, но ко второй половинѣ XVI вѣка они были раздроблены, вслѣдствіе чего число ихъ значительно увеличилось[1]). Воевода всегда былъ паномъ раднымъ, т. е. членомъ рады, и принадлежалъ такимъ образомъ къ центральному правительству; въ мѣстномъ же управленіи онъ соединялъ въ своемъ лицѣ значеніе и державцы, и судового старосты главнаго повѣта, входившаго въ составъ воеводства[2]), и начальника послѣдняго; при «посполитомъ рушеньѣ» шляхты онъ

[1]) Въ составъ воеводства съ половины XVI вѣка входило обыкновенно отъ 2 до 5 повѣтовъ-старостъ. Впрочемъ, въ трехъ воеводствахъ было по одному повѣту, и одно изъ нихъ (Жмоитское) даже именовалось староствомъ, а не воеводствомъ, хотя его староста и былъ равноправенъ съ воеводами.

[2]) Иногда въ главномъ (центральномъ) повѣтѣ воеводства, кромѣ воеводы, былъ также староста.

становился во главѣ ея и велъ ее подъ начальство главнокомандующаго — гетмана наивысшаго; въ военномъ отношеніи ему были подчинены всѣ старосты воеводства. Въ качествѣ высшаго представителя администраціи, онъ назначалъ должностныхъ лицъ повѣтовъ, которыя утверждались затѣмъ королемъ; къ нему поступали жалобы на постановленія судовъ державцевъ; по отношенію къ самоуправляющимся городамъ ему принадлежало право надзора. Помощниками воеводы были каштелянъ—въ центральномъ, т. е. главномъ, повѣтѣ воеводства и маршалки—въ остальныхъ повѣтахъ.

Переустройство общественнаго быта Литовско-Русскаго государства оказало извѣстное вліяніе на мѣстное управленіе: судъ и власть надъ господскими крестьянами сосредоточились въ рукахъ самой шляхты, города съ нѣмецкимъ правомъ стремились избавиться отъ всякаго вмѣшательства и надзора областныхъ правителей—воеводъ и старостъ; устройство выборныхъ «земскихъ» шляхетскихъ судовъ (апелляціонными инстанціями для которыхъ служили высшіе трибуналы) и развитіе шляхетскаго самоуправленія, органами котораго сдѣлались повѣтовые сеймики, въ значительной степени изъяло шляхту изъ вѣдѣнія воеводъ.

Центральное управленіе.

Воеводы, каштеляны и повѣтовые маршалки, стоя во главѣ мѣстнаго управленія, были въ то же время членами рады, занимая въ ней мѣста послѣ первенствующихъ ея членовъ—католическихъ епископовъ (бискуповъ). Кромѣ нихъ, въ составъ рады входили еще сановники, вѣдавшіе отдѣльными отраслями управленія во всемъ Великомъ княжествѣ, т. е. имѣвшіе значеніе министровъ. Къ числу ихъ относились: 1) великій земскій маршалокъ, исполнявшій обязанности министра двора, оберъ-церемоніймейстера, блюстителя порядка въ засѣданіяхъ сейма и рады и въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнявшій гетмана наивысшаго; 2) маршалокъ дворный—помощникъ земскаго, имѣвшій и свои спеціальныя обязанности, 3) канцлеръ, 4) его товарищъ — подканцлеръ, завѣдывавшіе государственной канцеляріей и хранившіе государственныя печати, безъ приложенія которыхъ ни одинъ великокняжескій указъ не имѣлъ силы, 5) земскій подскарбій, несшій самыя трудныя и сложныя обязанности въ Великомъ княжествѣ—именно, завѣдываніе финансами и государственной казной, 6) гетманъ наивысшій—главнокомандующій всѣми войсками (должность его не была постоянной и замѣщалась только во время особенно серьезныхъ войнъ).

Перечисленныя должности созданы были по польскому образцу.

По словамъ историка В. Пичеты, первоначально указанные «урядники» (т. е. должностныя лица) «были только исполнителями рѣшеній великаго князя и пановъ-рады и ни въ чемъ не могли проявить своей самостоятельности». Но въ 60-хъ г.г. XVI в. нѣкоторые изъ нихъ (напр., подскарбій земскій и гетманъ наивысшій) получили извѣстную самостоятельность,... превратившись изъ «агентовъ великаго князя и пановъ-рады въ исполнителей сеймовыхъ постановленій».

§ 42. Сеймы.

По мѣрѣ торжества польскихъ порядковъ въ Литовской Руси, аристократическая рада утрачивала свое исключительное значеніе и должна была дѣлить его съ выборными представителями шляхты. Собранія рады и этихъ представителей образовали такъ называемый «великій общій сеймъ литовскій».

Польскій сеймъ и сеймики.

Литовская сеймовая организація создалась по образцу польской. Польскій сеймъ первоначально состоялъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ—«пановъ-радныхъ»; съ XIV в. въ него стали приглашаться также «земскіе послы», т. е. выборные отъ мѣстной шляхты, обыкновенно по два отъ каждаго повѣта. Они составляли вторую палату сейма — такъ называемое «коло посольское» или рыцарское, или посольскую палату, а паны радные — первую палату, «коло сенаторское» или сенатъ. Для предварительнаго ознакомленія шляхты съ дѣлами, вносимыми правительствомъ на обсужденіе сейма, для выбора земскихъ пословъ и снабженія ихъ соотвѣтствующими инструкціями со стороны населенія собирались за нѣсколько недѣль до созыва сейма повѣтовые сеймики. Они являлись также органами шляхетскаго самоуправленія и присвоили себѣ многія важныя государственныя права (напр., сборъ податей, замѣщеніе нѣкоторыхъ должностей и т. д.). Общему же сейму принадлежала полнота законодательной власти: изданіе новыхъ, отмѣна или измѣненіе старыхъ законовъ, назначеніе новыхъ податей, а также объявленіе войны и заключеніе мира могли состояться только на общемъ сеймѣ по единогласному рѣшенію всѣхъ его участниковъ. Требованіе единогласнаго рѣшенія (замѣнившее съ начала XVI в. прежній порядокъ рѣшенія по большинству голосовъ) крайне затрудняло дѣятельность сейма: голосъ какого-нибудь одного несговорчиваго посла могъ «сорвать», т. е. лишить обязательности, постановленіе сейма.

Литовскій сеймъ.

«Великій вальный» (т. е. общій) сеймъ литовскій возникъ въ XV вѣкѣ, когда появились такія общегосударственныя потребности, которыя касались всѣхъ областей Великаго княжества и могли быть разрѣшены лишь на собраніи ихъ представителей. До второй половины XVI вѣка порядокъ избранія депутатовъ не былъ строго опредѣленъ, а въ 1565 году его установили по польскому образцу. Именно, съ этого времени прежнія безсословныя вѣча — сеймы окончательно замѣнились повѣтовыми шляхетскими сеймиками наподобіе и съ правами польскихъ. На Литовскомъ сеймѣ такъ же, какъ и на Коронномъ (польскомъ), образовалось два кола: первое состояло изъ рады, въ составъ которой входили, однако, не одни высшіе сановники (какъ было въ польскомъ сенатѣ), но и аристократы-магнаты, второе—изъ выборныхъ отъ шляхты; установлено было тоже единогласное рѣшеніе дѣлъ. Сейму было предоставлено широкое участіе

въ законодательствѣ, въ податномъ обложеніи населенія и въ вопросахъ внѣшней политики, но его рѣшенія не имѣли для великаго князя такой обязательной силы, какая признавалась за коронным.

Чрезвычайные сеймы.

Отъ обычныхъ польскихъ и литовскихъ сеймовъ слѣдуетъ отличать чрезвычайные. Къ числу послѣднихъ относились, напр., военно-полевые или лагерные сеймы для рѣшенія вопросовъ, возникавшихъ во время похода, «элекційные» сеймы для избранія короля и «спольные», т. е. совмѣстные польско-литовскіе сеймы, собиравшіеся для обсужденія дѣлъ, которыя касались обоихъ государствъ.

Происшедшія измѣненія общественнаго и политическаго строя Литовско-Русскаго государства ставили, конечно, на очередь вопросъ о кодификаціи (т. е. о приведеніи въ систему, упорядоченіи и согласованіи) законовъ.

§ 43. Законы.

Древнѣйшими законодательными памятниками Литовско-Русскаго государства являлись постановленія областныхъ сеймовъ и уставныя грамоты—привилеи—князей, дававшіяся или отдѣльнымъ областямъ, или отдѣльнымъ сословіямъ и группамъ населенія, или всему государству. Привилеи перваго рода—областные,—исходили изъ стремленія «старины не рушить и новизны не вводить» и, значитъ, лишь утверждали дѣйствовавшее обычное право, очень сходное съ содержавшимся въ «Русской Правдѣ». Судебникъ, изданный въ 1468 г. Казимиромъ Ягайловичемъ, по своей терминологіи и по многимъ статьямъ тоже гармонировалъ, какъ утверждаетъ В. Пичета, съ нею и закрѣплялъ «стародавніе судебные обычаи, усвоенные къ этому времени и литовцами». Однако съ теченіемъ времени общеземскіе и сословные привилеи ввели много новизны. Желаніе согласовать ее со стариною и установить общее право для всего Литовско-Русскаго государства побудило къ составленію въ 1529 г. свода законовъ, такъ называемаго Литовскаго Статута. Онъ не удовлетворилъ, однако, шляхты, которая на нѣсколькихъ, послѣдовательно собиравшихся сеймахъ добивалась пересмотра его. Первый пересмотръ законченъ былъ въ 1566 г., второй въ 1588 г. Такимъ образомъ получились три редакціи Статута, 1529, 1566 и 1588 г.г. (въ третьей редакціи Статутъ былъ напечатанъ на русскомъ языкѣ; первыя двѣ—были рукописныя). На второй и третьей редакціи очень ярко отразилось то преобладающее значеніе, которое, какъ сказано выше, получила шляхта во второй половинѣ XVI в. Такъ, Статутъ 1588 г. содержитъ какъ бы хартію шляхетскихъ вольностей (къ которымъ относилась и свобода вѣроисповѣданія, обезпечивавшаяся самымъ торжественнымъ образомъ), довольно пространно говоритъ «о генеральномъ сеймѣ, повѣтовыхъ сеймикахъ и отправленіи оныхъ», обязуется «не возводить простолюдиновъ ни въ какіе достоинства и чины», не поз-

волять городскимъ властямъ принимать крестьянъ, бѣжавшихъ отъ своихъ владѣльцевъ.

Третья редакція Статута была составлена уже послѣ Люблинской уніи, слившей Польшу и Великое княжество Литовское въ одно государство. Эта унія являлась съ одной стороны слѣдствіемъ проникновенія польскаго вліянія въ Литву, съ другой—новымъ стимуломъ для дальнѣйшаго утвержденія этого вліянія.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Вліяніе Польши.

§ 44. Подготовленіе и установленіе Люблинской уніи.

Изъ вышеизложеннаго въ достаточной степени выясняется процессъ распространенія въ Литовско-Русскомъ государствѣ вліянія Польши. Переустройство Литвы по образцу послѣдней заключалось, какъ сказано, 1) въ ограниченіи привилегій литовской и западнорусской аристократіи и уравненіи ея со шляхтой, права которой, напротивъ, расширялись, 2) въ закрѣпощеніи крестьянъ, 3) въ распространеніи на горожанъ нѣмецкаго права, 4) въ преобразованіи мѣстнаго и центральнаго управленія по польскому образцу, 5) во внесеніи польскихъ началъ въ литовско-русское право. *Цѣлью* такого переустройства было подготовленіе почвы для тѣснаго сліянія Великаго княжества Литовскаго съ Польшей. Единственное же *средство* для сліянія польская партія усматривала въ поддержкѣ со стороны литовско-русской шляхты. Поэтому-то послѣдняя и была особенно щедро осыпана различными привилегіями въ 60-хъ г.г. XVI вѣка (такъ, напр., въ 1563 году православная шляхта уравнивалась съ католической, въ 1564 году заводились выборные шляхетскіе суды, въ 1565 году шляхетскіе сеймики), такъ какъ именно въ это время вновь, и притомъ съ особенною остротою, всталъ вопросъ объ «инкорпораціи» (т. е. внѣдреніи) Литвы въ составъ Польши. Этого требовали интересы внѣшней политики такъ настоятельно, какъ еще никогда раньше: поляковъ страшили успѣхи турокъ, наводнявшихъ сосѣднюю Венгрію, Литва томилась подъ бременемъ продолжительной и тяжкой Ливонской войны съ Іоанномъ IV. А между тѣмъ грозили порваться и тѣ слабыя узы, которыя—въ лицѣ одной династіи—связывали съ 1386 г. оба государства: Сигизмундъ II Августъ, занимавшій въ это время польскій и литовскій престолы, не имѣлъ сыновей, и поляки опасались, что, если унія не будетъ скрѣплена, то по прекращеніи, со смертью Сигизмунда II Августа, династіи Ягеллоновъ, Литовское государство совершенно отложится отъ Польши. Вотъ почему въ 60-хъ г.г. и польская партія, и самъ король, не

заинтересованный вслѣдствіе своей бездѣтности въ обособленности Литвы (стр. 91), стали съ непреклонной настойчивостью хлопотать объ «инкорпораціи». Этого же домогалась и литовско-русская шляхта, надѣявшаяся еще больше расширить свои привилегіи и свое вліяніе и очень враждебно настроенная противъ литовскихъ магнатовъ. Послѣдніе очутились въ критическомъ, прямо осадномъ положеніи: сверху они испытывали энергичное давленіе Сигизмунда II Августа, снизу—бурный натискъ шляхты; въ то же время они сознавали, что, при отсутствіи военной помощи со стороны Польши, Литовскому государству грозитъ пораженіе въ войнѣ съ Іоанномъ IV и, быть можетъ, утрата чуть не всѣхъ русскихъ областей; наконецъ, магнаты чувствовали, что, вслѣдствіе внутреннихъ преобразованій Литвы, кормило правленія ускользаетъ изъ ихъ рукъ, и они безсильны противиться теченію событій.

Все это мало-по-малу подкосило энергію магнатовъ, преемственно боровшихся за автономію Литвы съ 1386 г. и старавшихся сохранять равновѣсіе между польской и русской партіями. Принявъ участіе въ обсужденіи уніи, вельможи-автономисты на спольныхъ сеймахъ въ Варшавѣ (1563—64 г.) и въ Парчевѣ (1564 г.) отвергали еще притязанія поляковъ и отстаивали свою обычную программу (стр. 91), но на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г. протестъ магнатовъ былъ окончательно сломленъ, несмотря на ихъ отчаянную попытку «сорвать» сеймъ внезапнымъ отъѣздомъ.

Послѣ долгихъ пререканій скрѣпленіе уніи было признано на вѣчныя времена и ненарушимо.

Условія Люблинской уніи сводятся къ слѣдующему: Королевство Польское и Великое княжество Литовское сливаются въ единое и нераздѣльное тѣло и единое общее государство—Рѣчь Посполитую (отъ слова «республика»). Оно на вѣчныя времена должно имѣть одного общаго государя—короля, избираемаго совмѣстно поляками и литовцами; сеймъ долженъ быть общій[1]) (а не два отдѣльныхъ), монета—также общая; поляки въ Литвѣ и литовцы въ Польшѣ могутъ пріобрѣтать недвижимую собственность. Однако за Литвой остается наименованіе Великаго княжества Литовскаго; король среди другихъ своихъ титуловъ носитъ также титулъ Великаго князя Литовскаго; сохраняются особое войско и финансовое управленіе, всѣ государственныя должности, а также всѣ права и привилегіи литовскихъ сословій, дарованныя ранѣе и утвержденныя Литовскимъ Статутомъ. Но размѣръ Великаго княжества Литовскаго сокращенъ былъ почти вдвое: въ силу особыхъ королевскихъ постановленій, изданныхъ на Люблинскомъ сеймѣ, принадлежавшія Литвѣ южно-русскія области:

---

[1]) На общемъ сеймѣ представители отъ Литвы составляли менѣе трети числа всѣхъ его членовъ. Между прочимъ, литовцы потеряли нѣсколько мѣстъ въ радѣ, слившейся съ польскимъ сенатомъ.

Волынская, Брацлавская (по Южному Бугу), Подляшье (западная часть нынѣшней Гродненской губерніи) и Кіевская—были присоединены непосредственно къ Коронѣ (т. е. Польшѣ) на томъ основаніи, что послѣдняя имѣетъ будто бы на нихъ «историческія права»; за княжествомъ оставались земли чисто литовскія и западно-русскія (Бѣлоруссія).

Люблинская унія была невыгодна для вельможъ, способствуя дальнѣйшему возвышенію шляхетства, но ея условія, обезпечивавшія Литвѣ неприкосновенность законовъ и внутренняго управленія, обезопасили Великое княжество отъ совершеннаго подчиненія Польшѣ. Гораздо хуже были послѣдствія уніи для русскихъ земель: 1) сліяніе съ Польшей грозило православію, 2) господство шляхты давало полное торжество закрѣпощенію крестьянъ и распространяло послѣднее на тотъ край, который до уніи не зналъ его, именно—на привольную «Украйну» (соотвѣтствующую приблизительно нынѣшнимъ Кіевской и Полтавской губерніямъ съ частью Черниговской и Подольской), заселенную преимущественно казаками.

§ 45. Подготовленіе и установленіе церковной уніи.

Соединеніе Польши и Великаго княжества Литовскаго, установленное Люблинской уніей, было все же неполнымъ, такъ какъ совершенному сліянію вступившихъ въ унію земель препятствовали не только національныя, но и вѣроисповѣдныя различія: масса западно-русскаго населенія оставалась православной, а въ Польшѣ и въ собственной Литвѣ въ правленіе Сигизмунда II Августа были очень распространены лютеранство, кальвинизмъ и сектантство. Для борьбы съ разновѣріемъ сюда были призваны іезуиты. Подавивъ протестантизмъ, они обратились противъ православія и увлеклись несбыточною мечтою—подчинить папскому престолу всѣхъ «схизматиковъ» (какъ называли католики православныхъ) не только Рѣчи Посполитой, но даже Московскаго государства.

Въ качествѣ перваго шага, рѣшено было возобновить давнишнія притязанія на установленіе церковной уніи Западно-Русской Церкви съ Римскою, притязанія, которыя начались еще въ XIII вѣкѣ, встрѣчали сочувственный откликъ со стороны Ягайла и Витовта и заглохли лишь съ конца XV вѣка. Послѣ Люблинской уніи іезуиты (особенно Петръ Скарга и Антоній Поссевинъ) возобновили ихъ и нашли себѣ горячую поддержку въ лицѣ преемниковъ Сигизмунда II Августа (скончавшагося въ 1572 г.)—Стефана Баторія и Сигизмунда III,—а также въ лицѣ нѣкоторыхъ западно-русскихъ іерарховъ. Положеніе послѣднихъ было очень тяжелое: съ одной стороны ихъ тѣснило католическое правительство, которое издавна прилагало всяческія старанія къ тому, чтобы совершенно подчинить себѣ какъ кіевскаго митропо-

лита, такъ и все духовенство, и довести Православную Церковь въ Юго-западной Руси до полнаго нравственнаго упадка; съ другой стороны, ихъ обличали за недостатокъ благочестія міряне, составлявшіе особыя общества—такъ называемыя «братства», цѣлью которыхъ была защита православія; наконецъ, восточные патріархи, при своихъ посѣщеніяхъ Западной Руси, тоже не считались съ самолюбіемъ ея епископовъ, грозили имъ лишеніемъ сана, явно покровительствовали братствамъ, поощряли послѣднія къ бдительному и суровому надзору за мѣстнымъ духовенствомъ всѣхъ степеней. Такое тяжелое положеніе, въ связи со свойственнымъ нѣкоторымъ западно-русскимъ іерархамъ безразличіемъ къ интересамъ православія, и побудило ихъ искать покровительства папскаго престола.

Уже съ 1590 г. нѣкоторые епископы занялись выработкой условій уніи, привлеченіемъ къ ней другихъ іерарховъ (въ томъ числѣ и кіевскаго митрополита Михаила Рагозы), переговорами съ вліятельнѣйшими представителями западно-русскаго общества и приготовленіями къ оформленію уніи королемъ и папою. На первыхъ порахъ эти подготовительныя мѣры сохранялись въ глубокой тайнѣ. Затѣмъ онѣ обнаружились и вызвали бурный протестъ со стороны западно-русскаго православнаго населенія. Даже тѣ, которые по существу ничего не имѣли противъ уніи, возмущались способомъ проведенія ея посредствомъ тайнаго соглашенія нѣсколькихъ епископовъ, имѣвшаго характеръ заговора. Чтобы не дать погибнуть затѣянному дѣлу, творцы его заторопились. Сигизмундъ III издалъ манифестъ, въ которомъ съ радостью возвѣщалъ о согласіи митрополита и епископовъ на унію и объ отправленіи къ папѣ двухъ владыкъ—Терлецкаго и Поцѣя—для утвержденія ея.

Присяга, принесенная въ Римѣ Терлецкимъ и Поцѣемъ за себя и за другихъ владыкъ, въ томъ, что они принимаютъ вѣроисповѣданіе, установленное для грековъ, переходящихъ въ католицизмъ, и была сочтена за утвержденіе уніи. Оставалось только торжественно объявить о ней западно-русскому населенію на соборѣ, который долженъ былъ, по желанію короля, состояться въ Брестѣ въ 1596 году. Лишь для этой цѣли католики и уніаты съѣзжались на соборъ. Напротивъ, православные видѣли въ немъ средство сорвать навязанную насильственно унію. Съ самаго начала обнаружилась невозможность не только какого нибудь соглашенія, но даже совмѣстнаго засѣданія двухъ враждебныхъ партій. Послѣ безплодныхъ переговоровъ образовалось два собора: многолюдный православный и малочисленный уніатскій. Естественно, что и рѣшенія были вынесены противоположныя: православные отвергли унію, заключенную самовольно епископами, объявили ихъ лишенными сана, предали анаѳемѣ приверженцевъ ея и сообщили королю, что вопросъ объ установленіи уніи не можетъ быть рѣшенъ безъ вѣдома восточныхъ патріарховъ; уніаты торжественно провозгласили унію и прокляли духовенство, участво-

вавшее на православномъ соборѣ. Король, конечно, всталъ на сторону уніатовъ: основываясь на ихъ постановленіи, онъ призналъ законной уніатскую церковь, а православную объявилъ не подчинившейся «свободному» рѣшенію собора, а потому не имѣющей права на существованіе.

Брестская унія 1596 года имѣла горькія послѣдствія: 1) она произвела расколъ въ Западно-Русской Церкви, раздѣливъ ее на уніатскую и православную, 2) она дала новое побужденіе къ тѣмъ преслѣдованіямъ, которымъ стала подвергаться послѣдняя вопреки привилею 1563 г. и Статуту (стр. 105). Гоненія принимали страшные размѣры: православныя церкви или уничтожались или отдавались на откупъ евреямъ; православные подвергались всевозможнымъ нападкамъ. Вслѣдствіе всего этого ряды православной шляхты рѣдѣли: она переходила въ уніатство или католицизмъ; православіе считалось вѣрой «хлопской», т. е. религіей низшаго класса общества. Унія, такимъ образомъ, расколола не только Церковь, но и западно-русское населеніе. И тѣмъ не менѣе, несмотря ни на что, православіе не было задушено; гоненія на него дали только новый религіозный стимулъ той національной борьбѣ съ польскимъ вліяніемъ, которая издавна велась въ Западной Руси.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Борьба русскаго населенія съ вліяніемъ Польши.

§ 46. Отношеніе западно-русскаго православнаго населенія къ польскому вліянію до церковной уніи 1596 г.

Съ первыхъ же лѣтъ послѣ уніи 1386 г. православное населеніе Литовской Руси энергично противодѣйствовало попыткамъ польской партіи, направленнымъ къ ополяченію и окатоличенію его. Вначалѣ русскіе совмѣстно съ литовцами поддерживали Витовта, отстаивавшаго автономію Литвы. Но когда обнаружилось, что Витовтъ и высшіе слои литовскаго общества привержены къ католицизму и дальше требованія автономіи не пойдутъ, когда русская православная культура изъ господствующей превратилась въ угнетаемую, тогда русскимъ пришлось занять самостоятельное положеніе и выработать особую программу (стр. 90).

Послѣ смерти Витовта, они въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ поддерживали вооруженной силой его ближайшаго преемника Свидригайла Ольгердовича, защитника православія и приверженца интересовъ западно-русскихъ удѣльныхъ князей (уцѣлѣвшихъ еще кое-гдѣ несмотря на Витовтову политику (стр. 90), и покинули его только тогда, когда онъ окончательно былъ разбитъ своимъ соперникомъ—ставленникомъ литовцевъ и поляковъ (Сигизмундомъ Кейстутовичемъ).

И въ послѣдующее время у русской партіи были свои кандидаты на великокняжескій престолъ, именно—совершенно обрусѣвшіе и пользовавшіеся большой популярностью, какъ ревнители православія, потомки Владиміра Ольгердовича. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли на княженіи въ Кіевѣ и много сдѣлали для возстановленія его былого величія. Въ 1481 г. составленъ былъ въ пользу нихъ заговоръ противъ Казимира, окончившійся, впрочемъ, полной неудачей и казнью князей-заговорщиковъ.

Неудачи самостоятельныхъ выступленій побудили русскую партію искать защиты и опоры въ Москвѣ. Начались отъѣзды западно-русскихъ князей и вельможъ на службу къ великому князю московскому. Въ самомъ Литовско-Русскомъ государствѣ образовалась многочисленная партія, побуждавшая московскихъ государей къ вмѣшательству въ дѣла Литвы и облегчавшая ихъ военныя предпріятія. Дѣйствительно, уже Іоаннъ III, опираясь на свой титулъ великаго князя «всея Руси», предъявлялъ притязанія на западно-русскія земли и сумѣлъ вооруженною силою удержать подъ своимъ главенствомъ владѣнія отъѣхавшихъ къ нему сѣверскихъ князей. Василій III завелъ переговоры о своемъ избраніи на литовскій престолъ, а затѣмъ, убѣдившись въ безуспѣшности ихъ, началъ (по настоянію вождя русской партіи князя Михаила Глинскаго) долгую войну съ Литвою, закончившуюся отвоеваніемъ у нея Смоленска. Въ царствованіе Сигизмунда II Августа вопросъ объ избраніи въ преемники ему Іоанна IV или сына послѣдняго—Ѳеодора—поставленъ былъ очень серьезно, и въ томъ, что онъ разрѣшился въ отрицательномъ смыслѣ, была не малая доля вины самого Іоанна.

Какъ видно, русская партія не бездѣйствовала. Состояла она, преимущественно, изъ нижнихъ и верхнихъ слоевъ общества, а именно, изъ православныхъ горожанъ и крестьянъ, съ одной стороны, и изъ магнатовъ русскаго происхожденія—съ другой. Между этими магнатами и литовскими вельможами-автономистами существовалъ разладъ, повліявшій отчасти на пораженіе послѣднихъ. Однако и русской партіи не удалось въ XVI вѣкѣ одолѣть польскую. Объясняется это въ значительной степени тѣмъ, что середина западно-русскаго общества—шляхта, оторвавшись отъ верховъ и низовъ его, увлечена была потокомъ привилегій въ сторону сближенія съ Польшей и плыла, такимъ образомъ, по одному теченію съ литовской шляхтой. Когда, какъ роковое, но логическое слѣдствіе Люблинской уніи, всталъ вопросъ объ уніи церковной, особенно упорное противодѣйствіе послѣдней выказывали опять-таки низы и верхи общества. «Братства» пополнялись, главнымъ образомъ, мѣщанами, т. е. жителями городовъ, въ которыхъ православные особенно болѣзненно чувствовали притѣсненія своей вѣры. А самый громкій и негодующій голосъ противъ уніи раздался со стороны знатнѣйшаго вельможи—кіевскаго воеводы князя Константина Острожскаго.

§ 47. Отношеніе западно-русскаго православнаго населенія къ польскому вліянію послѣ уніи 1596 г.

Послѣ уніи 1596 г. въ религіозно-національной борьбѣ, происходившей въ русскихъ земляхъ, подвластныхъ Рѣчи Посполитой, начался новый періодъ. Число борцовъ за православіе сократилось: значительная часть шляхты, какъ сказано, окатоличилась, не избѣжали этого и многіе магнаты, въ томъ числѣ потомки Константина Острожскаго. Вѣрными религіи отцовъ остались, по преимуществу, низшіе слои общества—мѣщане и малороссійскіе казаки, которымъ, по выраженію Н. И. Костомарова, «суждено было стать борцами за русскую народность противъ Польши, охранителями православной вѣры, проводниками свободы, независимости и единенія русскаго народа». Итакъ, количественно борьба стала меньшей, но качественно, по своей силѣ и напряженности, она сдѣлалась еще болѣе ожесточенной. Средствами ея стали книги и школы православныхъ братствъ съ одной стороны и казацкія сабли — съ другой. Эти столь различныя по существу средства иногда дополняли другъ друга. Такъ, напр., лишь благодаря вліянію и удивительной дипломатической ловкости казацкаго гетмана Сагайдачнаго, удалось въ началѣ XVII вѣка возстановить православныхъ іерарховъ на тѣхъ каѳедрахъ, которыя послѣ Брестской уніи замѣщены были уніатами.

Подъ охраной казачества православная іерархія успѣшно развилась. Знаменитѣйшимъ ея представителемъ былъ кіевскій митрополитъ, аристократъ по происхожденію (родственникъ властителей Молдавіи) и западно-европеецъ по образованію, Петръ Могила. Онъ создалъ себѣ неувядаемую славу своей просвѣтительной дѣятельностью: Могила отлично понималъ, что, лишь внутренно возродившись и овладѣвъ тѣми знаніями, которыми располагало католическое духовенство, православіе сможетъ дать должный отпоръ стремленію іезуитовъ окатоличить всю Юго-Западную Русь. Поэтому онъ подготовлялъ просвѣщенныхъ священниковъ, устраивалъ школы, а школу кіевскаго братства превратилъ въ знаменитую Кіевскую Академію, сдѣлавшуюся разсадникомъ просвѣщенія не для одной Юго-Западной, но, какъ увидимъ, и для Московской Руси. Считая недостаточными тѣ науки, которыми исчерпывалась застывшая духовная культура Византіи, онъ ввелъ преподаваніе латинскаго языка и схоластическихъ наукъ, изучавшихся въ іезуитскихъ коллегіяхъ.

Отдавъ всю свою жизнь интересамъ православія и просвѣщенія, великій митрополитъ хотѣлъ служить имъ и послѣ смерти: въ своемъ завѣщаніи онъ писалъ: «Видя, что упадокъ вѣры и благочестія въ русскомъ народѣ происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ совершеннаго недостатка у него просвѣщенія и школъ, я далъ обѣтъ Богу—все мое имущество обращать частью на возстановленіе разру-

шенныхъ храмовъ Божіихъ, частью на основаніе школъ въ Кіевѣ и утвержденіе правъ и вольностей народа русскаго».

Задолго до того, какъ Могила старался утвердить «вольности народа русскаго» просвѣтительными средствами, казаки добивались этого съ оружіемъ въ рукахъ. Свои вольности казакамъ пришлось отстаивать съ тѣхъ поръ, какъ измѣнилось положеніе Украйны. До XVI в. польско-литовское правительство не стояло твердой ногой въ этомъ пограничномъ краю и, не обладая ни умѣньемъ, ни средствами для защиты его отъ татаръ, охотно предоставляло ее самому населенію. Поэтому-то сюда и уходили панскіе «хлопы» и православные мѣщане, обращаясь здѣсь въ казаковъ. Послѣдніе пользовались свободой, управлялись выборными властями и испытывали свою удаль въ бояхъ съ татарами и набѣгахъ на Турцію, порой и въ грабежахъ. Однако въ XVI вѣкѣ польскіе порядки и польская шляхта добрались и до Украйны: здѣсь стало распространяться, въ особенности послѣ Люблинской уніи, шляхетское землевладѣніе, грозившее установленіемъ крѣпостного права. Вдобавокъ и польское правительство должно было задуматься надъ казацкимъ вопросомъ: во-первыхъ, уходъ крестьянскаго населенія въ казачество подрывалъ шляхетское землевладѣніе внѣ Украйны; во-вторыхъ, казацкіе набѣги на турокъ и татаръ ставились послѣдними въ вину польско-литовскому правительству и служили причиной частыхъ дипломатическихъ столкновеній, грозившихъ войной; въ-третьихъ, государство, всегда нуждавшееся въ ратныхъ людяхъ, естественно стремилось къ тому, чтобы использовать воинственность казаковъ въ своихъ интересахъ для внѣшней обороны. Для этого нужно было дать казачеству правильное устройство, обратить часть его въ спеціально-военное сословіе, подчиненное государственному надзору, а остальныхъ вернуть въ то состояніе, изъ котораго они вышли, т. е. въ хлопство или мѣщанство.

Надъ такимъ приспособленіемъ казачества къ нуждамъ государства уже издавна работали польскіе короли; особенное же вниманіе было обращено на это лишь со времени Баторія. Баторію и его преемникамъ удалось отдѣлить законныхъ—реестровыхъ (т. е. внесенныхъ въ особые списки и правильно организованныхъ) казаковъ отъ незаконныхъ и даже мало-по-малу разъединить ихъ интересы, поселивъ между ними рознь [1]). Однако мѣры противъ «незаконныхъ», по большей части, оставались безуспѣшными: хлебнувшіе воли казаки не хотѣли вернуться подъ ярмо пана или въ тѣсныя стѣны города съ нѣмецкимъ правомъ, и укрывались въ Запорожскую Сѣчь, являвшуюся и послѣднимъ пристанищемъ для всѣхъ недовольныхъ, и средоточіемъ казацкой вольности, и тѣмъ гнѣздомъ, которое питало противогосу-

[1]) Число реестровыхъ при Баторіи было очень незначительно; впослѣдствіи оно стало увеличиваться и въ 1625 г. было опредѣлено въ 6 тысячъ человѣкъ; не попавшихъ въ реестръ въ это время было свыше 40 тысячъ.

дарственныя стремленія. Настойчивость польскаго правительства вызвала лишь цѣлый рядъ грозныхъ и страшныхъ казацкихъ возстаній, особенно участившихся съ конца XVI вѣка. Отстаивая свои вольности, казаки боролись въ то же время и за интересы всего угнетеннаго русскаго населенія Рѣчи Посполитой и за гонимое православіе. Вотъ почему казацкій мятежъ всегда встрѣчалъ дружный откликъ и горячую поддержку далеко за предѣлами Украйны. Справившись съ однимъ вождемъ возстанія, Рѣчь Посполитая вскорѣ сталкивалась съ слѣдующимъ: въ концѣ XVI вѣка бунтъ Косинскаго смѣнился грознымъ мятежемъ Наливайка и Лободы; затѣмъ наступилъ краткій перерывъ, совпавшій съ московской смутой и съ гетманствомъ Сагайдачнаго (смута явилась какъ бы отдушиной для казацкой удали и своеволія и захватила малороссійскихъ казаковъ едва ли менѣе, чѣмъ московскихъ; Сагайдачный же умѣлъ заставить польское правительство уважать и цѣнить казаковъ); но вскорѣ послѣ смерти Сагайдачнаго отношенія вновь обострились, и Рѣчь Посполитая вновь опустошалась вихремъ возстаній Тараса, Сулимы и Павлюка, Остранина и Гуни.

Лишь въ 1638 году казацкая вольность была какъ будто задушена: реестровые казаки, въ качествѣ пограничной стражи, были совершенно подчинены польскому коронному гетману и назначенной имъ старшинѣ и поселены въ предѣлахъ опредѣленной территоріи; не внесенные въ реестръ—обращены въ мѣщанъ или «хлоповъ»; Запорожье, обособленное крѣпостью. Кудакомъ и угрожаемое польскимъ войскомъ, затихло. Этимъ временемъ замиренія шляхта воспользовалась для развитія на Украйнѣ своего землевладѣнія и неразрывно связаннаго съ нимъ «хлопства»; вмѣстѣ съ тѣмъ Украйна стала заселяться евреями. И землевладѣльческая шляхта и евреи возбуждали непріязнь казачества. Притихшее на время, оно съ небывалой еще силой поднялось въ 1648 году, какъ только нашло себѣ достойнаго вождя—Богдана Хмѣльницкаго.

Это грандіозное по своимъ размѣрамъ и кровопролитнѣйшее возстаніе завязало такой сложный узелъ сословныхъ, національныхъ и даже международныхъ отношеній, разрубить который могло лишь сильное Московское государство. Къ исторіи Московской Руси мы и обратимся.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Московская Русь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Объединеніе Русской земли, народа и государства подъ властью Московскаго Государя, царя, великаго князя и самодержца всея Руси.

§ 48. Введеніе.

Московскій періодъ русской исторіи принято начинать со второй половины XV вѣка, потому что именно съ этого времени Московское княжество стало преобразовываться въ *національное* великорусское государство. Но такъ какъ государственный порядокъ Московской Руси зародился на основѣ ея *удѣльныхъ* порядковъ, то прежде, чѣмъ обращаться къ обзору перваго, нужно хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ вспомнить послѣдніе. Важнѣйшія черты *внутренняго* быта Московскаго княжества въ Удѣльный періодъ (а именно, частновладѣльческій характеръ княжеской власти и управленія, договорныя отношенія между княземъ и классами общества, преобладаніе земледѣлія надъ торговлей) выяснены уже при изученіи Владимірской Руси, изъ которой и выдѣлился въ XIII в. Московскій удѣлъ. Что же касается *внѣшней* исторіи послѣдняго, то она значительно отличается отъ исторіи другихъ сѣверо-восточныхъ княжествъ: въ то время какъ большинство ихъ въ теченіе Удѣльнаго періода мельчало и по размѣрамъ и по своему значенію, Московское княжество, напротивъ, все возвышалось. Причины возвышенія Москвы [1]) общеизвѣстны. Важнѣйшими изъ нихъ являются:

---

[1]) Москва впервые упоминается въ лѣтописи въ 1147 г.; главнымъ городомъ самостоятельнаго удѣла она становится въ половинѣ XIII в.

1) *выгодныя географическія условія* (Мѣстонахожденіе Москвы на рубежѣ между Приднѣпровскимъ и Верхневолжскимъ краемъ, на перекресткѣ нѣсколькихъ большихъ дорогъ дѣлало ее важнымъ военнымъ и торговымъ городомъ и способствовало заселенію Московскаго удѣла колонистами, двигавшимися съ разныхъ сторонъ);

2) *разумная, настойчивая, дружная, почти ненарушаемая усобицами, преемственная работа московскихъ князей, заключавшаяся въ «собираніи Русской земли»* (Эта работа облегчалась цѣлымъ рядомъ благопріятныхъ условій, какъ-то: богатствомъ густо-заселеннаго Московскаго княжества, измельчаніемъ и раздробленностью сосѣднихъ удѣловъ, политическою близорукостью татарскихъ хановъ, которые, будучи усыплены щедрыми дарами и почтительностью московскихъ князей, помогли имъ въ борьбѣ съ соперничавшею Тверью, прочно утвердили за ними съ 1328 г. великокняжескій ярлыкъ и тѣмъ, во вредъ себѣ, способствовали ихъ усиленію);

3) *содѣйствіе московскимъ князьямъ со стороны духовенства и боярства и инстинктивное тяготѣніе къ нимъ русскаго народа* (Содѣйствіе перваго выразилось въ томъ, что съ 1326 г. митрополиты перенесли свое мѣстопребываніе въ Москву, а также въ томъ, что духовенство проводило идею единодержавія и богоустановленности власти и оказывало великимъ князьямъ большія практическія услуги, руководя ими во время малолѣтства, ходатайствуя за нихъ передъ ханомъ, налагая церковныя отлученія на ихъ враговъ; бояре, охотно съѣзжавшіеся на службу въ богатое Московское княжество, также содѣйствовали его объединительной политикѣ, такъ какъ съ успѣхами послѣдней были тѣсно связаны выгодныя «кормленія» и развитіе боярскаго землевладѣнія; простой народъ приливалъ къ Москвѣ, увлекаемый не только стихійной волной колонизаціи, но и естественнымъ стремленіемъ объединиться подъ властью тѣхъ государей, которые старались установить хорошій по тому времени внутренній порядокъ въ своемъ княжествѣ, обезопасить его отъ татарскихъ набѣговъ и расширить его).

Способы расширенія владѣній были различны: московскіе князья 1) скупали земли у другихъ князей и частныхъ лицъ, 2) призывали слабыхъ и бѣдныхъ князей къ себѣ на службу, при чемъ сохраняли за ними ихъ мелкія владѣнія въ зависимости отъ себя, 3) добывали у хановъ ярлыки на княжества, 4) заселяли пустыя земли плѣнниками, выкупленными изъ Орды, 5) захватывали силой удѣлы у сосѣдей, «примысливали» ихъ.

Прослѣдить исторію московскихъ примысловъ и покупокъ можно лишь приблизительно, такъ какъ источники не всегда сообщаютъ данныя о присоединеніи того или другого города или волости. Документально извѣстны лишь нѣкоторые примыслы. Такъ, напр., Даніилъ Александровичъ (сынъ Александра Невскаго) получилъ, по завѣщанію бездѣтнаго родственника, Переяславль и захватилъ

Коломну при устьѣ р. Москвы; Юрій Даниловичъ завладѣлъ Можайскомъ; Иванъ Калита прикупилъ 12 новыхъ селъ въ различныхъ мѣстахъ. Димитрій Донской окончательно утвердилъ за Москвою Дмитровъ, Галичъ, Бѣлоозеро, Угличъ и присоединилъ Мещеру, Калугу, Медынь. Василій I пріобрѣлъ Нижній Новгородъ, Муромъ, Таруссу, еще нѣсколько другихъ городовъ и множество селъ. Значительный приростъ московскаго удѣла получился отъ присоединенія къ нему великаго княжества Владимірскаго, которое впервые было внесено въ духовную Димитріемъ Донскимъ.

Результатъ собирательной работы первыхъ восьми московскихъ князей былъ огромный: ихъ родоначальникъ Даніилъ Александровичъ, правившій во второй половинѣ XIII вѣка, владѣлъ территоріей, меньшей, чѣмъ нынѣшняя Московская губернія, не превышавшей 500 кв. миль; земли же, завѣщанныя Василіемъ II своимъ сыновьямъ, простирались на 15.000 кв. миль; онѣ охватывали, кромѣ нынѣшней Московской губерніи, еще значительныя части губерній: Калужской, Тульской, Владимірской, Нижегородской, Вятской, Костромской, Вологодской, Ярославской, Тверской. Московская Русь въ годъ смерти Василія II граничила на юго-востокѣ съ Рязанскимъ княжествомъ, на юго-западѣ съ Литовско-Русскимъ государствомъ, сѣвернѣе—съ владѣніями: тверскими, новгородскими, ростовскими, ярославскими; на востокѣ—съ Вяткою и различными инородцами, находившимися подъ властью казанскихъ татаръ. Сосѣдство Московскаго княжества съ другими русскими областями показываетъ, что объединеніе Руси было не закончено: далеко не все великорусское племя собралось подъ главенствомъ Москвы; масса русскаго народа находилась подъ властью иноплеменной и иновѣрной Литвы. Слѣдовательно, Московское княжество половины XV вѣка не было еще національнымъ государствомъ.

Строго говоря, его вообще нельзя назвать государствомъ, такъ какъ въ немъ самомъ продолжала существовать удѣльная система, объясняющаяся обычаемъ московскихъ князей распредѣлять, по завѣщанію, земли между сыновьями. Правда, чрезмѣрнаго раздробленія отъ этого не происходило, такъ какъ московскій княжескій родъ былъ малосемейнымъ, и такъ какъ старшій сынъ получалъ «на старѣйшій путь» (т. е. для поддержанія старшинства) больше городовъ и селъ, чѣмъ его братья (такъ, напр., Димитрій Донской завѣщалъ старшему изъ своихъ сыновей треть наслѣдства, Василій II—половину). Тѣмъ не менѣе, Московскому княжеству въ серединѣ XV вѣка недоставало еще внутренней сплоченности. Наконецъ, Московская Русь не была еще политически независимой, такъ какъ ей приходилось считаться съ татарскимъ владычествомъ. *Національный характеръ она получила лишь съ правленія сына Василія II—Іоанна III (1462—1505).*

Съ этого времени Московское княжество, какъ сказано, вступаетъ въ новый періодъ своего развитія: 1) оно объединяетъ подъ своею

властью всѣ области, заселенныя великорусскимъ племенемъ, и дѣлается такимъ образомъ государствомъ цѣлой народности, т. е. національнымъ; 2) оно становится политически-независимымъ, такъ какъ въ концѣ XV вѣка уничтожаются послѣдніе признаки татарскаго владычества; 3) придвинувъ свои границы къ иноземнымъ владѣніямъ, Московское государство стремится къ дальнѣйшему расширенію ихъ и для достиженія этой цѣли вступаетъ въ дипломатическія сношенія и въ вооруженную борьбу со своими сосѣдями—иностранцами; 4) сдѣланныя Москвою завоеванія открываютъ просторъ для русской колонизаціи по всей Восточно-Европейской равнинѣ и за ея предѣлами—въ Азіи; 5) измѣненіе внѣшняго положенія Московскаго государства отражается и на переустройствѣ его внутренняго распорядка. Послѣднее сказывается въ слѣдующемъ: 1) измѣняется значеніе московскихъ князей: изъ хозяевъ и собственниковъ московскаго удѣла они превращаются въ самодержавныхъ и единодержавныхъ государей—царей; 2) удѣльная система окончательно уничтожается, и прежніе владѣтельные удѣльные князья дѣлаются подданными и слугами московскаго государя, вполнѣ зависимыми отъ него; 3) напряженная внѣшняя политика московской державы, которой приходится вести борьбу на три фронта: съ Польско-Литовскимъ государствомъ, съ татарами и шведами, ставитъ ее какъ бы на «положеніе вѣчно мобилизованнаго лагеря», выдвигаетъ на первый планъ военныя нужды, другія же государственныя задачи (напр., развитіе народнаго хозяйства и просвѣщенія) поневолѣ остаются въ тѣни; 4) преимущественное вниманіе, удѣляемое московскимъ правительствомъ военнымъ потребностямъ, налагаетъ свой отпечатокъ на общественный строй: послѣдній приспособляется, какъ увидимъ, къ нуждамъ войны и характеризуется прикрѣпленіемъ всѣхъ классовъ общества къ опредѣленнымъ обязанностямъ.

Указанныя измѣненія, повлекшія за собою паденіе политическаго вліянія боярства и требовавшія громадныхъ жертвъ на военныя нужды со стороны всего русскаго народа, вызываютъ въ средѣ недовольныхъ классовъ общества попытку уничтожить установившійся государственный порядокъ. Это порождаетъ въ началѣ XVII вѣка страшное внутреннее потрясеніе Русской земли, извѣстное подъ названіемъ Смуты. Когда Смута миновала, московскимъ царямъ изъ дома Романовыхъ пришлось возстанавливать расшатанный ею политическій и общественный строй, считаясь съ новыми, выдвинутыми временемъ, государственными задачами.

Таковы основные процессы, происходившіе въ теченіе Московскаго періода. Обратимся къ изученію ихъ, начавъ съ характеристики власти московскихъ государей.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Характеристика московскихъ государей.

§ 49. Укрѣпленіе московскаго самодержавія въ XVI в.

Два признака власти московскихъ государей XVI в.

«Въ понятіе власти московскаго государя входили, по словамъ проф. Платонова, два признака, одинаково существенныхъ и характерныхъ для нея. Во-первыхъ, власть московскаго государя имѣла патримоніальный характеръ», во-вторыхъ, она «отличалась національнымъ характеромъ». Первый признакъ являлся наслѣдіемъ удѣльной эпохи: взглядъ на удѣлъ, какъ на полную наслѣдственную собственность, «вотчину» князя перенесенъ былъ и на все Московское государство, составившееся изъ удѣловъ, теоретически же онъ распространялся даже на тѣ русскія земли, которыя еще не были освоены Москвой, но на которыя она предъявляла свои историческія права (разумѣемъ земли русско-литовскія).

Второй признакъ сталъ принадлежностью власти московскихъ государей съ тѣхъ поръ, какъ послѣдніе, помимо обычныхъ «примысловъ», помимо будничныхъ хозяйственныхъ заботъ, обратились къ національной задачѣ — освобожденію Русской земли отъ татаръ. Такая задача дѣлала ихъ въ глазахъ народа уже «царями русскими». Съ этимъ титуломъ упоминается имя Димитрія Донского въ нѣкоторыхъ древнихъ литературныхъ памятникахъ. Ровно черезъ сто лѣтъ послѣ Мамаева побоища этотъ титулъ перешелъ и въ дипломатическіе акты: свое освобожденіе отъ послѣднихъ признаковъ татарской зависимости Іоаннъ III ознаменовалъ именно тѣмъ, что въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми государями сталъ называть себя «самодержцемъ-царемъ». Правда, Іоаннъ не принималъ оффиціально царскаго титула и пользовался имъ далеко не всегда, но по характеру своей дѣятельности онъ могъ титуловаться такъ, потому что проводилъ національную политику, и ея соображеніями, а не правомъ сильнаго руководствовался въ своей объединительной работѣ. Итакъ, по *происхожденію и безусловной полнотѣ* своей власти московскіе повелители оставались удѣльными вотчинниками, и, въ качествѣ наслѣдія удѣльной эпохи, сохраняли титулъ великихъ князей и государей (въ смыслѣ хозяевъ, владыкъ); *по направленію же и задачамъ своей политики, по отношенію къ народу, по своему международному* положенію они стали «русскими царями»-самодержцами.

Въ теченіе XVI вѣка московское самодержавіе (понимаемое не только въ первоначальномъ смыслѣ внѣшней независимости страны, но и въ смыслѣ нераздѣльности и полноты власти въ области внутренняго управленія) устраняетъ всѣ препятствія, встрѣчавшіяся на пути его развитія и, такимъ образомъ, окончательно *укрѣпляется*,

при чемъ національный признакъ власти получаетъ преобладаніе надъ вотчиннымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно *обосновывается* въ цѣломъ рядѣ патріотическихъ теорій, имѣвшихъ своею цѣлью выяснить положеніе Московскаго государства въ ряду другихъ, опредѣлить значеніе его государя и указать міровую роль Москвы. Разсмотримъ эти два процесса, тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ.

Отношенія между московскими государями и боярствомъ.

Уже не разъ отмѣчалось, что въ Сѣверо-восточной Руси издавна установилось княжеское единовластіе, что удѣльные князья, несмотря на свою зависимость отъ хана, являлись неограниченными государями въ предѣлахъ своей земли. Но равнымъ образомъ было указано, что фактически они правили при содѣйствіи своихъ вольныхъ слугъ—бояръ. Въ Московскомъ княжествѣ роль послѣднихъ была еще замѣтнѣе, чѣмъ въ другихъ: совмѣстно съ духовенствомъ бояре способствовали разрушенію удѣльной системы. Однако именно ея разрушеніе внесло крупныя перемѣны въ боярскую среду и въ отношенія послѣдней къ государевой власти.

I. При присоединеніи къ Москвѣ удѣловъ, ихъ уцѣлѣвшіе князья волей-неволей должны были поступать на службу въ Москву, входить въ составъ московскаго боярства. При этомъ они сохраняли княжескій титулъ и большія вотчины въ своихъ прежнихъ удѣлахъ. Такимъ образомъ изъ владѣтельныхъ князей они превращались въ привилегированныхъ вотчинниковъ, пользовавшихся въ своихъ земляхъ значительною судебною и правительственною властью, имѣвшихъ своихъ ратныхъ людей. Ведя свой родъ отъ Рюрика или Гедимина, они считали себя выше нетитулованныхъ бояръ и старались обойти ихъ по службѣ. Не довольствуясь мѣстнымъ вліяніемъ и служебными преимуществами, они домогались также виднаго участія во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, смотрѣли на себя, какъ на *государей*, собравшихся въ Москву для *совмѣстнаго* съ великимъ княземъ управленія объединенной изъ удѣловъ Русской землей. Итакъ, боярскій классъ аристократизировался, проникся *политическими притязаніями*. Это было однимъ изъ слѣдствій присоединенія удѣловъ. Второе слѣдствіе противорѣчило ему.

II. Опору для своей національной политики Іоаннъ III и его преемники находили во всемъ народѣ; они пользовались неограниченной властью, обладали денежными средствами и военными силами. Поэтому, хотя, по обычаю старины, государи Московскаго періода и вершили дѣла въ сотрудничествѣ съ боярами, однако гораздо менѣе своихъ удѣльныхъ предковъ зависѣли отъ нихъ. Напротивъ, бояре во многомъ зависѣли отъ государя: онъ являлся для нихъ источникомъ милостей, и притомъ единственнымъ, такъ какъ, съ присоединеніемъ къ Москвѣ почти всѣхъ удѣловъ, бояре лишились *возможности* отъѣзжать къ другимъ князьямъ. Да и самое *право* отъѣзда стало ограничиваться; бояре—вольные слуги на дѣлѣ обращались въ *невольныхъ*, договорныя отношенія замѣнялись подданническими. Самое зва-

ніе боярина съ теченіемъ времени получило значеніе *чина*, даваемаго по милости государя. Такимъ образомъ развитіе аристократическихъ и политическихъ притязаній «княжатъ» (т. е. служилыхъ князей) оказалось въ полномъ противорѣчіи съ упадкомъ *дѣйствительнаго политическаго значенія* бояръ.

Это противорѣчіе создавало затрудненія двоякаго рода: нужно было 1) установить взаимныя отношенія между боярами такъ, чтобы поставить на соотвѣтствующее мѣсто притязательныхъ княжатъ и не обидѣть старинныхъ, «извѣчныхъ» нетитулованныхъ бояръ московскихъ, 2) опредѣлить отношенія бояръ къ самому государю.

Первое затрудненіе до извѣстной степени разрѣшалось благодаря *мѣстничеству* (см. ниже). Разрѣшеніе второго затрудненія далось очень нелегко и потребовало въ концѣ концовъ гораздо болѣе сильныхъ средствъ, чѣмъ докучные мѣстническіе споры.

Это второе затрудненіе послужило источникомъ недоразумѣній между государями и боярствомъ, начавшихся при Іоаннѣ III, обострившихся при Василіи III и постепенно разросшихся до грозныхъ размѣровъ при Іоаннѣ IV.

Уже въ раннемъ дѣтствѣ Іоаннъ IV не безъ основаній недружелюбно относился къ боярству, а принявшись за дѣла правленія, старался придать послѣднему демократическій характеръ. Однако въ составъ руководившей юнымъ царемъ «избранной рады», вмѣстѣ съ Сильвестромъ, Адашевымъ и другими неродовитыми людьми, вошло также нѣсколько представителей княжья. Эта-то «рада», по мнѣнію историковъ, именно и поставила впервые вопросъ о «коренной реформѣ отношеній» бояръ къ государю, не только фактически ограничивая царя, но какъ будто стремясь закрѣпить это ограниченіе и законодательнымъ путемъ. Трудно сказать, какъ долго терпѣлъ бы Іоаннъ IV властную опеку совѣтниковъ, если бы продолжалъ вѣрить въ ихъ искреннюю преданность себѣ. Но обстоятельства сильно поколебали эту вѣру, и царь «за себя сталъ». Подъ ударами царскаго гнѣва рада распалась; около Грознаго не осталось неугодныхъ ему лицъ, «снимавшихъ съ него власть», но титулованное боярство, какъ классъ и какъ политическая сила, продолжало существовать. Чтобы успѣшно вести борьбу съ его политическимъ вліяніемъ, Грозный рѣшилъ оторвать княжатъ отъ ихъ вотчинъ, расположенныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предки ихъ были удѣльными князьями, и поддерживавшихъ ихъ аристократическія притязанія. Это и было достигнуто учрежденіемъ «опричнины». Сущность послѣдней заключалась въ образованіи въ государствѣ особаго, состоявшаго въ непосредственномъ вѣдѣніи царя, владѣнія, въ составъ котораго вошли, между прочимъ, центральныя части Московской Руси, именно тѣ, гдѣ существовали вотчины княжатъ. Владѣльцы этихъ вотчинъ или подвергались казнямъ, ссылкамъ и опаламъ или поступали въ опричнину или, въ большинствѣ случаевъ, «выводились» изъ своихъ

земель и вмѣсто нихъ получали владѣнія въ другихъ мѣстахъ, обыкновенно на окраинахъ государства, гдѣ они, какъ новые, пришлые люди, не имѣли ни традиціоннаго значенія, ни вліянія. Постепенно почти всѣ княжескія наслѣдственныя земли перешли въ опричнину, и на нихъ были «испомѣщены» другіе владѣльцы — «опришнинскіе» (т. е. опричные) служилые люди, набранные царемъ преимущественно изъ неродовитыхъ фамилій. Такимъ «выводомъ» княжья, сопровождавшимся притомъ крайними жестокостями, жертвою которыхъ дѣлались нерѣдко совсѣмъ неповинные люди, Грозный устранялъ тѣхъ, въ комъ его подозрительность усматривала противниковъ неограниченной власти. Укрѣпляя абсолютизмъ *фактически*, Іоаннъ IV былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ яркимъ *теоретикомъ* его. Въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ онъ дополнилъ и развилъ тѣ теоріи, которыя были посвящены обоснованію царскаго самодержавія.

§ 50. Національстическая и политическая идеологія XVI в.

Взгляды духовенства на монархическую власть.

До Грознаго эти теоріи создавались въ средѣ духовенства. Подъ вліяніемъ византійскихъ традицій оно усвоило идеалъ монарха, выработавшійся въ Византіи (гдѣ императоръ—самодержецъ Божіею милостью признавался «владыкой вселенной», т. е. царемъ всѣхъ христіанъ, «святымъ», «архіереемъ и іереемъ», «стражемъ и учителемъ православной вѣры», «общимъ епископомъ»), и издавна старалось создать нѣчто подобное этому идеалу и на Руси: еще въ Кіевскій и Удѣльный періоды духовенство проводило идею о богоустановленности и неограниченности княжеской власти, объ обязанности князя охранять православную вѣру и объ обязанности подданныхъ безпрекословно повиноваться ему; еще кіевскихъ князей (напр., Изяслава II) лѣтопись называла иногда царями. Однако, при всемъ этомъ, долгое время не могло быть даже рѣчи о перенесеніи указаннаго идеала цѣликомъ на русскую почву. Этому препятствовали два обстоятельства. Первое коренилось въ сложившихся на Руси историческихъ условіяхъ: и князья Кіевскаго періода, ограниченные вѣчемъ, и удѣльные князья—данники хана, конечно, далеко не соотвѣтствовали византійскимъ представленіямъ о носителяхъ верховной власти, какъ и раздробленная Русь не соотвѣтствовала Византійской имперіи. Вторымъ препятствіемъ была распространенная въ Византіи и нашедшая откликъ и на Руси, теорія, въ силу которой верховнымъ покровителемъ Вселенской Церкви и защитникомъ истинной вѣры признавался лишь *одинъ* византійскій императоръ, и только ему во всей полнотѣ принадлежали указанные титулы и права. Далѣе, если императоръ считался «владыкой вселенной», то теоретически его власть должна была простираться и на Русь тѣмъ болѣе, что послѣдняя получила христіанство изъ Византіи, являвшейся центромъ православія.

Однако въ XV в. произошло нѣсколько событій, совсѣмъ поколебавшихъ указанные взгляды: принятіе византійскимъ правительствомъ (въ 1439 г.) церковной уніи на Флорентійскомъ соборѣ, послѣдовавшее вскорѣ за этимъ завоеваніе Византіи турками (въ 1453 г.), быстрое возвышеніе Москвы, объединеніе Русской земли подъ властью Іоанна III, женитьба его (въ 1472 г.) на племянницѣ послѣдняго императора Зоѣ—Софіи Палеологъ, освобожденіе Руси (въ 1480 г.) отъ татарской зависимости. Всѣ эти обстоятельства, слѣдовавшія одно за другимъ, произвели огромное впечатлѣніе на русскихъ грамотеевъ. Послѣдніе задались цѣлью установить между ними причинную связь, осмыслить ихъ, сдѣлать изъ нихъ логическіе выводы. Результатомъ напряженной работы надъ такимъ осмысленіемъ явился цѣлый рядъ патріотическихъ теорій. Однѣ изъ нихъ прославляли Москву, какъ преемницу Византіи, и переносили на нее исключительное значеніе послѣдней. Другія разукрашивали всевозможными легендами прошлую русскую исторію, смотрѣли на русскій народъ, какъ на избранный и искони возвеличенный надо всѣми. Изъ патріотическихъ теорій наибольшее распространеніе получилъ взглядъ на Москву, какъ на «третій Римъ». Смыслъ его сводится къ слѣдующему:

Теорія «Москва—третій Римъ» и іосифлянскіе взгляды.

Древній Римъ, центръ мірового государства, со времени принятія христіанства сталъ также средоточіемъ истинной вѣры. Но онъ палъ вслѣдствіе отклоненія отъ православія, и мѣсто его занялъ «второй Римъ—великій царствующій благочестіемъ градъ Константинополь». Однако и онъ погибъ, прельстившись латинствомъ (т. е. уніей) и измѣнивъ ради него православной греческой вѣрѣ. Но истинная вѣра не можетъ погибнуть до скончанія вѣковъ: померкнувъ въ Греціи, она сохраняется въ полной чистотѣ на Руси, принявшей христіанство изъ Византіи, и потому Москвѣ, послѣ паденія Константинополя, предстоитъ роль «третьяго Рима», оплота и опоры православія во всемъ мірѣ. «Два Рима падоша», писалъ одинъ инокъ (Филоѳей), «третій—Москва—стоитъ, а четвертому не быть». «Единъ московскій государь—во всей поднебесной христіанамъ царь»: «всѣ царства православныя сошлись въ его единое царство».

Окончательное свое выраженіе эта теорія получила лишь при Василіи III, но предпосылки, изъ которыхъ вытекала она, готовы были раньше: еще Іоаннъ III, по мнѣнію митрополита Зосимы, былъ «государемъ и самодержцемъ, новымъ царемъ Константиномъ новому граду Константину—Москвѣ», а задачи и размѣры его власти вполнѣ опредѣлялись господствовавшей въ то время партіей духовенства—«іосифлянами». Послѣдніе прозваны такъ по имени главнаго своего представителя игумена Волоколамскаго или Волоцкаго—Іосифа Санина, стремившагося къ установленію тѣснаго союза между Церковью и государствомъ, необходимость котораго обусловливалась его воззрѣніями на государеву власть. Сущность этихъ воззрѣній можетъ быть вкратцѣ выражена такъ: «Царь—первый отмститель Христа на

еретики»; «царскій судъ святительскимъ судомъ не посужается». Первое положеніе указываетъ царю его обязанность—охрану православія, второе — опредѣляетъ права московскаго государя: іосифляне признавали, что власть государя выше власти духовной, что «царь естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкомъ, властью же подобенъ вышнему Богу».

Въ освѣщеніи теоріи «Москва—третій Римъ» указанные взгляды пріобрѣтали особую силу и выразительность: союзъ Церкви и государства еще тѣснѣе скрѣплялся, московскіе государи признавались наслѣдниками византійскихъ императоровъ, на нихъ переносилось значеніе послѣднихъ; Москва становилась преемницей Византіи, усвояла ея міровую исключительную роль, понимаемую въ смыслѣ охраны православія до скончанія вѣковъ («четвертому Риму не быть!»); русскому народу предназначалась великая миссія блюсти непомраченнымъ тотъ факелъ истиннаго благочестія, который сталъ гаснуть во «второмъ Римѣ».

Другія патріотическія теоріи.

Націоналистическое творчество не остановилось на созданіи теоріи «Москва—третій Римъ»: одновременно съ нею или вслѣдъ за нею появились другія патріотическія преданія и легенды, напр., повѣствованіе о врученіи Владиміру Мономаху знаковъ царскаго достоинства, присланныхъ византійскимъ императоромъ, преданіе о насажденіи на Руси христіанства Апостоломъ Андреемъ [1]), легенда о происхожденіи московскаго царствующаго рода отъ миѳическаго Прусса, брата Римскаго императора Августа [2]).

Степенная книга.

Легенда о Пруссѣ, какъ предкѣ Рюрика, и о вѣнчаніи на царство Мономаха приводится въ «Сказаніи о князьяхъ Владимірскихъ», составленномъ кѣмъ-то изъ пріѣзжихъ южно-славянскихъ книжниковъ въ концѣ XV вѣка. Изъ Сказанія она перешла въ Аѳанасье-Макарьевскую Степенную книгу, законченную въ 1563 г. и представляющую собою какъ бы завершеніе того, что сдѣлала русская книжная мысль въ XVI в. для прославленія царствующаго рода. Проф. Васенко опредѣляетъ это произведеніе «какъ сборникъ статей агіобіографическаго характера, расположенныхъ по генеалогической схемѣ (по степенямъ царскаго родословія)», который «долженъ былъ служить къ прославленію «въ Рустѣй землѣ благочестіемъ просіявшихъ Богоутвержденныхъ скипетродержателей и ихъ родичей».

---

[1]) Составлено было это преданіе еще въ XII вѣкѣ, но широкое распространеніе оно получило, повидимому, въ связи съ разочарованіемъ въ грекахъ.

[2]) Интересно отмѣтить, что, въ противоположность теоріи «Москва—третій Римъ» (въ основѣ которой лежитъ идея о преемствѣ послѣднимъ какъ церковнаго, такъ и политическаго значенія «второго Рима», являющагося въ свою очередь преемникомъ перваго), сказанія объ Апостолѣ Андреѣ и о Пруссѣ какъ бы отмежевываютъ Русь отъ Византіи, исключая церковное и политическое вліяніе послѣдней на первую.

Политическія теоріи.

Кромѣ вышеизложенныхъ національныхъ теорій, возникавшихъ преимущественно въ средѣ іосифлянъ, съ половины XVI вѣка стали появляться и совершенно иныя, чисто политическія, въ которыхъ не столько опредѣлялось значеніе государя, сколько намѣчался желательный для ихъ составителей образъ правленія. Видное мѣсто среди теоретиковъ такого рода занимаетъ кн. А. М. Курбскій, желчный оппонентъ Грознаго. Въ своей «исторіи князя великаго московскаго» и въ «укоризненныхъ» посланіяхъ Курбскій развиваетъ политическую программу боярства, роптавшаго на «несовѣтіе» московскихъ самодержцевъ. На первомъ планѣ онъ ставитъ боярскій «синклитъ», т. е. думу, безъ совѣта которой царь не долженъ «ничего устроить или мыслить».

Такіе же взгляды, лишь въ нѣсколько смягченной формѣ, развиваются въ «Бесѣдѣ валаамскихъ чудотворцевъ» (произведеніи неизвѣстнаго автора, направленномъ, главнымъ образомъ, противъ монастырскаго землевладѣнія и вмѣшательства духовенства въ свѣтскія дѣла). «Бесѣда» тоже утверждаетъ, что «Господь повелѣлъ царямъ царство держати и власть имѣти съ князи и съ боляры». Было бы, впрочемъ, несправедливо усматривать въ посланіяхъ Курбскаго и въ «Бесѣдѣ» стремленіе къ чистой олигархіи: оба эти памятника убѣждаютъ государя обращаться, кромѣ боярской думы, также къ «протчимъ мірянамъ»,—къ «совѣту всенародныхъ человѣкъ». Желательность такого «совѣта» особенно обстоятельно доказывается въ припискѣ къ «Бесѣдѣ», сдѣланной другимъ (также неизвѣстнымъ) авторомъ и озаглавленной «Ино сказаніе тоежъ бесѣды». Это интересное произведеніе усматриваетъ главное средство для «благоденства» Московскаго государства въ томъ, чтобы царь держалъ при себѣ «единомышленный совѣтъ отъ всякихъ мѣръ всякихъ людей, отъ всѣхъ градовъ и отъ уѣздовъ», «не разлучался бы съ нимъ ни на одинъ день» и «спрашивалъ его про всякое дѣло міра».

Напротивъ, въ другомъ литературномъ памятникѣ половины XVI вѣка, такъ называемой «эпистоліи» или «челобитной» Ивашки Пересвѣтова, проводится мысль, что «царь долженъ быть грозенъ и самоуправливъ и мудръ безъ *воспрашиванья*». Всю бѣду эпистолія усматриваетъ въ силѣ, богатствѣ и злоупотребленіяхъ «вельможъ»; воинство же, т. е. среднее служилое сословіе, всячески идеализируется Пересвѣтовымъ.

Подводя итоги сказанному, можно придти къ слѣдующему выводу: въ національныхъ теоріяхъ второй половины XV и первой половины XVI вѣковъ наблюдается два теченія (иногда сливавшихся вмѣстѣ): одно исходитъ отъ преемства Москвою значенія Византіи; другое—отъ легендарнаго прошлаго московской династіи (сказаніе о Пруссѣ); что же касается собственно политическихъ теорій, то въ нихъ слѣдуетъ различать три направленія: защиту *аристократическаго распорядка* (Курбскій и «Бесѣда»), проектъ *демократически-*

соборнаго строя, который зиждется на единеніи царя и «всенароднаго совѣта» («Ино сказаніе») и обоснованіе *демократическаго абсолютизма* во имя интересовъ «воинства» (Ивашка Пересвѣтовъ).

Такова книжная національстическая и политическая идеологія до-Смутнаго времени. Посмотримъ теперь, что именно усвоили изъ нея московскіе государи, какими ея элементами они лично воспользовались для утвержденія своего самодержавія и для опредѣленія своей дѣятельности.

§ 51. Отношеніе московскихъ государей XVI в. къ національстической и политической идеологіи.

Характеръ вліянія теоріи «Москва — третій Римъ».

Съ давняго времени историческая наука придавала особенное значеніе теоріи «Москва — третій Римъ». По мнѣнію многихъ историковъ, уже Іоаннъ III, основываясь на этой теоріи, съ одной стороны, и на бракѣ своемъ съ Софіей Палеологъ съ другой,—вполнѣ сознательно считалъ себя преемникомъ византійскихъ императоровъ, притязалъ на обладаніе ихъ наслѣдіемъ и сталъ титуловаться царемъ (отъ слова цесарь), именно какъ ихъ *преемникъ* и супругъ Софіи, вліяніе которой будто бы очень глубоко сказалось на всей политической и придворной жизни Московскаго государства. Совсѣмъ иначе смотритъ на дѣло проф. Савва: вопреки указанному мнѣнію, онъ не придаетъ важнаго *политическаго* значенія ни теоріи «Москва — третій Римъ», ни браку съ Софіей, не приписываетъ Іоанну III притязаній на Византію и титулованіе его царемъ ставитъ въ связь не съ ними, а съ достигнутой Іоанномъ въ 1480 г. *политической независимостью*.

Указанное противорѣчіе между учеными въ оцѣнкѣ значенія теоріи «Москва — третій Римъ» можно до извѣстной степени примирить, если принять во вниманіе, что въ этой теоріи двѣ стороны: одна религіозная, другая — политическая, что она указывала двѣ задачи: охрану православія и міровое господство — «владычество надъ вселенной». Москва приняла на себя сознательно только *первую* изъ нихъ: московскіе государи, усвоивъ со времени Іоанна III византійскій гербъ и тѣмъ самымъ признавъ себя преемниками императоровъ, придавали, однако, своему преемству скорѣе *религіозное*, чѣмъ *политическое* значеніе: въ такомъ преемствѣ они усмотрѣли скорѣе стимулъ къ *новымъ задачамъ* и *новымъ обязанностямъ*, заключающимся въ охраненіи интересовъ православія во всемъ мірѣ, чѣмъ источникъ *новыхъ правъ* на самодержавную царскую власть; послѣдняя развилась вполнѣ самобытно въ силу историческихъ условій и независимо отъ какихъ-либо теорій.

Теоретическое обоснованіе своей власти московскими государями.

Дѣйствительно, на первыхъ порахъ московскіе государи вообще мало задумывались надъ характеромъ своей власти, придавали больше значенія фактическому положенію, чѣмъ отвлеченнымъ теоріямъ. Лишь идея о богоустановленности власти была ими издавна твердо усвоена.

Очень отчетливо выражена она, напр., въ слѣдующемъ отвѣтѣ Іоанна III на предложеніе германскаго (священно-римскаго) императора пожаловать ему королевскій санъ: «мы, сказалъ Іоаннъ, Божіею Милостію государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, и просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и нашимъ дѣтямъ и до вѣка въ томъ быти, какъ есма нынѣ государи на нашей землѣ, а поставленія какъ напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ» (отъ императора). Въ этомъ простомъ, полномъ достоинства разсужденіи еще нѣтъ, какъ видно, упоминанія о пышныхъ національностическихъ теоріяхъ.

Мощный отзвукъ нашли многія изъ нихъ впервые въ душѣ Іоанна IV, который оффиціально вѣнчался на царство въ 1547 г. и, какъ уже упоминалось (стр. 122), горячо принялся за *теоретическое обоснованіе* своей самодержавной власти. Чтобы ознакомиться съ этимъ обоснованіемъ, необходимо хотя бы вкратцѣ разобрать 1) грамоту Константинопольскаго патріарха, подтверждавшую царскій титулъ Іоанна IV на основаніи тѣхъ правъ, которыя были выставлены *имъ самимъ*, 2) дипломатическія сношенія Грознаго съ иностранными государями, 3) его переписку съ Курбскимъ.

Патріаршая грамота признавала Іоанна царемъ, какъ потомка греческой царевны Анны и Владиміра Мономаха, вѣнчаннаго будто бы на царство греческимъ митрополитомъ Неофитомъ (любопытно, что о родствѣ Іоанна IV съ Софіей Палеологъ вовсе не упоминалось). Въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ другими государями (преимущественно съ польско-литовскимъ, передъ которымъ Іоаннъ IV особенно горячо отстаивалъ свой титулъ) къ указаннымъ основаніямъ прибавляется еще нѣсколько другихъ: 1) указаніе на прецеденты, т. е. на титулованіе царями отца и дѣда Іоанна IV; 2) ссылка на завоеваніе Казанскаго и Астраханскаго *царствъ*, увеличившее права Іоанна IV на этотъ титулъ по сравненію съ его предками; 3) преданіе о томъ, будто римскіе императоры Аркадій и Гонорій прислали Владиміру, первому московскому (?) князю, императорскую корону (Іоанна не смущало обстоятельство, что они жили за 500 лѣтъ до Владиміра); 4) теорія о происхожденіи московскихъ государей отъ Прусса; 5) указаніе на искони наслѣдственный и неограниченный характеръ ихъ власти.

Охотнѣе всего обращался Іоаннъ IV къ двумъ послѣднимъ доводамъ. Основываясь на генеалогіи отъ миѳическаго Прусса и на полнотѣ своей власти, онъ доказывалъ, что только цесарь римскій (т. е. императоръ Священной Римской Имперіи германской націи) и султанъ турецкій могутъ равняться съ нимъ по своему значенію, да и то не совсѣмъ, такъ такъ «никоторое царство, писалъ Іоаннъ, намъ равно не бывало». Возвеличиваніе своей власти доводило его до оскорбительныхъ отзывовъ о другихъ государяхъ. Онъ корилъ

Стефана Баторія его избирательной властью, называлъ его королемъ, «избраннымъ мятежомъ человѣческимъ», королемъ «со вчерашняго дня»; считалъ династію шведскихъ королей «мужичьимъ родомъ». Такимъ образомъ, какъ прежде византійскіе императоры, такъ теперь московскій царь притязалъ, повидимому, на исключительное положеніе среди другихъ монарховъ. Однако обоснованія этой исключительности у нихъ совсѣмъ не одинаковы. Первые считали себя «владыками вселенной» и на этомъ основаніи относились къ остальнымъ государямъ, какъ къ вассаламъ; Іоаннъ же обосновывалъ свое исключительное значеніе родовитостью, неограниченностью власти и, руководствуясь чисто-русскимъ принципомъ мѣстничества, какъ бы опредѣлялъ «мѣста» другихъ монарховъ и, признавая себя въ этомъ отношеніи первымъ между ними, отнюдь не думалъ считать ихъ своими вассалами.

Такъ опредѣлялъ Грозный свое *международное* положеніе. Взгляды же на положеніе царя *внутри* государства изложены имъ въ посланіяхъ къ Курбскому, дышащихъ страстностью непоколебимаго убѣжденія. Сущность писемъ царя заключается въ пламенной защитѣ «самодержавства». Царство—собственность царя. «Мы родились на царствѣ, а не чужое похитили», говоритъ Іоаннъ. «Како же самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?»—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ словами: «Русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ всѣмъ царствомъ, а не бояре и вельможи». Цѣлымъ рядомъ примѣровъ изъ ветхозавѣтной и византійской исторіи доказываетъ онъ гибельность многовластія и самовольства. «Противнымъ разуму» считаетъ онъ такой порядокъ, при которомъ царь «обладаемъ рабами». Рабами Іоаннъ считаетъ всѣхъ подвластныхъ себѣ и горячо отстаиваетъ свое право «жаловать своихъ холоповъ и казнить ихъ»; онъ не боится остаться безъ «сильныхъ въ Израилѣ», безъ «чадъ Авраамовыхъ», такъ какъ «Богъ можетъ и изъ камней воздвигнуть чадъ Аврааму». Къ тому же «сильныхъ» Іоаннъ вообще «не вѣдаетъ»: «земля правится Божіимъ милосердіемъ, и Пречистыя Богородицы милостію, и всѣхъ святыхъ молитвами, и родителей нашихъ благословеніемъ, и послѣди нами, государи своими, а не судьями и воеводы»... Изъ этой отповѣди Курбскому ясно видно, насколько непріемлемы были для Грознаго аристократическіе взгляды бояръ. Едва ли по душѣ ему былъ и демократически-соборный строй. Правда, именно къ его царствованію относятся упоминанія о первыхъ земскихъ соборахъ, но послѣдніе по своему составу не соотвѣтствовали «совѣту всенародныхъ человѣкъ» и созывались лишь для обсужденія опредѣленныхъ вопросовъ, а не для того, чтобы царь ежедневно «разспрашивалъ ихъ про всякое дѣло міра». Зато дѣятельность Іоанна IV вполнѣ отвѣчала пересвѣтовской «челобитной». Трудно, конечно, представить, чтобы Грозный черпалъ указанія изъ какихъ-нибудь «эпистолій»; причину соотвѣтствія можно искать скорѣе

въ томъ, что политическое вліяніе «вельможъ» одинаково противорѣчило какъ воззрѣніямъ царя, такъ и интересамъ «воинства». Поэтому-то эпистолія и являлась защитой политики Іоанна, вызывавшей недовольство въ другихъ слояхъ общества. Это недовольство послужило, какъ извѣстно, причиной Смуты.

§ 52. Царская власть въ эпоху Смуты XVII в.

Дѣйствительное избраніе царей въ эпоху Смуты.

Смута, начавшаяся послѣ кончины Грознаго, оказала нѣкоторое вліяніе на характеръ государевой власти. Эта власть, бывшая дотолѣ наслѣдственной, сдѣлалась *избирательной*, фактически получавшей свои полномочія отъ земскаго собора или хотя бы подобія его. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, соборъ созванъ былъ, будто бы, уже для утвержденія на престолѣ ближайшаго преемника Грознаго—Ѳеодора I Іоанновича. Послѣ же прекращенія, со смертью Ѳеодора, московской династіи и послѣ отказа царицы Ирины наслѣдовать своему мужу созывъ собора являлся безусловно необходимымъ. Онъ и былъ созванъ въ 1598 г. и избралъ на царство шурина Ѳеодора Іоанновича — Бориса Ѳеодоровича Годунова. Сынъ послѣдняго, Ѳеодоръ II, вступилъ на престолъ въ 1605 г. безъ соборнаго избранія, но, процарствовавъ меньше двухъ мѣсяцевъ, долженъ былъ уступить мѣсто Лжедимитрію, воцареніе котораго обусловливалось переходомъ на его сторону московской рати подъ Кромами и признаніемъ его со стороны народа, что до извѣстной степени замѣняло соборное утвержденіе. Руководитель заговора противъ Лжедимитрія, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, въ 1606 г. былъ «выкрикнутъ на царство своими доброхотами» по наущенію бояръ-княжья, и хотя въ Москвѣ и сѣтовали, что онъ сѣлъ царствовать *безъ избранія земскаго*, однако правительство старалось представить дѣло какъ разъ наоборотъ: перечисляя свои права на престолъ, Шуйскій, между прочимъ, возвѣщалъ, что онъ воцарился «по моленью (т. е. *избранію* и просьбѣ) всѣхъ людей Московскаго государства». Когда въ 1610 г. Василій Ивановичъ былъ свергнутъ съ престола, и боярская дума («семибоярщина»), угрожаемая съ одной стороны успѣхами Тушинскаго вора, съ другой—приближеніемъ къ столицѣ Жолкѣвскаго, рѣшила пригласить на царство польскаго королевича Владислава, она не преминула представить это свое рѣшеніе на утвержденіе наскоро созваннаго земскаго собора и только послѣ этого вступила въ переговоры съ Жолкѣвскимъ, объявивъ ему объ избраніи Владислава «всѣмъ государствомъ». Наконецъ, когда самоотверженныя и геройскія усилія второго земскаго ополченія освободили Москву отъ поляковъ, родоначальникъ нынѣ царствующей династіи Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ былъ избранъ земскимъ соборомъ 1613 г., являвшимся, по выраженію проф. Ключевскаго, «первымъ достовѣрнымъ опытомъ дѣйствительнаго народнаго представительства».

Формальное избраніе послѣ Смуты.

Обычай избранія царя соборомъ, имѣвшій въ Смутное время столь важное и рѣшающее значеніе, не вывелся и послѣ Смуты, но, утративъ, благодаря основанію династіи, реальный смыслъ, обратился въ простую формальность. Такъ, послѣ кончины въ 1645 г. царя Михаила Ѳеодоровича не могло возникнуть никакихъ сомнѣній относительно престолонаслѣдія, тѣмъ болѣе, что въ 1613 г. народъ присягалъ не только царю Михаилу, но и его будущимъ дѣтямъ; тѣмъ не менѣе въ 1645 г. былъ созванъ, по утвержденію современника, земскій соборъ, который и избралъ на царство сына покойнаго государя, Алексѣя Михайловича. Далѣе, въ 1674 г. царь Алексѣй «торжественно объявилъ народу старшаго царевича, какъ наслѣдника престола, на Красной площади въ Москвѣ въ присутствіи высшаго духовенства, думныхъ людей и иностранныхъ резидентовъ, находившихся тогда въ Москвѣ, превративъ такимъ образомъ соборное избраніе въ простой символическій обрядъ» (Ключевскій). Наконецъ, въ 1682 г. при рѣшеніи вопроса о томъ, кому изъ двухъ царевичей-братьевъ скончавшагося Ѳеодора — Іоанну или Петру—«быть на царствѣ», опять потребовалось народное избраніе: сначала разночинновная толпа, а также бояре и духовныя лица рѣшили этотъ вопросъ въ пользу Петра; затѣмъ, по требованію бунтовщиковъ-стрѣльцовъ, совѣщаніе изъ вельможъ, духовенства и выборныхъ отъ московскаго населенія установило «двоецарствіе», провозгласивъ Іоанна и Петра царями-соправителями.

Конечно, упомянутыя собранія 1674 и 1682 г.г. не могутъ считаться земскими соборами въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ послѣдніе послѣ 1653 г. вообще не созывались, а еще раньше утратили «всенародный» характеръ. Но въ эпоху Смуты и въ первую половину царствованія Михаила Ѳеодоровича земскіе соборы играли выдающуюся роль (см. ниже). Однако, рѣшая вопросъ о замѣщеніи престола, издавая во время междуцарствія приговоры, опредѣляющіе государственный и общественный распорядокъ, помогая непрерывно въ теченіе десяти лѣтъ царю Михаилу Ѳеодоровичу въ дѣлѣ умиротворенія и устроенія государства, земскіе соборы не посягали на полноту государевой власти, не стремились къ ея ограниченію.

Существо власти.

Ограничительныя попытки исходили въ Смутное время изъ другой среды,—отъ бояръ. Такой опытъ, по мнѣнію многихъ изслѣдователей, былъ предпринятъ впервые при воцареніи Шуйскаго. Послѣдній «цѣловалъ крестъ» (т. е. присягалъ) всей землѣ на томъ, что не будетъ никого предавать смерти, «не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими», не станетъ преслѣдовать родню виновнаго и полагаться на непровѣренные доносы. Эти обѣщанія внесены были въ «крестоцѣловальную запись», которая затѣмъ была обнародована во всеобщее свѣдѣніе.

Однако, разборъ «записи», сдѣланный проф. Платоновымъ, доказываетъ, что она представляетъ собою не ограничительный «дого-

воръ царя съ боярами», а «торжественный манифестъ, скрѣпленный публичною присягою», который возвѣщалъ о возстановленіи стараго порядка управленія, поколебленнаго при Грозномъ и Борисѣ, когда нерѣдко преслѣдовались невинные люди на основаніи ложныхъ доносовъ. Итакъ, на ограниченіяхъ Шуйскаго нельзя настаивать. Зато едва ли подлежатъ спору тѣ ограниченія, которыми обставлено было избраніе Владислава, сперва со стороны тушинскаго боярства (заключившаго договоръ съ Сигизмундомъ III—4 февраля 1610 г.), затѣмъ со стороны «семибоярщины» (по договору съ Жолкѣвскимъ 17 августа того же года): проекты какъ той, такъ и другой группы бояръ, различаясь въ частностяхъ, касавшихся общественнаго строя, одинаково ограничивали власть Владислава боярскою думою и совѣтомъ «всея земли» (по опредѣленію проф. Чичерина, договоромъ 17 Августа, судъ и установленіе новыхъ податей предоставлялись боярской думѣ, а законодательство земскому собору) и ставили избираемому царю извѣстныя условія. Но и эти ограниченія и условія диктовались не стремленіемъ къ новому политическому строю, а горячимъ желаніемъ обезпечить неприкосновенность православія и національнаго уклада жизни отъ возможныхъ посягательствъ со стороны монарха изъ иноземцевъ. Къ тому же нельзя сказать, какъ были бы осуществлены на практикѣ боярскіе проекты: вѣдь Владиславъ не воцарился на Руси, и договоръ съ Жолкѣвскимъ остался мертвой буквой.

Послѣдняя попытка бояръ ограничить власть государя пріурочивается нѣкоторыми учеными ко времени избранія на царство Михаила Ѳеодоровича. Однако и такое мнѣніе совершенно поколеблено изслѣдованіемъ проф. Платонова, подробно выяснившимъ обстановку этого избранія и доказавшимъ недостовѣрность извѣстій объ ограниченіи власти царя Михаила Ѳеодоровича [1]). Поэтому можно не сомнѣваться,

---

[1]) Извѣстій этихъ нѣсколько. Первое принадлежитъ неизвѣстному современнику—простолюдину-псковичу, написавшему сказаніе «о бѣдѣхъ и скорбѣхъ и напастѣхъ». Сказаніе это, явно тенденціозное, дышащее слѣпою, безразсудною ненавистью къ боярамъ, утверждаетъ, будто бояре взяли съ царя клятвенное обѣщаніе ни за какое преступленіе не казнить ихъ смертью. Второе извѣстіе содержится въ сочиненіи Григорія Котошихина, который пишетъ, что послѣ смерти Іоанна Грознаго всѣ цари были выборными и всѣ давали ограничительныя записи, и что Михаилъ, хотя и титуловался самодержцемъ, однако «безъ боярскаго совѣта ничего не могъ дѣлать». Неопредѣленность выраженій Котошихина (который не видитъ, напр., никакихъ различій между крестоцѣловальною записью Шуйскаго и условіями избранія Владислава) парализуетъ достовѣрность его свидѣтельства. Наконецъ, объ ограниченіяхъ власти Михаила сообщаетъ нѣсколько писателей XVIII вѣка (особенно подробно перечисляетъ ихъ шведъ Страленбергъ, жившій при Петрѣ Великомъ). Однако и къ этимъ сообщеніямъ нужно относиться очень осторожно: въ XVIII вѣкѣ, какъ увидимъ ниже, часть русскаго общества стремилась къ ограниченію самодержавной власти извѣстными условіями, и какъ разъ эти-то самыя условія, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, и составляютъ сущность ограниченій Михаила; возможно поэтому, что эти писатели (Страленбергъ и др.) просто перенесли въ прошлое, т. е. XVII в., то, что составляло предметъ пожеланій нѣко-

ч то родоначальникъ новой династіи считался столь же самодержавнымъ, какъ и представители прежней, хотя въ началѣ царствованія онъ правилъ при содѣйствіи земскаго собора, а въ послѣдующее время—подъ руководствомъ своего отца, патріарха Филарета. Въ земскомъ соборѣ царь нашелъ не ограниченіе своей власти, а самую твердую опору ея.

Болѣе сложными представляются съ перваго взгляда отношенія Михаила Ѳеодоровича къ Филарету Никитичу. Время патріаршества послѣдняго (1619—1633 г.г.) называется въ исторической наукѣ «двоевластіемъ», т. е. правленіемъ двухъ лицъ: царя и патріарха. Значеніе Филарета было офиціально признано и оформлено: онъ такъ же, какъ и Михаилъ, пользовался титуломъ «великаго государя» и этимъ ставился наравнѣ съ царемъ (по словамъ Михаила Ѳеодоровича, «каковъ онъ государь, таковъ и отецъ его государевъ — великій государь, святѣйшій патріархъ, и ихъ государское величество нераздѣльно»). Такой государственный порядокъ обусловливался родствомъ патріарха съ царемъ, естественнымъ вліяніемъ властнаго отца на покорнаго сына. Однако ни фактическое значеніе Филарета, который руководилъ своимъ сыномъ, ни носимый патріархомъ титулъ «великаго государя» не позволяютъ еще дѣлать вывода о формальномъ *юридическомъ* ограниченіи власти царя Михаила Ѳеодоровича [1]). Въ глазахъ современниковъ царь-сынъ и патріархъ-отецъ, дѣйствовавшіе въ тѣсномъ единеніи между собою, были не двумя формально ограничивающими другъ друга властями, а именно «нераздѣльнымъ царскимъ величествомъ».

Итакъ, основой двоевластія являлись именно *родственныя* отношенія между царемъ и патріархомъ. Попытка воскресить впослѣдствіи «двоевластіе», но на другой основѣ и съ иными цѣлями, вскорѣ

торой части русскаго общества XVIII вѣка. Итакъ, извѣстія объ ограниченіяхъ Михаила Ѳеодоровича возбуждаютъ сомнѣнія или вслѣдствіе своей общности, или вслѣдствіе тенденціозности. Обстановка воцаренія его говоритъ прямо противъ нихъ: при избраніи его бояре не играли почти никакой роли (во время соборныхъ преній они были устранены отъ дѣлъ и даже высланы изъ Москвы), и едва ли могли возбудить вопросъ объ ограниченіяхъ въ свою пользу. Равнымъ образомъ нѣтъ основаній думать, что и земскій соборъ формально ограничилъ власть царя: послѣдній въ своихъ сношеніяхъ съ соборомъ и думой сразу принялъ очень властный тонъ, исключающій возможность какихъ-либо ограниченій. Однако можно всетаки предположительно указать почву, создавшую слухи о нихъ. Такою почвою является та важная, небывалая прежде, роль, которую играли при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ земскіе соборы. Зная объ этой роли и не умѣя правильно разобраться во взаимныхъ отношеніяхъ царя и соборовъ, люди XVIII вѣка могли придти къ выводу, будто Михаилъ Ѳеодоровичъ не пользовался полнотою власти своихъ предшественниковъ, но такой выводъ по существу неправиленъ.

[1]) Въ русской исторіи имѣется еще одинъ случай поставленія во главѣ государства двухъ *юридически-равныхъ* лицъ, при чемъ принципъ самодержавія считался не нарушеннымъ. Это—двоевластіе Петра и Іоанна Алексѣевичей, установленное въ 1682 г.

потерпѣла полное крушеніе. Она сдѣлана была патріархомъ Никономъ. Подобно Филарету, онъ титуловался «великимъ государемъ» и занималъ исключительное положеніе руководителя царя. Такое значеніе Никона зависѣло *фактически* лишь отъ *дружбы и милости* Алексѣя Михайловича. Однако самъ Никонъ думалъ иначе: свое возвышеніе и вліяніе онъ считалъ неотъемлемой принадлежностью *званія* патріарха; дарованныя ему, какъ царскому любимцу, преимущества онъ хотѣлъ превратить въ *законныя* патріаршія права. Въ предисловіи къ Служебнику 1655 года онъ объявлялъ, что «Богъ избралъ въ начальство людямъ своимъ сію премудрую двоицу: великаго государя царя Алексѣя Михаиловича и великаго государя святѣйшаго Никона патріарха», и указывалъ далѣе, что «подъ единымъ ихъ государскимъ повелѣніемъ находится православный народъ». Ставъ рядомъ съ царемъ, Никонъ стремился какъ бы заслонить его собою. Въ основѣ всѣхъ этихъ стремленій лежали теократическіе взгляды Никона, крѣпко усвоенная имъ идея о главенствѣ духовной власти надъ свѣтской. Двоевластіе, построенное на такомъ непривычномъ для Руси фундаментѣ и имѣвшее цѣлью ограниченіе самодержавія, могло держаться, пока Никонъ былъ всемогущимъ царскимъ любимцемъ. Когда же охлажденіе царя поставило передъ нимъ необходимость спуститься съ пьедестала «великаго государя» на обычное мѣсто московскаго патріарха, а онъ, чтобы избѣжать этого, вовсе отказался отъ патріаршества, то двоевластіе тотчасъ же рухнуло до самаго основанія (см. ниже).

Изъ изложеннаго видно, что, несмотря на событія Смутнаго и послѣ-Смутнаго времени, самодержавіе, установившееся въ XVI вѣкѣ, не поколебалось: земскіе соборы не посягали на него, а ограничительныя попытки боярства и Никона окончились полной неудачей.

§ 53. Теорія царской власти въ XVII в.

Преемственная связь государей XVII в. съ прежней династіей.

Не подверглась существеннымъ измѣненіямъ въ теченіе XVII в. и прежняя *теорія* царской власти. Это объясняется тѣмъ, что *фактически*—избираемые государи *идейно* связывались родственными узами и преемственной традиціей съ угасшей наслѣдственной московской династіей. На такую точку зрѣнія встали уже при избраніи Бориса Годунова. Въ официальномъ освѣщеніи оно объясняется прежде всего *родствомъ* Бориса съ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ, родственной любовью къ нему Іоанна IV и лишь затѣмъ заслугами его передъ родиной. И дѣйствительно, Борисъ держалъ себя какъ *прирожденный* царь Божіею милостью. Отстаивая передъ польскимъ правительствомъ его право на царскій титулъ, московскіе послы утверждали, что «та превысочайшая царская степень величества государю нашему царю и великому князю Борису Ѳеодоровичу дана *отъ Бога отъ прародителей* великихъ государей нашихъ царей ро-

сейскихъ, поченъ отъ великаго государя царя и великаго князя Владимера Мономаха»[1]). Очень настойчиво ссылался на свои *наслѣдственныя* права и царь Василій Ивановичъ Шуйскій (родъ котораго дѣйствительно происходилъ отъ Александра Невскаго), возвѣщавшій, что онъ «учинился на *отчинѣ своихъ прародителей*, на Россійскомъ государствѣ царемъ и великимъ княземъ» по праву рожденія, *какъ потомокъ Рюрика*, «*иже бѣ отъ Римскаго кесаря*», и по «моленью» всѣхъ людей Московскаго государства.

Патріотическія теоріи и родство съ династіей Калиты не были, конечно, забыты и первыми царями изъ дома Романовыхъ. Пространная офиціальная «грамота утвержденная о избраніи на Россійскій престолъ Царемъ и Самодержцемъ Михаила Ѳеодоровича Романова-Юрьева», исходя изъ положенія, что «корень великихъ Государей, Царей Россійскихъ изыде отъ превысочайшаго Цесарскаго престола и прекраснопвѣтущаго и пресвѣтлаго корени Августа Кесаря, обладающаго всею вселенною», неоднократно повторяетъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ — «отъ благородново корени благоцветущая *отрасль*, благочестиваго и праведнаго великаго Государя, Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича *племянникъ*». Наряду съ этимъ Грамота много разъ подчеркиваетъ единодушіе, проявленное въ дѣлѣ царскаго избранія не только участниками земскаго собора, но и всѣми городами Россійскаго Царствія; такой «единомышленный совѣтъ всѣхъ отъ мала до велика и сущихъ младенецъ» она объясняетъ «благодатью, данною отъ Святого Духа». Значитъ, въ офиціальномъ памятникѣ избраніе Михаила Ѳеодоровича обусловливается двояко: и его родствомъ съ прежней династіей и голосомъ народа — голосомъ Бога. Далѣе, добиваясь отъ польскаго правительства признанія своего царскаго титула, Михаилъ Ѳеодоровичъ, какъ и его предшественники, ссылался на своихъ «*предковъ-царей*» и на божественное происхожденіе своей власти. Такія же ссылки, съ упоминаніемъ притомъ объ Августѣ Цезарѣ и «прародителѣ»—царѣ Владимірѣ Мономахѣ, дѣлалъ и Алексѣй Михайловичъ. Какъ видно, новая династія, считая себя наслѣдственною преемницею прежней, усвоила ту націоналистическую идеологію, которою пользовались еще Рюриковичи въ XVI вѣкѣ[2]). Она усвоила и полноту ихъ власти.

---

[1]) Особое положеніе въ борьбѣ за титулъ занималъ Лжедимитрій I; онъ титуловалъ себя «свѣтлѣйшимъ и непобѣдимѣйшимъ монархомъ, Божіею милостью Императоромъ и Великимъ княземъ всея Руси» и въ доказательство правъ на такое наименованіе приводилъ свое необыкновенное могущество: «намъ нѣтъ равнаго, — писалъ онъ, — въ краяхъ полночныхъ; никто нами не управляетъ, кромѣ Бога и насъ самихъ».

[2]) Многочисленныя патріотическія легенды, создавшіяся въ XVII вѣкѣ, не получили, повидимому, офиціальнаго признанія, несмотря на свое очень широкое распространеніе въ письменности того времени. Эти легенды, возникшія преимущественно подъ вліяніемъ польскихъ хроникъ, отличаются крайней фантастичностью. Московскіе грамотеи XVII вѣка, стремясь довести русскую исторію до праотца Ноя,

Однако событія XVII вѣка не могли не отразиться на характерѣ послѣдней: послѣ Смуты національный признакъ царской власти получаетъ окончательный перевѣсъ надъ удѣльнымъ, вотчиннымъ; она становится болѣе возвышенной, болѣе, чѣмъ прежде, преисполненной сознанія возложенныхъ на нее задачъ. Такое различіе ярко обнаруживается, если сравнить вышеприведенную политическую теорію Грознаго (стр. 128), видѣвшаго въ самодержавной власти лишь источникъ своихъ *правъ*, съ воззрѣніями Алексѣя Михайловича, выводившаго изъ нея и свои высокія *обязанности*, считавшаго своимъ царственнымъ долгомъ «безпомощнымъ помогать, разсуждать людей вправду». Грозный царь, и какъ политическій дѣятель, и какъ теоретикъ абсолютизма, трудился преимущественно надъ *расширеніемъ* своей власти; «тишайшій» царь, философъ-моралистъ по складу ума, заботился объ *углубленіи* ея идейнаго содержанія.

Выводы.

Все изложенное въ настоящей главѣ можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) Удѣльная эпоха оставила въ наслѣдіе Московскому періоду сильную великокняжескую власть *вотчиннаго* характера;

2) удачная внѣшняя политика московскихъ государей, приведшая къ объединенію Великороссіи и къ освобожденію ея отъ татарскаго владычества, придала этой власти *національный* характеръ;

3) господствующая партія духовенства—«іосифлянская»—позаботилась о *теоретическомъ* обоснованіи самодержавія и сообщеніи ему *церковнаго* характера;

4) націоналистическая идеологія конца XV и первой половины XVI в.в. окружила власть московскихъ государей пышнымъ *блестящимъ ореоломъ* и связала ее преемственной традиціей со вторымъ и даже первымъ Римомъ;

5) Іоаннъ IV осуществлялъ на практикѣ и утверждалъ въ теоріи *демократическій абсолютизмъ*; кромѣ того, онъ, офиціально принявъ царскій титулъ, вступилъ въ дипломатическую борьбу за него съ иноземными государями и въ доказательство своихъ правъ на него выработалъ цѣлый рядъ доводовъ, большинствомъ которыхъ пользовались и его преемники;

изобрѣли близкихъ потомковъ его—Словена и Русса, которые будто бы основали Новгородъ и Руссу и сдѣлались родоначальниками славяно-русскаго племени. Но патріотическое чувство не позволяло оставить и Москву безъ древняго основателя, и вотъ придуманъ былъ для этой цѣли Мосохъ, шестой сынъ Іафета, внукъ Ноя. Создана была цѣлая древняя русская исторія, полная самыхъ фантастическихъ разсказовъ. По словамъ нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, русскіе славяне побѣдоносно обошли весь свѣтъ, нападали на Римъ, Царьградъ, Іерусалимъ, досадили всей вселенной. Наконецъ, внемля жалобамъ всего міра, «царь царей» Александръ Македонскій прислалъ будто бы имъ жалованную грамоту съ просьбой прекратить кровопролитіе. Августъ Кесарь также робѣлъ будто бы передъ славянами и не рѣшался сражаться съ ними. Такимъ образомъ «третій Римъ» Москва — превозносится даже надъ первымъ.

6) бури Смутнаго времени выплеснули на поверхность идею царя—*избранника* народнаго; однако въ представленіяхъ современниковъ эта новая идея сочеталась съ привычной прежней идеей «*природнаго*» царя, избраніе земскимъ соборомъ связалось съ преемствомъ по родству;

7) новая династія унаслѣдовала отъ прежней какъ идеологію царской власти, такъ и ея неограниченную полноту, но только эта власть сдѣлалась вполнѣ національной, отчетливѣе, чѣмъ въ до-Смутное время, уяснявшей себѣ свое призваніе и свой долгъ.

Такимъ путемъ слагалось въ теченіе Московскаго періода содержаніе понятія «Великій Государь, Царь и Великій Князь, всея Руси Самодержецъ». Но это наименованіе не было полнымъ титуломъ. Послѣдній съ теченіемъ времени дѣлался все пространнѣе. Полный титулъ Алексѣя Михайловича читался такъ: «Великій Государь, Царь и Великій Князь, Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя Россіи Самодержецъ, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковской и Великій князь Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій князь Новгорода, Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, и всея Сѣверныя страны Повелитель, и Государь Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкесскихъ и Горскихъ князей и иныхъ многихъ Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ владѣній и земель Отчичъ и Дѣдичъ и Наслѣдникъ, Государь и Обладатель».

Какъ видно, этотъ полный титулъ выяснялъ не столько существо царской власти, сколько ея *историческое происхожденіе*, подводилъ итоги объединительной дѣятельности московскихъ государей,—расширенію русской территоріи.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Территоріальный ростъ Московскаго государства.

§ 54. Завершеніе объединенія Великороссіи.

Въ исторіи территоріальнаго роста Московской Руси можно отмѣтить два процесса. Первый заключался въ завершеніи собирательной работы московскихъ князей Удѣльнаго періода. Чтобы закончить ее, нужно было присоединить къ Москвѣ Новгородъ и Псковъ (обособившійся отъ Новгорода въ 1347 г.) съ ихъ владѣніями, а также послѣдніе уцѣлѣвшіе удѣлы. Совершено это было въ княженія Іоанна III, Василія III и въ малолѣтство Іоанна IV. За этотъ промежутокъ времени всѣ области восточныхъ и сѣверныхъ великоруссовъ оконча-

тельно объединились, создавъ, такимъ образомъ, національное государство. Съ Іоанна III ведетъ начало и второй процессъ—расширеніе Московской Руси путемъ завоеваній и колонизаціи за счетъ иноземныхъ сосѣдей. Къ разсмотрѣнію указанныхъ процессовъ мы и обратимся, начавъ съ обзора объединительной политики Іоанна III, важнѣйшимъ дѣломъ которой было присоединеніе Новгорода.

Присоединеніе Новгородской земли и Пскова.

Богатая и обширная, охватившая весь сѣверъ Восточно-Европейской равнины, Новгородская область уже давно страдала отъ терзавшихъ ее центробѣжныхъ силъ. Послѣднія не сдерживались ничьей твердой властью. Уже въ Кіевскій періодъ, какъ отмѣчалось выше (стр. 30), вѣче въ Новгородѣ получило полное преобладаніе надъ княземъ. Въ удѣльные вѣка новгородцы въ идеѣ признавали верховенство великихъ князей, сперва владимірскихъ, затѣмъ московскихъ, на дѣлѣ же приглашали то одного князя, то другого, а иногда и нѣсколькихъ заразъ, руководствуясь въ выборѣ ихъ преимущественно экономическими интересами, стремленіемъ завязать выгодныя торговыя сношенія съ той землей, откуда призванъ князь. Вслѣдствіе несходства этихъ интересовъ различныя партіи тянули врозь. Не меньшій разбродъ замѣчался внѣ предѣловъ самого Новгорода, въ его области: пригороды, руководившіе жизнью ближайшихъ къ нему территорій (получившихъ впослѣдствіи названіе «пятинъ»), стремились къ самостоятельности, вели свою собственную политику, нѣкоторыя же колоніи (какъ, напр., Вятка или Двинская земля) были чуть не въ постоянной открытой враждѣ со своей метрополіей; встрѣчались и такіе города, которые находились въ совмѣстномъ владѣніи Новгорода и сосѣднихъ князей. Не сплоченная, ослабленная внутренними смутами и тяжелой борьбой со шведами и прибалтійскими нѣмцами, Новгородская область съ трудомъ отстаивала свою самостоятельность отъ двухъ сильныхъ государствъ—Московскаго и Литовскаго, уже съ XIV в. простиравшихъ свои виды на нее. Московскіе и Литовскіе князья дѣйствовали противъ Новгорода не только оружіемъ, но и дипломатическимъ путемъ, подбирая себѣ приверженцевъ изъ новгородскихъ жителей, создавая, такимъ образомъ, московскую и литовскую партіи. Въ концѣ княженія Василія II Новгородская область должна была подчиниться властному надзору Москвы, но послѣ смерти этого князя одолѣла литовская партія, состоявшая преимущественно изъ представителей знати: вѣче, хотя и не безъ бурныхъ пререканій, пришло къ рѣшенію признать главенство польско-литовскаго государя Казимира Ягайловича. Договоръ, заключенный новгородцами съ католикомъ Казимиромъ, истолкованъ былъ Іоанномъ III какъ измѣна православію. Такое толкованіе давало ему вѣскій поводъ оставить свой прежній выжидательный образъ дѣйствій и готовиться къ рѣшительному выступленію противъ Новгорода. Въ три пріема новгородская независимость была сокрушена: результатомъ перваго похода Іоанна III (въ 1471 г.) былъ отказъ новгородцевъ отъ договора съ

Казимиромъ и созданіе такихъ условій, при которыхъ «вольность» должна была умереть; второй походъ (1478 г.) завершился присоединеніемъ Новгородской области къ Московскимъ владѣніямъ, совершеннымъ уничтоженіемъ ея самостоятельности и вѣчевого строя; наконецъ, массовый «выводъ» изъ Новгорода исконнаго населенія, взамѣнъ котораго направлялись туда обитатели Подмосковной Руси, давно забывшіе вѣчевыя преданія, дѣлалъ невозможнымъ воскрешеніе прежнихъ порядковъ.

Такимъ путемъ Новгородская земля была крѣпко связана съ Московской. Для того, чтобы припаять къ послѣдней Псковскую область, не потребовалось даже вооруженнаго вмѣшательства. При Іоаннѣ III Псковъ цѣною полной и безропотной покорности и неизмѣннаго угожденія московскому правительству сохранялъ еще призрачную самостоятельность и вѣчевой укладъ. Но Василій III не захотѣлъ мириться и съ жалкими остатками псковской вольности: арестомъ вліятельныхъ псковичей и «выводомъ» части населенія онъ въ 1510 г. одержалъ легкую и безкровную окончательную побѣду надъ Псковомъ и присоединилъ его область къ своимъ владѣніямъ.

Уничтоженіе удѣловъ.

Значительная часть послѣднихъ удѣловъ присоединена была также безъ кровопролитія. И Іоаннъ III, и его сынъ предпочитали дѣйствовать противъ уцѣлѣвшихъ удѣльныхъ князей не оружіемъ, а хитростью, опутывали ихъ договорами, ставившими ихъ въ служебное положеніе, карали ихъ за непослушаніе, побуждали къ земельнымъ уступкамъ, къ духовнымъ завѣщаніямъ въ свою пользу. Такъ, Іоанну III уступлены были княжества Ярославское и Ростовское, завѣщаны Верейское и часть Рязанскаго. Остальная его часть, а также княжество Сѣверское, перешедшее при Іоаннѣ III подъ покровительство Москвы, присоединены были уже въ княженіе Василія III. Лишь немногіе изъ удѣльныхъ князей (напр., князь тверской) пытались оказывать Москвѣ сопротивленіе, но она неизмѣнно выходила побѣдительницей.

Ведя всю жизнь борьбу съ удѣльной системой и ясно сознавая весь вредъ ея, Іоаннъ III не рѣшился, однако, совсѣмъ отвергнуть ее въ своемъ завѣщаніи и потому надѣлилъ городами и землями какъ Василія, такъ и четырехъ младшихъ своихъ сыновей, принявъ, правда, всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать ихъ не только вполнѣ безопасными для старшаго, но и подчиненными ему. Въ княженіе Василія III эти мѣры были дѣйствительными, но когда онъ скончался, два его брата—Юрій и Андрей—попытались воскресить удѣльную старину, отказавшись отъ присяги своему малолѣтнему племяннику Іоанну IV и предлагая взамѣнъ ея заключеніе договора. Однако бояре московскіе арестовали обоихъ дядей государя и продержали ихъ въ заточеніи до самой смерти. Такъ кончилось послѣднее выступленіе удѣльныхъ князей. Правда, какъ мы знаемъ (стр. 120), удѣльныя преданія долго еще жили въ средѣ титулованной московской знати, но

удѣльная система, дробившая Русь на части, прекратила свое существованіе (г. Угличъ, назначенный въ удѣлъ младшему сыну Грознаго, Димитрію Іоанновичу, едва ли можно считать настоящимъ удѣломъ).

Первый процессъ созданія территоріи Московской Руси завершился. Въ тѣсной связи съ нимъ стоялъ и второй: образовавъ національное государство, московскіе государи, естественно, должны были принять на себя задачу—обезпечить ему безопасныя и естественныя границы. Для этого имъ необходимо было начать борьбу съ тѣми иноземными сосѣдями, отъ которыхъ въ Удѣльный періодъ раздробленныя части Руси оборонялись порознь,—съ прибалтійскими нѣмцами и шведами, съ Польско-Литовскимъ государствомъ и съ татарами. Такъ намѣтилась для Московской Руси *борьба на три фронта*.

§ 55. Оборона и расширеніе границъ.

Борьба на сѣверо-западномъ фронтѣ.

Войны Московскаго государства съ прибалтійскими нѣмцами и шведами являлись естественнымъ продолженіемъ той ожесточенной борьбы съ ними, которую съ давнихъ поръ вели жители Новгородской земли, отстаивая не только свою территорію, но и свою религіозную и національную самобытность. Вѣдь вслѣдъ за нѣмецкими купцами, поселившимися еще въ XII вѣкѣ при устьѣ Зап. Двины (во владѣніяхъ Полоцкаго княжества) для мѣновой торговли съ туземными финскими и литовскими племенами, сюда потянулись, уже не со столь скромными цѣлями, католическіе епископы. Ихъ влекло стремленіе насильственно окатоличить мѣстныхъ язычниковъ—ливовъ, эстовъ, летгалу, латышей и др.,—а затѣмъ добраться и до православнаго населенія Полоцкаго княжества и Новгородской области. Изъ такихъ «вооруженныхъ апостоловъ ливовъ, имѣвшихъ мечъ въ одной рукѣ, а распятіе въ другой» (слова проф. Форстена) особенно извѣстенъ Альбертъ фонъ-Буксгевденъ, основатель крѣпости Риги (въ 1201 г.) и учредитель духовно-рыцарскаго ордена меченосцевъ (Ливонскаго). Вскорѣ (въ 1228 г.) въ тылу у меченосцевъ, между Нѣманомъ и Вислой поселились рыцари Тевтонскаго ордена. Оба ордена въ 1237 г. вступили въ союзъ для достиженія общихъ цѣлей, т. е. окатоличенія и германизаціи окрестныхъ земель, а также наступленія на русскія владѣнія. Окатоличеніе и германизація достигались неимовѣрно жестокими, чисто кровавыми средствами: славянское, литовское и финское населеніе юго-восточнаго Балтійскаго побережья или насильственно обращалось въ католицизмъ, или подвергалось массовому истребленію; опустошенныя мѣста заселялись колонистами-нѣмцами, находившими надежный оплотъ себѣ въ твердыняхъ—замкахъ и въ городахъ-крѣпостяхъ (къ ихъ числу относятся, напр., Данцигъ, Торнъ, Кенигсбергъ, Эльбингъ, Маріенбургъ, Гольдингенъ, Виндава, Митава, Венденъ и т. д.). Полоцкіе князья сперва

не сумѣли, а потомъ не могли противодѣйствовать движенію рыцарей на востокъ, и борьба съ ихъ «крестовыми походами» пала всею тяжестью съ одной стороны на Литовское государство, которое, какъ мы знаемъ (стр. 87), и образовалось въ противовѣсъ нѣмецкимъ захватамъ, съ другой стороны—на Новгородскую землю. Главнымъ русскимъ оплотомъ противъ нѣмцевъ былъ Псковъ, вѣками упорно отбивавшійся отъ нихъ (вспомнимъ, напр., Ледовое побоище 1242 г. или подвиги Довмонта).

Жителямъ Новгородской области приходилось обращать свой фронтъ не только противъ нѣмецкихъ рыцарей, но и противъ шведовъ, подчинявшихъ себѣ Финляндію (на южную часть которой притязали новгородцы) и охваченныхъ, подобно меченосцамъ и тевтонамъ, «крестоноснымъ» пыломъ. Такъ, напр., въ 1240 г. шведскій ярлъ (первый сановникъ) Биргеръ выступилъ въ «крестовый походъ» на новгородцевъ, но былъ, какъ извѣстно, жестоко разбитъ княземъ Александромъ Ярославичемъ на рѣкѣ Невѣ; столь же неудачно было и другое крестоносное выступленіе, предпринятое королемъ Магнусомъ Ерихсономъ въ 1348 г. На постройку шведскихъ крѣпостей, напр., Выборга, новгородцы отвѣчали основаніемъ своихъ укрѣпленій, напр., Орѣшка; за шведскія вторженія въ Ладожское озеро или въ Заволочье мстили опустошеніемъ окрестностей Выборга и Або. Такъ, съ перемѣннымъ успѣхомъ продолжалась борьба въ теченіе всего XIV вѣка.

Къ началу Московскаго періода положеніе на сѣверо-западномъ фронтѣ значительно измѣнилось. Уже въ XIV вѣкѣ сперва въ Ливонскомъ, а затѣмъ и въ Тевтонскомъ орденѣ появились признаки внутренняго разложенія. Причины ихъ лежали: 1) въ соперничествѣ начальниковъ орденовъ (гохмейстера Тевтонскаго и поставленнаго имъ магистра Ливонскаго) съ представителями духовенства (особенно, съ рижскимъ архіепископомъ); 2) въ томъ недовольствѣ, которое возбуждала рыцарская олигархія въ средѣ дворянства, не входившаго въ составъ ордена, и въ средѣ городовъ, превратившихся изъ крѣпостей въ участниковъ богатаго Ганзейскаго союза. Къ тому же сталъ остывать крестоносный пылъ рыцарей, забывшихъ свои прежніе монашескіе обѣты. А между тѣмъ соединеніе Литвы съ Польшей создавало для орденовъ, въ особенности Тевтонскаго, страшную угрозу.

И дѣйствительно, Тевтонскій орденъ, вовлеченный сперва въ распри, происходившія въ Литовско-Русскомъ государствѣ при Ягайлѣ, потерпѣлъ затѣмъ отъ Витовта, Ягайла и ихъ русскихъ союзниковъ такое жестокое пораженіе (при Танненбергѣ въ 1410 г.), отъ котораго не могъ уже оправиться. Терзаемый, несмотря на произведенныя реформы, внутренними раздорами, онъ въ 1466 г. (по Торнскому миру) вынужденъ былъ признать свою вассальную зависимость отъ Польши и уступить ей часть своихъ земель, а въ 1525 г. оставшіяся за орденомъ владѣнія были секуляризованы Альбрехтомъ Бранденбург-

скимъ и превращены въ герцогство Пруссію (также въ ленной зависимости отъ Польши). Это герцогство, тяготѣвшее къ соединенію съ Бранденбургомъ, надолго должно было отказаться отъ своего стремленія на востокъ.

Итакъ, московскимъ государямъ пришлось столкнуться лишь съ Ливонскимъ орденомъ, не получавшимъ уже никакой поддержки отъ тевтоновъ. Неудивительно поэтому, что вмѣшательство магистра меченосцевъ Плеттенберга въ войну Іоанна III съ Литвой (въ 1501 г.) окончилось для Ливоніи неудачей. Когда же внутреннія смуты, уже давно ослаблявшія Ливонію, осложнились еще распространеніемъ въ ней реформаціи, орденъ пришелъ въ окончательный упадокъ. Этимъ и попытался воспользоваться Іоаннъ IV, чтобы прочно утвердиться на берегу Балтійскаго моря и уничтожить тотъ заслонъ отъ Западной Европы, какимъ онъ считалъ Ливонію. Сначала Іоаннъ принудилъ рыцарей къ заключенію тягостнаго для нихъ договора, а затѣмъ въ 1558 г. началъ съ ними войну (Ливонскую). Война сразу приняла безнадежный оборотъ для ордена и, чтобы не стать добычею православнаго Московскаго государства, онъ долженъ былъ отдаться по частямъ подъ власть другихъ своихъ сосѣдей: именно, Лифляндія была присоединена къ Литвѣ, Эстляндія—къ Швеціи, о. Эзель достался брату датскаго короля Магнуса, и лишь Курляндія, превращенная въ свѣтское герцогство, сохранена была за бывшимъ ливонскимъ магистромъ, да и то въ вассальной зависимости отъ Польши. Послѣ такого распада орденскихъ владѣній, нѣмецкіе рыцари, какъ таковые, выбыли изъ строя противниковъ Московской Руси. Зато послѣдней пришлось считаться съ усиленіемъ Польско-Литовскаго государства и Швеціи, упорная борьба съ которыми велась съ самого начала Московскаго періода.

Войны со Швеціей, несмотря на частичные успѣхи, не привели къ благопріятнымъ для Москвы результатамъ. Такъ, при Іоаннѣ III, заключившемъ союзъ съ датскимъ королемъ, русскія войска въ 1495—97 г.г. осаждали Выборгъ, добирались до Тавастгуса, одерживали надъ шведами побѣды, но земельныхъ пріобрѣтеній не сдѣлали. Первая война Іоанна IV въ 1554 г. также не дала ему ничего, кромѣ дипломатическаго торжества надъ Густавомъ Вазою и нѣкоторыхъ торговыхъ льготъ. Вторая война, явившаяся слѣдствіемъ Ливонской, окончилась въ 1583 г. очень невыгоднымъ для Московскаго государства миромъ, по которому оно уступало Швеціи юго-восточное побережье Финскаго залива, входившее нѣкогда въ составъ Новгородской Водьской пятины. Возвращенное въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича послѣ войны 1590—95 г.г., оно вновь было утрачено въ Смутное время, и Густавъ-Адольфъ, заключая въ 1617 г. Столбовскій миръ, торжествовалъ по поводу того, что онъ совсѣмъ отрѣзалъ Московское государство отъ моря. Послѣдняя изъ русско-шведскихъ войнъ возникла въ 1656 г. въ связи съ Малороссійскимъ вопросомъ и при-

вела къ безрезультатному Кардисскому миру въ 1661 г. Въ общемъ можно сказать, что въ теченіе XVII вѣка московскимъ государямъ приходилось держаться по отношенію къ Швеціи *оборонительной политики*. Наступленіе на нее и добываніе доступа къ Балтійскому морю стало задачей, завѣщанной Московскимъ періодомъ Императорскому.

Борьба на западномъ фронтѣ.

Одновременно съ войнами на сѣверо-западѣ шла ожесточенная борьба и на западномъ фронтѣ, являвшаяся также продолженіемъ давнишняго соперничества московскихъ и литовскихъ князей въ дѣлѣ собиранія Русской земли (стр. 89). Уже упоминалось, что государи Московскаго періода считали своей «вотчиной» русскія области, отошедшія къ Литвѣ, и начали по частямъ отвоевывать ихъ: такъ, Іоаннъ III распространилъ свою власть на Сѣверскую землю; Василій III послѣ долгой, дважды возобновлявшейся войны овладѣлъ Смоленскомъ. Въ началѣ правленія Іоанна IV русскія войска нѣсколько разъ успѣшно наступали на литовскія владѣнія, доходя чуть не до Вильны, но перемиріе, заключенное въ 1537 г. (и затѣмъ продолженное) дало Москвѣ незначительныя пріобрѣтенія — Себежъ и Заволочье. Ливонская война, какъ извѣстно, привела Грознаго къ вооруженному столкновенію не только со Швеціей, но и съ Литвою. Успѣхъ въ борьбѣ съ послѣднею долгое время былъ на сторонѣ Москвы и едва не привелъ къ избранію на польско-литовскій престолъ одного изъ сыновей Іоанна IV или его самого. Но послѣ воцаренія въ Рѣчи Посполитой Стефана Баторія военное счастье отвернулось отъ Москвы: Баторій перешелъ въ стремительное наступленіе, и въ 1582 Іоаннъ IV вынужденъ былъ заключить невыгодное перемиріе (у Запольскаго яма), отказавшись отъ прежнихъ своихъ завоеваній въ Литвѣ и Лифляндіи.

Въ Смутное время, послѣ взятія Сигизмундомъ III Смоленска и послѣ пораженія, которое нанесъ Жолкѣвскій кн. Дм. Шуйскому при Клушинѣ, Московскому государству грозила опасность стать добычей творца Брестской уніи — Сигизмунда III. Правда, благодаря геройству земскаго ополченія Пожарскаго, эта опасность была скоро устранена. Однако Смута оставила тяжелое наслѣдіе на западномъ фронтѣ — необходимость вновь добывать Смоленскъ и Сѣверскую область. Обѣ войны, которыя велись въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича (первая окончилась Деулинскимъ перемиріемъ 1618 г., а вторая — Поляновскимъ миромъ 1634 г.[1]), оказались безрезультатными въ этомъ отношеніи: Смоленская и Сѣверская области оставались за Польшей.

---

[1]) Поляновскій миръ закончилъ долгую и чрезвычайно страстную дипломатическую борьбу между польскимъ и московскимъ правительствами изъ-за царскаго титула московскихъ государей, котораго ни за что не хотѣли признавать поляки. Эта борьба нерѣдко очень мѣшала мирнымъ переговорамъ: русскіе дипломаты, потративъ не мало силъ, краснорѣчія и находчивости на убѣжденіе польскихъ пословъ и не добившись цѣли, заключали не миръ, а только перемиріе, такъ какъ лишь въ

Лишь въ царствованіе Алексѣя Михайловича Московскому государству удалось добиться не только возстановленія, но и расширенія своей западной границы. Поводомъ къ этому послужило возстаніе противъ Польши, поднятое Богданомъ Хмельницкимъ въ 1648 г. Къ сожалѣнію, московское правительство вмѣшалось въ малороссійскія дѣла съ нѣкоторымъ запозданіемъ, и лишь въ 1653 г. царь Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ принять «подъ свою высокую руку» Малороссію. Для удержанія за собою послѣдней ему пришлось вести двѣ войны съ Польшей. Первая война (1654—1656 г.г.) была въ высшей степени успѣшной: въ короткое время русскіе овладѣли такими важными центрами, какъ Вильна, Ковно, Гродно, и побѣдоносно прошли черезъ литовскія владѣнія, грозя самому существованію Рѣчи Посполитой. Однако, вслѣдствіе вмѣшательства Швеціи и дипломатическихъ ухищреній поляковъ, военныя дѣйствія были прерваны преждевременными мирными переговорами. Когда же вскорѣ война возобновилась, обстоятельства оказались далеко не столь благопріятными для русскихъ, какъ прежде: приходилось, во-первыхъ, отвлекать силы для борьбы со Шведами (стр. 141), во-вторыхъ, считаться съ невообразимыми смутами и раздорами партій, поднявшимися на Украйнѣ. Изъ-за этого, а также вслѣдствіе крайняго утомленія, вызваннаго долголѣтней, тягостной войной, Московскому государству пришлось удовольствоваться пріобрѣтеніемъ (по Андрусовскому перемирію 1667 г.) Сѣверской области, Смоленска, Лѣвобережной Украйны (собственно Малороссіи) и Кіева, который былъ уступленъ лишь на два года. Однако Московское правительство удержало за собою Кіевъ навсегда, и впослѣдствіи добилось формальнаго согласія Польши на окончательную уступку этого города. Такое согласіе достигнуто было въ 1686 г., когда между двумя столь долго соперничавшими государствами былъ заключенъ «вѣчный миръ». Но «дѣйствительно-вѣчнымъ» онъ, конечно, быть не могъ,

---

перемирной грамотѣ допускалось титулованіе московскаго государя не царемъ, а великимъ княземъ, какъ называли его поляки. При этомъ московскіе дипломаты неоднократно подчеркивали, что отвѣтственность въ заключеніи перемирія вмѣсто мира падаетъ на польскаго короля, что, «не описуя сполна царскаго именованья» (и тѣмъ дѣлая невозможнымъ миръ), онъ способствуетъ «разлитію крови христіанской» и торжеству магометанъ. Но польскіе дипломаты не внимали подобнымъ доводамъ и, если давали надежду на признаніе царскаго титула, то лишь подъ условіемъ крупныхъ земельныхъ уступокъ со стороны Москвы. Такъ, напр., посламъ царя Ѳеодора Іоанновича было заявлено, что его титулъ будетъ признанъ, если онъ уступитъ королю «Новгородъ Великій, Псковъ, Смоленскъ, Луки Великіе, Сѣверскую землю и иные города». Конечно, подобное предложеніе вызвало негодованіе со стороны московскихъ пословъ. Но при послѣдующихъ переговорахъ они вновь надѣялись побороть польское упорство представленіемъ доказательствъ въ пользу правъ московскаго государя на царскій титулъ (стр. 127). Такая дипломатическая борьба длилась почти сто лѣтъ, и лишь при заключеніи поляновскаго мира Владиславъ, отказавшись отъ притязаній на Московское государство, *царемъ* котораго онъ считалъ себя, тѣмъ самымъ призналъ царскій титулъ за Михаиломъ Ѳеодоровичемъ.

такъ какъ Московское государство не отказывалось отъ своихъ исконныхъ притязаній на тѣ русскія области, которыя находились еще подъ властью Рѣчи Посполитой. *Добываніе этихъ областей осталось также задачей для Императорскаго періода русской исторіи.* «Вѣчный» же миръ, заключенный на рубежѣ Московскаго и Императорскаго періодовъ, слѣдуетъ считать по существу лишь долговременнымъ перемиріемъ, необходимымъ Московскому государству и Польшѣ для совмѣстной борьбы съ новымъ соперникомъ въ малороссійскихъ дѣлахъ, каковымъ въ 1672 г. сдѣлались турки. Вмѣшательство турокъ въ малороссійскій вопросъ осложнило русскую политику на восточномъ и южномъ фронтѣ, которая *дотолѣ* ограничивалась борьбою съ татарами.

Борьба на юго-восточномъ и южномъ фронтѣ.

Наступленіе на татаръ, начавшееся, какъ извѣстно, въ княженіе Димитрія Іоанновича и приведшее къ знаменитой Куликовской битвѣ, смѣнилось затѣмъ на нѣкоторое время обороной (набѣгъ на Москву Тохтамыша въ 1382 г., разореніе Рязанской земли Тамерланомъ въ 1395 г., нападеніе Эдигея въ 1408 г., двукратное нашествіе казанскаго хана Улу-Махмета въ 1439 и 1445 г.г. и т. д.) и возобновилось въ Московскій періодъ. Золотая Орда къ этому времени была далеко не такой страшной и сильной, какъ прежде: уже со второй половины XIV вѣка она стала разлагаться вслѣдствіе жестокихъ внутреннихъ смутъ и междоусобной борьбы часто смѣнявшихся хановъ; между татарскими владѣніями утрачивалась связь: такъ, въ 30-хъ годахъ XV вѣка изгнанникъ изъ Золотой Орды, Улу-Махметъ, утвердился въ подвластной татарамъ Булгарской землѣ (на Волгѣ) и преобразовалъ ее въ самостоятельное Казанское царство; около этого же времени Гиреи, правившіе въ Крыму, обособились отъ Орды и признали затѣмъ (въ 1478 г.) свою вассальную зависимость отъ Турціи. Такое положеніе дѣлъ открывало широкій просторъ для дипломатическаго искусства московскихъ государей: имъ представлялась возможность, пользуясь враждою татарскихъ хановъ, дѣйствовать противъ однихъ съ помощью другихъ.

На такой путь не преминулъ встать уже Іоаннъ III. «Сверженію татарскаго ига», совершившемуся безъ всякаго кровопролитія въ 1480 г., не мало способствовалъ именно союзъ Іоанна III съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ. Подъ натискомъ послѣдняго Золотая Орда и вовсе распалась въ началѣ XVI в. Въ дѣлахъ, касавшихся Казани, московскимъ государямъ очень помогали происходившія тамъ смуты, соперничество различныхъ претендентовъ на казанскій престолъ. Сами казанцы обращались иногда въ Москву съ просьбой прислать имъ царя или утвердить ихъ выборъ; цари — ставленники московскихъ государей—давали послѣднимъ обѣщаніе поступать по ихъ «государевой волѣ», предоставляли на ихъ рѣшеніе важнѣйшія свои дѣла. Такимъ образомъ уже со времени Іоанна III Казань находилась подъ сильнымъ вліяніемъ Москвы. Но это вліяніе, перехо-

дившее порою въ верховенство, было, однако, непрочнымъ и чередовалось съ торжествомъ національной казанской партіи или подрывалось происками крымскихъ хановъ, измѣнившихъ своей недолгой дружбѣ съ Москвою. Поэтому сплошь и рядомъ московскимъ государямъ приходилось дѣйствовать противъ вѣроломныхъ казанцевъ не дипломатіей, а оружіемъ, для успѣха котораго была необходима колонизація и застройка крѣпостями прилегающей къ ханству области. Рядъ походовъ завершился славнымъ завоеваніемъ Казани въ 1552 г. Вскорѣ послѣ этого было присоединено къ московскимъ владѣніямъ и Астраханское царство, основавшееся на развалинахъ Золотой Орды. Покореніе Казанскаго и Астраханскаго царствъ открывало для московской колонизаціи все огромное Поволжье къ югу отъ Нижняго и указывало ей путь въ Пріуральскій край и далѣе въ Сибирь. Дѣйствительно, въ 1582 г. было покорено Сибирское ханство (выдѣлившееся при распаденіи Золотой Орды и занимавшее часть нынѣшней Тобольской губерніи), а затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ шестидесяти лѣтъ русскіе предѣлы, путемъ завоеваній и колонизаціи, раздвинулись на необъятное пространство до береговъ Тихаго океана. Между тѣмъ до взятія Казани русскіе знали за Ураломъ лишь Югру (небольшой сѣверо-западный уголъ нынѣшней Сибири), которая находилась сперва въ призрачной зависимости отъ Новгорода, а затѣмъ въ столь же слабой зависимости отъ Москвы, несмотря на то, что Іоаннъ III предпринималъ для покоренія ея четыре похода (въ 1465, 1483, 1499 и 1500 г.г.).

Изъ изложеннаго видно, что поступательное движеніе русскихъ въ восточномъ направленіи развивалось очень успѣшно съ тѣхъ поръ, какъ пала Казань. Несравненно труднѣе было бороться съ Крымомъ, сильнымъ поддержкой турецкаго султана и защищеннымъ почти недоступными, по условіямъ того времени, степями.

Крымскіе татары были едва ли не болѣе страшнымъ бичомъ для Московскаго государства, чѣмъ половцы для Кіевскаго. Хищная политика хана, который нагло требовалъ «поминковъ», т. е. даровъ, и безсовѣстнымъ образомъ грабилъ московскихъ пословъ и издѣвался надъ ними; частые набѣги, превращавшіе въ развалины и пепелъ русскіе города (въ 1571 г. сожжена была даже Москва); массовый уводъ плѣнныхъ, которые заполняли затѣмъ чуть не всѣ рынки невольниковъ на Азіатскомъ Востокѣ; полная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, царившая во всѣхъ русскихъ поселеніяхъ къ югу отъ Оки,—все это дѣлало борьбу съ Крымомъ необходимой. Первымъ изъ московскихъ государей, рѣшившихъ дѣйствовать противъ него *наступательно*, былъ Іоаннъ IV, снаряжавшій экспедиціи въ степь, одна изъ которыхъ (въ 1559 г.) пробралась даже въ самый Крымъ. Однако замѣтнаго успѣха наступательныя дѣйствія не имѣли.

Въ XVII вѣкѣ набѣги крымцевъ повторялись рѣже какъ потому, что московская граница была лучше защищена, такъ и потому, что крымцы

были отвлечены отъ нея своимъ участіемъ въ войнахъ Турціи противъ западно-европейскихъ государствъ. Въ 1672 г. послѣдняя, какъ сказано, вмѣшалась и въ малороссійскій вопросъ. Вмѣшательство ея было вызвано одной изъ малороссійскихъ партій, во главѣ которой стоялъ правобережный гетманъ Дорошенко. Не мирясь съ разрывомъ Украйны на двѣ части, какъ это сдѣлано было по Андрусовскому перемирію, онъ обратился къ Турціи въ надеждѣ объединить подъ верховенствомъ султана свою родину, создать изъ нея нѣчто подобное турецкимъ вассальнымъ княжествамъ—Молдавіи или Валахіи. Однако призывъ турокъ обошелся очень дорого: предпринятое въ 1672 г. грозное нашествіе султана Магомета IV не только опустошило Польшу, но и навело такой ужасъ на правобережную Украйну, что она превратилась въ «руину», такъ какъ ея населеніе чуть не поголовно бѣжало на лѣвый берегъ Днѣпра. Эта «руина» отошла подъ протекторатъ турокъ. Но такъ какъ на нее изъявляло притязанія и Московское государство, то русскія войска двинуты были сперва противъ Дорошенка, а затѣмъ произошло открытое столкновеніе съ турками во время Чигиринскихъ походовъ въ 1677 и 1678 г.г.[1]). Несмотря на частичные успѣхи русскихъ, война не дала земельныхъ пріобрѣтеній, и по Бахчисарайскому миру 1681 г. Московскому государству пришлось удовольствоваться Лѣвобережной Украйной и Кіевомъ. Однако миръ оказался непрочнымъ, и въ правленіе царевны Софіи московская дипломатія, правда, не безъ большихъ колебаній, рѣшилась примкнуть къ «Священному союзу» противъ Турціи, въ составъ котораго вошли Австрія, Венеція и Польша. Съ послѣдней заключенъ былъ, какъ упоминалось, «вѣчный миръ», и московскія войска, подъ начальствомъ князя В. В. Голицына, дважды—въ 1687 и 1689 г.г.—посылались на Крымъ. Но эти тяжелые, изнурительные походы не привели ни къ какимъ существеннымъ результатамъ.

[1]) Дипломатическія недоразумѣнія между русскимъ и турецкимъ правительствами начались давно, приблизительно за двѣсти лѣтъ до Чигиринскихъ походовъ. Московскіе послы жаловались на притѣсненія, чинимыя русскимъ купцамъ въ Азовѣ, на набѣги Крымскаго хана; въ Турціи претендовали на дѣйствія Москвы противъ татаръ, не хотѣли примириться съ завоеваніемъ Казани и Астрахани, посылали вспомогательныя войска крымцамъ. Скоро нашелся еще одинъ вѣскій поводъ для дипломатическихъ препирательствъ. Это удалые набѣги донскихъ казаковъ на владѣнія Турціи. Послѣдняя считала донцовъ московскими подданными, возлагала отвѣтственность за ихъ проступки на московское правительство и требовала удовлетворенія. Взятіе Азова донскими казаками въ 1637 г. едва не вызвало серьезной войны, и она была предотвращена лишь тѣмъ, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приказалъ казакамъ очистить Азовъ и завѣрилъ султана въ своей дружбѣ. Вообще московское правительство избѣгало разрыва съ Турціей и не разъ дѣлало попытки заключить съ ней союзъ противъ Литвы и Крыма, а въ 1571 г. мечтало о союзѣ «на цесаря римскаго и польскаго короля и на чешскаго, и на французскаго, и на иныхъ королей, и на всѣхъ государей италійскихъ». Но турецкое правительство не отзывалось на подобныя предложенія, и въ Москвѣ въ концѣ концовъ должны были придти къ выводу, что слѣдуетъ искать союза не съ Турціей, а *противъ* нея.

Наступательныя дѣйствія на югъ и борьба съ Турціей оказались третьей задачей, доставшейся Императорскому періоду въ наслѣдіе отъ Московскаго.

Однако, несмотря на безплодность наступательной борьбы съ крымцами, Московское государство сумѣло продвинуть свою южную границу на огромное разстояніе впередъ: въ началѣ Московскаго періода «непрелазною стѣною», «берегомъ», т. е. надежною границею, Московской территоріи была Ока; къ югу отъ нея лежало «дикое поле», рѣдкіе обитатели котораго считались какъ бы зарубежнымъ населеніемъ; къ концу Московскаго періода подъ властью русскихъ государей находилось уже громадное пространство «дикаго поля» до Донца, укрѣпленное городами Заоцкими, Украинными, Рязанскими, Сѣверскими и Польскими (отъ слова «поле»). Такое расширеніе южныхъ предѣловъ Московскаго государства обусловливалось успѣшной колонизаціею.

§ 56. Колонизація Поволжья и Сибири, типы колонизаціи: народная и государственная.

Типы колонизаціи и ихъ связь.

Колонизація играла огромную роль въ русской исторіи. «Исторія Россіи, по словамъ проф. Ключевскаго, есть исторія страны, которая колонизуется». Мы уже знаемъ, что центръ Русскаго государства, обозначившійся въ Приднѣпровьѣ, перекинулся благодаря колонизаціи въ Верхне-Волжскій край, откуда затѣмъ русское населеніе стало распространяться по всей Восточной Европѣ и Сѣверной Азіи. Народъ либо двигался самъ стихійно, руководимый своими религіозными, хозяйственными или общественными интересами, либо направлялся въ своемъ движеніи государственною властью; чаще же всего обѣ колонизаціи—народная и государственная—шли рука-объ-руку, находя опору и побужденіе одна въ другой. Такъ, разселеніе восточныхъ славянъ въ Приднѣпровскомъ краѣ, отливъ ихъ въ Сѣверо-Восточную Русь, сгущеніе народныхъ потоковъ около Москвы,—все это являлось, конечно, народной стихійной колонизаціей. Однако послѣдняя совершалась не безъ участія княжеской власти: еще Владиміръ Св. и его ближайшіе преемники усматривали въ заселеніи степи лучшій оплотъ противъ кочевниковъ; не меньшую колонизаторскую дѣятельность проявляли удѣльные князья: большинство городовъ Ростово-Суздальскаго края построено, какъ извѣстно, князьями, а эти города и являлись тѣми путеводными вѣхами, которыя направляли народную колонизацію, и около лучше всего поставленной вѣхи—Москвы—и скопилось больше всего населенія. Князья брали подъ свое покровительство и другой видъ народной колонизаціи — колонизацію монастырскую: благодаря ихъ вкладамъ, податнымъ и земельнымъ льготамъ пустынная обитель могла обращаться въ такой культурный, промышленный и даже военный центръ, какимъ сталъ, напримѣръ, Соловецкій монастырь.

Третьимъ видомъ народной колонизаціи считается торгово-промышленная. На зарѣ русской исторіи она была особенно развита у новгородцевъ (стр. 45). Въ погонѣ за нетронутыми естественными богатствами, новгородскіе промышленники и купцы колонизовали (впрочемъ, довольно поверхностно, «начерно») всю сѣверную Россію: сперва они пробрались въ Заволочье (т. е. за волокъ, отдѣляющій рѣки Сѣвернаго океана отъ рѣкъ Волжскаго и Озернаго бассейновъ), затѣмъ проникли въ область Сѣверной Двины—Поморье, наконецъ, двигаясь на востокъ черезъ земли перми (нынѣшнихъ пермяковъ) и печоры (нынѣшнихъ зырянъ), перевалили Уралъ и вступили въ XIII в. въ сѣверо-западный уголъ Сибири, въ такъ называемую волость Югру, проторивъ, такимъ образомъ, путь для послѣдующей, болѣе прочной московской колонизаціи. Вслѣдъ за промышленниками и купцами шли и должностныя лица, устанавливая «дани и уроки» во вновь занятыхъ мѣстахъ. Значитъ, промышленная колонизація тоже сочеталась съ государственной.

Государство шло и за такими колонистами, которые намѣренно уходили изъ него. Въ Кіевскій и Удѣльный періоды къ нимъ принадлежали преимущественно новгородскіе «повольники-ушкуйники», не поладившіе съ вѣчемъ и пускавшіеся въ путь куда глаза глядятъ (такими выходцами изъ Новгорода основана была, напр., свободолюбивая, не знавшая княжеской власти, Вятка). Въ Московскій періодъ ряды бѣглецовъ изъ государства пополнялись, главнымъ образомъ, крестьянами, не мирившимися съ надвигавшейся на нихъ крѣпостной неволей и возраставшимъ бременемъ тягла: изъ центра государства, гдѣ земля переходила въ монастырскія и служилыя руки, они шли на окраины его; сюда влекла ихъ возможность добыть себѣ побольше плодородной, неистощенной «землицы», создать сносныя условія жизни. Московскія завоеванія XVI вѣка, какъ сказано, способствовали такому передвиженію крестьянъ въ Поволжье и Придонскій край. Здѣсь переселенцы отлично устраивались на богатомъ черноземѣ и, какъ новоселы, пользовались на первыхъ порахъ даже льготами, но съ теченіемъ времени тягло и распространеніе служилаго землевладѣнія со всѣми своими послѣдствіями настигали ихъ и тутъ. Въ поискахъ земли и свободы приходилось еще ниже спускаться по Волгѣ, еще глубже вступать въ «дикое поле» и «казаковать» тамъ.

Колонизація дикаго поля.

Путемъ такого совмѣстнаго поступательнаго движенія, при которомъ народная колонизація то опережала государственную, то слѣдовала за ней, и заселялись въ теченіе Московскаго періода «дикое поле», Поволжье и Сибирь.

Въ «полѣ», какъ уже упоминалось, московская оборонительная линія продвигалась все южнѣе: за рядомъ старыхъ крѣпостей—Коломны, Каширы и Серпухова—выдвигались послѣдовательно новые ряды—сперва заоцкія крѣпости съ Калугою во главѣ, затѣмъ туль-

скія мѣста или «Украинные города»—отъ Тулы до Кромъ, дальше городки Сѣверскіе и «Польскіе», какъ Курскъ, Путивль, Рыльскъ, Бѣлгородъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи центромъ «Бѣлгородской черты» (т. е. оборонительной линіи). Строить «черту» начали въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича; къ половинѣ XVII в. она соединила верховья Ворсклы съ Козловымъ и примыкала на востокѣ къ Симбирской и Закамской «чертамъ» (см. ниже). Въ эпоху смутъ, происходившихъ въ Малороссіи, выходцы оттуда селились и къ югу отъ бѣлгородской черты. Такъ успѣшно закрѣплялось за Московскимъ государствомъ пространство по верховьямъ Дона и лѣвымъ притокамъ Днѣпра.

Колонизація Поволжья.

Колонизація Поволжья, толчкомъ къ которой послужило взятіе Казани, также находила себѣ опору въ сѣти крѣпостей, раскинувшейся въ предѣлахъ покореннаго Казанскаго царства (такими крѣпостями были, напр., Козьмодемьянскъ, Чебоксары, Кокшайскъ, Цивильскъ, Яранскъ, Лаишевъ, Тетюшевъ и др.). Но русскіе колонисты, стекаясь сюда, находили здѣсь не пустыя пространства, какъ на «дикомъ полѣ», а поселенія коренныхъ здѣшнихъ обитателей, господствующимъ элементомъ которыхъ были татары, а подчиненными—инородцы: мордва, черемисы, чуваши, вотяки, башкиры. Верхніе слои татарскаго населенія погибли въ борьбѣ съ Москвою, но средніе скоро приспособились къ московскому владычеству, пристроились на московскую службу, сумѣли сохранить экономическое господство надъ инородцами и, обезземеливая послѣднихъ, увеличивали свое землевладѣніе. Поэтому и русская колонизація Поволжья развивалась не столько на счетъ татаръ, сколько на счетъ тѣхъ же инородцевъ; земли послѣднихъ переходили въ русскія руки. Такое обезземеливаніе вызывало въ инородческой средѣ недовольство, бурно проявившееся въ Смутное время. Но въ XVI в. русскіе поселенцы чувствовали себя здѣсь безопаснѣе, чѣмъ на «дикомъ полѣ», и такіе города, какъ Казань и Свіяжскъ, будучи по первоначальному своему назначенію военными пунктами, превратились вмѣстѣ съ тѣмъ въ торгово-промышленные центры.

Однако русская колонизація Поволжья въ XVI в. не распространялась ниже Тетюшева. Правда, въ концѣ этого вѣка по нижнему теченію Волги построены были Самара, Саратовъ, Царицынъ, но, по словамъ проф. Платонова, «названные города, вмѣстѣ съ Астраханью, были военными постами, выдвинутыми далеко за черту народной осѣдлости. Эти посты имѣли гарнизоны, но, строго говоря, еще не имѣли русскаго населенія». Оно стало появляться къ югу отъ Тетюшева и въ предѣлахъ Самарской луки лишь въ XVII в., когда построена была сперва Симбирская (отъ Симбирска до Инсара), а затѣмъ Сызранская (отъ Сызрани до Пензы) черты. На низовьяхъ Волги и Яика такъ же, какъ на низовьяхъ Дона, Сѣвернаго Донца и Днѣпра, однимъ словомъ, въ той части «поля», которой непрестанно грозили набѣги кочевниковъ, изъ русскихъ поселенцевъ встрѣ-

чались лишь казаки. Этотъ безпокойный, вѣчно подвижной элементъ доставлялъ всегда много хлопотъ московскому правительству, а въ XVII вѣкѣ больше, чѣмъ какой либо другой классъ общества, потрясалъ государство грозными выступленіями. Тѣмъ не менѣе казаки могли насчитать за собою не мало заслугъ передъ родиной: они «прибирались» правительствомъ на службу, разоряли и ослабляли своими набѣгами татаръ и турокъ, они, наконецъ, какъ сейчасъ увидимъ, много потрудились надъ покореніемъ Сибири.

Колонизація Сибири.

Послѣднее было подготовлено колонизаціей Прикамскаго края, въ глубину котораго въ XVI в. вдвинулась крѣпость Уфа, и который еще съ давняго времени былъ «начерно» колонизованъ новгородцами. Работу послѣднихъ дѣятельно продолжали солепромышленники Строгановы, получившіе разрѣшеніе отъ Іоанна IV на занятіе огромныхъ земель по рѣкамъ Камѣ и Чусовой и простиравшіе свои виды на Зауралье, гдѣ находилось Сибирское царство. Сибирскіе ханы то отдавались подъ покровительство московскихъ государей, то возобновляли враждебныя дѣйствія противъ нихъ и пытались даже распространить свою власть къ западу отъ Урала. Для борьбы съ сибирскими татарами и другими пріуральскими кочевниками Строгановы прибѣгли къ обычному пріему — постройкѣ крѣпостей и вербовкѣ военнаго люда. Благодаря энергіи одного казацкаго отряда, явившагося въ ихъ владѣнія, отъ обороны удалось перейти въ наступленіе: одержанныя въ 1582 и 1583 г.г. побѣды горсточки казаковъ, подъ предводительствомъ Ермака, надъ полчищами хана Кучума положили начало покоренію и колонизаціи всей нынѣшней Сибири. Правда, самъ Ермакъ завоевалъ лишь небольшую часть послѣдней, но, по словамъ проф. Середонина, московское правительство сумѣло создать изъ покореннаго Кучумова царства «базу для распространенія русскаго владычества въ Азіи», сдѣлать затѣмъ изъ широкой водной системы р. Оби и ея притоковъ «прочный остовъ будущихъ русскихъ владѣній, вокругъ котораго и стало наростать русское населеніе Сибири». Достигнуто это было постройкой русскихъ городовъ (напр., Тюмени, Тобольска, Пелыма, Березова, затѣмъ Томска) на мѣстѣ прежнихъ инородческихъ и изслѣдованіемъ кратчайшихъ путей въ Сибирь. Столь удачно начатая колонизація прервалась было во время московской Смуты, но въ царствованія Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича славное дѣло Ермака нашло достойныхъ подражателей. Изъ нихъ особенно выдѣляются Поярковъ, Пѣшковъ, Хабаровъ, Бекетовъ, Стадухинъ, Дежневъ, Атласовъ и др. Почти каждый изъ этихъ незамѣтныхъ героевъ съ сотней—другой ратныхъ людей овладѣвалъ такимъ пространствомъ, занятіе котораго при иныхъ условіяхъ составило бы гордость любого великаго завоевателя. Эти сказочные на первый взглядъ успѣхи колонизаціи Сибири объясняются дѣйствіемъ огнестрѣльнаго оружія, котораго не знали туземцы, а также своеобразной психологіей, свойственной вообще колонизаторамъ невѣдо-

маго края, — безудержнымъ, лихорадочнымъ стремленіемъ впередъ. Въ условіяхъ колонизаціонной горячки выработался особый типъ предпріимчивыхъ «опытовщиковъ», которымъ и принадлежалъ обыкновенно починъ въ поискахъ новыхъ «землицъ»; къ нимъ присоединялись удальцы-охотники, да промышленники, и такимъ образомъ снаряжалась экспедиція; царскимъ воеводамъ оставалось только подкрѣплять ее и заботиться о соблюденіи казенныхъ интересовъ.

Экспедиціи вглубь Сибири.

Было бы очень затруднительно перечислять всѣ экспедиціи сибирскихъ колонизаторовъ; достаточно ограничиться указаніемъ лишь важнѣйшихъ ихъ этаповъ. До первыхъ годовъ XVII вѣка развѣдки предпринимались преимущественно вдоль сѣвернаго берега Азіи. Однако полуостровъ Таймыръ, котораго не удалось обогнуть, пріостановилъ лѣтъ на двадцать поступательное движеніе моремъ на востокъ. Зато за это время колонизаторы успѣли покорить тунгузовъ, утвердились на Енисеѣ, заложили въ его бассейнѣ Новую Мангазею (Туруханскъ), Енисейскъ и Красноярскъ, а затѣмъ двумя различными путями добрались и до бассейна Лены. Проникновеніе въ ея устье дало возможность продолжить обслѣдованіе сѣвернаго берега Азіи и привело къ открытію рѣкъ Яны, Индигирки, Колымы. Городъ Нижній Колымскъ сдѣлался исходнымъ пунктомъ экспедицій въ Анадырскій край для поисковъ цѣннаго «рыбьяго зуба». Изъ этихъ экспедицій особенно интересны двѣ — Дежнева и Стадухина, предпринятыя въ 1648 г. Дежневъ, проплывъ изъ Сѣвернаго океана въ Великій, совершилъ то дѣло, честь котораго приписываютъ Берингу отправившемуся для изслѣдованія береговъ Азіи лишь въ 1725 г. Стадухинъ одновременно съ Дежневымъ пробрался къ берегамъ Тихаго океана сухимъ путемъ. Въ самомъ концѣ XVII вѣка Атласовъ положилъ начало покоренію Камчатки; занятіе русскими нѣкоторыхъ Курильскихъ острововъ (при Петрѣ Великомъ), шести Алеутскихъ острововъ и Аляски (при Екатеринѣ II) явилось лишь естественнымъ продолженіемъ упомянутыхъ славныхъ экспедицій XVII вѣка.

Въ Забайкальѣ русскіе города стали строиться съ половины XVII вѣка. Труднѣе было утвердиться на Амурѣ, о полной недоступности котораго ходили баснословные разсказы, и который дѣйствительно имѣлъ грознаго защитника въ лицѣ Китайскаго богдыхана. Правда, это мало смущало русскихъ «опытовщиковъ»: въ 1643—1645 г.г. Поярковъ смѣло двинулся въ путь и вышелъ въ Амуръ; большихъ успѣховъ онъ не достигъ, но зато своими разсказами о колоссальныхъ богатствахъ Пріамурскаго края подстрекнулъ энергію другихъ. Вскорѣ послѣ Пояркова, въ 1649—1650 г.г., туда дважды направлялся Хабаровъ; во вторую экспедицію онъ, предводительствуя отрядомъ численностью въ 400 человѣкъ, нанесъ пораженіе китайскимъ войскамъ. Начавшаяся этимъ столкновеніемъ борьба съ Китаемъ затянулась на долгое время и требовала большихъ силъ, которыхъ еще не было въ распоряженіи у русскаго правительства на

Дальнемъ Востокѣ. Поэтому въ 1689 г. московская дипломатія закончила эту борьбу Нерчинскимъ договоромъ. По его условіямъ, граница между Московскимъ государствомъ и Китаемъ проводилась значительно сѣвернѣе теченія Амура; отъ береговъ этой рѣки русскимъ пришлось отказаться надолго (лишь въ 1858 г. они были уступлены намъ по Айгунскому договору).

Итакъ, къ концу XVII вѣка вся Сибирь, за исключеніемъ Пріамурскаго края, оказалась въ политическомъ обладаніи московскаго государя. Нельзя, однако, упускать изъ виду, что русская колонизація Сибири, слишкомъ разбрасывавшаяся вширь, была очень неглубокой: русскія поселенія являлись лишь рѣдкими оазисами; численность колонистовъ совершенно не соотвѣтствовала величинѣ занятой территоріи. Систематическое заселеніе Сибири, планомѣрное использованіе ея богатствъ, поднятіе ея культурнаго уровня, все это являлось задачей будущаго, къ серьезному рѣшенію которой было приступлено лишь въ концѣ XIX вѣка, когда въ коренной Россіи не ощущалось недостатка въ народонаселеніи. Московское же государство, насчитывавшее въ серединѣ XVI в. около 10 мил. жителей, а въ началѣ 3-й четверти XVII в. около 16 [1]), конечно, не могло высылать достаточнаго количества колонистовъ въ Сибирь, такъ какъ и безъ того страдало отъ отлива населенія изъ центра на окраины.

Послѣдствія колонизаціи.

Это особенно было замѣтно въ концѣ XVI вѣка, когда естественное движеніе населенія въ область чернозема, залегавшаго въ Поволжьѣ къ югу отъ Оки, чрезмѣрно усилилось вслѣдствіе упомянутой выше правительственной колонизаціи «дикаго поля», когда оно получило судорожный толчокъ въ видѣ роста служилаго землевладѣнія (см. ниже) и, особенно, опричнины Грознаго. Вѣдь послѣдняя ударила не по однимъ княжатамъ: раздробленіе крупныхъ привилегированныхъ вотчинъ между мелкими опричными помѣщиками, передвиженіе землевладѣльцевъ, обращеніе однѣхъ земель въ другія (напр., черныхъ и дворцовыхъ во владѣльческія), все это тяжко отозвалось и на крестьянскомъ населеніи, побуждало его къ побѣгамъ. Это приводило въ запустѣніе центръ Московскаго государства, разоряло его благосостояніе, подрывало его боевую готовность. Въ центрѣ государства, по словамъ проф. Платонова, «болѣе половины всѣхъ воздѣланныхъ земель было въ «тарханахъ» (и, значитъ, не несло служебнаго и податного бремени), а нельготныя служилыя земли на двѣ трети пустѣли»; «съ нихъ не было ни службы, ни платежей». Такимъ образомъ *слѣдствіемъ отлива населенія на южныя окраины явился тяжкій землевладѣльческій кризисъ* конца XVI вѣка, оказавшійся въ то же время кризисомъ военнымъ: неудачи Ливонской войны въ значительной степени объясняются тѣмъ, что срединныя области

[1]) Такія цифры даетъ П. Н. Милюковъ (Очерки, ч. I, стр. 26, 27, изд. 1904 г.), признавая ихъ, однако, неточными и гадательными.

Московскаго государства «въ пустошь изнурились», не давали средствъ для борьбы.

Развитіе служилаго землевладѣнія и колонизаціи отозвалось и на *торгово-промышленной* жизни, способствуя перегруппировкѣ ея центровъ, упадку нѣкоторыхъ изъ нихъ, углубленію бытовыхъ особенностей городовъ разныхъ районовъ. Въ концѣ XVI и въ XVII в. продолжало сохранять свое торгово-промышленное значеніе лишь Поморье (подъ которымъ разумѣлись прежнія сѣверныя новгородскія земли съ причисленіемъ къ нимъ Вятки и Перми Великой), гдѣ не было служилаго землевладѣнія, откуда не отливало замѣтно населеніе. Такіе города, какъ Холмогоры, Сольвычегодскъ, Устюгъ Великій, Каргополь, по прежнему процвѣтали, и нѣкоторые изъ нихъ (особенно Устюгъ) даже выиграли отъ завязавшихся торговыхъ сношеній съ Сибирью. Свободное тяглое населеніе Поморья жило самоуправляющимися городскими и сельскими общинами — «мірами», — крѣпко связанными между собою промышленными интересами; оно не было подавлено бременемъ военной службы, не страдало отъ общественной розни и сохраняло привычку къ самодѣятельности и порядку.

Совсѣмъ иной характеръ имѣла южная полоса государства съ наиболѣе вдвинувшимися въ «дикое поле» Сѣверскими, Украинными и «Польскими» городами. Населеніе этой полосы было не промышленное, а служилое, военно-земледѣльческое, преимущественно мелкопомѣстное, «прибранное» изъ разнообразныхъ (частью очень неблагонадежныхъ) слоевъ общества. Въ средней полосѣ Московскаго государства замѣчалось соперничество тяглаго посадскаго люда съ пришлымъ военно-служилымъ, при чемъ побѣда обыкновенно оставалась за послѣднимъ: въ лучшемъ для тяглыхъ людей случаѣ военно-служилое населеніе оказывалось совсѣмъ чуждымъ интересамъ посада, въ худшемъ — оно (особенно, въ лицѣ низшихъ своихъ элементовъ — стрѣльцовъ и пушкарей) вступало въ конкуренцію съ посадскими, завладѣвало ихъ промысломъ и торгомъ. Такимъ путемъ въ нѣкоторыхъ старыхъ городахъ, по мѣрѣ превращенія ихъ въ крѣпости, посады вовсе исчезали, въ другихъ экономическое господство переходило отъ посадскаго элемента къ военно-служилому, пришлому. Конечно, это было не повсемѣстнымъ явленіемъ. Такъ, изъ «замосковныхъ» (т. е. центральныхъ, расположенныхъ на старой московской территоріи) городовъ важное торгово-промышленное значеніе сохраняли Вологда, Ярославль (въ концѣ XVII в. числомъ своихъ дворовъ, которыхъ было 2.236, онъ уступалъ лишь Москвѣ съ ея 4.845 дворами), Кострома, Нижній-Новгородъ, изъ «городовъ отъ Нѣмецкой Украйны» — Новгородъ, Старая Русса и Псковъ; среди «городовъ отъ Литовской Украйны» оживленная торговля велась въ Смоленскѣ (когда онъ принадлежалъ Московскому государству); средоточіемъ торгово-промышленной жизни «Низа или Понизовыхъ городовъ» была Казань. Нѣкоторые изъ названныхъ центровъ, какъ, напр., Псковъ, Смоленскъ

или Казань, были въ то же время важнѣйшими военными пунктами. Однако такое совмѣщеніе торгово-промышленной и военно-оборонительной роли являлось исключеніемъ изъ общаго правила, въ силу котораго экономическое значеніе города падало по мѣрѣ возрастанія военнаго. Справедливость этого правила можно подтвердить краснорѣчивыми цифрами, показывающими, какъ хирѣли и пустѣли посады многихъ городовъ, лежавшихъ на верхней Волгѣ и Окѣ, а также Заоцкихъ, Рязанскихъ и сѣверныхъ Украинныхъ, въ зависимости отъ притока въ нихъ служилаго люда, отъ направленія и силы колонизаціонной волны.

Изъ всего изложеннаго видно, что оба тѣсно связанныя между собою средства расширенія и обороны государства—колонизація и служилое землевладѣніе (на которомъ, какъ увидимъ, основывалась московская военная организація) исполнили свое прямое назначеніе, но въ то же время имѣли и неблагопріятныя послѣдствія для Московской Руси. Они сказались въ *ослабленіи центральныхъ и западныхъ частей государства на счетъ южныхъ и восточныхъ, въ наступленіи экономическаго кризиса конца XVI в., въ обостреніи розни общественныхъ классовъ*, боровшихся между собою за землю, рабочія руки, за торгъ и промыслы [1]).

Такимъ образомъ колонизація, имѣвшая однимъ изъ главныхъ своихъ побужденій условія внутренней жизни Московскаго государства, въ свою очередь оказывала замѣтное вліяніе на нихъ.

---

[1]) Эта рознь, недовольство и раздраженіе и послужили главной причиной московской Смуты. Принимая во вниманіе указанныя особенности различныхъ районовъ Московскаго государства, легко понять, что степень участія русскихъ людей въ Смутѣ обусловливалась ихъ принадлежностью не только къ тому или другому общественному классу, но и къ тому или иному району. Меньше всего было охвачено Смутой и больше всего потрудилось надъ возстановленіемъ порядка населеніе мирныхъ торгово-промышленныхъ центровъ (вспомнимъ, напр., движеніе «сѣверныхъ мужиковъ» въ 1609 г. или нижегородское ополченіе 1611—12 г.), самыми неукротимыми смутьянами оказались обитатели южныхъ окраинъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Внутреннее состояніе Московскаго государства.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Государственный строй.

§ 57. Царь.

Въ главѣ XIX (стр. 119—136) уже была подробно изложена исторія развитія власти Московскихъ государей. Тамъ указывалось, что въ теченіе Московскаго періода, въ связи съ успѣхами внѣшней политики, сильная великокняжеская вотчинная власть преобразовывалась въ національное царское самодержавіе; что московскіе государи укрѣпили и завершили его на практикѣ, а московская письменность и дипломатія обосновали его теоретически; указывалось также, что новая династія, унаслѣдовавъ отъ прежней идеологію царской власти и ея неограниченную полноту, дала вмѣстѣ съ тѣмъ окончательный перевѣсъ національному признаку самодержавія надъ вотчиннымъ.

Московскіе цари были носителями всей полноты власти законодательной, судебной и исполнительной и верховными покровителями Церкви. На Руси господствовало мнѣніе, что никакія учрежденія ни въ чемъ не должны стѣснять государей, что судъ и управленіе принадлежатъ имъ лично, такъ какъ (по словамъ проф. Сергѣевича) «ихъ личную расправу и народъ и они сами продолжали считать наилучшей».

Дѣйствительно, какъ утверждаетъ Герберштейнъ, москвичи «открыто признавали, что воля князя есть воля Божія, и что̀ князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ Божіей». Если даже народъ волновался и поднималъ противоправительственные мятежи, то (кромѣ какъ въ Смутную эпоху) онъ шелъ не противъ царя, а противъ бояръ и «приказныхъ» людей, являвшихся, по убѣжденію москвичей, средостѣніемъ между государемъ и страною: такой смыслъ — «борьбы за царя противъ бояръ»—стремился, напр., придать своему бунту Стенька Разинъ. Итакъ, русскій народъ, за исключеніемъ притязательныхъ бояръ и публицистовъ-приверженцевъ «совѣта всея земли», считалъ наилучшей политической формой *личное царское управленіе*. Подобнаго взгляда придерживались и сами носители верховной власти, какъ ни различались они между собою по свойствамъ характера и по отношенію къ своему царственному долгу: «Грозный» царь Іоаннъ IV, какъ уже упоминалось, нарочито подчеркивалъ, что «земля правится Божіимъ

милосердіемъ... и послѣди нами, государи своими, а не судьями и воеводы»; «Тишайшій царь» Алексѣй Михайловичъ выражалъ ту же мысль только иными словами: «Богъ благословилъ и предалъ намъ, государю, править и разсуждать люди своя на востокѣ, и на западѣ, и на югѣ, и на сѣверѣ вправду».

Поэтому, по мнѣнію проф. Сергѣевича, «какъ только царь признавалъ это нужнымъ, всѣ учрежденія оказывались какъ бы несуществующими», «и московскій государь начиналъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали удѣльные князья глубокой древности», т. е. вершилъ даже неважныя дѣла самъ лично. Но если государи и подвластный имъ народъ единодушно признавали превосходство личнаго царскаго правленія надъ дѣятельностью всякихъ учрежденій, то тѣмъ не менѣе на практикѣ оно далеко не всегда было возможно: повелитель огромнаго государства, конечно, не все могъ дѣлать самъ; для облегченія правительственныхъ заботъ ему нужны были совѣтчики, помощники, исполнители его воли, которымъ онъ поручалъ—«приказывалъ» то или иное дѣло, либо цѣлый кругъ дѣлъ, цѣлое вѣдомство. Изъ нихъ и составлялись московскія учрежденія. Они, по словамъ проф. Сергѣевича, «дѣлали царево дѣло, пока «было мощно», а какъ только оказывалось, что «не мощно», они шли къ царю, докладывали ему и просили объ указѣ». Но царь могъ издать любой указъ и безъ всякаго обращенія къ нему учрежденій, потому что послѣднія нисколько не стѣсняли и не опредѣляли ни существа, ни формы проявленія власти государя, а являлись лишь помощниками его. Московскія учрежденія не представляли собою чего-либо «самодовлѣющаго»; ихъ дѣятельность опредѣлялась не уставами и регламентами, а исключительно усмотрѣніемъ государя. Поэтому они не поддаются современной классификаціи на учрежденія законодательныя, исполнительныя и судебныя, а могутъ разсматриваться лишь съ точки зрѣнія ихъ *обычныхъ* отношеній къ царю. Ближайшей его сотрудницей была «государева» или «боярская» дума.

§ 58. Боярская дума.

Составъ и дѣятельность думы.

«Государевой» или «боярской думой» изслѣдователи называютъ совѣщанія московскихъ государей съ ихъ приближенными; современники же обозначали такія совѣщанія различными названіями, напр., «царскій синклитъ», «царскаго величества дума», «царскій совѣтъ», «рада» и т. д.

Обычными совѣтниками — «думцами»—были бояре, окольничіе и нѣкоторые придворные чины — представители знатныхъ фамилій. Однако со времени Іоанна III и Василія III въ совѣщанія стали привлекаться также люди неродовитые, принадлежавшіе къ классу дѣтей боярскихъ и дворянъ, и дьяки (см. ниже). Какъ въ мѣстномъ управленіи и приказахъ, такъ и въ боярской

думѣ они служили противовѣсомъ знати. Дворянамъ и дьякамъ, приглашавшимся въ думу, государь «сказывалъ» почетное званіе «думныхъ» [1]).

Но ни думные дворяне и дьяки, ни обычные «думцы»-бояре не были непремѣнными и обязательными совѣтниками государя. Послѣдній могъ, какъ сказано, вершить всѣ дѣла безъ чьего-либо совѣта, равнымъ образомъ могъ обращаться за нимъ къ лицамъ, не носившимъ думнаго чина.

Итакъ, составъ государевой думы не былъ всегда одинаковъ; разнообразенъ былъ и порядокъ совѣщаній. Иногда государь, при докладѣ ему различныхъ дѣлъ, просто обращался къ присутствовавшимъ боярамъ за справками, иногда происходило «сидѣнье великаго государя съ бояры» (т. е. болѣе продолжительное обсужденіе чего-нибудь), при чемъ въ такомъ «сидѣньи» участвовали или всѣ находившіеся налицо во дворцѣ думцы, или спеціально приглашенныя лица; иногда, наконецъ, совѣтникамъ поручалось выслушать докладъ и обсудить вопросъ въ отсутствіи государя, а затѣмъ представить ему свое мнѣніе.

На языкѣ того времени обычный порядокъ веденія дѣлъ государемъ и думой обозначался словами: «великій государь указалъ, а бояре приговорили». «Боярскій приговоръ» составлялся по любому дѣлу, порученному государемъ: по вопросамъ законодательства, управленія, суда, способа веденія войны и т. д.

Мнѣнія изслѣдователей о думѣ.

Основываясь на томъ, что 1) боярская дума не была обязательной совѣтницей государей, 2) не имѣла строго опредѣленной внѣшней организаціи и компетенціи, 3) что самое выраженіе «боярская или государева дума» является искусственнымъ, такъ какъ памятники говорятъ только о «думѣ съ боярами», при чемъ слово «дума» можетъ толковаться не въ смыслѣ собранія думцевъ, а въ смыслѣ совѣтованія, обдумыванія чего-нибудь, проф. Сергѣевичъ пришелъ къ выводу, что на думу нельзя смотрѣть какъ на учрежденіе, и что московскіе государи въ ея лицѣ имѣли не постоянный совѣтъ, а только желательныхъ совѣтниковъ. Иначе смотритъ на думу проф. Ключевскій. Онъ видитъ въ ней учрежденіе, имѣвшее свою продолжительную исторію. Въ X вѣкѣ въ составъ думы, по его мнѣнію, входили княжескіе дружинники, епископы (со времени принятія христіанства) и старцы градскіе. Съ XI вѣка дума Кіевской Руси сдѣлалась односословной, чисто боярской, т. е. состоящей изъ однихъ старшихъ дружинниковъ. Въ удѣльныхъ же княжествахъ она стала «совѣтомъ главныхъ дворцовыхъ прикащиковъ», состоявшимъ изъ 2—3 лицъ. Въ характеристикѣ думы удѣльнаго времени Ключевскій близко сходится съ Сергѣевичемъ. Онъ называетъ ее совѣтомъ, «измѣнчивымъ по составу, составлявшимся особо для каждаго текущаго или экстреннаго дѣла, которое восходило къ князю». «Эта дума»— продолжаетъ Ключевскій, — «не имѣла привычныхъ намъ формъ государственнаго учрежденія съ уставомъ и постояннымъ составомъ участниковъ, съ точно опредѣленной компетенціей и неизмѣннымъ порядкомъ дѣлопроиз-

---

[1]) Званія боярина и окольничаго также относились къ думнымъ чинамъ; прочіе же многочисленные чины (см. ниже) составляли категорію придворныхъ. Особенно близкіе къ государю бояре назывались иногда «ближними» или «комнатными». Но такой эпитетъ не означалъ чина; соотвѣтствовавшее же ему въ удѣльный періодъ наименованіе «введенный» боярин въ московское время стало чиномъ.

водства, съ канцеляріей и протоколами. Это былъ не государственный совѣтъ, а скорѣе княжескій обычай совѣщаться о всякомъ незаурядномъ дѣлѣ». Зато въ Московскій періодъ, какъ утверждаетъ Ключевскій, «дума изъ тѣснаго и измѣнчиваго по составу совѣта съ колеблющимся вѣдомствомъ превратилась въ постоянное сложное учрежденіе съ болѣе устойчивымъ составомъ и опредѣленнымъ кругомъ дѣлъ». Она состояла изъ людей родовитыхъ и выслужившихся. Первымъ «сказывали думу» (т. е. вводили въ нее), «соображаясь съ мѣстническими обычаями и отношеніями». Напротивъ, думные дворяне и думные дьяки получали назначенія по усмотрѣнію государя за личныя качества или государственныя заслуги». «Всѣ служилые люди, носившіе званіе бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ, въ силу своихъ званій были членами государственнаго совѣта (т. е. думы) и назывались думными людьми; но тѣ же думные люди управляли московскими приказами, командовали полками въ походахъ и правили областями въ качествѣ намѣстниковъ и воеводъ» (военачальники и областные правители могли засѣдать въ думѣ, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если они почему-либо находились въ Москвѣ; поэтому обычными участниками и главными дѣятелями думы были начальники — «судьи» — приказовъ). «Иногда въ думу приглашались также представители духовенства». Имѣя регулярныя засѣданія, «дума вѣдала очень обширный кругъ дѣлъ судебныхъ и административныхъ»; она «руководила дѣйствіями приказовъ и имѣла контроль надъ областнымъ управленіемъ», но собственно она была «законодательнымъ учрежденіемъ». «Каждый новый законъ исходилъ изъ думы съ обычной помѣтой: «государь указалъ и бояре приговорили». Указъ государя ставилъ вопросъ на очередь, боярскій приговоръ получалъ силу закона, не восходя даже иногда къ государю на утвержденіе»: «дума являлась сотрудницей государя и какъ бы соучастницей верховной власти». Указанныя мнѣнія Ключевскаго раздѣляются многими другими изслѣдователями.

Измѣненія думы въ XVII в.

Устройство боярской думы не оставалось неизмѣннымъ въ теченіе всего Московскаго періода. По словамъ проф. Платонова, «на пространствѣ XVII вѣка изъ неоформленнаго совѣта «бояръ всѣхъ» при государѣ она (т. е. дума) обнаружила тенденцію обратиться въ рядъ присутствій, дѣйствовавшихъ каждое по своей спеціальности постоянно и независимо отъ того, бывалъ ли въ нихъ лично государь или нѣтъ». Особыя думскія присутствія или боярскія комиссіи существовали и раньше и предназначались для различныхъ цѣлей (напр., для дипломатическихъ переговоровъ съ иностранными послами, или для того, чтобы «вѣдать Москву» въ то время, когда государь вмѣстѣ съ большинствомъ бояръ отлучался изъ нея на продолжительный срокъ; боярской комиссіи поручался также въ извѣстныхъ случаяхъ судъ; наконецъ, московскіе государи издавна обсуждали нѣкоторыя секретныя дѣла не со всѣми думцами, а только съ «ближней, тайной думой»). Однако до Алексѣя Михайловича всѣ такія боярскія комиссіи имѣли, какъ и сама дума, очень измѣнчивый, неустойчивый составъ и случайный характеръ. Лишь со второй половины XVII вѣка нѣкоторыя изъ нихъ получили видъ опредѣленныхъ присутствій или департаментовъ; именно, «Судъ бояръ» (т. е. судебная комиссія) превратился въ постоянную Расправную или Золотую палату, разсматривавшую спорныя дѣла, «которыхъ въ приказахъ вершити будетъ не мощно». Начало этой палаты положено было Соборнымъ Уложеніемъ, а окончательную организацію она получила въ концѣ правленія Алексѣя Михайловича и при его преемникѣ

Θеодорѣ. «Ближняя дума» при Алексѣѣ Михайловичѣ сдѣлалась также «постояннымъ высшимъ совѣтомъ», получившимъ названіе палаты или «комнаты» (ея члены именовались «комнатными»); значеніе же прежней «ближней думы» перешло на «тайную думу», состоявшую изъ ближайшихъ любимцевъ царя. Образованіе 1) Расправной палаты, имѣвшей судебно-административный характеръ, 2) «комнаты», представлявшей собою учрежденіе законосовѣщательное (государевъ указъ и боярскій приговоръ «комнатныхъ» имѣли силу закона), и 3) «тайной думы», являвшейся интимнымъ совѣтомъ государя, дѣлало, очевидно, излишнимъ частыя собранія «всѣхъ бояръ», т. е. общей государевой думы, тѣмъ болѣе, что число думцевъ къ концу XVII вѣка очень возросло (проф. Дьяконовъ насчитываетъ 59 думныхъ чиновъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, 167 — при Θеодорѣ Алексѣевичѣ).

Политическое значеніе московской боярской думы неодинаково опредѣляется историками. Правда, почти никто не отрицаетъ наличности политическихъ притязаній боярства въ XVI в. и въ Смутное время (стр. 120), но въ оцѣнкѣ ихъ степени и ихъ проявленій въ думѣ ученые расходятся между собою. Одни полагаютъ, что въ основѣ боярскихъ притязаній лежали лишь стремленія сохранить «первенствующее положеніе при дворѣ и въ государствѣ», недовольство «несовѣтіемъ» государей и возвышеніемъ «худородныхъ»; другіе приписываютъ боярамъ намѣреніе ограничить верховную власть и добиться политическаго господства. Одни не находятъ возможнымъ связывать боярскихъ домогательствъ съ дѣятельностью думы и утверждаютъ, что «столкновенія» происходили «внѣ ея», а въ «синклитѣ» бывали «споры не о власти, а о дѣлѣ» (мнѣніе проф. Ключевскаго); другіе, напротивъ, считаютъ думу именно «отдушиной олигархическихъ настроеній, центромъ оппозиціи». Однако и приверженцы послѣдняго мнѣнія соглашаются, что боярскія притязанія поблекли и потускнѣли со времени воцаренія новой династіи, и что тогда дума «изъ центра политической борьбы превратилась въ послушное орудіе власти, въ простое правительственное удобство» (слова проф. Готье). **Политическое значеніе думы.**

Дѣйствительно, какъ бы серьезно ни смотрѣть на боярскія стремленія, все же слѣдуетъ признать, что они лишь однажды — въ формѣ «избранной рады» — получили свое практическое осуществленіе; затѣмъ они разсѣялись подъ ударами опричнины и подъ повторными бурями Смуты; послѣднія сперва какъ будто сулили боярамъ надежду на успѣхъ, на самомъ же дѣлѣ окончательно нарушили ихъ политическое значеніе. Какъ увидимъ ниже, въ XVII в. боярство потерпѣло сильный уронъ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи; его порѣдѣвшіе и утратившіе авторитетъ ряды стали еще несравненно чаще, чѣмъ прежде, пополняться неродовитыми людьми. Все это должно было, конечно, сказаться и на боярской думѣ. Итакъ,

въ XVI в. политическое настроеніе бояръ не всегда отвѣчало взглядамъ государя; въ Смутное время дума выступала иногда въ качествѣ временнаго правительства (напр., послѣ смерти Ѳеодора Іоанновича и свержения Лжедимитрія, а потомъ Вас. Ив. Шуйскаго); но въ XVII в. она сдѣлалась дѣловой и послушной помощницей царя,— вотъ вкратцѣ исторія ея политической дѣятельности.

§ 59. Земскій соборъ.

Происхожденіе земскихъ соборовъ.

Боярская дума, какъ видно, была обычнымъ совѣтомъ при государѣ. Въ исключительныхъ же случаяхъ для разрѣшенія затруднявшихъ правительство вопросовъ устраивались особыя совѣщанія, на которыхъ присутствовали не только государь и бояре, но и высшее московское духовенство (составлявшее такъ называемый «Освященный Соборъ»). Иногда сюда приглашали и московскихъ служилыхъ людей (не носившихъ думнаго чина) и богатѣйшихъ московскихъ купцовъ. Изъ такихъ совѣщаній мало-по-малу выросли «земскіе соборы», извѣстные у современниковъ подъ названіемъ: «совѣты всея земли», «вся земля» и т. д. Первое отчетливое извѣстіе о «земскихъ соборахъ» относится ко второй половинѣ XVI вѣка, но въ зачаточномъ состояніи они существовали и раньше. Такъ, напр., еще въ кіевское и удѣльное время князья въ затруднительныхъ случаяхъ обращались за совѣтомъ не только къ дружинникамъ и къ духовенству, но и къ «людямъ градскимъ» или «всимъ людямъ». Въ началѣ Московскаго періода также упоминается совѣщаніе, которое можно считать прообразомъ земскаго собора. Созвано оно было Іоанномъ III въ 1471 г. для обсужденія новгородскихъ дѣлъ (стр. 137) и состояло изъ родныхъ великаго князя, изъ епископовъ, князей, бояръ, воеводъ и «всѣхъ воевъ». На возникновеніе земскихъ соборовъ могли повліять и церковные, издавна существовавшіе, тѣмъ болѣе, что на Стоглавомъ церковномъ соборѣ 1551 г. несомнѣнно присутствовали бояре и нѣкоторые другіе міряне. Нельзя также забывать, что идея «единомысленнаго вселенскаго совѣта отъ всѣхъ градовъ и отъ уѣздовъ» прочно овладѣла умами нѣкоторыхъ публицистовъ XVI в. (стр. 128). Итакъ, почва для «вселенскихъ совѣтовъ» была подготовлена, но земскіе соборы, дѣйствительно созывавшіеся въ XVI в., далеко не отвѣчали идеалу такихъ совѣтовъ и *не могутъ быть названы народнымъ представительствомъ въ нашемъ смыслѣ этого слова.*

Земскіе соборы въ XVI в.

Опредѣленныя указанія на созывъ Земскаго Собора относятся къ царствованію Іоанна IV. Первый Соборъ былъ будто бы созванъ въ 1550 г., чтобы «уничтожить крамолы, разорить неправды, утолить вражду». При открытіи его царь, по преданію, произнесъ пылкую рѣчь, въ которой вспоминалъ печальныя обстоятельства своего дѣтства, громилъ бояръ за ихъ лихоимство и неправый судъ, призывалъ

народъ къ миру и обѣщалъ ему быть судьей и обороной обиженныхъ. Извѣстіе объ этой рѣчи содержится въ одномъ только историческомъ памятникѣ (въ такъ называемой Хрущовской Степенной книгѣ), да и въ немъ оно помѣщено на вклеенномъ, вмѣсто вырванной страницы, листкѣ, написанномъ позднѣйшимъ почеркомъ. Поэтому приходится считать сомнительной не только рѣчь царя, но, быть можетъ, и самое существованіе Земскаго Собора 1550 г. [1]). Достовѣрныя свѣдѣнія имѣются о Соборѣ болѣе поздняго времени. Именно, въ 1566 г. царь предложилъ на обсужденіе Земскаго Собора важный вопросъ, продолжать ли Ливонскую войну или заключить миръ. Объ этомъ Соборѣ нужно сказать слѣдующее:

I. На немъ участвовали преимущественно должностныя московскія лица, призывавшіяся на Соборъ не въ силу народнаго избранія, а въ силу своего служебнаго положенія и званія, именно: 1) высшія духовныя лица (составлявшія такъ называемый «Освященный Соборъ»), 2) бояре и думные чины (обычные участники государевой или боярской думы), а также начальники приказовъ и прочіе чиновные люди, 3) московскіе дворяне, т. е. столичные служилые люди, и представители московскаго, преимущественно богатѣйшаго, купечества. Численно этотъ третій, «*земскій*», элементъ преобладалъ (на 374 участника Собора военно-служилыхъ людей приходилось 55%, торгово-промышленныхъ 20%). Однако и онъ былъ не выборнымъ отъ населенія, а именно *призваннымъ* правительствомъ.

Московскихъ дворянъ приглашали потому, что они занимали различныя правительственныя должности и обыкновенно начальствовали надъ провинціальными служилыми людьми; богатѣйшихъ московскихъ купцовъ (такъ называемыхъ «гостей») — потому, что правительство поручало имъ веденіе разныхъ казенныхъ финансовыхъ предпріятій. И тѣ и другіе были, такимъ образомъ, своего рода властями или должностными верхами общества.

II. Цѣль Собора заключалась не столько въ ознакомленіи съ мѣстными народными нуждами, сколько въ разрѣшеніи затрудненій правительства и проведеніи его желаній. Именно, хотя мнѣніе Собора вовсе не было обязательно для государя и принималось имъ только какъ совѣтъ, однако, если онъ склонялся къ этому мнѣнію, то участники Собора брали на себя обязательство провести его въ жизнь.

О составѣ Собора 1584 г., созваннаго будто бы для избранія на царство Ѳеодора Іоанновича, точныхъ свѣдѣній не имѣется; повидимому, онъ былъ сходенъ съ составомъ 1566 г. Лишь немногимъ отличается отъ послѣдняго и соборъ 1598 г., избравшій царемъ Бориса Ѳеодоровича. Число его участниковъ было 512; въ составѣ «Освя-

[1]) Проф. Дьяконовъ, не рѣшаясь вполнѣ отвергать его, предполагаетъ, что указанный «соборъ примиренія» и второй церковный соборъ о чудотворцахъ (1549 г.) были не двумя разными, а однимъ собраніемъ.

щеннаго собора», кромѣ монашествующаго духовенства, находилось нѣсколько московскихъ протопоповъ; наряду съ «гостями» приглашены были служившіе по выборамъ старосты купеческихъ обществъ («сотенъ»); наконецъ, что особенно важно, въ числѣ 267 военно-служилыхъ людей на Соборѣ оказалось около 40 *выборныхъ* отъ провинціальнаго дворянства.

Изъ изложеннаго видно, что земскіе соборы XVI вѣка въ сущности не имѣли ни независимаго (отъ правительства) состава, ни почина въ возбужденіи тѣхъ или иныхъ вопросовъ: они состояли почти исключительно изъ должностныхъ лицъ и отвѣчали на вопросъ, поставленный имъ правительствомъ (правда, соборы 1584 г. и 1598 г. избирали царя, но можно думать, что оба избранія, особенно первое, были заранѣе предопредѣлены). Смута измѣнила характеръ соборовъ: ея быстро смѣнявшіяся событія, часто приводившія къ неожиданнымъ результатамъ, научили русскій народъ самостоятельно мыслить и дѣйствовать.

Вліяніе Смуты на составъ и значеніе земскихъ соборовъ.

Приходилось задумываться надъ такими сложными вопросами, какъ избраніе и смѣна государей, критически относиться къ происходящему, различать такія нераздѣлимыя прежде понятія, какъ «государь, государство и народъ», отдавать себѣ отчетъ въ сословныхъ и національныхъ интересахъ. Все это развило народное самосознаніе. Наряду съ этимъ крѣпла и самодѣятельность, такъ какъ Смута не разъ приводила къ трагическимъ, почти безнадежнымъ положеніямъ, изъ которыхъ, при слабости или даже полномъ отсутствіи правительственной власти, народъ долженъ былъ самъ искать себѣ выхода. Общественное самосознаніе и самодѣятельность проявлялись въ городскихъ совѣщаніяхъ (напр., въ сѣверныхъ городахъ и посадахъ передъ походомъ Скопина-Шуйскаго или въ Нижнемъ-Новгородѣ при созданіи второго ополченія), напоминавшихъ древнія вѣча, въ разсылкѣ грамотъ изъ города въ городъ, въ единодушныхъ дѣйствіяхъ цѣлыхъ областей. Но такихъ частныхъ проявленій было недостаточно, и въ народѣ крѣпла мысль о необходимости «совѣта всей земли», «общаго всенароднаго собранія» для рѣшенія общегосударственныхъ дѣлъ. Само правительство въ Смутное время считается съ народной волей и видитъ въ народѣ не безгласныхъ зрителей, а активныхъ дѣятелей разыгрывающихся событій. Московская толпа призывается къ различнымъ выступленіямъ уже въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича (напр., при сведеніи счетовъ между Борисомъ и его соперниками); на избирательномъ соборѣ 1598 года замѣтно уже участіе выборныхъ людей; Лжедимитрій I, притязая на престолъ, отдаетъ свое дѣло на судъ народа и для обличенія Шуйскаго созываетъ какой-то соборъ; Василій Шуйскій, выкрикнутый случайной толпой, тѣмъ не менѣе обращается со своими и съ патріаршими увѣщаніями ко всему народу, а во время мятежа 17 іюля 1610 года выражаетъ готовность оставить царство, если «вся земля постановитъ приговоръ» объ этомъ. Семибоярщина, избирая Владислава, спѣшитъ прикрыться авторитетомъ земскаго собора и шлетъ къ Сигизмунду пословъ отъ него; «совѣты всей земли» существовали въ ополченіяхъ Ляпунова и Пожарскаго.

Смутные годы 1) возвысили значеніе земскихъ соборовъ, какъ выразителей народной воли, 2) естественно привлекли къ участію въ нихъ *выборныхъ* отъ «всякихъ чиновъ и городовъ» людей, которые по своей численности стали преобладать надъ должностнымъ ихъ элементомъ—Боярской Думой и Освященнымъ Соборомъ,—и, такимъ образомъ, сдѣлали *земскій* элементъ соборовъ *выборнымъ*; и 3) поставили важные вопросы на самостоятельное рѣшеніе соборовъ. Наиболѣе

полный по составу Земскій Соборъ 1613 года можетъ быть признанъ «первымъ достовѣрнымъ опытомъ дѣйствительнаго народнаго представительства», такъ какъ въ немъ участвовали выборные отъ всѣхъ свободныхъ классовъ общества, въ томъ числѣ, отъ провинціальныхъ торгово-промышленныхъ обывателей и невладѣльческихъ поморскихъ крестьянъ [1]). Нужда въ земскихъ соборахъ не прекратилась и послѣ Смуты: избранный царь нашелъ въ соборѣ не ограниченіе своей власти, а единственно-твердую опору ея. «Царь и земскій соборъ составляли, по словамъ проф. Платонова, единое и вполнѣ согласное правительство, главною заботой котораго было поддержать и укрѣпить возстановленный государственный порядокъ». Поэтому Михаилъ Ѳеодоровичъ въ первыя 10 лѣтъ царствованія правилъ при *постоянномъ* содѣйствіи земскаго собора (составъ котораго нѣсколько разъ обновлялся), а въ послѣдующее время своего царствованія неоднократно созывалъ его.

Земскіе соборы XVII в.

Изъ соборовъ времени Михаила Ѳеодоровича особенно замѣчательны два: первый—1619 г. намѣтилъ рядъ важныхъ мѣропріятій въ отвѣтъ на вопросъ патріарха Филарета: «какъ бы то (т. е. злоупотребленія) исправить и землю устроить?»; второй—1642 г. обсуждалъ, слѣдуетъ ли воевать съ Турціей изъ-за Азова, и соглашался нести самыя тяжелыя жертвы, связанныя съ войной.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича соборы созывались рѣже, именно: въ 1645 г.—для утвержденія его на престолѣ, въ 1648—1649 г.—для участія въ работѣ надъ составленіемъ Уложенія, которое и получило названіе «Соборнаго» (на этомъ соборѣ присутствовали выборные отъ 117 городовъ); въ 1650 г.—по поводу псковскаго мятежа, наконецъ, въ 1651 и 1653 г.г.—по поводу Малороссійскаго вопроса. Послѣ 1653 года правительство предпочитало обходиться безъ соборовъ, а въ тѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, когда оно не полагалось на однѣ «приказныя», т. е. чиновничьи, силы, оно обращалось къ содѣйствію особыхъ совѣщаній, составленныхъ изъ представителей *только той общественной группы* (*или сословія*), которая считалась наиболѣе свѣдущей въ данномъ вопросѣ.

Такимъ образомъ «совѣты всей земли» подмѣнились *однослословными комиссіями спеціалистовъ* по интересующему правительство дѣлу. Подобныя совѣщанія, комиссіи и нѣкоторыя другія собранія (напр., избиравшія на царство Петра, а затѣмъ и Іоанна Алексѣевичей) не причисляются учеными къ земскимъ соборамъ.

Земскіе соборы, вызванные къ кипучей дѣятельности бурными событіями Смутнаго времени, привыкшіе при царѣ Михаилѣ Ѳеодо-

[1]) Хотя «Утвержденная грамота» объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича содержитъ только 277 подписей, однако, цѣлый рядъ данныхъ приводитъ ученыхъ къ убѣжденію, что на соборѣ 1613 г., единодушно избравшемъ Михаила Ѳеодоровича, было около 700 членовъ, изъ коихъ до 500 провинціальныхъ, являвшихся представителями не менѣе 50 городовъ.

ровичѣ работать рука-объ-руку съ верховной властью и видѣвшіе въ этомъ сотрудничествѣ съ ней главное свое назначеніе, не создали себѣ, за время своего процвѣтанія, ни прочной внѣшней организаціи, ни независимаго положенія и стали быстро разлагаться, когда вновь окрѣпшая къ половинѣ XVII вѣка власть перестала нуждаться въ ихъ опорѣ, и когда въ нихъ самихъ проявилась сословная рознь.

Внѣшняя организація соборовъ.

О внѣшней организаціи земскаго собора XVII в. нужно сказать слѣдующее: I. Соборы созывались государемъ, а въ междуцарствіе патріархомъ или временнымъ правительствомъ посредствомъ особыхъ «призывныхъ грамотъ». Онѣ посылались мѣстнымъ властямъ [1]), указывали поводъ къ созыву (поводомъ могъ быть любой, затруднявшій правительство вопросъ внѣшней или внутренней политики) и требовали, чтобы на соборъ были отправлены «лучшіе, крѣпкіе и разумные люди». II. Выборы отъ различныхъ классовъ общества, представленныхъ на соборѣ, происходили неодинаково: 1) столичные служилые и высшіе торговые *чины* (см. ниже) выбирали своихъ представителей по чинамъ, т. е. отъ каждаго чина посылались уполномоченные, 2) провинціальные дворяне и дѣти боярскія—по уѣздамъ, для чего съѣзжались на уѣздное дворянское собраніе, 3) низшіе служилые люди—по полкамъ (какъ, напр., стрѣльцы) или слободамъ (пушкари и поверстанные на службу казаки); посадскіе люди—по слободамъ и чернымъ сотнямъ (нѣчто въ родѣ гильдій). III. Опредѣленіе числа уполномоченныхъ, подлежащихъ выбору отъ разныхъ группъ, дѣлалось призывной грамотой или предоставлялось усмотрѣнію («сколько пригоже») самой группы. На нѣкоторыхъ соборахъ тѣ или иныя группы вовсе отсутствовали: напр., на соборѣ 1634 года, собравшемся на слѣдующій день послѣ указа о его созывѣ, почти отсутствовали провинціалы, а на соборѣ 1648 года, напротивъ, было очень мало московскихъ служилыхъ чиновъ; посадскіе въ численномъ отношеніи почти всегда уступали служилымъ, а иногда и вовсе не имѣли своихъ представителей. «Вообще, по словамъ проф. Ключевскаго, составъ собора былъ очень измѣнчивъ, лишенъ твердой, устойчивой организаціи, и трудно подобрать два собора, похожіе другъ на друга». Къ тому же источники, напр., офиціальныя грамоты, иногда съ умысломъ, а иногда безсознательно злоупотребляютъ терминами «вся земля», «весь народъ», «все государство». Вотъ почему историкамъ

[1]) На обязанности воеводы лежало оповѣстить жителей о предстоящихъ выборахъ, позаботиться объ устройствѣ избирательнаго собранія и представить въ Москву «выборъ за руками», т. е. избирательный протоколъ, скрѣпленный подписями. Однако, иногда воеводы допускали злоупотребленія, посылая на соборъ своего ставленника вмѣсто уполномоченнаго отъ населенія; въ нѣкоторыхъ случаяхъ это дѣлалось просто потому, что не удавалось произвести выборовъ, или потому, что въ городѣ вовсе отсутствовалъ тотъ классъ общества, отъ котораго желало имѣть депутата правительство. Но послѣднее обыкновенно давало твердый отпоръ воеводѣ за такое превышеніе власти.

трудно отличать подлинный земскій соборъ, существеннымъ признакомъ котораго является наличность трехъ элементовъ: Освященнаго Собора, Думы и земскихъ людей (хотя бы этотъ земскій элементъ былъ представленъ очень слабо) отъ подобій его—фиктивныхъ соборовъ. Это и объясняетъ разногласія ученыхъ въ указаніи числа соборовъ (такъ, проф. Сергѣевичъ насчитываетъ ихъ 16, проф. Латкинъ—20). IV. Засѣданія собора, продолжительность которыхъ бывала различной, происходили обыкновенно въ Грановитой палатѣ и открывались рѣчью государя, произносимой имъ лично или читаемой въ его присутствіи дьякомъ; въ ней излагался предметъ обсужденія. Представители отдѣльныхъ группъ—«чиновъ» допрашивались порознь и письменно подавали мнѣнія—«челобитья», «памяти» или «сказки» (допускались особыя мнѣнія лицъ, не согласившихся съ большинствомъ своихъ товарищей по «чину»). Участникамъ собора предоставлялось, не ограничиваясь отвѣтомъ на поставленные имъ вопросы, дѣлать по своему почину тѣ или иныя предложенія и возбуждать ходатайства. «Общій соборный приговоръ всѣхъ чиновъ» составлялся тогда, когда между ними достигалось единогласіе, и когда въ совѣщаніяхъ выборныхъ принимала участіе боярская дума съ государемъ во главѣ. Въ этомъ случаѣ соборъ получалъ законодательный характеръ, такъ какъ соучаствовалъ въ законодательной дѣятельности государя и бояръ. На нѣкоторыхъ же соборахъ дѣятельность выборныхъ имѣла только совѣщательный характеръ и ограничивалась подачей мнѣній государю и боярамъ, которые, не участвуя въ соборныхъ засѣданіяхъ, принимали, въ качествѣ правительства, тѣ или иныя рѣшенія, не представлявшія собою общаго соборнаго приговора. Итакъ, земскій соборъ (точнѣе, его выборный элементъ) не имѣлъ ни опредѣленной внѣшней организаціи, ни неизмѣнныхъ отношеній къ думѣ: онъ работалъ то вмѣстѣ съ нею, то для нея, получая въ зависимости отъ этого или законодательный, или совѣщательный характеръ. Но, конечно, и въ первомъ случаѣ соборный актъ, т. е. общій соборный приговоръ, скрѣпленный крестоцѣлованіемъ и подписями выборныхъ, получалъ силу лишь по утвержденіи его государемъ, который и возвѣщалъ, что «по нашему указу и всей земли приговору» состоялось такое-то постановленіе.

Значеніе соборовъ.

Въ помощи, оказываемой верховной власти, и во временномъ замѣщеніи ея (при междуцарствіи) и заключалось значеніе земскихъ соборовъ. Они существовали для власти, а не для себя самихъ. Правда, нельзя утверждать, будто русскіе люди совсѣмъ не дорожили соборами и не жалѣли о прекращеніи ихъ дѣятельности: извѣстно, напр., что совѣщаніе московскаго купечества въ 1662 г. настоятельно убѣждало правительство созвать «изо всякихъ чиновъ и изъ городовъ лутчихъ людей». Однако, въ отличіе отъ западно-европейскихъ представительныхъ собраній, упорно отстаивавшихъ себя, земскіе соборы никогда не вели борьбы съ властью. Они не стремились

и къ обезпеченію незыблемости своихъ правъ: идея строго-организованнаго народнаго представительства, а тѣмъ болѣе конституціонныхъ гарантій была совершенно чужда политическому міровоззрѣнію русскаго общества того времени, и не эта идея направляла исторію земскихъ соборовъ. Въ XVI вѣкѣ, какъ мы знаемъ, они были послушнымъ орудіемъ власти и въ то же время, по мнѣнію проф. Ключевскаго, помогли Великороссіи «сознать себя цѣльнымъ государствомъ»; въ Смутные годы сама жизнь, пробудившая самодѣятельность, призвала ихъ замѣнить отсутствующую власть; въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича они стали необходимой его опорой и представляли собою чуткихъ «мірскихъ челобитчиковъ», проявлявшихъ большую государственную мудрость, готовыхъ жертвовать частными интересами ради блага родины; а въ царствованіе Алексѣя Михаиловича они снова попали въ то служебное положеніе, изъ котораго вышли, такъ какъ не только власть окрѣпла, но и самодѣятельность притупилась, и сословныя вожделѣнія опять стали заволакивать ясный земскій взоръ, благодаря которому Московское государство вышло изъ дебрей Смуты.

Причины упадка соборовъ.

Сословная рознь, — одна изъ главныхъ причинъ упадка земскихъ соборовъ, — была слѣдствіемъ общественнаго строя, завершеннаго и узаконеннаго Соборнымъ Уложеніемъ, которое само являлось въ значительной степени твореніемъ собора. Этотъ общественный строй зиждился, какъ увидимъ, на крѣпостномъ правѣ и на обособленіи свободныхъ сословій другъ отъ друга. Первое лишало представительства крестьянъ, т. е. огромное большинство населенія, второе препятствовало единодушію соборовъ и превращало ихъ изъ выразителей народной воли и общегосударственныхъ нуждъ въ орудіе борьбы классовыхъ интересовъ и сословныхъ притязаній. Единственно въ чемъ, по большей части, единодушно сходились всѣ выборные члены собора — это въ своихъ нападкахъ на беззаконія и неправды московскихъ «приказныхъ» людей. Понятно поэтому, что чиновныя и вліятельныя лица стали смотрѣть на земскихъ представителей, какъ на докучныхъ критиковъ, чуть не мятежниковъ, и подвели подкопы подъ самое существованіе соборовъ.

Въ общемъ причины упадка земскихъ соборовъ во второй половинѣ XVII вѣка сводятся къ слѣдующему: 1) укрѣпленіе верховной власти и развитіе централизаціи, 2) сословное обособленіе и происходящая отъ этого классовая рознь, 3) отсутствіе прочной внѣшней организаціи соборовъ, 4) нѣкоторое равнодушіе общества къ идеѣ народнаго представительства. Все это повело къ тому, что въ соперничествѣ «приказного», «бюрократическаго» начала съ «соборнымъ», «земскимъ» одолѣло первое.

§ 60. Приказы.

Происхожденіе приказовъ.

Начало московскимъ приказамъ положено было тѣми порученіями административнаго, финансоваго, судебнаго и иного характера, которыя давалъ — «приказывалъ» — государь своимъ помощникамъ, не имѣя возможности вершить все лично самъ, какъ это предполагалось въ идеѣ (стр. 156). Нѣкоторыя порученія имѣли случайный характеръ, другія слагались въ цѣлый кругъ дѣлъ. Въ послѣднемъ случаѣ боярин или дьякъ, получавшій ихъ, становился какъ бы государевымъ «приказчикомъ» — спеціалистомъ по опредѣленнымъ вопросамъ; въ помощь себѣ онъ подбиралъ служащихъ — тоже спеціалистовъ, и такимъ образомъ возникало учрежденіе, «приказъ». — Въ него, въ силу привычки и удобства, продолжали стекаться дѣла, болѣе или менѣе однородныя съ прежними, хотя бы прежній приказчикъ смѣнился другимъ. Послѣдній подбирался уже для налаженнаго вѣдомства, а не вѣдомство создавалось для него. Прообразомъ «приказовъ» могутъ считаться удѣльные «пути» (стр. 70), а также суды бояръ, вершившихъ тѣ дѣла, которыя не могли быть рѣшены областными правителями. Въ Московскій періодъ, по мѣрѣ расширенія государства, усложненія правительственныхъ задачъ и перемѣнъ въ составѣ общества, число приказовъ быстро росло, превысивъ къ половинѣ XVII в. цифру 40 [1]), и лишь въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича оно стало замѣтно сокращаться благодаря закрытію нѣкоторыхъ приказовъ и подчиненію мелкихъ болѣе крупнымъ. Такъ какъ приказы учреждались, преобразовывались и перекраивались не по заранѣе обдуманному плану, а для удовлетворенія текущихъ потребностей, и такъ какъ въ Москвѣ не стремились къ строгому разграниченію вѣдомствъ, то понятно, что московская приказная система оказалась очень нестройной, громоздкой, довольно безформенной, и потому трудно поддающейся изученію.

Лишь условно и не притязая на точность, можно назвать приказы органами *центральнаго управленія и суда* и распредѣлить ихъ на двѣ категоріи: одни вѣдали *опредѣленный кругъ дѣлъ во всемъ государствѣ*, — это приказы, такъ сказать, *вѣдомственные*, представлявшіе собою подобіе министерствъ или департаментовъ нашего времени; другіе—сосредоточивали въ себѣ *различныя дѣла какой-нибудь опре-*

[1]) Въ опредѣленіи числа приказовъ ученые не вполнѣ сходятся между собою. Причины разногласія лежатъ въ слѣдующемъ: 1) приказы назывались также палатами, избами, дворами, дворцами, третями или четвертями, но нѣкоторыя изъ указанныхъ наименованій примѣнялись и къ такимъ учрежденіямъ, которыя одними изслѣдователями причисляются къ приказамъ, другими—нѣтъ; 2) одни ученые подсчитываютъ только постоянные приказы, другіе — также и временные; 3) въ различныхъ историческихъ трудахъ общій подсчетъ приказовъ устанавливается для разныхъ періодовъ. Вотъ почему цифра приказовъ очень колеблется; нѣкоторые изслѣдователи насчитываютъ ихъ свыше 60.

дѣленной области, иными словами, были *территоріальными* учрежденіями. Однако изъ обзора дѣятельности приказовъ не трудно убѣдиться, что нѣкоторые вѣдомственные были и территоріальными.

Важнѣйшіе приказы.

Важнѣйшими изъ вѣдомственныхъ приказовъ являются: 1) *Посольскій* — соотвѣтствовавшій до извѣстной степени министерству иностранныхъ дѣлъ и въ то же время вѣдавшій дѣла иноземной торговли и судъ надъ иноземцами; 2) *Разрядъ*, — «какъ бы генеральный штабъ и военное министерство»: «онъ вѣдалъ службой служилыхъ людей всего государства»; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сосредоточивалъ въ себѣ всякія дѣла южной укрѣпленной территоріи «дикаго поля»; 3) Помѣстный, осуществлявшій помѣстную систему и потому близко соприкасавшійся съ Разрядомъ; 4) приказъ *Большого прихода* — вѣдомство финансовъ, въ которое вмѣшивались, впрочемъ, и другіе приказы, напр., приказъ Большой Казны; 5) Ямской — своего рода министерство путей сообщенія; 6) приказъ Большой Казны, завѣдывавшій правительственными торговыми предпріятіями; 7) приказъ Большого Дворца и приказы Аптекарскій, Постельный и мн. др., распредѣлявшіе между собою различныя отрасли дворцоваго хозяйства; 8) Оружейный, Пушкарскій, Стрѣлецкій, Рейтарскій, Казачій и др., обслуживавшіе военныя нужды; 9) приказъ Холопья суда, вѣдавшій дѣла о холопахъ; 10) Московскій судный, Владимірскій судный, Разбойный, Земскій и нѣкоторые другіе, являвшіеся, преимущественно, судебными учрежденіями; впрочемъ, правомъ суда пользовалось еще множество иныхъ приказовъ, такъ какъ почти всякій приказъ судилъ лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ его вѣдомству.

Къ территоріальнымъ приказамъ относятся, напр., приказъ Казанскаго Дворца, управлявшій Поволжьемъ, Сибирскій, Новгородская четь и др.

Организація приказовъ.

Въ зависимости отъ количества и свойствъ поручаемыхъ приказамъ дѣлъ, создавалась и ихъ внѣшняя организація. Посольскій, Разрядный и Помѣстный приказы являлись, по мнѣнію проф. Ключевскаго, «отдѣленіями думской канцеляріи», такъ какъ ихъ дѣла вела сама дума; остальные—существовали отдѣльно отъ нея. Начальниками—«судьями»—важнѣйшихъ приказовъ государь назначалъ обыкновенно бояръ (или окольничихъ), при которыхъ находились дьяки въ качествѣ товарищей; иногда же приказныя дѣла вершили только дьяки безъ бояръ; канцелярскую работу исполняли подьячіе. Начальствующія въ приказѣ лица должны были вершить всѣ дѣла «заодинъ» (т. е. по единогласному рѣшенію, подсказываемому, обыкновенно, главнымъ начальникомъ), а не по большинству голосовъ. Дѣла вершились на основаніи Судебниковъ Іоанна III и Іоанна IV, дополнительныхъ указовъ и прежней практики, а затѣмъ на основаніи Соборнаго Уложенія. Если приказные встрѣчали какое-нибудь затрудненіе, то они обязаны были обращаться съ «докладомъ» къ государю и думѣ и ждать соотвѣтствующаго приговора или указа. Такъ какъ

московское законодательство (особенно до изданія Уложенія) не изобиловало общими нормами, и такъ какъ законъ не устанавливалъ точно компетенціи приказовъ, то выясненіе предѣловъ ея часто зависѣло просто отъ усмотрѣнія приказныхъ. Понятно поэтому, что одни изъ нихъ докучали государю докладами даже по мелочнымъ дѣламъ, другіе, напротивъ, злоупотребляли властью.

Борьба съ злоупотребленіями приказовъ являлась одной изъ настоятельныхъ заботъ московскихъ государей. Но средствами ея были опять-таки приказы. Такъ, уже съ половины XVI в. существовалъ Челобитный приказъ для пріема челобитій—жалобъ—на приказныхъ и для суда надъ послѣдними; во время «двоевластія» Михаила Ѳеодоровича и Филарета Никитича учрежденъ былъ приказъ, «что на сильныхъ людей челомъ бьютъ»; когда въ половинѣ XVII в., въ связи съ упадкомъ земскихъ соборовъ, крайне развилось приказное начало, и многіе приказы своими «неправдами» и «волокитою» стали вызывать сильное недовольство въ народѣ, переходившее въ открытые бунты, царь Алексѣй Михаиловичъ тоже учредилъ (въ 1655 г.) своеобразный «Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ» или «Тайный приказъ». Борьба съ злоупотребленіями приказовъ.

Этотъ приказъ, развившійся изъ личной канцеляріи Алексѣя Михайловича, находился въ непосредственномъ вѣдѣніи царя и состоялъ изъ «тайнаго дьяка» и нѣсколькихъ подьячихъ. Нѣкоторыя стороны его разнообразной дѣятельности не представляютъ особаго интереса: такъ, онъ завѣдывалъ различными отраслями государева хозяйства, причастными къ нимъ лицами, а также царскою благотворительностью и имѣлъ въ своемъ спеціальномъ вѣдѣніи нѣкоторыя интересующія царя учрежденія и предпріятія. Однако Тайный приказъ получилъ огромное значеніе, такъ какъ въ немъ сосредоточивались всевозможныя дѣла, которыя предназначались для личнаго разсмотрѣнія царя, или которыми самъ царь хотѣлъ непосредственно руководить. Поэтому въ него стекались челобитья лицъ, не удовлетворенныхъ обычными московскими учрежденіями, въ него подавались заявленія и извѣты (т. е. доносы), по которымъ назначались затѣмъ разслѣдованія; наконецъ, что особенно важно, изъ Тайнаго приказа исходили личныя распоряженія царя; здѣсь же велось производство всѣхъ дѣлъ, которымъ Алексѣй Михаиловичъ придавалъ особенную важность. По словамъ проф. Гурлянда, Тайный приказъ, представлявшій собою «для населенія—органъ высшей справедливости, для должностныхъ лицъ — органъ надзора, для всѣхъ — органъ личнаго царскаго управленія, къ 60-мъ годамъ простеръ свое вліяніе на все». Такимъ образомъ, наряду съ *общимъ* порядкомъ управленія посредствомъ обычныхъ старыхъ учрежденій, устанавливался *исключительный* порядокъ непосредственнаго царскаго руководительства дѣлами при помощи Тайнаго приказа.

Однако съ теченіемъ времени дьякъ и подьячіе Тайнаго приказа оказались также не на высотѣ своего положенія.

Необходимость учрежденія чрезвычайныхъ контрольныхъ приказовъ для надзора за другими убѣждаетъ, что въ московской приказной системѣ было не мало темныхъ сторонъ. Къ концу XVII в. приказная система перестала удовлетворять и своему дѣловому назначенію. Это доказывается тѣмъ, что преобразованіе ея началось еще до того времени, когда при Петрѣ Великомъ большая часть приказовъ замѣнена была коллегіями. Преобразованіе заключалось въ болѣе правильномъ распредѣленіи дѣлъ между приказами и въ сокращеніи ихъ числа. Приказы представляли собою, какъ сказано, органы центральнаго управленія. Въ непосредственномъ подчиненіи у нихъ находилось мѣстное управленіе.

§ 61. Мѣстное управленіе и судъ.

Ограниченіе кормленій.

Удѣльный періодъ завѣщалъ Московскому — устройство мѣстнаго управленія въ видѣ системы «кормленій» (стр. 70). Кормленщиками, какъ извѣстно, назывались намѣстники и волостели, получавшіе «кормы» (доходы) съ населенія за исполненіе своихъ правительственныхъ и судебныхъ обязанностей и стоявшіе во главѣ округовъ, которые назывались обыкновенно уѣздами и подраздѣлялись на станы, волости, деревни, слободы, села. Въ теченіе Московскаго періода мѣстное управленіе преобразовывалось нѣсколько разъ. Первое преобразованіе, начатое въ концѣ XV в., заключалось въ *упорядоченіи* системы кормленій.

Для этого 1) точнымъ образомъ опредѣлялись доходы кормленщиковъ и порядокъ ихъ судопроизводства, 2) устанавливался надзоръ за ихъ дѣйствіями какъ со стороны правительства, такъ и со стороны населенія, 3) изъ вѣдѣнія ихъ были изъяты нѣкоторыя дѣла, и вершеніе послѣднихъ передано выборнымъ лицамъ отъ населенія.

Доходы кормленщиковъ перечислялись въ особомъ «наказномъ» или «доходномъ» спискѣ и должны были собираться не ими самими, а выборными отъ мѣстныхъ жителей. Больше положеннаго кормленщикъ получать не могъ; строжайше воспрещалось брать и давать взятки. По окончаніи кормленія (не превышавшаго, обыкновенно, въ XVI в. годичнаго срока) обиженные намѣстникомъ могли подавать на него жалобы и даже вызывать его на поединокъ. Такъ какъ главныя злоупотребленія происходили при судопроизводствѣ, то на него и было обращено особенное вниманіе. Уже со времени Іоанна III судъ кормленщиковъ пересталъ быть единоличнымъ: по постановленію Судебника, на немъ должны были присутствовать 1) дьяки, 2) выборные отъ мѣстнаго населенія.

Дьяки были товарищами кормленщиковъ при судопроизводствѣ, выборные, «добрые», «лучшіе» люди наблюдали за правильнымъ веденіемъ дѣлъ. Сперва они выбирались особо на каждое дѣло, но со времени Судебника Іоанна IV получили постоянное значеніе и стали

называться земскими старостами и цѣловальниками. Подвергаясь ихъ надзору, судьи-кормленщики находились также подъ контролемъ правительственной власти: именно, о важнѣйшихъ преступленіяхъ—такъ называемыхъ «лихихъ дѣлахъ» (напр., разбояхъ, убійствахъ и т. п.)—они должны были дѣлать «докладъ» въ московскіе приказы. Но съ теченіемъ времени (съ первой половины XVI в.) нѣкоторыя дѣла, въ особенности дѣла о разбояхъ, были вовсе изъяты изъ суда кормленщиковъ и переданы выборнымъ лицамъ, въ обязанность которымъ было вмѣнено не только карать, но и *предупреждать* преступленія. Эти лица назывались «губными старостами» (губа—полицейскій округъ, совпадавшій сперва съ волостью, затѣмъ—съ уѣздомъ) и выбирались изъ служилыхъ людей данной мѣстности всѣмъ населеніемъ;—помощниками ихъ были губные цѣловальники, которыхъ выбирали тяглые люди изъ своей среды, а также сотскіе, пятидесятскіе и другіе полицейскіе чины.

Разрѣшеніе выбирать губныхъ старостъ предоставляло жителямъ извѣстное самоуправленіе, т. е. право самостоятельно вѣдать свои мѣстныя дѣла [1]).

Земское самоуправленіе.

Московское правительство не остановилось на этомъ, и въ половинѣ XVI в. приступило ко второму преобразованію областного устройства, заключавшемуся въ значительномъ *расширеніи земскаго самоуправленія и въ отмѣнѣ кормленій*. Дѣйствительно кормленщики представляли большія неудобства, такъ какъ 1) кормленія отвлекали отъ ратной службы много служилыхъ людей, 2) несмотря на строгій надзоръ, кормленщики все же допускали злоупотребленія, 3) на вознагражденіе ихъ шли съ народа платежи, которые могли бы пригодиться государству. Поэтому правительство съ 1550 года стало принимать подготовительныя мѣры къ отмѣнѣ кормленій, а въ 1555 году разрѣшило всѣмъ городамъ и областямъ, которые этого пожелаютъ, «откупиться» отъ кормленщиковъ, т. е. вмѣсто платежей въ ихъ пользу вносить опредѣленный оброкъ въ казну. За это тяглое населеніе получало право выбирать себѣ для управленія и суда «излюбленныхъ старостъ», которые, какъ и другія выборныя лица, должны были нести свои обязанности безвозмездно. Между ними, «губными старостами» и нѣкоторыми иными лицами распредѣлялись всѣ мѣстныя дѣла. Очень важной отраслью послѣднихъ было взиманіе податей въ пользу государства, которое поручалось выборнымъ «вѣрнымъ», т. е. принесшимъ соотвѣтственную присягу, головамъ и цѣловальникамъ. Недоборъ податей возмѣщался изъ ихъ собственныхъ средствъ или изъ средствъ ихъ избирателей. Такимъ образомъ «вѣрные» люди отвѣчали передъ государствомъ за податную исправ-

[1]) У крестьянъ, какъ мы знаемъ (стр. 74), самоуправленіе существовало искони. Такимъ образомъ правительство лишь узаконило и расширило то, что выработала житейская практика.

ность населенія, а губные старосты за его благонадежность. Въ выборѣ губныхъ старостъ участвовали, какъ сказано, и служилые, и тяглые люди. Одни же служилые люди выбирали себѣ «городового приказчика», который вѣдалъ дѣла служилыхъ людей такъ же, какъ излюбленный староста—дѣла тяглыхъ. Вообще самоуправленіе было сословнымъ или, лучше сказать, классовымъ и отличалось большой дробностью: самоуправлявшіеся земскіе мірки (посады, волости, станы, слободы и села) были очень мелкими и разобщенными между собою. Только округа губныхъ старостъ были крупнѣе. По особенно важнымъ дѣламъ выборныя лица сносились съ московскими приказами и, такимъ образомъ, давали возможность правительству наблюдать за ходомъ мѣстной жизни. Кромѣ того, въ нѣкоторыя области, пользовавшіяся самоуправленіемъ, правительство назначало «городовыхъ воеводъ» и прочихъ лицъ, вѣдавшихъ военное дѣло.

Усиленіе воеводской власти.

Процвѣтаніе земскаго самоуправленія было очень непродолжительнымъ. Историческія условія привели къ третьему преобразованію областного управленія—*усиленію воеводской власти.* Эти условія были созданы Смутнымъ временемъ, когда военныя потребности побуждали правительство сосредоточивать власть въ рукахъ воеводъ, которые и стали вѣдать не только ратныя, но и всякія другія дѣла. Замѣтивъ, что населеніе терпитъ отъ этого «насильства и убытки», правительство въ первые годы послѣ Смуты пыталось было возстановить земское самоуправленіе. Однако во многихъ областяхъ не находилось лицъ, пригодныхъ для занятія отвѣтственныхъ должностей по выбору (такъ какъ лучшіе мѣстные люди были привлечены къ военной службѣ), и поэтому пришлось такъ же, какъ и въ Смутное время, назначать воеводъ областными начальниками. Воевода (отличавшійся отъ прежняго намѣстника тѣмъ, что онъ не имѣлъ права получать кормовъ, а долженъ былъ довольствоваться казеннымъ жалованьемъ) стоялъ во главѣ цѣлаго уѣзда (пограничные уѣзды объединялись иногда въ болѣе крупныя территоріальныя единицы—такъ называемые «разряды» — прообразы будущихъ губерній); его власть распространялась обыкновенно на все уѣздное населеніе по всякимъ дѣламъ: и военнымъ, и полицейскимъ, и судебнымъ, и финансовымъ. Однимъ словомъ, въ рукахъ его сосредоточилось то, что прежде вѣдалось нѣсколькими разъединенными самоуправляющимися земскими мірками, и представители послѣднихъ, въ частности губные старосты, оказались въ подчиненіи у воеводы, въ зависимости отъ его присутственнаго мѣста—«съѣзжей избы». Впрочемъ, воеводская власть не вездѣ была одинакова: степень ея опредѣлялась особыми наказами, вручаемыми воеводамъ при назначеніи. Но какова бы ни была эта власть, она неблагопріятно отзывалась на земскомъ самоуправленіи, которое глохло, сверхъ того, вслѣдствіе разобщенности сословій, вызванной прикрѣпленіемъ посадскихъ и крестьянъ. Поручая областное управленіе воеводамъ, правительство XVII в. вступало на путь централизаціи (т. е.

управленія посредствомъ назначенныхъ, а не выборныхъ лицъ): на долю выборныхъ отъ населенія оставалось только завѣдываніе мѣстными хозяйственными и финансовыми дѣлами, т. е. преимущественно раскладка и сборъ податей.

Изъ изложеннаго видно, что въ теченіе Московскаго періода мѣстное управленіе было трижды преобразовано. Тѣмъ не менѣе оно не получило отчетливой формы. По словамъ проф. Грибовскаго, «органы приказнаго, вѣрнаго, земскаго, полуприказнаго — полуземскаго характера, всѣ съ неяснымъ кругомъ вѣдомства и соподчиненія постоянно сталкивались и запутывали взаимныя отношенія».

Новая областная реформа проведена была при Петрѣ Великомъ. Тогда, какъ увидимъ, сдѣлана была также попытка отдѣлить судъ отъ управленія. До Петра же (какъ, впрочемъ, и долгое время послѣ него) судебная власть совмѣщалась съ административной. Поэтому сдѣланный выше обзоръ московскаго управленія даетъ матеріалъ и для характеристики судоустройства.

Судебныя инстанціи.

Первой судебной инстанціей, какъ выяснено, являлся сначала судъ кормленщиковъ, переставшій быть единоличнымъ (стр. 170), затѣмъ судъ выборныхъ — губныхъ и излюбленныхъ старостъ—и, наконецъ, воеводъ. Второй инстанціей были московскіе приказы. Сюда поступали дѣла, выходившія за предѣлы власти судей первой инстанціи, а также жалобы на ихъ приговоры. Высшую инстанцію представляла боярская дума, выдѣлившая изъ себя въ половинѣ XVII в. Расправную палату (стр. 158). Наконецъ, никому, какъ извѣстно, не возбранялось подавать челобитье «о неправомъ вершеньи на судей» самому государю, который, конечно, если хотѣлъ, могъ судить и въ качествѣ первой и единственной инстанціи (стр. 156).

Вообще указанный обычный порядокъ судопроизводства былъ не единственно-возможнымъ: изъ него допускались изъятія въ зависимости отъ воли государя, отъ рода дѣлъ и отъ общественнаго положенія тяжущихся. Такъ, для духовенства, какъ увидимъ, существовала особая подсудность; бояре — привилегированные землевладѣльцы—не были подсудны областнымъ правителямъ; что же касается владѣльческихъ крестьянъ, то они по многимъ дѣламъ впадали въ судебную зависимость отъ своихъ господъ.

Наказанія за преступленія сдѣлались гораздо строже, чѣмъ въ Кіевскій періодъ; измѣнился и характеръ судопроизводства: судья обязанъ былъ производить слѣдствіе («обыскъ и сыскъ»); задачей суда ставилось не только удовлетвореніе потерпѣвшаго, но и обезпеченіе интересовъ государства.

Судебная и административная практика, опредѣляемая обычаями и частными распоряженіями, послужила однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ московскаго законодательства.

§ 62. Законодательство.

Источники законодательства.

Обычное право (т. е., по опредѣленію проф. Филиппова, «совокупность тѣхъ представленій о правдѣ и справедливости, которыя зарождаются, развиваются и живутъ въ представленіяхъ самого народа, независимо отъ предписаній верховной власти»), преобладавшее въ древней Руси надъ закономъ (стр. 34), въ Московскій періодъ также играетъ еще очень важную роль. Это объясняется тѣмъ, что, по словамъ проф. Дьяконова, «ненарушимость старины (т. е. обычая, «пошлины») была общимъ лозунгомъ правительства и всѣхъ общественныхъ слоевъ». Въ силу этого московскіе законодательные памятники очень часто *лишь* утверждали и освящали порядокъ, дѣйствовавшій на практикѣ благодаря своему соотвѣтствію народнымъ обычаямъ, — иными словами, возводили послѣдніе въ законъ. Таковъ одинъ изъ способовъ законодательнаго творчества, сводившійся, какъ видно, только къ санкціонированію обычнаго права. На ряду съ этимъ московскіе государи проводили, конечно, и новыя мѣры, однако и новое они любили «ставить подъ покровъ старины, иногда даже не дѣйствительной, а фиктивной» (такой способностью вливать новое вино въ мѣхи старые особенно отличался Іоаннъ III). Часто бывало, что на новый вопросъ наталкивались не сами государи, а московскіе приказы: встрѣтивъ въ своей судебной или административной практикѣ такое дѣло, которое имъ «вершить не мощно», они, какъ уже упоминалось (стр. 168), входили съ докладомъ къ государю и боярской думѣ и ждали «приговора». «Приговоръ бояръ, по словамъ проф. Ключевскаго, не ограничивался разрѣшеніемъ частнаго случая: обыкновенно онъ обобщалъ этотъ случай и извлекалъ изъ него постоянное правило на будущее время». Поводомъ къ выработкѣ новаго закона думой могли быть также челобитья отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ обществъ. Чутко отзываясь на государевъ указъ, на «статейный списокъ» (перечень вопросовъ изъ приказа) и на частное челобитье, дума сама—по-себѣ рѣдко проявляла законодательный починъ: въ ея обычаѣ было именно отвѣчать на запросы, а не возбуждать ихъ.

Такими способами и возникали узаконенія въ видѣ отдѣльныхъ грамотъ и указовъ. Время отъ времени они приводились въ систему, согласовывались, дополнялись, приноравливались къ измѣнившимся обстоятельствамъ. Результатомъ этой кодификаціонной работы и явились московскіе законодательные сборники: Судебникъ 1497 г., Судебникъ 1550 г. и Соборное Уложеніе.

Характерныя черты законодательства.

Изъ изложеннаго легко вывести отличительныя черты московскаго законодательства. Оно было 1) народнымъ (такъ какъ основывалось на обычномъ правѣ, на житейской практикѣ и на челобитьяхъ), 2) консервативнымъ (такъ какъ прикрывалось авторите-

томъ старины), 3) не вполнѣ отражающимъ все дѣйствовавшее право (такъ какъ, очевидно, правительственная, судебная и бытовая практика не была исчерпана указами и грамотами), 4) казуистичнымъ въ томъ смыслѣ, что въ немъ отдѣльныя рѣшенія частныхъ случаевъ (казусовъ) преобладаютъ надъ общими нормами. Послѣдняя черта объясняется вышеприведенными способами законодательнаго творчества: «Московское законодательство, по словамъ проф. Сергѣевича, шло не отъ общихъ началъ, а отъ случайныхъ требованій мѣста и времени, а потому представляется весьма разъединеннымъ».

Перечисленныя особенности, конечно, ярче всего должны были сказаться въ «грамотахъ», которыя (за исключеніемъ «утвержденныхъ» и «приговорныхъ» грамотъ земскихъ соборовъ) по самому существу были *частными и мѣстными* узаконеніями.

Грамоты.

Распространеннѣйшими родами грамотъ законодательнаго характера являются *жалованныя* и *уставныя*. Подъ первыми разумѣются такіе законодательные акты, коими государь «жаловалъ» *отдѣльнымъ* лицамъ, обществамъ или учрежденіямъ какія-нибудь милости, льготы и привилегіи. Такъ, напр., къ нимъ относятся грамоты *вотчинныя* (награждающія недвижимой собственностью или угодьями), *обѣльныя* (дающія льготы финансоваго характера), *несудимыя* (освобождающія отъ обычной подсудности), *тарханныя* или тарханы (предоставляющія, по словамъ проф. Филиппова, «льготы или привилегіи какъ финансоваго, такъ и судебнаго характера»). Указанныя милости жаловались обыкновенно по челобитью просителей. По челобитью же населенія отдѣльныхъ областей нерѣдко издавались также *грамоты уставныя*, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго управленія (съ цѣлью ограничить произволъ намѣстниковъ) или устанавливающія земское самоуправленіе. Къ числу послѣднихъ можно отнести, напр., *губныя* грамоты (перечисляющія обязанности губныхъ старостъ) и *земскія* уставныя (очерчивающія кругъ вѣдомства излюбленныхъ головъ и прочихъ выборныхъ).

Судебникъ.

Уставныя грамоты, вмѣстѣ съ Русской Правдой, Псковской Судной грамотой (эта грамота, возникшая, вѣроятно, въ половинѣ XIV в. и дополненная въ XV в., представляетъ собою богатый и хорошо разработанный сводъ права, дѣйствовавшаго въ Псковской землѣ) и нѣкоторыми нормами обычнаго права, послужили источниками перваго московскаго законодательнаго сборника 1497 г. Составленъ онъ былъ по повелѣнію Іоанна III дьякомъ Гусевымъ. Появленіе сборника именно въ это время весьма понятно: «политическое объединеніе Москвою русскихъ земель должно было, по словамъ проф. Филиппова, повлечь за собою и *объединеніе законодательное*». Однако сборникъ Іоанна III далеко не такъ полно отражаетъ въ себѣ московское право, какъ Русская Правда и Псковская Судная грамота отражали право древне-русское и псковское: онъ является въ сущности только *судебнымъ уставомъ*, да и то не полнымъ, не исчерпывающимъ уставныхъ грамотъ. Со-

держаніе его дошло до насъ лишь въ одномъ спискѣ, найденномъ въ 1817 г. Этотъ памятникъ не имѣетъ ни заглавія, ни раздѣленія на части. Ученые условились распредѣлять его матеріалъ на четыре отдѣла и 68 статей и называютъ его *Судебникомъ* 1497 г. по аналогіи со вторымъ—царскимъ—Судебникомъ, изданнымъ Іоанномъ IV въ 1550 г. и, повидимому, обсуждавшимся на Стоглавомъ соборѣ. (Найденъ онъ въ 1734 г. В. Н. Татищевымъ). Царскій Судебникъ черпаетъ матеріалъ изъ Судебника 1497 г., но исправляетъ и дополняетъ его на основаніи новыхъ грамотъ и указовъ, почему содержитъ уже не 68 статей, а 100. Дополненіями являются, напр., запрещеніе давать тарханныя грамоты (впрочемъ, плохо соблюдавшееся), перечень строгихъ наказаній намѣстникамъ за неправый судъ, установленіе нѣкоторыхъ новыхъ правилъ, касающихся холоповъ и крестьянскаго «выхода». Но при всѣхъ этихъ и подобныхъ дополненіяхъ, при лучшей систематизаціи матеріала, второй Судебникъ, подобно первому, отличался неполнотою и имѣлъ значеніе преимущественно сборника правилъ судоустройства и судопроизводства. Отвѣтить на всѣ запросы правительственной практики онъ, конечно, не могъ, и скоро устарѣлъ.

Указныя книги. Богатое преобразованіями царствованіе Іоанна IV, бурный періодъ Смуты, эпоха возстановленія порядка при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ, — все это порождало множество новыхъ узаконеній. Являясь въ видѣ отдѣльныхъ «приговоровъ» по указу государей или въ отвѣтъ на «доклады» должностныхъ лицъ и челобитья, они долго не приводились въ систему, а записывались только въ книгахъ тѣхъ приказовъ, вѣдомства которыхъ касались. Эти книги назывались «указными» и служили для приказовъ продолженіями Судебника [1]). Случалось, что одинъ приказъ не зналъ законовъ, внесенныхъ въ указныя книги другого, или что въ разныхъ указныхъ книгахъ содержались противорѣчія. Если и приказные люди часто путались въ законахъ и вертѣли ими, какъ угодно, то простой народъ, конечно, совершенно не зналъ ихъ. Такой порядокъ, очевидно, открывалъ широкій просторъ для злоупотребленій, отвѣтомъ на которыя было народное недовольство, вылившееся въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ грозный мятежъ лѣтомъ 1648 г. Этотъ мятежъ и послужилъ, быть можетъ, однимъ изъ поводовъ, побудившихъ правительство приступить къ тому дѣлу, необходимость котораго чувствовалась давно, именно къ составленію новаго свода законовъ, и привлечь къ работѣ надъ нимъ выборныхъ отъ населенія, т. е. земскій соборъ.

---

[1]) При царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ въ 1589 г. какимъ-то частнымъ лицомъ былъ составленъ новый Судебникъ, быть можетъ примѣнявшійся въ судѣ излюбленныхъ старостъ, но, во всякомъ случаѣ, не получившій законодательной силы.

Соборное Уложеніе.

Для составленія Уложенія (подъ этимъ названіемъ разумѣлся систематическій сборникъ дѣйствующихъ законовъ, исправленныхъ и дополненныхъ) былъ выработанъ слѣдующій порядокъ: I. Написать *проектъ* такого Уложенія поручено было комиссіи изъ двухъ бояръ (кн. Одоевскаго и кн. Прозоровскаго), окольничаго — (кн. Волконскаго) и двухъ дьяковъ (Грибоѣдова и Леонтьева). Эта комиссія пользовалась слѣдующими источниками: 1) прежними Судебниками, 2) указными книгами приказовъ, 3) Кормчей (т. е. переводомъ греческаго Номоканона и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ византійскаго права, 4) Литовскимъ Статутомъ (Статутомъ пользовались въ Москвѣ издавна: слѣды основательнаго знакомства съ нимъ замѣтны уже въ указныхъ книгахъ. Уложеніе позаимствовало изъ него свыше 50 статей, но многія ихъ нихъ кореннымъ образомъ перерабатывались, приспособлялись къ условіямъ русской жизни; такъ, напр., отбрасывались всѣ постановленія Статута, клонившіяся къ ограниченію верховной власти или проникнутыя узко-сословнымъ шляхетскимъ духомъ). II. Составленныя комиссіей статьи прочитывались, пересматривались, редактировались и утверждались государемъ и боярской думой. III. Затѣмъ онѣ, такъ сказать, закрѣплялись «общимъ совѣтомъ всей земли», т. е. земскимъ соборомъ, созваннымъ къ осени 1648 г. и состоявшимъ изъ выборныхъ отъ служилыхъ и торгово-промышленныхъ посадскихъ людей. Формально земскому собору отводилась, въ сущности, скромная роль: выборные должны были выслушать статьи составленнаго и утвержденнаго государемъ Уложенія и подписать его, чтобы поручиться своими подписями въ томъ, что «все Уложеніе впредь будетъ прочно и неподвижно», т. е. будетъ исполняться ихъ избирателями. Однако на самомъ дѣлѣ роль выборныхъ оказалась гораздо замѣтнѣе: комиссія при составленіи статей совѣщалась съ ними, привлекала ихъ къ своей работѣ; они, въ свою очередь, выражали комиссіи свои законодательныя пожеланія, которыя, въ видѣ челобитій, поступали затѣмъ въ боярскую думу и удовлетворялись тамъ соотвѣтствующими приговорами. Было нѣсколько случаевъ, когда самъ государь съ боярами являлся на засѣданія собора, совмѣстно съ нимъ обсуждалъ какой-нибудь вопросъ и устанавливалъ по поводу него новый законъ. Изъ изложеннаго видно, что Уложеніе, законченное въ началѣ 1649 года, можетъ быть названо Соборнымъ (какъ зовется оно официально) не только потому, что оно подписано участниками земскаго собора, но и потому, что послѣдніе принимали дѣйствительное участіе въ его составленіи: ихъ челобитья являлись однимъ изъ его источниковъ, притомъ очень важнымъ.

Вліяніе его сказалось на нѣсколькихъ десяткахъ статей, многія изъ которыхъ посвящены вопросамъ, имѣвшимъ огромное значеніе для того времени. Такъ, по челобитью «выборныхъ всѣхъ чиновъ», воспрещено было отчужденіе вотчинъ въ пользу Церкви, «поворочены

въ тягло» (т. е. привлечены къ податному обложенію) городскіе и пригородные дворы и торгово-промышленныя заведенія, перешедшіе въ нетяглыя руки (см. ниже); по желанію дворянскихъ выборныхъ, отмѣнены «урочныя лѣта», т. е. опредѣленный срокъ для разыскиванія бѣглыхъ крестьянъ (см. ниже).

Пространное Уложеніе, представляющее въ подлинникѣ свитокъ длиною въ 434 аршина, составлено было въ очень короткое время: къ концу января 1649 г. оно было закончено, а въ маѣ того же года вышло изъ печати. Спѣшность неблагопріятно отразилась на распредѣленіи и редакціи статей. Однако и по расположенію матеріала, и по полнотѣ его Уложеніе стоитъ гораздо выше Судебниковъ. Въ печатномъ видѣ оно раздѣлено на 25 главъ и 967 статей; въ порядкѣ главъ замѣтно нѣкоторое стремленіе къ системѣ (впрочемъ, не всегда выдержанное): сначала государственное право (гл. I — IX), затѣмъ судоустройство и судопроизводство (X — XV), вещное право (XVI — XX, кромѣ XVIII) и уголовное (XXI — XXII), наконецъ, три дополнительныхъ главы. Самой обширной является глава X «о судѣ» (Уложеніе провозглашаетъ равенство всѣхъ передъ судомъ «отъ бо́льшаго и до ме́ньшаго чину», но устанавливаетъ очень жестокія наказанія: смертную казнь, битье кнутомъ, заливаніе горла расплавленнымъ металломъ и т. д.). Однако Уложеніе отнюдь не можетъ считаться лишь судебнымъ уставомъ, каковыми были прежніе Судебники: оно заключаетъ въ себѣ не только законодательство о судѣ, но и вообще дѣйствовавшее тогда русское право. Конечно, послѣднее отразилось въ немъ не цѣликомъ. Такъ, по словамъ проф. Дьяконова, въ Уложеніи «нѣтъ отвѣтовъ на цѣлый рядъ вопросовъ изъ области государственнаго устройства и управленія, напр., о власти государя, о боярской думѣ, о приказахъ»; нѣтъ систематическаго изложенія семейнаго права и многаго другого. Даже на текущіе вопросы Уложеніе отвѣчало не вполнѣ. Это видно изъ того, что очень скоро его пришлось дополнять и исправлять «новоуказными статьями», которыхъ за время отъ 1649 г. до 1675 г. издано было свыше 600. Нѣкоторые изъ законодательныхъ памятниковъ, появившихся послѣ Уложенія, напр., Новоторговый уставъ 1667 г., свидѣтельствуютъ, по мнѣнію изслѣдователей, о стремленіи московскаго правительства къ реформамъ по «европскому» образцу. Въ Императорскій періодъ узаконенія, навѣянныя западно-европейскимъ вліяніемъ, очень и очень умножились. Тѣмъ не менѣе Соборное Уложеніе, правда, видоизмѣняемое ими, сохранило силу вплоть до изданія при Императорѣ Николаѣ I Свода Законовъ Россійской Имперіи, а частью вошло въ послѣдній. Значитъ, какъ юридическій памятникъ, Уложеніе, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, оказалось очень живучимъ, какъ историческій, — оно даетъ яркую картину общественнаго строя Московской Руси половины XVII вѣка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Общественный строй.

§ 63. Общія замѣчанія.

Общественный строй въ началѣ Московскаго періода.

Въ началѣ Московскаго періода общественный строй, подобно административному, отличался сложностью, дробностью и неоформленностью. Правда, если исключить изъ его состава духовенство (о которомъ рѣчь пойдетъ ниже), то разнородные классы русскаго населенія можно распредѣлить на три главныя группы: служилую, тяглую и несвободную (холопство). Однако такое распредѣленіе очень неточно, потому что внутри указанныхъ группъ не было строгаго единства, отсутствовали и рѣзкія границы между ними. Каждая группа какъ бы распадалась на различныя звенья, крайнія изъ которыхъ — промежуточные общественные слои — переплетались другъ съ другомъ. Такъ, въ служилой массѣ слѣдуетъ различать 1) боярство, притомъ разнослойное и разночиновное, 2) среднее служилое сословіе — дворянъ и дѣтей боярскихъ нѣсколькихъ разрядовъ и «статей», 3) классъ дьяковъ, 4) низшій служилый классъ по «прибору» (т. е. вербовкѣ изъ всевозможныхъ общественныхъ слоевъ), стоявшій очень близко къ тяглой группѣ. Послѣдняя разбивалась на посадскихъ — «лучшихъ, середнихъ и молодшихъ» — и на крестьянъ — черносошныхъ и владѣльческихъ. Переходною ступенью къ холопству были не только закладчики (стр. 75) и разные слои сельскаго пролетаріата, но и обѣднѣвшіе дѣти боярскіе, поступавшіе иногда на службу къ частнымъ лицамъ. Холопы въ свою очередь были разныхъ наименованій и разрядовъ. Наконецъ, «вольногулящіе люди», пополнявшіеся всѣми, кто избѣгалъ службы или тягла, вслѣдствіе нестроты своего состава не поддаются внесенію ни въ какую опредѣленную группу.

Обособленіе сословій.

Съ теченіемъ времени московское законодательство стало стремиться къ упрощенію, обособленію и закрѣпленію общественныхъ классовъ; иными словами, близкіе другъ къ другу слои тѣсно стягиваются въ опредѣленные классы, точно устанавливаются ихъ права и обязанности, и элементы каждаго класса прикрѣпляются къ послѣднимъ. Это ведетъ къ превращенію классовъ въ *сословія*, члены которыхъ наслѣдственно пользуются извѣстными правами, наслѣдственно несутъ свои обязанности. Сильный толчокъ къ такому закрѣпощенію общества дало Соборное Уложеніе: прежнія неоформленныя группы населенія къ концу XVII вѣка уже рѣзко обрисовываются, при чемъ нѣсколько измѣняется и ихъ составъ. Это—1) группа служилая—дворянская—землевладѣльческая, 2) крестьянская — земледѣльческая, распадавшаяся на крестьянъ крѣпостныхъ и черносошныхъ — государственныхъ, 3) посадская—торгово-промышленная. Такъ, XVII в. подготовилъ

почву для окончательной кристаллизаціи сословій, которая относится уже къ XVIII—времени расцвѣта дворянскихъ привилегій. Дворянство, какъ извѣстно, произошло изъ московскаго служилаго сословія.

§ 64. Служилое сословіе. Его высшій слой—боярство.

Значеніе понятія «боярство».

Изъ вышеизложеннаго (стр. 120) уже выяснилось, что терминъ московское «боярство» имѣетъ два значенія. Въ *широкомъ—бытовомъ*—смыслѣ подъ боярствомъ разумѣется первенствовавшій, въ силу своего экономическаго и политическаго положенія, слой московскаго общества. Это былъ классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, представлявшій собою въ то же время высшее служилое сословіе, изъ среды котораго выходили государевы «думцы», важнѣйшіе придворные сановники, воеводы, начальники крупныхъ приказовъ и прочая чиновная знать. Въ *тѣсномъ, офиціальномъ* смыслѣ слово бояринъ означаетъ высшій думный чинъ. Важнѣйшіе моменты исторіи боярства (въ первомъ смыслѣ) уже извѣстны намъ.

Политическое, чиновное и служебное значеніе боярства.

Мы видѣли, что начало Московскаго періода характеризуется притокомъ въ боярскую среду «служилыхъ князей» или «княжатъ», гордыхъ своимъ «отечествомъ», т. е. происхожденіемъ, преисполненныхъ притязаніями на чиновное и служебное первенство и на политическое вліяніе, чуть не на соправительство съ государями. Дальнѣйшая исторія боярства есть исторія его упадка. Политическія домогательства княжатъ, отъ которыхъ вѣяло удѣльной стариною, скоро разбились объ окрѣпшее національное московское самодержавіе; боярскія вотчины потерпѣли жестокій уронъ изъ-за опричнины Грознаго (стр. 121), изъ-за развитія монастырскаго землевладѣнія (см. ниже), изъ-за экономическаго кризиса (стр. 152); водоворотъ Смутнаго времени поглотилъ не мало виднѣйшихъ представителей знати и поколебалъ авторитетъ уцѣлѣвшихъ. И на служебной лѣстницѣ родовитымъ людямъ также все чаще и чаще приходилось сталкиваться съ «худородными». Но тѣмъ не менѣе *чиновное* и *служебное* значеніе боярства оказалось все же болѣе прочнымъ, чѣмъ его *политическая* роль и пережило послѣднюю. Чиновныя привилегіи родовой аристократіи *въ XVI в.* состояли въ томъ, что представители самыхъ громкихъ княжескихъ фамилій (ведущихъ свое происхожденіе, по большей части, отъ великихъ князей Удѣльнаго періода), при вступленіи въ государеву думу, возводились непосредственно въ чинъ боярина, минуя званіе *окольничаго*; для менѣе блестящей титулованной знати послѣднее было необходимой переходной ступенью къ боярству; и лишь младшіе отпрыски княжескихъ линій не шли выше окольничества. Иначе обстояло дѣло со старинною московскою нетитулованною знатью: для нея окольничество, по словамъ проф. Ключевскаго, составляло «вершину почестей, высшій предѣлъ чиновной карьеры»; только немногіе нетитулованные вельможи носили чинъ боярина и лишь нѣ-

которымъ представителямъ трехъ-четырехъ самыхъ почтенныхъ московскихъ фамилій (напр., Захарьиныхъ-Юрьевыхъ, Воронцовыхъ, Бутурлиныхъ) удавалось не быть до этого окольничими. Второстепенные же московскіе роды, вмѣстѣ съ пришлымъ удѣльнымъ боярствомъ (т. е. такимъ, которое до прихода въ Москву служило удѣльнымъ князьямъ), попадая въ думу, должны были довольствоваться званіемъ *думныхъ дворянъ* [1]). Чиновныя преимущества знати находились въ связи со *служебными*. Послѣднія долго сохранялись, основываясь на глубоко вкоренившемся въ московскую жизнь обычаѣ,— мѣстничествѣ.

Мѣстничествомъ назывался тотъ порядокъ, которымъ правитель- Мѣстничество.
ство руководилось при размѣщеніи бояръ въ различныхъ официальныхъ случаяхъ (напр., на торжественныхъ пирахъ за государевымъ столомъ, при встрѣчахъ и пріемахъ пословъ, при церковныхъ церемоніяхъ и т. д.), а равнымъ образомъ при назначеніи ихъ на должности. Онъ заключался въ слѣдующемъ.

Члены родовитыхъ фамилій, если имъ приходилось выступать или служить *совмѣстно* съ неродовитыми, ставились на болѣе высокія мѣста. Всѣ назначенія записывались въ особыя «разрядныя» книги. Такая запись устанавливала опредѣленныя служебныя отношенія между должностными лицами, показывающія, на сколько «мѣстъ» одно лицо «больше» (т. е. выше по службѣ) другого. Эти отношенія оставались навсегда неизмѣнными не только для данныхъ лицъ, но и для ихъ родственниковъ и всѣхъ потомковъ, *равноотстоящихъ* отъ нихъ по своему положенію въ семьѣ.

Послѣднее условіе (т. е. равное отстояніе) вызывалось тѣмъ, что члены одного и того же рода не всѣ считались равными другъ другу, и между ними существовала своя семейная градація, подчинявшаяся особымъ правиламъ. Именно, отецъ признавался старше своего перваго сына тремя мѣстами, т. е. старшій сынъ занималъ четвертое мѣсто отъ отца и приравнивался къ третьему дядѣ [2]). Въ зависи-

---

[1]) Кромѣ указанныхъ *думныхъ* чиновъ (къ которымъ слѣдуетъ еще прибавить думное дьячество, жаловавшееся «худороднымъ» дѣльцамъ), было еще много *придворныхъ*. Важнѣйшіе изъ нихъ, напр., чинъ дворецкаго, конюшаго (не замѣщавшійся въ XVII в.), казначеевъ, совмѣщались съ думными чинами; другіе—напр., оружничаго, крайчаго—служили переходной ступенью къ думнымъ; третьи—напр., спальниковъ, стольниковъ, стряпчихъ—не имѣли, повидимому, къ нимъ отношенія.

[2]) Изобразимъ схематически порядокъ «мѣстъ» въ семьѣ. Буквы означаютъ членовъ семьи, начиная со старшаго брата (А) по степенямъ родства. Цифры наверху буквъ являются показателями степеней семейнаго старшинства этихъ членовъ:

$\overline{А^1}$				$\overline{Б^2}$	$\overline{В^3}$	$\overline{Г^4}$	$\overline{Д^5}$	$\overline{Е^6}$. (1-е поколѣніе—отцы).
$а^4$	$\overline{б^5}$	$\overline{в^6}$	$г^7$	$\overline{д^5\ е^6\ ж^7}$	$\overline{з^6\ и^7}$	$\overline{к^7\ л^8}$	$\overline{м^8}$	$\overline{н^9}$. (2-е поколѣніе—дѣти).
$\overline{о^7\ п^8\ р^9}$		$\overline{с^8\ т^9}$	$\overline{у^9\ ф^{10}}$	. . . . .				(3-е поколѣніе—внуки).

и т. д.

мости отъ «мѣста» (положенія) лица въ *своей* семьѣ, опредѣлялось и его служебное отношеніе къ лицу *другой* фамиліи. Положимъ, что боярinъ А служилъ нѣкогда тремя мѣстами выше боярина Б; между ними такое отношеніе должно сохраниться навсегда, но старшій сынъ А, который ниже своего отца тремя мѣстами, и соотвѣтствующій ему по старшинству братъ А должны служить наравнѣ съ Б, а второй сынъ А—однимъ мѣстомъ ниже Б и т. д. Слѣдовательно, для установленія правильныхъ «мѣстническихъ» отношеній между нѣсколькими лицами недостаточно было справокъ по «разряднымъ» книгамъ о служебномъ распорядкѣ ихъ предковъ; необходимо было еще вычислить отношеніе ихъ къ послѣднимъ по «родословнымъ» книгамъ, въ которыхъ велись поколѣнныя записи членовъ знатныхъ фамилій. «Разрядныя» служили основой для междуфамильнаго счета и устанавливали служебное «отечество» (такъ назывались служебныя отношенія предковъ даннаго лица къ предкамъ другого); «родословныя»—для фамильнаго счета и для вычисленія родового «отечества» (положенія даннаго лица въ его родѣ). «Отечество», полагавшееся въ основу мѣстничества, опредѣляло лишь взаимное *отношеніе сотоварищей по совмѣстной службѣ*, а отнюдь не *высоту* самой должности. Никакая должность сама-по-себѣ ни для кого не считалась низкою; равнымъ образомъ, не считалось обиднымъ назначеніе на низшую должность по сравненію съ прежде занимаемой: все дѣло было только въ сослуживцахъ, и должностное лицо могло выражать претензію на назначеніе *только* въ томъ случаѣ, если на *совмѣстной* службѣ его ставили на одинъ уровень или ниже другого лица, которое было ниже его по своему «отечеству». Только въ такомъ случаѣ поднимался «споръ о мѣстахъ» и возникало «мѣстническое дѣло».

Мѣстничество, распространившееся на всѣ классы служилыхъ людей, представляло громадныя неудобства: 1) выборъ должностныхъ лицъ обусловливался не ихъ заслугами и талантами, а лишь ихъ происхожденіемъ; соотвѣтствіе не способностей, а «отечества» опредѣляло подборъ сотоварищей по совмѣстной службѣ; однимъ словомъ, отвлеченные мѣстническіе знаки предпочитались живымъ людямъ; 2) совершенно непроизводительно тратилась масса времени и труда на установленіе мѣстническихъ отношеній; малѣйшее нарушеніе ихъ вызывало споръ, разрѣшавшійся кропотливымъ боярскимъ судомъ при участіи самого государя, вызывало отказъ обиженныхъ должностныхъ лицъ отъ исполненія своихъ обязанностей и всевозможныя злоупотребленія. Правительство сознавало вредъ мѣстничества и единичными мѣрами боролось съ нимъ: оно часто объявляло «безмѣстіе» (т. е. непринятіе того или другого служебнаго распорядка въ расчетъ при послѣдующихъ назначеніяхъ), строго карало неправильно мѣстничавшихся лицъ, тѣмъ не менѣе долгое время не только терпѣло, но даже поддерживало мѣстничество въ качествѣ общаго правила. Уничтожить его было трудно, какъ обычай, слишкомъ глу-

боко вкоренившійся. Къ тому же мѣстничество давало правительству средство, которымъ можно было примирить значеніе родовитости и службы, ввести княжатъ въ общій кругъ служилыхъ людей и незамѣтнымъ образомъ ограничить ихъ притязанія. Дѣйствительно, какъ сейчасъ увидимъ, мѣстничество оказалось обоюдоострымъ оружіемъ для боярства.

Отстаивая всѣми силами мѣстничество, бояре говорили, что «за службу (т. е. заслуги) государь жалуетъ деньгами и землями, а не отечествомъ», т. е. не знатностью; службу они считали слѣдствіемъ «отечества». Но въ дѣйствительности само «отечество» было ничѣмъ инымъ, какъ служебнымъ положеніемъ данныхъ лицъ или ихъ предковъ, значитъ — слѣдствіемъ службы. Княжескій титулъ и высокій чинъ (напр., боярина и окольничаго) принимались, конечно, во вниманіе при назначеніяхъ на высокія должности, но взаимныя отношенія служилыхъ людей опредѣлялись не ими, а, какъ сказано выше, службою предковъ. Будучи знатнымъ по происхожденію, можно было добиться высокой службы, но, не служа долгое время, нельзя было сохранить знатности: тѣ фамиліи, представители которыхъ почему-либо не получали важныхъ должностей, постепенно падали въ мѣстническомъ отношеніи, затирались другими. Итакъ, мѣстничество приводило въ заколдованный кругъ: службу оно обусловливало родовитостью, а родовитость — службою. Оно вело также къ глубокому противорѣчію: боярство думало найти въ мѣстничествѣ опору для своего политическаго вліянія, а находило въ немъ источникъ своей разобщенности и слабости. Расколовшись сначала на два слоя — княжатъ и нетитулованныхъ — боярство продолжало дробиться на ряды фамилій съ различнымъ «отечествомъ», ослаблявшихъ другъ друга мѣстническими спорами. Оно не сложилось, подобно западноевропейской аристократіи, въ однородное сословіе, сплоченное одинаковыми правами и притязаніями, а образовало кругъ чиновныхъ фамилій, разъединенныхъ соперничествомъ изъ-за своей мѣстнической чести. Это и послужило одной изъ причинъ утраты боярами своей политической роли: послѣднюю они какъ бы принесли въ жертву чиновному тщеславію и служебнымъ преимуществамъ.

Однако и чиновно-служебное значеніе боярства стало постепенно падать. Когда послѣ Смуты одни боярскіе роды «безъ остатку миновалися», другіе почему-либо «захудали», мѣста ихъ заняли новые люди, выдвинувшіеся впередъ благодаря близости къ царю, царской милости и заслугамъ. Происходя изъ фамилій, предки которыхъ рѣдко достигали окольничества, они сѣли теперь въ думѣ боярами рядомъ съ уцѣлѣвшими обломками древнихъ родовъ, стали соперничать съ послѣдними и на всѣхъ должностяхъ. Правда, эти новые люди заимствовали у старыхъ обычай мѣстничества, но изъ двухъ принциповъ, лежавшихъ въ основѣ его: «родового отечества» и службы получилъ преобладаніе *второй*, т. е. *служба*; поэтому все чаще и

чаще при мѣстническихъ спорахъ принималось въ руководство правило: «великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ» (т. е. пожалованіемъ). Послѣдовательное примѣненіе этого правила и дальнѣйшее проникновеніе въ правительственную среду незнатныхъ людей должны были привести къ отмѣнѣ мѣстничества. Для «худородныхъ» карьеристовъ оно являлось лишь докучнымъ препятствіемъ, которое такъ или иначе нужно было преодолѣть при достиженіи высокихъ чиновъ. Нечиновные же служилые люди конца XVII в. мечтали о превращеніи московскаго служилаго класса въ привилегированное сословіе наподобіе польской шляхты, т. е. въ такое сословіе, члены котораго, высоко поднимаясь надъ неслужилыми классами, обладали бы наслѣдственными, не зависящими отъ службы предковъ привилегіями и правами на занятіе высокихъ мѣстъ. Образованію такого однороднаго сословія мѣстничество, конечно, мѣшало, внося разъединеніе въ служилую среду.

Все сказанное объясняетъ, почему уничтоженіе вѣкового, нѣкогда столь дорогого русскому сердцу, обычая состоялось очень легко. Въ 1682 г. комиссія изъ служилыхъ людей, обсуждавшая «устроеніе и управленіе ратнаго дѣла», признала, что интересамъ послѣдняго вредитъ мѣстничество, и подала царю Ѳеодору Алексѣевичу челобитье объ уничтоженіи его. По этому поводу государь созвалъ на совѣщаніе Освященный Соборъ, думныхъ людей и выборныхъ отъ придворныхъ чиновъ; это совѣщаніе и составило приговоръ (такъ называемое «Соборное дѣяніе») объ отмѣнѣ мѣстничества, «чтобы впредь всѣмъ служилымъ людямъ быть безъ мѣстъ». Затѣмъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ объявилъ, что онъ прикажетъ составить особую Родословную книгу и вписать въ нее фамиліи служилыхъ людей. Эта книга (появившаяся нѣсколько лѣтъ спустя и извѣстная подъ названіемъ Бархатной) положила какъ бы основаніе организаціи *однороднаго* дворянства, замѣнившаго собою прежній служилый классъ, который разбивался доселѣ на нѣсколько разрядовъ и статей, объединенныхъ между собою только одинаковымъ прикрѣпленіемъ къ службѣ.

Съ высшимъ слоемъ служилаго сословія—боярствомъ—мы ознакомились. Что же представляли собою средніе и низшіе его разряды?

§ 65. Служилое сословіе. Средній и низшій его разряды.

Образованіе его.

Среднее служилое сословіе, какъ бы замѣнившее собою младшую дружину и земское ополченіе древней Руси, обязано своимъ происхожденіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ той напряженной внѣшней политикѣ, которая выпала на долю Московскаго государства, начиная съ конца XV в. Понятно, что необходимость борьбы на три фронта (стр. 139) побуждала Московское правительство прежде всего и больше всего заботиться о томъ, чтобы создать многочисленный и пригодный къ службѣ классъ ратныхъ людей. Однако при недостаткѣ денежныхъ

средствъ, обусловленномъ слабымъ развитіемъ торговли, оно не въ силахъ было взять на себя содержаніе и вооруженіе большого войска. Оно могло привлечь къ несенію службы только лицъ, болѣе или менѣе обезпеченныхъ, способныхъ явиться въ походъ въ полной боевой готовности. При преобладаніи натуральнаго хозяйства главнымъ средствомъ обезпеченія была земля. Отсюда ясно, что въ Московскій періодъ (какъ это отчасти было и въ Удѣльный,—вспомнимъ «служнія земли», стр. 72) землевладѣніе сдѣлалось условіемъ службы, и обратно: служба стала давать права на землевладѣніе.

Руководствуясь правиломъ, что «земля не должна выходить изъ службы», московское правительство: 1) требовало отбыванія ея отъ всѣхъ способныхъ къ ней вотчинниковъ (значитъ, прежде всего отъ бояръ), 2) образовывало особый классъ служилыхъ людей посредствомъ раздачи имъ земельныхъ участковъ въ личное, обусловленное службою, владѣніе. Такія владѣнія получили названіе «помѣстій».

Помѣстная система.

Помѣстья по характеру своему весьма напоминали прежнія «служнія земли», а отъ вотчинъ отличались тѣмъ, что послѣднія признавались *наслѣдственною* частною собственностью, тогда какъ помѣстья считались лишь обезпеченіемъ и вознагражденіемъ за исполняемую личную службу. Лица служилаго класса, по достиженіи 15-ти-лѣтняго возраста, подвергались осмотру, а затѣмъ опредѣлялись («верстались») на службу, при чемъ имъ назначали извѣстный окладъ (размѣръ) помѣстья сообразно ихъ «отечеству», служебной годности и въ зависимости отъ того, владѣютъ они вотчинами или нѣтъ (при назначеніи окладовъ уже служившимъ лицамъ принимались во вниманіе ихъ заслуги, ихъ должность и чинъ). Помѣстья отводились обыкновенно въ той мѣстности, въ которой данное лицо должно служить. На «испомѣщеніе» служилыхъ людей (т. е. въ раздачу имъ) шли: дворцовыя земли, многочисленныя области, пріобрѣтенныя правительствомъ посредствомъ купли, завоеваній и конфискаціи, а также черныя земли. Слѣдствіемъ такой раздачи было почти полное исчезновеніе черныхъ земель въ центрѣ государства. Огромное количество ихъ сохранилось лишь на сѣверѣ въ «поморскихъ уѣздахъ», гдѣ не было служилаго землевладѣнія.

Хотя правительство смотрѣло на помѣстья, какъ на личное условное владѣніе и поэтому повышало или понижало окладъ ихъ въ зависимости отъ заслугъ или нерадивости служилаго человѣка, а у лицъ, вовсе неспособныхъ къ службѣ, и совсѣмъ отбирало ихъ, тѣмъ не менѣе уже въ XVI вѣкѣ на практикѣ распространился обычай наслѣдованія помѣстій сыновьями. Еще при жизни отца взрослые (т. е. старше 15 лѣтъ) сыновья «припускались» въ помѣстье къ нему, т. е. дѣлались его совладѣльцами; если же помѣстье не могло обезпечить всѣхъ сыновей, то нѣкоторые изъ нихъ получали земли «въ отводъ», т. е. испомѣщались самостоятельно. Послѣ смерти кого-нибудь изъ совладѣльцевъ его участокъ обыкновенно дѣлился между другими.

Даже «недоросль» (несовершеннолѣтній сынъ), непригодный еще къ службѣ, считался наслѣдникомъ отца: ему выдѣлялась часть отцовскаго помѣстья. Отъ недоросля можно было ждать будущей службы, но вдова и дочери помѣщика, очевидно, были къ ней неспособны, а между тѣмъ и онѣ получали часть помѣстья въ «прожитокъ» (т. е. во временное владѣніе, въ качествѣ пенсіи). Иногда правительство по тѣмъ или инымъ соображеніямъ вовсе нарушало основной принципъ служилаго землевладѣнія. Такъ, напр., бывали случаи пожалованія помѣстной земли церквамъ и монастырямъ; иногда помѣстья отдавались на оброкъ неслужилымъ людямъ, жаловались или продавались въ вотчину, т. е. въ собственность. Что же касается вотчинъ, то хотя онѣ тоже сдѣлались служилымъ владѣніемъ, тѣмъ не менѣе не перестали считаться полною собственностью и, по распоряженію своихъ владѣльцевъ (напр., по завѣщанію), съ большою легкостью выходили изъ службы. Правительство боролось съ этимъ частичными мѣрами: оно стѣсняло до извѣстной степени свободу завѣщаній, старалось ограничить переходъ вотчинъ въ руки церковныхъ учрежденій [1]). Но, съ другой стороны, преслѣдуя различныя политическія цѣли, оно само часто прибѣгало къ насильственному дробленію, конфискаціи и принудительному обмѣну вотчинъ и этимъ вносило безпорядокъ въ вотчинное землевладѣніе. Практика вообще не соотвѣтствовала теоріи и приводила съ теченіемъ времени къ результатамъ, искажавшимъ тѣ основанія, на которыхъ первоначально было построено взаимоотношеніе землевладѣнія и службы: 1) помѣстья, вслѣдствіе установившагося обычая наслѣдственной передачи ихъ, постепенно все болѣе и болѣе сближались съ вотчинами, и къ концу Московскаго періода разница между ними почти стерлась; 2) какъ вотчины, такъ и помѣстья нерѣдко выходили изъ службы; 3) отчасти этотъ выходъ, а главнымъ образомъ, запустѣніе многихъ земель вели къ недостатку помѣстнаго запаса, къ крайнему дробленію помѣстій, къ образованію класса мелкопомѣстныхъ, бѣдныхъ служилыхъ людей. Все это, конечно, очень неблагопріятно отзывалось на служебной годности землевладѣльцевъ.

Каждый землевладѣлецъ долженъ былъ не только лично являться на службу въ полномъ вооруженіи и съ конемъ, но и приводить съ собою, соотвѣтственно количеству своей земли, извѣстное число «кон-

---

[1]) Заботамъ о сохраненіи служебной годности и о предотвращеніи дробленія вотчинъ, преимущественно княжескихъ и боярскихъ, посвящены были нѣкоторые указы второй половины XVI вѣка. Указъ 1562 года требовалъ, напр., чтобы завѣщанія безсыновныхъ вотчинниковъ утверждались государемъ, ограничивалъ наслѣдственныя права женщинъ и кругъ наслѣдниковъ и устанавливалъ условія перехода вотчины въ собственность государя. Все это было еще опредѣленнѣе и шире развито въ указѣ 1572 года. Въ 1581 г. было запрещено жертвовать вотчины въ пользу монастырей. Однако важнаго практическаго значенія эти указы не имѣли, такъ какъ плохо соблюдались.

ныхъ и оружныхъ», т. е. вооруженныхъ, людей. Такъ, въ 1556 г. было установлено, чтобы со ста четвертей въ одномъ полѣ, т. е. 150 десятинъ въ трехъ поляхъ «доброй, угожей» земли, являлся человѣкъ на конѣ и въ полномъ доспѣхѣ, а въ дальній походъ—съ двумя конями; въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича для упорядоченія помѣстной системы издано было нѣсколько указовъ, изъ которыхъ затѣмъ составилось цѣлое «помѣстное уложеніе» 1636 г.; дворяне были распредѣлены по «статьямъ» въ зависимости отъ своей служебной годности; установлено было, что можно требовать службы только отъ такого помѣщика, на землѣ котораго работаетъ не менѣе опредѣленнаго количества крестьянъ. Ближайшія заботы по верстанью, испомѣщенью и разбору помѣщиковъ лежали въ XVII в. на ихъ выборныхъ—«окладчикахъ». Съ крупными вотчинниками—князьями и боярами—приходили цѣлыя «воинства» ихъ дворовыхъ людей; мелкіе вотчинники и помѣщики являлись съ нѣсколькими холопами, а иногда и одни. Въ качествѣ пособія на вооруженіе служилые люди получали денежное жалованіе.

Служилый классъ.

Такъ правительство посредствомъ земли содержало, а посредствомъ денежнаго жалованья вооружало обширный классъ служилыхъ людей, составлявшій главную часть московскаго войска—конницу.

Высшимъ слоемъ этого прикрѣпленнаго къ службѣ класса были бояре. Они служили въ войскѣ на первыхъ начальственныхъ мѣстахъ. Второстепенными начальниками и рядовыми воинами были дворяне и дѣти боярскія. Такое названіе носило громадное большинство помѣщиковъ.

Терминъ «дѣти боярскія» (въ ед. числѣ, сынъ боярскій) толкуется въ наукѣ различно. Одни ученые видятъ въ нихъ потомство захудавшихъ боярскихъ фамилій, члены которыхъ въ теченіе долгаго времени не достигали ни боярства, ни высшихъ должностей, а потому опустились въ мѣстническомъ отношеніи и изъ высшаго служилаго слоя перешли въ средній. Другіе считаютъ этотъ терминъ синонимомъ понятія «отроки бояръ» и поэтому смотрятъ на дѣтей боярскихъ, какъ на дружинниковъ бояръ, которые вмѣстѣ съ послѣдними перешли на московскую службу, занявъ на ней второстепенныя мѣста. Болѣе понятно названіе «дворяне», очевидно, происходящее отъ слова «дворъ». Дворяне—это потомки дворцовыхъ людей Удѣльнаго времени, въ составъ которыхъ, вмѣстѣ съ другими княжескими слугами, какъ свободными, такъ и несвободными, входили и младшіе дружинники. Между дѣтьми боярскими и дворянами первоначально существовала нѣкоторая разница, затѣмъ эти два класса смѣшиваются такъ, что одно названіе часто употребляется вмѣсто другого, а въ XVII вѣкѣ обычнымъ названіемъ для помѣщиковъ дѣлается терминъ «дворяне», выраженіе же «дѣти боярскія» встрѣчается рѣже и, въ противоположность прежнему времени, означаетъ, повидимому, классъ низшій, чѣмъ дво-

ряне. Но сближеніе и даже сліяніе этихъ двухъ терминовъ съ половины XVI вѣка отнюдь не является доказательствомъ внутренней однородности самаго класса дворянъ и дѣтей боярскихъ. Онъ былъ весьма разнороднымъ и по составу, и по происхожденію. Лучшіе изъ дворянъ достигали, какъ извѣстно, думнаго чина (*думные дворяне*). Дворяне, испомѣщенные въ окрестностяхъ Москвы и служившіе, такъ сказать, на глазахъ у государя, назывались *московскими дворянами*. Они составляли нѣчто въ родѣ гвардіи и занимали привилегированное положеніе: получали придворные чины, высокія должности, исполняли различныя государевы порученія. Пожалованіе въ московскіе дворяне («написаніе въ московскій списокъ») считалось великой честью для провинціальныхъ дѣтей боярскихъ. Составъ послѣднихъ былъ тоже неодинаковъ: лучшіе изъ провинціальныхъ дѣтей боярскихъ назывались «*выборными*», затѣмъ слѣдовали дворовыя дѣти боярскія и, наконецъ, городовыя, служившія въ войскѣ простыми воинами. Но и городовыя дѣти боярскія раздѣлялись на нѣсколько статей въ зависимости отъ величины оклада. Будучи дробнымъ по составу, классъ дворянъ и дѣтей боярскихъ былъ очень пестрымъ по происхожденію: съ одной стороны въ его ряды входили многія лица даже княжескихъ фамилій, почему-либо не устроившія своей служебной карьеры, съ другой стороны въ служебные списки дворянъ и дѣтей боярскихъ (такъ называемыя «десятни») вносились иногда крестьяне и даже холопы, крещеные и некрещеные татары и т. д. Да и по имущественному положенію многіе изъ дѣтей боярскихъ не отличались отъ крестьянъ: помѣстья нѣкоторыхъ изъ нихъ были очень мелки и совершенно не имѣли крестьянскаго населенія, такъ что имъ приходилось самимъ обрабатывать свои земли. Изъ такихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ создался впослѣдствіи особый классъ однодворцевъ.

Итакъ, дворяне и дѣти боярскія представляли собою очень разнородную средне-служилую массу, которую нельзя назвать *сословіемъ* въ строгомъ смыслѣ этого слова. Только три признака до извѣстной степени объединяли ея составные элементы: 1) всѣ принадлежавшіе къ ней вносились въ особые служебные списки (десятни), 2) всѣ владѣли помѣстьями, 3) всѣ были обязаны военной службою. Но два послѣднихъ признака не были исключительными: помѣстьями жаловались также приказные люди (дьяки и подьячіе), а военную службу несли, въ качествѣ *низшаго служилаго класса*, еще разнообразные слои населенія.

Низшій служилый классъ.

Низшій служилый классъ предназначался, главнымъ образомъ, для сторожевой и осадной службы и составлялъ обыкновенно пѣхоту. Въ него входили какъ мелкопомѣстныя дѣти боярскія, такъ и люди различнаго происхожденія. Напр., во время осады города къ защитѣ его призывались и его неслужилые жители—купцы и посадскіе. Пра-

вительство «прибирало», т. е. вербовало, на службу и крестьянъ—по одному съ опредѣленнаго числа дворовъ,—и холоповъ. Изъ разнородныхъ людей составлялись особые пѣхотные, вооруженные ружьями полки—стрѣлецкіе, поселенные въ пригородныхъ слободахъ. Появилась и артиллерія—пушкари. На службу принимались также иноземцы, притекавшіе на Русь вслѣдъ за знатными выходцами изъ Литвы и Орды. Наконецъ, правительство охотно пользовалось услугами «казаковъ». Приливъ не-дворянскаго элемента въ служилую среду особенно усилился въ послѣ-Смутное время, когда правительство, при содѣйствіи приглашенныхъ иностранныхъ офицеровъ, стало преобразовывать дворянскія ополченія въ полки «иноземнаго строя». Послѣдніе, составлявшіе къ концу XVII в. большую часть русской рати и имѣвшіе характеръ уже *регулярнаго* войска, набирались не изъ однихъ дворянъ, а изъ разныхъ сословій посредствомъ вербовки «охотниковъ» (т. е. добровольцевъ) или «даточныхъ людей» (такъ назывались солдаты, поставляемые либо съ извѣстнаго количества дворовъ, либо съ извѣстнаго числа душъ въ семьѣ).

Дьяки.

Къ служилымъ людямъ можно отнести и *дьяковъ*, которые выступали преимущественно въ качествѣ *гражданскихъ* чиновниковъ. (Такъ какъ Московская Русь не знала рѣзкой спеціализаціи службы, т. е. раздѣленія ея на придворную, военную и гражданскую, то отнесеніе дьяковъ къ гражданскимъ чинамъ слѣдуетъ принимать лишь условно).

Классъ дьяковъ слагался изъ людей весьма различнаго происхожденія: въ него входили и отпущенные на свободу холопы, и горожане, и дѣти лицъ духовнаго званія. До конца XV вѣка значеніе дьяковъ было невелико, и дѣятельность ихъ ограничивалась письмоводствомъ, а иногда завѣдываніемъ великокняжеской казной. Но съ этого времени вліяніе ихъ быстро росло, и мало-по-малу они, въ качествѣ сотрудниковъ бояръ, заполняли всѣ отрасли управленія, привлекались ко всякому замѣтному государственному дѣлу. Кругъ дѣятельности дьяковъ даже обширнѣе, чѣмъ бояръ, такъ какъ многимъ они вѣдали самостоятельно, безъ участія послѣднихъ. Однако важное дѣловое вліяніе дьяковъ не сообщило имъ служебнаго почета: въ дьяки шли неродовитые люди, званіе ихъ считалось «худымъ» чиномъ, у нихъ не было мѣстнической чести, и мѣстничество къ нимъ не привилось. Послѣднее обстоятельство представляло большое удобство для правительства. Наконецъ, правительство имѣло въ дьякахъ демократическій противовѣсъ аристократическому боярскому классу. Все это объясняетъ, почему имъ стали поручаться важныя дѣла, а выполненіе ихъ прежнихъ чисто-канцелярскихъ обязанностей перешло къ простымъ писцамъ—*подъячимъ*.

Изъ изложеннаго видно, что потребности внѣшней обороны вызвали образованіе въ Московскомъ государствѣ многочисленнаго военно-служилаго класса, достигавшаго къ концу XVII в. почти 200 тысячъ чело-

вѣкъ. Главнымъ средствомъ его содержанія была «помѣстная система», т. е. раздача земель въ условное владѣніе. Для осуществленія ея было необходимо: 1) чтобы всегда имѣлось достаточное количество земли, 2) чтобы эта земля была удовлетворительной по своему качеству, т. е. могла бы обезпечивать служилыхъ людей. Заботы правительства объ этомъ затронули интересы двухъ неслужилыхъ классовъ общества: духовенства и крестьянства, каждаго изъ нихъ по своему. Интересы перваго были затронуты тѣмъ, что правительство пыталось ограничить чрезмѣрный ростъ монастырскаго землевладѣнія, развивавшагося въ ущербъ служилому. Интересы второго— тѣмъ, что заботы служилыхъ людей и правительства о доходности земли неизбѣжно вели къ прикрѣпленію крестьянъ.

§ 66. Крестьянство. Владѣльческіе крестьяне.

Общія замѣчанія.

Выше (стр. 73—74) дана была характеристика быта крестьянъ въ Удѣльное время, изъ которой явствуетъ, что тогда они представляли собою пользовавшихся широкимъ самоуправленіемъ и правомъ «выхода», свободныхъ тяглыхъ арендаторовъ. Въ теченіе Московскаго періода положеніе крестьянъ существенно видоизмѣняется. Важнѣйшимъ источникомъ этихъ измѣненій явилась «помѣстная система». Она, естественно, побуждала помѣщиковъ къ выработкѣ такихъ мѣръ, которыя обезпечивали бы ихъ крестьянскими рабочими руками. Въ свою очередь правительство, заботившееся о томъ, чтобы «земля не выходила изъ службы», шло навстрѣчу интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ. Поэтому-то и въ крестьянскомъ вопросѣ, какъ во многихъ другихъ (стр. 174), московское законодательство лишь отражало и упорядочивало отношенія, *созданныя практикой*, и вносило въ нихъ частичныя поправки только въ томъ случаѣ, если они нарушали интересы казны, т. е. если эти отношенія давали возможность крестьянамъ уклоняться отъ ихъ прямой обязанности передъ государствомъ—несенія тягла.

Вліяніе помѣстной системы.

Итакъ, интересы землевладѣльцевъ («земля должна быть живущей, т. е. обрабатываемой, а не пустой»), помѣстной системы («земля не должна выходить изъ службы») и казны («земля не должна выходить изъ тягла») обусловливали собою всѣ мѣропріятія, касавшіяся крестьянъ и вносившія, какъ сейчасъ увидимъ, коренныя перемѣны въ ихъ бытъ. Уже по самой своей *идеѣ* помѣстная система должна была двояко отразиться на крестьянской жизни. Съ одной стороны землевладѣлецъ дѣлался какъ бы посредникомъ между крестьянами и правительствомъ, до извѣстной степени былъ отвѣтственъ за ихъ платежную исправность, вмѣшивался поэтому въ ихъ общинныя дѣла, а иногда, въ силу жалованныхъ грамотъ, получалъ право управленія и суда надъ ними. Такимъ образомъ, при переходѣ двор-

цовыхъ и черныхъ земель въ частное владѣніе, населявшіе ихъ крестьяне теряли долю своей самостоятельности. Съ другой стороны, кромѣ несенія тягла, на крестьянъ падала новая обязанность: своими повинностями и работами на господской землѣ, т. е. барщиной, они должны были обезпечивать землевладѣльцевъ настолько, чтобы тѣ могли отбывать ратную службу. На *практикѣ* послѣдствія помѣстной системы оказались гораздо болѣе глубокими. Естественно, что вотчинники и помѣщики, жившіе и служившіе на счетъ крестьянъ, а также монастыри, извлекавшіе изъ крестьянской аренды и труда свои доходы, прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы удержать за собою сидѣвшихъ на ихъ земляхъ крестьянъ и призвать «новоселовъ» (т. е. новыхъ поселенцевъ). Для этого землевладѣльцы прибѣгали къ разнымъ средствамъ: 1) привлекали новоселовъ временными льготами, т. е. освобожденіемъ отъ тягла [1]) или повинностей въ теченіе одного, а то и нѣсколькихъ лѣтъ, 2) давали имъ «ссуду» или «подмогу», т. е. вспомоществованіе деньгами или хозяйственными продуктами для первоначальнаго обзаведенія или приведенія хозяйства въ порядокъ, а также для взноса податей, 3) включали въ «порядную» (стр. 74) условіе объ уплатѣ крестьянами неустойки въ случаѣ ухода ранѣе обѣщаннаго срока, или неисполненія принятыхъ обязательствъ. Какъ видно, главныя стремленія землевладѣльца были направлены къ тому, чтобы сдѣлать крестьянъ *должниками* и тѣмъ поставить ихъ въ зависимость отъ себя. Крестьяне легко попадались въ разставленныя сѣти, изнемогая подъ бременемъ возраставшихъ повинностей.

По мѣрѣ развитія государственныхъ нуждъ увеличивались и налоги. Въ XVI вѣкѣ стали тяжелѣе, чѣмъ прежде, также повинности крестьянъ въ пользу землевладѣльцевъ. Послѣдніе получали съ нихъ или опредѣленную часть ежегоднаго урожая, собраннаго съ занятыхъ участковъ, или заранѣе опредѣленный (слѣдовательно, не зависѣвшій отъ урожая) оброкъ натуральными продуктами или деньгами, а иногда тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Величина оброка бывала весьма различной даже на землѣ одного и того же владѣльца и часто зависѣла отъ его произвола. Кромѣ оброка, крестьяне платили еще «мелкій доходъ» (обыкновенно, съѣстными припасами), всякія пошлины (свадебныя, судебныя и торговыя) и штрафы, подносили землевладѣльцу «дары», отбывали повинности въ пользу приказчика. Барщина, также отличавшаяся великимъ разнообразіемъ, заключалась въ исполненіи, вмѣстѣ съ холопами, всевозможныхъ работъ на господскомъ полѣ и дворѣ. Оброкъ и барщина были очень велики уже въ концѣ XV и началѣ XVI в.в., какъ видно изъ показаній современниковъ. Такъ, напр., по словамъ Герберштейна, въ нѣкоторыхъ вотчинахъ была установлена барщина чуть не по шести дней въ недѣлю.

Задолженность обремененныхъ повинностями крестьянъ была одной изъ главныхъ причинъ постепеннаго *прикрѣпленія* ихъ къ землѣ. Пользуясь *правомъ* «выхода», они въ огромномъ большинствѣ

[1]) Землевладѣльцы имѣли право, съ разрѣшенія правительства, временно освобождать своихъ крестьянъ отъ государственныхъ податей.

случаевъ лишены были возможности *осуществлять его*: чтобы «отказаться» отъ землевладѣльца, нужно было расплатиться съ нимъ, а задолжавшій крестьянинъ, конечно, не имѣлъ на это средствъ. Задолжавшимъ крестьянамъ, лишившимся *возможности* выхода, представлялись поэтому четыре исхода: 1) или крѣпко сидѣть за землевладѣльцемъ, 2) или пуститься въ «бѣга», не расплатившись съ нимъ, 3) или ждать «вывоза» другимъ землевладѣльцемъ, который согласился бы разсчитаться за крестьянина по всѣмъ его обязательствамъ, 4) или, наконецъ, облегчить себѣ бремя тягла и повинностей, бросивъ пашню, и, ставъ «бобылемъ» (т. е. непашеннымъ крестьяниномъ) и даже холопомъ, работать на господскомъ дворѣ. (Бобыльскія повинности въ XVI в. были очень невелики, а холопы считались нетяглымъ населеніемъ). Всѣ четыре исхода испробованы были крестьянами уже въ XVI вѣкѣ.

Крѣпость старожильцевъ.

Засидѣвшіеся на одной землѣ крестьяне, въ противоположность новоселамъ, получали названіе «старинныхъ» или «старожильцевъ». Ихъ, какъ наиболѣе задолжавшихъ, землевладѣльцы вовсе не отпускали отъ себя и ужъ въ XVI вѣкѣ оправдывали свои притязанія на ихъ крѣпость ссылкой на «писцовыя книги». Эти книги составлялись московскимъ правительствомъ для упорядоченія податного обложенія. Въ нихъ описывалось хозяйственное состояніе извѣстной мѣстности, опредѣлялось количество обрабатываемой въ ней земли и перечислялись сидѣвшіе на ней крестьяне. Но, по установившемуся обычаю, въ писцовыя книги вносили не все крестьянское населеніе, а лишь прочно осѣвшихъ на своихъ участкахъ домохозяевъ. Для казны было важно прикрѣпленіе ихъ къ тяглу, для землевладѣльцевъ же также и ихъ земельное прикрѣпленіе. Въ этомъ была заинтересована сама «волость» (т. е крестьянская община), такъ какъ, въ случаѣ ухода «тяглеца», его доля въ тяглѣ должна была выплачиваться оставшимися. Поэтому занесенные въ писцовыя книги старожильцы не имѣли не только возможности, но, повидимому, даже *права* выхода: не выражая этого въ общемъ законѣ, правительство, однако, въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ и частныхъ распоряженій, относящихся къ XVI вѣку и даже къ болѣе раннему времени, запрещаетъ «вывозить» старожильцевъ, а въ случаѣ «вывоза» разрѣшаетъ ихъ прежнимъ владѣльцамъ возвращать ихъ на старыя мѣста. Не внесенные же въ писцовыя книги родственники (напр., дѣти, неотдѣленные братья и племянники) старожильцевъ сохраняли право перехода. Они, вмѣстѣ съ выходцами изъ-за границы, отпущенными на волю холопами, бѣглыми крестьянами и другими почему-либо не приписанными къ тяглу и не служащими людьми, считались «вольными». (Впрочемъ, и старожилецъ могъ вернуть себѣ волю, если находилъ кого-нибудь другого, кому могъ передать свой участокъ и свои обязательства). Такіе «вольные, гулящіе люди» могли поряжаться въ

крестьяне въ качествѣ новоселовъ, «новоприходцевъ», чтобы затѣмъ съ теченіемъ времени также «застарѣть».

Повидимому, для «старины или старожильства» нужна была давность поселенія не менѣе 10 лѣтъ. «Старина» устанавливалась, впрочемъ, и другими способами. Такъ, старожильцами считались «родившіеся въ крестьянствѣ», т. е. дѣти крестьянъ, родившіяся на землѣ даннаго лица и унаслѣдовавшія отцовскія «жеребья» (участки [1]). Далѣе, къ нимъ причислялись также тѣ крестьяне, которыхъ, при переходѣ имѣнія изъ однѣхъ рукъ въ другія, заставалъ на пріобрѣтаемой землѣ новый владѣлецъ. Юридическій же признакъ «старины» заключался, повидимому, именно въ занесеніи въ писцовыя книги и черезъ это въ прикрѣпленіи къ тяглу.

Бѣга.

Однако ни старина, ни содѣйствовавшая ея возникновенію задолженность не могли удержать все крестьянское населеніе на мѣстахъ его жительства и охранить землевладѣльцевъ отъ побѣговъ крестьянъ и отъ «вывоза» ихъ другими искателями рабочихъ рукъ. Бѣжали крестьяне, какъ уже сказано, на окраины государства и тѣмъ способствовали колонизаціи ихъ (стр. 148).

Запустѣніе центра Московскаго государства.

Вслѣдствіе такого разброда крестьянъ, какъ упоминалось (стр. 152), центръ Московскаго государства, гдѣ находились земли многихъ мелкихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, сталъ пустѣть. Въ концѣ XVI вѣка пустѣли цѣлыя села и деревни; въ окрестностяхъ Москвы до 40% земли стояло «въ пустѣ», а бо́льшая часть остальной — принадлежала монастырямъ. Владѣльцы пустующей земли, обязанные служить, оказывались въ отчаянномъ положеніи: для поддержанія своей служебной годности и хозяйства они должны были всячески закрѣплять за собой крестьянъ ссудами или же «вывозить» новыхъ поселенцевъ на мѣсто ушедшихъ. Но въ «вывозѣ» крестьянъ, въ борьбѣ за рабочія руки, въ погонѣ за бѣглыми мелкіе помѣщики и вотчинники не могли, конечно, соперничать съ крупными: всѣ выгоды оставались на сторонѣ послѣднихъ. Богатый, льготный землевладѣлецъ имѣлъ возможность «вывезти» крестьянина какъ съ установленнымъ «отказомъ», такъ и насильственно, заманить къ себѣ бѣглеца обѣщаніемъ сытой, привольной жизни, укрыть его въ своей большой вотчинѣ.

Закладничество и кабальное холопство.

Кромѣ побѣга и вывоза, у крестьянъ было еще одно средство облегченія своей участи, примѣнявшееся издавна: это—освобожденіе отъ тягла. Уже издавна (съ XIII вѣка и даже ранѣе) существовало на Руси «закладничество» (стр. 75), какъ способъ «избыть государева тягла». Въ Московскій періодъ, наряду съ нимъ, развивается кабальное холопство. Къ нему принадлежали лица, давшія на себя

[1]) Дѣти же, жившія при родителяхъ и не приписанныя къ тяглу, въ XVI вѣкѣ сохраняли свободу перехода.

«служилую кабалу», т. е. совершившія заемъ и обязавшіяся отрабатывать проценты личнымъ трудомъ (иными словами, подобно закупамъ, закладывавшія свою личность въ обезпеченіе долга). Законъ отличалъ кабальныхъ отъ полныхъ холоповъ, которые считались безусловною и наслѣдственною собственностью господина, тогда какъ «кабальные» могли вернуть свою свободу возвращеніемъ долга (только указы конца XVI вѣка узаконили ихъ «крѣпость» до смерти заимодавца) и не подлежали продажѣ по хозяйскому произволу. Но на дѣлѣ они находились въ зависимости отъ господина, такъ какъ, отдавая ему весь свой трудъ въ видѣ процента, не имѣли средствъ для уплаты долга. Однако такое почти рабское положеніе и личное (а уже не поземельное) прикрѣпленіе все же представляло извѣстныя выгоды для задолжавшихъ крестьянъ, такъ какъ избавляло ихъ отъ бремени тягла. Весьма близко къ кабальнымъ стояли и «бобыли»— непашенные, безземельные крестьяне—и нѣкоторыя другія категоріи сельскаго пролетаріата.

Правительственныя распоряженія.

Всѣ указанные способы *выхода изъ крестьянства* ставили московское правительство въ большое затрудненіе: разбродъ крестьянъ и запустѣніе земель (вслѣдствіе побѣговъ и вывозовъ) дѣлали непригодными къ службѣ мелкихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, препятствовали осуществленію помѣстной системы и вели къ сокращенію тягла. Послѣднее обусловливалось также непомѣрнымъ развитіемъ бобыльства и кабальнаго холопства. Однако правительство не рѣшалось на крупныя преобразованія въ крестьянскомъ вопросѣ. Всѣ его распоряженія XV и XVI вѣковъ по крестьянскимъ дѣламъ носили или мѣстный или частичный характеръ, касаясь лишь одной какой-нибудь стороны сложныхъ взаимныхъ отношеній землевладѣльцевъ и крестьянъ, и сводились въ сущности къ слѣдующему:

1) Устанавливались правила для крестьянскаго выхода, опредѣлявшія его срокъ и выходныя пошлины (этому посвящены были статьи Судебниковъ Іоанна III и Іоанна IV; второй въ этомъ вопросѣ отличается отъ перваго тѣмъ, что, кромѣ «пожилого», т. е. платы за пользованіе дворомъ, устанавливаетъ еще новую пошлину—«повозъ»).

2) Принимались мѣры для прикрѣпленія «старожильцевъ» (нѣсколькими грамотами XV и XVI в. в. запрещался «вывозъ» и разрѣшалось возвращеніе на прежнія мѣста «старинныхъ тяглецовъ»; отчасти этой цѣли служили и писцовыя книги, изъ которыхъ особенное значеніе имѣли составленныя въ 1592—3 г.г.).

3) Запрещалось тяглымъ людямъ вступать въ закладничество и кабальное холопство (съ закладничествомъ правительство всегда вело борьбу; Судебникъ 1550 г. разрѣшилъ давать на себя служилыя кабалы только «вольнымъ людямъ»; указы 1586 и 1597 г.г. установили надзоръ правительственной власти за записью въ холопы и закрѣпили кабальныхъ за ихъ господиномъ до смерти послѣдняго, ли-

шивъ ихъ права прекращать свою зависимость возвращеніемъ долга; послѣ же смерти господина кабальные освобождались безвозмездно).

4) Затруднялся переходъ крестьянъ на льготныя земли и «вывозъ» ихъ изъ мелкихъ вотчинъ и помѣстій въ крупныя (для затрудненія такого перехода правительство ограничивало развитіе монастырскаго землевладѣнія и его податныя льготы; указы 1601 и 1602 г.г. вовсе запрещали «вывозъ» въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, а въ другихъ разрѣшали его только мелкимъ, а не крупнымъ служилымъ землевладѣльцамъ).

5) Упорядочивалось дѣлопроизводство по чрезмѣрно накопившимся искамъ землевладѣльцевъ о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ. Съ этой цѣлью въ 1597 году былъ изданъ указъ, которымъ предписывалось возвратить, по искамъ землевладѣльцевъ, только тѣхъ крестьянъ, которые бѣжали отъ нихъ не раньше, какъ за пять лѣтъ до изданія указа, т. е. не раньше 1592 года; если же крестьянинъ бѣжалъ до этого срока, и землевладѣлецъ не вчинилъ тогда же иска о немъ, то дальнѣйшія притязанія его на возвращеніе бѣжавшаго не имѣли уже судебной защиты. Слѣдовательно, указъ 1597 г. устанавливалъ «урочныя лѣта» (т. е. опредѣленный пятилѣтній срокъ или пятилѣтнюю давность) для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, и, по смыслу его, бѣглый, сумѣвшій укрыться отъ прежняго владѣльца въ теченіе пяти лѣтъ, не подлежалъ уже водворенію на старое мѣсто жительства.

Явившееся слѣдствіемъ указанныхъ экономическихъ условій (главнымъ образомъ, задолженности и старожильства) и упорядочивающихъ ихъ правительственныхъ распоряженій, *поземельное прикрѣпленіе* огромнаго числа крестьянъ было *переходной* ступенью *къ ихъ крѣпостному* состоянію, возникшему въ половинѣ XVII вѣка. Разсмотримъ же обстоятельства, приведшія къ нему.

Происхожденіе крѣпостного права.

Какъ только что выяснено, уже къ концу XVI вѣка право выхода, не отмѣненное офиціально, сводилось въ сущности на нѣтъ: землевладѣльцы, хватаясь за рабочія руки, закрѣпляли крестьянъ *экономически* посредствомъ ссуды, а правительство, въ финансовыхъ интересахъ и для обезпеченія помѣщиковъ, прикрѣпляло крестьянъ-домохозяевъ къ ихъ *тяглому состоянію* и *къ землѣ* посредствомъ записи въ *писцовыхъ книгахъ;* вмѣстѣ съ тѣмъ оно предоставляло помѣщикамъ право искать бѣглыхъ въ теченіе «урочныхъ лѣтъ». Уже этихъ двухъ условій: *задолженности и государственнаго прикрѣпленія* было достаточно для происхожденія крестьянской *неволи*. А между тѣмъ Смутное время создало обстановку, въ высшей степени благопріятствовавшую развитію ея. Экономическія послѣдствія Смуты выразились въ полномъ разореніи какъ помѣщичьяго хозяйства, такъ и государственной казны. Естественно, что послѣ Смуты увеличилась, по сравненію съ прежнимъ временемъ, и погоня землевладѣльцевъ за рабочими руками и погоня правительства за плательщиками по-

датей. Это, конечно, должно было способствовать дальнѣйшему крестьянскому закрѣпощенію. Очень удобнымъ для землевладѣльцевъ видомъ зависимости отъ нихъ было кабальное холопство: кабальный холопъ, по закону 1597 года, служилъ своему господину, какъ извѣстно, пожизненно, не имѣя права прекратить своей службы. Понятно, что помѣщики старались сблизить холоповъ и крестьянъ. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что между ними существовало сходство: кабальный холопъ отрабатывалъ господину «ростъ», т. е. проценты за заемъ, крестьянинъ отрабатывалъ ссуду. Различіе въ ихъ занятіяхъ, сказывавшееся въ томъ, что крестьянинъ трудился на земельномъ участкѣ, а холопъ—на господскомъ дворѣ, стало съ теченіемъ времени стираться, такъ какъ, за недостаткомъ крестьянъ, землевладѣльцы «сажали холоповъ въ крестьяне», т. е. на пашню; и изъ такихъ холоповъ-земледѣльцевъ образовался особый классъ «задворныхъ людей», съ которыми, какъ и съ крестьянами, господа заключали ссудную запись (замѣнившую собою порядную). *Фактическая* близость холоповъ и крестьянъ привела къ тому, что послѣдніе, подъ давленіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ (въ частности вслѣдствіе острой нужды въ ссудѣ), стали включать въ свою порядную или ссудную запись условіе о невыходѣ («за государемъ своимъ, т. е. за господиномъ, жить во крестьянахъ по свой животъ безвыходно»), которое и сдѣлалось *пожизненною крестьянскою крѣпостью*, создавшеюся по *образцу «служилой кабалы»*. Указанныя, выработанныя жизнью отношенія, по прежнему, лишь утверждались и упорядочивались московскимъ законодательствомъ XVII в.

Такъ, въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго появился указъ 9 марта 1607 года, не сохранившійся, впрочемъ, въ подлинномъ видѣ, въ силу котораго 1) вовсе отмѣнялся крестьянскій «выходъ», 2) налагался штрафъ на того, кто принялъ бѣглаго крестьянина, 3) устанавливался 15-ти-лѣтній срокъ для исковъ о бѣглыхъ, 4) обязанность разыскивать ихъ возлагалась на должностныхъ лицъ. Однако важнаго практическаго значенія этотъ указъ не имѣлъ и впослѣдствіи былъ какъ бы забытъ.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, въ отвѣтъ на настоятельныя просьбы дворянъ о продленіи и даже о совершенной отмѣнѣ «урочныхъ лѣтъ» (т. е. о предоставленіи помѣщикамъ права искать бѣжавшихъ отъ нихъ крестьянъ въ теченіе болѣе долгаго срока, чѣмъ пятилѣтній, установленный въ 1597 г.,—или даже *безсрочно*), правительство ввело *десятилѣтнюю* давность для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ и *пятнадцатилѣтнюю* для исковъ о вывезенныхъ насильно другими помѣщиками. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ дворяне вновь хлопотали объ отмѣнѣ «урочныхъ лѣтъ», и на этотъ разъ имъ удалось облечь свои желанія въ форму законодательныхъ постановленій Соборнаго Уложенія.

Сущность постановленій Уложенія о крестьянахъ сводится къ слѣдующему:

I. «Урочныя лѣта» были отмѣнены, и землевладѣлецъ получалъ право безсрочно искать бѣжавшаго отъ него крестьянина[1]). II. Крестьяне вмѣстѣ со своими родственниками и *потомствомъ* закрѣплялись за господами, на земляхъ которыхъ они были записаны. III. Господамъ были предоставлены значительныя права распоряженія какъ личностью крестьянъ, такъ и ихъ имуществомъ (крестьянскіе «животы», т. е. имущество, по смыслу Уложенія, были какъ бы собственностью землевладѣльцевъ и находились только въ пользованіи крестьянъ); подтверждалась обязанность господъ судить своихъ крестьянъ за всѣ преступленія, кромѣ важнѣйшихъ, и быть ихъ представителями или отвѣтчиками за нихъ въ случаѣ ихъ судебныхъ столкновеній съ посторонними лицами; вмѣстѣ съ тѣмъ на землевладѣльцевъ падала и отвѣтственность за исправное поступленіе тягла съ крестьянъ.

Новымъ въ изложенныхъ постановленіяхъ являлось лишь уничтоженіе «урочныхъ лѣтъ». Все остальное вытекало изъ прежней практики. Такъ, превращеніе крестьянской крѣпости въ потомственную объяснялось тѣмъ, что фактически и прежде сынъ—наслѣдникъ крестьянина—безъ всякаго новаго договора былъ крѣпокъ владѣльцу. Распространеніе же прикрѣпленія на всѣхъ родственниковъ крестьянъ-домохозяевъ соотвѣтствовало давнишней тенденціи московскаго правительства прикрѣплять всѣхъ своихъ подданныхъ къ опредѣленному классу и, по возможности, искоренять «вольныхъ, гулящихъ людей». Помѣщику предоставлялось право широко распоряжаться не только крестьянскимъ трудомъ, но и крестьянскими «животами» потому, что въ большинствѣ случаевъ крестьяне обзаводились всѣмъ имуществомъ на ссуду, полученную отъ него.

Такимъ образомъ Соборное Уложеніе узаконило *крѣпостное право* (т. е. право владѣнія) господъ на крестьянъ (иными словами, крѣпостную неволю или *крѣпостное состояніе* крестьянъ) и сблизило послѣднихъ по фактическому ихъ положенію съ кабальными холопами. По образцу служилой кабалы, т. е. акта, закрѣплявшаго кабальнаго холопа за заимодавцемъ, создалась, какъ сказано, самая крѣпость или «вѣчность» крестьянская, т. е. тотъ актъ, который, будучи соотвѣтствующимъ образомъ оформленъ[2]), закрѣплялъ кре-

[1]) Впрочемъ, московское правительство, не отличавшееся послѣдовательностью въ крестьянскомъ вопросѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и послѣ Уложенія назначало предѣльные сроки для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ.

[2]) Оформленіе производилось обыкновенно слѣдующимъ образомъ: порядныя писались особыми «площадными дьяками» въ присутствіи послуховъ, т. е. свидѣтелей, а затѣмъ представлялись въ городахъ въ приказныя или губныя избы для внесенія ихъ въ «крѣпостныя книги крестьянскихъ порядныхъ, житейскихъ или ссудныхъ записей» или въ «записныя книги служилымъ кабаламъ и крестьянскимъ записямъ». Въ концѣ XVII вѣка записи утверждались въ приказѣ «холопья суда».

стьянина за землевладѣльцемъ и обращалъ его изъ свободнаго арендатора *по договору* въ подневольнаго крѣпостного *по закону*.

Послѣдующая исторія крестьянства характеризуется *еще болѣе тѣснымъ сближеніемъ* его съ кабальнымъ холопствомъ. Причины этого коренятся 1) въ несовершенствѣ постановленій Уложенія по крестьянскому вопросу, 2) въ дальнѣйшемъ ростѣ помѣщичьей власти, 3) въ податныхъ реформахъ второй половины XVII в.

Хотя Соборное Уложеніе, установившее крѣпостное состояніе, отнюдь не смотрѣло на крестьянъ, какъ на рабовъ, однако оно не обезпечивало ихъ свободы: давъ господамъ значительную власть надъ крѣпостными и не опредѣливъ при этомъ точнымъ образомъ ихъ взаимныхъ отношеній, Уложеніе открывало широкій просторъ помѣщичьему произволу и допускало наличность рѣзкихъ противорѣчій въ крестьянской жизни. Лично-свободный по закону, пользовавшійся судебною защитою государства и участвовавшій въ своемъ сословномъ общинномъ самоуправленіи, крестьянинъ могъ быть проданъ помѣщикомъ, отвѣчалъ своими «животами» за его долги и подлежалъ на практикѣ безконтрольному суду господина и его приказчика. Занимая среднее положеніе между свободнымъ гражданиномъ, охраняемымъ закономъ, и рабомъ-холопомъ, составляющимъ господскую собственность, крестьянинъ сталъ съ теченіемъ времени все больше отдаляться отъ перваго и приближаться ко второму, такъ какъ защита закона слабѣла, а помѣщичья власть росла. Происходило это не только въ силу житейской практики и экономическихъ условій, но и въ силу того, что само правительство, по словамъ профессора Ключевскаго, «расширяло или допускало расширеніе полицейской власти помѣщика надъ крѣпостными, чтобы сдѣлать его своимъ финансовымъ агентомъ, податнымъ инспекторомъ крѣпостного труда и блюстителемъ тишины и порядка въ готовой разбѣжаться деревнѣ».

Существенная разница между крестьянами и кабальными холопами состояла лишь въ слѣдующемъ: 1) крестьяне, въ отличіе отъ холоповъ, были тяглыми людьми; поэтому законъ обезпечивалъ крестьянскій земельный надѣлъ, запрещалъ помѣщикамъ разорять и обезземеливать крестьянъ и предоставлялъ послѣднимъ право жаловаться на господскіе поборы «черезъ силу и грабежъ»; 2) крестьянская крѣпость была потомственной, а кабальная личной, пожизненной [1]).

[1]) По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, крѣпость распространялась, однако, и на дѣтей кабальнаго, записанныхъ въ его кабалѣ или родившихся во время его холопства. Безусловно же потомственнымъ было полное холопство. Но послѣднее, сокращавшееся еще въ Удѣльный періодъ (стр. 75), стало еще менѣе распространеннымъ въ Московскій: по утвержденію проф. Сергѣевича, съ половины XVII в. (а можетъ быть, и ранѣе) у насъ болѣе не возникаетъ вновь полныхъ холоповъ, а только кабальные. Полное холопство поддерживается однимъ рожденіемъ отъ старыхъ холоповъ.

Однако, и указанныя различія стерты были податными преобразованіями. Уже съ половины XVII в. правительство стало готовиться къ замѣнѣ *поземельнаго* обложенія *подворнымъ*. Послѣднее представляло значительно большія выгоды для казны, такъ какъ 1) оно лишало крестьянъ возможности уменьшать тягло посредствомъ намѣреннаго сокращенія запашки, 2) привлекало къ тяглу тѣхъ, кто доселѣ «избывалъ» его, какъ, напр., бобыли, или задворные люди (стр. 194, 196) [1]).

Окончательно установлено было подворное обложеніе въ 1679 г. послѣ переписи 1677—78 г., которая привлекла къ тяглу, наряду съ крестьянскими, также дворы «задворныхъ и дѣловыхъ людей» («дѣловыми» назывались холопы, исполнявшіе различныя хозяйственныя порученія). «Такимъ образомъ, по словамъ проф. Дьяконова, всѣ полные и кабальные холопы, поскольку они входили въ составъ задворнаго населенія или жили въ дѣловыхъ людяхъ, поселенныхъ особыми дворами, сдѣлались тяглыми людьми. Съ этого времени между ними съ одной стороны, и крестьянами и бобылями съ другой—нельзя провести *никакой* разницы, такъ какъ и кабальные сдѣлались *вѣчно* крѣпкими своимъ господамъ по переписнымъ книгамъ въ качествѣ или задворныхъ людей, или дѣловыхъ, если проживали въ особыхъ дворахъ».

На положеніи прежнихъ кабальныхъ остались лишь «*дворовые*» люди, т. е. тѣ изъ холоповъ и крестьянъ, которые были взяты на *господскій* дворъ. До введенія подушной подати при Петрѣ Великомъ они были свободны отъ тягла и находились въ *пожизненной* зависимости.

Изъ изложеннаго видно, что въ теченіе XVII в. два процесса шли навстрѣчу одинъ другому: владѣльческое крестьянство приближалось къ холопству, холопство—къ крестьянству. Встрѣча этихъ процессовъ образовала состояніе *крѣпостныхъ людей* [2]).

---

[1]) Переходъ отъ «сошнаго письма» (т. е. поземельнаго обложенія) къ «дворовому» совершенъ былъ не сразу, а черезъ промежуточную ступень. Именно, облагаться стала такъ называемая «живущая (т. е. обработанная) четверть», болѣе мелкая, чѣмъ соха, земельная единица, при этомъ устанавливалось наибольшее число дворовъ крестьянъ, могущихъ работать на данной четверти. Такимъ образомъ, во вниманіе принимались два начала: и количество земли и количество дворовъ. Бобыльскій дворъ въ податномъ отношеніи приравнивался половинѣ крестьянскаго.

[2]) Изложенныя въ этомъ §-ѣ соображенія о судьбѣ владѣльческихъ крестьянъ основываются, главнымъ образомъ, на трудахъ профессоровъ Ключевскаго, Дьяконова и Лаппо-Данилевскаго. Мнѣнія указанныхъ изслѣдователей являются въ настоящее время господствующими въ наукѣ, но не единственными. Обширная литература по крестьянскому вопросу защищаетъ и иные, очень несходные съ вышеприведенными, взгляды на происхожденіе и развитіе крестьянской неволи. Такъ всѣ русскіе историки до середины XIX в., а изъ новѣйшихъ—проф. Сергѣевичъ, основываясь на пятилѣтней давности для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, устано-

Въ заключеніе нужно подчеркнуть, что московское законодательство, содѣйствуя земельному прикрѣпленію крестьянъ въ XVI в. и утверждая крѣпостное право въ XVII в., удовлетворяло этимъ *государственные* (финансовые и военные), а *не только сословные* интересы: пользованіе трудомъ крестьянъ разсматривалось правительствомъ не какъ сословная *привилегія* землевладѣльцевъ, а какъ *право* служилыхъ людей: крестьяне были прикрѣплены къ землевладѣльцамъ *только потому*, что послѣдніе, въ свою очередь, были *прикрѣплены къ службѣ*.

Тамъ, гдѣ служилое землевладѣніе не было развито, и судьба крестьянъ сложилась иначе. Правда, и монастырскіе, и дворцовые (т. е. проживавшіе на тѣхъ земляхъ, доходы съ которыхъ шли на содержаніе двора) крестьяне были прикрѣплены къ землѣ и находились въ сильной зависимости — первые отъ монастырской администраціи, вторые—отъ дворцовой. Однако, въ богатыхъ, льготныхъ монастырскихъ вотчинахъ и на дворцовой землѣ жилось, конечно, легче, чѣмъ въ помѣстьяхъ. Самымъ же свободнымъ изъ всѣхъ разрядовъ сельскаго населенія было черносошное крестьянство.

§ 67. Крестьянство. Черносошные крестьяне.

Въ Московскій періодъ черносошные крестьяне обитали преимущественно на сѣверѣ государства,—въ Поморьѣ. Помѣстій здѣсь не было, и хотя не мало земли находилось въ частномъ владѣніи монастырей (особенно богатъ былъ Соловецкій монастырь), церквей, свѣтскихъ вотчинниковъ, отчасти «своеземцевъ» (стр. 73), тѣмъ не менѣе въ этомъ краю преобладали черныя земли, на которыхъ сидѣли черносошные крестьяне.

Въ податномъ и административномъ отношеніи они были объединены въ крупныя общины—такъ называемыя волости съ широко развитымъ «мірскимъ» самоуправленіемъ, сносившіяся непосредственно съ правительствомъ (стр. 74). Лица, снимавшія черную землю, заключали съ волостью порядную, но не несли повинностей, кромѣ

вленной, какъ сказано (стр. 195) въ 1597 г., приходятъ къ заключенію, что за пять лѣтъ до того времени, слѣдовательно, около 1592 г., было издано *общее правительственное распоряженіе, отмѣнившее право* крестьянскаго «выхода», и что вслѣдствіе этого всѣ крестьяне, вышедшіе послѣ 1592 года, были объявлены бѣглыми и подлежащими возвращенію. Такое распоряженіе правительства, а *не* задолженность крестьянъ, имѣло будто бы рѣшающее значеніе въ дѣлѣ прикрѣпленія ихъ къ землѣ, такъ какъ до отмѣны «выхода» землевладѣлецъ могъ искать только своихъ убытковъ съ ушедшаго должника-крестьянина, а не требовать возвращенія его. Равнымъ образомъ, проф. Сергѣевичъ, въ противоположность проф. Ключевскому, отрицаетъ близость крестьянской порядной и служилой кабалы, считая ихъ совершенно различными сдѣлками. Кромѣ этихъ коренныхъ разногласій, есть еще не мало частныхъ.

тягла; занятыми участками черносошные крестьяне распоряжались совершенно свободно, отчуждая ихъ по своему усмотрѣнію. И государство и волость терпѣли уронъ, если земля переходила въ нетяглыя руки. Поэтому правительство стало привлекать къ несенію тягла *всѣхъ* держателей черной земли, кто бы они ни были по своему положенію, а затѣмъ и вовсе запретило продавать ее нетяглымъ людямъ безъ особаго разрѣшенія. Интересы волости страдали также отъ «выхода» ея сочленовъ (стр. 192), а потому и на волостныхъ земляхъ принимались мѣры къ прикрѣпленію старожильцевъ. Однако въ Поморьѣ, а отчасти и въ средней Россіи осталось значительное количество крестьянъ, сохранившихъ свободу перехода и извѣстныхъ подъ названіемъ «половниковъ» (снимавшихъ земли на опредѣленный срокъ и вносившихъ за это извѣстную часть, обыкновенно половину, ежегоднаго урожая) и порядчиковъ.

Половники, правда, все сокращаясь въ числѣ, не утратили этой свободы и послѣ Уложенія. Что же касается черносошныхъ крестьянъ, то Уложеніе окончательно прикрѣпило ихъ къ землѣ. Конечно, въ качествѣ «крестьянъ государевыхъ», они не знали гнета крѣпостного права, но ихъ личная свобода была все же непрочной, такъ какъ, по государеву указу, черныя земли, вмѣстѣ со своимъ населеніемъ, въ любой моментъ могли быть обращены въ частное владѣніе. Уложеніе оказало вліяніе и на экономическую дѣятельность черносошныхъ крестьянъ, запретивъ имъ заниматься торговлей и промыслами. Такое запрещеніе обособило ихъ отъ того класса общества, къ которому прежде они стояли очень близко, именно, отъ посадскихъ людей.

§ 68. Посадскіе люди.

Посадскими людьми назывались свободные, тяглые (обложенные по *дворамъ*) обыватели городскихъ посадовъ и слободъ, пользовавшіеся самоуправленіемъ и занимавшіеся преимущественно торгомъ, промыслами и ремеслами (впрочемъ, нѣкоторые посадскіе, особенно въ XVI в., не чуждались и сельско-хозяйственныхъ работъ, а потому мало отличались отъ черносошныхъ крестьянъ). Торгово-промышленное населеніе провинціальныхъ городовъ (которое и называлось собственно посадскимъ), по степени своей состоятельности (и, значитъ, по степени участія въ тяглѣ) дѣлилось обыкновенно на людей лучшихъ, среднихъ и молодшихъ; составъ московскихъ купцовъ и промышленниковъ былъ нѣсколько сложнѣе. Верхнимъ слоемъ его были три «чина»: гости, торговые люди гостинной сотни и торговые люди суконной сотни; затѣмъ слѣдовали черные люди московскихъ слободъ и сотенъ. Указаннымъ «чинамъ», пополнявшимся изъ среды лучшихъ московскихъ черныхъ и провинціальныхъ посадскихъ людей,

поручалась сложная и отвѣтственная податная «вѣрная» служба (стр. 171); они же являлись совѣтниками правительства по экономическимъ вопросамъ, по его уполномоченію завѣдывали казеннымъ торгомъ разными финансово-хозяйственными предпріятіями государства; наконецъ, гости нерѣдко ссужали казну деньгами. Въ награду за все это «чины» получали отъ правительства привилегіи: такъ, изданная въ 1648 г. жалованная грамота гостямъ и торговымъ людямъ гостинной сотни освобождала ихъ отъ тягла, различныхъ сборовъ и натуральныхъ повинностей, предоставляла имъ многія льготы и дѣлала ихъ подсудными лишь государю и казначею, а не воеводамъ и приказнымъ. На непривилегированной посадской массѣ лежали также разнообразныя служебныя обязанности финансоваго и полицейскаго характера. Исполнялись онѣ старостами, цѣловальниками и другими должностными лицами, избиравшимися «мірскимъ или земскимъ совѣтомъ». Городское самоуправленіе не вполнѣ утратило свое значеніе и при воеводахъ (стр. 173). Привлекая посадскихъ къ финансово-хозяйственной службѣ, правительство видѣло, однако, въ нихъ *прежде всего тяглецовъ*. Поэтому въ основѣ московскаго законодательства, поскольку оно касалось посадскихъ, лежало стремленіе сосредоточить торги и промыслы преимущественно въ городахъ или на ярмаркахъ, обособить населеніе, занимавшееся ими, въ замкнутый классъ и прикрѣпить его къ посадамъ. Этими мѣрами облегчался контроль правительства надъ тѣмъ, чтобы торгъ и промыслы не совершались «безпошлинно», и учетъ плательщиковъ. Къ тому же онѣ встрѣчали полное сочувствіе со стороны посадскихъ: вѣдь посадскій міръ не менѣе, чѣмъ волость, страдалъ отъ ухода тяглецовъ, такъ какъ, при общинной раскладкѣ тягла, за «избылыхъ» (т. е. ускользнувшихъ отъ него) должны были платить оставшіеся члены общины. Поэтому, въ теченіе почти всего Московскаго періода, посадскіе энергично боролись съ уходомъ своихъ сочленовъ, съ обращеніемъ ихъ въ закладничество и съ переходомъ посадскихъ дворовъ (посредствомъ продажи и заклада) въ руки «бѣломѣстцевъ» (т. е. нетяглыхъ людей [1]). Такая борьба становится еще болѣе понятной, если принять во вниманіе, что бѣломѣстцы не только не отбывали тягла, но къ тому же занимались торгово-промышленной дѣятельностью, составляя конкуренцію посадскимъ. Конкурентами ихъ были не только закладчики и обитатели пригородныхъ слободъ, устраивавшихся монастырями и крупными вотчинниками, но и служилые люди (стр. 153).

Указанныя явленія (запустѣніе посадовъ вслѣдствіе разброда

---

[1]) Хотя земля, на которой строились посады, считалась черной, т. е. государевой, собственностью, однако посадскіе распоряжались своими дворами такъ же, какъ черносошные крестьяне—своими участками (стр. 201).

тяглецовъ, переходъ ихъ дворовъ въ руки бѣломѣстцевъ, развитіе конкуренціи посадскимъ со стороны лицъ, не отбывавшихъ тягла), наносили существенный ущербъ интересамъ казны и торгово-промышленнаго населенія и не могли, конечно, оставить равнодушнымъ московское правительство. Однако частичныя мѣры, издавна принимавшіяся имъ для поддержанія податного значенія посада, не имѣли успѣха. Пришлось обратиться къ рѣшительнымъ, которыя, по челобитью выборныхъ (стр. 178), и были проведены Соборнымъ Уложеніемъ.

Оно 1) строго запретило закладничество и вернуло закладниковъ въ тягло, 2) предписало отобрать и «поворотить въ тягло», т. е. приписать къ посадамъ, городскія и пригородныя слободы и торгово-промышленныя заведенія, перешедшія въ нетяглыя руки, и 3) предоставило посадскимъ почти исключительное право занятія городскимъ торгомъ и промысломъ. Эти постановленія и привели къ окончательному *обособленію и прикрѣпленію* посадскихъ (прикрѣпленіе было столь строгимъ, что одинъ указъ грозилъ смертной казнью за переходъ изъ одного посада въ другой). Въ интересахъ торгово-промышленнаго класса вскорѣ послѣ Уложенія проведено было также нѣсколько важныхъ мѣръ, сущность которыхъ заключалась въ покровительствѣ отечественной торговлѣ, освобожденіи ея отъ иностранной конкуренціи, а также въ упорядоченіи податного обложенія.

Чтобы выяснить необходимость этихъ мѣръ, обратимся къ обзору экономическаго состоянія Русскаго государства въ Московскій періодъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Экономическое состояніе Русскаго государства въ Московскій періодъ.

Введеніе.

Экономическая политика Московскаго государства, въ исторіи которой можно различать три періода: 1) до половины XVI в., 2) до половины XVII в., 3) до эпохи Петра Великаго, обусловливалась, подобно сословной политикѣ, военными и податными интересами. Въ первый періодъ приходилось удовлетворять ихъ, приспособляясь *къ преобладавшему на Руси до середины XVI в. натуральному хозяйству.* Въ слѣдующее столѣтіе правительство, чувствуя острую нужду въ деньгахъ для покрытія неотложныхъ военныхъ расходовъ, стремилось развить внѣшнюю торговлю, привлекало иностранныхъ купцовъ различными привилегіями, сосредоточивало въ своихъ рукахъ выгоднѣйшіе торговые обороты, вообще придавало торговлѣ такой характеръ, чтобы она прежде всего служила *обогащенію казны*; вмѣстѣ съ тѣмъ оно усиливало и усложняло до крайности податное обложе-

ніе, не щадя платежныхъ силъ народа. Напротивъ, съ половины XVII в. московское правительство старалось, хотя и не всегда послѣдовательно, примирять свои интересы съ интересами торгово-промышленнаго класса, сочетать заботы о пополненіи казны съ заботами о народномъ благосостояніи. Таковъ былъ пройденный Московскимъ государствомъ путь отъ натуральнаго хозяйства Удѣльной эпохи къ сложному меркантилизму Петра Великаго.

§ 69. Преобладаніе натуральнаго хозяйства.

Экономическая политика XV в. и первой половины XVI в.

Уже упоминалось (стр. 76), что внѣшняя торговля, игравшая очень важную роль въ Кіевскій періодъ, значительно упала въ Удѣльные вѣка. Въ началѣ Московскаго періода она испытала новые удары изъ-за паденія Новгорода, разстройства Ганзы и измѣненія торговыхъ путей, явившагося слѣдствіемъ «великихъ открытій». Понятно поэтому, что въ Московскомъ государствѣ преобладало на первыхъ порахъ натуральное хозяйство. Его преобладаніемъ объясняется, какъ мы знаемъ (стр. 185), и характеръ московской военной организаціи, основанной на помѣстной системѣ. Однако очень скоро обнаружилась недостаточность такой основы. Служилое землевладѣніе не могло вполнѣ обезпечить ни помѣщиковъ, ни тѣмъ болѣе государства. Вслѣдствіе частыхъ отъѣздовъ служилыхъ людей на войну и разброда крестьянъ, переманиваемыхъ привилегированными вотчинниками и монастырями, хозяйство въ помѣстьяхъ велось неудовлетворительно, да и самые способы его были далеки отъ совершенства: въ лучшемъ случаѣ примѣнялась трехпольная система, въ худшемъ—подсѣчная (стр. 11), неосмотрительно истощавшая богатства природы. Правительство шло навстрѣчу помѣщикамъ, содѣйствуя, какъ сказано, прикрѣпленію крестьянъ, ограниченію тарханов (стр. 186) и роста монастырскаго землевладѣнія. Но эти мѣры оказывались недостаточными: для поддержанія хозяйства, для обращенія земли «изъ пуста въ живущую», для снаряженія въ походъ помѣщики нуждались въ деньгахъ, и въ пособіе имъ стало выдаваться жалованье. На жалованьи же правительство должно было содержать низшихъ служилыхъ людей, напр., стрѣльцовъ и особенно наемныхъ иноземцевъ. Въ деньгахъ чувствовалась необходимость и для удовлетворенія цѣлаго ряда другихъ государственныхъ нуждъ. Въ обращеніи на Руси были мелкія серебряныя монеты (стр. 77),—сперва только «денги», а со времени Іоанна IV также копѣйки (монеты съ изображеніемъ всадника—копьеносца, равныя двумъ денгамъ) и полушки (=1/2 денги) [1]). Чеканились онѣ изъ привозныхъ

[1]) Въ Московскій періодъ, вмѣсто прежнихъ двухъ денежныхъ счетовъ: московскаго и новгородскаго, — устанавливается одинъ — общегосударственный. Золотыя

иностранныхъ монетъ, такъ какъ собственнаго серебра Московская Русь не добывала. Для увеличенія количества русскихъ денегъ необходимо было усилить притокъ иностранной монеты; осуществить же это можно было лишь развитіемъ внѣшней торговли, организованной притомъ такъ, чтобы вывозъ преобладалъ надъ ввозомъ.

§ 70. Торговля и промышленность въ XVI и первой половинѣ XVII в.

Вывозъ.

Московская Русь изобиловала немалымъ количествомъ предметовъ вывоза. Сюда относились прежде всего мѣха, разное сырье, хлѣбъ, соль, продукты лѣсоводства и рыболовства (особенно, икра), а также тѣхъ видовъ обрабатывающей промышленности, которые къ XVII в. достигли уже извѣстнаго совершенства, напр., кожи, холсты, полотна, кузнечныя издѣлья. Кромѣ того, Русская земля занимала выгодное положеніе торговой *посредницы между Западомъ и Востокомъ*, богатства котораго, столь манившія въ то время западно-европейскихъ купцовъ, въ изобиліи притекали въ Московію. Итакъ, въ предметахъ сбыта не ощущалось недостатка, нужно было найти лишь выходъ для нихъ.

Въ виду неудачи попытокъ пробиться къ Балтійскому морю, московскимъ государямъ пришлось довольствоваться Архангельскимъ портомъ. Открытъ онъ былъ, какъ извѣстно, англійской экспедиціей, которая искала сѣвернаго пути въ Китай, но была занесена бурей къ берегамъ Бѣлаго моря. Снискавшіе себѣ милость Грознаго, англійскіе купцы получили щедрыя привилегіи. Имъ было предоставлено право безпошлиннаго торга во всемъ Русскомъ государствѣ, право устройства своихъ конторъ и заводовъ; ихъ купцамъ давались всевозможныя льготы. Сильную конкуренцію составляли имъ лишь голландцы, правда, поставленные въ менѣе благопріятныя условія, чѣмъ они, и обложенные половинной пошлиной, но не менѣе энергичные въ торговыхъ дѣлахъ. Архангельскъ, сдѣлавшійся центромъ внѣшней торговли и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы окномъ въ Западную Европу, усиленно заселялся жителями окрестныхъ городовъ, которыхъ московское правительство переводило туда даже насильственно. Торговая дѣятельность широко распространилась по всему Поволжью и прилегающимъ къ нему городамъ (стр. 149), да и въ другихъ русскихъ областяхъ возникло не мало торговыхъ центровъ, постоянныхъ или временныхъ; подъ послѣдними слѣдуетъ разумѣть ярмарки,

---

монеты въ Московской Руси не пускались въ обращеніе, а жаловались царемъ въ знакъ милости; мѣдныя—до половины XVII в. были большою рѣдкостью. Массовый выпускъ мѣдныхъ денегъ, а также появленіе крупныхъ серебряныхъ монетъ—рублей и полтинъ—относится ко времени царя Алексѣя Михайловича.

важнѣйшей изъ которыхъ была Макарьевская, вблизи Нижняго Новгорода. Здѣсь въ большихъ размѣрахъ происходилъ обмѣнъ восточныхъ товаровъ на западно-европейскіе. Средоточіемъ южной торговли являлась Астрахань.

Казенныя торговыя монополіи.

Однако въ XVI и первой половинѣ XVII в. главную выгоду отъ торговли извлекали не частные предприниматели, а казна. Объясняется это не только недостаткомъ частныхъ капиталовъ и крупныхъ оптовыхъ предпріятій, но, главнымъ образомъ, тѣми стѣсненіями, которыми была обставлена частная иниціатива со стороны казны. Послѣдняя сосредоточивала въ своихъ рукахъ выгоднѣйшіе обороты: персидскій шелкъ и множество другихъ продуктовъ, доставляемыхъ персами, греками, бухарцами—посредниками Индіи, а также другими восточными купцами, богатства Сибири—все это были заповѣдные царскіе товары, которыми не могъ торговать никто, кромѣ гостей, являвшихся въ данномъ случаѣ лишь правительственными агентами (стр. 202) и обязанныхъ искать только государевой прибыли.

Финансовыя операціи.

Главная цѣль какъ царской торговой монополіи, такъ и «повольной», т. е. частной, торговли усматривалась въ томъ, чтобы добыть какъ можно больше иностранной звонкой монеты, напр. іохимсталеровъ или ефимковъ. При перечеканкѣ послѣднихъ московское правительство стремилось искусственно повысить ихъ цѣнность: именно, оно или вычеканивало изъ ефимка мелкихъ монетъ на бо́льшую сумму, чѣмъ онъ стоилъ въ цѣломъ видѣ (цѣльнымъ онъ ходилъ по 40—42 коп., а переливался въ 64), или же, не дробя его, просто ставило на немъ особый штемпель и пускало его тогда въ обращеніе по повышенной цѣнѣ. Для удержанія серебра на Руси московское правительство предлагало иностранцамъ получать за ввозимые ими товары (предметы обрабатывающей промышленности и, главнымъ образомъ, издѣлія, нужныя для войны) не деньги, а русскіе продукты; такимъ образомъ, вывозъ давалъ казнѣ деньги, а ввозъ не сопровождался большимъ расходованіемъ ихъ. Все указанное было выгодно для казны, но стѣсняло свободу обмѣна. Еще несравненно больше страдала частная торговля отъ множества таможенныхъ пошлинъ[1]).

Обложеніе.

Въ сферѣ обложенія московская казна вообще выказывала крайнюю изобрѣтательность. Основнымъ прямымъ налогомъ были такъ называемыя *деньги данныя*, а главнѣйшими спеціальными: деньги ямскія (на содержаніе ямщиковъ и почтовыхъ станцій), полоняничныя (на выкупъ плѣнныхъ у турокъ и татаръ) и стрѣлецкія (на

---

[1]) См. «Русская исторія» подъ ред. проф. Довнаръ-Запольскаго, ч. III, статья «Экономическая политика Московскаго государства въ XVI—XVIII в.». Обзору экономическаго состоянія Московской Руси посвящены и нѣкоторыя другія статьи этой же книги: А. М. Гнѣвушева, Н. Смирнова и статья, озаглавленная «Торговля и промышленность».

содержаніе стрѣльцовъ). Особенно же развито было косвенное обложеніе. Важнѣйшими изъ косвенныхъ налоговъ, кромѣ таможенныхъ пошлинъ, являлись кабацкіе сборы. Правительство, какъ центральное, такъ и мѣстное, сознавало, конечно, вредъ кабаковъ, приводившихъ къ тому, что «питухи» «пропивались, должали и нищали», но острая нужда въ деньгахъ побуждала его предписывать «питуховъ отъ кабаковъ не отгонять».

Боязнь недобора податей заставляла казну поручать ихъ взиманіе или «вѣрнымъ» головамъ (стр. 171), или «откупщикамъ»: и тѣ, и другіе выплачивали недоимки плательщиковъ изъ своихъ средствъ.

Вредныя стороны экономической политики.

Въ охарактеризованной экономической политикѣ, ставившей на первый планъ фискальные (казенные) интересы, было много вредныхъ сторонъ. Казенныя монополіи, привилегіи иностранцевъ, которые, по мнѣнію москвичей, «все царство оголодили», безчисленныя таможенныя пошлины и сборы съ русскихъ купцовъ (даже частныя лица облагали купцовъ за проѣздъ черезъ свои владѣнія), стремленіе взять какъ можно больше,—все это подавляло частную предпріимчивость, и если, какъ мы знаемъ (стр. 192), крестьяне сокращали запашку для уменьшенія тягла, то и торгово-промышленное населеніе не рисковало расширять свою дѣятельность изъ опасенія взвалить на себя еще новое податное ярмо. А отъ такого экономическаго застоя страдали интересы самой казны. Значитъ, фискальная политика приводила къ результатамъ, противоположнымъ тѣмъ, которыхъ она добивалась: на податную изобрѣтательность отвѣчали изобрѣтательностью въ уклоненіи отъ платежей.

§ 71. Экономическая политика XVII в.

Московскій меркантилизмъ.

Ненормальность описаннаго положенія была ясно сознана въ XVII в. какъ правительствомъ, такъ и торгово-промышленнымъ классомъ. Къ тому же въ Москву въ то время разными путями стали проникать господствовавшія тогда на западѣ меркантилистическія идеи. Онѣ легко могли быть усвоены, такъ какъ исходная точка зрѣнія меркантилизма—убѣжденіе, что главнымъ показателемъ богатства страны является накопленіе въ немъ металлическихъ денегъ,—вполнѣ соотвѣтствовала исконнымъ взглядамъ московскаго правительства. Оставалось лишь сочетать ихъ съ *покровительствомъ отечественной торговлѣ и промышленности*, съ желаніями московскихъ посадскихъ людей.

И дѣйствительно, уже въ самомъ началѣ XVII вѣка привилегіи иностранцевъ были сокращены; когда же на престолѣ утвердилась новая династія, то она, особенно въ лицѣ царя Алексѣя Михайловича, очень опредѣленно встала на путь національной экономической

политики, выказывая большія заботы объ интересахъ торгово-промышленнаго класса. Уложеніе приняло рѣшительныя мѣры противъ бѣломѣстцевъ (стр. 178); тогда же были уничтожены льготы англичанъ, и имъ разрѣшалось торговать лишь въ Архангельскѣ, а впослѣдствіи еще въ нѣсколькихъ пограничныхъ городахъ; внутрь же страны они фактически не могли проникнуть вслѣдствіе высокаго обложенія и цѣлаго ряда стѣсненій. Напротивъ, русскіе купцы ставились въ привилегированное положеніе; между прочимъ, въ ихъ интересахъ, вмѣсто прежнихъ безчисленныхъ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, былъ установленъ одинъ 5%-ый сборъ съ продавца; новые частные поборы—«мосты и перевозы»—запрещались, прежніе же сохранились лишь подъ тѣмъ условіемъ, что взимающіе ихъ будутъ содержать въ исправности пути сообщенія. Изъ другихъ финансовыхъ реформъ слѣдуетъ отмѣтить упраздненіе въ 1654 году цѣлаго ряда откупныхъ статей и сокращеніе числа кабаковъ, которые переименовывались притомъ въ «кружечные дворы».

Стремясь къ расширенію торговыхъ сношеній, правительство искало рынковъ въ Китаѣ и Индіи, добивалось пріобрѣтенія или, по крайней мѣрѣ, аренды гаваней на Балтійскомъ морѣ, вело съ иностранцами переговоры о постройкѣ флота.

Оживленіе промышленности.

Одновременно съ развитіемъ торговли оживлялась и промышленность. Такъ, напр., чтобы не выписывать изъ-за границы дорого стоющее оружіе, правительство еще со времени Михаила Ѳеодоровича строило собственные оружейные заводы. При устройствѣ ихъ, при разработкѣ природныхъ богатствъ (напр., отыскиваніи руды), при выдѣлкѣ металловъ оно пользовалось услугами иноземцевъ; послѣдніе во множествѣ привлекались въ Москву, получали отъ правительства ссуды, заводили предпріятія (напр., основанный въ 1632 г. голландцемъ Виніусомъ Тульскій ружейный заводъ), передавая ихъ затѣмъ въ казну, обучали своимъ искусствамъ русскихъ людей и надолго поселялись въ возстановленной послѣ Смутнаго времени Нѣмецкой слободѣ.

Изъ изложеннаго видно, что московская экономическая политика половины XVII в. слѣдовала идеямъ меркантилизма. Ревностными глашатаями этихъ идей были такіе выдающіеся люди, какъ писатель-панславистъ Юрій Крижаничъ (см. ниже) и лучшій дипломатъ времени царя Алексѣя Михайловича Ординъ-Нащокинъ. Однако московскій меркантилизмъ, какъ сейчасъ увидимъ, не вполнѣ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды.

Денежная реформа.

Въ 50-хъ годахъ XVII вѣка московское правительство стало ощущать острую нужду въ деньгахъ 1) вслѣдствіе возгорѣвшейся въ это время войны съ Польшей (стр. 143), 2) вслѣдствіе временнаго разстройства экономической жизни, вызваннаго моровой язвой, 3) въ особенности же, вслѣдствіе сокращенія торговыхъ оборотовъ съ

иностранными купцами, обусловленнаго отмѣной ихъ привилегій. Ослабленіе внѣшней торговли въ корнѣ подрывало московскій меркантилизмъ, такъ какъ приводило къ сокращенію привознаго серебра: запасъ его сталъ изсякать, и количество денегъ, столь необходимыхъ казнѣ, уменьшилось. Установленіе высокаго принудительнаго курса сохранившихся въ запасѣ ефимковъ, посредствомъ штемпелеванія ихъ (стр. 206), оказалось недостаточнымъ, и правительство выработало смѣлый проектъ новаго денежнаго обращенія. Именно, оно рѣшило чеканить *мѣдныя* монеты вмѣсто серебряныхъ съ тѣмъ, однако, чтобы онѣ ходили по одинаковой цѣнѣ съ серебряными. Проектъ этотъ, какъ видно, основывался на кредитѣ, т. е. на довѣріи народа къ правительству, на увѣренности въ томъ, что оно можетъ обмѣнять пущенныя въ оборотъ, не имѣющія абсолютной цѣнности (какъ сдѣланныя изъ безцѣннаго металла) мѣдныя деньги на серебряныя, представляющія такую цѣнность. И дѣйствительно, пока это довѣріе существовало, денежная реформа, произведенная въ 1656 году согласно указанному проекту, давала хорошіе результаты.

Но скоро кредитъ былъ подорванъ, такъ какъ правительство стало неумѣренно выпускать мѣдныя деньги; количество ихъ увеличилось еще болѣе отъ того, что должностныя лица допускали непростительныя злоупотребленія, чеканя монету изъ своей собственной мѣди. Вслѣдствіе этого мѣдныя деньги стали быстро падать въ цѣнѣ по сравненію съ серебряными: при обмѣнѣ—за 100 серебряныхъ копѣекъ требовали мѣдныхъ гораздо больше: въ 1660 г.—150—200, а въ 1662 г.—1200 и даже 1500, такъ что мѣдная копѣйка равнялась $^1/_{15}$ серебряной; мѣдью за товары брали втридорога, а нѣкоторые купцы вовсе отказывались производить расчеты на мѣдь. Само правительство подавало этому примѣръ, взимая платежи съ населенія серебромъ, а выплачивая ему мѣдными деньгами по ихъ номинальной, т. е. обозначенной, а не ходячей цѣнѣ; этимъ оно ставило въ отчаянное положеніе и служилыхъ людей, получавшихъ жалованье, и купцовъ, поставлявшихъ казнѣ товары. Все это повело къ тому, что въ 1662 году въ Москвѣ вспыхнулъ большой мятежъ, при подавленіи котораго погибло нѣсколько тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ много невинныхъ. Въ 1663 году мѣдное обращеніе было запрещено и замѣнено прежнимъ серебрянымъ. Имѣвшимъ мѣдныя деньги предоставлено было обмѣнять ихъ у казны на серебро, получая ничтожную часть ихъ номинальной стоимости. Такимъ образомъ денежная реформа завершилась полной неудачей и разореніемъ населенія, что должно было сильно обострить общественное недовольство.

Независимо отъ неудачи денежной реформы, недовольство въ народѣ поддерживалось и тѣмъ, что указанныя выше экономическія мѣропріятія осуществляли, по мнѣнію П. Смирнова, «преимуще-

ственно программу крупной буржуазіи, тѣсно соприкасавшейся съ приказнымъ міромъ, мелкіе же торговцы и производители скорѣе проигрывали, чѣмъ выигрывали отъ изгнанія съ русскаго рынка дешеваго иностраннаго капитала».

Само правительство, въ силу тѣхъ или иныхъ соображеній, отказалось отъ нѣкоторыхъ финансовыхъ преобразованій; такъ, напр., въ 60-хъ годахъ возстановлена была откупная система, распространявшаяся попрежнему и на кабаки; допущены были также частичныя отступленія отъ меркантилизма, и Петру Великому пришлось приняться за возрожденіе и за преобразованіе его.

Доходы казны.

Однако, несмотря на несовершенства и непрочность нѣкоторыхъ сторонъ экономической политики XVII в., она все же значительно увеличила доходы казны; такъ, въ эпоху расцвѣта московскаго меркантилизма, таможенныя пошлины, взимаемыя въ Архангельскѣ, давали свыше 74 тысячъ рублей (около милліона рублей на наши деньги); общая же сумма государственныхъ доходовъ, напр., по смѣтѣ 1680 г., превышала 1 мил. рублей того времени (53% этой суммы поступало путемъ косвенныхъ налоговъ, 24,6%—прямыхъ, остальное—чрезвычайные и неокладные сборы). Обогащая казну, экономическая политика XVII в. удовлетворяла вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сказано, желанія торгово-промышленнаго класса (хотя бы верхнихъ слоевъ его), выраженныя въ челобитьяхъ. Послѣднія встрѣчали также поддержку со стороны служилыхъ людей. Въ свою очередь, посадскіе не разъ оказывали содѣйствіе служилому сословію въ его стремленіи ограничить церковное землевладѣніе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Церковь и просвѣщеніе.

Введеніе.

Важнѣйшими вопросами церковной жизни Московскаго періода были слѣдующіе: 1) борьба православнаго духовенства съ ересью «жидовствующихъ», распространившейся въ послѣдней четверти XV в. въ Новгородѣ и Москвѣ и являвшейся какъ бы продолженіемъ ученія стригольниковъ (стр. 82); 2) споръ о монастырскомъ и церковномъ землевладѣніи; 3) вопросъ объ отношеніи церкви къ государству; 4) церковная реформа патріарха Никона, состоявшая въ согласованіи русскихъ богослужебныхъ обрядовъ и книгъ съ греческими и приведшая къ возникновенію церковнаго раскола. Къ области церковныхъ вопросовъ слѣдуетъ отнести и заботы о народномъ просвѣщеніи, такъ какъ послѣднее, вплоть до конца XVII в., было преимущественно церковнымъ и по существу и по своимъ цѣлямъ.

§ 72. Ересь жидовствующихъ.

Вся первая половина XVI вѣка была временемъ религіозныхъ движеній во всей Западной Европѣ, подготовленныхъ до извѣстной степени вальденцами, особенно же проповѣдью Виклефа и Гусса. Въ сторонѣ отъ нихъ не осталась и Русская земля. Литва явилась проводникомъ новыхъ религіозныхъ идей Зап. Европы, которыя, встрѣчаясь съ самобытными русскими религіозными исканіями, утвердились и въ Московскомъ государствѣ. Около этого времени и возникаетъ во многомъ загадочная ересь «жидовствующихъ». Въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ она являлась совершеннымъ и полнымъ отрицаніемъ христіанства. Главнѣйшимъ источникомъ свѣдѣній объ этой ереси считается сочиненіе извѣстнаго основателя и игумена Волоцкаго монастыря Іосифа Санина († 1515), носящее названіе «Просвѣтитель или Обличеніе ереси жидовствующихъ». Въ «Просвѣтителѣ» преп. Іосифъ повѣствуетъ о появленіи и распространеніи ереси въ Новгородѣ и Москвѣ и излагаетъ ея ученіе.

Ея основателемъ считается нѣкій еврей Схарія, прибывшій въ 1471 г. въ Новгородъ съ кн. кіевскимъ Михаиломъ. Она быстро и широко распространилась здѣсь, нашла много послѣдователей преимущественно среди священниковъ, а черезъ нихъ проникла въ Москву и увлекла даже нѣкоторыхъ приближенныхъ Іоанна III. Но въ 1504 г. ученіе жидовствующихъ, какъ еретическое и противное православію, было осуждено и отвергнуто на церковномъ соборѣ въ Москвѣ. Послѣ церковнаго осужденія главари секты были подвергнуты гражданскимъ наказаніямъ: нѣкоторые казнены, другіе заключены въ тюрьмы и сосланы въ дальніе монастыри.

Сущность ереси такова. Жидовствующіе учили, что Іисусъ Христосъ не былъ Богомъ, а былъ простымъ человѣкомъ, казненнымъ и истлѣвшимъ въ гробу. Не былъ Онъ и Мессіей, предсказаннымъ пророками, ибо Мессія еще не приходилъ, а только имѣетъ придти, почему и должно слѣдовать «закону Моисееву».

Кромѣ того, жидовствующіе отрицали также догматъ троичности Божества, почитаніе святыхъ, таинства, загробную жизнь, безсмертіе души и др. Свойственное ереси религіозное вольномысліе давало ея приверженцамъ возможность порою *открыто* пренебрегать общепринятыми нравственными правилами, что и было поводомъ для обвиненія (не всегда, впрочемъ, справедливаго) жидовствующихъ въ безнравственности. Преп. Іосифъ, являвшійся однимъ изъ виднѣйшихъ борцовъ противъ ереси (другимъ замѣчательнѣйшимъ борцомъ считается архіепископъ новгородскій Геннадій), былъ въ то же время горячимъ защитникомъ монастырскаго землевладѣнія.

§ 73. Монастырское землевладѣніе.

Развитіе его.

И городскіе или пригородные, и пустынные монастыри силою обстоятельствъ превращались въ крупныхъ землевладѣльцевъ: и тѣ и другіе пышно богатѣли отъ различныхъ вкладовъ, какъ денежныхъ, такъ, особенно, земельныхъ. Щедрѣе всего притекали вклады на поминовеніе или, какъ они назывались, «вклады по душѣ». Не довольствуясь добровольными вкладами, нѣкоторые монастыри вступали на путь чисто дѣловыхъ предпріятій (напр., они занимались куплей, перепродажей и мѣной вотчинъ, пріемомъ ихъ въ залогъ, отдачей денегъ въ ростъ, сложными договорами съ вкладчиками, изобрѣтеніемъ особыхъ способовъ веденія хозяйства на своихъ земляхъ). Раздача земель въ условное владѣніе (временное или пожизненное, безвозмездное или платное), съ цѣлью улучшенія ихъ культурнаго состоянія, практиковалась монастырями такъ же, какъ и другими крупными вотчинниками. На монастырскихъ земляхъ сидѣли своего рода помѣщики, на земляхъ, принадлежавшихъ митрополичьей каѳедрѣ,—служилые люди митрополита: его бояре и дѣти боярскія. Хозяйство монастырскихъ земель находилось въ болѣе благопріятномъ положеніи, по сравненію съ другими. Объясняется это тѣмъ, что монастыри 1) получали различныя податныя льготы и привилегіи, не обременялись тяжелыми поземельными повинностями, и потому не терпѣли недостатка въ рабочихъ крестьянскихъ рукахъ, 2) обладали въ изобиліи денежными средствами. Итакъ, монастырское землевладѣніе развивалось не только количественно, раскинувшись чуть ли не на треть всей Московской Руси, но и качественно превосходило всякое другое.

Обогащеніе монастырей приводило къ нежелательнымъ послѣдствіямъ двоякаго рода: 1) оно способствовало упадку монастырской дисциплины, 2) вызывало зависть и недоброжелательство служилаго класса и создавало серьезныя затрудненія для государства, истощая запасъ земель, нужныхъ для помѣстной раздачи. Понятно поэтому, что обличеніе упадка монастырской жизни и призывы къ возрожденію ея были любимой темой писателей того времени. Различіе было только въ рекомендуемыхъ средствахъ исправленія зла: одни хотѣли лечить только слѣдствіе — упадокъ монашества, не касаясь причины — монастырскаго землевладѣнія, другіе, болѣе послѣдовательные, старались искоренить и причину, и рѣзко высказывались противъ права монастырей владѣть вотчинами. Противъ него выступали не только публицисты изъ боярской среды, какъ, напр., Курбскій или авторъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» (стр. 125), съ горечью наблюдавшіе поглощеніе монастырями боярскихъ земель, но и многіе духовные писатели, которые и получили вслѣдствіе этого названіе «нестяжателей», т. е. противниковъ монастырской собственности.

Нестяжатели.

Основателемъ направленія нестяжателей былъ великій подвижникъ, убѣжденный аскетъ и глубокій мыслитель — мистикъ преп. Нилъ Майковъ († 1508), устроившій скитъ (уединенный монастырь) на рѣкѣ Сорѣ за Волгой. Изъ послѣдователей преп. Нила Сорскаго слѣдуетъ упомянуть Вассіана Косого (насильно постриженнаго при Іоаннѣ III князя Патрикѣева) и приглашеннаго (въ 1518 г.) въ Москву для перевода богослужебныхъ книгъ великокняжеской библіотеки знаменитаго ученаго аѳонскаго монаха Максима Грека. Къ этому же направленію принадлежали и многіе «заволжскіе старцы», т. е. иноки монастырей, расположенныхъ за Волгой. Общій смыслъ разсужденій нестяжателей сводится къ слѣдующему. Иноки — непогребенные мертвецы, люди, отшедшіе отъ міра; монастыри не должны поэтому вмѣшиваться въ мірскія дѣла; обмірщеніе монастырей, ихъ связь съ землею-міромъ происходитъ вслѣдствіе монастырскаго землевладѣнія; слѣдовательно, лишь уничтоживъ послѣднее, можно поставить монастыри независимо отъ міра и выше его. Нестяжатели были также противниками господствовавшаго тогда обрядоваго благочестія; они стремились постигнуть глубокій, внутренній смыслъ религіи; имъ не чуждо было и мистическое настроеніе, а также рѣдкая въ то время религіозная терпимость, проявленная ими въ борьбѣ съ ересью «жидовствующихъ». Въ противоположность пр. Іосифу и Геннадію, они совѣтовали дѣйствовать противъ еретиковъ не мѣрами устрашенія и не казнями, а убѣжденіемъ и милосердіемъ.

Іосифляне

Защиту монастырскаго землевладѣнія принялъ на себя преп. Іосифъ Волоцкій, нашедшій себѣ многочисленныхъ приверженцевъ среди духовенства, которыхъ и стали называть «іосифлянами». Онъ горячо доказывалъ, что монастыри обязаны не обособляться отъ міра, а, напротивъ, вліять на него и служить разсадниками высшихъ духовныхъ лицъ — епископовъ. Въ епископы же должны, по его мнѣнію, готовиться честные и доброродные, т. е. родовитые, люди, которые не станутъ постригаться, если у монастырей не будетъ вотчинъ, и инокамъ придется нищенствовать. Итакъ, безъ богатыхъ монастырей не будетъ «доброродныхъ старцевъ», а безъ доброродныхъ старцевъ и вѣра поколеблется — вотъ общій смыслъ практическихъ разсужденій Іосифа. Нареканія на корыстолюбіе монаховъ онъ старался опровергнуть указаніями на ихъ широкую благотворительность, а совмѣщеніе владѣнія вотчинами со строгой дисциплиной надѣялся доказать на примѣрѣ своего Волоколамскаго монастыря, богатаго, но образцоваго по жизни иноковъ. Задача, за которую взялся Іосифъ, была не легка, такъ какъ не только служилыхъ людей, но и самого Іоанна III очень привлекала мысль обратить монастырскія земли въ полезный помѣстный капиталъ. Чтобы не допустить этого, Іосифъ всѣми силами старался добиться личнаго расположенія Іоанна, а въ своихъ произведеніяхъ проводилъ идею

тѣснаго единенія Церкви и государства, предоставлялъ московскому великому князю то громадное значеніе въ дѣлахъ Церкви и всего православнаго міра, какимъ нѣкогда пользовался Византійскій императоръ (стр. 123).

Усилія Іосифа и его дипломатическія способности привели къ желаннымъ для него результатамъ: церковный соборъ 1503 года, несмотря на возраженія Нила Сорскаго, очень опредѣленно высказался противъ отобранія въ пользу государства какъ монастырскихъ, такъ и вообще церковныхъ земель. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы обезоружить своихъ противниковъ, іосифляне предложили на этомъ соборѣ нѣсколько мѣръ, поднимавшихъ благочиніе духовенства.

Однако и послѣ собора 1503 года вопросъ о монастырскомъ землевладѣніи не замеръ: ни нестяжатели во имя соображеній принципіальныхъ, ни преемники Іоанна III во имя практическихъ соображеній не могли примириться съ нимъ. Нестяжатели вели ожесточенный литературный споръ съ Іосифомъ, а послѣ его смерти съ его учениками. Положеніе спорящихъ было неравное: іосифляне дослуживались до высшихъ духовныхъ мѣстъ: двое послѣдователей Іосифа—Даніилъ и Макарій—одинъ за другимъ занимали митрополичью каѳедру; нестяжатели же скрывались въ тѣни монастырей. Неудивительно поэтому, что іосифляне въ концѣ концовъ принудили своихъ принципіальныхъ противниковъ къ молчанію. Литературная борьба заглохла, но правительству іосифляне должны были сдѣлать кое-какія уступки въ больномъ для нихъ вопросѣ о монастырскомъ землевладѣніи.

Отношеніе правительства.

Мѣропріятія преемниковъ Іоанна III клонились къ тому, чтобы 1) нѣсколько ограничить земельные вклады въ монастыри, 2) дать возможность родственникамъ вкладчика выкупать вкладныя вотчины, 3) распространить на монастырскія земли нѣкоторую тягость служебнаго и податного бремени. Такъ, при Василіи III нѣкоторымъ князьямъ-вотчинникамъ и жителямъ нѣкоторыхъ мѣстностей запрещено было давать монастырямъ вотчины безъ разрѣшенія великаго князя. Въ 1551 г. это запрещеніе было распространено на всю Московскую Русь, но на практикѣ плохо соблюдалось. Не имѣли практическаго значенія и другіе указы второй половины XVI вѣка, предписывавшіе замѣнять земельные вклады денежными, такъ какъ въ деньгахъ замѣчался бо̀льшій недостатокъ, чѣмъ въ земляхъ, да къ тому же правительство противорѣчило самому себѣ, разрѣшая (по указу 1572 г.) земельные вклады въ пользу бѣдныхъ монастырей и само практикуя ихъ. Попытки его установить извѣстныя нормы монастырскаго землевладѣнія (по примѣру помѣстныхъ окладовъ) не увѣнчались успѣхомъ. Указъ 1581 г., воспрещавшій монастырямъ увеличивать свои владѣнія какимъ бы то ни было способомъ, оказался столь же безрезультатнымъ, какъ и предшествующіе, и къ

половинѣ XVII в., по свидѣтельству одного современника, бо́льшая часть земель страны принадлежала церковнымъ учрежденіямъ. Поэтому Соборное Уложеніе должно было вновь съ особою опредѣленностью запретить имъ пріобрѣтать вотчины. Для управленія же тѣми землями, которыя были уже пріобрѣтены, и ихъ населеніемъ, учреждался Монастырскій Приказъ изъ свѣтскихъ лицъ. Однако и послѣ 1649 г. бывали случаи пожалованія земель церквамъ и монастырямъ.

Болѣе послѣдовательно дѣйствовало правительство въ своемъ стремленіи распространить на монастырскія земли податныя и служебныя обязанности. Такъ, хотя монастыри и продолжали получать льготныя (тарханныя) грамоты, освобождавшія ихъ отъ податей и повинностей, тѣмъ не менѣе на нихъ лежали расходы, связанные съ ратнымъ дѣломъ. Поэтому монастыри, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, обязаны были содержать на свои средства военные отряды, окружать себя укрѣпленіями, возмѣщать военные расходы и т. д. Во второй половинѣ XVI вѣка правительство старалось самыя льготы и земельные вклады монастырямъ обусловить ихъ государственными заслугами.

Какъ видно, всѣ мѣры правительства, направленныя къ тому, чтобы ограничить или привлечь къ службѣ монастырское и церковное землевладѣніе, не отличались ни энергіей, ни достаточной послѣдовательностью. Это весьма понятно: распри съ духовенствомъ изъ-за этого вопроса не только противорѣчили бы исконному благочестію московскихъ государей, но и представляли бы для нихъ значительныя невыгоды. Духовенство проповѣдывало тѣсный союзъ Церкви съ государствомъ для обоюдной взаимопомощи духовной и свѣтской власти: Церковь, дѣлаясь государственной, обезпечивала себѣ матеріальное содѣйствіе государства, а послѣднее получало важную религіозную и нравственную поддержку Церкви (стр. 124). Преобладающее значеніе въ указанномъ союзѣ принадлежало государю.

§ 74. Отношеніе Церкви къ государству.

Въ Московскій періодъ такъ же, какъ въ Кіевскій и Удѣльный, духовенство занимало особое положеніе въ государствѣ, имѣя свое собственное управленіе, свои имущества и свой судъ, хотя и ограниченный по сравненію съ прежнимъ. (Съ учрежденіемъ Монастырскаго приказа духовныя лица по нѣкоторымъ дѣламъ становились подсудными свѣтской власти; они подсудны были ей также въ случаѣ совершенія ими уголовнаго преступленія, но лишь послѣ того, какъ духовная власть лишила ихъ сана). Однако отношеніе представителей духовной власти къ представителямъ власти свѣтской въ Московскій періодъ было иное, чѣмъ прежде.

Положеніе митрополита.

До половины XV в. митрополитъ «всея Руси» зависѣлъ отъ Константинопольскаго патріарха, а не отъ князей, которыхъ было много, и которые не являлись поэтому выразителями національнаго единства. Со времени же установленія фактической самостоятельности Русской Церкви (стр. 82), московскій митрополитъ оказался въ зависимости отъ московскаго государя—единаго повелителя Русской земли,—такъ какъ послѣдній получилъ *рѣшающее* значеніе въ дѣлѣ замѣщенія митрополичьей каѳедры. Такая зависимость была даже теоретически обоснована іосифлянами (стр. 124).

Положеніе патріарха.

Учрежденіе патріаршества, состоявшееся въ 1589 г. и подтвержденное соборомъ восточныхъ іерарховъ въ 1593 г., сообщило яркій внѣшній блескъ Русской Церкви, но не внесло существенныхъ измѣненій во взаимоотношенія духовной и свѣтской властей. Дѣйствительно, «устроеніе въ Москвѣ превысочайшаго престола патріаршаго» послужило лишь *офиціальнымъ* признаніемъ автокефальности (самостоятельности) Русской Церкви, фактически установившейся уже около полутораста лѣтъ назадъ, и явилось естественнымъ слѣдствіемъ принятія (въ 1547 г.) царскаго титула московскими государями: по византійскимъ понятіямъ, заимствованнымъ Русью, наряду съ царемъ (цесаремъ) непремѣнно долженъ былъ существовать патріархъ. Вмѣстѣ съ возведеніемъ московскаго митрополита въ санъ патріарха, четыре архіепископа: новгородскій, казанскій, ростовскій и крутицкій (викарій московскаго митрополита) получили санъ митрополитовъ [1]).

Новыя высокія званія не измѣнили, однако, существа дѣла: отъ прежнихъ московскихъ митрополитовъ патріархъ сталъ отличаться только внѣшними признаками (болѣе роскошнымъ облаченіемъ, особеннымъ почетомъ при богослуженіи, большимъ количествомъ состоявшихъ при немъ должностныхъ лицъ), а не какими-либо особыми правами, и государь имѣлъ полную возможность вліять на избраніе патріарха, поставляемаго соборомъ русскихъ епископовъ, и вмѣшиваться въ церковныя дѣла. Обычнымъ способомъ патріаршаго избранія былъ слѣдующій: царь называлъ кандидатовъ на патріаршество, изъ числа которыхъ соборъ и производилъ избраніе, или открыто или по жребію. Встрѣчались и другіе способы: такъ, первый патріархъ Іовъ получилъ поставленіе отъ Константинопольскаго патріарха Іереміи, Филаретъ—отъ Іерусалимскаго Ѳеофана. Однако въ обоихъ этихъ случаяхъ поставленіе обусловливалось также волею государя.

---

[1]) Къ концу XVII вѣка число русскихъ епархій возросло,—именно, ихъ имѣлось: патріаршая, 13 митрополичьихъ, 7—архіепископскихъ, 2 епископскихъ. Равнымъ образомъ къ этому времени усложнилась и организація патріаршаго управленія: дѣла, подвѣдомственныя ему, стали поручаться не отдѣльнымъ лицамъ, а четыремъ приказамъ: 1) судному или разряду, 2) казенному (финансовому), 3) дворцовому (хозяйственному) и 4) приказу церковныхъ дѣлъ (заботившемуся о церковномъ благочиніи). Приказы устраивались также въ епархіяхъ другихъ іерарховъ.

Исторія русскихъ патріарховъ.

Первый патріархъ московскій и всея Руси Іовъ, клевретъ Бориса Годунова, сохранилъ свой санъ лишь до воцаренія Лжедимитрія. Вмѣстѣ съ послѣднимъ явился и исчезъ второй русскій патріархъ, грекъ Игнатій. Болѣе независимое положеніе занималъ третій—святитель Гермогенъ (1606—1612 г.), и совершенно исключительное значеніе пріобрѣлъ его преемникъ Филаретъ Никитичъ (1619—1633 г.; съ кончины Гермогена до вступленія на патріаршество Филарета, Русскою Церковью управляли митрополиты—блюстители патріаршаго престола, сперва Ефремъ, затѣмъ Іона). Однако огромное политическое вліяніе какъ Гермогена, такъ и Филарета обусловливалось не столько носимымъ ими званіемъ, сколько выпавшей имъ историческою ролью: «крѣпко - стоятельный пастырь» Гермогенъ былъ сначала главнымъ оплотомъ царя Василія Шуйскаго, а послѣ сверженія его—единственнымъ «начальнымъ человѣкомъ», т. е. представителемъ власти; что же касается «великаго государя» Филарета Никитича, то, какъ мы уже знаемъ (стр. 132), его значеніе основывалось на томъ, что онъ былъ отцомъ и руководителемъ царя. Слѣдующіе патріархи Іоасафъ I (1633 — 1640 г.) и Іосифъ (1640—1652 г.) видной политической роли не играли. Вообще съ несомнѣнностью можно сказать, что теократическіе взгляды встрѣчались на Руси лишь въ видѣ исключенія; большинству же русскаго духовенства они были совершенно чужды.

Попытка теократіи.

Изъ всѣхъ русскихъ патріарховъ вполнѣ сознательно стремился къ теократіи (т. е. къ господству Церкви надъ государствомъ) лишь Никонъ (1652—1658 г.). Онъ, какъ уже сказано (стр. 133), ревностно принялся за обоснованіе ея, воспользовавшись для этого средневѣковыми папскими теоріями (къ числу ихъ относились, напр., уподобленіе архіерейской власти солнцу и душѣ, а царской—лунѣ и тѣлу; теорія двухъ мечей — символовъ духовной и свѣтской власти; легенда о дарѣ императора Константина папѣ Сильвестру; въ качествѣ аргумента Никонъ приводилъ и то, что «не отъ царей начальство священства пріемлется, но отъ священства на царство помазуются» и т. д.), и даже временно осуществилъ теократію на практикѣ [1]). Но практическое ея примѣненіе исчезло вмѣстѣ съ дружбой

[1]) Воззрѣнія, свойственныя Никону, въ видѣ исключенія встрѣчались и раньше. Провозвѣстникомъ его идей, «Никономъ въ миніатюрѣ», можетъ считаться новгородскій митрополитъ Кипріанъ (на новгородской каѳедрѣ онъ былъ между 1627 и 1633 г.г.). Подобно Никону, Кипріанъ стремился къ полной независимости отъ свѣтской власти, протестовалъ противъ ея вмѣшательства въ дѣла своей епархіи, чувствовалъ себя въ ней какимъ-то удѣльнымъ князькомъ, величалъ себя государемъ-митрополитомъ, отличался большою гордостью и строптивостью и даже вводилъ у себя церковныя новшества—«свой чинъ богослуженія». Не желая считаться съ правительственною властью, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ также противникомъ полнаго подчиненія епископовъ патріарху и пренебрежительно относился къ повелѣніямъ Филарета. Поэтому Кипріана можно считать предшественникомъ не только Никона, но и русскихъ «свободныхъ архіереевъ» Павла и Пларіона, о дѣятельности которыхъ будетъ сказано ниже.

царя Алексѣя Михайловича къ Никону, теоретическіе же его взгляды отданы были на судъ сперва восточныхъ патріарховъ, которымъ посланъ былъ письменный запросъ по поводу дѣла Никона, а затѣмъ и духовнаго собора 1666—7 г.г. съ участіемъ патріарховъ Антіохійскаго и Александрійскаго. Въ обоихъ случаяхъ теократія была отвергнута: патріаршіе письменные отвѣты высказались за первенство царской власти передъ духовной, соборъ 1666—7 гг. за *взаимную независимость* этихъ властей.

Въ патріаршихъ отвѣтахъ, пришедшихъ въ Москву въ 1664 г., вопросъ объ отношеніи свѣтской власти къ духовной разрѣшался самымъ невыгоднымъ для Никона образомъ: по смыслу ихъ, патріархъ не только не имѣлъ права вмѣшиваться въ мірскія дѣла, но долженъ былъ еще состоять въ полномъ повиновеніи у царя. («Царь, писалось въ патріаршей грамотѣ,—совершенный господинъ и единый законодавецъ всѣхъ дѣлъ гражданскихъ; патріархъ же—послушливъ царю, ниже коимъ обычаемъ можетъ господствовати въ дѣлѣхъ гражданскихъ... Царь — намѣстникъ Бога на землѣ; слово царя—законъ; патріархъ подлежитъ суду царскому и обязанъ повиноваться не только царю, но и его семьѣ»). На соборѣ 1666—7 г. горячія пренія о власти царской и патріаршей возникли уже послѣ торжественнаго осужденія Никона.

Поводъ къ нимъ дали два русскихъ іерарха: митрополитъ крутицкій Павелъ и архіепископъ рязанскій Иларіонъ. Протестуя противъ деспотическаго отношенія Никона къ русскимъ архіереямъ и способствуя его низложенію, они въ то же время усвоили его взглядъ, что «священство выше царства», и стремились сдѣлать епископовъ «свободными», независимыми не только отъ чрезмѣрнаго давленія патріаршей власти, но и отъ вмѣшательства государства въ управленіе ихъ епархій. Поэтому они отказались подписать постановленіе объ осужденіи Никона, находя, что въ основу этого постановленія положенъ принципъ полнаго подчиненія архіереевъ свѣтской правительственной власти. Въ возникшихъ изъ-за этого жаркихъ преніяхъ особенно видное участіе принялъ пріѣзжій восточный іерархъ, бывшій газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, выступившій ревностнымъ защитникомъ преимуществъ царской власти.

Лигаридъ, при всей своей учености, не совсѣмъ удачно справился съ этой задачей. Доказательства онъ черпалъ безъ разбору изъ произведеній какъ Отцовъ Церкви, такъ и языческихъ писателей, изъ византійской исторіи и изъ жизни древнихъ народовъ. Такъ, напр., для подтвержденія мысли, что «царь не подлежитъ законамъ», онъ ссылался на многоженство Соломона, на самовластныя распоряженія царя Дарія Персидскаго, на преслѣдованія Евдоксіей Іоанна Златоуста. Вмѣсто аргументаціи онъ прибѣгалъ иногда просто къ игрѣ словами, но чаще всего съ принципіальной точки зрѣнія переходилъ на личную: восхваляя достоинства Алексѣя Михайловича и его богословское образованіе, называя его архіереемъ и царемъ, уподобляя его Самуилу, защищалъ его право вмѣшиваться въ дѣла недостойныхъ архіереевъ, и тутъ же добавлялъ, что у египтянъ и римлянъ царь былъ въ то же время и священникомъ. Опасенія Павла и Иларіона, что преемники Алексѣя Михайловича могутъ злоупотребить своимъ церковнымъ вліяніемъ Лигаридъ старался усыпить увѣреніями, что у добраго царя сынъ будетъ еще добрѣе, будетъ царь и вмѣстѣ архіерей, какъ Константинъ Равноапостольный.

Хотя Павелъ и Иларіонъ остались въ меньшинствѣ, хотя имъ пришлось выдержать не мало нареканій со стороны восточныхъ патріарховъ и даже подвергнуться церковному наказанію, однако, все же соборъ изложилъ свое постановленіе не въ смыслѣ признанія полнаго преобладанія свѣтской власти надъ духовною, а въ томъ смыслѣ, что «царь самостоятеленъ и независимъ въ дѣлахъ гражданскихъ, а патріархъ—въ дѣлахъ церковныхъ, и что ни одинъ изъ нихъ не долженъ вмѣшиваться въ область вѣдѣнія другого».

Практическимъ слѣдствіемъ соборнаго постановленія было: 1) уничтоженіе (въ 1677 г.) Монастырскаго Приказа, 2) отмѣна установившагося съ конца XVI вѣка обычая, въ силу котораго правительство назначало свѣтскихъ должностныхъ лицъ для завѣдыванія хозяйственными, канцелярскими и отчасти судебными дѣлами епископскихъ и даже патріаршей епархій, при чемъ эти должностныя лица являлись какъ бы правительственными контролерами епархіальнаго управленія.

Но на отношеніяхъ патріарха къ царю соборное постановленіе не отразилось: преемники Никона—Іоасафъ II (1667—1673 г.), Питиримъ (1673 г.) и Іоакимъ (1673—1690 г.) находились въ зависимости отъ царя. Послѣдній русскій патріархъ, Адріанъ (1690—1700 г.) безуспѣшно пытался ронтать на петровскія мѣропріятія, а послѣдній блюститель патріаршаго престола, Стефанъ Яворскій, столь же безуспѣшно отстаивалъ независимость Церкви отъ государства. Опасеніе болѣе энергичныхъ попытокъ такого рода послужило одной изъ причинъ, побудившихъ Петра Великаго замѣнить патріаршество Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ, почва для котораго была подготовлена исконными отношеніями Церкви къ государству, чуждыми, какъ сказано, теократіи.

Упомянутый выше соборъ 1666—7 гг. созванъ былъ не только для суда надъ Никономъ и разбора его теократическихъ взглядовъ, но и для обсужденія его обрядовой реформы, приведшей, какъ извѣстно, къ церковному расколу.

Для выясненія причинъ послѣдняго необходимо обратиться къ изученію національнаго и религіознаго міросозерцанія русскихъ людей Московскаго періода.

§ 75. Происхожденіе церковнаго раскола.

Національное міросозерцаніе москвичей.

Національное и религіозное міросозерцаніе русскихъ людей Московскаго періода слагалось подъ сильнымъ вліяніемъ теоріи «Москва—третій Римъ» (стр. 123). Доступная по смыслу, простая по своей первоначальной формулировкѣ («два Рима падоша, третій — Москва — стоитъ, а четвертому не быть; единъ московскій государь—во всей поднебесной христіанамъ царь»), ярко выяснявшая міровую роль Москвы, какъ хранительницы православія, эта теорія была твердо воспринята современниками, не замедлившими сдѣлать изъ нея всѣ логическіе выводы и соотвѣтственно имъ опредѣлить правила жизни.

Исходя изъ глубоко вкоренившейся въ русскую душу мысли, что качество всякаго народа зависитъ отъ чистоты его вѣры, москвичи логично пришли къ слѣдующему выводу: если лишь въ Москвѣ сохраняется истинная вѣра во всей своей чистотѣ и неприкосновенности, слѣдо-

вательно, москвичи—самый лучшій народъ, избранный «новый Израиль»; а если это—такъ, то, значитъ, русскимъ людямъ нечему учиться ни у латинянъ—западно-европейцевъ, ни у прежнихъ учителей—грековъ, благочестіе которыхъ послѣ Флорентійской уніи «померкло и испроказилось», и которыми овладѣли нечестивые «агаряне» (т. е. турки). Сближеніе съ иноземцами, по мнѣнію москвичей того времени, можетъ лишь исказить великую миссію русскаго народа, заключающуюся въ сохраненіи «древняго благочестія». Что же представляло собою это благочестіе, являвшееся корнемъ національнаго самомнѣнія, предметомъ міровой миссіи народа?

Характеръ московскаго благочестія.

По мнѣнію изслѣдователей, русское благочестіе отличалось обрядовымъ характеромъ. Лишь причины этого толкуются различно. Такъ, Милюковъ въ «Очеркахъ по исторіи русской культуры» полагаетъ, что главную роль сыгралъ тутъ недостатокъ просвѣщенія и духовнаго воспитанія массы: въ первые вѣка христіанства на Руси во главѣ церковной іерархіи стояли пріѣзжіе греки, незнакомые съ русскимъ языкомъ и потому не справлявшіеся съ труднымъ дѣломъ просвѣщенія народа; когда же съ теченіемъ времени они смѣнились русскими по происхожденію іерархами, послѣдніе, вслѣдствіе своей непросвѣщенности, оказались еще «менѣе подготовленными къ дѣлу учительства», къ разъясненію различія между сущностью вѣры и обрядомъ. Новое объясненіе обрядоваго характера благочестія на Руси дается проф. Каптеревымъ. Русскіе люди, по его мнѣнію, естественно должны были относиться къ обрядамъ совсѣмъ иначе, чѣмъ другіе народы, принявшіе христіанство въ самые первые вѣка его существованія, напр, греки. Греческая Церковь, устанавливавшая постепенно, съ давнихъ временъ православные обряды, не считала ихъ чѣмъ-то неизмѣннымъ и навсегда непреложнымъ, и поэтому, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, вводила обрядовыя преобразованія. Такъ, напр., первоначальное единоперстное крестное знаменіе замѣнено были у грековъ въ IX в. двоеперстіемъ, которое въ XIII вѣкѣ уступило мѣсто троеперстію. Въ совершенно иныя условія поставлены были русскіе: они, вмѣстѣ съ христіанской вѣрой, получили отъ грековъ уже цѣльную, выработанную систему обрядовъ, и поэтому приписывали имъ *такое же* божественное происхожденіе и такое же непреложное, абсолютное *значеніе, какъ самой вѣры*: между обрядами и догматами они ставили какъ бы знакъ равенства. Русскіе, говоритъ Каптеревъ, «не отъ вѣроученія переходили къ обряду, а совершенно наоборотъ: ихъ воспитывалъ и училъ христіанству прежде всего опредѣленный обрядъ, внѣ котораго они не могли ни представить, ни мыслить христіанства».

Принимая во вниманіе обрядовый характеръ древняго русскаго благочестія, легко понять, что москвичи XVI вѣка, взявъ на себя миссію охранять его въ неприкосновенности, направили всѣ свои силы

на соблюденіе обряда и буквы, пугливо остерегались малѣйшаго новшества. Но, несмотря на всю осторожность, русскимъ не удалось сохранить въ полной исправности свои богослужебныя книги: вслѣдствіе невѣжества переписчиковъ, а затѣмъ печатниковъ, въ нихъ вкралось не мало описокъ и ошибокъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ Греческая Церковь *сознательно* измѣнила нѣкоторые *обряды*, при условіи соотвѣтствія ихъ смыслу православнаго ученія, на Руси *текстъ богослужебныхъ книгъ* измѣнился безсознательно, *невольно*. Это обоюдное измѣненіе привело къ тому, что въ Московскомъ государствѣ устанавливались церковные обычаи и чтенія нѣкоторыхъ мѣстъ богослужебныхъ книгъ, не схожіе съ принятыми въ это время въ Греческой Церкви.

До половины XVII в. эти различія (см. ниже) не смущали московскаго духовенства, такъ какъ, во-первыхъ, они не были достаточно выяснены, а, во-вторыхъ, если даже они и обнаруживались, то русскіе, слѣдуя смыслу теоріи «Москва—третій Римъ», склонны были видѣть въ отличіяхъ *своей* Церкви отъ Греческой именно особенные *признаки православія первой*. Правда, при всей непреклонной убѣжденности въ безусловныхъ преимуществахъ православія «третьяго Рима», московское духовенство, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, не отрицало существованія на Руси нѣкоторыхъ религіозно-нравственныхъ нестроеній и даже книжныхъ погрѣшностей. Однако рѣшительныхъ мѣръ для исправленія ихъ до половины XVII в. не предпринималось и, во всякомъ случаѣ, этихъ мѣръ искали не въ подвластной туркамъ Византіи.

Подтвердить это можно примѣромъ Стоглаваго собора 1551 г. Ему пришлось отмѣтить не мало недочетовъ русской религіозно-нравственной и церковной жизни, напр., распространенность въ народѣ грубыхъ суевѣрій и пережитковъ язычества, необразованность и не всегда достойное поведеніе духовенства, упадокъ монастырской дисциплины, небреженіе къ своимъ обязанностямъ высшихъ пастырей, разные церковные непорядки, самымъ разительнымъ изъ которыхъ было «многогласіе» (состоявшее въ томъ, что при богослуженіи нѣсколько церковнослужителей одновременно читало вслухъ различные псалмы и молитвы). Соглашаясь, что для искорененія всего этого необходимо поднятіе народнаго просвѣщенія, Стоглавъ усмотрѣлъ, однако, главную причину указанныхъ недочетовъ въ томъ, что «старые обычаи поисшатались и законы порушены», и ревностно призывалъ къ старинѣ. Далѣе, что особенно важно и интересно, неприглядная картина, развернувшаяся передъ Стоглавомъ, нисколько не помѣшала ему увлечься, въ концѣ концовъ, идеализаціей Русской Церкви и русскаго благочестія и тѣмъ укрѣпить торжественное настроеніе, созданное предшествующими соборами 1547 г. и 1549 г., на которыхъ были причислены къ лику святыхъ многіе русскіе угодники.

Отношеніе къ грекамъ.

И Стоглавый Соборъ соотвѣтственно этому настроенію какъ бы намѣренно отгородилъ Русскую Церковь отъ «павшей» Греческой, утвердивъ своимъ авторитетомъ тѣ церковные обряды и обычаи, которыми русскіе въ это время отличались отъ грековъ. Такъ, напр., онъ проклялъ всѣхъ, кто «не знаменуется двумя перстами», и такимъ образомъ призналъ русское двоеперстіе показателемъ особливой чистоты московскаго православія. Что касается богослужебныхъ книгъ, то Стоглавый Соборъ рѣшилъ исправлять ихъ по «старымъ добрымъ переводамъ» (а не по греческимъ служебникамъ).

Изъ изложеннаго видно, что большинство русскаго народа и духовенства, подъ вліяніемъ теоріи «Москва третій Римъ», очень отрицательно и подозрительно относилось къ греческому благочестію. Болѣе терпимымъ было отношеніе правительства. Мало-по-малу оно начинаетъ отказываться отъ распространеннаго взгляда на грековъ, какъ на запятнанныхъ навсегда Флорентійской уніей (которая при томъ не была даже проведена въ жизнь) и возобновляетъ сношенія съ Православнымъ Востокомъ: съ одной стороны восточные іерархи часто наѣзжали въ Московскую Русь за щедрой милостыней, съ другой стороны само московское правительство обращалось къ авторитету Восточныхъ Церквей въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, какъ принятіе царскаго титула Іоанномъ IV или учрежденіе патріаршества; при царѣ Борисѣ нѣкоторые пріѣзжіе восточные іерархи навсегда оставались на Руси и возводились въ санъ русскихъ архіепископовъ. Наконецъ, даже среди русскаго духовенства встрѣчались лица, которыя не считали греческаго православія померкшимъ и не одобряли прекращенія зависимости отъ константинопольскаго патріарха. Таковы были, напр., нестяжатели. Такихъ взглядовъ придерживался и знаменитый своими заслугами въ смутное время архимандритъ Діонисій, бывшій «справщикомъ» (т. е. исправителемъ) богослужебныхъ книгъ въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича. За свою приверженность къ греческимъ чтеніямъ и за соотвѣтствующія исправленія русскихъ книгъ онъ навлекъ на себя обвиненіе въ ереси и былъ подвергнутъ тяжкому наказанію; отъ преслѣдованій освободилъ его вернувшійся на Русь Филаретъ. Самъ Филаретъ Никитичъ, въ отличіе отъ большинства своихъ современниковъ, былъ не хулителемъ, а приверженцемъ Греческой Церкви и выказывалъ большое расположеніе къ Православному Востоку. Поставленный на патріаршество іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ, Филаретъ принималъ во вниманіе его совѣты при исправленіи нѣкоторыхъ русскихъ церковныхъ обрядовъ, и вообще, по словамъ проф. Каптерева, «много содѣйствовалъ развитію и укрѣпленію у насъ идеи о необходимости тѣснаго постояннаго единенія между Русскою Церковью и тогдашнею Греческою». Однако, занятый болѣе государственными, чѣмъ церковными дѣлами, онъ не предпринялъ крупныхъ шаговъ для осуществленія этой идеи.

Грекофильство (т. е. расположеніе къ Греческой Церкви) Филарета отнюдь не передалось русскому, въ особенности провинціальному, духовенству и народнымъ массамъ: здѣсь попрежнему царило руссофильское настроеніе (т. е. предпочтеніе русскаго благочестія греческому), попрежнему жило острое недовѣріе ко второму Риму: русскіе слышали о томъ, что Византійская имперія была одно время подъ властью латинянъ (крестоносцевъ), придавали преувеличенное значеніе уніи, вѣрили въ легенду, будто бы послѣ турецкаго завоеванія латиняне сожгли греческія древнія книги и вмѣсто нихъ выпустили новыя, испорченныя ересями; сами пріѣзжіе въ Москву греки жаловались, что, не имѣя собственной типографіи, они должны печатать книги на чужбинѣ—въ Венеціи, и выражали сомнѣніе въ добросовѣстности печатниковъ; сами греки долго восхваляли святость московскаго православія и неприкосновенность ихъ спасительныхъ обрядовъ.

Подготовленіе церковной реформы.

Легко, поэтому, понять, какое впечатлѣніе должна была произвести на московскихъ руссофиловъ, отождествлявшихъ обряды съ вѣроученіемъ, предпринятая въ половинѣ XVII в. церковная реформа, цѣлью которой было *полное согласованіе русскихъ обрядовъ и богослужебныхъ книгъ съ греческими.* Эта реформа проведена была патріархомъ Никономъ по желанію царя Алексѣя Михайловича.

Алексѣй Михайловичъ, унаслѣдовавъ отъ своего дѣда грекофильство, пошелъ гораздо дальше его. Глубокое благочестіе, отличная богословская подготовка и сознательный взглядъ на себя, какъ на единственнаго въ цѣломъ мірѣ охранителя вселенскаго православія, побуждали царя Алексѣя Михайловича считать одной изъ важнѣйшихъ своихъ задачъ — исправленіе московской церковной жизни; грекофильство же и мечта собрать подъ своею властью православныхъ христіанъ, изнывающихъ подъ турецкимъ игомъ, а можетъ быть, завладѣть и самимъ Константинополемъ—внушали ему мысль производить эти исправленія въ духѣ полнаго согласованія Русской Церкви съ Греческою и другими православными Церквами. Въ соотвѣтствующемъ направленіи дѣйствовали на царя и близкія ему лица: Морозовъ, Ѳ. М. Ртищевъ, сестра послѣдняго Анна и, въ особенности, царскій духовникъ протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ и просвѣщенныхъ людей этого времени. Вмѣстѣ со своимъ духовникомъ царь и задался цѣлью: 1) насадить на Руси благочестіе, 2) провести церковную реформу въ грекофильскомъ духѣ.

Для осуществленія *первой* цѣли вліятельный Стефанъ Вонифатьевъ выдвигалъ на отвѣтственныя протоіерейскія мѣста какъ въ провинціи, такъ и въ Москвѣ выдающихся священниковъ, славившихся своимъ благочестіемъ. Изъ провинціальныхъ ревнителей благочестія особенно извѣстны слѣдующіе протопопы: юрьевскій—Авва-

кумъ, костромской — Даніилъ, муромскій — Логгинъ, романо-борисоглѣбскій—Лазарь, нижегородскій—Іоаннъ Нероновъ. Послѣдній былъ впослѣдствіи переведенъ въ Москву и сдѣланъ протопопомъ Казанскаго собора. Въ столицѣ было также не мало безупречныхъ священниковъ. Всѣ эти ревнители благочестія одинаково желали *исправленія* церковныхъ нестроеній, но далеко не одинаково представляли себѣ *способы, средства и цѣли его.* Одни воспитаны были въ руссофильскихъ преданіяхъ, учившихъ «умирать за едину букву азъ» въ своихъ книгахъ; исправленіе послѣднихъ они допускали лишь тѣми способами, какіе указаны Стоглавымъ Соборомъ, а отнюдь не на основаніи греческихъ книгъ и тѣмъ паче не при посредствѣ иноземныхъ греческихъ и южнорусскихъ ученыхъ — «ересей вводителей»; да и *не въ книжныхъ погрѣшностяхъ* видѣли они корень зла, *а въ небреженіи духовенства и недостаткѣ благочестія у народа.* Такихъ взглядовъ придерживались преимущественно провинціальные ревнители благочестія. Столичные же, находившіеся подъ непосредственнымъ вліяніемъ Стефана, усвоили его грекофильство, т. е. предпочтеніе греческаго русскому.

Но первоначально различіе въ воззрѣніяхъ не нарушало сердечной близости всего кружка ревнителей и, опираясь на мощную поддержку царскаго духовника, онъ представлялъ собою внушительную силу: обличалъ церковные непорядки, требовалъ и отчасти добился возстановленія вышедшей на Руси изъ обычая церковной проповѣди, настоялъ на отмѣнѣ многогласія, вообще, руководилъ церковными дѣлами и назначеніями, вызывая этимъ большое неудовольствіе высшихъ духовныхъ лицъ, особенно же патріарха Іосифа (второго преемника Филарета), который считалъ обличенія ревнителей произвольнымъ вмѣшательствомъ въ патріаршія дѣла.

Возстановленіе церковной проповѣди и введеніе единогласія казались нѣкоторымъ приверженцамъ старины недопустимыми и опасными новшествами. Провинціальные же ревнители благочестія, отстаивая и одобряя проведенныя мѣры, были убѣждены, однако, что церковная реформа ограничится этими или подобными имъ измѣненіями. А между тѣмъ царь и Стефанъ думали идти гораздо дальше, и съ 1648 г. послѣдовательно подготовляли почву для тѣснаго единенія Русской Церкви съ современною Греческою. Именно, они 1) всячески старались возвысить въ глазахъ народа авторитетъ Греческой и другихъ восточныхъ Церквей, 2) приглашали для исправленія русскихъ богослужебныхъ книгъ южно-русскихъ ученыхъ, главнымъ образомъ, питомцевъ Кіевской Академіи. Послѣдніе были ревностными приверженцами грековъ, такъ какъ Кіевская Церковь подверглась при Петрѣ Могилѣ церковной реформѣ, сблизившей южно-русскіе церковные обряды съ греческими. Изъ кіевлянъ-справщиковъ особенно извѣстны: Епифаній Славинецкій, Арсеній Сатановскій и Да-

маскинъ Птицкій. Встрѣчая разночтенія въ московскихъ и греческихъ книгахъ, они отдавали предпочтеніе послѣднимъ. Для точнаго «описанія греческихъ церковныхъ чиновъ» царь послалъ на православный Востокъ русскаго инока Арсенія Суханова.

Итакъ, церковная реформа была предрѣшена и подготовлена. Оставалось провести ее. Проведеніе ея было, конечно, дѣломъ патріарха. Но Іосифъ вовсе не былъ способенъ къ преобразовательной дѣятельности и только противодѣйствовалъ реформѣ. Очевидно, что не онъ, а его преемникъ предназначался къ отвѣтственной роли реформатора. Стефанъ Вонифатьевъ не мечталъ о патріаршествѣ для себя, но помогъ царю подготовить желанное лицо для возведенія въ патріаршій санъ послѣ кончины Іосифа. Такимъ лицомъ былъ новгородскій митрополитъ Никонъ, съ которымъ царь близко сошелся въ бытность его еще новоспасскимъ архимандритомъ въ Москвѣ, и который былъ въ тѣсной дружбѣ со всѣми ревнителями благочестія. Первоначально Никонъ придерживался руссофильскихъ взглядовъ, но затѣмъ, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ царемъ, Стефаномъ и пріѣзжими восточными іерархами, а также вслѣдствіе собственныхъ размышленій и изученія соотвѣтствующей литературы, онъ оставилъ охранительную точку зрѣнія провинціальныхъ ревнителей, не порвавъ, однако, дружескихъ связей съ ними, и сдѣлался убѣжденнымъ приверженцемъ греческаго благочестія.

Избранный въ 1652 г. на патріаршество и согласившійся принять избраніе лишь послѣ того, какъ царь торжественно обѣщалъ «слушать его во всемъ какъ начальника и пастыря и отца краснѣйшаго», Никонъ несъ съ собою на патріаршій престолъ двѣ непривычныя для Московскаго государства идеи: 1) о преимуществѣ греческаго благочестія передъ русскимъ, 2) о главенствѣ духовной власти надъ свѣтской.

Судьба второй идеи Никона намъ извѣстна (стр. 218). Разсмотримъ вкратцѣ, какъ осуществилъ онъ свою первую идею.

Реформа Никона.

Сличеніе русскихъ церковныхъ обрядовъ и чиновъ съ современными греческими, произведенное какъ до Никона, такъ въ особенности при немъ, выяснило нѣкоторыя различія между ними; такъ, напр., у русскихъ было двоеперстное крестное знаменіе, у грековъ—троеперстное; различалось также перстосложеніе при архіерейскомъ благословеніи; русскіе «двоили» аллилуію (т. е. пѣли дважды), а не «тропли», почитали только осьмиконечный крестъ, имѣли нѣсколько отличный отъ грековъ чинъ или порядокъ нѣкоторыхъ службъ и т. д.

Кромѣ обрядовыхъ различій, встрѣчались и разночтенія въ богослужебныхъ книгахъ, т. е. несогласія русскихъ переводовъ съ греческимъ текстомъ. Такъ, напр., въ VIII членѣ Символа Вѣры русскіе вставляли лишнее слово—«истиннаго» (и въ Духа Св. Господа «истиннаго» и животворящаго); читали «Его же царствію «нѣсть»

(вм. «не будетъ») конца»; измѣняли нѣкоторыя молитвы, искажали вставками отпусты на праздники и т. д. Имя Христа русскіе писали и произносили «Исусъ», а не Іисусъ.

Узнавъ объ этихъ различіяхъ, но не изслѣдовавъ ихъ происхожденія, Никонъ придалъ имъ огромную важность, потому что и онъ несогласія въ обрядахъ приравнивалъ къ несогласіямъ въ вѣроученіи. Истиннымъ вѣроученіемъ онъ, какъ ревностный грекофилъ, считалъ современное ему греческое, такъ какъ искренно вѣрилъ, что Греческая Церковь ни въ малѣйшей части не отступила ни отъ своихъ древнихъ уставовъ, ни отъ обрядовъ. Естественно поэтому, что несогласные съ греческими русскіе обряды Никонъ счелъ «неправыми и нововводными» и рѣшилъ во всемъ согласовать Русскую Церковь съ Греческой, а для этого онъ вознамѣрился 1) исправить разночтенія книгъ (частичное исправленіе ихъ, какъ мы знаемъ, производилось уже издавна), 2) сравнять во всемъ обряды, 3) заимствовать даже греческую церковную внѣшность, т. е. иконы, облаченія, напѣвы и т. д.

Такія намѣренія патріарха вызвали легко-объяснимый упорный протестъ: огромное большинство его современниковъ - руссофиловъ приходило къ совершенно противоположному выводу, чѣмъ онъ,— именно, къ признанію истинности и древности русскихъ обрядовъ, не допуская даже мысли объ измѣненіи ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, русскіе люди не соглашались считать свои обряды «неправыми», такъ какъ были издавна убѣждены, что въ Московскомъ государствѣ — «Новомъ Израилѣ» и «третьемъ Римѣ» —процвѣтаетъ истинное православіе, «высшее въ цѣломъ мірѣ христіанство» и «совершенное благочестіе»; они не могли никакъ считать ихъ «нововводными», такъ какъ всѣ усилія Русской Церкви прилагались какъ разъ къ тому, чтобы сохранить ихъ неизмѣнными. Съ русской точки зрѣнія, чуждой грекофильства, «неправыми» и «нововводными» были именно греческіе обряды, искаженные «латинскими новшествами». Вводить ихъ—значило, по мнѣнію приверженцевъ старины, «замутить и разорить русское благочестіе, развратить православную вѣру».

Итакъ, самая идея Никоновской реформы способна была вызвать большую смуту въ умахъ. Еще болѣе усилили ее способы проведенія задуманныхъ преобразованій, крутые и рѣшительные. Затѣвая то же самое дѣло, которое за нѣсколько лѣтъ до него совершилъ въ юго-западной Руси Петръ Могила, Никонъ прибѣгъ совсѣмъ къ инымъ средствамъ и пришелъ къ инымъ результатамъ. Главное средство для проведенія реформы онъ видѣлъ не въ поднятіи образованія народа (къ чему стремился Могила), а въ полнотѣ своей патріаршей власти.

Едва сдѣлавшись патріархомъ, Никонъ, безъ совѣта съ соборомъ и со своими друзьями, прямо отъ своего лица разослалъ распоряженіе, устанавливающее новыя правила относительно поклоновъ во

время церковныхъ службъ и повелѣвающее креститься тремя, а не двумя перстами. Послѣднимъ распоряженіемъ онъ нарушалъ вѣковую традицію и прямое постановленіе Стоглава (стр. 222). Правда, по поводу дальнѣйшихъ преобразованій патріархъ совѣщался съ церковными соборами, созывавшимися въ 1654, 1655 и 1656 г.г. Но руссофилы считали (и не безъ нѣкоторыхъ основаній), что эти соборы подавлены властной волей патріарха, и потому дѣйствуютъ будто бы вопреки совѣсти и разумѣнію. Къ тому же Никонъ руководствовался не столько постановленіями соборовъ, сколько указаніями пріѣзжихъ восточныхъ іерарховъ, особенно патріарха Антіохійскаго Макарія. Послѣдніе вовсе не щадили національнаго самолюбія руссофиловъ. Такъ, Макарій въ 1656 г. на торжественномъ богослуженіи въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя и патріарха, произнесъ проклятіе на двоеперстниковъ, какъ еретиковъ; по просьбѣ Никона, онъ облекъ это проклятіе и отлученіе отъ Церкви въ форму письменнаго постановленія восточныхъ іерарховъ, которое было потомъ напечатано. Руссофилы были прямо ошеломлены этимъ проклятіемъ, такъ какъ истолковали его въ смыслѣ всенародной хулы не только на всѣхъ современниковъ-двоеперстниковъ, но и на почившихъ русскихъ угодниковъ, крестившихся также двумя перстами. Такое впечатлѣніе еще усилилось послѣ того, какъ въ томъ же году созванный Никономъ русскій церковный соборъ повторилъ это проклятіе, произнесенное пришлыми чужеземцами.

Увлеченный реформой, искренно вѣря въ ея насущную необходимость и вполнѣ полагаясь на авторитетъ Макарія, Никонъ усмотрѣлъ поощреніе своей дѣятельности и въ томъ соборномъ постановленіи Константинопольской Церкви, которое онъ получилъ въ 1655 г. отъ патріарха Паисія въ отвѣтъ на свой запросъ по поводу обрядовыхъ различій, хотя это постановленіе отличалось гораздо большей сдержанностью, чѣмъ совѣты Макарія.

Одновременно съ церковно-обрядовою реформою производился также пересмотръ русскихъ богослужебныхъ книгъ. Не зная греческаго языка, Никонъ не могъ принять непосредственнаго участія въ такомъ пересмотрѣ и долженъ былъ сохранить за собою только общее руководство этимъ дѣломъ. Онъ требовалъ, чтобы русскія книги исправлялись на основаніи древнихъ рукописей славянскихъ и греческихъ, привезенныхъ Арсеніемъ Сухановымъ съ Православнаго Востока. Но справщики не въ состояніи были исполнить этого требованія, такъ какъ сличеніе рукописныхъ списковъ, составлявшихся въ такое время, когда общіе чины церковныхъ службъ еще не установились окончательно, обнаружило ихъ несходство другъ съ другомъ; предпочтеніе же какого-нибудь одного древняго списка другимъ вело къ значительнымъ уклоненіямъ отъ современной греческой церковной практики, вырабатывавшейся постепенно цѣлыми вѣками, а не основанной на какомъ-нибудь одномъ спискѣ. Поэтому волей-неволей справщики должны были руководствоваться позднѣйшимъ печатнымъ изданіемъ греческаго служебника, лишь провѣряя его по своему усмотрѣнію рукописными списками. Слухи о томъ, что за образецъ для русскихъ книгъ приняты позднія греческія, напечатанныя въ иновѣрной Венеціи, вызывали большую тревогу. Не малыя подозрѣнія возбуждала также личность одного изъ главныхъ

справщиковъ,—Арсенія, по прозванію Грека, питомца греческой іезуитской коллегіи въ Римѣ, весьма плохо аттестованнаго іерусалимскимъ патріархомъ и отбывавшаго на Руси наказаніе въ Соловецкомъ монастырѣ. Справщики-малороссіяне, кичившіеся своею ученостью и подчасъ слишкомъ уже усердствовавшіе въ исправленіи книгъ, служили также мишенью злобныхъ нападковъ: ихъ считали «папежниками», орудіями папы, вносившими въ русскія книги латинскія ереси. Однако патріархъ вовсе не принималъ въ соображеніе недовѣрія москвичей къ чужеземцамъ-справщикамъ.

Изъ изложеннаго ясно, что реформа Никона должна была встрѣтить много противниковъ. Открытую борьбу съ нимъ начали прежде всего руссофилы изъ того кружка ревнителей благочестія, къ которому нѣкогда принадлежалъ онъ самъ. На выступленіе противъ патріарха ихъ подвигли соображенія не только принципіальныя, но и личныя: способствуя избранію Никона, они надѣялись играть при немъ руководящую роль въ церковныхъ дѣлахъ, а вмѣсто этого оказались лишенными всякаго вліянія на него. Не мирясь съ такимъ положеніемъ, они стали обращаться къ царю съ горькими жалобами на Никона, но Алексѣй Михайловичъ и его духовникъ приняли сторону патріарха, и послѣдній быстро расправился съ противниками: они очутились въ ссылкѣ. Туда же, вслѣдъ за передовыми борцами, попали и многіе ихъ приверженцы. Однако мѣрами строгости не удалось задушить народное недовольство. Напротивъ, руссофилы, гонимые Никономъ, заслужили въ глазахъ значительной части народа ореолъ мучениковъ и разносили во всѣ концы Русской земли непріязнь къ патріарху, котораго они не стѣснялись называть «злымъ еретикомъ», «слугой антихриста».

Особенно неистовствовалъ противъ Никона фанатичный, нетерпимый протопопъ Аввакумъ, сдѣлавшійся пламеннымъ вдохновителемъ всѣхъ приверженцевъ «старой вѣры». Впрочемъ, не одни ревнители «старой вѣры», въ родѣ Аввакума, открыто и сознательно шедшіе на разрывъ съ управляемою Никономъ Церковью, возстали противъ измѣненія обрядовъ и богослужебныхъ книгъ: никоновской реформой возмущались также многіе представители духовенства, отнюдь не думавшіе порывать связей съ Церковью. Нѣкоторые малообразованные русскіе священники тяготились новоисправленными книгами просто потому, что изъ-за нихъ приходилось заново переучивать богослуженіе, другіе видѣли въ нихъ многія «погрѣшности и превраты», а въ самой реформѣ, подобно ревнителямъ «старой вѣры», усматривали обидное униженіе прославленнаго прошлаго Русской Церкви. Сдѣлавъ своими врагами приверженцевъ старины, Никонъ оттолкнулъ отъ себя и немногочисленныхъ предтечей будущаго культурнаго сближенія Россіи съ Западомъ, встрѣчавшихся уже въ то время въ Москвѣ, такъ какъ, насколько патріархъ чтилъ грековъ, настолько же ненавидѣлъ «латинянъ» и въ своемъ гоненіи на все «латинское» доходилъ до крайности.

Пока патріархъ былъ всемогущимъ царскимъ любимцемъ, онъ справлялся съ недовольствомъ своихъ противниковъ. Но положеніе значительно измѣнилось послѣ оставленія имъ патріаршества (въ 1658 г.). Всецѣло отдававшись гнѣву изъ-за уязвленнаго личнаго самолюбія и тратя всѣ силы на доказательство правоты своихъ теократическихъ притязаній, Никонъ обнаружилъ теперь полное равнодушіе къ другой своей идеѣ — къ сближенію Русской Церкви съ Греческой, ради котораго онъ прежде такъ ревностно проводилъ церковную реформу. Этимъ, конечно, воспользовались многочисленные противники ея. Они воспрянули духомъ: повсюду раздавалась ихъ проповѣдь съ пламенными призывами къ древнему благочестію, появилась обширная противо-никоновская литература, отличавшаяся, впрочемъ, не столько глубокомысліемъ, сколько страстностью; каждый священникъ, по своему усмотрѣнію, служилъ или по старымъ или по ново-исправленнымъ книгамъ. Поддержаніе реформы пало всею тяжестью на плечи царя, такъ какъ, въ виду непослѣдовательнаго поведенія Никона, постоянно переходившаго отъ обостренія ссоры къ попыткамъ примиренія и, несмотря на свое отреченіе, продолжавшаго считать себя патріархомъ, Алексѣй Михайловичъ не рѣшался избирать ему преемника.

Начало раскола.

Такъ продолжалось вплоть до созыва церковнаго собора 1666—7 г., на который, кромѣ русскаго духовенства и думныхъ чиновъ, приглашены были также восточные патріархи. Впрочемъ, не всѣ патріархи отвѣтили согласіемъ на приглашеніе Алексѣя Михайловича: константинопольскій и іерусалимскій отказались ѣхать судить грекофила Никона. Пришлось, поэтому, удовольствоваться присутствіемъ Макарія антіохійскаго и Паисія александрійскаго да еще нѣсколькихъ второстепенныхъ восточныхъ іерарховъ. Церковная реформа Никона была разсмотрѣна соборомъ *русскаго духовенства*, открывшимъ свои засѣданія въ 1666 г., еще до прибытія Макарія и Паисія. Этотъ соборъ, признавъ вѣрными всѣ исправленія Никона, выказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма терпимое отношеніе къ «старообрядцамъ» или «старовѣрамъ», т. е. приверженцамъ старины: считая старые обряды отжившими и подлежащими современемъ полной отмѣнѣ, русскій соборъ 1666 года не рѣшился, однако, отрицать, что они—*православны такъ же, какъ и новые*, и поэтому не налагалъ ни проклятія, ни отлученія отъ Церкви за одну лишь приверженность къ до-никоновскому благочестію. Проклятію и наказанію подверглись только *хулители* никоновскихъ исправленій. Восточные патріархи, отъ которыхъ зависѣло утвержденіе постановленій этого собора, оказались гораздо нетерпимѣе. Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій не дали себѣ труда вникнуть въ обрядовые споры русскихъ людей и положились вполнѣ на мнѣніе своихъ единомышленниковъ: Паисія Лигарида и архимандрита Діонисія (выходца съ Аѳона), уже долгое

время пребывавшаго на Руси. Эти два грека высказались крайне враждебно о старообрядцахъ и о древнемъ русскомъ благочестіи.

Присутствовавшіе на соборѣ русскіе архіереи и другія духовныя лица, во главѣ съ преемникомъ Никона, новопоставленнымъ патріархомъ Іоасафомъ II, не рѣшились выступить на защиту русской церковной старины и подписали выработанное восточными патріархами Паисіемъ и Макаріемъ *новое постановленіе* о старообрядцахъ, существенно измѣняющее мнѣніе русскаго собора 1666 года. Именно, по смыслу патріаршаго постановленія, *старообрядцы признавались еретиками*, подлежащими отлученію отъ Церкви, проклятію и всевозможнымъ «градскимъ казнямъ» (т. е. наказаніямъ, налагаемымъ правительственною властью) лишь за то, что они придерживаются старыхъ обрядовъ (а не только за хулу новыхъ). Торжественное и грозное проклятіе старообрядцевъ, «какъ еретиковъ и непокорниковъ», состоялось 13 мая 1667 года. Этимъ проклятіемъ они были какъ бы отколоты отъ Церкви и превратились въ «раскольниковъ».

Значитъ, начало раскола слѣдуетъ относить къ 1667 году. Итакъ, Соборъ 1666—1667 г., унизившій лично Никона, далъ торжество его идеямъ: онъ долженъ былъ, какъ сказано (стр. 218), признать независимость духовной власти отъ свѣтской и утвердилъ никоновскую церковную реформу, проклялъ ея противниковъ и установилъ полное согласованіе Русской Церкви съ Греческой. Послѣднее достигнуто было, однако, дорогой цѣной: значительная часть русскаго народа ушла въ расколъ, отдалившись такимъ образомъ отъ Православной Церкви и до извѣстной степени отъ государства, которое въ теченіе долгаго времени жестоко преслѣдовало раскольниковъ и не признавало за ними гражданскихъ правъ.

Раскольничьи толки.

Старообрядцы не согласились считать правильнымъ постановленіе собора 1666—7 г. и не признали себя отколовшимися отъ Церкви. Напротивъ, по ихъ мнѣнію, Никоніанская Церковь откололась отъ истины, пала въ религіозномъ отношеніи такъ же, какъ въ свое время пали Римская, Греческая и Малороссійская Церкви. Истина, думали они, сохранилась только въ томъ «древнемъ» благочестіи, котораго держались они. Въ соблюденіи этого благочестія неизмѣннымъ до скончанія вѣковъ они видѣли главную свою задачу. Но при этомъ они наталкивались на цѣлый рядъ непреодолимыхъ трудностей и тревожныхъ вопросовъ, которые не всѣми старообрядцами разрѣшались одинаково, вслѣдствіе чего въ старообрядчествѣ возникло нѣсколько направленій или «толковъ», при чемъ приверженцы нѣкоторыхъ изъ нихъ, думая отстаивать старину, роковымъ образомъ допускали массу «новизны». Однимъ изъ главныхъ затрудненій раскольниковъ было отсутствіе у нихъ правильной церковной іерархіи, такъ какъ ни одинъ епископъ не перешелъ въ расколъ. Часть старообрядцевъ разрѣшила это затрудненіе тѣмъ, что, впредь до пріис-

канія себѣ епископа (котораго удалось найти только въ XIX вѣкѣ), довольствовалась одними священниками [1]). Это — такъ называемая «поповщина». Другая часть вовсе отвергла іерархію. Такъ создалась безпоповщина. На этомъ дѣленіе старообрядцевъ не окончилось, такъ какъ у нихъ возникали еще различныя обрядовыя несогласія и спорные вопросы, касавшіеся отношеній раскольниковъ къ свѣтской власти, признавшей никоновскія исправленія, и ко всѣмъ вообще «никоніанамъ» (т. е. православнымъ).

Какъ доказываетъ Милюковъ (Очерки, ч. II), подъ внѣшними различіями поповщины и безпоповщины скрывались и два различныхъ міросозерцанія: исходнымъ настроеніемъ поповцевъ была твердая вѣра въ то, что когда-нибудь хранимая ими религіозная истина восторжествуетъ, и что, значитъ, они должны соблюдать ее вмѣстѣ съ ея внѣшней оболочкой — церковнымъ строемъ и церковною іерархіей, хотя бы и неполною. Отъ другихъ предпосылокъ отправлялись безпоповцы: они отчаялись въ возможности торжества «истинной» вѣры, съ горькимъ чувствомъ признали, что она унижена безвозвратно, и что, слѣдовательно, близится кончина міра, такъ какъ лишь передъ наступленіемъ ея православіе можетъ померкнуть. Приготовленіе къ достойному «предстательству на страшномъ судищѣ» и заняло всецѣло ихъ умы. Одни изъ нихъ въ своихъ проповѣдяхъ и писаніяхъ чистали мрачную отходную надъ всѣмъ міромъ, другіе—ломали головы надъ вычисленіемъ срока свѣтопреставленія, третьи—каждую ночь смиренно и безропотно ждали ангельскаго трубнаго гласа, четвертые, самые фанатичные, страстно призывали своихъ единомышленниковъ къ «красной смерти», т. е. добровольному самосожженію, видя въ этомъ лучшее очищеніе отъ грѣховъ. Когда же безпоповцы убѣдились, что кончина міра не наступаетъ, что онъ устоялъ даже въ эпоху петровскихъ преобразованій, во многихъ изъ которыхъ они усматривали знаменія пришествія Антихриста, имъ волей-неволей пришлось поставить себѣ новую задачу. Сущность ея заключалась въ сочетаніи «древняго» благочестія съ отсутствіемъ церковной іерархіи. Задача эта сама по себѣ была неразрѣшима. Къ тому же рѣшать ее приходилось при самой тревожной обстановкѣ—подъ гнетомъ правительственныхъ преслѣдованій, подъ ежеминутнымъ страхомъ за свою судьбу. Укрываясь въ лѣсныя дебри, расколоучители запутывались тамъ въ такихъ дебряхъ религіознаго творчества, отъ которыхъ было уже близко до сектантства и очень далеко до «древняго благочестія»: такъ, напримѣръ, нѣкоторые безпоповщинскіе толки вынуждены были вовсе отвергнуть ученіе о таинствахъ. Не соблюли «старины» и поповцы: стремленіе сохранить во что бы то ни стало церковную іерархію, выражавшееся въ переманиваніи къ себѣ священниковъ-никоніанъ, побуждало поповцевъ идти на компромиссы съ Православною Церковью, а впослѣдствіи принять правильную церковную іерархію отъ безъепархнаго греческаго епископа, значитъ, отъ духовнаго сына творцовъ никоновской грекофильской реформы.

Итакъ, старообрядцы обоихъ направленій не смогли удержать «старину» церковную, не удержали они и «старины» бытовой: тяжелыя, необычныя условія жизни, обособленность отъ «никоніанскаго» міра, необходимость быть всегда на-чеку, привычка преодолѣвать всевозможныя затрудненія, все это способствовало выработкѣ своеобразнаго «раскольничьяго быта», не похожаго ни на старо-завѣтный московскій, ни на «никоніанскій».

---

[1]) Это не было, однако, полнымъ разрѣшеніемъ вопроса, такъ какъ, когда умерли всѣ священники, перешедшіе въ расколъ при самомъ его началѣ, новыхъ приходилось переманивать изъ Православной Церкви, при чемъ не всѣ старообрядцы одинаково смотрѣли на то, какимъ способомъ можно «очистить» этихъ «бѣглыхъ поповъ» отъ «никоніанства».

Основатель и пламенный вдохновитель старообрядчества, русскій Савонаролла по силѣ своего духа, протопопъ Аввакумъ когда-то обращался къ своимъ послѣдователямъ со страстнымъ убѣжденіемъ: «мучься за сложеніе перстъ, не разсуждай много; до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ; кто хотя малое перемѣнитъ, да будетъ проклятъ». Изъ всего этого завѣта старообрядцы исполнили только первую часть: они дѣйствительно «мучились за сложеніе перстъ», но зато они «много разсуждали» и очень «не мало перемѣнили».

Въ міровоззрѣніи и бытѣ православныхъ также произошли крупныя перемѣны подъ вліяніемъ церковной реформы: послѣдняя, какъ увидимъ, послужила сильнымъ толчкомъ къ усвоенію Московскимъ государствомъ западно-европейской духовной культуры и къ распространенію въ немъ просвѣщенія, которое до половины XVII в. было очень слабо развито.

§ 76. Просвѣщеніе.

Просвѣщеніе до 2-ой половины XVII в.

Въ исторіи русскаго просвѣщенія, со времени объединенія Великороссіи подъ властью Москвы до XVIII в., можно отмѣтить два періода. Съ половины XV до половины XVII вѣка образованіе было элементарнымъ по содержанію, профессіональнымъ по назначенію и неорганизованнымъ по формѣ: оно ограничивалось знаніемъ грамоты, являлось орудіемъ для подготовки служителей Церкви и приказныхъ людей и пріобрѣталось, большею частью, у случайныхъ учителей, такъ называемыхъ «мастеровъ», гораздо рѣже—въ церковныхъ и монастырскихъ школахъ, не имѣвшихъ правильной организаціи. Во второй половинѣ XVII вѣка, въ связи съ пріобщеніемъ Московской Руси къ западно-европейской культурѣ, замѣчаются перемѣны въ характерѣ образованія. По существу оно продолжаетъ оставаться церковно-профессіональнымъ, однако, въ высшихъ своихъ проявленіяхъ, значительно расширяется: въ кругъ его проникаютъ иностранные языки и схоластическія науки, занесенныя кіевскими монахами; задачей ему ставятъ не только подготовку грамотныхъ священниковъ и толковыхъ должностныхъ лицъ, но и удовлетвореніе научной любознательности, пробудившейся на рубежѣ XVIII вѣка; наконецъ, появляются попытки устройства правильно-организованныхъ школъ, завершающіяся учрежденіемъ Славяно-Греко-Латинской Академіи.

Относительно перваго періода большинство изслѣдователей русскаго просвѣщенія согласны между собою въ томъ, что основательная грамотность была рѣдкимъ явленіемъ въ Московской Руси, что школъ въ ней почти не существовало, и что кругъ научныхъ знаній, почерпавшихся изъ бывшихъ тогда въ обращеніи книгъ, являлся очень ограниченнымъ. Такое мнѣніе основывается на цѣломъ рядѣ показаній, относящихся къ концу XV, къ XVI и даже къ XVII вѣку

и касающихся наиболѣе культурнаго класса московскаго общества—духовенства. Извѣстны, напр., сѣтованія новгородскаго архіепископа Геннадія (стр. 211) на то, что лица, приходящія посвящаться въ священники и діаконы, «по Апостолу ступить не умѣютъ, по Псалтири еле бредутъ, въ ектеніяхъ къ слову не могутъ пристать» и азбукѣ учиться не желаютъ. Геннадій хлопоталъ объ «учиненіи училищъ», но, по всей вѣроятности, тщетно, такъ какъ изъ постановленій Стоглава незамѣтно, чтобы просвѣщеніе за полстолѣтія существенно двинулось впередъ. Подобно Геннадію, Стоглавъ требуетъ, чтобы въ домахъ лучшихъ городскихъ священниковъ были устроены училища преимущественно для дѣтей духовенства, дабы они, «пришедъ въ возрастъ, — достойны были священническаго чина». Но и это соборное постановленіе, повидимому, въ значительной степени осталось неисполненнымъ. Судить объ этомъ можно по тому, что созванный черезъ сто съ лишнимъ лѣтъ послѣ Стоглава достопримѣчательный Соборъ 1666—67 г. сходится со Стоглавомъ въ оцѣнкѣ русскаго просвѣщенія, хотя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ эти два Собора, засѣдавшіе въ совершенно разныя годины русской жизни, являлись полными противоположностями (ср. стр. 222). Итакъ, церковныя училища рѣдко встрѣчались и во второй половинѣ XVII вѣка, и въ это время народное образованіе было въ сущности домашнимъ: оно пріобрѣталось дѣтьми или у грамотныхъ родителей, или у «мастеровъ», которыхъ можно назвать частными групповыми педагогами. На попеченіи у нихъ было обыкновенно не болѣе двухъ десятковъ дѣтей.

Геннадій придерживается очень невысокаго мнѣнія о «мастерахъ», выходившихъ обыкновенно изъ среды заштатныхъ причетниковъ или отставныхъ подьячихъ, называетъ ихъ «мужиками-невѣжами», только портящими ребятъ, упрекаетъ ихъ въ корыстолюбіи и нападаетъ на ихъ способъ обученія, который заключался въ томъ, что, не проходя съ учениками азбуки, они просто заставляли ихъ съ голоса выучивать церковныя службы. Впрочемъ, Геннадій, быть можетъ, слишкомъ мрачно смотритъ на мастеровъ. Ихъ педагогическій трудъ не оставался вполнѣ безрезультатнымъ: изученіе «рукоприкладствъ», т. е. подписей, на разныхъ актахъ и документахъ доказываетъ, что процентъ людей, грамотныхъ хотя бы настолько, чтобы умѣть подписать свое имя, былъ довольно значительнымъ на Руси. Основательное же обученіе грамотѣ являлось въ то время дѣйствительно хитрымъ и мудренымъ искусствомъ. Вѣдь при Геннадіи книгопечатанія на Руси еще не существовало; имѣлись лишь рукописи, написанныя различными почерками, часто безъ знаковъ препинанія, съ затѣйливыми росчерками и титлами. Приходилось поэтому обучать не чтенію вообще, а чтенію каждой книги въ отдѣльности, такъ какъ всякая изъ нихъ была написана по-своему. Именно, когда ученикъ

по букварю преодолѣвалъ склады, его сажали за Часословъ, затѣмъ за Псалтирь и, наконецъ, за Дѣянія Апостоловъ и Евангеліе. Первыя двѣ книги обыкновенно заучивались наизусть. Параллельно чтенію шло обученіе письму и цыфири. Послѣдняя, вслѣдствіе буквенныхъ обозначеній чиселъ, представляла также огромныя трудности, и обученіе ей ограничивалось, большей частью, двумя первыми дѣйствіями надъ цѣлыми числами: умноженіе и дѣленіе составляли удѣлъ лишь избранныхъ; еще хуже обстояло дѣло съ дробями, для обращенія съ которыми придумывались очень головоломные пріемы, такъ какъ приведеніе дробей къ одному знаменателю было неизвѣстно на Руси. Наиболѣе усердные «мастера» знакомили своихъ питомцевъ еще и съ «Азбуковникомъ». Первоначально это былъ просто объяснительный перечень нѣкоторыхъ иностранныхъ или славянскихъ словъ, но затѣмъ онъ превращается какъ бы въ «энциклопедическій словарь», почерпающій свой матеріалъ изъ византійскихъ источниковъ.

Грамотой, изученіемъ важнѣйшихъ церковныхъ книгъ, начатками цыфири да назидательными отрывками изъ Азбуковника и ограничивалось систематическое обученіе немногихъ счастливцевъ, попадавшихъ къ мастеру или въ одну изъ церковныхъ школъ, которыя кое-гдѣ все-таки открывались. Всѣ остальныя знанія русскій человѣкъ XVI и первой половины XVII вѣка долженъ былъ пріобрѣтать самоучкой путемъ житейскаго опыта или путемъ чтенія переводныхъ книгъ, число которыхъ росло, по мѣрѣ успѣховъ русскаго книгопечатанія.

Обзоръ русской научной литературы этого времени сдѣланъ въ «Очеркахъ по исторіи русской культуры» Милюкова. Изъ этого обзора видно, что кругъ свѣдѣній, доступныхъ грамотеямъ Московской Руси, былъ крайне ограниченнымъ и очень отсталымъ даже для того времени. Подъ названіемъ «геометрія» разумѣлись самыя примитивныя и крайне неточныя правила землемѣрнаго ремесла. Астрономія исчерпывалась практическими указаніями, какъ вычислять переходящіе праздники, астрологическими суевѣріями, съ которыми, впрочемъ, очень ревностно боролась Церковь, да еще фантастическими теоріями, заимствованными изъ сочиненія египетскаго монаха VI вѣка Козьмы Индикоплова. Этотъ космографъ представлялъ землю въ видѣ четыреугольной плоскости, отдѣленной океаномъ отъ другой земли, край которой закругляется, образуя небесный сводъ. Распространены были также позднѣйшія средневѣковыя представленія о семи или даже девяти движущихся небесахъ съ прикрѣпленными къ нимъ планетами. Энциклопедіей натуралистическихъ знаній былъ ранній средневѣковый сборникъ «Физіологъ», стремившійся претворять наблюденія надъ жизнью животныхъ въ символы для выраженія нравственныхъ и философскихъ истинъ. Еще наивнѣе было ученіе о человѣкѣ, утверждавшее, будто онъ состоитъ изъ четырехъ элементовъ: крови, мокроты или флегмы, красной желчи и черной желчи. На такой антропологической основѣ строилась оригинальная психологія (отзвукомъ которой является позднѣйшее ученіе о темпераментахъ) и не менѣе оригинальная медицина, которая рекомендовала средства не только противъ «немощей», но и противъ «всякаго супостата, звѣря, гада и нечистаго духа» и даже учила, «какъ добыть счастіе въ людяхъ». Чтобы покончить съ русскими «науками» XVI вѣка, нужно упомянуть еще исторію и географію. Съ прошлымъ своей

родины русскіе люди знакомились по лѣтописнымъ сводамъ, повѣстямъ и сказаніямъ; переводныя византійскія хроники давали кое-какія свѣдѣнія по библейской, римской и византійской исторіи; излюбленной же исторической книгой съ XVI вѣка сдѣлался «Хронографъ», представлявшій собою связную передачу византійскихъ хроникъ, болгарскихъ и сербскихъ источниковъ и дополнявшійся домыслами московскихъ грамотеевъ. Географическія познанія почерпались изъ чтенія различныхъ «хожденій», т. е. путешествій, интереснѣйшимъ изъ которыхъ является «Хожденіе за три моря» Аѳанасія Никитина.

Какъ видно изъ изложеннаго, «научный» багажъ XVI вѣка былъ невеликъ. Но его легковѣсность едва-ли серьезно смущала большинство современниковъ: во-первыхъ, любознательность въ то время проявлялась еще очень слабо; во-вторыхъ, распространенное тогда пониманіе теоріи «Москва—третій Римъ» (стр.219—220) исключало всякую мысль о какихъ-либо научныхъ заимствованіяхъ изъ болѣе просвѣщенной Западной Европы и ограничивало умственные интересы богословскими, преимущественно обрядовыми, вопросами. Дѣйствительно, внѣ сферы церковныхъ вопросовъ московская книжная мысль почти не работала, а въ этой сферѣ была стѣснена авторитетомъ старины, и не могла поэтому свободно развиваться. Сами ревнители просвѣщенія ставили препоны такому развитію. Такъ, напр., и Геннадій Новгородскій, горько сѣтовавшій на необразованность духовенства, и Іосифъ Санинъ, и ихъ послѣдователи глубоко убѣждены въ томъ, что «всѣмъ страстямъ мати—мнѣніе; мнѣніе—второе паденіе»; это «мнѣніе», т. е. самостоятельную мысль, они признаютъ источникомъ ереси; значитъ, ихъ идеалъ—не мыслящій и образованный человѣкъ, а простой начетникъ, умѣющій говорить «отъ Писанія», т. е. почти механически, безъ разсужденія, сплетающій тексты одинъ съ другимъ.

Литературная работа іосифлянъ заключалась въ томъ, что они, самостоятельно или въ сотрудничествѣ съ южно-славянскими пріѣзжими учеными, вырабатывали націоналистическія теоріи съ цѣлью прославленія прошлаго (стр. 123) или занимались систематизаціей и дополненіемъ имѣвшагося въ обращеніи литературнаго матеріала. Образцомъ такой систематизаціи являются составленныя въ половинѣ XVI в. Четіи-Минеи митрополита Макарія, представляющія собою сборникъ «всѣхъ святыхъ книгъ, которыя въ Русской землѣ обрѣтаются». Начитанности іосифлянъ въ области богословія отрицать нельзя, но свѣтскими знаніями они явно и намѣренно пренебрегали. Наука, созданная языческой древностью, находилась на Руси такъ же, какъ на Западѣ въ Средніе вѣка, подъ большимъ подозрѣніемъ. Въ особенную заслугу вмѣнялось «не высокоумствовать, не читать риторскихъ астрономовъ, не бывати съ мудрыми философами, философію ниже очима видѣть». Поэтому можно отнестись съ довѣріемъ къ извѣстію, что, когда Борисъ Годуновъ задумалъ учредить въ Москвѣ учебныя заведенія по иноземному образцу, то

онъ встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны духовенства, признавшаго это опаснымъ для вѣры.

Значитъ, непросвѣщенность осуждалась Геннадіемъ и его послѣдователями скорѣе какъ неудобство при поставленіи священниковъ, чѣмъ какъ недостатокъ. Тѣневыхъ сторонъ русской духовной жизни большинство московскихъ грамотеевъ или вовсе не замѣчало, или искало средствъ для искорененія ихъ не въ движеніи впередъ, а въ возвращеніи къ старымъ обычаямъ. Чѣмъ ярче и пышнѣе расцвѣчивалось русское прошлое патріотическими теоріями, легендами и преданіями, тѣмъ болѣе крѣпла самоувѣренность въ настоящемъ, тѣмъ менѣе было желанія измѣнять вѣковой, освященный стариною укладъ жизни.

Однако было бы очень несправедливо не отмѣтить оборотной стороны настроенія русскаго общества, которая все больше и больше затушевывалась темными тонами. Дѣйствительно, въ письменности XVII вѣка все чаще слышится диссонансъ — скорбный, минорный мотивъ,—мотивъ тяжкаго раздумья и отчаянія. Онъ былъ внушенъ тѣми бѣдствіями, которыя разразились надъ Русскою землей въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка. Опричнина Грознаго, разорительная Ливонская война, голодъ и моръ, самозванщина и «воровство», государственные перевороты, «разруха» и «шатость», междоусобная борьба, хозяйничанье иноземцевъ, опасность утраты національной независимости, и въ результатѣ — чудовищное разореніе государства, лишившагося половины своего населенія и большей части своихъ матеріальныхъ средствъ,—все это должно было произвести потрясающее впечатлѣніе на современниковъ и отразиться въ письменности. Въ повѣстяхъ и сказаніяхъ начала XVII вѣка встрѣчаются очень яркія описанія бѣдствій Смутнаго времени. Писатели-моралисты невольно задавали себѣ вопросъ о причинахъ этихъ тяжкихъ невзгодъ, и обычно видѣли ихъ въ грѣхахъ народа, которыми воспользовался для своихъ козней «ненавистникъ рода человѣческаго—дьяволъ». Для избавленія отъ бѣдствій необходимо, по ихъ мнѣнію, покаяніе и обращеніе къ «святой старинѣ», для возвеличенія которой созданы были въ XVII в. новыя теоріи—о Словенѣ и Руссѣ, о Мосохѣ и т. д. (стр. 135).

Помимо моралистовъ, уже въ первой половинѣ XVII вѣка встрѣчались люди, которыхъ Смута вывела изъ душевнаго равновѣсія. Они спрашивали себя, такъ ли ужъ хороша была вообще русская жизнь, если ея прегрѣшенія пришлось искупить цѣною тяжкихъ испытаній; они проникались критическимъ отношеніемъ къ московской дѣйствительности. Правда, такіе пессимисты, какъ писатель кн. Хворостининъ (умершій въ 1625 г.) съ его приверженностью къ латинству и католицизму, съ подчеркнутымъ пренебреженіемъ ко всему русскому, являлись единичными исключеніями. Но все же

критическое настроеніе замѣтно давало себя знать и проникало даже въ народную толщу: именно въ народной средѣ пользовались особеннымъ успѣхомъ сатирическія повѣсти, напр., о Шемякиномъ судѣ, о Ершѣ Ершовичѣ, о высокоумномъ хмѣлѣ, о Горѣ-Злосчастьи и т. д., въ которыхъ очень желчно осмѣивались недостатки приказнаго строя и вообще всей современности. Недовольство проявилось не только въ составленіи такихъ сатиръ, но и въ цѣломъ рядѣ волненій, вспыхивавшихъ въ послѣ-смутную эпоху и сообщившихъ ей названіе «бунташнаго времени».

Неудовлетворенность настоящимъ тревожила, побуждала къ исканіямъ выхода. Этотъ выходъ представлялся двояко: или въ видѣ возвращенія къ прошлому, или въ видѣ культурнаго обновленія русской жизни. Первое, несмотря на призывы моралистовъ, было невозможно практически: Смута произвела слишкомъ большую ломку въ государствѣ, поставила передъ нимъ новыя задачи, требовала отъ него новыхъ средствъ, и потому возстановленіе до-смутнаго порядка являлось неосуществимой мечтой. Второе представлялось опаснымъ теоретически: всякое обновленіе противорѣчило охранительному укладу московской мысли. И вотъ русскій народъ остановился на распутьи съ сознаніемъ неудовлетворительности настоящаго, со вздохомъ объ идеализированной «старинѣ» и со страхомъ передъ невѣдомою «новизною». Пока русскіе люди стояли въ недоумѣніи, «овіи къ востоку зряще, овіи къ западу» (какъ образно выражается одинъ современникъ), московское правительство, отъ котораго насущная практическая необходимость требовала большей рѣшительности, тронулось въ дорогу, — вступило на путь военныхъ и техническихъ заимствованій изъ Западной Европы.

Техническія заимствованія изъ Западной Европы.

Цари Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, какъ извѣстно, съ лихорадочной быстротою и не жалѣя огромныхъ расходовъ, преобразовываютъ московскую рать въ «полки иноземнаго строя» и выписываютъ иностранцевъ для разработки естественныхъ богатствъ, для устройства заводовъ; переводятся иностранныя сочиненія по военнымъ и техническимъ вопросамъ; порѣдѣвшая въ бури Смутнаго времени «Нѣмецкая слобода» вновь оживаетъ отъ наплыва иноземцевъ; простые ремесленники уже не удовлетворяютъ, и московскій дворъ шлетъ приглашеніе ученому Олеарію на томъ основаніи, что онъ «гораздо наученъ и навыченъ астрологіи и географіи и небесному бѣгу и землемѣрію и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ». При поверхностномъ взглядѣ на это оживленіе, поднявшееся въ Москвѣ, можно думать, что она уже въ первой половинѣ XVII вѣка вступила въ тѣсныя сношенія съ Западной Европой, захвачена была въ ея культурный водоворотъ. Едва ли, однако, это такъ.

Всѣ заимствованія западно-европейской матеріальной культуры

первой половины XVII вѣка предназначались для удовлетворенія *военныхъ* потребностей и были вызваны прежде всего инстинктомъ національнаго *самосохраненія*, исканіемъ обороны отъ болѣе могущественныхъ и богатыхъ западно-европейскихъ сосѣдей, а не стремленіемъ пріобщиться къ ихъ духовной жизни. Изъ русскихъ полковъ иноземнаго строя, снабженнаго оружіемъ, выдѣланнымъ иноземными мастерами, московское правительство надѣялось создать себѣ прочный оплотъ противъ Западной Европы, чтобы, отгородившись отъ нея, постараться возстановить свою «святую старину». Но, по неизбѣжной логикѣ исторіи, оплотъ оказался въ то же время магнитомъ: общеніе съ Западомъ не удалось удержать въ тѣсныхъ предѣлахъ военной и фабричной техники; оно, какъ увидимъ, проявилось и въ сферѣ духовной культуры. Сильнѣйшимъ *толчкомъ* къ такому проявленію послужила *церковная реформа* половины XVII вѣка.

Вліяніе церковной реформы на просвѣщеніе.

Какъ выяснено выше (стр. 226), идея и способы проведенія этой реформы должны были поколебать до основанія укоренившееся вѣками руссофильское религіозное міровоззрѣніе москвичей. Что же касается проклятія старообрядцевъ, то оно раскололо не только Русскую Церковь, но въ значительной степени и русскую культуру, установило рѣзкую грань между прошлымъ и будущимъ и имѣло огромныя, хотя и далеко неодинаковыя, послѣдствія какъ для тѣхъ, кто отвергъ правильность постановленія собора 1667 г., такъ и для тѣхъ, кто склонился передъ нимъ, иными словами, какъ для «раскольниковъ», такъ и для православныхъ. Относительно старообрядцевъ намъ уже извѣстно (стр. 231), что чѣмъ сильнѣе тяготѣли они къ «старинѣ», тѣмъ дальше отодвигалась послѣдняя отъ нихъ... Судьба зло насмѣялась надъ ихъ исканіями, приведя ихъ къ совершенно своеобразной «новизнѣ».

На другой, но также на новый путь вступили и православные подъ вліяніемъ церковной реформы, хотя и противъ желанія и ожиданія ея творца — патріарха Никона. Какъ извѣстно, онъ не менѣе своихъ противниковъ ревновалъ о «старинѣ», но только подъ «стариною» онъ разумѣлъ греческіе обряды, а русскіе считалъ «нововводными». Онъ глубоко и твердо вѣрилъ, что, замѣнивъ послѣдніе первыми, онъ возстановитъ «древнее» благочестіе, очиститъ Русскую Церковь отъ «новшествъ», убережетъ Русь отъ ненавистнаго ему «латинства», т. е. западнаго вліянія. Такъ думалъ Никонъ. Но, думая такъ, онъ заблуждался. Современная историческая наука полагаетъ, что хотя установленные имъ на Руси греческіе обряды лучше, чѣмъ русскіе, выражали смыслъ православнаго ученія, однако нѣкоторые изъ нихъ были именно «нововводными» по сравненію съ русскими, что, напримѣръ, русское двоеперстіе было древнѣе по происхожденію, чѣмъ греческое троеперстіе. Но не въ этомъ—сущность

неожиданнаго для Никона оборота реформы. Сущность его въ томъ, что Никонъ, надѣясь возстановить старину и оградить Русь отъ западнаго вліянія, на самомъ дѣлѣ невольно ввелъ не только обрядовую, но и культурную «новизну», широко открылъ двери иноземнымъ вѣяніямъ, помогъ русскому народу перейти Рубиконъ, отдѣлявшій его отъ Западной Европы. Случилось это потому, что проклятіе старообрядчества являлось вмѣстѣ съ тѣмъ осужденіемъ старозавѣтнаго московскаго быта, что утвержденіе никоновской реформы означало, по словамъ проф. Каптерева, «отреченіе отъ прошлаго съ его особыми своеобразными идеалами, цѣлями и стремленіями, означало признаніе самимъ русскимъ обществомъ несостоятельности его прежней жизни, необходимости перестройки ея на новыхъ началахъ». Дѣйствительно, какъ уже упоминалось (стр. 219), фундаментомъ міросозерцанія русскихъ людей была теорія «Москва—третій Римъ»; на этомъ фундаментѣ строилось зданіе—національная самоувѣренность; надъ нимъ высилась надстройка—національная обособленность. Никонъ, вмѣстѣ со своими сотрудниками по проведенію реформы, поколебалъ фундаментъ; естественно, что дрогнуло зданіе; естественно, зашаталась надстройка. Выше приводилось (стр. 220) умозаключеніе русскихъ людей XVI вѣка, исходной предпосылкой котораго была теорія «Москва—третій Римъ». Къ обратному выводу должны были придти нѣкоторые вдумчивые «никоніане», признавшіе правильность церковной реформы: если въ самомъ дорогомъ для москвичей—въ «древнемъ благочестіи» — оказались непорядки, то, навѣрно, и въ ихъ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ тоже имѣются недочеты, которые необходимо исправить; если въ дѣлахъ вѣры пришлось выслушать отъ грековъ урокъ и суровое наставленіе, то, очевидно, есть еще и другое, чему нужно поучиться у западно-европейскихъ образованныхъ народовъ; значитъ, слѣдуетъ дѣлать заимствованія у нихъ *не* для того, чтобы отгородиться отъ нихъ стѣною, а, напротивъ, для того, чтобы пріобщиться къ ихъ духовной культурѣ; на Западную Европу надо смотрѣть не только какъ на поставщицу офицеровъ и промышленниковъ, а какъ на школу. Такой выводъ вытекалъ, даже помимо приведеннаго теоретическаго умозаключенія, изъ самаго способа проведенія церковной реформы. Вѣдь исправленіемъ богослужебныхъ книгъ заняты были образованные малороссійскіе монахи, питомцы Кіевской Академіи. Занимаясь своимъ прямымъ дѣломъ, они въ то же время несли съ собою новыя культурныя вѣянія, старались пробудить въ русскихъ людяхъ вкусъ къ просвѣщенію, справедливо усматривая въ немъ главное орудіе противъ раскола. Итакъ, несчастія Смутнаго времени, трудныя войны съ внѣшними врагами и, особенно, испытанія, связанныя съ проведеніемъ никоновской реформы, расшатали старозавѣтный московскій бытъ, недостатки котораго встрѣчали осужденія не только съ точки зрѣнія

церковной морали, но и съ чисто свѣтской (напр., въ сочиненіяхъ Котошихина и Крижанича), внушили нѣкоторой передовой части москвичей мысль о необходимости пріобщиться къ западной культурѣ.

Пріобщеніе къ западной культурѣ.

Процессъ пріобщенія къ ней совершался двоякимъ путемъ: съ одной стороны московская знать, по примѣру просвѣщеннаго царя Алексѣя Михайловича, понемногу стала усваивать западно-европейскій комфортъ, привычки и развлеченія, которыя она могла наблюдать въ бойкой жизни Нѣмецкой слободы и Польши; съ другой стороны проявлялась также научная любознательность, вызываемая и удовлетворяемая оригинальными и переводными произведеніями западно-русскихъ ученыхъ и побуждавшая къ устройству школъ. Дѣйствительно, увлекаясь внѣшними формами западной культуры, передовые москвичи, напр., Матвѣевъ, Н. И. Романовъ и др., стремились также къ усвоенію ея внутренняго содержанія. Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлалъ другъ царя, извѣстный грекофилъ Ртищевъ. Его усиліями учреждено было около Москвы подобіе Академіи наукъ: такой характеръ имѣлъ построенный имъ монастырь, гдѣ жили пріѣзжіе кіевскіе ученые монахи, приглашаемые для перевода книгъ и для обученія всѣхъ желающихъ.

«Западно-русскій православный монахъ, выученный въ школѣ латинской или въ русской, устроенной по ея образцу, и былъ, по словамъ проф. Ключевскаго, первымъ проводникомъ западной науки, призваннымъ въ Москву». Дѣятельность такихъ лицъ, какъ Славинецкій, Сатановскій, Птицкій и другіе, не ограничивалась участіемъ въ исправленіи богослужебныхъ книгъ. Они, вмѣстѣ съ другимъ извѣстнымъ западно-русскимъ ученымъ Симеономъ Полоцкимъ, были и переводчиками всевозможныхъ иностранныхъ сочиненій и учителями.

Кромѣ сочиненій, разсчитанныхъ на вкусъ любителей всякихъ «премудростей» и «хитростей», издавались и *учебныя книги*, приспособленныя къ нуждамъ первоначальнаго образованія. Большимъ распространеніемъ пользовался, напр., «краткій катихизисъ» Могилы, азбука Бурцева, грамматика Смотрицкаго, Синопсисъ (учебникъ исторіи) Гизеля, греко-славянскій лексиконъ Славинецкаго. Появленіе учебниковъ стояло въ связи съ зарожденіемъ свѣтскихъ школъ.

Школы.

Первоначально они не имѣли ни опредѣленной организаціи, ни постояннаго состава учениковъ, а представляли собою какъ бы случайныя группы приказныхъ людей, прикомандированныхъ правительствомъ къ какому-нибудь свѣдущему лицу для изученія иностранныхъ языковъ. Однако во второй половинѣ XVII вѣка появляется, повидимому, потребность въ школѣ иного типа: это видно изъ того, что прихожане одной изъ московскихъ церквей хлопотали объ устройствѣ такого «гимнасіона», въ которомъ преподавалась бы «грамма-

тическая хитрость, языки славянскій, греческій и латинскій и прочія свободныя ученія». Богатые москвичи возмѣщали недостатокъ школъ организаціей приличнаго домашняго образованія. Сыновья нѣкоторыхъ вельможъ владѣли польскимъ и латинскимъ языками и способны были произносить на этихъ языкахъ даже «орації». Польскому и латинскому языку обучались также дѣти царя Алексѣя Михайловича, занятіями которыхъ руководилъ просвѣщенный и талантливый наставникъ Симеонъ Полоцкій.

Его питомецъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ считался «великимъ любителемъ наукъ». При немъ составленъ былъ уставъ Славяно-Греко-Латинской Академіи, которую предполагалось устроить по образцу Кіевской Академіи. Послѣдняя, сыгравшая огромную роль въ исторіи южной Руси, по своей программѣ и по составу учащихся далеко не была только профессіональнымъ учебнымъ заведеніемъ, имѣющимъ своей цѣлью подготовлять лишь пастырей и служителей Церкви, а носила общеобразовательный характеръ: ея курсъ не исчерпывался богословскими предметами, и въ ней обучались люди самыхъ разнообразныхъ сословій. Такой же точно характеръ, не исключительно духовно-профессіональный, а *общеобразовательный и всесословный* («для ученья всякаго чина людей») *предполагалось* придать и Славяно-Греко-Латинской Академіи. Въ архіерейскихъ школахъ, устраивавшихся епископами и весьма разнообразныхъ по объему преподаванія, общеобразовательный элементъ также не поглощался профессіональнымъ.

Какъ видно изъ изложеннаго, во второй половинѣ XVII вѣка извѣстная часть московскаго общества была захвачена культурнымъ движеніемъ. Правда, она была очень немногочисленной: значительная часть народа укрылась, какъ извѣстно, отъ всѣхъ новшествъ подъ знаменемъ раскола, да и не ушедшая въ расколъ масса населенія оставалась по прежнему въ невѣжествѣ; наконецъ, сами передовые москвичи еще опасливо относились къ своему увлеченію иноземнымъ и не совсѣмъ отвыкли смотрѣть на него какъ на запретный плодъ. Многіе изъ нихъ колебались между греческимъ и латинскимъ просвѣщеніемъ. Если, по мнѣнію однихъ, даже «въ греческой грамотѣ еретичество есть», то несравненно болѣе, по мнѣнію другихъ, было его въ латинской: «кто по-латыни учился, тотъ съ праваго пути совратился»—такъ разсуждали въ Москвѣ въ то время не одни невѣжды. Латинская иновѣрная культура представлялась большинству недопустимой, и Славяно-Греко-Латинская Академія обратилась на *практикъ* въ «цитадель, которую хотѣла устроить для себя Православная Церковь при необходимомъ своемъ столкновеніи съ иновѣрнымъ Западомъ» (слова С. М. Соловьева).

Западники.

Однако, несмотря на подозрительное отношеніе къ «латинству», подъ которымъ разумѣли всю западно-европейскую культуру, среди

москвичей все же встрѣчались западники. Изъ ихъ небольшого кружка выходили люди, стремившіеся направить свою родину на путь широкихъ реформъ, предвидѣвшіе будущее культурное развитіе Россіи. Самымъ замѣтнымъ провозвѣстникомъ будущаго былъ талантливѣйшій сподвижникъ Алексѣя Михайловича, дипломатъ Ординъ-Нащокинъ, начертавшій программу реформъ, которая затѣмъ въ значительной степени была осуществлена Великимъ Преобразователемъ.

Планъ преобразованій, составленный Ординымъ, довольно ясно характеризуетъ его міровоззрѣніе. 1) Ординъ является убѣжденнымъ сторонникомъ подражанія Западу, но подраженія не мелочнаго и внѣшняго, а разумнаго, существеннаго; 2) подобно Крижаничу[1]), онъ мечтаетъ о союзѣ всѣхъ славянскихъ народовъ; необходимымъ условіемъ процвѣтанія славянства онъ считаетъ союзъ Московскаго государства съ Польшей, а если возможно, то и объединеніе ихъ подъ властью Московской династіи; 3) русско-польскій союзъ необходимъ, по его мнѣнію, и для осуществленія ближайшей цѣли внѣшней политики Россіи; а эту цѣль онъ видитъ въ завоеваніи Ливоніи,—въ утвержденіи на берегахъ Балтійскаго моря, отъ котораго Россія отрѣзана шведскими владѣніями; борьба со Швеціей представляется Ордину столь настоятельно необходимой, что для привлеченія на русскую сторону поляковъ онъ готовъ отказаться отъ Малороссіи; 4) въ области внутренней политики Ординъ на первый планъ ставитъ заботы о народномъ благосостояніи, считая непремѣннымъ условіемъ его не только развитіе торговыхъ сношеній съ азіатскими странами, но и предоставленіе торгово-промышленному классу значительной доли самоуправленія; 5) Ординъ стремится и къ преобразованію порядка управленія государствомъ, настаиваетъ на предоставленіи должностнымъ лицамъ извѣстной самодѣятельности и горько сѣтуетъ на отсутствіе у москвичей «промысла», т. е. сообразительности, на ихъ приверженность къ рутинѣ.

Ординъ-Нащокинъ былъ не одинокъ: младшій его современникъ, выступившій на поприще дѣятельности значительно позже его—уже при ближайшихъ преемникахъ Алексѣя Михайловича—кн. В. В. Голицынъ развилъ и дополнилъ его идеи. Блестяще-образованный, истый европеецъ по своимъ привычкамъ, кн. Голицынъ много разсуждалъ о распространеніи просвѣщенія, о тѣсномъ культурномъ сближеніи съ Западомъ, о вѣротерпимости, о коренномъ преобразованіи московскихъ военныхъ силъ и даже объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной неволи и объ обращеніи ихъ только въ плательщиковъ государственныхъ налоговъ. Такъ передовые москвичи XVII в. предвосхитили тѣ идеи, которымъ суждено было осуществиться въ послѣдующій періодъ русской исторіи.

---

[1]) Крижаничъ, пріѣхавшій въ Россію въ царствованіе Алексѣя Михайловича, былъ хорватомъ по происхожденію, ученымъ католикомъ по воспитанію, патеромъ по должности и страстнымъ панславистомъ (т. е. сторонникомъ объединенія всѣхъ славянскихъ народностей) по убѣжденіямъ. Какъ пылкій славянскій патріотъ, онъ ненавидѣлъ нѣмцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не скрывалъ, что они во многомъ опередили его сородичей, и что послѣднимъ необходимо учиться у нихъ, чтобы ихъ же средствами вести съ ними культурную борьбу. Возлагая всѣ свои упованія на Россію, указывая ей великую миссію—объединить вокругъ себя всѣхъ славянъ и сдѣлаться посредницей между восточными и западными народами,—онъ не замалчивалъ темныхъ сторонъ русской жизни. Средствомъ для исцѣленія всѣхъ недостатковъ и для поднятія народнаго благосостоянія онъ признавалъ нравственное и политическое возрожденіе славянства посредствомъ просвѣщенія и національной переработки западно-европейской культуры.

§ 77. Заключеніе.

Прежде, чѣмъ обратиться къ обзору Императорскаго періода, подведемъ итоги, къ которымъ привело изученіе внутренняго состоянія Московскаго государства. Эти итоги, характеризующіе послѣднее въ исходѣ XVII в., сводятся къ слѣдующему:

I. Верховная власть, освободившись отъ послѣднихъ признаковъ удѣльной старины и получивъ національный характеръ, сдѣлалась абсолютной, т. е. *вполнѣ неограниченной*: разбитое Смутой боярство должно было отказаться отъ политическихъ притязаній (§ 64); земскіе соборы, сотрудничавшіе съ царемъ въ первой половинѣ XVII вѣка, во второй половинѣ его перестали созываться (§ 59); теократическая попытка Никона окончилась неудачей (§§ 52 и 74). Единственнымъ общепризнаннымъ носителемъ всей полноты власти законодательной, судебной и исполнительной сталъ царь, считавшійся также верховнымъ покровителемъ Церкви (§ 57). Окрѣпшее самодержавіе приводило къ централизаціи управленія, т. е. къ управленію посредствомъ назначенныхъ верховной властью должностныхъ лицъ, выходившихъ (какъ и бюрократы послѣдующаго времени) изъ разныхъ классовъ общества, а не только изъ знати (§ 64).

II. Московскія учрежденія, отличавшіяся прежде неоформленнымъ характеромъ, со второй половины XVII вѣка стали постепенно получать опредѣленную организацію, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю: боярская дума раздѣлилась на рядъ присутствій (§ 58); приступлено было къ сокращенію числа приказовъ и лучшему распредѣленію дѣлъ между ними (§ 60); мѣстное управленіе объединено въ вѣдомствѣ воеводъ (§ 61).

III. Законодательство, ограничивавшееся первоначально отдѣльными, разрозненными указами и краткими Судебниками, возвысилось до созданія Уложенія, которое въ значительной мѣрѣ исчерпало все дѣйствовавшее право.

IV. Прежніе многослойные, лишенные отчетливыхъ признаковъ и рѣзкихъ границъ классы населенія, выкристаллизовались, обособились другъ отъ друга и сложились въ три сословія, наслѣдственно прикрѣпленныя къ своимъ обязанностямъ: 1) служилое, землевладѣльческое, дворянское, 2) податное, земледѣльческое, крестьянское—крѣпостное и черносошное, 3) податное, торгово-промышленное, посадское (§ 63).

V. Экономическая политика, ставившая на первыхъ порахъ своей цѣлью лишь удовлетвореніе интересовъ казны, въ половинѣ XVII в. сознательно прониклась духомъ покровительства отечественной торговлѣ и промышленности (§ 71).

VI. Русская церковная жизнь была введена въ общее русло Православныхъ Восточныхъ Церквей благодаря согласованію русскихъ обрядовъ и богослужебныхъ книгъ съ греческими (§ 75).

VII. Культурный застой московскаго быта былъ побѣжденъ церковной реформой и цѣлымъ рядомъ сознательныхъ подражаній Западной Европѣ.

VIII. Въ нѣкоторой части Московскаго общества крѣпла вѣра въ могущество западной науки и зрѣли планы широкихъ преобразованій.

Послѣднее показываетъ, что «русскій народъ», какъ говоритъ С. М. Соловьевъ, «собрался въ дорогу и ждалъ вождя».

Такимъ вождемъ сталъ младшій сынъ Алексѣя Михайловича — Петръ Великій.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Россійская Имперія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Образованіе и ростъ Россійской Имперіи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Общій обзоръ преобразованій Петра Великаго.

§ 78. Происхожденіе реформы Петра Великаго. Связь между внѣшней и внутренней политикой Петра.

Петру Алексѣевичу, младшему сыну царя Алексѣя Михайловича и преемнику Ѳеодора Алексѣевича, принявшему въ 1721 г. титулъ Императора Всероссійскаго, суждено было стать Великимъ Преобразователемъ Русской земли. Его преобразовательная дѣятельность заключалась, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: 1) онъ сдѣлалъ Россію великой военной и морской державой, способной играть важную международную роль, 2) значительно ускорилъ тотъ процессъ культурнаго развитія, который намѣчался уже со второй половины XVII вѣка и состоялъ въ пріобщеніи Руси къ западно-европейской духовной жизни, 3) усовершенствовалъ управленіе, 4) способствовалъ поднятію производительности страны и разработкѣ ея естественныхъ богатствъ, 5) положилъ не мало силъ на распространеніе въ народѣ западно-европейскаго техническаго образованія. Характеръ дѣятельности Петра обусловливался, преимущественно, той энергичной *внѣш-*

ней политикой, которую пришлось ему вести: почти все царствованіе его занято было войнами, — сперва Азовскіе походы (1695, 1696 г.г.), затѣмъ Великая Сѣверная война (1700—1721 г.г.), наконецъ, персидская экспедиція (1722—1723 г.г.). Изъ этихъ войнъ первенствующее, несравнимое съ двумя другими, значеніе имѣла, конечно, борьба со шведами.

Великая Сѣверная война, по словамъ проф. Ключевскаго, «указала порядокъ реформы, сообщила ей темпъ и самые пріемы». Войну эту Петръ I считалъ главнымъ своимъ дѣломъ. Понятно поэтому, что его *внутреннія преобразованія обусловливались именно потребностями войны*. Военная реформа — усовершенствованіе регулярной арміи и созданіе флота—занимала первое мѣсто. Она требовала увеличенія количества и улучшенія качества служилыхъ людей и роста государственныхъ доходовъ. Значитъ, она влекла за собою сословныя и финансовыя реформы. Къ первымъ относились 1) распространеніе воинской повинности, посредствомъ рекрутскихъ наборовъ, и на не служившіе прежде классы, 2) раздѣленіе военной и гражданской службы, 3) введеніе обязательнаго обученія для дворянъ, 4) установленіе служебной подготовки и постепеннаго прохожденія службы, начиная съ низшихъ чиновъ или ранговъ. Важнѣйшими финансовыми мѣрами были: 1) замѣна подворной подати (стр. 199) *подушною*, которая взималась съ государственныхъ и дворцовыхъ крестьянъ, съ однодворцевъ, съ владѣльческихъ крестьянъ и холоповъ (благодаря этому послѣдніе слились съ крѣпостнымъ крестьянствомъ), а также съ посадскихъ людей; 2) установленіе множества косвенныхъ налоговъ, изобрѣтенныхъ «прибыльщиками»; 3) проведеніе цѣлаго ряда протекціонныхъ (покровительственныхъ) мѣръ для развитія русской торговли и промышленности; 4) широкое пользованіе прежними московскими финансовыми операціями—торговыми казенными монополіями и перечеканкой монеты съ «наддачей» (т. е. искусственнымъ повышеніемъ стоимости). Сословныя и финансовыя мѣропріятія, видоизмѣняя общественный распорядокъ, обусловливали необходимость перестройки управленія, приспособленія его къ новымъ нуждамъ государства и общества, иными словами, вызывали административныя преобразованія, существеннѣйшими изъ которыхъ являлись: 1) учрежденіе въ 1711 году Правительствующаго Сената, замѣнившаго собою московскую боярскую думу, 2) открытіе въ 1719 году «Коллегій» взамѣнъ прежнихъ «приказовъ», 3) преобразованіе въ 1708 и 1719 г.г. областного управленія посредствомъ раздѣленія Россіи на губерніи и установленія губернскихъ учрежденій, 4) усовершенствованіе въ 1720-хъ годахъ городского самоуправленія посредствомъ созданія особыхъ органовъ его—такъ называемыхъ «магистратовъ».

Для обновляемой Россіи нужны были и новые люди, — отсюда проистекали просвѣтительныя мѣропріятія Петра Великаго, напра-

вленныя къ насажденію утилитарнаго, практическаго, профессіонально-сословнаго, преимущественно, военнаго образованія.

Все указанное, вмѣстѣ взятое, вносило въ русскую жизнь не мало новшества, вызывая недовольство приверженцевъ старины. Оплотъ послѣднимъ могла дать духовная власть, стоявшая на стражѣ старинныхъ устоевъ русской жизни. Чтобы избѣжать противодѣйствія реформамъ со стороны духовенства, Петръ постарался подчинить духовную власть государству и съ этой цѣлью провелъ нѣсколько церковныхъ мѣропріятій, важнѣйшими изъ которыхъ была замѣна патріаршества Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ, учрежденнымъ въ 1721 г.

Таковъ смыслъ петровской реформы. На практикѣ его преобразованія проводились, однако, далеко не всегда въ указанномъ выше порядкѣ. Петръ проводилъ ихъ не по заранѣе обдуманному систематическому плану, а подъ диктовку неотложныхъ нуждъ войны не только внѣшней (со шведами), но и внутренней (съ противниками преобразованій).

Война сообщила реформѣ, по словамъ проф. Ключевскаго, «лихорадочный пульсъ, болѣзненно-ускоренный ходъ». Реформа не осуществлялась послѣдовательно и постепенно, а «шла среди суматохи, какой обычно сопровождается война, шла поэтому по разнымъ областямъ одновременно, урывками и вперемежку».

§ 79. Характеристика преобразованій въ связи съ личностью Петра Великаго.

Національный характеръ петровской реформы.

«Лихорадочный пульсъ» петровскихъ преобразованій не мѣшаетъ, однако, имъ быть *глубоко-національными*. Какъ національна Великая Сѣверная война, разрѣшившая *исконную* задачу добыванія Балтійскаго побережья (стр. 142), такъ же національна была и реформа, продиктованная этой войной. Къ тому же не трудно доказать, что своею преобразовательною дѣятельностью Великій Царь преимущественно *завершалъ* начавшіеся еще *до него* процессы, новымъ же онъ замѣнялъ лишь то, что, въ силу историческихъ условій, уже отжило свой вѣкъ. Поясникъ это нѣсколькими примѣрами. Петровская регулярная армія явилась лишь усовершенствованіемъ московскихъ «полковъ иноземнаго строя» (даже флотъ — твореніе Петра — проектировался еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, — стр. 208). Въ основу мѣропріятій Петра, касавшихся дворянства, былъ положенъ прежній московскій принципъ: прикрѣпленіе всѣхъ дворянъ къ обязательной службѣ. Только она сдѣлалась теперь безсрочной, постоянной и болѣе трудной, вслѣдствіе чего и были введены нѣкоторыя *частныя* новшества. Не представляла чего-либо новаго по су-

ществу и сельско-сословная реформа, итоги которой могутъ быть выражены слѣдующими словами проф. Ключевскаго: «всѣ промежуточные (земледѣльческіе) слои были вдвинуты въ два основныхъ сельскихъ состоянія: государственныхъ крестьянъ и «крѣпостныхъ людей», наслѣдственно и потомственно крѣпкихъ господамъ, какъ прежніе полные холопы, и подлежащихъ государственному тяглу, какъ прежніе крѣпостные крестьяне». Такое преобразованіе являлось лишь естественнымъ завершеніемъ исконнаго процесса: какъ извѣстно, московское правительство издавна стремилось къ прикрѣпленію всѣхъ слоевъ населенія къ немногимъ сословнымъ группамъ съ вполнѣ опредѣленными обязанностями и всегда непріязненно относилось къ такимъ промежуточнымъ классамъ, какъ напр., вольногулящіе люди или закладчики. Явившееся слѣдствіемъ этого преобразованія, сліяніе холопства съ владѣльческимъ крестьянствомъ также не вносило чего-нибудь существенно новаго: уже во второй половинѣ XVII в. крѣпостные крестьяне, такъ сказать, «охолопились», т. е. фактически мало чѣмъ отличались отъ холоповъ, съ другой стороны холопы, вслѣдствіе распространившагося обычая сажать ихъ на пашню, «окрестьянились», т. е. сблизились по своимъ занятіямъ съ крестьянами (стр. 196). Значительная часть финансовыхъ мѣропріятій Петра уже была извѣстна московскому правительству, сознательно придерживавшемуся въ XVII в. системы меркантилизма (стр. 207). Даже такая крупная реформа, какъ уничтоженіе патріаршества, была подготовлена установившимися въ Московской Руси отношеніями духовной власти къ свѣтской (§ 74). Административныя учрежденія Петра и по названіямъ, и даже по характеру дѣятельности представляли собою, конечно, нѣчто новое, созданное преимущественно по шведскому образцу, но необходимость новыхъ учрежденій обусловливалась тѣмъ, что старыя (напр., приказы), по мнѣнію самихъ же москвичей, перестали удовлетворять своему назначенію и требовали переустройства (вспомнимъ, напр., неоднократное реформированіе областного управленія). Въ исходѣ XVII в. чувствовалась, какъ сказано, потребность и въ свѣтскихъ школахъ (стр. 240), и въ измѣненіи жизни по «европскому образцу» (стр. 178). Правда, въ области духовной культуры передовые москвичи XVII в. дѣлали заимствованія, большею частью, изъ Западной Руси и изъ Польши, Царь же искалъ «образцовъ» преимущественно на протестантскомъ Западѣ, откуда до него старались черпать лишь техническія знанія. Значитъ, различіе было только въ *направленіи и силѣ подражательной дѣятельности, а не въ ней самой.*

Изъ изложеннаго видно, что петровская реформа была подготовлена предшествующимъ временемъ, и, значитъ, въ существѣ своемъ являлась *исторически-необходимой.*

Однако эта подготовленность, естественность и необходимость плохо сознавались не только современниками Петра, но и послѣдующими поколѣніями и даже, въ теченіе долгаго времени, самой исторической наукой. Личность Преобразователя была слишкомъ крупной: она какъ бы заслонила собой дѣятелей, предшествовавшихъ ему; трудно было поэтому уловить связь между ихъ замыслами и начинаніями съ одной стороны и дѣлами Петра съ другой. Послѣдній невольно казался единственнымъ творцомъ всѣхъ измѣненій, пережитыхъ русскимъ государствомъ къ концу первой четверти XVIII вѣка, представлялся какъ бы «революціонеромъ на престолѣ», совершившимъ крутой переворотъ въ русской жизни. Далѣе, многіе изъ наблюдателей какъ современныхъ, такъ и послѣдующихъ, не умѣли вдуматься въ сущность петровскихъ преобразованій, а скользили лишь по ихъ поверхности, сосредоточивая свое вниманіе на показной внѣшности ихъ; а такъ какъ въ этой внѣшности (напр., въ названіяхъ учрежденій, должностныхъ лицъ и т. д.) было много иноземнаго, то и самая реформа ошибочно принималась за противонаціональную ломку русскихъ устоевъ. Тѣ, которые были привержены къ нимъ, осуждали ее; тѣ же, которые преклонялись передъ западно-европейской культурой, неправильно думали, будто пріобщеніе къ ней началось только со времени Петра, и прославляли его какъ перваго государя, «прорубившаго окно въ Европу». Однимъ словомъ, очень долго эпоха Петра изображалась въ видѣ «рѣзкой грани», отдѣлившей старую Русь отъ новой, а русская исторія — въ видѣ ломаной линіи, при чемъ направленіе, данное ей Петромъ, истолковывалось, въ зависимости отъ личныхъ симпатій, въ смыслѣ перехода или отъ положительнаго къ отрицательному или наоборотъ. Такъ судили о дѣятельности Петра Великаго вплоть до половины XIX вѣка.

Отношеніе къ Петру Великому современниковъ, послѣдующихъ поколѣній и исторической науки.

Огромное большинство современниковъ относилось къ преобразовательной дѣятельности Петра очень непріязненно. Это имѣло свои глубокія причины. Сужденія современниковъ о томъ, что разыгрывается передъ ихъ глазами, въ чемъ они принимаютъ непосредственное участіе, бываютъ почти всегда пристрастными, такъ какъ основываются не столько на разсудкѣ, сколько на чувствѣ, на личныхъ переживаніяхъ. Если даже обыденныя событія оцѣниваются современниками пристрастно, то тѣмъ болѣе это можно сказать о событіяхъ реформаціонной эпохи, въ особенности такой порывистой, бурной и мало понятной народу, какъ петровская: каждая реформа задѣваетъ чьи-нибудь интересы и вызываетъ поэтому чье-нибудь противодѣйствіе. Реформа Петра была всеобъемлющей; естественно, что и протестъ оказался всестороннимъ. Онъ принималъ при томъ самыя разнообразныя формы (стрѣлецкія волненія 1698 г., мятежъ въ Астрахани въ 1705—1706 г., булавинскій и башкирскій бунты въ 1707 и 1708 г.г., заговоры противъ Петра, созданіе вздорныхъ легендъ о

немъ, особенно въ раскольничьей средѣ, распространеніе тревожныхъ слуховъ, намѣренно превратное толкованіе реформъ, настойчивыя стремленія побудить наслѣдника Петра — царевича Алексѣя Петровича—къ той роли, къ которой послѣдній по свойствамъ своей натуры былъ вовсе неспособенъ—къ роли главы оппозиціи и борца съ великаномъ-отцомъ).

Сужденія ближайшихъ потомковъ петровской эпохи такъ же, какъ сужденія современниковъ, окрашены чувствомъ. Но послѣ смерти Преобразователя, когда взволнованныя страсти улеглись, когда русскимъ государствомъ руководили люди, съ трудомъ справлявшіеся съ наслѣдіемъ Петра, во многомъ искажавшіе его дѣло и очень непохожіе на него, чувство непріязни стало вытѣсняться преклоненіемъ. Отодвинутый въ недалекое прошлое, Петръ всячески идеализировался: «Петра», по словамъ проф. Платонова, «считали творцомъ всего, что находили хорошаго вокругъ себя». Мнѣніе канцлера Головкина, что Петръ перевелъ Россію изъ «небытія въ бытіе», получило какъ бы офиціальное признаніе; въ придворныхъ одахъ Преобразователь воспѣвался какъ «земной богъ», и за нимъ навсегда установилось наименованіе «Великій».

Первые русскіе историки и публицисты, не облеченные достаточнымъ запасомъ знаній по петровской эпохѣ, оцѣнивали ее съ точки зрѣнія своихъ моральныхъ и политическихъ убѣжденій (такъ поступали, напр., кн. Щербатовъ и Карамзинъ), или исходя изъ философскихъ предпосылокъ (на послѣднихъ основано отношеніе къ эпохѣ Петра западниковъ и славянофиловъ), и продолжали видѣть въ ней крутой поворотъ русской исторіи отъ прежняго направленія въ противоположное.

Лишь всестороннее и глубокое изученіе исторіи Россіи дало возможность С. М. Соловьеву доказать историческую необходимость петровской реформы, связавъ ее съ условіями прошлой русской жизни. Однако и онъ не сразу и не вполнѣ отказался отъ взгляда на эпоху Петра, какъ «на страшный переворотъ», «болѣзненный переломъ», «революцію», вызванную тѣмъ, что Московская Русь изжила будто бы свои начала, пришла въ состояніе разложенія.

Однако, чѣмъ глубже и самъ Соловьевъ и послѣдующіе ученые вникали въ содержаніе исторіи XVII вѣка и въ сущность преобразованій Петра, тѣмъ ярче выяснялась связь между ними, тѣмъ болѣе стиралась рѣзкая грань между Московскимъ и Императорскимъ періодами, тѣмъ отчетливѣе послѣдній представлялся естественнымъ продолженіемъ и порожденіемъ перваго. Общій ходъ русской исторіи изображается въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ не въ видѣ ломаной линіи (съ переломомъ въ началѣ XVIII вѣка), а въ видѣ прямой, имѣющей лишь ускореніе, падающее на эпоху Петра Великаго. Такъ, профессоръ Ключевскій въ своемъ курсѣ устанавливаетъ, что Петръ

не родился, а *сталъ* Преобразователемъ, при чемъ сталъ имъ «какъ-то невзначай, какъ будто нехотя, поневолѣ. Война привела его и до конца жизни толкала къ реформамъ». Далѣе, проф. Ключевскій показываетъ, что реформа была «достаточно подготовлена», что «уже до Петра начертана была довольно цѣльная преобразовательная программа, во многомъ совпадавшая съ реформой Петра, въ иномъ шедшая даже дальше ея» (вспомнимъ проекты Крижанича, Ордина-Нащокина, князя В. В. Голицына), что послѣдняя «сама собою вышла изъ насущныхъ нуждъ государства и народа». Сущность ея представляется проф. Ключевскому въ слѣдующемъ видѣ: «Петръ взялъ изъ старой Руси государственныя *силы*, верховную власть, право, сословія, а у Запада заимствовалъ техническія *средства* для устройства арміи, флота, государственнаго и народнаго хозяйства, правительственныхъ учрежденій. Сближеніе съ Европой было въ глазахъ Петра только *средствомъ* для достиженія цѣли, а не самой *цѣлью*. Западно-европейскій міръ имѣлъ для него лишь значеніе учителя, съ которымъ разстаются по окончаніи выучки». Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, проф. Ключевскій не отрицаетъ «враждебнаго отношенія Петра къ отечественной старинѣ, къ народному быту, тенденціознаго гоненія нѣкоторыхъ его особенностей» (напр., бороды, русскаго платья, въ которыхъ онъ видѣлъ «признаки оппозиціи, символъ протеста») и подчеркиваетъ, какъ уже было упомянуто, «нервозный, лихорадочный пульсъ, болѣзненно-ускоренный ходъ» реформы. Объясняется это, по мнѣнію проф. Ключевскаго, личнымъ характеромъ Петра, его политическимъ воспитаніемъ, а особенно тѣмъ, что «обстановка реформы создана была внѣшней войной и внутренней борьбой». «Поэтому реформа, скромная и ограниченная по своему первоначальному замыслу, направленная къ перестройкѣ военныхъ силъ и къ расширенію финансовыхъ средствъ государства... усвоила характеръ и пріемы насильственнаго переворота, своего рода революціи. Она была революціей не по своимъ цѣлямъ и результатамъ, а только по своимъ пріемамъ и по впечатлѣнію, какое произвела на умы и нервы современниковъ».

Указанные взгляды проф. Ключевскаго вполнѣ опредѣлили отношеніе современной науки къ преобразовательной дѣятельности Петра. Профессоръ Платоновъ въ своемъ курсѣ формулируетъ его слѣдующимъ образомъ: «Петръ—продолжатель стараго движенія, знакомаго древней Руси. Въ его реформѣ и направленіе и средства не новы,—они даны предшествовавшей эпохой. Нова въ его реформѣ только страшная энергія Петра, быстрота и рѣзкость преобразовательнаго движенія, беззавѣтная преданность идеѣ, безкорыстное служеніе дѣлу до самозабвенія. Ново только то, что внесъ въ реформу личный геній, личный характеръ Петра».

Характеристика Петра Великаго.

Дать полную характеристику Великаго Преобразователя почти невозможно: исполинская фигура Петра слишкомъ крупна, ея не охватишь цѣликомъ мысленнымъ взоромъ, къ ней не подойдешь съ обычной мѣркой. Личность его представляетъ такое причудливое сочетаніе самыхъ различныхъ, часто противоположныхъ свойствъ, привычекъ, побужденій и способностей, что она можетъ одновременно и очаровывать и отталкивать. Недаромъ онъ былъ загадкой для своихъ современниковъ, кумиромъ для однихъ, грозою для другихъ, былъ предметомъ ожесточеннаго спора историковъ, любимымъ сюжетомъ художественной литературы. Петръ,—по словамъ С. М. Соловьева,—«герой въ античномъ смыслѣ; это въ новое время единственная исполинская фигура, какихъ мы видѣли много въ туманной дали при основаніи и устроеніи человѣческихъ обществъ».

И этотъ геніальный человѣкъ никогда не гонялся за призракомъ славы, никогда не драпировался въ тогу величія. Воюя почти всю жизнь, онъ не мечталъ о лаврахъ полководца; преобразовывая государство, онъ лишь въ концѣ своего царствованія представлялъ себя въ видѣ ваятеля, работающаго надъ каменной глыбой. Неуклонный исполнитель своего царственнаго долга передъ родиной, онъ сознавался въ своихъ ошибкахъ, но не отчаивался изъ-за нихъ, а находилъ въ нихъ лишь стимулъ для болѣе усердной работы. Безстрашный, «не жалѣвшій живота своего для отечества» онъ не скрывалъ своихъ опасеній, если они находили на него. Простота и искренность — типичныя свойства Петра. Мозолистыя руки, потертый кафтанъ, стоптанные башмаки, трубка съ дешевымъ табакомъ, низенькая комната скромненькаго дворца, веселая товарищеская бесѣда или игра въ шахматы съ простыми матросами, закуска въ домѣ плотника, беззаботные танцы на ассамблеяхъ, распорядительство на брачномъ пиру, черная работа на верфи, конфузливость при пріемѣ иностранныхъ пословъ... все это штрихи, трогательно характеризующіе Царя-Работника. Но наряду съ этимъ — природная рѣзкость и большая, часто безпощадная, жестокость. Съ нравственной точки зрѣнія трудно подыскать оправданіе этой жестокости, но объяснить ее возможно. Петръ преслѣдовалъ въ лицѣ своихъ противниковъ тѣхъ, кого онъ считалъ врагами государства. Государство было для него тѣмъ божествомъ, которому онъ беззавѣтно служилъ, какъ никто до него, которому отдавалъ свои огромныя силы. Въ «благѣ всенародномъ», какъ онъ его понималъ, онъ видѣлъ цѣль, для которой все является средствомъ и орудіемъ. Петра часто упрекаютъ въ самовластіи, переходящемъ въ деспотизмъ. Однако нельзя забывать, что онъ жилъ въ такую эпоху, когда въ Западной Европѣ и теоретически обосновывалась и практически укрѣплялась абсолютная монархія, что его современниками были такіе абсолютисты, какъ Фридрихъ-Вильгельмъ I Прусскій и Людовикъ XIV Французскій, что

господствующимъ типомъ на Западѣ было такъ называемое «полицейское государство», которое считало своей прямой задачей во все вмѣшиваться, непрестанно опекать и направлять своихъ подданныхъ, регламентировать всѣ проявленія ихъ жизни. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Петръ былъ несравненно меньшимъ деспотомъ, чѣмъ Фридрихъ-Вильгельмъ I и Людовикъ XIV: ему было совершенно чуждо излюбленное правило прусскаго короля: «nicht resonieren» (не разсуждать), и онъ совершенно иначе смотрѣлъ на свою власть, чѣмъ «король-Солнце». Петръ требовалъ отъ подданныхъ не безотчетнаго рабскаго повиновенія, а разумнаго «разсужденія», сознательнаго проникновенія своими взглядами. Власть свою Петръ, конечно, считалъ вполнѣ неограниченной, самодержавной въ томъ смыслѣ, какъ она понималась еще Іоанномъ IV и какою дѣйствительно сдѣлалась къ концу XVII вѣка, однако, онъ никогда не прибѣгалъ къ тѣмъ напыщеннымъ самообожествляющимъ разсужденіямъ о монархической власти, которыя такъ любилъ Людовикъ XIV, никогда не пользовался его девизомъ: «государство — это я». Не государство, по мнѣнію Петра, существуетъ для монарха, а монархъ для государства; интересы послѣдняго должны преобладать надъ частными, чьими бы ни были они.

За свои самоотверженныя заботы о «благѣ всенародномъ», за неисчислимыя заслуги передъ родиной Петръ получилъ наименованіе «Великій». Такъ называется онъ и за свою блестящую внѣшнюю политику, результатомъ которой было превращеніе Московской Руси въ великую военную державу и значительное расширеніе ея территоріи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Территоріальный ростъ Имперіи въ XVIII—XIX вѣкахъ.

Введеніе.

О территоріальномъ ростѣ Россіи можно судить по слѣдующимъ цифрамъ[1]): передъ воцареніемъ Петра Великаго она занимала 265.126 кв. миль (съ населеніемъ около 16 мил.), послѣ его смерти — 275.571 кв. м. (нас. около 14 мил.)[2]), въ годъ вступленія на престолъ Екатерины Великой — 294.497 кв. м. (нас. около 19 мил.), въ годъ ея кончины—305.794 кв. м. (нас. около 36 мил.), въ серединѣ XIX в.—375.774 кв. м. (нас. ок. 69 мил.), въ концѣ его—402.230 кв. м. (нас. ок. 129 мил.—по первой всеобщей переписи 1897 г.).

---

[1]) Эти цифры заимствованы изъ Энц. Слов. Брокгаузъ—Эфрона.

[2]) Убыль населенія объясняется, главнымъ образомъ, Великой Сѣверной войной.

Такое расширеніе территоріи достигнуто было рядомъ удачныхъ войнъ. Эти войны обусловливались 1) задачами, оставшимися въ наслѣдіе Императорскому періоду отъ Московскаго, а именно, стремленіемъ къ достиженію естественныхъ и безопасныхъ границъ на сѣверо-западѣ и югѣ (стр. 142, 147), 2) желаніемъ поддержать политическое равновѣсіе въ Западной Европѣ и установившіеся въ ней порядки, 3) «восточнымъ вопросомъ», понимаемымъ въ смыслѣ освобожденія христіанскихъ подданныхъ Турціи отъ ея ига и въ смыслѣ утвержденія русскаго вліянія на Балканахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Россія вела свою восточную политику и въ иномъ направленіи,—она приняла подъ свою защиту христіанскія области Закавказья, боролась изъ-за нихъ съ Персіей, покорила Кавказъ и значительную часть Средней Азіи. Со второй половины XIX в. она начала утверждать свое вліяніе и въ китайскихъ владѣніяхъ,—такимъ образомъ, наряду съ восточнымъ, выдвигался и «дальневосточный» вопросъ.

§ 80. Расширеніе русскихъ владѣній на сѣверо-западѣ и западѣ.

Войны со Швеціей.

Въ XVIII в. успѣшнѣе всего начата была борьба на *сѣверо-западѣ*. Для отвоеванія у Швеціи балтійскаго побережья царь Петръ I въ 1700 г. вступилъ въ союзъ съ королемъ датскимъ, а также съ королемъ польскимъ—курфюрстомъ саксонскимъ Августомъ II. Результатомъ этого союза и явилась Великая Сѣверная война. Веденіе ея главною тяжестью пало на Россію: датскій король Фридрихъ IV уже въ самомъ началѣ войны вынужденъ былъ къ заключенію мира; Августъ же принесъ существенную пользу лишь въ томъ отношеніи, что онъ на долгое время (1701—1706 г.) отвлекъ вниманіе Карла XII и тѣмъ помогъ русскимъ оправиться отъ пораженія подъ Нарвой и прочно утвердиться на берегу Балтійскаго моря. Важнѣйшіе успѣхи—завоеваніе прибалтійскихъ крѣпостей, побѣды при дер. Лѣсной (въ 1708 г.) и при Полтавѣ (въ 1709 г.), вытѣсненіе шведовъ изъ ихъ сѣверо-германскихъ владѣній и изъ Финляндіи (1711—15 гг.)—достигнуты были Россіей единолично: иностранныя державы—Австрія, Англія съ Голландіей, Пруссія и Франція относились къ Петру Великому безучастно, когда онъ въ трудныя минуты искалъ ихъ посредничества для заключенія мира хотя бы на самыхъ скромныхъ условіяхъ, и прямо недоброжелательно, когда военное счастье явно склонилось на его сторону. Даже Данія и Польша, возобновившія послѣ Полтавской битвы разорванный ранѣе союзъ съ Россіей (Данія разорвала его въ 1700 г., Польша—въ 1706 г.), интриговали противъ Петра; Франція содѣйствовала Карлу XII въ подстрекательствѣ Турціи къ войнѣ съ Россіей (слѣдствіемъ чего былъ неудачный для Петра Прутскій походъ 1711 г.), а англійскій флотъ угрожалъ русскому войску, когда оно, уже послѣ смерти Карла XII, дѣ-

лало высадку въ Швеціи. Несмотря на такое непріязненное отношеніе державъ, царь закончилъ войну побѣдоносно: по Ништадскому миру 1721 г. Россія пріобрѣтала Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію, нѣсколько острововъ, часть Карелiи, часть Финляндіи съ Выборгомъ; остальная Финляндія оставалась за Швеціей; послѣдней выплачивалась, сверхъ того, извѣстная сумма денегъ (два милліона ефимковъ) какъ бы въ возмѣщеніе за ея земельныя уступки. Такимъ образомъ Россіи досталось все балтійское побережье отъ Риги до Выборга включительно.

Не мирясь съ такими территоріальными потерями, Швеція въ 1741 г. объявила войну правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ (регентшѣ въ царствованіе младенца Іоанна VI). Въ разгаръ военныхъ дѣйствій на русскій престолъ вступила Елизавета Петровна. Хотя шведская дипломатія, вмѣстѣ съ французской, содѣйствовала до извѣстной степени ея воцаренію и въ награду за это надѣялась получить обратно уступленныя Петру I земли, однако Елизавета Петровна не считала себя обязанной Швеціи и продолжала съ ней борьбу. Русскія войска успѣли занять всю Финляндію, но дипломатическія соображенія побудили императрицу удовольствоваться пріобрѣтеніемъ, по миру въ Або въ 1743 г., лишь небольшой части ея до р. Кюменя. Русско-шведская война 1788—1790 г., начатая Густавомъ III съ цѣлью побудить Россію отказаться отъ своихъ владѣній въ Финляндіи, закончилась миромъ въ Верельской долинѣ, не давшимъ пріобрѣтеній ни той, ни другой сторонѣ.

Слѣдующая война со Швеціей велась въ царствованіе императора Александра I въ 1808—1809 гг. и дала Россіи (по Фридрихсгамскому миру) всю Финляндію до р. Торнео и Аландскіе острова. Вновь пріобрѣтенная территорія съ присоединеніемъ къ ней финляндскихъ областей, завоеванныхъ Елизаветой Петровной и Петромъ Великимъ, названа была Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ и получила особое управленіе (см. ниже).

Русско-польскія отношенія.

Такова была исторія территоріальнаго роста Россіи на сѣверо-западѣ. На западѣ Россія расширяла свои владѣнія преимущественно насчетъ Польши, борьба съ которой въ XVIII в. сдѣлалась несравненно легче, чѣмъ прежде, такъ какъ Рѣчь Посполитая была сильно ослаблена политическими и общественными нестроеніями. Петръ Великій властно вмѣшивался въ дѣла Польши, защищая колеблющійся престолъ своего союзника Августа II Саксонскаго отъ покушеній ставленника Карла XII—Станислава Лещинскаго. Когда, послѣ смерти Августа II, Лещинскій, по настоянію французской дипломатіи, вновь былъ провозглашенъ польскимъ королемъ, императрица Анна Іоанновна въ 1733 г. начала войну съ Польшей и добилась избранія на ея престолъ сына Августа II—Августа III, за что послѣдній отказывался отъ притязаній на Лифляндію. Въ

отстаиваніи его кандидатуры Россія дѣйствовала совмѣстно съ Австріей. Вообще отношенія между русскимъ и австрійскимъ дворами въ теченіе почти всего XVIII в. оставались дружественными, такъ какъ оба они были заинтересованы въ ослабленіи Турціи. Ихъ сближеніе особенно усилилось, когда, при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, завѣдываніе внѣшней политикой перешло къ канцлеру Бестужеву. Онъ настаивалъ на союзѣ съ морскими державами — Англіей и Голландіей,—и на поддержаніи сосѣдской дружбы съ Австріей. Опасенія чрезмѣрнаго усиленія Пруссіи, грозившаго политическому равновѣсію въ Европѣ, побудили русское правительство вмѣшаться въ Семилѣтнюю войну (1756—1763 г.г.). Расположеніе участвовавшихъ въ ней державъ было слѣдующее: на одной сторонѣ находились 1) Россія, 2) ея недавняя соперница Швеція, 3) Австрія, 4) только что враждовавшая съ послѣдней Франція, 5) Саксонія; враждебный лагерь составляли Пруссія и Англія, которую Бестужевъ непосредственно передъ войной считалъ вѣрной союзницей Россіи. Русскія войска дѣйствовали очень успѣшно: они завоевали всю Восточную Пруссію и даже занимали Берлинъ. Однако преемникъ Елизаветы Петровны императоръ Петръ III (1761—1762 г.) не только вернулъ Фридриху II всѣ завоеванія русскихъ, но даже заключилъ съ нимъ союзъ; смѣнившая же Петра III императрица Екатерина II уклонилась отъ всякаго участія въ войнѣ и предложила посредничество, которое, однако, не было принято Австріей [1]).

Выходъ Россіи изъ стана враговъ Фридриха II привелъ къ двумъ послѣдствіямъ: 1) Пруссія была спасена отъ неминуемаго разгрома, и ея король смогъ въ 1763 г. заключить миръ съ остальными воюющими державами, не потерявъ ничего изъ своихъ владѣній, 2) между русскимъ и австрійскимъ дворами проявилось временное охлажденіе. Императрица увлеклась было даже выработанной Н. И. Панинымъ теоріей «сѣверной системы» или «сѣвернаго аккорда», сущность которой заключалась въ образованіи тѣснаго союза сѣверныхъ государствъ (Россіи, Польши, Пруссіи, Швеціи, Англіи и Даніи) въ противовѣсъ Австріи и Франціи. Но очень скоро пришлось отказаться отъ попытокъ осуществленія этой системы, такъ какъ на очередь

---

[1]) Дѣйствительной посредницей между Австріей и Пруссіей императрицѣ Екатеринѣ II пришлось выступить въ 1779 г., когда она своимъ дипломатическимъ вмѣшательствомъ (благопріятствующимъ Пруссіи) прекратила распри между этими двумя державами изъ-за баварскаго наслѣдства и побудила ихъ къ Тешенскому миру. Въ слѣдующемъ году императрицѣ также удалось сыграть крупную роль въ международномъ дипломатическомъ концертѣ: по ея предложенію, были приняты правила (составленныя Н. Панинымъ) о «вооруженномъ нейтралитетѣ», которыя давали возможность безпрепятственнаго плаванія торговымъ судамъ странъ, не принимавшихъ участія въ войнѣ Англіи съ Американскими колоніями.

выдвинулся «польскій вопросъ», уже давно живо интересовавшій русскую, прусскую и австрійскую дипломатію.

Для Россіи сущность «польскаго вопроса» заключалась въ естественномъ стремленіи овладѣть русскими областями, входившими въ составъ Рѣчи Посполитой. Пруссія была заинтересована, главнымъ образомъ, въ «округленіи» своихъ владѣній насчетъ Польши и особенно притязала на ту часть послѣдней, которая дѣлала черезполосной прусскую территорію, отдѣляя Бранденбургъ отъ Восточной Пруссіи. Австрія также стремилась къ расширенію насчетъ Рѣчи Посполитой. Помимо территоріальныхъ задачъ, русское правительство преслѣдовало и другія цѣли: оно признавало своимъ нравственнымъ долгомъ охранять интересы православныхъ подданныхъ Польши и защищать ихъ отъ тѣхъ преслѣдованій, которымъ они подвергались особенно со времени Брестской уніи (стр. 110). «Диссидентскій вопросъ», т. е. вопросъ о положеніи польскихъ некатоликовъ, являлся причиной внутреннихъ потрясеній Рѣчи Посполитой (частыя возстанія «гайдамаковъ»), создавалъ для нея серьезныя дипломатическія осложненія (вмѣшательство Россіи, а также Пруссіи, вступавшейся за польскихъ протестантовъ) и послужилъ «началомъ ея конца»: вооруженный протестъ Барской конфедераціи противъ уравненія диссидентовъ въ правахъ съ католиками и привелъ къ первому «раздѣлу» Польши; внутреннія же смуты, явившіяся слѣдствіемъ его, повлекли за собою второй «раздѣлъ», а затѣмъ и третій, который прекратилъ политическое существованіе Рѣчи Посполитой. По первому раздѣлу 1773 г. Россія получила Бѣлоруссію (1775 кв. миль), по второму — 1793 г. — область нынѣшнихъ Минской, Волынской и Подольской губерній (4533 кв. м.), по третьему—1795 г. — Литву и Курляндію[1]) (свыше 2000 кв. миль); остальныя польскія земли достались Пруссіи, участвовавшей во всѣхъ трехъ раздѣлахъ, и Австріи, принимавшей участіе въ первомъ и третьемъ. Такое рѣшеніе «польскаго вопроса» не вполнѣ соотвѣтствовало интересамъ Россіи, такъ какъ для нея было бы выгоднѣе, взявъ отъ Польши области съ русскимъ населеніемъ, сохранить существованіе Рѣчи Посполитой въ видѣ второстепеннаго государства; полный же раздѣлъ польскихъ владѣній усиливалъ, во вредъ Россіи, Пруссію и Австрію, отдавалъ подъ власть послѣдней старинную русскую область Галицію и очень усложнялъ «польскій вопросъ» въ смыслѣ вопроса внутренней политики. Однако императрицѣ Екатеринѣ II пришлось примириться съ этимъ, такъ какъ отъ польскихъ дѣлъ ее отвлекали другія важныя

[1]) Курляндія, какъ сказано (стр. 141), находилась въ вассальной зависимости отъ Польши. Съ самаго начала царствованія Екатерины II въ ней утвердилось русское вліяніе благодаря избранію герцогомъ курляндскимъ ставленника русской дипломатіи—Бирона (сына извѣстнаго временщика).

заботы (особенно борьба съ Турціей); поэтому она не могла ни энергично противодѣйствовать Фридриху II и его преемнику Фридриху-Вильгельму II, настаивавшимъ на раздѣлахъ, ни отвергнуть притязанія Австріи.

Войны съ Франціей.

Дальнѣйшее расширеніе Россіи насчетъ земель, принадлежавшихъ Польшѣ, стоитъ въ связи съ русско-французскими войнами.

Уже императрица Екатерина II въ концѣ своего царствованія намѣревалась вступить въ коалицію западно-европейскихъ монархическихъ державъ, боровшихся съ республиканской Франціей, но не успѣла осуществить своего намѣренія. Императоръ Павелъ I (1796—1801 г.) при своемъ вступленіи на престолъ рѣшилъ было придерживаться миролюбивой политики и ограничиться лишь дипломатическимъ противодѣйствіемъ французской республикѣ, но затѣмъ увлекся ролью «возстановителя потрясенныхъ троновъ и оскверненныхъ алтарей» и принялъ участіе въ противо-французской коалиціи, въ составъ которой входили Австрія, Англія и Турція. Слѣдствіемъ этого былъ побѣдоносный, блестящій итальянскій походъ Суворова и геройскіе подвиги его войска въ Швейцаріи. Однако очень скоро между участниками коалиціи возникли несогласія, и императоръ Павелъ I вышелъ изъ нея, сталъ сближаться съ французскимъ первымъ консуломъ Наполеономъ Бонапартомъ, началъ приготовленія къ войнѣ съ Англіей и даже снарядилъ казачью экспедицію съ цѣлью завоеванія Индіи. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I наступило краткое затишье: государь тотчасъ же возстановилъ мирныя отношенія съ Англіей и Австріей; въ Интимномъ Комитетѣ былъ выработанъ принципъ невмѣшательства въ западно-европейскія дѣла.

Однако онъ оказался очень непрочнымъ: усиленіе Франціи насчетъ интересовъ Англіи, Австріи, нѣмецкихъ и итальянскихъ государей, а также цѣлый рядъ соображеній *идейнаго* характера побудили императора Александра I начать энергичную борьбу съ Наполеономъ I во имя политическаго равновѣсія. Первое выступленіе Россіи въ 1805 г., въ союзѣ съ Англіей, Австріей и Швеціей, было неудачно и не принесло существенной помощи Австріи: послѣдняя должна была согласиться на тягостный Пресбургскій миръ съ Наполеономъ. Въ 1806 и 1807 г. Россія двинулась на защиту Пруссіи, которая послѣ долгихъ колебаній перешла въ лагерь враговъ Наполеона и была жестоко разгромлена имъ за это. Войнѣ, предпринимаемой изъ-за интересовъ прусскаго короля, былъ приданъ національный и религіозный характеръ. Хотя и на этотъ разъ военныя дѣйствія оказались неуспѣшными, однако императоръ Александръ I, благодаря своему дипломатическому искусству при переговорахъ съ Наполеономъ въ Тильзитѣ, спасъ Пруссію отъ полнаго исчезновенія съ политической карты Европы и отстоялъ неприкосновенность половины ея владѣній.

Тильзитскій миръ 1807 г. далъ Россіи небольшое земельное пріобрѣтеніе—Бѣлостокскую область, выдѣленную изъ Варшавскаго герцогства (послѣднее было образовано Наполеономъ изъ земель, полученныхъ Пруссіей по второму и третьему раздѣламъ Польши, и отдано подъ главенство саксонскаго короля), и предоставилъ императору Александру I свободу дѣйствій по отношенію къ Швеціи и къ Турціи; въ свою очередь Александръ I изъявлялъ согласіе на тѣ территоріальныя измѣненія, которыя Наполеонъ найдетъ нужнымъ сдѣлать въ Западной Европѣ, обѣщалъ ему посредничество въ примиреніи его съ Англіей, въ случаѣ же неудачи такого посредничества, обязывался принять «континентальную систему», изобрѣтенную Наполеономъ для подорванія англійской торговли и морского могущества. Наконецъ, оба императора, какъ бы подѣливъ между собою вліяніе на востокѣ и западѣ Европы, вступали другъ съ другомъ въ союзъ.

Условія Тильзитскаго мира послужили причиной военныхъ столкновеній Россіи съ Англіей въ 1807—1811 г.г., не имѣвшихъ, впрочемъ, важнаго значенія, войны со Швеціей 1808—9 г.г. (см. выше) и «безкровной» войны съ Австріей въ 1809 г. Война эта называлась такъ потому, что русскія войска, посланныя, въ силу союзническихъ обязательствъ, на помощь Наполеону въ его новой борьбѣ съ Австріей, намѣренно уклонялись отъ сраженій съ послѣдней, какъ недавней своей союзницей. Тѣмъ не менѣе, по условіямъ Шенбрунскаго мира, продиктованнымъ Наполеономъ Австріи, Россія получила Тарнопольскую область, т. е. часть Галиціи, остальное пространство которой перешло герцогству Варшавскому. Однако со времени «безкровной» войны отношенія между русскимъ и французскимъ императорами стали быстро портиться: крайняя невыгода для русской экономической жизни континентальной системы и неизбѣжныя нарушенія послѣдней, несогласія изъ-за польскаго вопроса, цѣлый рядъ дипломатическихъ недоразумѣній, непопулярность тильзитскаго мира въ русскомъ обществѣ, все это повело къ возобновленію борьбы, которая получила грандіозный общеевропейскій характеръ. Въ первый періодъ ея—эпоху Отечественной войны—Россія должна была выдерживать натискъ чуть не всей Западной Европы, поднятой на нее Наполеономъ (численность всей арміи Наполеона, состоявшей болѣе, чѣмъ наполовину, изъ не-французовъ, равнялась 542 тыс.; Россія, имѣя въ началѣ войны 210 тыс. солдатъ, могла разсчитывать лишь на денежную поддержку Англіи и содѣйствіе Швеціи). Во второй періодъ борьбы — Освободительную войну 1813—1814 г.—роли перемѣнились: чѣмъ глубже вторгалась русская армія въ предѣлы Западной Европы, тѣмъ болѣе пополнялись ряды враговъ Наполеона и сокращались ряды его союзниковъ; въ концѣ концовъ, оставшись въ одиночествѣ, онъ былъ подавленъ

численнымъ превосходствомъ противниковъ и вынужденъ къ отреченію отъ престола. Военныя дѣйствія смѣнились дипломатическими распрями въ Вѣнѣ.

Вѣнскій конгрессъ 1814—1815 г., выработавшій новую политическую карту Европы, предоставилъ Россіи три четверти герцогства Варшавскаго, отдавъ остальную часть его Австріи (Галицію вмѣстѣ съ Тарнопольской областью) и Пруссіи (къ ней отошла Познань). Желаніе императора Александра I получить все герцогство Варшавское вызвало рѣзкій отпоръ со стороны австрійской и французской дипломатіи, едва не приведшій къ войнѣ Австріи, Франціи и Англіи противъ Россіи и Пруссіи.

Пріобрѣтеніями по Вѣнскому конгрессу закончилось расширеніе Россіи насчетъ земель прежней Рѣчи Посполитой, и съ этихъ поръ «польскій вопросъ» получилъ характеръ вопроса внутренней политики—установленія взаимоотношеній между польскимъ народомъ и державами, подѣлившими его владѣнія (см. объ этомъ ниже).

Священный Союзъ.

Послѣ Вѣнскаго конгресса, въ теченіе почти сорока лѣтъ, отношенія Россіи къ важнѣйшимъ западно-европейскимъ державамъ обусловливались принципами созданнаго императоромъ Александромъ I Священнаго Союза. Создавая его, государь имѣлъ въ виду положить въ основу международныхъ отношеній не соперничество, своекорыстные интересы и вражду, а братство, взаимопомощь и евангельскую любовь. Въ Священный Союзъ прежде всего были приглашены императоръ австрійскій Францъ I и король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III; затѣмъ къ нему примкнули и другіе монархи, за исключеніемъ римскаго папы, англійскаго короля и турецкаго султана (послѣдній, какъ не христіанинъ, и не могъ быть допущенъ въ Св. Союзъ; англійскій король отговорился формальными соображеніями, а папа указалъ, что, по своему положенію, онъ и безъ того всегда руководствуется изложенными въ актѣ Союза принципами). По первоначальной идеѣ императора Александра I, Союзъ долженствовалъ быть лишь «святымъ дѣломъ», «*чуждымъ тайнымъ замысламъ политики*». Однако австрійскій министръ Меттернихъ, выступившій въ качествѣ истолкователя цѣлей Союза, постарался сдѣлать изъ религіозно-нравственныхъ положеній его именно *политическіе* выводы: онъ превратилъ Священный Союзъ въ опору «легитимизма», въ средство для сохраненія установленнаго Вѣнскимъ конгрессомъ международнаго порядка, въ орудіе борьбы со всякимъ общественнымъ движеніемъ, несогласнымъ съ видами правительства, наконецъ, въ орудіе реакціи. Толкованіе Меттерниха восторжествовало на конгрессахъ (въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ), обсуждавшихъ способы подавленія народныхъ движеній на Апеннинскомъ и Пиренейскомъ полуостровахъ, и придало реакціонный и клерикально-аристократическій характеръ внутренней политикѣ въ эпоху, наступившую послѣ Вѣнскаго конгресса.

Что же касается Россіи, то вступленіе въ Священный Союзъ имѣло для нея двоякаго рода послѣдствія. Съ одной стороны оно обезпечило ей продолжительный миръ съ западно-европейскими государствами и открывало ей возможность вмѣшательства въ ихъ дѣла (во имя возвѣщеннаго Священнымъ Союзомъ обязательства монарховъ «во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ подавать другъ другу пособіе, подкрѣпленіе и помощь»). Однако съ другой стороны это вступленіе чрезмѣрно связало Россію съ Австріей (императоръ Александръ I въ послѣдніе годы своего царствованія во многихъ вопросахъ поддавался вліянію Меттерниха, а императоръ Николай I считалъ консервативную Австрійскую монархію оплотомъ Священнаго Союза, придерживаясь взгляда, что «австрійская и русская арміи—большія дивизіи великой арміи порядка»). Между тѣмъ сближеніе съ Австріей крайне затрудняло для Россіи разрѣшеніе восточнаго вопроса, такъ какъ австрійское правительство дѣйствовало въ этомъ вопросѣ болѣе или менѣе единодушно съ русскимъ *лишь до тѣхъ поръ*, пока считало Турцію опасной *для себя*; со времени же ослабленія послѣдней, австрійская дипломатія выступила одной изъ самыхъ упорныхъ соперницъ Россіи въ дѣлахъ, касавшихся Оттоманской имперіи.

§ 81. Восточный вопросъ.

Войны съ Турціей въ XVIII в.

«Восточный» вопросъ въ смыслѣ стремленія русскихъ государей помочь своимъ единовѣрцамъ, томившимся подъ магометанскимъ игомъ, *идейно* существовалъ еще въ Московскій періодъ—съ тѣхъ поръ, какъ Москва приняла на себя роль «третьяго Рима». Этотъ вопросъ связывался съ попытками добиться естественныхъ границъ для Русскаго государства насчетъ татарскихъ и турецкихъ владѣній. Однако въ Московскій періодъ, какъ сказано (стр. 147), наступательныя дѣйствія противъ крымскихъ татаръ и турокъ существеннаго значенія не имѣли. Первые серьезные успѣхи въ борьбѣ съ Турціей достигнуты были въ началѣ царствованія Петра Великаго, когда, послѣ дважды возобновляемой осады, взятъ былъ въ 1696 г. Азовъ. Не довольствуясь такимъ пріобрѣтеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавая, что Россіи трудно будетъ вести войну съ Турціей единолично, царь старался составить союзъ изъ западно-европейскихъ государствъ «для ослабленія враговъ креста Господня». Но европейская дипломатія, занятая приготовленіями къ предстоявшей «войнѣ за испанское наслѣдство», не вняла его призывамъ; затѣмъ самъ царь отвлеченъ былъ отъ турецкихъ дѣлъ Великой Сѣверной войной; когда же событія послѣдней вновь столкнули его съ турками, то предпринятый имъ Прутскій походъ 1711 г. окончился полной неудачей,—привелъ къ уступкѣ Азова и другимъ невыгоднымъ условіямъ. Главной причиной этой неудачи было неисполненіе турецкими

вассалами—господарями Молдавіи и Валахіи—данныхъ Петру обѣщаній: еще послѣ взятія Азова они предлагали ему свое подданство и приглашали его на берега Дуная для борьбы съ Турціей; на ихъ существенную помощь царь расчитывалъ и въ 1711 г., но поддержка, да и то въ очень ограниченномъ размѣрѣ, оказана была лишь молдавскимъ господаремъ, валашскій же измѣнилъ Петру.

Чтобы уничтожить невыгодныя условія Прутскаго мира, императрица Анна Іоанновна, воспользовавшись набѣгомъ крымскихъ татаръ, какъ предлогомъ, объявила въ 1735 г. войну султану. Велась она побѣдоносно и сулила пріобрѣтеніе всей Молдавіи, но нерѣшительность Австріи, дѣйствовавшей въ союзѣ съ русскими, и поспѣшное заключеніе ею мира «стыднаго и весьма предосудительнаго» (по словамъ Миниха) парализовало успѣхи Россіи: (по условіямъ Бѣлградскаго мира 1739 г.) пришлось удовлетвориться частью Черноморской степи (не прилегающей, однако, къ морю) и нейтрализаціей Азова, который былъ притомъ срытъ.

Большой шагъ впередъ на пути разрѣшенія «восточнаго вопроса» сдѣлала Россія въ царствованіе императрицы Екатерины II. Первая война съ Турціей (1768—1774 г.г.), вызванная тревогой Порты по поводу усиленія русскаго вліянія въ Польшѣ и подстрекательствомъ французской дипломатіи (послѣдняя въ XVIII в. вообще возбуждала Турцію противъ Россіи), закончилась миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи. По условіямъ его, Россія пріобрѣла Черноморское побережье между Дономъ, Днѣпромъ и Бугомъ, восточный берегъ Азовскаго моря и обѣ Кабарды; обезпечила своимъ подданнымъ, пріѣзжающимъ по торговымъ дѣламъ въ Турцію, привилегированное положеніе; добилась у турецкаго правительства амнистіи возставшимъ во время войны балканскимъ христіанамъ и получила право заступничества за обитателей дунайскихъ княжествъ; принудила Турцію къ уплатѣ контрибуціи (въ $4^1/_2$ милл. рублей) и къ признанію независимости татаръ, жившихъ къ сѣверу отъ Чернаго моря и въ Крыму.

Естественными слѣдствіями Кучукъ-Кайнарджійскаго мира явились: 1) присоединеніе въ 1783 г. Крыма, 2) заселеніе Новороссійскаго края, 3) созданіе черноморскаго военнаго флота въ Севастополѣ, «служившаго, по словамъ проф. Ключевскаго, ближайшей опорой русскаго протектората надъ восточными христіанами».

Опираясь на этотъ флотъ и на союзъ съ Австріей (который русская дипломатія 80-хъ г.г. снова предпочла своему недолгому сближенію съ прусскимъ дворомъ, стр. 256), императрица Екатерина II увлеклась «греческимъ проектомъ». Сущность его заключалась въ изгнаніи турокъ изъ Европы, въ возстановленіи Греческой имперіи, въ расширеніи Россіи насчетъ Турціи и въ раздѣлѣ остальныхъ владѣній султана. Уже въ первую войну русскіе уполномоченные старались, хотя и безъ успѣха, поднять возстаніе грековъ и балкан-

скихъ славянъ противъ турокъ. Второй войнѣ (1787—1791 г.г.), которую султанъ началъ съ одобренія Англіи, Франціи и Пруссіи, русская дипломатія хотѣла придать характеръ священной борьбы за освобожденіе грековъ и славянъ. Однако цѣлый рядъ обстоятельствъ (шведская война, замѣшательства въ Польшѣ, подготовленіе коалиціи противъ революціонной Франціи, смерть союзника императрицы Іосифа II Австрійскаго, смерть главнаго приверженца «греческаго проекта» Потемкина) побудилъ Екатерину II ограничиться довольно скромными условіями Ясскаго мира 1791 г., которыми подтверждались Кучукъ-Кайнарджійскія постановленія, а также признавались права Россіи на Крымъ и на земли между Бугомъ и Днѣстромъ съ Очаковымъ. Итакъ, восточная политика императрицы Екатерины Великой ввела Россію въ естественныя границы на югѣ (и такимъ образомъ являлась рѣшеніемъ одной изъ исконныхъ задачъ); облегченію же участи турецкихъ христіанъ и утвержденію русскаго вліянія на Балканахъ положено было лишь начало.

Война съ Турціей при императорѣ Александрѣ I.

Съ XIX в. восточный вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ сталъ, по словамъ проф. Ключевскаго, «основнымъ регуляторомъ внѣшней политики Россіи». Правда, въ царствованіе императора Александра I, занятаго сперва войнами за политическое равновѣсіе, а затѣмъ поддержаніемъ Священнаго Союза, для разрѣшенія его сдѣлано было сравнительно мало. Въ первые годы правленія государь относился миролюбиво къ Турціи и выражалъ намѣреніе поддерживать ея существованіе, считая ее вполнѣ безопасной сосѣдкой. Но затѣмъ это отношеніе измѣнилось, и въ 1806 г., въ связи съ поднявшимся (еще въ 1804 г.) возстаніемъ сербовъ противъ турокъ и вслѣдствіе нарушенія Портой прежнихъ договоровъ, началась продолжительная (1806—1812 г.г.) русско-турецкая война, завершившаяся Бухарестскимъ миромъ. Время заключенія его—чуть не наканунѣ вторженія Наполеона—не благопріятствовало особенно выгоднымъ условіямъ: Россія пріобрѣла лишь Бессарабію, отодвинувъ такимъ образомъ свою границу до р. Прута; отъ присоединенія же Молдавіи и Валахіи, котораго добивалась русская дипломатія (и на которое изъявлялъ согласіе Наполеонъ при переговорахъ въ Тильзитѣ) пришлось отказаться. Однако эти двѣ провинціи и Сербія получили, по Бухарестскому договору, нѣкоторую автономію.

Дальнѣйшіе шаги правительства императора Александра I къ разрѣшенію восточнаго вопроса были крайне затруднены *Меттерниховскимъ толкованіемъ задачъ Священнаго Союза*. Это особенно обнаружилось во время вспыхнувшаго въ двадцатыхъ годахъ возстанія грековъ противъ турецкаго владычества. Греки имѣли основаніе разсчитывать на русскую помощь, тѣмъ болѣе, что все русское общество сочувствовало имъ, и интересы Россіи также побуждали ее вмѣшаться въ борьбу. Меттернихъ прекрасно сознавалъ это, но, опа-

саясь усиленія Россіи на Балканахъ, онъ отговорилъ Александра I отъ оказанія поддержки грекамъ, убѣдивъ его, что ихъ движеніе является противорѣчащимъ Священному Союзу мятежомъ противъ законной власти султана. Такимъ образомъ, вслѣдствіе толкованій Меттерниха, «Священный Союзъ», по словамъ историка Шильдера, «сталъ защищать магометанскій алтарь и престолъ того государя, который не былъ и не могъ быть членомъ Союза». Далѣе, невмѣшательство Россіи являлось нарушеніемъ завѣтовъ Екатерины II (стр. 262). Наконецъ, оно истолковывалось какъ признакъ нерѣшительности: турецкое правительство стало держать себя такъ вызывающе, что русскій посолъ вынужденъ былъ покинуть Константинополь; Меттернихъ съ торжествомъ говорилъ, что «вліяніе русскаго двора на грековъ потеряно», англійскій министръ объявлялъ: «Россія покидаетъ свой передовой постъ (т. е. вліяніе на Балканахъ), Англія должна воспользоваться этимъ и занять ея мѣсто, тѣмъ болѣе, что человѣколюбіе этого требуетъ». И дѣйствительно, Грецію въ 1825 г. отдалась подъ покровительство Англіи.

Восточная политика императора Николая I (1825—1855 г.г.)

Со вступленіемъ на престолъ императора Николая I отношеніе къ восточному вопросу должно было измѣниться. Уже въ 1826 г. государь принудилъ Порту къ заключенію аккерманской конвенціи, признавшей за Россіей право покровительства надъ Молдавіей, Валахіей и Сербіей; далѣе, Николай I, не ставя себѣ цѣлью добиться полной независимости Греціи, не желалъ, однако, допустить, чтобы ея судьба была рѣшена безъ участія Россіи. Въ свою очередь Англія не хотѣла отказываться отъ своего участія въ этомъ дѣлѣ. Поэтому она стала сближаться съ Россіей (мнѣнія ихъ относительно греко-турецкихъ дѣлъ изложены были въ «петербургскомъ протоколѣ»); къ нимъ присоединилась и Франція. Слѣдствіемъ договора этихъ трехъ державъ (заключеннаго въ Лондонѣ въ 1827 г.) было предъявленіе требованія турецкому правительству, чтобы оно заключило перемиріе съ греками, дало имъ самоуправленіе и удалило египетскаго пашу, проявлявшаго особенное неистовство при подавленіи возстанія. Порта, по совѣту австрійской и прусской дипломатіи, отвергла требованіе и была наказана за это уничтоженіемъ турецко-египетскаго флота русско-англо-французской эскадрой въ битвѣ при Наваринѣ (въ 1827 г.), а затѣмъ войной съ Россіей (1828—1829 г.г.), которая закончилась Адріанопольскимъ миромъ 1829 г. По его условіямъ: 1) Россія получила лѣвое побережье нижняго Дуная съ островами при его устьѣ, восточное побережье Чернаго моря (отъ устья рѣки Кубани до порта св. Николая) и Ахалцыхъ; 2) Босфоръ и Дарданеллы открывались для судовъ всѣхъ державъ, находящихся въ мирѣ съ Турціей; 3) расширялась автономія Молдавіи, Валахіи и Сербіи, которыя отдавались притомъ подъ покровительство Россіи; 4) признавалась независимость Греціи—сперва въ качествѣ республики, а затѣмъ (послѣ

гибели президента Каподистріа, павшаго жертвою внутреннихъ смутъ) въ качествѣ конституціонной монархіи. Первый греческій король Оттонъ (изъ баварскихъ принцевъ) всячески препятствовалъ утвержденію русскаго вліянія въ Греціи.

Отчасти вслѣдствіе этого, отчасти же руководствуясь другими соображеніями, императоръ Николай I въ 30-хъ г.г. усвоилъ болѣе миролюбивую политику въ восточномъ вопросѣ, которую проф. Ключевскій опредѣляетъ такъ: «не допуская ни раздѣла Турціи между европейскими державами, ни политическаго усиленія магометанства посредствомъ внутренняго переворота, Россія, пользуясь *исключительнымъ* правомъ покровительства восточнымъ христіанамъ, содѣйствовала освобожденію покровительствуемыхъ отъ турецкаго ига, но оставляла до времени освобождаемыхъ въ вассальной зависимости отъ султана», «чтобы не доводить Турцію до одновременнаго полнаго разложенія», грозящаго «общей анархіей на Востокѣ».

Такая политика принесла на первыхъ порахъ извѣстныя выгоды: такъ, оказавъ султану существенную военную поддержку во время возстанія противъ него египетскаго паши Магомета-Али, государь 1) воспрепятствовалъ политическому возрожденію магометанства,— «замѣнѣ падавшаго османскаго господства на Востокѣ арабско-египетскимъ» (слова проф. Ключевскаго), 2) добился выгоднаго Ункіаръ-Скелесскаго договора 1833 г., по которому султанъ обязался закрыть проливы для иностранныхъ военныхъ судовъ, чѣмъ обезпечивалось господство Россіи на Черномъ морѣ, 3) пріобрѣлъ преобладающее вліяніе въ Константинополѣ.

Однако съ теченіемъ времени обнаружилась нецѣлесообразность такой политики: сохраненіе неприкосновенности Турціи достигалось цѣною охлажденія къ Россіи христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова; утвержденіе первенствующаго русскаго вліянія въ ней встрѣчало рѣзкое противодѣйствіе со стороны западноевропейскихъ державъ, особенно Австріи и Англіи. А между тѣмъ на тѣсномъ единеніи съ Австріей (стр. 261) зиждился другой основной принципъ внѣшней политики императора Николая I—поддержаніе постановленій Вѣнскаго конгресса и идей Священнаго Союза. Для успленія послѣдняго Николай Павловичъ искалъ сближенія съ Англіей и съ другими державами, и ради этого дѣлился даже съ ними своимъ вліяніемъ на Балканахъ. Такъ, при усмиреніи второго возстанія египетскаго намѣстника въ 1838 г., государь допустилъ вмѣшательство Англіи, Австріи и Пруссіи, слѣдствіемъ чего была Лондонская конвенція 1840 г., переработавшая Ункіаръ-Скелесскій договоръ въ смыслѣ закрытія проливовъ для военныхъ судовъ *всѣхъ* націй, не исключая и Россіи, и установившая *обще-европейскую* гарантію (т. е. гарантію 5 великихъ державъ) цѣлости Оттоманской имперіи. Даже придя во вторую половину своего царствованія къ

убѣжденію, что «Турція разрушается и дни ея сочтены», и признавая необходимымъ подумать о наслѣдіи этого «больного человѣка», императоръ Николай I не выказывалъ своекорыстныхъ побужденій и обсуждалъ этотъ вопросъ совмѣстно съ представителями другихъ державъ.

Но этими уступками государю не удалось успокоить подозрительности западно-европейскихъ державъ. Не удалось ему удовлетворить Австрію даже тѣми огромными услугами, которыя онъ неоднократно оказывалъ ей. Дѣйствительно, Австрійской имперіи Николай Павловичъ неизмѣнно покровительствовалъ: онъ не только субсидировалъ ее деньгами и вызволялъ изъ тяжкихъ дипломатическихъ затрудненій, но въ полномъ смыслѣ спасъ ее въ 1849 г., усмиривъ своими войсками опасное венгерское возстаніе; кромѣ того, онъ спасъ ея авторитетъ, побудивъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма IV отказаться отъ попытокъ установить свое главенство въ Германіи; это вмѣшательство вызвало охлажденіе къ Россіи со стороны Пруссіи, но не вызвало благодарности Австріи. Послѣдняя, по словамъ историка Татищева, «искусно воспользовалась своимъ положеніемъ: она сдѣлала изъ Священнаго Союза щитъ для себя со стороны Запада и средство для стѣсненія свободы дѣйствій Россіи на Востокѣ», всѣми силами мѣшая каждому шагу русскихъ на Балканскомъ полуостровѣ. Изъ изложеннаго видно, что сложная политика императора Николая I, основанная на двухъ принципахъ: 1) стремленіи къ разрѣшенію восточнаго вопроса, 2) поддержаніи постановленій Вѣнскаго конгресса и идей Священнаго Союза, привела въ концѣ концовъ къ цѣлому ряду затрудненій: слишкомъ трудно было сочетать дружбу съ Австріей и рѣшающую роль въ восточномъ вопросѣ, неприкосновенность Турціи и покровительство балканскимъ христіанамъ, безкорыстіе восточной политики и реальные интересы Россіи, завѣщанные предшествующей ея исторіей, наконецъ, союзъ съ Пруссіей и предпочтеніе, оказываемое Австріи. Это—съ одной стороны. Съ другой стороны ко всему этому присоединялись зависть западно-европейскихъ правительствъ къ военному могуществу Россіи, непріязнь Франціи, вызванная тѣмъ, что государь со времени іюльской революціи отчуждался отъ нея (какъ нарушительницы постановленій Вѣнскаго конгресса), а также недовольство значительной части западно-европейскаго общества политикой императора Николая I въ духѣ идей Священнаго Союза. Все это вмѣстѣ взятое вызвало страшную катастрофу въ видѣ Восточной или Крымской войны (1853—1856 г.), когда Турція, Англія, Франція и Сардинія ополчились на Россію, Пруссія отшатнулась отъ нея, Австрія же, по словамъ Николая I, «своимъ коварствомъ превзошла все, что адская іезуитская школа когда-либо изобрѣтала», а по словамъ австрій-

скаго министра Шварценберга, «удивила міръ своею неблагодарностью» [1]).

При такомъ отношеніи западныхъ державъ Восточная война была, конечно, неимовѣрно трудной и завершилась невыгоднымъ Парижскимъ миромъ. По условіямъ мирнаго трактата (подписаннаго 18 марта 1856 г.), 1) Россія получала обратно Севастополь, за что возвращала Турціи Карсъ; 2) уступала въ пользу Молдавіи часть Бессарабіи при устьяхъ Дуная, 3) лишалась права имѣть военный флотъ и укрѣпленія на Черномъ морѣ; 4) Черное море было признано нейтральнымъ, т. е. оно было открыто для торговыхъ и закрыто для военныхъ судовъ всѣхъ державъ; 5) христіанскіе подданные Турціи ставились подъ покровительство *всѣхъ* великихъ державъ, а не одной Россіи.

Подъ опеку великихъ державъ-покровительницъ попала и сама Турція. «Такъ восточный вопросъ въ предѣлахъ Европы изъ русско-турецкаго превратился въ международный, общеевропейскій, и въ этой новой фазѣ своего развитія получилъ новую постановку и новый характеръ». (Слова проф. Ключевскаго).

Восточная политика императора Александра II (1855—1881 г.г.)

Въ эпоху великихъ реформъ императора Александра II русское правительство избѣгало непосредственнаго вмѣшательства въ крупныя и даже великія событія, совершавшіяся въ это время на западѣ (образованіе въ 1859 г. Румыніи — изъ соединенія Молдавіи и Валахіи—и утвержденіе на ея престолѣ въ 1866 г. Карла Гогенцоллерна, объединеніе Италіи, ослабленіе Австріи, лишившейся своихъ сѣверно-итальянскихъ владѣній и исключенной изъ Германскаго союза, пораженіе Франціи во франко-прусскую войну и созданіе

---

[1]) Историкъ Татищевъ такъ изображаетъ «рядъ эволюцій, путемъ коихъ Австрія, въ продолженіе 1854 года, мало-по-малу перешла изъ нашего стана въ лагерь открытыхъ враговъ нашихъ—Англіи, Франціи и Турціи».

«Въ январѣ вѣнскій дворъ отклонилъ предложенный нами черезъ графа Орлова договоръ о нейтралитетѣ; въ мартѣ подписалъ съ представителями дворовъ лондонскаго, парижскаго и берлинскаго протоколъ, провозглашавшій цѣлость и независимость Турціи необходимымъ условіемъ будущаго мира; въ апрѣлѣ заключилъ прямо направленный противъ насъ союзный трактатъ съ Пруссіей, пригласивъ приступать къ нему и всѣ государства Германскаго союза; въ маѣ привелъ свою армію на военное положеніе; въ іюнѣ потребовалъ отъ насъ отступленія за Дунай и очищенія Дунайскихъ княжествъ; въ іюлѣ условился съ морскими державами о четырехъ главныхъ основаніяхъ мира, въ числѣ коихъ находилось и ограниченіе морскихъ силъ нашихъ на Черномъ морѣ; въ августѣ занялъ своими войсками Молдавію и Валахію; въ сентябрѣ предъявилъ къ намъ требованіе о начатіи мирныхъ переговоровъ на основаніи четырехъ условій;.. въ ноябрѣ, несмотря на принятіе нами «четырехъ пунктовъ» и готовность нашу вступить въ переговоры о мирѣ, заключилъ съ Англіей и Франціей трактатъ, коимъ обязался, въ случаѣ, если миръ не будетъ возстановленъ до 1 января 1855 г., принять участіе въ вооруженной борьбѣ съ Россіей и не полагать оружія, доколѣ не будетъ достигнута общая цѣль союза».

сильной Германской имперіи подъ главенствомъ Пруссіи), а дипломатическимъ путемъ поддерживало Пруссію [1]). Дѣйствительно, во время всѣхъ войнъ, которыя велись послѣдней, Россія сохраняла дружественный ей нейтралитетъ, а во время франко-прусской—обезпечила ей такой нейтралитетъ и со стороны Австріи, и тѣмъ дала возможность Пруссіи устремить всѣ свои силы на Францію, обнаживъ остальныя границы. За свое невмѣшательство Россія вознаградила себя очень скромно: въ 1871 году она отвергла условіе Парижскаго мира, лишавшее ее права имѣть военный флотъ и укрѣпленія на Черномъ морѣ. Лондонская конференція согласилась на возстановленіе этого права. Послѣ этой конференціи Россія вступила вновь въ соглашеніе съ Пруссіей и Австріей съ цѣлью поддержанія европейскаго мира. Такъ образовался «союзъ трехъ императоровъ», являвшійся какъ бы возрожденіемъ нарушеннаго Восточной войной Священнаго Союза. О сближеніи Австріи съ Германской имперіей особенно хлопоталъ канцлеръ послѣдней Бисмаркъ: онъ убѣждалъ австрійское правительство примириться съ переходомъ первенства въ Германіи отъ Австріи къ Пруссіи и съ потерей сѣверно-итальянскихъ владѣній и перенести центръ тяжести австро-венгерской политики на Востокъ для пріобрѣтенія отъ Турціи Босніи и Герцеговины. Покровительствуемый Бисмаркомъ австрійскій—Drang nach Osten (т. е. стремленіе на востокъ), конечно, стоялъ въ полномъ противорѣчіи съ интересами Россіи, очень скоро вновь обнаружившемся. Дѣйствительно, несмотря на все свое миролюбіе по отношенію къ Западной Европѣ, русская дипломатія, вѣрная своимъ завѣтамъ, не могла оставаться равнодушною къ восточному вопросу, который въ половинѣ 70-хъ годовъ вновь обострился, такъ какъ Парижскій миръ 1856 г. не далъ удовлетворительнаго рѣшенія его.

Установленный Парижскимъ конгрессомъ общій протекторатъ великихъ державъ надъ балканскими славянами послужилъ источникомъ частыхъ недоразумѣній (особенно между Россіей и Англіей) и не обезпечивалъ христіанскихъ подданныхъ Турціи отъ ея безпорядочнаго управленія и притѣсненій. Чѣмъ сильнѣе чувствовался турецкій гнетъ, тѣмъ больше накапливалось горючаго матеріала среди славянства. Достаточно было искры, чтобы возгорѣлся пожаръ. Такою искрою явилось возстаніе въ турецкихъ областяхъ, населенныхъ сербами—Герцеговинѣ и Босніи,—вызванное жестокимъ сборомъ податей. Оно вспыхнуло въ 1875 г., скоро перекинулось въ Болгарію, а затѣмъ привело къ открытому выступленію Сербіи и Черногоріи

[1]) Пруссія въ свою очередь оказала поддержку Россіи, когда въ 1863 году, во время польскаго мятежа, почти всѣ остальныя западно-европейскія державы попытались произвести дипломатическое давленіе на русское правительство въ пользу Польши и предложили ему разрѣшить русско-польскую распрю на международной конференціи. Россія очень энергично отвергла такую попытку.

противъ турокъ. Когда дипломатическое посредничество великихъ державъ оказалось безрезультатнымъ, а сербы вынуждены были отступить подъ турецкимъ натискомъ, императоръ Александръ II, при единодушномъ и горячемъ сочувствіи русскаго общественнаго мнѣнія, началъ Освободительную войну противъ Турціи (1877—78 г.г.). Къ русскимъ войскамъ присоединились черногорцы, сербы и румыны (на первыхъ порахъ Румынія ограничилась лишь пропускомъ русской арміи черезъ свои владѣнія, да и то сдѣлала это не безъ колебаній).

Очень трудная вначалѣ (до взятія Плевны), война пошла затѣмъ успѣшно и завершилась вблизи Константинополя. Именно, въ 10 верстахъ отъ него, въ мѣстечкѣ Санъ-Стефано 19 февраля 1878 г. заключенъ былъ прелиминарный (предварительный) мирный договоръ. Условія его сводились къ слѣдующему: 1) признаніе полной независимости Румыніи, Сербіи и Черногоріи, при чемъ владѣнія послѣднихъ двухъ значительно расширялись; 2) образованіе изъ Болгаріи съ Восточной Румеліей, Македоніей и частью Ѳракіи до Салоникъ и Эгейскаго моря автономнаго Болгарскаго княжества; 3) введеніе въ Босніи и Герцеговинѣ выработанныхъ Константинопольской конференціей реформъ; 4) улучшеніе управленія о. Крита; 5) уплата Турціей Россіи денежнаго вознагражденія и уступка ей въ Азіи—Ардагана, Карса, Батума и Баязета съ окрестностями, въ Европѣ—части Бессарабіи, принадлежащей Румыніи [1]), взамѣнъ чего послѣдняя получаетъ Добруджу. Санъ-Стефанскій договоръ, оставившій Турціи въ Европѣ лишь Константинополь съ частью Ѳракіи да отдѣленную отъ этой полосы Албанію и Боснію съ Герцеговиной, съ одной стороны страшно встревожилъ Австрію и Англію, которая, при приближеніи русскихъ войскъ къ Константинополю, сосредоточила свою эскадру у Принцевыхъ острововъ, съ другой стороны не удовлетворилъ сербовъ и румынъ. Первыя двѣ державы требовали созыва международнаго конгресса для пересмотра Санъ-Стефанскихъ условій и готовились къ войнѣ съ Россіей. Предотвратить ее вызвался Бисмаркъ, обѣщавшій быть «честнымъ маклеромъ» въ возникшемъ спорѣ, но не исполнившій этого обѣщанія. По его предложенію въ іюнѣ 1878 года въ Берлинѣ собрался конгрессъ представителей шести великихъ державъ и Турціи. Вслѣдствіе настойчивости англійскаго представителя Дизраэли-Биконсфильда и австрійскаго — Андраши и вслѣдствіе пренебреженія къ русскимъ интересамъ Бисмарка, Берлинскій конгрессъ обезцѣнилъ русско-турецкую войну и совершенно исказилъ санъ-стефанскія условія. Именно, по его постановленіямъ:

I. Опредѣленная Санъ-Стефанскимъ миромъ территорія Болгаріи раздѣлена была на три части: а) къ сѣверу отъ Балканъ образова-

[1]) Эта часть уступлена была Россіей въ пользу Молдавіи по Парижскому миру.

лось Болгарское княжество, обязанное уплачивать дань султану и находящееся въ вассальной зависимости отъ него; б) къ югу—также вассальная автономная провинція—Восточная Румелія—подъ управленіемъ христіанскаго губернатора, назначаемаго султаномъ съ согласія великихъ державъ; в) Македонія и другія области, которыя предполагалось включить въ составъ Болгаріи, оставались въ полномъ обладаніи Турціи.

II. Предположенныя приращенія независимыхъ Сербіи и Черногоріи сокращались; впрочемъ, первой все же уступались три округа (Нишскій, Пиротскій и Лесковацкій), послѣдняя также была значительно увеличена въ своихъ размѣрахъ, получивъ, между прочимъ, портъ Баръ (Антивари) на Адріатическомъ морѣ, однако, исключительно для торговыхъ, а не военныхъ цѣлей.

III. Независимая Румынія уступала Россіи часть Бессарабіи (безъ устья Дуная), получая взамѣнъ Добруджу и нѣсколько острововъ въ дельтѣ Дуная.

IV. Изъ пріобрѣтеній Россіи въ Азіи исключался Баязетъ, а Батумъ превращался въ порто-франко, т. е. портъ, открытый для всѣхъ торговыхъ судовъ (порто-франко было уничтожено въ 1886 г.).

V. Относительно проливовъ, Босфора и Дарданеллъ, сохранены были постановленія Парижскаго мира (стр. 267).

VI. Австрія получила право временно оккупировать, т. е. занять, Боснію и Герцеговину и управлять ими для проведенія тамъ реформъ; кромѣ того, ей предоставлялись извѣстныя преимущества и вліяніе въ Ново-Базарскомъ санджакѣ.

Что касается Англіи, то она еще до Берлинскаго конгресса получила у Турціи разрѣшеніе на занятіе Кипра.

Изъ изложеннаго видно, что Берлинскій конгрессъ далъ возможность усилиться именно тѣмъ двумъ державамъ (Австріи и Англіи), которыя препятствовали успѣхамъ русскихъ. Только онѣ могли быть довольны его постановленіями, такъ какъ имъ, въ особенности Австріи, предоставлялась возможность и дальше расширять свое вліяніе на Балканахъ, чѣмъ австрійское правительство и не преминуло вскорѣ воспользоваться. Никого другого Берлинскій конгрессъ не удовлетворилъ, потому что онъ не разрѣшилъ, а лишь запуталъ восточный вопросъ: славянскимъ народностямъ онъ не далъ настоящаго политическаго объединенія, раздробивъ болгаръ, оставивъ жителей Македоніи подъ гнетомъ Турціи и отдавъ сербское населеніе Босніи и Герцеговины подъ власть нѣмцевъ. Свое недовольство создавшимся положеніемъ славяне, къ сожалѣнію, переносили и на Россію, и, какъ нѣкогда Грецію, такъ послѣ Берлинскаго конгресса славянскія государства стали отдаляться отъ своей Освободительницы. Россія, пролившая столько геройской крови и потратившая столько средствъ на Балканахъ, не улучшила войной 1877—78 г.г. своего международ-

наго положенія: новыхъ союзниковъ она не пріобрѣла, а съ Австріей и Германіей, которыхъ она *считала* своими старыми союзницами, стала расходиться.

§ 82. Тройственный и двойственный союзы; вооруженный миръ.

Послѣ Берлинскаго конгресса Германія и Австрія, въ виду естественнаго охлажденія къ нимъ русскаго народа, а главное, въ интересахъ германизма, тѣсно сблизились между собою и въ 1879 г., по настоянію Бисмарка, заключили тайный договоръ о взаимной помощи на случай нападенія на нихъ Россіи и о взаимномъ дружественномъ нейтралитетѣ въ случаѣ нападенія какой-либо иной державы [1]). Тройственный и двойственный союзы.

Въ 1882 г. къ нимъ примкнула Италія, слѣдствіемъ чего было образованіе «тройственнаго союза», обладавшаго огромной военной силой. Хотя Бисмаркъ говорилъ, что онъ не желаетъ «обрывать проволоку, соединяющую Берлинъ съ Петербургомъ», и хотя онъ отрицалъ аггресивныя намѣренія союза, но, конечно, послѣдній, при отсутствіи противовѣса, представлялъ страшную угрозу для Европы.

Созданіе противовѣса «тройственному союзу» и поддержаніе долговременнаго международнаго мира составляло великую заслугу императора Александра III, снискавшаго за это наименованіе «Миротворца».

Императоръ Александръ III, ставившій на первый планъ національные русскіе интересы, не питалъ расположенія къ Германіи тѣмъ болѣе, что съ теченіемъ времени возникало не мало поводовъ къ несогласіямъ между русской и германской дипломатіей. Одинъ изъ нихъ стоялъ въ связи съ событіями, происходившими въ новообразованной Болгаріи.

Избранный княземъ послѣдней Александръ Баттенбергскій (племянникъ русской императрицы Маріи Александровны) не сумѣлъ заручиться симпатіями народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оттолкнулъ отъ себя и великія державы, такъ какъ содѣйствовалъ поднявшемуся въ Восточной Румеліи движенію, которое имѣло цѣлью присоединить эту провинцію къ Болгаріи, и въ 1885 г., вопреки условіямъ Берлинскаго конгресса, возвѣстилъ о ихъ воссоединеніи. Слѣдствіемъ этого явилась болгаро-сербская война. Австро-венгерское дипломатическое вмѣшательство быстро прекратило ее, но когда вскорѣ послѣ этого (въ августѣ 1886 г.) заговоръ офицеровъ лишилъ Баттенберга престола, западныя державы не двинулись на его защиту. Не поддержала его и Россія, совѣтами которой онъ не разъ пренебрегалъ, и которая также не одобряла произведеннаго имъ переворота. Однако императоръ Александръ III, по просьбѣ болгарскаго народнаго собранія, сдѣлалъ попытку внести успокоеніе въ Болгарію, поручивъ русскому уполномоченному барону Каульбарсу возстановить ея близость къ Россіи. Но

[1]) Любопытно отмѣтить, что самъ германскій императоръ Вильгельмъ I видѣлъ въ этомъ договорѣ «предательскій поступокъ» по отношенію къ императору Александру II, продолжавшему еще искренно вѣрить въ возможность «союза трехъ императоровъ».

вслѣдствіе сопротивленія временнаго правительства, въ составъ котораго Баттенбергъ ввелъ враждебныхъ Россіи дѣятелей (напр., Стамбулова и Радославова), миссія Каульбарса не удалась, а затѣмъ, въ 1887 г., противъ желанія императора Александра III, болгарскимъ княземъ былъ избранъ Фердинандъ Кобургскій. Русское правительство согласилось признать его лишь въ 1896 г. Между тѣмъ Австрія приняла объединившуюся Болгарію подъ свое покровительство, поддерживая въ ней противорусскую партію, а Германія содѣйствовала вокняженію Фердинанда. Очевидно, это должно было еще больше охладить русско-германскія отношенія.

Къ этому еще присоединились финансовыя и таможенныя недоразумѣнія (см. ниже) и воинственныя рѣчи Бисмарка, направленныя, впрочемъ, скорѣе въ сторону Франціи (отъ которой онъ ждалъ «реванша» за Эльзасъ-Лотарингію). Открытый разрывъ предотвращался миролюбіемъ императора Александра III и осторожностью Бисмарка, который въ 1887 г. заключилъ даже на трехлѣтній срокъ соглашеніе между Германіей и Россіей о взаимномъ дружественномъ нейтралитетѣ на случай нападенія на одну изъ нихъ какой-нибудь другой державы. Но это соглашеніе о «перестраховкѣ» (какъ называли его нѣмцы) нисколько не парализовало австро-германскаго договора 1879 г., содержаніе котораго было обнародовано въ 1888 г.; къ тому же «перестраховка» не была возобновлена преемникомъ Бисмарка, Капривн. А между тѣмъ, новый германскій императоръ Вильгельмъ II (внукъ Вильгельма I) сталъ дѣлать явныя попытки сблизить съ «тройственнымъ союзомъ» Англію, а въ своихъ рѣчахъ намекалъ на возможность войны съ Россіей.

Россія занимала въ то время очень вліятельное, но обособленное положеніе въ Европѣ. Такая изолированность и склонила ее къ сближенію съ также изолированной Франціей, въ свою очередь искавшей союзницъ. Для Франціи «тройственный союзъ» представлялъ еще бо́льшую опасность, чѣмъ для Россіи, такъ какъ французское населеніе по своей численности съ теченіемъ времени все больше и больше уступало германскому [1]).

Начало франко-русскому сближенію было положено въ 1891 г. посѣщеніемъ Кронштадта французской эскадрой, на что русская эскадра отвѣтила въ 1893 г. визитомъ въ Тулонъ. И тамъ, и здѣсь гости встрѣчены были восторженно. Конечно, еще болѣе торжественная встрѣча устроена была нынѣ царствующему Государю Императору Николаю II, при посѣщеніи имъ въ 1896 г. Парижа, и президенту Феликсу Фору, пріѣхавшему въ 1897 г. въ Петербургъ. Отношенія между Россіей и Франціей съ 1895 г. стали опредѣляться какъ союзныя. Такимъ образомъ въ концѣ царствованія Императора Александра III былъ подготовленъ, а въ царствованіе Государя Императора Николая II закрѣпленъ «двойственный союзъ».

---

[1]) Къ тому же Бисмаркъ въ своихъ рѣчахъ предвѣщалъ новую франко-германскую войну, по сравненію съ которой война 1870 г. покажется «дѣтской забавой», и во время которой «каждая сторона будетъ стремиться совершенно обезкровить другую».

Созданіе «двойственнаго союза» въ противовѣсъ «тройственному» обезпечило на продолжительное время миръ Европѣ, такъ какъ военныя силы обоихъ союзовъ были приблизительно равны (въ концѣ XIX в. тройственный союзъ обладалъ 1023 тысячами солдатъ въ мирное время и 4693 тыс. въ военное; двойственный 1498 тыс. въ мирное и 4734 тыс. въ военное[1]). Къ тому же оба они объявляли своей цѣлью охрану мира. Отъ войны удерживали также экономическіе интересы, получавшіе все бо̀льшее вліяніе на политику и все тѣснѣе связывавшіе различныя государства между собою. Однако наступившій миръ былъ «миромъ вооруженнымъ». Опасаясь отстать другъ отъ друга въ военномъ дѣлѣ, державы продолжали совершенствовать свое вооруженіе и лихорадочно перевооружались въ зависимости отъ успѣховъ военной техники. Правда, необходимость такихъ перевооруженій задерживала возникновеніе войны, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ она поглощала неисчислимыя денежныя средства, которыя могли бы расходоваться на мирныя цѣли. Вслѣдствіе этого, по повелѣнію Государя Императора Николая II, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ августѣ 1898 г. обратился ко всѣмъ иностраннымъ посланникамъ въ Петербургѣ съ деклараціей слѣдующаго содержанія: «Охраненіе всеобщаго мира и возможное сокращеніе тяготѣющихъ надъ всѣми народами чрезмѣрныхъ вооруженій являются, при настоящемъ положеніи вещей, цѣлью, къ которой должны бы стремиться усилія всѣхъ правительствъ. Все возрастающее бремя финансовыхъ тягостей въ корнѣ расшатываетъ общественное благосостояніе. Духовныя и физическія силы народовъ, трудъ и капиталъ отвлечены въ большей своей части отъ естественнаго назначенія и расточаются непроизводительно. Сотни милліоновъ расходуются на пріобрѣтеніе страшныхъ средствъ истребленія, которыя, сегодня представляясь послѣднимъ словомъ науки, завтра должны потерять всякую цѣну въ виду новыхъ изобрѣтеній. Просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія и богатства пресѣкаются или направляются на ложные пути... Положить предѣлъ непрерывнымъ вооруженіямъ и изыскать средства отвратить угрожающія всему міру несчастья—таковъ высшій долгъ для всѣхъ государствъ». Во имя этого долга русское правительство и обращалось къ другимъ правительствамъ «съ предложеніемъ о созваніи конференціи въ видахъ обсужденія этой важной задачи: съ Божіей помощью, конференція эта могла бы стать добрымъ предзнаменованіемъ для грядущаго вѣка»[2]). Лѣтомъ 1899 г. въ Гаагѣ дѣйствительно состоялась конференція. Она выработала конвенціи о мирномъ улаженіи международныхъ недоразумѣній третейскимъ

Вооруженный миръ.

[1]) Цифры заимствованы изъ труда проф. Н. И. Карѣева, Исторія Западной Европы въ новое время, т. VI, ч. II, стр. 12, изд. 1910 г.

[2]) Цитируется по названному труду проф. Карѣева.

судомъ, о способахъ веденія войны, съ цѣлью придать ей менѣе жестокій характеръ и т. д., но не прекратила дальнѣйшихъ вооруженій и крайняго развитія милитаризма, особенно въ Германіи.

Тѣмъ не менѣе образованіе двойственнаго союза и миролюбивыя стремленія русскаго правительства обезопасили Европу отъ войнъ до начала второго десятилѣтія XX в. (изложеніе дальнѣйшихъ событій не входитъ въ настоящую книгу; о столкновеніяхъ въ Азіи конца XIX и начала XX в. см. въ слѣдующемъ §). Въ эпоху «вооруженнаго мира» державы проявляли извѣстную сдержанность при возникновеніи международныхъ осложненій и разрѣшали ихъ путемъ компромиссовъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ державы тройственнаго и двойственнаго союзовъ дѣйствовали заодно.

Осложненія на Востокѣ.

Значительная часть осложненій обусловливалась по прежнему восточнымъ вопросомъ. Такъ, въ 1896 г. въ Турціи произошло страшное избіеніе армянъ. Однако оно не вызвало вмѣшательства «европейскаго концерта», такъ какъ державы не могли сговориться между собою по поводу армянскаго вопроса. Бо́льшую согласованность дѣйствій проявили онѣ въ обострившемся въ это же время «критскомъ вопросѣ»: первоначально онѣ принудили турецкое правительство къ проведенію реформъ на о. Критѣ; когда же критяне не удовлетворились этимъ, а Грецiя попыталась оказать имъ вооруженную поддержку, то великія державы своимъ вмѣшательствомъ быстро прекратили начавшуюся греко-турецкую войну. Послѣ заключенія въ 1897 г. мира султанъ, по настоянію Россіи, Франціи, Англіи и Италіи, предоставилъ Криту автономію. Одновременно съ армянскимъ и критскимъ вопросами осложнился также македонскій. Но по отношенію къ нему «европейскій концертъ» выказалъ сдержанность, поставивъ своею цѣлью сохраненіе status quo (т. е. установившагося положенія) на Ближнемъ Востокѣ.

Колоніальные споры.

Однако status quo не удержалось. Вильгельмъ II, отстаивавшій интересы Турціи при заключеніи мира 1897 г. и выдававшій себя за лучшаго «друга» ея, сумѣлъ значительно усилить германское вліяніе въ Константинополѣ, которое проникало туда уже издавна. Одновременно съ германскимъ росло и австрійское вліяніе, приведшее въ 1908 г. къ анексіи (т. е. полному присоединенію къ Австріи) провинцій Босніи и Герцеговины, что́ явилось грубымъ нарушеніемъ условій Берлинскаго конгресса. Однако и это, благодаря миролюбію русской дипломатіи, не вызвало войны.

Международными конференціями и частными компромиссами предотвращались также вооруженныя столкновенія западныхъ державъ изъ-за колоніальныхъ споровъ, главнымъ предметомъ которыхъ былъ «раздѣлъ» Африки и разграниченіе тамъ европейскихъ вліяній. Больше всего недоразумѣній возникало у Англіи. Эта первоклассная морская и колоніальная держава лишь въ началѣ XX вѣка

стала сближаться сперва съ Франціей (съ 1904 г.), а затѣмъ и съ Россіей (съ 1907 г.), подготовляя этимъ преобразованіе двойственнаго союза въ «тройственное согласіе». До этого времени она долго стояла особнякомъ. Попытки Вильгельма II привлечь Англію на сторону Германіи оказались совершенно безуспѣшными, такъ какъ, со времени вступленія послѣдней на путь міровой колоніальной политики и по мѣрѣ быстраго роста германской промышленности, эти двѣ державы становились все болѣе и болѣе непримиримыми соперницами. Англо-французскому сближенію до недавняго времени препятствовали колоніальные споры. Что же касается Россіи, то Англія долго видѣла въ ней соперницу въ восточномъ вопросѣ, а еще больше тревожилась изъ-за расширенія русскихъ владѣній въ Азіи, грозившаго, по мнѣнію англійскихъ дипломатовъ, Индіи.

§ 83. Расширеніе русскихъ владѣній на Кавказѣ и въ Средней Азіи.

Помимо упомянутыхъ выше войнъ съ западно-европейскими державами и съ Турціей, Россія въ теченіе XVIII и XIX в. в. имѣла не мало вооруженныхъ столкновеній съ Персіей, кавказскими горцами и среднеазіатскими полукочевыми и кочевыми народами. Россія вела эту борьбу такъ же, какъ и войны съ Турціей, не только ради территоріальныхъ и экономическихъ выгодъ, но и во имя идейныхъ побужденій—защиты христіанскихъ обитателей Закавказья и внесенія культуры въ глушь среднеазіатскихъ степей. Русско-персидскія войны.

Русско-персидскія войны начались въ концѣ царствованія Петра Великаго. Утвердившись на Балтійскомъ побережьѣ, Петръ I обратился къ добыванію Каспійскаго; сюда влекло его стремленіе овладѣть естественными богатствами этого края (изобиловавшаго, между прочимъ, нефтью) и завести выгодныя торговыя сношенія съ восточными странами. Дѣйствія русскихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ привели къ завоеванію западнаго побережья Каспійскаго моря съ городами Дербентомъ и Баку, но эта область впослѣдствіи, въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, была уступлена обратно Персіи.

Дальнѣйшія столкновенія съ послѣдней стояли въ тѣсной связи съ дѣлами Грузіи. Эта страна, раздѣленная на нѣсколько почти несвязанныхъ другъ съ другомъ частей, терзаемая внутренними смутами и угрожаемая непрестанными набѣгами кавказскихъ народцевъ, персовъ и турокъ, издавна (еще со времени Іоанна III) обращала свои взоры къ Россіи, ища ея заступничества. Русскіе государи помогали грузинскимъ властителямъ и дипломатической поддержкой и деньгами. Въ 1783 г. царь Ираклій II отдался подъ покровительство Россіи. Поэтому, когда въ 1795 г. Грузія подверглась страшному нашествію персидскаго шаха, Екатерина II объявила Персіи войну, которая не

привела, однако, къ существеннымъ результатамъ, такъ какъ была прекращена тотчасъ же послѣ кончины императрицы. При императорѣ Александрѣ I состоялось присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ сперва Грузіи (въ 1801 г., по завѣщанію царя Георгія XII), затѣмъ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи (въ 1804 и 1810 г. г.), вслѣдствіе чего Россія оказалась въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Персіей и кавказскими горцами и должна была вести съ ними борьбу. Продолжительныя столкновенія съ персами въ царствованіе Александра I закончились Гюлистанскимъ миромъ 1813 г., по условіямъ котораго Россія укрѣпила за собою ханства Карабахское, Ширванское, Дербентское, Бакинское и нѣкоторыя др., Дагестанъ, Грузію, Имеретію, Гурію, Мингрелію, Абхазію, а также получила право свободной торговли и устройства военнаго флота на Каспійскомъ морѣ. Туркманчайскій миръ 1828 г., завершившій русско-персидскую войну (1826—1828 г.) при императорѣ Николаѣ I, далъ еще ханства Эриванское и Нахичеванское, военную контрибуцію и новыя торговыя льготы.

Покореніе Кавказа. Чтобы окончательно упрочить свою власть въ Закавказьѣ, русскому правительству необходимо было замирить кавказскихъ горцевъ, которые во второй четверти XIX вѣка, подъ вліяніемъ религіознаго воодушевленія (такъ называемаго «мюридизма»), начали ожесточенную борьбу съ русскими во имя торжества ислама. Эта тяжелая и напряженная борьба, при которой русскимъ приходилось еще считаться съ особенностями неприступной страны, закончилась въ царствованіе императора Александра II покореніемъ сперва восточнаго (въ 1859 г.), а затѣмъ и западнаго (въ 1864 г.) Кавказа (западнымъ кавказцамъ въ ихъ столкновеніяхъ съ русскими не мало помогали турки и даже англичане).

Покореніе Средней Азіи. Послѣ покоренія Кавказа и прочнаго замиренія киргизскихъ степей, Россія обратилась къ завоеванію народцевъ, жившихъ въ области Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, гдѣ расположены были три ханства: Коканъ, Бухара и Хива. Обитатели ихъ, вмѣстѣ со своими кочевыми сосѣдями, издавна грабили пограничныя русскія владѣнія, и издавна (еще съ XVIII в.) русское правительство дѣлало попытки проникнуть съ двухъ сторонъ (со стороны Сибири и со стороны Каспійскаго моря) въ безводныя пустыни, окружавшія кочевниковъ, чтобы замирить ихъ. Нѣсколько крѣпостей (въ томъ числѣ Перовскъ на Сыръ-Дарьѣ и Вѣрный къ востоку отъ него на рѣкѣ Или) служили для русскихъ оплотомъ въ этомъ краю. Рядъ удачныхъ экспедицій, начатыхъ въ 1864 г., привелъ къ завоеванію всего Коканскаго ханства (въ 1876 г.), значительной части Бухары (въ 1868 г.) и Хивы (въ 1873 г.) (остальная часть была сохранена за бухарскимъ и хивинскимъ ханами въ вассальной зависимости отъ Россіи), покоренію текинцевъ (въ 1881 г.), добровольному переходу Мерва въ подданство Россіи (въ 1884 г.) и къ занятію почти всего Памира (въ

1891 г. Эта колоссальная территорія (около $1^1/_2$ мил. кв. верстъ) объединена была въ 1899 г. въ одно Туркестанское генералъ-губернаторство.

Пріобрѣтеніе всѣхъ указанныхъ земель имѣло очень важное значеніе не только территоріальное и колонизаціонное, но и культурное: въ этихъ областяхъ Россія уничтожала хищническіе порядки, свойственные полукочевымъ народамъ, и насаждала цивилизацію. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ усиленіе Россіи въ Средней Азіи создавало дипломатическія осложненія: чѣмъ ближе проникало русское вліяніе къ Индіи, тѣмъ болѣе обострялись отношенія съ англійскимъ правительствомъ того времени.

Въ 1885 г., въ связи съ столкновеніемъ русскаго отряда съ афганцами на р. Кушкѣ, могла даже возгорѣться война между Россіей и Англіей. Но она была предотвращена согласіемъ обѣихъ державъ на то, чтобы русско-афганская граница была опредѣлена смѣшанною англо-русскою комиссіей. Такой же комиссіи предоставлено было въ 1895 г. разграничить Памиръ между Россіей и Афганистаномъ. Послѣдній сдѣлался нейтральнымъ государствомъ-«буферомъ» между русскими среднеазіатскими владѣніями и Индіей.

Что касается Персіи, гдѣ также боролись русскіе и англійскіе интересы, то, по соглашенію 1907 г., сѣверная часть ея предоставлена была исключительному вліянію Россіи, южная—Англіи, въ средней же части установлено равноправіе обѣихъ державъ[1]).

Дальневосточный вопросъ.

Одновременно съ завоеваніемъ Кавказа и Средней Азіи, русское владычество распространялось и на Дальнемъ Востокѣ. Въ 1858 г., по Айгунскому договору, Китай уступилъ Россіи Амурскую область, а въ 1860 г., по договору въ Пекинѣ, и Уссурійскій край (т. е. земли между правымъ берегомъ Уссури и Тихимъ океаномъ); въ 1875 г. пріобрѣтена была также южная, японская часть о. Сахалина въ обмѣнъ на Курильскіе острова. Аляску же русское правительство продало Сѣверо-Американскимъ Штатамъ за 7 милліоновъ долларовъ.

Китай въ это время подвергался сильному вмѣшательству иностранныхъ державъ. Сперва это были преимущественно Англія и Франція, утверждавшія въ немъ свое экономическое вліяніе и дипломатическимъ путемъ и силою оружія (съ англичанами Китай неудачно воевалъ въ 1858—1860 г.г., съ французами въ 1859, 1860 и 1883—1885 г.г.), затѣмъ къ нимъ присоединилась и Японія. Китайско-японская война окончилась Симоносекскимъ миромъ 1895 г., по условіямъ котораго Китай обязался сдѣлать своей соперницѣ большія территоріальныя уступки. Но Россія, Франція и Германія, не желая допустить чрезмѣрнаго усиленія Японіи, ограничили эти условія въ пользу Китая. Послѣдній отблагодарилъ поддержавшія его

[1]) См. Карѣевъ, т. VI, ч. II, стр. 539.

державы сперва предоставленіемъ имъ желѣзнодорожныхъ концессій (Россіи дано право проложить черезъ Манчжурію великій сибирскій путь—см. ниже), а затѣмъ отдачей имъ въ аренду нѣкоторыхъ своихъ территорій: Россія арендовала (въ 1898 г.) Квантунскую область съ Портъ-Артуромъ и бухтой Таліенванъ (Да-Лань-Вань), гдѣ затѣмъ построенъ былъ г. Дальній, Германія—Кьяо-Чоу, Англія была удовлетворена портомъ Вей-хай-Вей.

Усиленіе вліянія европейскихъ державъ, начавшихъ какъ бы раздѣлъ Китая, вызвало въ немъ бунтъ, поднятый въ 1900 г. китайской чернью, а затѣмъ поддержанный и правительствомъ богдыхана. Это «боксерское» движеніе, въ которомъ видѣли проявленіе такъ называемой «желтой опасности», было быстро усмирено соединенными войсками европейскихъ государствъ. Дѣятельное участіе въ усмиреніи его принимала также Японія. Вскорѣ миръ на Дальнемъ Востокѣ былъ снова нарушенъ вслѣдствіе соперничества Россіи и Японіи, которое привело къ войнѣ 1904—1905 г.г. Трудная для русскихъ вслѣдствіе крайней отдаленности театра военныхъ дѣйствій, эта война имѣла своимъ слѣдствіемъ уступку Японіи южнаго Сахалина и Портъ-Артура и открывала ея вліянію Корею. Южнымъ выходомъ Россіи къ Тихому океану остался Владивостокъ, соединенный съ ея центромъ великимъ сибирскимъ желѣзнодорожнымъ путемъ, который, помимо важнаго политическаго и экономическаго значенія, игралъ огромную роль въ колонизаціи Сибири.

§ 84. Колонизація въ Императорскій періодъ.

Въ Императорскій періодъ такъ же, какъ и въ предшествующее время, завоеванія стояли въ тѣсной связи съ колонизаціей, правительственной и народной, при чемъ первая или опережалась послѣднею или, напротивъ, вызывала ее. Въ XVIII в. особенно успѣшно колонизовалась юго-западная часть нынѣшней Россіи. При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ устроена была новая «Украинская» линія укрѣпленій, которая шла по границѣ, отдѣляющей Харьковскую и Полтавскую губерніи отъ Екатеринославской. Въ царствованіе Елизаветы Петровны на эту линію усиленно привлекались колонисты изъ южныхъ славянъ, поселенія которыхъ образовали Новую Сербію и Славяно-Сербію. Больше же всего было сдѣлано для оживленія Новороссіи при императрицѣ Екатеринѣ II, поручившей управленіе этой областью Потемкину. Онъ задался цѣлью создать изъ нея опору для борьбы съ Турціей и использовать ея естественныя богатства, а потому съ огромной энергіей занялся постройкой здѣсь городовъ (напр., Николаева, Херсона, затѣмъ Екатеринослава и др.), привлеченіемъ иностранныхъ и русскихъ поселенцевъ. Такъ, онъ приглашалъ сюда на льготныхъ условіяхъ грековъ, армянъ, замирен-

ныхъ татаръ, раскольниковъ, казаковъ уничтоженной въ 1775 г. Сѣчи, нѣмецкихъ колонистовъ. Сюда же переселялись государственные крестьяне, а также крѣпостные разныхъ вельможъ, получившихъ здѣсь огромныя земли. О результатахъ колонизаціонной дѣятельности въ этомъ краѣ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: въ половинѣ XVIII в. населеніе Новороссіи не превышало 50 тыс. человѣкъ, къ концу его оно возросло до полумилліона. Только Таврическая губ. и побережье между Бугомъ и Днѣстромъ остались неколонизованными до XIX в.

Медленнѣе заселялось въ XVIII в. нижнее Поволжье, несмотря на то, что императрица Екатерина II привлекала сюда и раскольниковъ (они строили свои скиты по Иргизу), и нѣмецкихъ колонистовъ (они размѣстились по теченію Волги между Саратовомъ и Камышиномъ).

Колонизація Пріуралья ускорилась съ тѣхъ поръ, какъ правительство, насаждавшее горнозаводскую промышленность въ этомъ краѣ, стало строить крѣпости для защиты его отъ башкиръ: такъ, въ первой половинѣ XVIII в. здѣсь были основаны Екатеринбургъ и Красноуфимскъ, соединенные затѣмъ линіей промежуточныхъ крѣпостей; съ противоположной стороны этотъ край оборонялся другой крѣпостной линіей съ Оренбургомъ во главѣ, отрѣзывавшей башкирскія поселенія отъ киргизскихъ. Однако до конца XVIII в. Пріуралье не было замирено: его населяли наиболѣе недовольные и раздраженные классы общества (инородцы кочевые и осѣдлые, раскольники, заводскіе крестьяне, бѣглые люди и яицкіе казаки), жившіе воспоминаніями о Стенькѣ Разинѣ, Булавинѣ, башкирскомъ возстаніи и отличавшіеся поэтому, по словамъ проф. Ѳирсова, «бунтовщическимъ темпераментомъ». Этимъ и объясняется, что именно здѣсь возгорѣлся страшный Пугачевскій бунтъ, охватившій затѣмъ нижнее и среднее Поволжье и часть Сибири.

Въ XIX в., преимущественно во второй его половинѣ, благодаря развитію желѣзнодорожной сѣти и постановкѣ переселенческаго дѣла на новыя основанія, колонизація сдѣлала огромные успѣхи. Особенное значеніе имѣла постройка Великаго Сибирскаго пути, который стали сооружать одновременно съ двухъ концовъ, отъ Челябинска и отъ Владивостока. По мѣрѣ сооруженія его росло число переселенцевъ: въ 1880-хъ годахъ ихъ было не болѣе 2 тысячъ въ годъ, въ 1890-хъ—до 200 тысячъ. По мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей Азіатской Россіи (см. «Азіатская Россія,» изд. Переселенческаго Управленія Гл. У. З. и З.), «за послѣднія два десятилѣтія для культурной колонизаціи Сибири сдѣлано не меньше, чѣмъ за все предшествующее время вѣкового обладанія ею»: «начиная съ 1894 г. переселилось и прочно осѣло въ Азіатской Россіи свыше $3^1/_2$ мил. русскихъ людей; между тѣмъ все русское населеніе Азіатской Россіи

достигло *передъ тѣмъ* исподволь, въ теченіе трехсотъ лѣтъ, всего лишь $4^1/_2$ мил.».

Мы ознакомились съ ростомъ Россійской Имперіи, длина границы которой равняется 64.900 верстъ. Обратимся къ изученію ея внутренняго развитія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Внутреннее состояніе Россійской Имперіи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Государственный строй.

§ 85. Верховная власть. Титулъ и законы о престолонаслѣдіи.

Введеніе.

Развитіе Верховной власти въ теченіе Императорскаго періода выразилось, главнымъ образомъ, въ усиленіи ея международнаго значенія, обусловливавшемся успѣхами внѣшней политики Россіи, и въ дальнѣйшемъ углубленіи ея внутренняго содержанія (стр. 135); сверхъ того,

1) въ Императорскій періодъ, какъ и въ Московскій (стр. 136), измѣненіе международнаго положенія Россіи и расширеніе ея территоріи сопровождались измѣненіемъ *титула* русскихъ государей;

2) со времени Петра Великаго стали вырабатываться *законы* о порядкѣ наслѣдія Россійскаго престола, отсутствовавшіе въ прежнюю эпоху;

3) понятіе Верховной власти, слагавшееся въ Московскій періодъ *исторически* (§ 49) и находившее теоретическое обоснованіе въ сознаніи народа (стр. 119), въ трудахъ церковныхъ писателей (стр. 122), составителей патріотическихъ преданій (стр. 123) и нѣкоторыхъ публицистовъ (стр. 125), въ «утвержденныхъ грамотахъ» земскихъ соборовъ (стр. 134), въ дипломатическихъ актахъ (стр. 127) и, наконецъ, въ произведеніяхъ самихъ московскихъ государей (Іоанна IV и Алексѣя Михайловича), получало, начиная съ XVIII в., *юридическое*, правовое опредѣленіе, выражаемое въ *законѣ*.

Сосредоточимъ вниманіе на трехъ указанныхъ пунктахъ.

Титулъ.

Заключеніе Ништадскаго мира 30 августа 1721 года ознаменовалось тѣмъ, что Петръ I, по просьбѣ Сената и Синода, принялъ титулъ Императора Всероссійскаго, присоединивъ его къ прежнему

московскому. По мѣрѣ пріобрѣтенія новыхъ территорій русскіе государи принимали титулы ихъ властителей. Такъ, къ концу XIX вѣка выработался *полный* титулъ Императорскаго Величества, который, согласно ст. 59 Высочайше утвержденныхъ 23 апрѣля 1906 г. и дѣйствующихъ нынѣ Основныхъ Законовъ, есть слѣдующій.

«Божіею поспѣшествующею милостію, Мы NN, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій; Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинскій; Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій; Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій князь Новагорода низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полотскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій, и всея сѣверныя страны Повелитель; и Государь Иверскія, Карталинскія, и Кабардинскія земли и области Арменскія; Черкасскихъ и Горскихъ князей и иныхъ Наслѣдный Государь и обладатель; Государь Туркестанскій; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій, и прочая, и прочая, и прочая».

Престолонаслѣдіе; Уставъ 1722 г. и его судьба.

Что касается законовъ о наслѣдіи Россійскаго престола, то первымъ по времени среди нихъ былъ изданный Петромъ Великимъ Уставъ 5 февраля 1722 г. Въ силу него царствующій монархъ могъ назначить своимъ наслѣдникомъ, кого захочетъ, могъ также лишить назначенное лицо правъ на наслѣдованіе и передать ихъ другому.

Этотъ законъ, предоставлявшій на личное усмотрѣніе царствующаго государя распоряженіе престолонаслѣдіемъ, продиктованъ былъ Петру I, очевидно, стремленіемъ къ тому, чтобы престолъ замѣщался достойнѣйшими лицами. Но, по существу своему, Уставъ 1722 года былъ какъ бы возвращеніемъ къ распространенному въ Московской Руси до XVII вѣка обычаю передачи престола по духовной, замѣнившемуся въ XVII вѣкѣ соборнымъ избраніемъ—дѣйствительнымъ (имѣвшимъ мѣсто при воцареніи Бориса и Михаила Ѳеодоровича), или формальнымъ (какъ это было при вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича, Ѳеодора III, Петра и Іоанна).

Чтобы защитить этотъ законъ отъ критики недовольныхъ, объяснявшихъ его желаніемъ императора устранить отъ престола своего внука (Петра Алексѣевича), Петръ I поручилъ архіепископу Ѳеофану Прокоповичу составить цѣлый трактатъ. Онъ извѣстенъ подъ названіемъ «Правда воли монаршей» и представляетъ собой теоретическое обоснованіе самодержавія.

Петру Великому не удалось воспользоваться своимъ «Уставомъ»: 28 января 1725 г. онъ скончался, не назвавъ того, кому хотѣлъ оставить царство. Поэтому сенаторы и другіе сановники сочли своимъ правомъ рѣшить вопросъ о престолонаслѣдіи и, по настоянію

гвардіи, провозгласили императрицей вдову покойнаго императора Екатерину Алексѣевну, сославшись на то, что въ 1724 г. Петръ короновалъ ее и этимъ какъ бы предназначилъ себѣ въ преемницы.

Императрица Екатерина I (1725—1727 г.) передъ своей кончиной составила «тестаментъ», т. е. завѣщаніе. Престолъ она завѣщала Петру Алексѣевичу съ потомствомъ; въ случаѣ его бездѣтной кончины къ наслѣдованію призывалась Анна Петровна съ потомствомъ, затѣмъ Елизавета Петровна и, наконецъ, Наталія Алексѣевна (обѣ также съ потомствомъ, если оно будетъ у нихъ). Такимъ образомъ, въ отмѣну закона 1722 года, предоставлявшаго каждому монарху назначать себѣ преемника, Екатерина I составила какъ бы основной законъ о престолонаслѣдіи, указавъ послѣдовательный рядъ своихъ возможныхъ преемниковъ, каждый изъ которыхъ принимаетъ власть, въ случаѣ бездѣтной кончины своего предшественника.

Однако длительнаго значенія этотъ «тестаментъ» не имѣлъ и, когда въ 1730 г. скончался юный императоръ Петръ II, не назначивъ себѣ преемника, «верховники», т. е. члены Верховнаго Тайнаго Совѣта (см. ниже), не считаясь съ волею Екатерины I, рѣшили самостоятельно распорядиться престоломъ и избрали императрицей племянницу Петра Великаго, вдовствующую герцогиню Курляндскую Анну Іоанновну.

Императрица Анна Іоанновна (1730—1740 г.) воспользовалась закономъ 1722 г.,—она объявила наслѣдникомъ внука своей сестры, младенца Іоанна Антоновича Брауншвейгъ-Люнебургскаго. Этотъ же законъ примѣненъ былъ и императрицей Елизаветой Петровной (1741—1761 г.), возведенной на престолъ національной русской партіей, во главѣ которой стояла гвардія. Вскорѣ послѣ воцаренія, императрица Елизавета вызвала изъ Голштиніи своего племянника Петра Ѳеодоровича и назначила его наслѣдникомъ. Въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны и въ недолгое царствованіе ея преемника (1761 — 1762 г.) вопросъ о престолонаслѣдіи втайнѣ обсуждался въ придворныхъ и гвардейскихъ кругахъ. Большинство тѣхъ и другихъ одинаково не мирилось съ воцареніемъ Петра III и предвидѣло свержение его съ престола, но не одинаково представляло себѣ замѣщеніе послѣдняго. Многіе вліятельные сановники хотѣли добиться передачи престола Павлу Петровичу, объявивъ его мать Екатерину только регентшей; преданная Екатеринѣ гвардейская молодежь думала иначе. Она надѣялась провозгласить Екатерину не правительницей за сына, а самодержавной императрицей. О такой роли мечтала и сама Екатерина. Переворотъ 28 іюня 1762 г. осуществилъ эти мечты.

Къ царствованію императрицы Екатерины II относится послѣдняя попытка примѣненія закона 1722 г.: именно, разойдясь совершенно

во взглядахъ со своимъ наслѣдникомъ-сыномъ [1]), ожидая отъ него полной отмѣны всѣхъ своихъ преобразованій, императрица задумала лишить Павла правъ на наслѣдованіе престоломъ и завѣщать его непосредственно своему внуку Александру. Однако этотъ планъ не осуществился отчасти вслѣдствіе уклончиваго отношенія къ нему Александра Павловича, отчасти вслѣдствіе другихъ причинъ, и послѣ кончины императрицы Екатерины II въ 1796 г. Павелъ Петровичъ безпрепятственно вступилъ на престолъ.

Акть о порядкѣ наслѣдія Россійскаго престола.

Въ день своего коронованія 5 апрѣля 1797 г. онъ утвердилъ «актъ о порядкѣ наслѣдія Россійскаго престола». На основаніи этого акта, царствующему императору долженъ наслѣдовать старшій сынъ со своимъ мужскимъ поколѣніемъ, по пресѣченіи котораго наслѣдство переходитъ въ родъ второго сына императора и т. д.; по пресѣченіи послѣдняго мужского поколѣнія сыновей императора наслѣдство остается въ женскомъ поколѣніи послѣдне-царствовавшаго. Въ числѣ причинъ, побуждающихъ къ установленію такихъ правилъ наслѣдованія, императоръ Павелъ I указываетъ слѣдующія: «дабы государство не было безъ Наслѣдника. Дабы Наслѣдникъ всегда былъ назначенъ закономъ самимъ. Дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать».

Въ послѣдующей исторіи Россіи былъ лишь одинъ, и то невольный, случай уклоненія отъ этого акта: именно, послѣ кончины въ 1825 г. бездѣтнаго императора Александра I ему наслѣдовалъ не второй сынъ Павла I, Константинъ (такъ какъ онъ отрекся отъ своихъ правъ на престолонаслѣдіе), а третій—Николай I Павловичъ. За исключеніемъ этого случая, актъ 1797 г. всегда соблюдался, и соотвѣтственно точному его смыслу составлены статьи «о порядкѣ наслѣдія престола» дѣйствующихъ нынѣ Основныхъ Законовъ. Въ нихъ содержатся также статьи «о существѣ Верховной Самодержавной Власти».

§ 86. Верховная власть. Опредѣленіе ея существа въ законодательствѣ.

Воинскій уставъ и Духовный Регламентъ.

Первыми по времени законодательными памятниками, опредѣляющими существо Верховной Самодержавной власти, были изданные при Петрѣ Великомъ Воинскій Уставъ 1716 г. и Духовный Регламентъ 1721 г. Въ уставѣ дана такая формулировка: «Его Величество—есть самовластный монархъ, который никому въ свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣта дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благо-

[1]) Наслѣдникомъ онъ былъ объявленъ при провозглашеніи Екатерины II императрицей.

мнѣнію управлять». Въ Регламентѣ Духовной Коллегіи говорится слѣдующее: «Монарховъ власть есть самодержавная, которой повиноваться самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ. «Въ позднѣйшихъ памятникахъ русскаго права, по словамъ проф. Казанскаго [1]), не только повторяются мысли петровскихъ формулъ, но и самыя ихъ выраженія».

Въ царствованіе императрицы Екатерины I новой формулы не было установлено. Правда, по мнѣнію проф. Ключевскаго, съ учрежденіемъ въ 1726 г. Верховнаго Тайнаго Совѣта, который долженъ былъ, подъ предсѣдательствомъ императрицы и нераздѣльно съ нею, разсматривать всѣ важнѣйшія дѣла и новые законы, «измѣнялась сущность правленія, характеръ верховной власти: сохраняя свои титулы, она изъ личной воли превращалась въ государственное учрежденіе». (Подробнѣе о Верховномъ Совѣтѣ см. ниже). Однако такой порядокъ, если онъ и осуществился на практикѣ, продолжался очень недолго: уже въ слѣдующемъ году былъ изданъ указъ, содержавшій разъясненіе, посредствомъ котораго императрица открывала себѣ возможность самостоятельной, независимой отъ Совѣта дѣятельности; далѣе, самъ Совѣтъ ни при Екатеринѣ I, ни при Петрѣ II (до совершеннолѣтія котораго Верховный Совѣтъ, по тестаменту Екатерины I, введенъ былъ въ составъ регентства и получалъ «полную власть царствующаго самодержавнаго Государя») не покушался на *юридическое* ограниченіе Верховной власти.

Проектъ «верховниковъ» и его отмѣна манифестомъ 1730 г.

Серьезная попытка такого рода предпринята была послѣ смерти Петра II, когда, избравъ на престолъ Анну Іоанновну, «верховники», по настоянію кн. Д. М. Голицына, предложили ей подписать «пункты» или «кондиціи», ограничивающія ея власть въ пользу Верховнаго Тайнаго Совѣта. Эти кондиціи дѣлали совершенно призрачной власть императрицы, такъ какъ ея личная воля связывалась во всемъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, состоящимъ изъ «восьми персонъ», совмѣстно съ которыми она должна была править: всѣ важнѣйшія ея распоряженія, касавшіяся какъ внѣшней политики (объявленіе войны и заключеніе мира), такъ и внутренней (начиная съ введенія новыхъ налоговъ и расходованія казенныхъ средствъ, кончая производствомъ въ придворные чины), обусловливались согласіемъ верховниковъ. Кромѣ того, императрица должна была обязаться не вступать въ бракъ и не назначать себѣ преемника. Никакой фактической опоры она не имѣла, такъ какъ гвардія и прочія войска отдавались «въ вѣдѣніе» Верховнаго Тайнаго Совѣта. Нарушеніе «кондицій» влекло за собой лишеніе короны.

Кондиціи, замѣнявшія самодержавіе полновластіемъ наличнаго состава Верховнаго Тайнаго Совѣта (верховники не указывали, ка-

[1]) П. Е. Казанскій: «Власть Всероссійскаго Императора», стр. 526.

кимъ способомъ будетъ пополняться онъ въ случаѣ выбытія когонибудь изъ его членовъ), изложены были въ такой формѣ, какъ будто императрица по *собственному почину* возвѣщала ихъ для блага народа. Онѣ были посланы въ Митаву, гдѣ находилась тогда Анна Іоанновна. Императрица подписала ихъ. Однако никто не хотѣлъ вѣрить, что она сдѣлала это добровольно. Въ кондиціяхъ современники угадали «затѣйку» верховниковъ, и послѣднимъ сразу же пришлось встрѣтиться съ самой серьезной оппозиціей.

Она была троякаго рода. Одни, преимущественно сановные люди, негодовали на то, что верховники «въ дружество свое ихъ не призвали», а составили «пункты» безъ ихъ вѣдома и совѣта. Другіе, энергичнымъ вдохновителемъ которыхъ сдѣлался Ѳеофанъ Прокоповичъ, не могли примириться съ отмѣной самодержавія. Третьи—стремились къ тому, чтобы въ выработкѣ основъ новаго государственнаго строя участвовали отнюдь не отдѣльныя лица—олигархи (каковыми считали «верховниковъ»), а представители отъ шляхетства (т. е. дворянства), и чтобы для обсужденія «важныхъ государственныхъ дѣлъ» созывалось особое собраніе, въ которомъ, наряду съ сановниками, присутствовало бы и шляхетство.

Оппозиція выражалась первоначально въ бурныхъ совѣщаніяхъ, на которыхъ вырабатывались новые проекты государственнаго строя въ противовѣсъ «кондиціямъ»; затѣмъ, вскорѣ послѣ пріѣзда Анны Іоанновны изъ Митавы, именно 25 февраля 1730 г., когда во дворецъ явилась большая толпа сановниковъ и простого шляхетства просить императрицу о разсмотрѣніи этихъ проектовъ, гвардейскіе офицеры шумно заявили, что «государыня должна быть самодержицею, какъ были всѣ прежніе государи». Въ тотъ же день ей подана была и письменная просьба возстановить самодержавіе, уничтожить кондиціи, упразднить Верховный Тайный Совѣтъ, вернуть Сенату его прежнее значеніе, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, даровать шляхетству право выбирать сенаторовъ и вообще высшихъ должностныхъ лицъ. Вслѣдствіе этой просьбы и энергичнаго заявленія всѣхъ присутствующихъ, что «пункты» составлены не по желанію народа, Анна разорвала ихъ. 28 февраля изданъ былъ манифестъ о томъ, что, «по единогласному прошенію вѣрныхъ подданныхъ», императрица «соизволила воспріять Самодержавство, какъ издревле прародители ея». Народъ вторично принесъ присягу ей, какъ самодержавной императрицѣ (въ первый разъ, 15 февраля, присягали «государынѣ и отечеству»).

Наказъ императрицы Екатерины II.

Новая попытка сановниковъ ограничить верховную власть относится, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, къ началу царствованія императрицы Екатерины II. Именно, гр. Н. И. Панинъ составилъ проектъ «Императорскаго Совѣта», который, въ качествѣ законодательнаго «верховнаго мѣста»—долженъ былъ, по его мысли,—«огра-

дить самодержавную власть отъ скрытыхъ иногда похитителей оныя», т. е. временщиковъ. Императрица отнеслась сперва сочувственно къ этому плану, но когда ей разъяснили, что «обязательный и государственнымъ закономъ установленный императорскій совѣтъ и вліятельные его члены могутъ съ теченіемъ времени подняться до значенія *соправителей*», она отвергла проектъ Панина, такъ какъ не хотѣла допустить никакого ограниченія своей власти [1]). Свои мысли о необходимости самодержавія для Россіи и о существѣ его Екатерина II изложила, между прочимъ, въ Наказѣ «Комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія». Такъ, въ ст. 10 Наказа читается: «Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ правитъ»; въ ст. 19—«Государь есть источникъ всякія государственныя и гражданскія власти».

Въ «актѣ о наслѣдіи престола», составленномъ императоромъ Павломъ I, Государи Россійскіе именуются Главою Церкви. Одновременно съ этимъ актомъ издано было въ 1797 г. «Учрежденіе объ Императорской Фамиліи», имѣвшее своею цѣлью «распорядить и учредить все то, что до Фамиліи Императорской принадлежитъ». Въ немъ опредѣлены были положеніе, титулы, права и преимущества лицъ, происшедшихъ отъ Императорской крови, а также размѣры производимаго имъ содержанія изъ доходовъ удѣльныхъ капиталовъ и имѣній (послѣднія съ этой цѣлью и были образованы императоромъ Павломъ I посредствомъ выдѣленія ихъ изъ имѣній государственныхъ).

Проекты эпохи Императора Александра I.

Императоръ Александръ I выказывалъ стремленіе къ кореннымъ политическимъ преобразованіямъ, касающимся и самого существа верховной власти. Именно, по его порученію или съ его разрѣшенія, выработано было нѣсколько проектовъ, клонившихся въ той или иной мѣрѣ къ ограниченію ея [2]). Наиболѣе полными изъ нихъ явля-

---

[1]) Въ настоящемъ параграфѣ разсматриваются *только* такіе проекты, которые возникали въ *правительственной* средѣ и представлялись затѣмъ на Высочайшее усмотрѣніе.

[2]) Первые проекты такого рода возникли или въ средѣ сенаторовъ въ отвѣтъ на Высочайшее повелѣніе Сенату представить докладъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ, или въ средѣ, близкой къ Негласному Комитету, въ засѣданіяхъ котораго государь выражалъ намѣреніе увѣнчать административныя реформы уложеніемъ—конституціей. Изъ сенаторскихъ мнѣній можно отмѣтить слѣдующія: Державинъ хотѣлъ ввести въ составъ Сената выборныхъ отъ высшихъ чиновниковъ; Мордвиновъ (проникнутый взглядами англійской партіи тори) думалъ сдѣлать Сенатъ законодательнымъ учрежденіемъ, состоящимъ изъ представителей отъ дворянства. Сюда же можно отнести составленную Воронцовымъ и нѣкоторыми другими сенаторами «жалованную грамоту народу», представляющую собою подобіе англійскаго Habeas-Corpus-act'a и французской «декларація правъ». Эти и подобные имъ проекты не были одобрены Негласнымъ Комитетомъ. Послѣдній болѣе склонялся къ просвѣщенному абсолютизму для настоящаго времени, введеніе же конституціоннаго образа правленія считалъ дѣломъ будущаго, которому должны предшествовать подготови-

ются записка Сперанскаго подъ названіемъ «Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ» или «Планъ государственнаго образованія», составленная въ 1809 г., и «Государственная Уставная Грамота Россійской Имперіи», написанная въ 1818 г. Новосильцовымъ. Оба эти проекта разсмотрѣны были затѣмъ государемъ, который отнесся къ нимъ благосклонно, однако не осуществилъ ихъ. Предложенное Сперанскимъ для *постепеннаго* введенія въ дѣйствіе, Государственное Уложеніе опредѣляло 1) права подданныхъ (см. ниже), 2) права власти.

Источникомъ власти Сперанскій признаетъ Державную власть Государя Императора. Однако Государь осуществляетъ свою власть черезъ посредство цѣлой сѣти законодательныхъ, исполнительныхъ и судебныхъ учрежденій, развѣтвляющихся по всей имперіи и объединяющихся въ Государственномъ Совѣтѣ (см. ниже), «черезъ который державная власть на нихъ дѣйствуетъ и пріемлетъ ихъ дѣйствія». Именно, въ области законодательства Державной власти принадлежитъ право предложенія и утвержденія законовъ; «уваженіе» же ихъ, т.-е. обсужденіе предложенныхъ правительствомъ законопроектовъ и ихъ принятіе или отклоненіе, предоставляется Государственной Думѣ, такъ что никакой законъ не можетъ имѣть силы, если онъ не принятъ Думой; она пользуется также правомъ дѣлать правительству представленія (т.-е. заявленія) о государственныхъ нуждахъ и о нарушеніи исполнительной властью законовъ. Государственная Дума, собирающаяся ежегодно на опредѣленный срокъ, состоитъ изъ выборныхъ отъ населенія. Именно, ея члены избираются въ губернскихъ думахъ въ установленномъ для каждой губерніи числѣ. Губернскія думы составляются изъ выборныхъ отъ окружныхъ думъ (округъ—часть губерніи); окружныя—изъ выборныхъ отъ волостныхъ думъ (волость—часть округа); въ послѣднихъ же участвуютъ всѣ, владѣющіе въ волости собственностью, и уполномоченные отъ государственныхъ крестьянъ.

Указанныя думы (волостныя, окружныя, губернскія и Государственная) являются, по словамъ Сперанскаго, четырьмя «степенями» законодательнаго порядка. Государственная Дума какъ бы соучаствуетъ въ законодательной власти Монарха. Что касается исполнительной власти или области управленія, то она цѣликомъ принадлежитъ Государю, дѣйствующему черезъ посредство назначенныхъ имъ министровъ, отвѣтственныхъ, однако, передъ Думой, за которой, такимъ образомъ, сохраняется право надзора. Собраніе министровъ и

тельныя мѣры. Такія мѣры, а также общія начала проектируемаго въ будущемъ государственнаго строя намѣчены, напр., въ составленномъ въ 1802 г. Сперанскимъ, по порученію Государя, «планѣ устройства судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ Имперіи». (Этотъ планъ сохранился въ черновомъ неоконченномъ наброскѣ).

нѣсколькихъ другихъ сановниковъ называется Правительственнымъ Сенатомъ; ему подчинена губернская, окружная и волостная администрація. Такимъ образомъ и въ порядкѣ исполнительномъ имѣются четыре степени. Тѣ же степени установлены и въ порядкѣ судебномъ, т. е. области судопроизводства, а именно: 1) Судебный Сенатъ, какъ высшая инстанція, 2) Губернскіе суды, 3) Окружные суды (съ двумя отдѣленіями: уголовнымъ и гражданскимъ) и 4) Волостные суды (для маловажныхъ, преимущественно гражданскихъ, дѣлъ).

Члены Судебнаго Сената назначаются Державной властью изъ числа кандидатовъ, внесенныхъ въ общій государственный списокъ, составленный на основаніи губернскихъ списковъ «отличнѣйшихъ обывателей» (губернскіе же списки составляются на основаніи окружныхъ и волостныхъ). Правительство по списку кандидатовъ назначаетъ также предсѣдателей Губернскихъ и Окружныхъ судовъ; члены же ихъ (и волостного суда) избираются соотвѣтствующими думами. Такимъ образомъ, по словамъ Сперанскаго, «дѣйствіе державной власти въ порядкѣ судебномъ ограничивается однимъ установленіемъ власти, надзирающей и сохраняющей судебные обряды; существо же дѣла ввѣряется свободному выбору подданныхъ».

Что касается «Уставной грамоты» Новосильцова, то она проектировала учрежденіе государственнаго сейма изъ двухъ палатъ: сената (съ назначеннымъ составомъ) и посольской палаты (члены которой назначаются изъ числа кандидатовъ, избранныхъ посольскими палатами каждаго намѣстничества, т. е. опредѣленной области), при чемъ государственному сейму предоставлялось нѣкоторое участіе въ законодательной власти государя. На содержаніи этой «грамоты» отразилось вліяніе «Учредительной хартіи», дарованной императоромъ Александромъ I въ 1815 г. Царству Польскому и дѣйствовавшей до 1830 г. (О послѣдней будетъ сказано ниже въ §, посвященномъ мѣстному управленію).

Указанные проекты, за исключеніемъ «Учредительной хартіи», практическаго значенія не имѣли: изъ плана Сперанскаго осуществлена была лишь небольшая часть (преобразованіе Государственнаго Совѣта и министерствъ), не касавшаяся существа верховной власти; въ цѣломъ же своемъ видѣ какъ «Планъ государственнаго образованія», такъ и «Уставная грамота» остались даже неизвѣстными современникамъ, не посвященнымъ въ тайну ихъ составленія.

При императорѣ Николаѣ I Сперанскій былъ призванъ къ работѣ надъ составленіемъ Полнаго Собранія и Свода Законовъ Россійской Имперіи, и этимъ Сводомъ онъ упрочилъ тотъ государственный строй, который своимъ прежнимъ «Планомъ» хотѣлъ существенно измѣнить [1]).

---

[1]) Не получилъ также осуществленія составленный въ концѣ царствованія императора Александра II, въ 1881 г., министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Лорисъ-

Въ составленномъ въ 1832 г. Сводѣ Законовъ Россійской Имперіи, въ т. I, части I, содержащей Основные Государственные законы, въ раздѣлѣ первомъ «о священныхъ правахъ и преимуществахъ Верховной Самодержавной Власти» существо ея опредѣлено такъ: Сводъ законовъ 1832 г.

Ст. 1. Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный.—Повиноваться верховной Его власти не токмо за страхъ, но и за совѣсть, Самъ Богъ повелѣваетъ.

Ст. 2. Та же власть верховная и самодержавная принадлежитъ и Императрицѣ, когда наслѣдство престола, въ порядкѣ, для сего установленномъ, дойдетъ до лица женскаго; но супругъ Ея не почитается Государемъ: онъ пользуется почестями и преимуществами наравнѣ съ супругами Государей, кромѣ титула.

Въ гл. VII этого же раздѣла, «о вѣрѣ», содержатся, между прочимъ, такія статьи:

42. Императоръ, яко Христіанскій Государь, есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры, и блюститель правовѣрія и всякаго въ Церкви святой благочинія. Въ семъ смыслѣ Императоръ, въ актѣ о наслѣдіи Престола 1797 г. апр. 5, именуется Главою Церкви.

Въ гл. VIII того же раздѣла перваго «о законахъ» помѣщены, между другими, слѣдующія статьи:

47. Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ Самодержавной Власти исходящихъ.

51. Никакое мѣсто или правительство въ государствѣ не можетъ само собою установить новаго закона, и никакой законъ не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія Самодержавной Власти.

Въ Высочайше утвержденныхъ 23 апрѣля 1906 г. и дѣйствующихъ *нынѣ* въ Россійской Имперіи Основныхъ Законахъ существо Верховной Самодержавной Власти опредѣляется въ раздѣлѣ первомъ, главѣ первой, въ статьяхъ отъ 4-ой до 24 вкл. Основные законы 1906 г.

Изъ этихъ статей назовемъ слѣдующія:

4. Императору Всероссійскому принадлежитъ Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страхъ, но и за совѣсть, Самъ Богъ повелѣваетъ.

Меликовымъ проектъ о привлеченіи свѣдущихъ лицъ въ подготовительныя и общую комиссіи для обсужденія нѣкоторыхъ законопроектовъ. Впрочемъ, этотъ проектъ не касался существа Верховной власти, такъ какъ общей комиссіи (составъ которой былъ частью выборный, частью назначенный) придавалось лишь совѣщательное значеніе; къ тому же ея образованіе не должно было вести за собою перемѣны того порядка, который былъ установленъ для возбужденія законодательныхъ вопросовъ и окончательнаго ихъ обсужденія.

5. Особа Государя Императора священна и неприкосновенна. (Статья 6-ая соотвѣтствуетъ вышеприведенной 2-ой статьѣ дѣйствовавшихъ прежде Основныхъ Законовъ).

7. Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою.

8. Государю Императору принадлежитъ починъ по всѣмъ предметамъ законодательства. Единственно по Его почину Основные Государственные Законы могутъ подлежать пересмотру въ Государственномъ Совѣтѣ и Государственной Думѣ.

9. Государь Императоръ утверждаетъ законы, и безъ Его утвержденія никакой законъ не можетъ имѣть своего совершенія.

10. Власть управленія во всемъ ея объемѣ принадлежитъ Государю Императору въ предѣлахъ всего Государства Россійскаго. Въ управленіи верховномъ власть Его дѣйствуетъ непосредственно; въ дѣлахъ же управленія подчиненнаго опредѣленная степень власти ввѣряется отъ Него, согласно закону, подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ, дѣйствующимъ Его Именемъ и по Его повелѣніямъ.

11. Государь Императоръ, въ порядкѣ верховнаго управленія, издаетъ, въ соотвѣтствіи съ законами, указы для устройства и приведенія въ дѣйствіе различныхъ частей государственнаго управленія, а равно повелѣнія, необходимыя для исполненія законовъ.

12. Государь Императоръ есть верховный руководитель всѣхъ внѣшнихъ сношеній Россійскаго Государства съ иностранными державами. Имъ же опредѣляется направленіе международной политики Россійскаго Государства.

13. Государь Императоръ объявляетъ войну и заключаетъ миръ, а равно договоры съ иностранными государствами.

14. Государь Императоръ есть Державный Вождь россійской арміи и флота. Ему принадлежитъ верховное начальствованіе надъ всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами Россійскаго Государства.

22. Судебная власть осуществляется отъ имени Государя Императора установленными закономъ судами, рѣшенія коихъ приводятся въ исполненіе именемъ Императорскаго Величества.

Вышеприведенная 42 статья прежде дѣйствовавшихъ Основныхъ Законовъ соотвѣтствуетъ 64 статьѣ нынѣ дѣйствующихъ. (Дѣйствующія нынѣ статьи главы IX «о законахъ» будутъ приведены въ концѣ слѣдующаго параграфа).

§ 87. Высшія государственныя учрежденія въ XVIII вѣкѣ.

Введеніе.

Учрежденія, создававшіяся въ Императорскій періодъ, существенно отличаются отъ московскихъ. Послѣднія, какъ выяснено (стр. 156), учреждались безъ соблюденія строгой системы, иногда прямо для случайныхъ порученій, не имѣли уставовъ, точно выяснявшихъ ихъ вѣдомство, не поддавались отчетливому распредѣленію на центральныя и мѣстныя, на законодательныя, исполнительныя и судебныя, и лишь къ концу Московскаго періода, скорѣе въ силу *историческихъ условій*, чѣмъ *законодательныхъ постановленій*, стали пріобрѣтать болѣе прочную внѣшнюю и внутреннюю организацію. Напротивъ, въ Императорскій періодъ учрежденія создавались, большею частью, по опредѣленному плану и получали точную регламентацію своей дѣятельности въ *законѣ*.

Первый опытъ возведенія стройнаго административнаго зданія относится ко времени Петра Великаго. Въ основу его Преобразователь положилъ слѣдующія начала: 1) разграниченіе управленія центральнаго и областного, 2) распредѣленіе вѣдомствъ по роду дѣлъ, 3) отдѣленіе администраціи отъ суда, 4) коллегіальное начало. Большинство учрежденій и приставленныхъ къ нимъ должностей къ концу царствованія Петра получило особые регламенты и инструкціи, опредѣлившіе точнымъ образомъ характеръ ихъ дѣятельности.

Учрежденіе Сената.

Высшимъ учрежденіемъ при Петрѣ Великомъ былъ Правительствующій Сенатъ. Исторія его возникновенія такова:

Къ началу XVIII в. боярская дума пришла въ полное разстройство 1) изъ-за оскудѣнія стараго родовитаго боярства, 2) изъ-за того, что большинство уцѣлѣвшихъ представителей его пристроено было къ военной службѣ, 3) вслѣдствіе создавшейся необычной для думы обстановки: въ прежнее время она почти всегда дѣйствовала при государѣ, а теперь государь чуть не постоянно отлучался изъ столицы. Разрушавшаяся боярская дума въ первые годы XVIII вѣка превращалась въ тѣсный боярскій или «министерскій» совѣтъ («конзилій»), въ которомъ вершили текущія дѣла ближайшіе сподвижники Петра. Однако этотъ совѣтъ, вслѣдствіе случайности своего состава и несовершенства своей организаціи, не удовлетворялъ царя. Поэтому, отправляясь въ 1711 году въ Прутскій походъ, Петръ создалъ новое учрежденіе—Сенатъ—изъ 9 лицъ (трое изъ нихъ были членами прежней боярской думы, остальные не блистали особенной знатностью и высокимъ положеніемъ).

Сенатъ учреждался, какъ объяснялось въ Высочайшемъ указѣ 1711 г., «для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ *отлучекъ*»; ему обязаны были повиноваться всѣ лица и учрежденія какъ самому царю, вполнѣ безпрекословно.

Такимъ образомъ Сенатъ представлялъ собою, съ одной стороны, по словамъ проф. Владимірскаго-Буданова, «регентство, вполнѣ замѣняющее царя въ его отсутствіе и получавшее широкія полномочія»; съ другой стороны, онъ былъ, по словамъ проф. Ключевскаго, распорядительно-исполнительнымъ учрежденіемъ, обязаннымъ «разработать лаконическій царскій указъ въ понятное и исполнимое распоряженіе и властно присмотрѣть за его исполненіемъ». При самомъ учрежденіи Сената ему было дано множество порученій, списокъ которыхъ постоянно пополнялся. По однимъ дѣламъ Сенатъ только распоряжается, по другимъ обсуждаетъ нужныя мѣры, по третьимъ занимается подготовкой ихъ. Рѣшенія свои онъ отправляетъ на утвержденіе государя, или же, въ случаѣ неотложности вопроса, приводитъ ихъ въ исполненіе, дѣлая затѣмъ соотвѣтствующій докладъ.

Явившись на свѣтъ въ качествѣ *временнаго* учрежденія, Сенатъ становится *постояннымъ*, и постепенно въ теченіе всего царствованія Петра измѣняется и его вѣдомство, и составъ состоящихъ при немъ лицъ, и составъ самихъ сенаторовъ, и находящейся при Сенатѣ канцеляріи. Такъ, кромѣ первоначальныхъ своихъ правительственныхъ и контрольныхъ обязанностей, Сенатъ получаетъ значеніе судебное (по многимъ дѣламъ онъ является высшей инстанціей) и даже законодательное (впрочемъ, послѣдняго значенія онъ лишился въ концѣ царствованія Петра).

Изъ должностныхъ лицъ, состоявшихъ при Сенатѣ, заслуживаютъ упоминанія слѣдующія:

I. Оберъ-фискалъ, избиравшійся Сенатомъ и являвшійся «органомъ активнаго контроля». Надзоръ свой онъ осуществлялъ при помощи подчиненныхъ ему фискаловъ, дѣйствовавшихъ повсемѣстно и приставляемыхъ къ различнымъ частямъ управленія (число фискаловъ достигало нѣсколькихъ сотъ человѣкъ). Съ теченіемъ времени для нѣкоторыхъ спеціальныхъ отраслей учреждены были особыя должностныя лица, именно:

II. Генералъ-рекетмейстеръ, имѣвшій своею задачей искоренять неправду и волокиту въ судахъ.

III. Герольдмейстеръ, вѣдавшій списки дворянъ и обязанный имѣть кандидатовъ на различныя должности.

При помощи указанныхъ лицъ Сенатъ осуществлялъ свои контрольныя обязанности. Однако Петръ считалъ необходимымъ подчинить надзору и дѣятельность самого Сената. Испробовавъ нѣсколько способовъ контроля, царь остановился, наконецъ, на учрежденіи, въ 1722 г., должности генералъ-прокурора.

IV. Генералъ-прокуроръ являлся «окомъ государевымъ и стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ», т. е. (по словамъ проф. Ключевскаго) «представителемъ верховной власти и государства передъ Се-

натомъ». Черезъ него Сенатъ сносился со всѣми подчиненными учрежденіями, отъ него получалъ указанія, имъ пріостанавливались сенатскія рѣшенія, имъ же возбуждались законодательные вопросы; наконецъ, въ зависимость отъ него поставлены были органы тайнаго сенатскаго надзора—фискалы—и явнаго—прокуроры. Съ учрежденіемъ должности генералъ-прокурора (первымъ занималъ ее Ягужинскій) значеніе самаго Сената нѣсколько понизилось; кругъ же дѣлъ, подвѣдомственныхъ ему, сократился вслѣдствіе образованія въ 1719 г. «коллегій», замѣнившихъ собою московскіе приказы.

Коллегіи.

Подобно боярской думѣ, и приказы къ началу XVIII вѣка пришли въ полное разстройство (отчасти вслѣдствіе реформы областного управленія, передавшей, какъ увидимъ, мѣстнымъ учрежденіямъ многія изъ дѣлъ, вѣдавшихся раньше приказами). А между тѣмъ Сенатъ не имѣлъ возможности вершить всѣ правительственныя дѣла и нуждался въ подчиненныхъ органахъ. Послѣ долгаго и тщательнаго обсужденія Петръ I рѣшилъ устроить ихъ по шведскому образцу въ видѣ коллегій, т. е. учрежденій, каждое изъ которыхъ вѣдаетъ *опредѣленный* кругъ дѣлъ во *всемъ* государствѣ и состоитъ изъ нѣсколькихъ лицъ, рѣшающихъ вопросы *по большинству голосовъ*. Кругъ вѣдомства коллегій былъ, по большей части, шире, чѣмъ приказовъ: послѣднихъ было свыше 40, а коллегій 10, именно: 1) Коллегія иностранныхъ дѣлъ, 2) воинская или военная, 3) адмиралтейская, 4) юстицъ-коллегія (вѣдавшая судопроизводство), 5) камеръ-коллегія (вѣдавшая доходы), 6) штатсъ-коллегія (вѣдавшая расходы), 7) коммерцъ-коллегія (вѣдавшая торговыя дѣла), 8) бергъ-коллегія (вѣдавшая горное дѣло), 9) мануфактуръ-коллегія (вѣдавшая промышленность), 10) ревизіонъ-коллегія (вѣдавшая контроль); затѣмъ прибавились вотчинная коллегія и главный магистратъ (см. ниже). Впрочемъ, не всѣ дѣла удалось размѣстить по коллегіямъ: наряду съ ними существовали еще канцеляріи. Коллегія состояла изъ 11 лицъ: президента, вице-президента, 4 совѣтниковъ и 4 ассесоровъ и иностранца (обыкновенно, шведа), на обязанности котораго лежало обучать своихъ сотоварищей чиновничьей работѣ (очень часто и вице-президентъ коллегіи, а также одинъ изъ ея секретарей назначался изъ «капабельныхъ, т. е. способныхъ, субъектовъ» иностраннаго происхожденія).

Такова была система центральныхъ учрежденій, задуманная Петромъ Великимъ. Однако на практикѣ она далеко не оказалась столь стройной, какъ въ теоріи, въ идеѣ: между учрежденіями не установилось желаемой гармоніи, они сталкивались другъ съ другомъ, выходили изъ указанныхъ имъ границъ, вѣдомства ихъ спутывались.

Такъ, напр., за спиною высшаго учрежденія—Правительствующаго Сената—дѣйствовала въ ущербъ его вліянію полуофиціальная «министерская консилія», т. е. собраніе «начальниковъ важнѣйшихъ отраслей упра-

вленія». Коллегіи, представлявшія собою въ идеѣ какъ бы равныя колонны, на которыя опирался Сенатъ, переростали одна другую (понятно, что выше всѣхъ возносились воинская и адмиралтейская), переплетались своими вѣдомствами. Послѣднее можно ярко прослѣдить на судьбѣ камеръ-коллегіи. Въ теоріи она должна была завѣдывать всѣми доходами, на практикѣ же важнѣйшія отрасли ихъ (напр., подушная подать, доходы съ государственныхъ имуществъ) были переданы въ вѣдѣніе другихъ коллегій: воинской, коммерцъ, мануфактуръ и т. д. Если центральныя учрежденія не могли размежеваться другъ съ другомъ, то еще больше несогласій было между центральнымъ управленіемъ и мѣстнымъ; инструкціи не соблюдались по недостатку какъ нравственныхъ, такъ и матеріальныхъ средствъ для исполненія ихъ; и въ административной и въ судебной области процвѣтали злоупотребленія, несмотря на надзоръ прокуроровъ, фискаловъ и чрезвычайныхъ контролеровъ изъ военныхъ чиновъ; чрезвычайныя военныя ревизіи приводили къ тому, что военная власть совершенно подавляла гражданскую.

Измѣненіе административной системы Петра Великаго при его ближайшихъ преемникахъ.

Въ еще большее разстройство пришелъ правительственный механизмъ, созданный Петромъ Великимъ, при его ближайшихъ преемникахъ. Такъ, Сенатъ оказался какъ бы придавленнымъ новыми высшими учрежденіями — Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ при Екатеринѣ I и Петрѣ II и Кабинетомъ министровъ при Аннѣ Іоанновнѣ,— основаніе которыхъ обусловливалось не столько государственными нуждами, сколько притязаніями вліятельныхъ партій и временщиковъ. Верховный Тайный Совѣтъ предназначался «для государственныхъ важныхъ дѣлъ», и долженъ былъ представлять собою какъ бы нераздѣльное цѣлое съ Верховной властью: «никакое важное дѣло не могло быть доложено императрицѣ помимо Верховнаго Тайнаго Совѣта, никакой законъ не могъ быть обнародованъ безъ предварительнаго обсужденія и рѣшенія въ немъ» (Слова проф. Ключевскаго). Учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта проф. Ключевскій считаетъ результатомъ устроенной Толстымъ сдѣлки между Меншиковымъ и знатью, стремившейся оградить себя отъ его произвола, упрочить свое положеніе въ управленіи надежными учрежденіями; въ отказѣ Верховной власти «отъ единоличнаго дѣйствія въ порядкѣ законодательства» названный историкъ видитъ «устраненіе происковъ, подходовъ къ ней тайными путями, временщичества, фаворитизма въ управленіи». По мнѣнію другихъ историковъ, Совѣтъ, напротивъ, долженъ былъ замаскировать произволъ Меншикова, избавить его отъ сенатскаго контроля. Авторъ спеціальнаго изслѣдованія о Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ (кн. Вяземскій), не соглашаясь съ этимъ, старается доказать, что учрежденіе его вызвано было *необходимостью*, а не *личными* счетами, что онъ заполнялъ собою пробѣлъ между Сенатомъ и Верховною властью, а по характеру своему былъ сходенъ съ боярской думой. Въ исторіи Совѣта слѣдуетъ различать два періода: до паденія Меншикова въ немъ преобладали неродовитые выслужившіеся петровскіе дѣльцы (ихъ было пятеро, а старинная знать представлена была однимъ кн. Д. М. Голицынымъ); послѣ же ссылки Меншикова перевѣсъ перешелъ на сторону аристократіи— князей Долгорукихъ и Голицыныхъ.

Какъ бы ни смотрѣть на назначеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта, нельзя все же отрицать, что его учрежденіе внесло значительныя перемѣны въ петровскую административную систему, особенно въ положеніе Сената. Послѣдній лишился своего первенствующаго значенія, утратилъ названіе «Правительствующій» (вмѣсто этого онъ сталъ называться «Высокимъ») и былъ приравненъ къ тремъ важнѣйшимъ Коллегіямъ (Военной, Адмиралтейской и Иностранныхъ Дѣлъ). Кругъ вѣдомства его былъ ограниченъ; нѣкоторыя должности, состоявшія при немъ, исчезли: такъ, должность генералъ-прокурора фактически упразднилась (25 мая 1726 г.), генералъ-рекетмейстера—совмѣщена съ другой; мало-по-малу исчезли фискалы; число самихъ сенаторовъ сократилось. Составъ членовъ Коллегій также уменьшился вдвое; равенство между Коллегіями было окончательно уничтожено; нѣкоторыя изъ нихъ преобразованы.

Первые дни самодержавнаго правленія императрицы Анны Іоанновны, уничтожившей Верховный Совѣтъ, ознаменовались возрожденіемъ «Правительствующаго Сената»; онъ пополненъ былъ выдающимися людьми и раздѣленъ на 5 департаментовъ; возстановлены были нѣкоторыя упраздненныя должности. Но это продолжалось недолго: блестящій составъ сенаторовъ быстро порѣдѣлъ вслѣдствіе опалъ, департаменты и возстановленныя должности просуществовали лишь короткое время, а самъ Сенатъ скоро утратилъ руководящее значеніе, сохранивъ лишь дѣловое, такъ какъ былъ заслоненъ новымъ высшимъ учрежденіемъ — Кабинетомъ Министровъ, появившимся уже осенью 1731 года.

Учрежденный «для лучшаго и порядочнаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ», Кабинетъ постепенно получилъ точно такое же значеніе, какое имѣлъ Верховный Тайный Совѣтъ. Цѣль Кабинета, по смыслу донесенія англійскаго дипломата, заключалась именно въ томъ, чтобы «изъять изъ вѣдѣнія Сената важнѣйшія дѣла».

Спеціальный изслѣдователь Кабинета (Строевъ) дѣлитъ его исторію на два періода: отъ 1731 до 1735 и отъ 1735 до 1740 г. Въ первый періодъ это учрежденіе было очень сходно съ существовавшимъ еще при Петрѣ I Кабинетомъ Его Величества (вѣдавшимъ Высочайшую корреспонденцію) и занималось всевозможными дѣлами, восходившими до Анны Іоанновны, собирало свѣдѣнія о дѣятельности государственныхъ учрежденій, наблюдало за производствомъ слѣдствій, имѣло и спеціальный кругъ дѣлъ, однако дѣйствовало всегда отъ имени императрицы. Но мало-по-малу Кабинетъ изъ посредника между Сенатомъ и государыней превратился въ Совѣтъ при ней и съ лѣта 1735 г. сталъ какъ бы надстройкой надъ Сенатомъ, замѣняя своими резолюціями подпись императрицы; иными словами, указы, подписанные кабинетъ-министрами, получали такую же силу, какъ Высочайшіе. Однако, слѣдя за всѣми колесами государственной машины, Кабинетъ не получилъ вполнѣ опредѣленной компетенціи, и характеръ его дѣятельности во многомъ зависѣлъ отъ его личнаго состава.

Новое возрожденіе Сената относится къ царствованію Елизаветы Петровны. Императрица уничтожила Кабинетъ, вернула Сенату всѣ

прежнія его права и на практикѣ предоставила ему даже гораздо большее значеніе, чѣмъ онъ имѣлъ при Петрѣ. Елизаветинскій Сенатъ до 1756 г. не только не заслонялся какимъ-нибудь чрезвычайнымъ учрежденіемъ, но скорѣе самъ сдѣлался таковымъ, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ все управленіе и присвоивъ себѣ законодательную власть, а также въ значительной мѣрѣ и завѣдываніе арміей (по крайней мѣрѣ, ея хозяйственной частью).

Въ 1756 г. была учреждена Конференція при Высочайшемъ дворѣ. На первыхъ порахъ она не принизила Сената, такъ какъ занималась преимущественно вопросами внѣшней политики, но впослѣдствіи стала вмѣшиваться въ его дѣла [1]).

Преобразованіе Сената при императрицѣ Екатеринѣ II.

Въ началѣ царствованія Екатерины II Сенатъ пытался вернуть себѣ то исключительное значеніе, которымъ онъ пользовался до учрежденія Конференціи при Высочайшемъ дворѣ, но встрѣтилъ отпоръ со стороны императрицы. Чтобы ограничить притязанія Сената и улучшить его дѣлопроизводство, Екатерина II приступила къ постепенной реформѣ его: онъ раздѣленъ былъ на 6 департаментовъ, каждый изъ которыхъ вѣдалъ строго опредѣленный кругъ дѣлъ; за дѣятельностью департаментовъ наблюдали оберъ-прокуроры, за всѣмъ Сенатомъ — генералъ-прокуроръ, вліяніе котораго крайне возросло; законодательнаго и законосовѣщательнаго значенія Сенатъ былъ совершенно лишенъ и получилъ такимъ образомъ характеръ *центральнаго административно-судебнаго учрежденія*, при чемъ судебная его роль, *какъ высшей судебной инстанціи*, была крупнѣе, чѣмъ роль административная. Объясняется это тѣмъ, что со времени областной реформы Екатерины II (см. ниже) важнѣйшія административныя дѣла докладывались императрицѣ непосредственно генералъ-губернаторами, помимо Сената, тѣмъ болѣе, что отношеніе послѣдняго къ мѣстнымъ учрежденіямъ осталось недостаточно выясненнымъ.

Еще сильнѣе отразилась областная реформа на положеніи Коллегій, такъ какъ она децентрализировала управленіе: дѣла, не требовавшія Высочайшаго указа или сенатскаго рѣшенія, перешли въ вѣдѣніе губернаторовъ и новыхъ губернскихъ учрежденій. Вслѣдствіе этого большинство Коллегій было закрыто. Такимъ образомъ областныя преобразованія выдвигали на очередь вопросъ о реформѣ центральнаго управленія. Императрица Екатерина II сознавала необходимость ея и даже составила нѣсколько соотвѣтственныхъ проектовъ, но къ осуществленію ихъ не приступила. Императоръ Павелъ I не пошелъ далѣе возстановленія и частичнаго преобразованія нѣкоторыхъ Коллегій (во главѣ ихъ были поставлены директора съ правами мини-

[1]) Полуофиціальные «совѣты», существовавшіе взамѣнъ Конференціи при Петрѣ III, при Екатеринѣ II (съ 1768 г.) и при Павлѣ I, особаго вліянія на Сенатъ не оказывали.

стровъ) да еще бо́льшаго усиленія власти генералъ-прокурора. *Значитъ, усовершенствованіе центральныхъ учрежденій осталось очередной задачей для XIX в.*

§ 88. Высшія государственныя учрежденія съ начала XIX в. до нашего времени.

За рѣшеніе этой задачи энергично принялся императоръ Александръ I. Уже въ первые недѣли его царствованія учрежденъ (30 марта 1801 г.) «непремѣнный Совѣтъ» (преобразованный затѣмъ въ Государственный), состоявшій изъ назначенныхъ лицъ, «довѣренностью Государя и общею почтенныхъ», и имѣвшій законосовѣщательный характеръ («силу соображенія и разсужденія»; назначеніе его состояло въ томъ, чтобы «постановить силу и блаженство Имперіи на незыблемомъ основаніи закона»).

Опредѣленіе правъ Сената, учрежденіе министерствъ и Комитета министровъ.

Далѣе, 8 сентября 1802 г. послѣдовали Высочайшіе указы объ опредѣленіи правъ Сената и объ учрежденіи Министерствъ [1]). Права Сената опредѣлялись такъ: «Правительствующему Сенату принадлежитъ высшій надзоръ въ порядкѣ управленія и исполненія. Посему онъ, какъ хранитель законовъ, печется о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія; надзираетъ за собираніемъ податей и за расходами штатными; печется о средствахъ къ облегченію народныхъ нуждъ, къ охраненію общаго спокойствія и тишины, и къ прекращенію всякихъ противузаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ».

Ему было дозволено дѣлать государю представленія о такихъ указахъ, которые будутъ неясны или неудобны для проведенія въ жизнь, или несогласны съ прочими узаконеніями. (Впрочемъ, практическаго значенія это право не получило, такъ какъ оно распространялось только на законы прежніе, не касаясь вновь издаваемыхъ или подтверждаемыхъ Верховною властью). Наконецъ, верховному надзору Сената подчинены были министры, обязанные представлять ему ежегодные отчеты о своей дѣятельности, на основаніи которыхъ Сенатъ дѣлалъ свои заключенія и представлялъ ихъ Государю.

Министерствъ учреждено было восемь: военносухопутное, морское, иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ, коммерціи и народнаго просвѣщенія. Между указанными министрами распредѣлены были сохранившіяся коллегіи; когда же выяснилось

---

[1]) Эти указы навѣяны были бесѣдами, происходившими въ Интимномъ или Негласномъ Комитетѣ, т. е. частномъ совѣщаніи государя съ друзьями своей юности—Новосильцовымъ, Кочубеемъ, Строгановымъ и Чарторыйскимъ. Хотя Интимный комитетъ въ теченіе 1801 и 1802 г. собирался довольно регулярно, работалъ по опредѣленной программѣ (нерѣдко, впрочемъ, отвлекаясь отъ нея для обсужденія злободневныхъ вопросовъ) и имѣлъ несомнѣнное вліяніе на политику, тѣмъ не менѣе онъ былъ именно *частнымъ* совѣщаніемъ, а не государственнымъ учрежденіемъ.

неудобство совмѣстнаго существованія министровъ и коллегій, то послѣднія (съ 1803 г.) стали преобразовываться въ департаменты министерствъ и такимъ образомъ окончательно прекратили свое существованіе. Значитъ, въ центральномъ управленіи коллегіальное начало замѣнено было единоличнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы придать извѣстное единство направленію дѣятельности всѣхъ министерствъ, учреждался Комитетъ (т. е. собраніе) министровъ.

Въ основѣ указанныхъ мѣръ лежало стремленіе улучшить дѣлопроизводство, облегчить контроль надъ управленіемъ и усилить отвѣтственность должностныхъ лицъ. Однако эта цѣль не сразу и не вполнѣ была достигнута, такъ какъ 1) кругъ вѣдомства министерствъ, а также ихъ отношеніе другъ къ другу и къ Непремѣнному (Государственному) Совѣту на первыхъ порахъ не были точно опредѣлены, 2) отвѣтственность министровъ передъ Сенатомъ ослаблялась тѣмъ, что по дѣламъ, подлежащимъ, по ихъ мнѣнію, «особливой тайнѣ», они могли уклоняться отъ его контроля, 3) рѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ — административныхъ, законодательныхъ, судебныхъ, внѣшней политики и даже духовныхъ — сосредоточивалось въ Комитетѣ министровъ, такъ какъ въ его засѣданіяхъ часто присутствовалъ самъ Императоръ, а во время отъѣзда Государя изъ столицы Комитетъ надѣлялся чрезвычайными полномочіями; вслѣдствіе этого онъ чрезмѣрно усилился, тогда какъ Непремѣнный Совѣтъ приходилъ въ упадокъ, а Сенатъ, которому по закону подчинены были министры, на самомъ дѣлѣ оказывался въ подчиненіи у нихъ.

Преобразованіе Государственнаго Совѣта и министерствъ.

Исправленіе обнаружившихся недостатковъ правительственнаго механизма поручено было Сперанскому. Послѣдній, какъ упомянуто (стр. 287), составилъ планъ общаго и коренного государственнаго преобразованія, но смогъ осуществить лишь нѣкоторыя части его.

Именно, 1 января 1810 г. открытъ былъ преобразованный Государственный Совѣтъ, «состоявшій изъ особъ, Высочайшимъ довѣріемъ въ сіе сословіе (т. е. учрежденіе) призываемыхъ». «Въ порядкѣ государственныхъ установленій, писалъ Сперанскій, Совѣтъ представляетъ сословіе, въ коемъ всѣ дѣйствія частей законодательной, судебной и исполнительной въ главныхъ ихъ отношеніяхъ соединяются и черезъ него восходятъ къ державной власти и отъ нея изливаются. Посему всѣ законы, уставы и учрежденія, въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ, предлагаются и разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ и потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію». Сперанскій полагалъ, что на Высочайшее утвержденіе будетъ представляться лишь мнѣніе большинства членовъ Совѣта, и только такое Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта онъ подводилъ подъ понятіе закона, строго отличая его отъ указа. Однако уже очень скоро (съ 1816 г.)

въ журналъ Государственнаго Совѣта стало вноситься также мнѣніе меньшинства, а затѣмъ и особыя мнѣнія (т. е. мнѣнія отдѣльныхъ членовъ), при чемъ Государь могъ утвердить любое изъ нихъ, или постановить собственную резолюцію. Такимъ образомъ каждое утвержденное государемъ заключеніе получало силу закона—или въ формѣ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта (если утверждалось мнѣніе большинства) или въ формѣ Именного указа (если утверждались другія—или постановлялась собственная резолюція). Кромѣ разсмотрѣнія законопроектовъ, Совѣту предоставлялось обсужденіе общихъ внутреннихъ мѣръ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыхъ, важныхъ внѣшнихъ мѣръ, разсмотрѣніе ежегодной смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ, а также чрезвычайныхъ финансовыхъ мѣръ и т. д. Государственный Совѣтъ раздѣлялся на четыре департамента; дѣла, разсмотрѣнныя въ нихъ, обыкновенно поступали на окончательное сужденіе въ общее собраніе. При Совѣтѣ состоитъ Государственная Канцелярія, подвѣдомственная Государственному Секретарю.

Въ 1810—1811 гг., также по плану Сперанскаго, состоялось преобразованіе министерствъ: число ихъ было доведено до 11, именно, вновь учреждены министерство полиціи и 3 главныхъ управленія съ значеніемъ министерствъ: — путей сообщенія (получившее въ 1865 г. названіе министерства), духовныхъ дѣлъ иностранныхъ вѣроисповѣданій и ревизіи государственныхъ счетовъ или Государственный контроль; изъ прежнихъ—уничтожено министерство Коммерціи; вѣдомства всѣхъ министерствъ и ихъ внѣшняя организація строго опредѣлялись «Общимъ учрежденіемъ». Но Сперанскому не удалось упразднить Комитета министровъ и сдѣлать средоточіемъ управленія Правительствующій Сенатъ (стр. 288). Напротивъ, Комитетъ, послѣ отставки Сперанскаго, занялъ несомнѣнно первенствующее мѣсто среди учрежденій. Этому способствовали частые отъѣзды государя, на время которыхъ Комитетъ по прежнему облекался чрезвычайными полномочіями, а также возвышеніе Аракчеева, руководившаго его дѣлами. Понятно поэтому, что въ концѣ царствованія императора Александра I и старое учрежденіе—Сенатъ—и новое—Государственный Совѣтъ—одинаково утратили свое значеніе по сравненію съ Комитетомъ, въ которомъ опять стали сосредоточиваться подвѣдомственныя имъ дѣла судебнаго и законодательнаго характера, и въ которой, кромѣ министровъ, стали приглашаться предсѣдатели департаментовъ Государственнаго Совѣта и нѣкоторыя другія лица.

Точное опредѣленіе состава, внутренняго устройства и предметовъ вѣдомства Комитета министровъ выработано было въ послѣдующія царствованія, когда ему поручались, по преимуществу, «дѣла, по коимъ нужно общее соображеніе, или содѣйствіе разныхъ Ми-

нистерствъ», и дѣла, разрѣшеніе коихъ превышаетъ предѣлы власти министра. «Никакое заключеніе Комитета не приводится въ исполненіе до тѣхъ поръ, пока оно не разсмотрѣно Государемъ Императоромъ и не удостоено Высочайшаго утвержденія» (исключенія изъ этого правила ясно указаны въ законѣ). Съ 1861 г., наряду съ Комитетомъ, существовалъ и Совѣтъ министровъ, учрежденный для разсмотрѣнія «подъ личнымъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества» дѣлъ, поступающихъ изъ Министерствъ и Главныхъ Управленій (о преобразованіи Совѣта и упраздненіи Комитета см. ниже) [1]).

Что касается министерствъ и подобныхъ имъ учрежденій, то важнѣйшія измѣненія, происшедшія въ ихъ судьбѣ послѣ 1811 г., сводятся къ слѣдующему. Съ 1817 г. до 1824 г. министерство народнаго просвѣщенія и вѣдомство Св. Синода (о Синодѣ см. ниже) были объединены, образуя Министерство Духовныхъ дѣлъ и Народнаго просвѣщенія. [Въ 1819 г. министерство полиціи соединилось съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Съ послѣднимъ слилось и существовавшее одно время (1865—1868 г.) самостоятельно министерство почтъ и телеграфовъ]. Въ 1826 г. учреждено было министерство Императорскаго Двора. Тогда же была точно организована, а затѣмъ и расширена образованная еще въ XVIII в. Собственная Его Императорскаго Величества Канцелярія [2]).

---

[1]) Кромѣ Комитета и Совѣта министровъ въ XIX в. учреждались также другіе центральные Совѣты и Комитеты, имѣвшіе или постоянный или временный характеръ. Къ числу постоянныхъ относятся: Военный Совѣтъ, Адмиралтействъ-Совѣтъ, Опекунскій Совѣтъ (начало которому положено было императрицей Екатериной II), Комитетъ Финансовъ, Комитетъ о раненыхъ и проч. Изъ временныхъ—слѣдуетъ упомянуть многочисленные «секретные комитеты», созывавшіеся въ царствованіе императора Николая I для предварительнаго обсужденія важнѣйшихъ задуманныхъ имъ преобразованій (напр., комитетъ 6 декабря 1826 г., которому поручено было «обозрѣть всѣ части управленія и намѣтить правила къ лучшему ихъ устройству»), а также Негласный (переименованный затѣмъ въ Главный) Комитетъ, образованный въ 1857 г. и выработавшій основанія великой реформы 1861 г.

[2]) Она состояла изъ нѣсколькихъ отдѣленій, каждое изъ которыхъ вѣдало опредѣленный кругъ дѣлъ. Именно: I Отдѣленіе—дѣла, подлежащія личному разсмотрѣнію государя, наблюденіе за исполненіемъ Высочайшихъ повелѣній и дѣла государственной службы гражданскаго вѣдомства, II—кодификацію и вопросы, связанные съ дополненіемъ и отмѣной законовъ, III—высшую полицію по политическимъ дѣламъ, IV—благотворительныя и учебныя заведенія, находившіяся подъ покровительствомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, V—(временное съ 1836—1856 г.)—управленіе казенными крестьянами Пбг. губерніи, VI (временное 1842—45 г.)—устройство Закавказскаго края. При императорѣ Николаѣ I Канцелярія имѣла огромное значеніе, являясь средоточіемъ важнѣйшихъ дѣлъ. Впослѣдствіи ея отдѣленія обособились или закрылись, передавъ свои дѣла другимъ вѣдомствамъ. Такъ, IV Отдѣленіе въ 1854 г. образовало Собственную Его Императорскаго Величества Канцелярію по учрежденіямъ Императрицы Маріи или Вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи, II Отдѣленіе—Кодификаціонный отдѣлъ при Государственномъ Совѣтѣ; III Отдѣленіе въ 1880 г. было упразднено съ передачей его дѣлъ департаменту полиціи. Такимъ образомъ съ 1882 г. стало дѣйствовать только I отдѣленіе, которое и именуется Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей.

Въ 1837 г. возникло министерство государственныхъ имуществъ, преобразованное въ 1905 г. въ Главное управленіе землеустройства и земледѣлія, въ 1895 г. учреждена была Собственная Его Императорскаго Величества Канцелярія по принятію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, въ 1905 г.—министерство торговли и промышленности.

Въ настоящее время насчитывается 12 министерствъ: 1) Императорскаго Двора, 2) иностранныхъ дѣлъ, 3) военное, 4) морское, 5) внутреннихъ дѣлъ, 6) народнаго просвѣщенія, 7) финансовъ 8) юстиціи, 9) торговли и промышленности, 10) путей сообщенія, 11) главное управленіе земледѣлія и землеустройства, 12) государственный контроль. [Сверхъ того, существуютъ канцеляріи (какъ то: Собственная Его Императорскаго Величества Канцелярія по учрежденіямъ Императрицы Маріи), вѣдомства и главныя управленія (какъ то: Главное Управленіе Государств. Коннозаводства), начальники которыхъ облечены правами и властью министровъ].

Большинство министровъ и главноуправляющихъ подчинены по закону Сенату.

Сенатъ, права котораго, какъ сказано (стр. 297), опредѣлены были въ 1802 г., сохранялъ въ теченіе всего послѣдующаго времени нѣкоторыя обязанности исполнительнаго характера (напр., обнародованіе законовъ), главнымъ же образомъ, являлся *органомъ надзора за законностью управленія и высшей судебной инстанціей*. Число департаментовъ его мѣнялось; въ настоящее время ихъ 6. Для рѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ созываются общія собранія и соединенныя присутствія нѣсколькихъ (2 или 3) департаментовъ, общія же собранія *всего* Сената допускаются лишь въ особо-торжественныхъ случаяхъ. Должность генералъ-прокурора, со времени учрежденія министерствъ, соединена съ званіемъ министра юстиціи.

Всѣ разсмотрѣнныя центральныя учрежденія были *бюрократическими* по своему составу, т. е. состояли изъ *назначенныхъ* должностныхъ лицъ—чиновниковъ. Однако, при проведеніи крупнѣйшихъ реформъ 60-хъ г.г., правительство обращалось въ той или иной мѣрѣ къ содѣйствію общественныхъ силъ (напр., составленіе проектовъ освобожденія крестьянъ въ губернскихъ дворянскихъ комитетахъ, широкое обсужденіе въ литературѣ новыхъ судебныхъ уставовъ и другихъ преобразованій), а въ концѣ царствованія императора Александра II составленъ былъ даже проектъ (стр. 289 прим.) о привлеченіи свѣдущихъ *выборныхъ* лицъ къ участію въ изготовленіи центральными учрежденіями нѣкоторыхъ законодательныхъ предположеній. Этотъ проектъ являлся какъ бы отвѣтомъ на пожеланія значительной части русскаго общества, въ которомъ еще съ начала XIX в. стало проявляться стремленіе къ участію народныхъ представителей въ законодательствѣ и критическое отношеніе къ

недостаткамъ бюрократическаго строя. Конечно, степень и характеръ этого участія представлялись неодинаково людямъ разныхъ направленій: одни мечтали объ учрежденіи въ Россіи законодательныхъ палатъ и политическихъ формъ по западно-европейскому образцу, другіе—о возстановленіи совѣщательныхъ земскихъ соборовъ (согласно формулѣ славянофиловъ: «правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія»); въ царствованіе императора Александра II нѣкоторыя дворянскія собранія уже открыто высказались въ пользу народнаго представительства; такъ, напр., тверское дворянство усматривало въ «собраніи выборныхъ отъ всей земли Русской единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ Положеніемъ 19 февраля». Стремленіе широкихъ слоевъ общества къ кореннымъ реформамъ особенно замѣтно проявилось въ началѣ XX в.

Усовершенствованіе государственнаго порядка.

Усовершенствованіе государственнаго порядка осуществлено было въ 1905 и 1906 г.г. нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ II. Сущность этого усовершенствованія, возвѣщеннаго Высочайшими манифестами отъ 6 августа и отъ 17 октября 1905 г. и отъ 20 февраля 1906 г., поскольку оно касается высшихъ учрежденій, сводится къ образованію Государственной Думы и къ переустройству Государственнаго Совѣта, въ единеніи съ которыми Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть (стр. 290), а также къ преобразованію Совѣта министровъ.

Права, составъ и характеръ дѣятельности Государственнаго Совѣта и Государственной Думы опредѣлены ихъ «учрежденіями», Высочайше утвержденными 20 февраля 1906 г., а равнымъ образомъ Основными Законами, Высочайше утвержденными 23 апрѣля 1906 г.

Изъ статей Основныхъ Законовъ, касающихся Совѣта и Думы, отмѣтимъ слѣдующія:

Ст. 86. Никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора.

87. Во время прекращенія занятій Государственной Думы, если чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ такой мѣрѣ, которая требуетъ обсужденія въ порядкѣ законодательномъ, Совѣтъ Министровъ представляетъ о ней Государю Императору непосредственно. Мѣра эта не можетъ, однако, вносить измѣненій ни въ Основные Государственные Законы, ни въ учрежденія Государственнаго Совѣта или Государственной Думы, ни въ постановленія о выборахъ въ Совѣтъ или въ Думу. Дѣйствіе такой мѣры прекращается, если подлежащимъ Министромъ или Главноуправляющимъ отдѣльною частью не будетъ внесенъ въ Государственную Думу въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія занятій Думы соотвѣтствующій принятой мѣрѣ законопроектъ, или его не примутъ Государственная Дума или Государственный Совѣтъ.

98. Государственный Совѣтъ и Государственная Дума ежегодно созываются указами Государя Императора.

99. Продолжительность ежегодныхъ занятій Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и сроки перерыва ихъ занятій въ теченіе года опредѣляются указами Государя Императора.

100. Государственный Совѣтъ образуется изъ Членовъ по Высочайшему назначенію и Членовъ по выборамъ. Общее число Членовъ Совѣта, призываемыхъ Высочайшею Властью къ присутствованію въ Совѣтѣ изъ среды его Членовъ по Высочайшему назначенію, не должно превышать общаго числа Членовъ Совѣта по выборамъ.

101. Государственная Дума образуется изъ Членовъ, избираемыхъ населеніемъ Россійской Имперіи на пять лѣтъ на основаніяхъ, указанныхъ въ законоположеніяхъ о выборахъ въ Думу.

104. Составъ Членовъ Государственнаго Совѣта по выборамъ можетъ быть замѣненъ новымъ составомъ до истеченія срока полномочій сихъ Членовъ по указу Государя Императора, коимъ назначаются и новые выборы Членовъ Совѣта.

105. Государственная Дума можетъ быть до истеченія пятилѣтняго срока полномочій ея Членовъ распущена указомъ Государя Императора. Тѣмъ же указомъ назначаются новые выборы въ Думу и время ея созыва.

106. Государственный Совѣтъ и Государственная Дума пользуются равными въ дѣлахъ законодательства правами.

107. Государственному Совѣту и Государственной Думѣ въ порядкѣ, ихъ учрежденіями опредѣленномъ, предоставляется возбуждать предположеніе объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ, за исключеніемъ Основныхъ Государственныхъ Законовъ, починъ пересмотра которыхъ принадлежитъ единственно Государю Императору.

108. Государственному Совѣту и Государственной Думѣ въ порядкѣ, ихъ учрежденіями опредѣленномъ, предоставляется обращаться къ Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями, подчиненнымъ по закону Правительствующему Сенату, съ запросами по поводу такихъ, послѣдовавшихъ съ ихъ стороны или подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, кои представляются незакономѣрными.

110. Законодательныя предположенія разсматриваются въ Государственной Думѣ и, по одобреніи ею, поступаютъ въ Государственный Совѣтъ. Законодательныя предположенія, предначертанныя по почину Государственнаго Совѣта, разсматриваются въ Совѣтѣ и, по одобреніи имъ, поступаютъ въ Думу.

111. Законопроекты, не принятые Государственнымъ Совѣтомъ или Государственною Думою, признаются отклоненными.

Изъ приведенныхъ статей видно, что Государственному Совѣту (наполовину назначенному, наполовину выборному) и Государственной Думѣ (цѣликомъ выборной) предоставляется *обсуждать* и *одобрять или отклонять* большинствомъ голосовъ законопроекты и ежегодную государственную роспись доходовъ и расходовъ, а также *возбуждать предположенія* объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ, за исключеніемъ Основныхъ; «соотвѣтствующій этимъ предположеніямъ законопроектъ» вырабатывается и вносится въ Совѣтъ или Думу Министромъ или Главноуправляющимъ, «къ предметамъ вѣдомства котораго онъ относится»; въ случаѣ же отказа Министра или Главноуправляющаго отъ составленія такого законопроекта, Государственнымъ Совѣтомъ или Государственною Думою можетъ быть образована для его выработки Комиссія изъ своей среды, которая и вноситъ затѣмъ его. Въ Государственную Думу, помимо законопроектовъ, выработанныхъ по ея *почину* или принятыхъ ранѣе Совѣтомъ, вносятся Министрами либо Главноуправляющими также законопроекты, составленные по почину правительства.

«Направленіе и объединеніе дѣйствій Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями по предметамъ какъ законодательства, такъ и высшаго государственнаго управленія, возлагается на Совѣтъ министровъ на основаніяхъ, въ законѣ опредѣленныхъ».

Совѣтъ министровъ былъ преобразованъ въ 1905 г. и получилъ въ высшей степени важное значеніе. Такъ, въ немъ предварительно разсматриваются всѣ законопроекты и вообще предположенія, подлежащія внесенію въ Г. Думу, а также мѣры каждаго министерства, имѣющія общее значеніе. Совѣтъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ назначаемаго Высочайшей властью Предсѣдателя Совѣта министровъ, который руководитъ общей политикой министерствъ. Если же въ Совѣтѣ предсѣдательствуетъ Государь Императоръ, то Предсѣдатель Совѣта участвуетъ въ послѣднемъ на правахъ члена.

Что касается Комитета Министровъ, то онъ въ 1906 г. былъ упраздненъ, а дѣла его были распредѣлены между Совѣтомъ министровъ и двумя департаментами Госуд. Совѣта.

Таково развитіе высшихъ учрежденій отъ Петра Великаго до нашего времени. Обратимся къ исторіи мѣстнаго управленія.

§ 89. Мѣстныя учрежденія, правительственныя и общественныя до реформъ императора Александра II.

Областныя преобразованія Петра Великаго.

Мѣстное управленіе, характеризовавшееся въ концѣ Московскаго періода усиленіемъ воеводской власти (стр. 172), подверглось при Петрѣ Великомъ крупнымъ преобразованіямъ, въ основѣ которыхъ лежали преимущественно финансовыя и военныя соображенія. Эти преобра-

зованія начались въ 1699 г., когда царь, чтобы прекратить злоупотребленія воеводъ и получать больше доходовъ съ городского класса, предоставилъ послѣднему самоуправленіе.

Именно, рѣшено было сосредоточить всѣ дѣла горожанъ (судъ и расправу надъ ними, взиманіе денежныхъ сборовъ и т. д.) въ рукахъ земскихъ избъ, состоявшихъ изъ избираемыхъ на годичный срокъ бурмистровъ. Онѣ отдавались въ вѣдѣніе Московской Бурмистрской Палаты или Ратуши, при чемъ въ нее, какъ въ *главное казначейство, стекались изо всѣхъ городовъ доходы*, которые расходовались затѣмъ на содержаніе войска; недоимки взыскивались съ бурмистровъ, а при полной несостоятельности послѣднихъ—съ ихъ избирателей. Городское населеніе очень мало выиграло отъ реформы 1699 г., да и правительство скоро разочаровалось въ ней и стало ее ограничивать: сперва появляется при Ратушѣ и земскихъ избахъ наблюдатель-инспекторъ, смѣло изобличающій множество злоупотребленій, затѣмъ сокращаются обязанности бурмистровъ, далѣе изъ вѣдѣнія Ратуши изъемлется рядъ городовъ и посадовъ и, наконецъ, правительство лишаетъ ее всякаго объединяющаго значенія губернской реформой 1708 г.

Вызванная также военно-финансовыми нуждами, эта реформа основывалась на началахъ, противоположныхъ тѣмъ, на которыхъ зиждилось городское самоуправленіе. Послѣднее, какъ видно, имѣло цѣлью *централизацію* финансовъ, т. е. сосредоточеніе всѣхъ денежныхъ поступленій съ городовъ въ Московской Ратушѣ. Губернская реформа, напротивъ, децентрализовала ихъ, т. е. вмѣняла въ обязанность каждому губернатору сбирать доходы съ населенія своей губерніи и тутъ же расходовать ихъ на расквартированное въ ней войско. Губерніи въ первоначальномъ своемъ видѣ (сперва ихъ было 8: Московская, Ингерманландская, названная впослѣдствіи С.-Петербургской, Кіевская, Смоленская, Архангелогородская, Казанская, Азовская, Сибирская; затѣмъ прибавилась Воронежская) были какъ бы «военными округами», а ихъ начальники—«генералъ-губернаторами», командующими войсками даннаго округа. Но, кромѣ того, губернаторы должны были «о денежныхъ сборахъ и о всякихъ дѣлахъ присматриваться». Очевидно, обладая столь всеобъемлющей властью, они вполнѣ подчинили себѣ городское самоуправленіе.

При губернаторѣ состояло нѣсколько должностныхъ лицъ (вице-губернаторъ, ландрихтеръ и оберъ-провіантмейстеръ). Царь хотѣлъ приставить къ нимъ и выборныхъ отъ мѣстнаго дворянства—«ландратовъ», чтобы и въ управленіе губерніями ввести коллегіальное начало. Однако этотъ планъ не осуществился: ландраты сдѣлались назначаемыми, а не избираемыми должностными лицами, управлявшими сельскимъ населеніемъ «долей» (мелкихъ частей губерніи). Спѣшно проведенная въ разгаръ войны, губернская реформа и раз-

строенная ею городская реформа подверглись пересмотру, когда Великая Сѣверная война подходила къ концу, и царь обратился къ «гражданству», т. е. къ внутренней политикѣ, принявъ за образецъ для административныхъ преобразованій шведское устройство.

При этомъ пересмотрѣ, произведенномъ въ 1718 и 1719 г.г., за территоріальную единицу признавалась провинція, во главѣ которой ставился воевода, и которая дѣлилась на дистрикты, управляемые земскими комиссарами. Нѣсколько провинцій входило въ составъ губерніи, сохранившей характеръ военнаго округа: губернаторъ былъ начальникомъ воеводы лишь по военнымъ дѣламъ. Число губерній доведено было до 11.

Дѣятельность воеводы опредѣлялась пространной инструкціей; ему вмѣнялось въ обязанность быть и представителемъ государственной власти («во всемъ царскаго величества интересъ и государственную пользу тщательно оберегать»), и военнымъ стражемъ провинціи, и охранителемъ внутренней безопасности («чтобы никому насилія и грабежа чинено не было, а воровство бы и всякіе разбои и преступленія весьма были прекращены и по достоинству наказаны»), и заступникомъ крѣпостныхъ отъ «непотребныхъ и безпутныхъ разорителей», и опытнымъ руководителемъ экономической жизни провинціи («всякіе заводы, какіе гдѣ есть, въ добромъ состояніи содержать», представлять записки объ улучшеніи торговли и промышленности), и защитникомъ православія («чтобы прямая каѳолическая вѣра твердо была содержана»), и завѣдующимъ благотворительной частью («имѣть попеченіе о госпиталяхъ, сиротскихъ домахъ, народномъ здравіи и т. д.), и насадителемъ просвѣщенія и культурности (устраивать академіи, школы, театры), и ученымъ архиваріусомъ (разыскивать «куріозныя историческія письма» и древнія грамоты) и, наконецъ, чиновникомъ особыхъ порученій, исполняющимъ всѣ предписанія правительства.

Очень сложныя обязанности возлагались и на второе послѣ воеводы должностное лицо въ провинціи — камерира, главнымъ дѣломъ котораго было завѣдываніе финансовою частью.

Надѣляя многосложными инструкціями представителей администраціи, царь не оставилъ безъ наставленій и судебныя учрежденія, общій характеръ которыхъ былъ заимствованъ тоже изъ Швеціи. Судебныхъ инстанцій установлено было первоначально четыре въ такой постепенности: 1) провинціальный или городовой судъ (существовавшій очень недолго), 2) надворный судъ (надворныхъ судовъ учреждено было во всей Россіи 11), 3) юстицъ-коллегія, 4) Сенатъ. Учрежденіемъ особыхъ судовъ Петръ какъ бы проводилъ принципъ *раздѣленія властей*. Однако этотъ принципъ далеко не всегда осуществлялся, такъ какъ предсѣдателями судовъ были обыкновенно представители мѣстной администраціи.

Торгово-промышленное городское населеніе не было подсудно общимъ судамъ и вѣдалось выборными учрежденіями—магистратами[1]) (замѣнявшими для него надворные суды) и Главнымъ Маги-

[1]) Магистраты существовали только въ многолюдныхъ городахъ; въ небольшихъ—вмѣсто полнаго присутствія магистрата выбиралось лишь нѣсколько бурмистровъ. Въ городскихъ выборахъ участвовали одни «регулярные» граждане, дѣлив-

стратомъ (соотвѣтствовавшимъ, какъ судебное учрежденіе, юстицъ-коллегіи и основаннымъ въ 1721 г.).

Но роль магистратовъ далеко не ограничивалась судомъ. Магистратъ, по словамъ С. Князькова, «обнималъ въ свое вѣдѣніе и полицію, благоустройство и благотворительность, заботы о народномъ здравіи и просвѣщеніи, о благочестіи, добропорядочномъ поведеніи гражданъ и т. д.». Главная же цѣль городского самоуправленія заключалась въ томъ, чтобы «купечество и мануфактуры размножать», завести торговыя дѣла «по примѣру иностранныхъ купеческихъ городовъ», однимъ словомъ, создать въ Россіи богатую буржуазію. Указанныя преобразованія, законченныя къ 1721 г., не оправдали ожиданій царя и не прекратили рѣзкихъ столкновеній между административной и судебной властью, а также между воеводами и городскимъ самоуправленіемъ.

При ближайшихъ преемникахъ Петра созданное имъ мѣстное управленіе, подобно центральному, пришло въ разстройство. При императрицѣ Екатеринѣ I надворные суды были упразднены съ передачей судопроизводства воеводамъ; имъ же подчинены были и магистраты, а Главный Магистратъ (при Петрѣ II) былъ вовсе уничтоженъ.

Областная реформа императрицы Екатерины II.

Упорядоченіе мѣстнаго управленія составляетъ заслугу императрицы Екатерины II. Основанія ея областной реформы были изложены въ «Учрежденіяхъ для управленія губерній», изданныхъ въ 1775 году. Реформа эта заключалась въ раздѣленіи Россіи на губерніи и уѣзды, въ зависимости отъ количества населенія, въ устройствѣ цѣлой сѣти административныхъ, судебныхъ и финансовыхъ учрежденій и въ привлеченіи къ службѣ въ нихъ выборныхъ отъ сословій, которые должны были дѣйствовать подъ контролемъ назначенныхъ правительствомъ лицъ. Въ каждой губерніи полагалось отъ 300 до 400 тысячъ жителей (къ концу царствованія Екатерины II число губерній достигло 51), въ каждомъ уѣздѣ—отъ 20 до 30 тысячъ.

Начальникомъ губерніи являлся назначенный правительствомъ губернаторъ[1]); онъ предсѣдательствовалъ въ высшемъ *административномъ* учрежденіи губерніи—*губернскомъ правленіи*, состоявшемъ изъ назначенныхъ чиновниковъ. Во главѣ уѣзда стоялъ *нижній зем-*

шіеся на двѣ гильдіи (къ 1-й принадлежали банкиры, богатые купцы и мастера, ко 2-ой—мелкіе торговцы и ремесленники, распредѣлявшіеся по цехамъ); рабочіе отнесены были къ нерегулярнымъ гражданамъ. (Къ послѣднимъ причислялись также проживавшіе въ городахъ дворяне и духовныя лица).

[1]) На губернатора возлагались приблизительно тѣ же обязанности, что и на воеводу Петровскаго времени: онъ былъ не только представителемъ центральной власти, но долженъ былъ заботиться также объ экономическомъ благосостояніи и культурномъ развитіи своей губерніи.

скій судъ, предсѣдателемъ котораго былъ капитанъ-исправникъ, вѣдавшій уѣздную администрацію и полицію и исполнявшій распоряженія губернскаго правленія. И капитанъ-исправникъ и засѣдатели нижняго земскаго суда избирались мѣстнымъ дворянствомъ. Полицейская власть въ предѣлахъ города принадлежала назначенному городничему. Таковы органы административной власти.

Для *суда* установлены были три инстанціи: двѣ низшія были *односословными* по кругу дѣлъ и составу, высшая — *всесословною по вѣдомству* и *бюрократическою* по составу. Именно, въ первой инстанціи дворянъ судилъ *уѣздный судъ*, лицъ городского сословія — *городской магистратъ*, государственныхъ крестьянъ — *нижняя расправа*. Эти присутствія, члены и предсѣдатели которыхъ (за исключеніемъ назначеннаго предсѣдателя нижней расправы) избирались соотвѣтствующими сословіями, были подчинены вторымъ также односословнымъ инстанціямъ, находившимся въ губернскомъ городѣ: именно, *верхнему земскому суду* — для дворянъ, *губернскому магистрату* — для горожанъ и *верхней расправѣ* — для государственныхъ крестьянъ. Члены этихъ вторыхъ инстанцій были выборными, но предсѣдатели назначенными. Третьей высшею губернской инстанціею, которой подсудны были лица всѣхъ сословій, являлась *палата уголовная и гражданская*, состоявшая только изъ назначенныхъ судей. Постановленіе палаты можно было обжаловать въ Сенатъ. Особое положеніе въ губернскомъ городѣ занималъ *совѣстный судъ* — «для полюбовнаго рѣшенія тяжбъ и для суда надъ невмѣняемыми преступниками и непреднамѣренными преступленіями»,—состоявшій изъ представителей мѣстнаго общества безъ различія сословій[1]). Такой же всесословный характеръ имѣлъ *приказъ общественнаго призрѣнія*, завѣдывавшій благотворительными и просвѣтительными дѣлами. Для попеченія о вдовахъ и сиротахъ учреждены были: *дворянская опека* (при верхнемъ земскомъ судѣ) и *сиротскій судъ* (при городскомъ магистратѣ), имѣвшіе односословный составъ и кругъ дѣлъ. Наконецъ, финансовыми дѣлами губерніи завѣдывала *казенная палата* (подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора) изъ назначенныхъ должностныхъ лицъ, а для сбора и храненія казенныхъ доходовъ учреждены были *казначейства:* губернское и уѣздное.

Нѣсколько смежныхъ губерній соединялось въ намѣстничества. Намѣстникъ или генералъ-губернаторъ ставился, такимъ образомъ, во главѣ большого административнаго округа и пользовался огромною властью.

Областная реформа 1775 г. дополнена была затѣмъ Городовымъ Положеніемъ 1785 г. (главнымъ источникомъ котораго послужили

---

[1]) Кромѣ того, въ столицахъ были возстановлены надворные суды съ особымъ вѣдомствомъ.

выдержки изъ законовъ лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ, шведскаго цехового устава, прусскаго цехового регламента и магдебургскаго права). Это Положеніе расширило и усовершенствовало городское управленіе, введенное Петромъ Великимъ.

При Петрѣ I въ немъ участвовали только «регулярные граждане», иными словами, торгово-промышленное сословіе. Екатерина II, сохранивъ нѣкоторыя односословныя учрежденія, именно: 1) «собраніе градского общества» (состоявшее изъ купцовъ первыхъ двухъ гильдій и избиравшее засѣдателей совѣстнаго суда и магистратовъ), и 2) магистратъ, сдѣлала попытку организовать также всесословное самоуправленіе, т. е. привлечь къ нему всѣхъ городскихъ обывателей. Послѣдніе раздѣлены были на 6 разрядовъ: 1) настоящіе обыватели (владѣльцы недвижимой собственности въ городѣ, безъ различія сословнаго происхожденія), 2) гильдіи, т. е. записанные въ нихъ купцы, 3) цехи, т. е. распредѣленные по нимъ ремесленники (устройство класса ремесленниковъ и ихъ собственное самоуправленіе опредѣлялось Ремесленнымъ Положеніемъ), 4) иногородніе и иностранные гости, 5) именитые граждане (ученые, художники, банкиры, лица, торгующія оптомъ внутри и внѣ имперіи, имѣющія фабрики, дважды исполнявшія городскія должности по выборамъ, капиталисты, объявившіе за собою капиталъ не менѣе 50 тыс. руб.), 6) посадскіе (люди, которые кормятся промысломъ или работой и не могутъ быть внесены ни въ одинъ изъ прочихъ отдѣловъ городовой обывательской книги). Каждый разрядъ выбиралъ отдѣльно и не въ одинаковомъ числѣ своихъ представителей—«гласныхъ»—въ общую думу, а послѣдняя изъ своей среды выдѣляла «шестигласную» (т. е. состоявшую изъ 6 гласныхъ) думу, которая являлась исполнительнымъ органомъ общей, и, направляемая ею, завѣдывала текущими городскими дѣлами. Предсѣдательствовалъ въ думахъ городской голова; общая—собиралась по мѣрѣ надобности, шестигласная — дѣйствовала постоянно. Онѣ вели городское хозяйство и должны были способствовать развитію матеріальнаго, а также культурнаго благосостоянія города. Однако важными полномочіями въ области городского хозяйства надѣлена была также «Управа благочинія», состоявшая изъ назначенныхъ лицъ.

Областная реформа Екатерины II не только упорядочила мѣстное управленіе, но имѣла также важное общее значеніе: I. Дѣленіе губерній на нѣсколько уѣздовъ — съ уѣздными городами во главѣ — способствовало увеличенію числа городовъ, такъ какъ изъ-за недостатка послѣднихъ нѣкоторыя села были обращены въ города. Впрочемъ, такое искусственное насажденіе городской жизни не всегда приводило къ прочнымъ результатамъ, и немалое число новыхъ городовъ очень скоро захудало. II. Созданіе цѣлой системы мѣстныхъ учрежденій децентрализовало управленіе (стр. 296). III. «Учрежденія для упра-

вленія губерній» оказались довольно удачной попыткой сочетанія западно-европейской теоріи раздѣленія власти съ пожеланіями русскихъ людей, добивавшихся сословнаго самоуправленія и суда. Однако, несмотря на провозглашенное раздѣленіе властей, судъ на практикѣ сильно зависѣлъ отъ администраціи, а огромныя полномочія, предоставленныя губернатору и особенно генералъ-губернатору, очень стѣсняли мѣстное самоуправленіе.

Областныя преобразованія первой половины XIX в.

Власть губернаторовъ еще усилилась при Павлѣ I, который вообще внесъ существенныя перемѣны въ областное устройство, особенно въ смыслѣ развитія *централизаціи* и *ограниченія мѣстнаго самоуправленія*. (Верхніе земскіе и совѣстные суды, а также верхнія расправы были упразднены; всѣ судебно-административныя должности въ уѣздѣ стали замѣщаться по *назначенію*, а не по выбору). Императоръ Александръ I не счелъ возможнымъ возстановить цѣликомъ екатерининскія мѣстныя учрежденія [1]), а образованіемъ министерствъ, вводившимъ начало централизаціи, измѣнилъ самый духъ ихъ: они превратились въ органы, подчиненные министрамъ черезъ посредство губернаторовъ. Въ концѣ царствованія Александра I мѣстное управленіе, какъ видно изъ отчетовъ сенаторскихъ ревизій, стояло не на высотѣ: въ нѣкоторыхъ губернскихъ правленіяхъ оказывались сотни и тысячи нерѣшенныхъ дѣлъ, губернскихъ чиновниковъ приходилось массами отдавать подъ судъ за злоупотребленія. Въ особенно неудовлетворительномъ состояніи была судебная часть, городское самоуправленіе почти исчезло. Все это побуждало къ преобразованіямъ. При императорѣ Николаѣ I проведены были лишь частичныя мѣры. Такъ, (въ 1837 г.) выработанъ былъ наказъ губернаторамъ, опредѣлявшій ихъ права, какъ главныхъ представителей верховной власти въ губерніяхъ и какъ хозяевъ послѣднихъ. (Въ 1845 г.) губернскія правленія получили въ нѣкоторыхъ случаяхъ бо̀льшую самостоятельность, чѣмъ раньше. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ губерніяхъ образовывался цѣлый рядъ комиссій, вѣдавшихъ различныя отрасли мѣстнаго хозяйства, санитарную часть, призрѣніе бѣдныхъ, земскія повинности и т. п. и состоявшихъ частью изъ назначенныхъ лицъ, частью изъ выборныхъ (отъ дворянства и городовъ). Изъ такихъ комиссій слѣдуетъ упомянуть Комитетъ земскихъ повинностей, составлявшій губернскую смѣту. Въ 1846 г. Н. А. Милютинымъ было составлено новое «Городовое положеніе», призывавшее къ завѣдыванію городскими дѣлами выборныхъ отъ 5 сословій, именно: 1) потом-

[1]) Такъ, онъ не возстановилъ среднихъ судебныхъ инстанцій, уничтоженныхъ Павломъ I, и упразднилъ нижнюю расправу, введя въ составъ уѣзднаго суда засѣдателей и изъ государственныхъ крестьянъ. Дворяне получили право выбирать въ палаты уголовную и гражданскую по два засѣдателя (а при императорѣ Николаѣ I—и предсѣдателя). Маловажныя судебныя дѣла стали разбираться полицейскими чинами.

ственныхъ дворянъ, 2) личныхъ дворянъ и почетныхъ гражданъ (см. ниже), 3) купцовъ, 4) мѣщанъ, 5) ремесленниковъ,—съ предоставленіемъ, впрочемъ, преимуществъ дворянамъ. Однако оно вводилось въ дѣйствіе только въ Петербургѣ.

Коренное преобразованіе мѣстнаго управленія и суда осуществлено было императоромъ Александромъ II, въ царствованіе котораго были изданы «положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ» (1864 г.), «Городовое положеніе» (1870 г.) и «Судебные уставы» (1864 г).

§ 90. Мѣстныя учрежденія правительственныя и общественныя со времени реформъ 60-хъ г.г.

Земская реформа.

«Положеніе» 1864 г., постепенно введенное при Александрѣ II въ 33 губерніяхъ, призывало представителей населенія къ завѣдыванію мѣстными дѣлами (къ ихъ числу относятся устройство и содержаніе мѣстныхъ путей сообщенія, благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, продовольственное, медицинское, ветеринарное и страховое дѣло, заботы о развитіи сельскаго хозяйства и промышленности, назначеніе и распредѣленіе повинностей и сборовъ на земскія нужды, завѣдываніе земскими капиталами и имуществами и т. п.). Мѣстное населеніе раздѣлено было на три разряда: 1) курія частныхъ землевладѣльцевъ (дворянъ и не-дворянъ, имѣющихъ земельный цензъ не менѣе 100 крестьянскихъ надѣловъ), 2) курія городскихъ избирателей (обладающихъ опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ), 3) курія сельскихъ обществъ (въ нее входятъ уполномоченные отъ крестьянскихъ волостныхъ сходовъ). Каждая курія избираетъ на 3 года «гласныхъ» въ «уѣздное земское собраніе». Послѣднее изъ своей среды избираетъ «уѣздную земскую управу» въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ, а также гласныхъ «губернскаго земскаго собранія», которое въ свою очередь выбираетъ «губернскую земскую управу». Земскія собранія подъ предсѣдательствомъ предводителей дворянства созываются разъ въ годъ[1]) на короткій срокъ и, въ качествѣ *распорядительныхъ* учрежденій, обсуждаютъ важнѣйшіе мѣстные вопросы и принимаютъ отчетъ отъ своихъ *исполнительныхъ* органовъ, каковыми являются управы, дѣйствующія непрерывно. Указанные органы мѣстнаго управленія подчиняются лишь Сенату, за губернаторами же сохранено только право надзора за ними. Многія «земства» (т. е. земскія учрежденія) прославили себя весьма плодотворною работою и не мало способствовали развитію самодѣятельности русскаго общества.

---

[1]) Въ случаѣ надобности, кромѣ очередныхъ, созываются чрезвычайныя земскія собранія.

Какъ видно изъ сказаннаго, въ основу земской реформы положенъ былъ принципъ *всесословности* (и даже *безсословности*) и имущественный цензъ (для первыхъ двухъ курій).

Городское самоуправленіе.

На такихъ же приблизительно основаніяхъ выработано было и «Городовое положеніе» 1870 г., внесшее значительныя измѣненія въ «Положеніе» 1846 г., дѣйствовавшее въ Петербургѣ. По закону 1870 года городскіе обыватели, несшіе въ пользу города какія-нибудь денежныя повинности, раздѣлялись на 3 куріи не по сословіямъ, а въ зависимости отъ суммы платимыхъ ими налоговъ. Каждая курія избирала на 4 года одинаковое число гласныхъ въ «городскую думу». Такимъ образомъ устанавливалось представительство, пропорціональное размѣру вносимыхъ налоговъ, но не пропорціональное количеству населенія, такъ какъ, очевидно, мелкихъ плательщиковъ, включенныхъ въ третью курію, было гораздо больше, чѣмъ крупныхъ, внесенныхъ во вторую и, особенно, въ первую. Городская дума, созывавшаяся по мѣрѣ надобности, избирала изъ своей среды членовъ постояннаго исполнительнаго учрежденія—«городской управы» и ея предсѣдателя «городского голову». Вѣдѣнію органовъ городского самоуправленія подлежали вопросы, касавшіеся хозяйства и благоустройства города, а за дѣятельностью ихъ наблюдало «губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе», состоявшее подъ предсѣдательствомъ губернатора.

Управленіе крестьянами.

Что касается крестьянъ, то установленное для нихъ послѣ освобожденія самоуправленіе (см. ниже) отдавалось сперва подъ надзоръ «мировыхъ посредниковъ» (которые назначались губернаторами, но могли быть уволены только Сенатомъ), «уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ» и «губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій»; когда же въ *земскихъ*, а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, губерніяхъ мировые посредники и ихъ съѣзды стали замѣняться (съ 1874 г.) «уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями», то ближайшее наблюденіе за крестьянскимъ самоуправленіемъ перешло къ послѣднимъ.

Областныя преобразованія императора Александра II, какъ видно, имѣли своей цѣлью предоставить самому населенію вѣдать мѣстныя дѣла, сохранивъ за правительствомъ (въ лицѣ Сената, министровъ, намѣстниковъ и губернаторовъ) право надзора за дѣятельностью органовъ самоуправленія и право опротестованія ихъ незаконныхъ постановленій.

Судебные уставы 1864 г.

Судебная же реформа, осуществленная императоромъ Александромъ II, стремилась, какъ сейчасъ увидимъ, къ совершенному отдѣленію суда отъ администраціи. Ея цѣлью было «водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый, равный для всѣхъ подданныхъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону,

безъ коего невозможно общественное благосостояніе, и которое должно быть руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго».

Высочайше утвержденные 20 ноября 1864 года, Судебные уставы характеризуются слѣдующими чертами: 1) отдѣленіемъ судебной власти отъ законодательной и административной, 2) несмѣняемостью судей, 3) участіемъ населенія, черезъ своихъ выборныхъ, въ отправленіи правосудія, 4) гласностью, устностью и скоростью судебнаго разбирательства, 5) состязательностью процесса. Послѣдняя выражается въ томъ, что при судебномъ разбирательствѣ допускаются въ широкихъ размѣрахъ пренія сторонъ защищающей и обвиняющей, при чемъ каждая можетъ обжаловать приговоръ въ высшую инстанцію. Судебная власть поручается слѣдующимъ установленіямъ: 1) мировымъ судьямъ, 2) съѣздамъ мировыхъ судей, 3) окружнымъ судамъ, 4) судебнымъ палатамъ, 5) Правительствующему Сенату. Мировые судьи избираются для каждаго участка (на которые распадается округъ, составляемый уѣздомъ или большимъ городомъ) земскимъ собраніемъ или городскими думами изъ лицъ, обладающихъ опредѣленнымъ имущественнымъ и образовательнымъ цензомъ и пользующихся безупречной репутаціей. Участковыми (а также замѣняющими ихъ почетными и запасными) мировыми судьями рѣшаются маловажныя дѣла гражданскія (напр., иски до 500 р.) и уголовныя (такія, которыя караются заключеніемъ въ тюрьмѣ не свыше $1^1/_2$ года или штрафомъ до 300 р.). Основною обязанностью мировыхъ судей является содѣйствіе примиренію тяжущихся. На приговоръ мирового судьи можно подать жалобу въ съѣздъ мировыхъ судей, который является такимъ образомъ преимущественно *апелляціонной* инстанціей для дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ.

Болѣе важныя гражданскія и уголовныя дѣла разсматриваются окружными судами, имѣющимися во всѣхъ губернскихъ и большихъ уѣздныхъ городахъ. Окружный судъ представляетъ собою коллегіальное судебное учрежденіе, въ составъ котораго входятъ назначенные правительствомъ: предсѣдатель, его товарищи и члены, и при которомъ состоятъ также назначенные прокуроръ, его товарищи, судебные пристава, судебные слѣдователи для производства предварительнаго слѣдствія и нѣкоторыя другія должностныя лица. Особое положеніе занимаютъ «присяжные повѣренные» и «присяжные засѣдатели». Въ «сословіе» (т. е. среду) первыхъ допускаются лица съ высшимъ юридическимъ образованіемъ и судебною опытностью, принесшіе особую присягу; назначеніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы помогать тяжущимся и защищать обвиняемыхъ.

Что касается присяжныхъ засѣдателей, то они приглашаются къ отправленію правосудія по очереди на короткій срокъ (дней десять) изъ числа мѣстныхъ обывателей, пользующихся хорошей репутаціей и имѣющихъ извѣстный имущественный цензъ. Они являются

какъ бы представителями *общественной совѣсти*, рѣшающими вопросъ о виновности или невиновности или о дарованіи снисхожденія подсудимому, обвиняемому въ тяжкихъ преступленіяхъ, «за которыя въ законѣ положены наказанія, соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ, лично или по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ». Въ случаѣ оправдательнаго вердикта (отвѣта) присяжныхъ, предсѣдательствующій суда дѣлаетъ распоряженіе о немедленномъ освобожденіи подсудимаго, въ случаѣ обвинительнаго—судъ назначаетъ ему мѣру наказанія.

Приговоръ окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей считается *окончательнымъ* и не подлежитъ обжалованію въ апелляціонномъ порядкѣ, т. е. рѣшенное дѣло не можетъ быть пересмотрѣно второй (апелляціонной) инстанціей по существу. Но въ двухъ случаяхъ этотъ приговоръ теряетъ силу: 1) «если судъ (т. е. предсѣдательствующій и члены) единогласно признаетъ, что осужденъ невинный, то постановляетъ передать дѣло на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ»; 2) если во время судопроизводства допущено нарушеніе закона, то приговоръ можетъ быть обжалованъ въ Сенатъ, который, въ случаѣ признанія основательности такой жалобы, *кассируетъ*, т. е. уничтожаетъ приговоръ и, не разсматривая самъ дѣла по существу, передаетъ его окружному суду для новаго разсмотрѣнія. Поэтому и самый порядокъ обжалованія приговора въ Сенатъ называется *кассаціоннымъ* [1]). Сенатъ (собственно его кассаціонные департаменты: уголовный и гражданскій), наблюдающій за охраненіемъ силы закона и за единообразнымъ его исполненіемъ всѣми судебными установленіями, является кассаціонной инстанціей не только для окружныхъ судовъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, но и для апелляціонныхъ инстанцій, каковыми признаются съѣзды мировыхъ судей и судебныя палаты. Судебныя палаты (состоящія изъ назначенныхъ судей) служатъ вторыми (апелляціонными) инстанціями для такихъ дѣлъ, которыя разсматриваются окружными судами безъ участія присяжныхъ засѣдателей, т. е. такихъ, обвиненіе по которымъ не влечетъ за собою лишенія всѣхъ или всѣхъ особенныхъ правъ; иными словами, палаты имѣютъ право пересмотрѣть по существу (а не только съ точки зрѣнія соблюденія законности) тѣ дѣла, приговоръ по которымъ произнесенъ не присяжными, а самимъ судомъ (т. е. предсѣдательствующимъ и двумя членами).

[1]) Въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ допускается пересмотръ, т. е. возобновленіе, и такихъ уголовныхъ дѣлъ, рѣшенія по которымъ уже вступили въ законную силу. Такъ, при оправдательномъ вердиктѣ дѣло можетъ быть возобновлено, если впослѣдствіи обнаружатся подложность документовъ или лживость показаній, на которыхъ основанъ приговоръ, или корыстность побужденій судей; при обвинительномъ,—если откроются новыя обстоятельства, доказывающія, что обвиненный сталъ жертвою судебной ошибки.

Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ палата выступаетъ въ качествѣ первой инстанціи: именно, она разсматриваетъ изъятыя изъ подсудности окружнымъ судамъ политическія и служебныя преступленія и дѣла о печати, при чемъ въ разсмотрѣніи ихъ участвуютъ иногда такъ называемые сословные представители: мѣстный губернскій и уѣздный предводитель дворянства, городской голова и волостной старшина.

Судебная реформа, соединенная со смягченіемъ наказаній за преступленія (особенно тѣлесныхъ), имѣла огромное значеніе не только практическое, но и воспитательное: она пріучала русское общество смотрѣть на судъ не какъ на страшную угрозу, олицетвореніе бумажной волокиты и источникъ притѣсненій и обидъ, а какъ на обезпеченіе правосудія и опору законности.

Въ концѣ царствованія императора Александра II мѣстныя учрежденія обревизованы были сенаторами, для разсмотрѣнія отчетовъ которыхъ императоръ Александръ III образовалъ въ 1881 г. особую комиссію подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, при участіи нѣсколькихъ приглашенныхъ правительствомъ «свѣдущихъ людей». Этой комиссіи поручалось вмѣстѣ съ тѣмъ составленіе новыхъ проектовъ мѣстнаго управленія, и она дѣйствительно выработала обширный планъ, охватившій весь строй послѣдняго. Однако комиссія была закрыта въ 1885 г., до окончанія своихъ занятій, и руководство преобразованіемъ мѣстнаго управленія и суда поручено было министерству внутреннихъ дѣлъ. Сущность этого преобразованія сводилась къ слѣдующему.

Судебныя и областныя преобразованія императора Александра III.

Уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія сохранены были лишь въ немногихъ губерніяхъ (также въ немногихъ остались мировые посредники), въ большинствѣ же губерній стала вводиться учрежденная въ 1889 г. должность «земскихъ участковыхъ начальниковъ». Они подчинены непосредственно губернатору и назначаются изъ среды мѣстныхъ дворянъ, обладающихъ опредѣленнымъ имущественнымъ и образовательнымъ цензомъ. Въ своемъ участкѣ (въ уѣздѣ нѣсколько участковъ; въ участокъ могутъ включаться и незначительные города) земскій начальникъ наблюдаетъ за органами крестьянскаго самоуправленія, разсматривая всѣ ихъ приговоры, заботится «о хозяйственномъ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ» и имѣетъ надъ ними власть административную, полицейскую и судебную по маловажнымъ дѣламъ. Для разбора болѣе важныхъ дѣлъ установлена должность «уѣзднаго члена окружнаго суда». Апелляціонной инстанціей по дѣламъ, рѣшеннымъ земскими начальниками, является «уѣздный съѣздъ»—коллегіальное учрежденіе, состоящее, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства или уѣзднаго члена окружнаго суда, изъ земскихъ начальниковъ и городскихъ судей уѣзда. Земскіе начальники и городскіе судьи, назначае-

мые правительствомъ, почти повсемѣстно замѣнили собой «мировыхъ судей», выборная должность которыхъ сохранилась лишь въ столицахъ и въ Одессѣ (въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ и мѣстностяхъ мировые судьи дѣйствуютъ *по назначенію*). На приговоры уѣздныхъ членовъ окружнаго суда апелляція приносится въ окружный судъ, на городскихъ судей—въ уѣздный съѣздъ. Кассаціонной инстанціей для послѣдняго является «губернское присутствіе», въ составъ котораго, подъ предсѣдательствомъ губернатора, входятъ вице-губернаторъ, членъ мѣстнаго окружнаго суда и его прокуроръ и два непремѣнныхъ члена изъ мѣстнаго дворянства (по назначенію).

Земскіе начальники, сосредоточившіе въ своихъ рукахъ (во измѣненіе Судебныхъ уставовъ 1864 г.) судебную и административную власть, призваны были, какъ сказано, къ надзору за крестьянскимъ самоуправленіемъ. Дѣятельный же надзоръ за городскимъ и земскимъ самоуправленіемъ поручался губернаторамъ, власть которыхъ была усилена [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и порядокъ выбора членовъ въ органы мѣстнаго самоуправленія. Для городскихъ избирателей, соединенныхъ въ одну курію (въ 1903 г. для Петербурга установлены двѣ куріи), былъ введенъ цензъ, а выборы земскихъ гласныхъ съ 1890 года стали производиться въ трехъ чисто-сословныхъ куріяхъ (а не смѣшанныхъ, какъ было установлено Положеніемъ 1864 года), именно: дворянской, городской и крестьянской, при чемъ крестьяне избирали не самихъ гласныхъ, а лишь кандидатовъ въ нихъ, изъ числа которыхъ гласные назначались губернаторами по рекомендаціи земскихъ начальниковъ. Выборные отъ дворянъ получили въ земствахъ численное преобладаніе.

Такой характеръ получило мѣстное управленіе въ центральной Россіи. Нѣкоторыя же ея окраинныя области имѣли и отчасти сохраняютъ донынѣ *особое* административное устройство. Къ ихъ числу относятся Финляндія, Царство Польское или Привислинскій край, Кавказское намѣстничество, Сибирь, Туркестанское и Степное генералъ-губернаторства.

Устройство Финляндіи.

Коснемся вкратцѣ устройства Финляндіи и Царства Польскаго.

Еще до заключенія Фридрихсгамскаго мира (стр. 225) былъ обнародованъ манифестъ (15 Марта 1809 г.) о присоединеніи Финляндіи къ Россіи съ сохраненіемъ «религіи, коренныхъ законовъ, правъ и преимуществъ» каждаго сословія въ особенности и всѣхъ жителей ея вообще. Этотъ манифестъ былъ подтвержденъ государемъ на сеймѣ (т. е. собраніи представителей финскаго народа) въ Борго. Въ томъ же 1809 г. императоръ Александръ I учредилъ въ Петербургѣ «комиссію финляндскихъ дѣлъ» для доклада ему послѣднихъ. Впослѣдствіи она была закрыта, и ея обязан-

[1]) Особенно широкія полномочія предоставляются генералъ-губернаторамъ или губернаторамъ и градоначальникамъ, если подчиненная имъ мѣстность объявлена въ положеніи усиленной или чрезвычайной охраны. (Эти два вида охраны установлены Высочайше утвержденнымъ въ 1881 г. «Положеніемъ о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія»).

ности перешли къ *министру-статсъ-секретарю по дѣламъ Финляндіи*. Для высшаго управленія и суда учрежденъ былъ въ 1809 г. въ Гельсингфорсѣ «Правительственный Совѣтъ», переименованный въ 1816 г. въ *Императорскій финляндскій Сенатъ*, который дѣлится на два департамента: судебный и хозяйственный (съ административными и финансовыми обязанностями) и состоитъ изъ лицъ, назначаемыхъ Верховной властью изъ числа финляндскихъ гражданъ. Предсѣдательствуетъ въ Сенатѣ назначенный *генералъ-губернаторъ*, являющійся представителемъ Монарха въ Финляндіи и главою всей ея администраціи. Что касается органа мѣстнаго законодательства—*сейма*, то послѣ 1809 г. онъ созванъ былъ впервые въ 1863 г. и затѣмъ сталъ собираться періодически. До 1906 г. онъ состоялъ изъ четырехъ сословныхъ курій, самой вліятельной изъ которыхъ была дворянская, и служилъ представительствомъ лишь части (около 30%) населенія. Съ 1906 г. сеймъ сталъ всесословнымъ учрежденіемъ, избираемымъ всеобщей (распространяющейся и на женщинъ) подачей голосовъ. Права сейма и порядокъ изданія узаконеній, касающихся Финляндіи, подвергались въ теченіе XIX в. нѣкоторымъ измѣненіямъ. Въ настоящее время они опредѣлены такъ. Сеймъ разсматриваетъ предметы *мѣстнаго* законодательства [1]), при чемъ его мнѣнія поступаютъ затѣмъ на утвержденіе Монарха; *общегосударственные же законопроекты, касающіеся также Финляндіи*, обсуждаются Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ вмѣстѣ съ заключеніемъ Финляндскаго Сената. Финляндія сохранила свое особое судоустройство, основныя черты котораго сложились еще въ XVIII в. На особомъ положеніи находится она и въ отношеніи къ военной службѣ. До введенія въ Россіи устава 1874 г. о всеобщей воинской повинности, численность войска, сформированнаго изъ финляндскихъ уроженцевъ, не превышала *обычно* 4.500 человѣкъ. Упомянутый уставъ введенъ былъ въ Финляндіи въ 1881 г. съ большими измѣненіями и ограниченіями, выработанными сеймомъ, которыя повели къ тому, что за время отъ 1882 до 1897 г., при ежегодномъ призывѣ къ отбыванію воинской повинности, финляндцевъ опредѣлялось на службу въ четыре раза меньше, чѣмъ уроженцевъ остальной Россіи. Въ 1906 г. финляндскіе уроженцы были вовсе освобождены отъ воинской повинности, замѣненной для нихъ денежнымъ взносомъ.

Итакъ, дарованныя императоромъ Александромъ I Финляндіи особыя основанія управленія, законодательства и суда и особыя преимущества, которыми финское населеніе очень дорожило и которыя оно систематически отстаивало, были лишь частично измѣнены послѣдующимъ законодательствомъ. Напротивъ, строй Царства Польскаго, установленный также императоромъ Александромъ I, подвергся кореннымъ измѣненіямъ вслѣдствіе дважды вспыхивавшаго возстанія поляковъ.

Устройство Царства Польскаго.

Названіе Царства Польскаго получила та часть герцогства Варшавскаго, которая присоединена была къ Россіи по условіямъ Вѣнскаго конгресса (стр. 260). Въ силу «Учредительной хартіи», дарованной императоромъ Александромъ I, Царство Польское получило полную автономію съ собственной арміей и монетой, съ господствомъ польскаго языка и съ должностными лицами исключительно польскаго происхожденія, а также весьма либеральную конституцію (выработана она была на основаніи прежней конституціи Варшавскаго герцогства особой комиссіей, состоявшей изъ поляковъ, и утверждена затѣмъ государемъ). Хартія провозглашала свободу личности, печати и вѣроисповѣданія, независимость суда отъ администраціи и установила представительный образъ правленія слѣдующаго характера: обсужденіе и принятіе законовъ предоставлялись сейму, состоявшему изъ Сената (члены его назначались государемъ по списку кандидатовъ) и палаты депутатовъ (Посольской избы, 77 членовъ которой выбирались шляхтой, а 51—городскимъ и сельскимъ населеніемъ), а выработка

---

[1]) Соотвѣтственные законопроекты вносятся или по почину правительства (Сената, министра-статсъ-секретаря) или (за исключеніемъ вопросовъ объ измѣненіи основныхъ законовъ и военной оборонѣ) по почину самого сейма.

законопроектовъ, по почину государя, и управленіе принадлежали Совѣту изъ назначенныхъ государемъ министровъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ «Намѣстникъ Царства Польскаго». (Сеймъ долженъ былъ собираться на одинъ мѣсяцъ каждые два года).

Въ концѣ царствованія императора Александра I конституція подверглась частичнымъ ограниченіямъ и въ такомъ видѣ просуществовала вплоть до возстанія 1830 г. Это возстаніе было подготовлено тайными обществами, стремившимися къ возстановленію Польши въ прежнихъ размѣрахъ (до перваго раздѣла) и къ отложенію отъ Россіи, и явилось отзвукомъ іюльской революціи. Послѣ усмиренія возстанія «учредительная хартія» замѣнена была «органическимъ статутомъ» 1832 г., объявившимъ Царство Польское частью Россійской Имперіи, упразднившимъ сеймъ и польское войско. Непрекращавшееся броженіе среди поляковъ повело къ уничтоженію остатковъ автономіи, къ принятію энергичныхъ мѣръ для обрусенія края, раздѣленнаго на 5 губерній, и къ усиленію власти намѣстника—Паскевича. Суровые порядки, установленные Паскевичемъ, были смягчены въ первые годы царствованія императора Александра II. По предложенію представителя умѣренной польской партіи Вѣліопольскаго, государь въ 1861 г. учредилъ въ Царствѣ Польскомъ особый Государственный Совѣтъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, далъ полякамъ областное самоуправленіе и рѣшилъ сосредоточить въ ихъ рукахъ завѣдываніе школьнымъ и судебнымъ дѣломъ; намѣстникомъ государь назначилъ (въ 1862 г.) великаго князя Константина Николаевича, горячо симпатизировавшаго полякамъ, а завѣдываніе гражданскими дѣлами поручилъ самому Вѣліопольскому. Послѣдній провелъ рядъ полезныхъ сословныхъ и административныхъ реформъ и, видимо, подготовлялъ возстановленіе конституціи 1815 г. Однако дѣятельность его не удовлетворила приверженцевъ крайнихъ партій. Бурныя манифестаціи и террористическіе акты завершились страшнымъ возстаніемъ 1863 г., которое осложнилось еще дипломатическимъ вмѣшательствомъ западно-европейскихъ державъ (стр., 268). Послѣ подавленія его Привислинскій край былъ раздѣленъ на 10 губерній (вмѣсто пяти), подчиненныхъ Варшавскому генералъ-губернатору; учрежденія, устроенныя по мысли Вѣліопольскаго, уничтожены съ передачей ихъ дѣлъ общеимперскимъ; однако судъ присяжныхъ и земская реформа 1864 г. не были распространены на этотъ край, и его мѣстное устройство организовано на началахъ, облегчающихъ вмѣшательство правительственной власти; офиціальнымъ языкомъ признавался русскій, который долженъ былъ преподаваться во всѣхъ школахъ; освобожденные крестьяне, въ которыхъ правительство видѣло опору себѣ, надѣлялись землею на условіяхъ, менѣе выгодныхъ для помѣщиковъ, чѣмъ въ остальной Россіи.

Выводы. Изъ изложенной исторіи центральнаго и мѣстнаго управленія можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Правильно-организованныя учрежденія какъ центральныя, такъ и мѣстныя, преимущественно коллегіальнаго характера, созданы были Петромъ Великимъ;

2) эти учрежденія, при ближайшихъ его преемникахъ, подверглись значительной ломкѣ, выразившейся въ измѣненіи положенія Сената, въ смѣшеніи судебной и административной власти, въ упадкѣ коллегіальнаго начала и городского самоуправленія;

3) мѣстное управленіе и судъ преобразованы были императрицей Екатериной II, положившей въ основу своей реформы теорію раздѣленія власти и соединеніе сословнаго самоуправленія съ бюрократическимъ началомъ;

4) преобразованіе центральныхъ учрежденій осуществлено было императоромъ Александромъ I;

5) бюрократизмъ управленія особенно усилился въ царствованіе императора Николая I, когда всѣ важнѣйшіе государственные вопросы обсуждались въ «секретныхъ комитетахъ» безъ всякаго содѣйствія общества;

6) императоръ Александръ II возсоздалъ мѣстное самоуправленіе, придавъ ему такъ же, какъ и суду, *всесословный* характеръ;

7) въ царствованіе императора Александра III оно было нѣсколько измѣнено въ цѣляхъ усиленія правительственной власти;

8) нынѣ царствующій Государь Императоръ Николай II усовершенствовалъ государственный порядокъ учрежденіемъ Государственной Думы и переустройствомъ Государственнаго Совѣта.

Правильная дѣятельность учрежденій, какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ обусловливается, конечно, въ значительной степени ясностью и согласованностью законовъ. Естественно поэтому, что, упорядочивая управленіе, русскіе государи стремились также къ систематизаціи законовъ, т. е. къ кодификаціи [1]).

§ 91. Кодификація.

Необходимость кодификаціи.

Русское государство вступило въ Императорскій періодъ съ Соборнымъ Уложеніемъ, которое содержало въ значительной степени обычное право, усвоенное московской правительственной и судебной практикой, и являлось какъ бы зеркаломъ московскаго общественнаго строя половины XVII в. Однако оно, какъ сказано (стр. 178), не отражало цѣликомъ всего дѣйствовавшаго права и еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича потребовало дополненій въ видѣ многочисленныхъ «новоуказныхъ статей». Въ XVIII в. бурныя петровскія преобразованія, порывистая и даже порой насильственная передѣлка старыхъ обычаевъ, устройство правительственныхъ и судебныхъ учрежденій по шведскому образцу, затѣмъ ограниченіе нововведеній Петра Великаго при его преемникахъ,—все это потребовало, конечно, цѣлой груды указовъ, уставовъ, регламентовъ, инструкцій. Издаваемые въ разное время, при различныхъ обстоятельствахъ, они часто не согласовались между собою и еще чаще были не согласны съ продолжавшимъ дѣйствовать Соборнымъ Уложеніемъ. Затрудненія увеличивались еще тѣмъ, что лишь крупнѣйшія законодательные памятники (напр., Воинскій и Морской уставы и Духовный регламентъ)

---

[1]) Ниже мы увидимъ, что большинство предпринимавшихся въ Россіи работъ по такой систематизаціи нельзя назвать кодификаціей въ *строго-научномъ* смыслѣ этого термина, такъ какъ подъ послѣднимъ разумѣется не только систематизація, но и *переработка* дѣйствующаго законодательства, въ Россіи же, за нѣкоторыми лишь исключеніями, стремились преимущественно къ *инкорпораціи*, т. е. внѣшнему объединенію, законовъ. Однако мы позволимъ себѣ и такія работы называть кодификаціей, а комиссіи, занимавшіяся ими—кодификаціонными.

печатались въ достаточномъ количествѣ, небольшія же узаконенія, хотя бы и общаго характера, поступали—въ рукописномъ или печатномъ видѣ—только въ главныя учрежденія, такъ что даже должностныя лица, какъ и въ Московской Руси (стр. 176), не всегда могли раздобыть ихъ. Указанныя затрудненія, являвшіяся одной изъ причинъ злоупотребленій, естественно, побуждали правительство къ заботамъ объ обнародованіи законовъ и о систематизаціи ихъ. Однако, несмотря на повторные указы Петра Великаго и его преемниковъ «разобрать всѣ указы и припечатывать ихъ», это дѣло подвигалось чрезвычайно медленно и неуспѣшно и тѣмъ затрудняло дѣятельность комиссій, работавшихъ надъ составленіемъ свода законовъ.

Первоначальныя попытки кодификаціи.

Эти комиссіи смѣняютъ одна другую, начиная съ 1700 г.: то засѣдаютъ бояре и стольники въ числѣ 71 человѣка (въ 1700—1703 г.), то сенатъ (въ 1714—1718 г. и 1719—1725 г.), то сенатъ съ участіемъ членовъ «изъ духовныхъ, изъ военныхъ, изъ гражданскихъ и изъ магистрата по двѣ персоны» (при императрицѣ Екатеринѣ I); въ послѣдующихъ комиссіяхъ (1728—1730, 1754 и 1760 г.г.) вмѣстѣ съ должностными лицами работали и выборные отъ населенія. (Нужно, однако, сказать, что послѣднее относилось къ этой работѣ съ большимъ равнодушіемъ, такъ что приходилось прибѣгать чуть ли не къ воздѣйствію полиціи и солдатъ, чтобы побудить произвести избраніе депутатовъ). Большинство комиссій занималось сводкой законовъ и согласованіемъ ихъ съ Соборнымъ Уложеніемъ, значитъ, работало надъ *русскимъ* законодательнымъ матеріаломъ, и лишь въ 1719 г. повелѣно было Сенату выбирать подходящія постановленія изъ «шведскаго уложенія» и пользоваться «правами эстляндскими и лифляндскими». Нѣкоторыя комиссіи собрали довольно значительный матеріалъ, нѣкоторыя составили даже проекты уложеній (такъ, напр., при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ Уложеніе, по крайней мѣрѣ, частично было уже составлено). Однако эти проекты не получали утвержденія и не были введены въ дѣйствіе.

Екатерининская Уложенная Комиссія.

Изъ изложеннаго видно, что ко времени вступленія на престолъ императрицы Екатерины Великой и работа надъ «уложеніемъ», и привлеченіе къ ней депутатовъ, т. е. выборныхъ, были не новы. Тѣмъ не менѣе кодификаціонная попытка Екатерины II значительно отличается отъ предшествующихъ: послѣднія имѣли въ виду только обновить и перестроить Соборное Уложеніе, замѣнивъ его устарѣвшія части другими, соотвѣтствующими современности; Екатерина же задалась цѣлью построить *новое* законодательство не на правовыхъ устояхъ, выработанныхъ многовѣковой практикой русскаго государства, а на фундаментѣ *идей западно-европейской просвѣтительной литературы*, приспособивъ ихъ къ нуждамъ русскаго народа. Такое намѣреніе побудило ее составить особое сочиненіе, такъ называемый «Наказъ», въ которомъ содержались общіе принципы *идеальнаго* за-

конодательства, и созвать Комиссію депутатовъ въ видѣ настоящаго народнаго представительства, которая, примѣняясь къ этимъ принципамъ, а также къ народнымъ нуждамъ, должна была составить «Новое уложеніе».

«Наказъ» представляетъ собою пересказъ извѣстнѣйшихъ западноевропейскихъ сочиненій, посвященныхъ вопросамъ политики (таковы, напр., «Духъ законовъ» Монтескье, «Политическія наставленія» Бильфельда», «О преступленіяхъ и наказаніяхъ» Беккарія), а также изложеніе собственныхъ, въ высшей степени гуманныхъ, взглядовъ императрицы на задачи законодательства и верховной власти, на отношеніе ея къ подданнымъ, на права и обязанности какъ всѣхъ гражданъ, такъ и отдѣльныхъ сословій, на судопроизводство, вѣротерпимость, народное просвѣщеніе и т. д. Такъ, относительно законовъ, Екатерина II высказывалась въ томъ смыслѣ, что они могутъ запрещать только то, что «вредно или каждому особенно, или всему обществу», что они должны осуществлять народное благо, быть равными для всѣхъ и всѣмъ понятными и извѣстными. Она требовала строгой законности въ администраціи и судѣ, быстроты послѣдняго и установленія въ немъ выборнаго начала, осуждала смертную казнь и, особенно, пытку и считала, что уже стыдъ при уличеніи въ преступленіи служитъ достаточнымъ наказаніемъ; лучшимъ средствомъ для предупрежденія преступленій является, по ея мнѣнію, поднятіе просвѣщенія [1]).

Изложенныя въ видѣ отдѣльныхъ статей (въ извѣстной редакціи ихъ имѣется свыше 500), положенія «Наказа» предназначались служить какъ бы фундаментомъ для построенія самаго справедливаго законодательства, какъ бы путеводными вѣхами, опредѣлявшими направленіе работы «Комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія», каждый членъ которой долженъ былъ руководствоваться, кромѣ того, «наказами», т. е. наставленіями, полученными отъ своихъ избирателей.

Открытіе засѣданій Комиссіи послѣдовало 31 іюля 1767 года въ Москвѣ (въ декабрѣ этого же года она была переведена въ Петербургъ). Депутатовъ собралось всего 564, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: отъ правительственныхъ учрежденій—28 человѣкъ, отъ дворянъ—161 (29%), отъ горожанъ—208 (37%), отъ казаковъ—54, отъ казенныхъ крестьянъ разныхъ наименованій—79 (14%), отъ инородцевъ—34 [2]).

[1]) Извѣстная редакція «Наказа» содержитъ не болѣе четверти первоначальной, такъ какъ послѣдняя подверглась большимъ сокращеніямъ, произведеннымъ отчасти самой императрицей, отчасти (съ ея разрѣшенія) сановниками. Такое сокращеніе объясняется тѣмъ, что «Наказъ», по понятіямъ того времени, представлялся чрезмѣрно либеральнымъ.

[2]) Какъ видно, отъ выборовъ депутатовъ были вовсе устранены два класса: духовенство и крѣпостные крестьяне. Отъ избирателей и депутатовъ другихъ со-

Политическихъ партій (въ современномъ намъ смыслѣ) въ Комиссіи не образовалось, но ея депутаты могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: одни отстаивали преимущественно интересы тѣхъ сословій или классовъ населенія, представителями которыхъ они являлись, другіе выдвигали и защищали интересы цѣлаго общества и государства и намѣчали такія преобразованія, которымъ суждено было осуществиться лишь много лѣтъ спустя. [Такъ, напр., проф. Урсикусъ и канцеляристъ Сухопрудскій намѣтили основанія судебной реформы, во многомъ напоминающія Судебные Уставы 1864 г.; цѣлый рядъ депутатовъ—въ томъ числѣ и отъ дворянства—коснулся и столь больного для того времени вопроса, какъ тяжелое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ]. Однако такихъ широкихъ взглядовъ придерживалось лишь меньшинство. Въ общемъ же въ сужденіяхъ депутатовъ (а равнымъ образомъ и въ данныхъ имъ избирателями наказахъ) проявилась большая сословная рознь. Примирить ее было очень труднымъ дѣломъ, и съ нимъ не сумѣли справиться ближайшіе руководители Комиссіи (ея маршалъ, т. е. предсѣдатель, Бибиковъ и генералъ-прокуроръ Сената кн. Вяземскій). Императрица же, первоначально очень увлекавшаяся Комиссіей, скоро стала охладѣвать къ ней. Причины этого охлажденія еще не достаточно выяснены исторической наукой.

Съ началомъ турецкой войны, въ 1768 году Большая Комиссія (т. е. общее собраніе депутатовъ) была распущена подъ тѣмъ предлогомъ, что многіе ея члены должны были отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, но частныя (т. е. выдѣленныя изъ полнаго состава депутатовъ для разработки спеціальныхъ вопросовъ) комиссіи продолжали работать до 1774 г.; предполагалось со временемъ созвать и Большую. Однако такого созыва не послѣдовало. Прямого своего назначенія Комиссія не исполнила: «Новаго уложенія» она не составила. Но зато отъ нея остался обширный матеріалъ. Частью его императрица воспользовалась при проведеніи своихъ областныхъ (стр. 307) и сословныхъ преобразованій. Другая часть была прямо какъ бы забыта и лишь въ недавнее время сдѣлалась достояніемъ исторической науки. [Сюда относится, напр., «описаніе внутренняго правленія Россійской Имперіи», начатое частными комиссіями, законченное кн. Вяземскимъ и представлявшее собою довольно полное собраніе законовъ XVIII в.; почему-то оно не было обнародовано и, повидимому, осталось даже неизвѣстнымъ послѣдующимъ кодификаціоннымъ комиссіямъ].

словій требовался имущественный цензъ, правда, невысокій; выборы были свободными, чуждыми административнаго давленія; депутатамъ предоставлялись исключительныя привилегіи. Населеніе не вездѣ отнеслось къ выбору депутатовъ и составленію наказовъ съ должною серьезностью.

Послѣ роспуска Комиссіи императрица Екатерина II не приступала къ кодификаціонной работѣ; въ слѣдующія же царствованія эта работа велась лишь должностными лицами. Изъ нихъ образована была императоромъ Павломъ I комиссія, дѣйствовавшая и въ царствованіе Александра I (съ 1810 г. при Государственномъ Совѣтѣ). Однако со своей трудной задачей она не справилась. Дѣло совершенно измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ завѣдываніе кодификаціей перешло, главнымъ образомъ, въ руки Сперанскаго. Правда, составленный подъ его руководствомъ въ царствованіе Александра I, проектъ Гражданскаго Уложенія, матеріалъ для котораго въ значительной степени заимствовался изъ кодекса Наполеона, не былъ обнародованъ (несмотря на одобреніе нѣкоторыхъ его частей Государственнымъ Совѣтомъ). Но въ царствованіе императора Николая I, благодаря энергіи Сперанскаго, русское законодательство было, наконецъ, систематизировано.

Попытки кодификаціи въ царствованія Павла I и Александра I.

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, императоръ Николай I преобразовалъ прежнюю Комиссію въ II Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, начальникомъ котораго былъ Балугьянскій, а главнымъ работникомъ Сперанскій, и поручилъ ему составить не Новое уложеніе (о чемъ мечтала императрица Екатерина II), а именно Сводъ дѣйствующихъ въ Россіи законовъ. Сперанскій со своими сотрудниками выполнилъ эту работу по слѣдующему плану: I. Онъ собралъ изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ, по возможности въ подлинникахъ, всѣ узаконенія (за исключеніемъ лишь временныхъ и частныхъ), *какъ дѣйствующія, такъ и отмѣненныя*, изданныя со времени Соборнаго Уложенія до вступленія на престолъ императора Николая I, расположилъ ихъ *въ хронологическомъ* порядкѣ и отпечаталъ. Такъ получилось Полное Собраніе законовъ Россійской Имперіи, изданное въ 1830 г., въ 45 томахъ, содержащее 30.920 законодательныхъ постановленій и снабженное указателями.

Составленіе Полнаго Собранія и Свода законовъ Россійской имперіи и ихъ дополненія.

II. Онъ намѣтилъ извѣстную систему будущаго Свода, въ основѣ которой лежало дѣленіе законовъ на два порядка—государственныхъ и гражданскихъ, съ подраздѣленіемъ каждаго на разряды, а послѣднихъ на виды. По намѣченной схемѣ онъ распредѣлилъ всѣ узаконенія, содержавшіяся въ Полномъ Собраніи, получивъ такимъ образомъ «историческіе своды», которые представляли собою уже *систематическія* собранія всѣхъ узаконеній, какъ дѣйствующихъ, такъ и отмѣненныхъ. III. Изъ этихъ сводовъ (они не были изданы) онъ сталъ извлекать *только дѣйствующіе* (т. е. сохраняющіе свою силу) законы. При извлеченіи, редактированіи и *согласованіи* ихъ между собою Сперанскій пользовался строгими научными пріемами, а для *провѣрки*—«ревизіи»—силы ихъ дѣйствія посылалъ ихъ по принадлежности въ особые комитеты изъ представителей министерствъ и главныхъ управленій. Такъ составился Сводъ законовъ Россійской Имперіи, т. е.

сборникъ *только дѣйствующихъ* законовъ, расположенныхъ по опредѣленной *системѣ* (а не *всѣхъ* узаконеній въ *хронологическомъ* порядкѣ, какъ это сдѣлано въ *Полномъ Собраніи* законовъ). Сводъ законченъ былъ печатаніемъ въ 1832 г. въ 15 томахъ (каждый изъ нихъ имѣетъ свои подраздѣленія) [1]) и представленъ въ Государственный Совѣтъ, который, согласно желанію императора, постановилъ «издать Сводъ въ видѣ законовъ, коими въ рѣшеніяхъ исключительно руководствоваться должно». Манифестъ о его составленіи послѣдовалъ въ 1833 г., а вступилъ въ силу онъ съ 1 января 1835 г. Вновь появляющіеся законы рѣшено было помѣщать въ ежегодномъ «продолженіи» Свода, который въ свою очередь долженъ былъ періодически переиздаваться.

Въ послѣдующее время и стали выходить эти продолженія (сперва ежегодно, затѣмъ каждые три мѣсяца; содержаніе нѣсколькихъ—объединялось въ «сводныя продолженія»). Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалось печатаніе Полнаго Собранія Законовъ (такъ, II Полное Собраніе содержитъ законодательные акты царствованій императоровъ Николая I и Александра II; въ III Собраніе, выходящее постепенно, включаются узаконенія, начиная съ 1881 г.); съ 1863 г. законы обнародываются, кромѣ того, въ издаваемомъ Сенатомъ «Собраніи узаконеній и распоряженій правительства». Что касается Свода, то переизданіе *всѣхъ* его томовъ предпринято было дважды (въ 1842 и 1857 гг.), отдѣльные же томы переиздавались много разъ. Въ новыя изданія включались дополненія иногда въ видѣ цѣльныхъ большихъ уставовъ, не разбивавшихся по частямъ Свода, чѣмъ до извѣстной степени нарушалась первоначальная система послѣдняго. Когда къ 1845 г. было составлено «Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ», оно было введено въ XV т. Свода, и затѣмъ (особенно со времени судебной реформы императора Александра II) нѣсколько разъ пересматривалось, а съ конца XIX в. подверглось коренной переработкѣ, результатомъ которой явилось Уголовное Уложеніе 1903 г., не вступившее еще цѣликомъ въ дѣйствіе. (Одновременно съ Уголовнымъ постепенно вырабатывалось пока еще незаконченное Гражданское Уложеніе). Изданные въ 1864 г. Судебные Уставы составили XVI т. Свода. Въ 1906 г. Основные Законы, помѣщенные въ части I, т. I Свода, были пересмотрѣны; ре-

[1]) Сводъ слагается изъ слѣдующихъ восьми главныхъ разрядовъ узаконеній: 1) основные законы, съ учрежденіемъ объ Императорской Фамиліи, учрежденія государственныя, губернскія, городскія, уѣздныя, волостныя и о порядкѣ гражданской службы (т. I—III); 2) уставы о повинностяхъ (т. IV), 3) уставы казеннаго управленія (т. V—VIII); 4) законы о состояніяхъ (т. IX); 5) законы гражданскіе и межевые (т. X); 6) уставы государственнаго благоустройства или государственнаго хозяйства (т. XI и XII); 7) уставы благочинія (т. XIII и XIV); 8) законы уголовные (т. XV).

зультатомъ этого пересмотра явились Высочайше утвержденные 23 апрѣля 1906 г. и дѣйствующіе нынѣ Основные Законы, содержащіе новыя статьи и устанавливающіе иной, чѣмъ прежде, порядокъ законодательства (стр. 302).

Сводъ законовъ не исчерпываетъ, однако, всего дѣйствующаго права. Придавать ему исчерпывающее значеніе и не входило въ планы Сперанскаго, который включалъ въ него *всѣ* узаконенія, имѣющія преимущественно *общее* значеніе и силу на *всемъ* пространствѣ Имперіи. Поэтому нѣкоторые законы особенные и мѣстные включены не въ Сводъ, а въ отдѣльные сборники (напр., Сводъ военныхъ постановленій, Сводъ мѣстныхъ узаконеній Прибалтійскихъ губерній, Собраніе гражданскихъ законовъ губерній Царства Польскаго, являющееся нѣсколько измѣненнымъ воспроизведеніемъ кодекса Наполеона).

Систематизація русскаго законодательства, осуществленная, какъ сказано, при императорѣ Николаѣ I и продолжавшаяся при его преемникахъ, необходима была не только для искорененія административныхъ и судебныхъ злоупотребленій, но и въ виду крупныхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ общественномъ строѣ въ теченіе XVIII и XIX в.в.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Общественный строй Россійской Имперіи и сословныя реформы.

§ 92. Положеніе сословій въ эпоху Петра Великаго.

Общія замѣчанія.

Къ концу Московскаго періода, какъ сказано (стр. 179), классы русскаго населенія выкристаллизовались и обособились въ три наслѣдственно-прикрѣпленныя къ своимъ обязанностямъ сословія—служилое, земледѣльческое и посадское, при чемъ каждое изъ нихъ имѣло свои подраздѣленія. Петръ Великій съ одной стороны поколебалъ сословную замкнутость, облегчивъ (возможный, впрочемъ, и прежде) переходъ изъ одного сословія въ другое, однако, съ другой стороны, придалъ сословіямъ большую внутреннюю сплоченность, отчетливѣе обозначилъ ихъ границы. Первое достигнуто было изданной Петромъ Великимъ въ 1722 г. «Табелью о рангахъ», дававшей возможность «выслуживать» дворянство: именно, каждый недворянинъ, произведенный въ младшій—14-ый—офицерскій рангъ на военной службѣ или въ 8-ой рангъ (чинъ коллежскаго ассессора) на гражданской, становился потомственнымъ дворяниномъ, а за исключительныя заслуги могъ даже получить княжеское, графское или баронское достоинство. Второе (болѣе отчетливое разграниченіе

сословій) обусловливалось стремленіемъ Петра (не чуждымъ опять-таки и его предшественникамъ) къ «упрощенію общественнаго состава». Послѣднее выразилось 1) въ томъ, что прежніе московскіе служилые классы—бояре, дворяне и дѣти боярскія разныхъ статей—были объединены въ одинъ классъ дворянства или шляхетства (начало этого объединенія относится еще къ царствованію Ѳеодора III, стр. 184), 2) въ томъ, что послѣдніе уцѣлѣвшіе еще промежуточные слои общества (какъ-то: однодворцы, вольно-гулящіе) вмѣстѣ съ холопами были, по словамъ проф. Ключевскаго «вдвинуты въ два основныхъ сельскихъ сословія: государственныхъ крестьянъ и крѣпостныхъ людей» (стр. 248). Съ образованіемъ «регулярныхъ гражданъ», дѣлившихся на двѣ гильдіи (къ 1-ой принадлежали банкиры, богатые купцы и мастера, ко 2-й мелкіе торговцы и ремесленники, расписанные по цехамъ), большую опредѣленность получило также городское сословіе. Наконецъ, Петръ I гораздо отчетливѣе, чѣмъ его предшественники, выяснилъ обязанности всѣхъ сословій.

Обязанности дворянства.

Что касается правъ послѣднихъ, то (если не считать предоставленнаго дворянамъ, но не осуществленнаго ими, права выбора ландратовъ и предоставленія горожанамъ самоуправленія, стр. 305) о нихъ трудно говорить въ эпоху Петра: Царь-Работникъ возлагалъ на своихъ подданныхъ трудныя *обязанности*, но не баловалъ ихъ сословными правами. Такъ, *дворянство* при Петрѣ было сословіемъ *не привилегированнымъ*, а именно *служилымъ*, обремененнымъ обязанностями: въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ всѣ дворяне должны были пройти извѣстный курсъ наукъ, затѣмъ явиться на смотръ (неявка каралась «шельмованіемъ» или «политической смертью», т. е. объявленіемъ внѣ покровительства законовъ и конфискаціей имущества); выборъ службы—военной или гражданской—не зависѣлъ отъ даннаго лица, а предоставлялся усмотрѣнію правительства (опредѣлявшаго треть членовъ каждой дворянской семьи на «штатскую» службу, а двѣ трети—на военную); военную службу дворянинъ начиналъ всегда *солдатомъ*, обыкновенно, въ гвардейскомъ, а иногда и въ армейскомъ полку; повышаясь, по мѣрѣ выслуги и заслугъ, въ рангахъ, онъ служилъ *безсрочно*, т. е. всю жизнь, и безъ крайней необходимости не получалъ не только отставки, но и отпуска; даже своимъ имѣньемъ дворянинъ не могъ распорядиться по своей волѣ: въ силу закона 1714 г. о единонаслѣдіи, каждый землевладѣлецъ (какъ и вообще всякій владѣлецъ недвижимаго имущества) долженъ былъ завѣщать все свое недвижимое имущество только кому-нибудь одному изъ своихъ сыновей (при отсутствіи ихъ—одной дочери), остальныхъ же дѣтей могъ надѣлять лишь движимостью (если землевладѣлецъ умиралъ безъ завѣщанія, недвижимость переходила къ старшему сыну).

Конечно, въ смыслѣ стѣсненія личной воли дворяне не представляли исключенія: въ эпоху Петра Великаго занятія и даже образъ жизни *всѣхъ вообще* русскихъ людей точно регламентировались и подчинялись государственнымъ, казеннымъ интересамъ: никто, по своему усмотрѣнію, не могъ вырубить мачтовой ели или «мѣрнаго» дуба, никто не могъ выдѣлывать холста или юфти, или тачать сапогъ не такъ, какъ предписывалось; капиталисты чуть не по принужденію обязаны были заводить именно такія предпріятія, которыя поощряла казна; указами устанавливались и развлеченія (обязательное устройство и посѣщеніе ассамблей) и даже внѣшній обликъ—обязательное брадобритіе и ношеніе венгерскаго и нѣмецкаго платья всѣми, кромѣ духовенства и крестьянъ.

Что касается крестьянъ, то Петръ I 1) введеніемъ подушной подати слилъ, какъ сказано (стр. 248), холопство съ крѣпостнымъ крестьянствомъ, 2) запретилъ возвращать помѣщикамъ бѣглыхъ крестьянъ, если они поступали въ фабричные рабочіе или добровольцами въ солдаты, 3) старался нѣсколько ограничить вопіющія злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ и предписалъ (въ 1721 году) «продажу людемъ пресѣчь, а ежели невозможно будетъ того вовсе пресѣчь, то продавали бы цѣлыми семьями, а не порознь». Но, конечно, эта единичная и плохо соблюдавшаяся мѣра не облегчила правового быта крѣпостныхъ. Однако, ихъ экономическое положеніе нѣсколько улучшилось, такъ какъ, со времени введенія подушной подати, крестьяне перестали сокращать свою запашку (какъ это было при поземельномъ обложеніи) и скучиваться по нѣсколько семей въ одномъ дворѣ (это имѣло мѣсто при подворномъ окладѣ), а старались распахивать какъ можно больше земли для увеличенія своихъ доходовъ. Но происходящія отъ этого выгоды въ значительной степени парализовались жестокимъ способомъ сбора подати, поручаемаго полковымъ командамъ. Крестьянство.

Изъ изложеннаго видно, что при Петрѣ I наблюдалось извѣстное соотвѣтствіе въ положеніи сословій: всѣ они одинаково прикрѣплены къ обязанностямъ въ пользу государства (дворяне—къ службѣ, горожане и всѣ крестьяне—къ платежу подушной подати, крѣпостные, кромѣ того, — къ работамъ для обезпеченія помѣщиковъ), всѣ одинаково ограничены въ своихъ правахъ.

При преемникахъ Петра Великаго вплоть до конца XVIII в. это соотвѣтствіе рѣзко нарушается въ пользу дворянъ и въ ущербъ крестьянъ; затѣмъ, съ конца XVIII вѣка, положеніе крестьянъ начинаетъ постепенно улучшаться.

§ 93. Положеніе дворянства и крестьянства въ эпоху ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго и императрицы Екатерины II.

Общія замѣчанія.

Общественный строй со времени смерти Петра Великаго до вступленія на престолъ Павла I характеризуется двумя параллельными и въ то же время обратно-пропорціональными процессами: 1) *раскрѣпощеніемъ дворянства и обращеніемъ его изъ служилаго сословія въ привилегированное*, 2) *дальнѣйшимъ закрѣпощеніемъ крестьянства* и ограниченіемъ его правъ, какъ юридическихъ, такъ и имущественныхъ. *Логически* между этими процессами было глубокое противорѣчіе: вѣдь, какъ извѣстно (стр. 200), крестьяне въ Московской Руси были прикрѣплены къ землевладѣльцамъ *только потому*, что послѣдніе, въ свою очередь, были прикрѣплены къ службѣ; слѣдовательно, облегченіе, а затѣмъ и отмѣна обязательной дворянской службы должны были повести къ облегченію и уничтоженію крѣпостного права. Однако *исторически*, какъ сейчасъ увидимъ, оба процесса были тѣсно связаны другъ съ другомъ.

Первый обусловливался въ значительной степени тѣмъ положеніемъ, которое выпало на долю дворянства при рѣшеніи вопросовъ о замѣщеніи престола въ эпоху ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго. Въ наукѣ принято называть ее «эпохой дворцовыхъ переворотовъ». Явными или закулисными руководителями послѣднихъ были, особенно въ первое время, видные сановники, большею частью, изъ числа прежнихъ петровскихъ сподвижниковъ; рѣшающая же, дѣятельная роль въ такихъ переворотахъ предоставлялась тому классу, который являлся главной силой въ государствѣ,—именно, *гвардіи*, состоявшей, какъ извѣстно, изъ *шляхетства* (т. е. дворянства). Такъ, она содѣйствовала воцаренію Екатерины I, возстановленію самодержавія Анны Іоанновны, отмѣнѣ регентства Бирона, возведенію на престолъ Елизаветы Петровны и Екатерины II. Естественно, что гвардія, дававшая своими выступленіями перевѣсъ одному претенденту на престолъ надъ другимъ и вліявшая на составъ правительственной среды, невольно привыкала смотрѣть на себя не только какъ на военную, но и какъ на *политическую* силу, считать себя вершительницей судебъ отечества. Съ другой стороны, и преемники Петра Великаго, видѣвшіе въ гвардіи главную свою опору и опасавшіеся новыхъ переворотовъ, благоволили къ ней и считались съ нуждами и сословными желаніями питавшаго ее шляхетства. Въ общемъ, эти желанія сводились къ облегченію служебныхъ повинностей, къ обезпеченію землевладѣнія и къ расширенію правъ надъ крѣпостными. Расширяя эти права, правительство не только шло навстрѣчу дворянскимъ интересамъ, но, сверхъ того, руководствовалось еще полицейскими и финансовыми соображеніями: чтобы обез-

печить спокойствіе государства и податную, а также рекрутскую исправность крестьянства, оно возложило отвѣтственность за нихъ всецѣло на помѣщиковъ, поручило послѣднимъ и самый сборъ подушной подати, и надѣлило ихъ для этого полицейскими правами. Такимъ образомъ крѣпостное право получило съ этого времени новый характеръ, по словамъ профессора Ключевскаго, «фискально-полицейскій» (т. е. обусловленный финансовыми и полицейскими интересами) или «откупной» (передававшій доходъ съ крестьянъ какъ бы на откупъ помѣщикамъ). Выяснивъ тѣсную связь между указанными процессами, сливающимися, въ сущности, въ одинъ, прослѣдимъ важнѣйшіе этапы послѣдняго.

Облегченіе дворянской службы и усиленіе крѣпостного права.

Уже при императрицѣ Екатеринѣ I для облегченія дворянской службы часть офицеровъ и рядовыхъ изъ дворянъ отпущена была на побывку въ свои деревни. Въ царствованіе Анны Іоанновны въ 1731 году былъ отмѣненъ непріятный для дворянъ и постоянно нарушаемый ими законъ о единонаслѣдіи, при чемъ вотчины и помѣстья окончательно сливались подъ наименованіемъ «недвижимыя имѣнія вотчины», которыя могли дѣлиться между дѣтьми поровну. Тогда же учрежденъ былъ Сухопутный Шляхетный Кадетскій Корпусъ, окончаніе котораго открывало доступъ прямо въ офицерскіе чины (минуя нижніе). Вслѣдствіе этого служба, не утративъ обязательности, сдѣлалась болѣе легкой; къ тому же (закономъ 1736 г.) она была ограничена 25-тилѣтнимъ срокомъ, при чемъ одинъ изъ сыновей въ семьѣ вовсе освобождался отъ службы, оставаясь дома для присмотра за хозяйствомъ. Что касается крестьянъ, то сборъ подушной подати, нѣсколько облегченный при Екатеринѣ I, сдѣлался опять безпощаднымъ вслѣдствіе политики Бирона и другихъ нѣмцевъ-временщиковъ, ухищрявшихся въ изобрѣтеніи способовъ для взыскиванія недоимокъ.

При Елизаветѣ Петровнѣ дворянство, смотрѣвшее на себя, какъ на «благородное сословіе», отличающееся отъ «подлыхъ» (т. е. низшихъ) своими правами, монополизировало въ своихъ рукахъ право владѣнія крѣпостными: нѣсколько указовъ запрещало всѣмъ, кромѣ дворянъ, пріобрѣтать населенныя земли или крестьянъ безъ земли, повелѣвая тѣмъ не-дворянамъ, которые владѣютъ ими, продать ихъ въ установленный срокъ. Этого права лишены были, между прочимъ, и дворяне личные (т. е. лица недворянскаго происхожденія, состоящія на службѣ въ чинѣ ниже VIII ранга, который сообщалъ уже потомственное дворянство). Такимъ образомъ дворяне потомственные (т. е. происходящіе отъ предковъ-дворянъ и передающіе свое званіе потомкамъ) обособлялись отъ личныхъ (не передающихъ этого званія своимъ дѣтямъ), при чемъ принадлежность къ потомственному дворянству должна была доказываться соотвѣтствующими документами. Освободиться отъ обязательной службы дворянству при Елизаветѣ

Петровнѣ не удалось, но оно нашло способъ нѣсколько облегчить ее: именно, съ этого времени вошло въ обычай, особенно въ знатныхъ семьяхъ, записывать дѣтей на службу съ самыхъ малыхъ лѣтъ; не неся никакихъ обязанностей, они числились, однако, служащими, получали чины и такимъ образомъ начинали дѣйствительную службу уже офицерами. Особенное вниманіе удѣляло елизаветинское дворянство землевладѣнію и крестьяновладѣнію. Для упорядоченія перваго въ 1754 году начато было «генеральное» межеваніе земель. Въ томъ же году открылся дворянскій заемный банкъ, въ которомъ землевладѣльцы, подъ залогъ своей недвижимой собственности, могли брать 6%-ныя ссуды (впрочемъ, такой же заемный банкъ учрежденъ былъ и для купечества).

Власть помѣщиковъ надъ крѣпостными усилилась; на послѣднихъ правительство стало смотрѣть какъ на подданныхъ первыхъ. Это проявилось, напр., въ томъ, что при вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны крестьяне не были приведены къ присягѣ (въ этомъ, быть можетъ, случайно промелькнулъ взглядъ на нихъ, какъ на подданныхъ помѣщиковъ, которые присягаютъ и за себя и за своихъ людей). Въ 1760 году господамъ предоставлено было право ссылать своихъ крестьянъ въ Сибирь, при чемъ такіе ссыльные засчитывались помѣщику въ число рекрутовъ, которыхъ онъ обязанъ былъ поставить съ своей земли. Это право, жестокое само по себѣ, приводило, сверхъ того, къ страшнымъ злоупотребленіямъ: чтобы не терять рабочихъ рукъ отдачей крестьянъ въ рекруты, нѣкоторые помѣщики безвинно ссылали въ Сибирь крѣпостныхъ, неспособныхъ къ военной службѣ и мало пригодныхъ къ полевымъ работамъ. Другая проведенная при императрицѣ Елизаветѣ мѣра, касавшаяся рекрутскаго набора, была благодѣтельна не только для помѣщиковъ, но и для крестьянъ: именно, рѣшено было производить наборъ не со всего государства одновременно, а лишь съ одной изъ пяти полосъ, на которыя оно было раздѣлено для этой цѣли, и которыя ежегодно чередовались. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ правительство лишило крестьянъ единственнаго законнаго выхода изъ крѣпостной неволи, запретивъ имъ добровольно поступать въ солдаты, что разрѣшалось при Петрѣ I. Дворянство заинтересовано было не только въ сохраненіи рабочихъ рукъ, но и въ облегченіи податного бремени крѣпостныхъ, такъ какъ, при отвѣтственности господъ за ихъ платежную исправность, подушная подать превратилась какъ бы «въ подать, платимую каждымъ помѣщикомъ со своихъ крестьянъ». Для «удовольствованія всѣхъ помѣщиковъ» правительство Елизаветы Петровны постановило производить черезъ каждыя 15 лѣтъ ревизіи, чтобы опредѣлить точное число плательщиковъ, снимало недоимки, уменьшало размѣры подушнаго оклада.

Царствованіе Петра III принесло въ высшей степени важную льготу дворянству: манифестъ 18 февраля 1762 г. «о вольности дворянской» освобождалъ его отъ обязательной службы и обязательнаго обученія, придавая имъ характеръ лишь нравственнаго долга, а не государственной повинности.

Высшее развитіе дворянскихъ привилегій и крѣпостного права.

Итакъ, ко времени императрицы Екатерины II дворяне получили важныя личныя и имущественныя права, но они не имѣли объединяющей ихъ сословной организаціи. До манифеста «о вольности дворянской» ихъ объединяла служба: дѣйствительно, дворяне не разъ выступали совмѣстно—или въ видѣ гвардіи (при дворцовыхъ переворотахъ) или въ качествѣ чиновнаго шляхетства (напр., при воцареніи Анны). Но когда дворянство освобождено было отъ обязательной службы, оно могло обратиться въ совокупность отдѣльныхъ лицъ, правда, привилегированныхъ, но ничѣмъ не связанныхъ другъ съ другомъ. А между тѣмъ стремленіе къ корпоративной связи стало ярко проявляться въ дворянской средѣ. Къ тому же областная реформа 1775 г. (стр. 307) прямо требовала сословной организаціи. Вѣдь, чтобы избирать исправника и засѣдателей новыхъ областныхъ учрежденій, уѣздные дворяне должны были съѣзжаться на собранія. Такія собранія стали устраиваться разъ въ три года подъ предсѣдательствомъ выборнаго предводителя дворянства. Дворяне цѣлаго уѣзда выступали здѣсь въ качествѣ тѣсно сплоченнаго общества, поставлявшаго изъ своей среды всю уѣздную администрацію, а также засѣдателей въ нѣкоторыя губернскія присутствія. Итакъ, въ 1775 г. положено было начало *уѣздной* сословной организаціи дворянства. Дальнѣйшимъ его успѣхомъ было признаніе за нимъ также *губернской* организаціи: именно, права съѣзжаться на губернскія собранія, избирать губернскаго предводителя и, что особенно важно, дѣлать черезъ него представленія о своихъ нуждахъ не только губернатору, но также Сенату и даже самой Верховной власти[1]). Это признаніе сдѣлано было «Жалованной грамотой дворянству», изданной въ 1785 году.

Она подтвердила и систематизировала вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ права и привилегіи, пріобрѣтенныя дворянствомъ въ прежнее время. Именно, въ силу этой грамоты, дворяне: 1) пользуются потомственно своимъ званіемъ и могутъ лишиться его только по судебному приговору Сената, утвержденному Верховной властью, 2) судятся только равными себѣ, т. е. дворянами же, 3) освобождаются отъ тѣлесныхъ наказаній, личныхъ податей и обязательной службы, 4) имѣютъ право заниматься промышленной и торговой дѣятельностью, 5) владѣютъ на правахъ собственности всѣмъ находящимся въ ихъ имѣ-

[1]) Однако правомъ голоса на дворянскихъ собраніяхъ пользовались только тѣ дворяне, которые пріобрѣли службой офицерскій чинъ.

ніяхъ, значитъ, и крѣпостными. Такимъ образомъ Жалованная грамота окончательно превратила дворянство въ привилегированное сословіе, которое притомъ сосредоточивало въ своихъ рукахъ непосредственно всю уѣздную, а посредственно также губернскую и центральную администрацію (такъ какъ большинство чиновниковъ было дворянскаго происхожденія), и которое пользовалось важнымъ политическимъ правомъ—приносить черезъ своихъ предводителей «представленія и жалобы» самой Верховной власти. Такъ законченъ былъ переходъ дворянства отъ служилаго положенія къ привилегированному. Главнѣйшими этапами его, какъ выяснено, были: 1) облегченіе служебной и учебной повинности и расширеніе землевладѣльческихъ правъ при Аннѣ Іоанновнѣ; 2) обособленіе потомственнаго дворянства отъ другихъ классовъ, лишенныхъ владѣнія крѣпостными, при Елизаветѣ Петровнѣ, 3) освобожденіе отъ обязательной службы при Петрѣ III и 4) предоставленіе дворянамъ, взамѣнъ ея, важнаго и почетнаго права службы по выборамъ въ 1775 году. Дворянство получило почти все, чего оно добивалось. Изъ крупныхъ его пожеланій не осуществилось только прегражденіе доступа къ дворянству посредствомъ выслуги: и при Екатеринѣ II, и послѣ нея извѣстные чины или ордена сообщали не-дворянамъ права потомственнаго дворянства.

Указанный процессъ возвышенія дворянства шелъ, какъ уже отмѣчалось, параллельно другому процессу—приниженію крѣпостного крестьянства. Естественно ожидать, что время самаго пышнаго расцвѣта дворянскихъ привилегій при Екатеринѣ II должно было совпасть съ періодомъ наибольшаго развитія крѣпостного права. Правда, сама императрица, по крайней мѣрѣ въ началѣ царствованія, склонялась, повидимому, къ уничтоженію его [1]). Однако огромное большинство ея приближенныхъ настойчиво противилось этому. Въ такомъ противодѣйствіи окружающихъ нужно видѣть одну изъ причинъ отказа Екатерины II отъ освободительныхъ стремленій. Другая причина заключалась въ крестьянскихъ волненіяхъ, съ которыми императрица рѣшила бороться не улучшеніемъ быта крѣпостныхъ, а мѣрами строгости. Такъ, въ 1765 г. она предоставила помѣщикамъ право ссылать крѣпостныхъ «за продерзости» на каторгу или въ любое время отдавать ихъ въ солдаты. Два года спустя (въ 1767 г.) послѣдовалъ еще болѣе жестокій указъ—крестьянамъ, подъ угрозой строгаго наказанія, запрещено было даже жаловаться правительству на помѣщиковъ. Этимъ указомъ правительство какъ бы совсѣмъ отгородилось отъ крѣпостныхъ.

Оно судило ихъ только за важнѣйшія преступленія, требовало

---

[1]) Рядъ пожеланій, направленныхъ къ ограниченію крѣпостного права, содержался, какъ можно предполагать, въ первоначальной редакціи Наказа.

отъ нихъ, подъ отвѣтственностью господъ, платежа податей въ пользу государства и исполненія рекрутской повинности, ставило помѣщикамъ въ обязанность прокармливать своихъ крестьянъ во время голода и не доводить ихъ до разоренія и слѣдило, наконецъ, за тѣмъ, чтобы не было особенно грубыхъ злоупотребленій помѣщичьей властью. Все же ближайшее завѣдываніе крѣпостными и право распоряженія ихъ трудомъ, имуществомъ и личностью предоставлено было господамъ.

Помѣщикъ, по своему усмотрѣнію, могъ наложить на крѣпостныхъ любую повинность или работу, могъ переводить ихъ изъ одного разряда въ другой (напр., изъ оброчныхъ, т. е. уплачивавшихъ ему денежные взносы, въ барщинныхъ, т. е. обрабатывавшихъ господскую землю, или въ дворовыхъ, т. е. служившихъ въ господскомъ домѣ, и наоборотъ), могъ переселять ихъ въ другія свои имѣнія, сдавать ихъ въ солдаты, въ услуженіе, продавать и цѣлыми семьями, и въ-одиночку, и съ землею, и безъ земли; наконецъ, помѣщику предоставлено было право судить крестьянъ и подвергать ихъ цѣлому ряду самыхъ жестокихъ взысканій.

Законъ разрѣшалъ господамъ сдавать крѣпостныхъ въ наказаніе въ рекруты, заключать ихъ въ тюрьму, ссылать въ Сибирь. Но, конечно, этимъ не исчерпывался перечень наказаній, примѣняемыхъ помѣщиками. Многіе изъ нихъ имѣли собственные судебники, въ которыхъ по произволу устанавливали различныя степени преступленій и соотвѣтствующихъ имъ взысканій, причинявшихъ иногда даже смерть наказываемому.

Въ такомъ безысходномъ положеніи находились крѣпостные, которыхъ при Екатеринѣ II было свыше $6^1/_2$ милліоновъ душъ мужского пола.

Далеко не благоденствовали и государственные или казенные крестьяне, дѣлившіеся на нѣсколько различныхъ категорій [дворцовые—работавшіе на содержаніе Императорскаго Двора, государевы—состоявшіе во владѣніи отдѣльныхъ членовъ Императорской Фамиліи, экономическіе—бывшіе церковные (см. ниже), поссесіонные—приписанные къ заводамъ и фабрикамъ, черносошные—жившіе въ сѣверныхъ губерніяхъ; къ государственнымъ крестьянамъ причислялись также потомки однодворцевъ, восточные инородцы, пашенные сибиряки, крестьяне конфискованныхъ правительствомъ имѣній, или освобожденные помѣщиками, многочисленные разряды сельскаго населенія земель, присоединенныхъ по польскимъ раздѣламъ; всего казенныхъ числилось свыше $4^1/_2$ мил. душъ м. п.]. Во-первыхъ, они страдали отъ злоупотребленій и произвола должностныхъ лицъ; во-вторыхъ, ихъ свобода всегда висѣла на волоскѣ: сегодня свободные, они завтра, по волѣ правительства, могли быть пожалованы въ частное владѣніе, иными словами, обращены въ крѣпостныхъ; въ-третьихъ,

они были отягощены непосильнымъ податнымъ бременемъ и другими повинностями. Особенно можно сказать это о крестьянахъ, приписанныхъ къ заводамъ и фабрикамъ.

Изъ изложеннаго понятно, что безправное и измученное крестьянство (особенно крѣпостное) было охвачено глубочайшимъ недовольствомъ, чувствомъ отчаянія, жаждой мести и духомъ протеста, выражавшагося не только въ побѣгахъ, но и въ волненіяхъ, которыя приняли крупныя формы именно со времени манифеста о «вольности дворянской» и затѣмъ разразились въ видѣ страшнаго по своей жестокости Пугачевскаго бунта (1773—1774 г.). Этотъ бунтъ показалъ Екатеринѣ II, что между интересами дворянъ и крѣпостныхъ существуетъ непримиримое противорѣчіе, и что ей предстоитъ сдѣлать выборъ между ними. Она сдѣлала его въ пользу дворянства. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ императрица приняла частичныя и мало существенныя мѣры противъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ. Такъ, были уничтожены нѣкоторые способы установленія крѣпостной зависимости (напр., закрѣпощеніе незаконнорожденныхъ, свободныхъ и отпущенныхъ на волю); крѣпостные селъ, обращаемыхъ въ города, выкупались и дѣлались горожанами; крестьяне церковныхъ земель, вслѣдъ за переходомъ послѣднихъ въ казну, совершившимся въ 1764 г. (см. ниже), отданы были въ вѣдѣніе Коллегіи Экономіи (почему и получили названіе «экономическихъ») и поставлены въ одинаковое положеніе съ государственными; устанавливался надзоръ за особенно жестокими помѣщиками; запрещалось продавать людей безъ земли при продажѣ имѣній съ аукціона. Но, съ другой стороны, число крѣпостныхъ при Екатеринѣ возросло, такъ какъ крѣпостное право распространено было на Малороссію и на вновь присоединенныя области, а кромѣ того, около милліона государственныхъ крестьянъ обоего пола роздано въ частное владѣніе. Такой переходъ въ неволю былъ для послѣднихъ особенно тяжелымъ потому, что въ общемъ положеніе государственныхъ крестьянъ при Екатеринѣ II нѣсколько улучшилось вслѣдствіе областной реформы 1775 года, давшей имъ сословные суды (расправы).

Какъ видно, императрица Екатерина II не сгладила противорѣчій въ положеніи землевладѣльческаго и земледѣльческаго сословій, а напротивъ, углубила ихъ, но самымъ этимъ углубленіемъ она поставила рѣшеніе сословнаго вопроса чуть не въ первую очередь среди другихъ государственныхъ задачъ. Онъ сталъ обсуждаться въ литературѣ (насколько это допускали цензурныя условія) и въ обществѣ; къ систематической работѣ надъ нимъ приступило и правительство въ царствованія преемниковъ императрицы Екатерины II.

§ 94. Положеніе дворянства и крестьянства въ царствованія императоровъ Павла I, Александра I и Николая I.

Дворянство.

Императоръ Павелъ I, осуждая всю политику своей матери, не сочувствовалъ и ея отношенію къ дворянству. Права послѣдняго, какъ личныя, такъ, въ особенности, корпоративныя, утвержденныя Жалованной Грамотой, были ограничены. Въ царствованіе Александра I замѣчаются колебанія въ политикѣ, касающейся дворянства. Съ одной стороны была возстановлена Жалованная Грамота, и дворянамъ предоставлено было право выбирать по два засѣдателя въ палаты уголовную и гражданскую, съ другой—по мысли Сперанскаго, въ 1809 г. были проведены два указа, вызвавшихъ большое недовольство въ средѣ придворнаго и служилаго дворянства. Первый указъ обращалъ придворныя званія только въ почетныя отличія, не приносящія никакихъ служебныхъ преимуществъ и не дающія права на чины. Второй—запрещалъ производить въ чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника лицъ, не предъявившихъ университетскаго диплома или свидѣтельства о выдержаніи соотвѣтствующаго экзамена. Кромѣ того, для полученія чина статскаго совѣтника нужно было состоять на службѣ не менѣе 10 лѣтъ. При императорѣ Николаѣ I можно усмотрѣть такія же колебанія. «Положеніе о дворянскихъ обществахъ» 1831 г.[1]) дало послѣднимъ право дѣлать высшему начальству представленія не только о своихъ сословныхъ нуждахъ, но и нуждахъ всей губерніи, вслѣдствіе чего дворянство стало, по словамъ проф. Ключевскаго, «представителемъ всѣхъ другихъ общественныхъ классовъ»; 2) разрѣшило дворянамъ выбирать также и предсѣдателей палаты уголовной и гражданской; но вмѣстѣ съ тѣмъ 3) постановило, что правомъ непосредственнаго участія въ дворянскихъ собраніяхъ могутъ пользоваться лишь крупные землевладѣльцы (имѣющіе не менѣе 3.000 десятинъ земли и 100 душъ крестьянъ мужского пола), изъ мелкопомѣстныхъ же такое право принадлежитъ только лицамъ, дослужившимся до высокаго чина; а остальные мелкопомѣстные посылаютъ на собранія лишь своихъ уполномоченныхъ. Сверхъ того, манифестомъ 1845 г. затрудненъ былъ доступъ въ дворянство посредствомъ выслуги. (Именно, потомственное дворянство пріобрѣталось штабъ-офицерскимъ чиномъ на военной и чиномъ 5-го класса на гражданской службѣ; оберъ-офицерскій чинъ и гражданскій чинъ 9-го класса давалъ личное дворянство) [1]). Одновременно съ этими частичными мѣрами, не вносившими, какъ видно,

[1]) Дальнѣйшее повышеніе требованій для пріобрѣтенія потомственнаго дворянства—чинъ полковника или чинъ 4-го класса на гражданской службѣ—послѣдовало уже въ царствованіе императора Александра II-го.

существенныхъ перемѣнъ въ положеніе дворянъ, проводились также мѣры, направленныя къ улучшенію быта крестьянъ, какъ государственныхъ, такъ и крѣпостныхъ.

Государственные крестьяне.

Самоуправленіе, существовавшее у нѣкоторыхъ разрядовъ государственныхъ крестьянъ искони (стр. 74) и узаконенное въ XVIII в. правительствомъ (напр., областной реформой 1775 г.), получило дальнѣйшее развитіе при императорѣ Павлѣ I. При немъ, какъ сказано (стр. 286), образованы были удѣльныя земли. Населявшіе ихъ «удѣльные» крестьяне распредѣлены были по волостямъ—3.000 душъ въ каждой—и получили право избирать «волостное правленіе» для завѣдыванія мѣстными дѣлами. По примѣру удѣльныхъ стали устраиваться и государственные крестьяне.

Однако высшее завѣдываніе ими находилось въ рукахъ нѣсколькихъ правительственныхъ учрежденій, каждое изъ которыхъ не столько оберегало ихъ интересы, сколько видѣло въ нихъ источникъ казенныхъ доходовъ. Понятно поэтому, что ни юридическое, ни экономическое положеніе государственныхъ крестьянъ не было достаточно обезпечено: до воцаренія императора Александра I они, какъ сказано (стр. 333), представляли собою тотъ фондъ, изъ котораго черпались награды сановникамъ (такъ напр., Павелъ I за свое недолгое царствованіе роздалъ въ частное владѣніе до 600 тысячъ государственныхъ крестьянъ обоего пола). Императоръ Александръ I прекратилъ пожалованія населенныхъ земель и разрѣшилъ государственнымъ крестьянамъ, какъ и людямъ всѣхъ свободныхъ состояній, пріобрѣтать земельную собственность. Но экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ не подвергся измѣненіямъ: они страдали отъ крайне неравномѣрнаго распредѣленія земли (въ то время, какъ одни владѣли надѣлами по 20 десятинъ, надѣлы другихъ не превышали 2 и даже 1 десятины), были обременены огромными недоимками, разорялись изъ-за пьянства (которое, какъ видно по числу питейныхъ домовъ, въ ихъ средѣ было развито въ три раза сильнѣе, чѣмъ въ средѣ крѣпостныхъ).

Все это совершенно измѣнилось въ царствованіе императора Николая I благодаря стараніямъ министра государственныхъ имуществъ гр. Киселева. Онъ задался цѣлью реорганизовать управленіе казенными крестьянами, сосредоточивъ общее завѣдываніе ими исключительно въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, задачей котораго было имѣть попеченіе объ ихъ интересахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставивъ имъ широкое самоуправленіе. Для цѣлесообразнаго устройства послѣдняго государственные крестьяне распредѣлялись на волости (по 6.000 душъ м. п.), а волости—на селенія (по 1.500 д. м. п. въ одной или нѣсколькихъ деревняхъ). Органами волостного самоуправленія были: волостной сходъ (собиравшійся разъ въ три года), избранное имъ волостное правленіе (изъ головы и двухъ засѣдателей);

органами сельскаго самоуправленія—сельскій сходъ (въ обыкновенномъ и въ расширенномъ составѣ), сельская расправа (для разбора мелкихъ преступленій и тяжбъ) и выборныя должностныя лица для несенія полицейскихъ, податныхъ и хозяйственныхъ обязанностей.

Киселевъ не ограничился организаціей управленія, а преобразовалъ и самый бытъ казенныхъ крестьянъ. Онъ заботился объ улучшеніи строительной части въ ихъ селеніяхъ, о правильномъ размежеваніи земель, объ устройствѣ вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассъ и введеніи страхованія, о постройкѣ въ деревняхъ церквей и школъ (въ министерство Киселева въ среднемъ открывалось по 140 училищъ ежегодно—цифра огромная для того времени). Наконецъ, Киселевъ стремился увеличить численность государственныхъ крестьянъ посредствомъ перевода въ ихъ среду крестьянъ другихъ категорій и выкупа крѣпостныхъ.

Крѣпостные крестьяне.

Гораздо медленнѣе подвигалось улучшеніе быта крѣпостныхъ. Императоръ Павелъ I не собирался производить существенныхъ преобразованій въ немъ. Тѣмъ не менѣе въ 1797 г. онъ издалъ манифестъ, запрещавшій помѣщикамъ требовать отъ крѣпостныхъ работы въ воскресные дни и указывавшій, что они могутъ довольствоваться трехдневной барщиной въ недѣлю, предоставляя крестьянамъ въ остальные дни работать на себя. Неясно изложенный, этотъ манифестъ толковался различно: крестьяне понимали его въ смыслѣ законодательнаго установленія трехдневной барщины, помѣщики—въ смыслѣ совѣта, не имѣвшаго обязательной силы. Изданный Павломъ I указъ о воспрещеніи продажи крестьянъ безъ земли получилъ практическое примѣненіе только въ Малороссіи. Большее значеніе имѣли указы объ облегченіи нѣкоторыхъ повинностей, о сложеніи недоимокъ и временномъ прекращеніи рекрутскаго набора.

При императорѣ Александрѣ I, выражавшемъ надежду, «что крѣпостное право прекратится въ его царствованіе», крестьянскій вопросъ очень оживленно и либерально обсуждался въ Негласномъ Комитетѣ и затронутъ былъ Сперанскимъ, который предполагалъ надѣлить крѣпостныхъ, вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ населеніемъ, «правами гражданскими общими» [1]), иными словами, регулировать крѣ-

[1]) Въ своемъ извѣстномъ проектѣ (стр. 287) Сперанскій раздѣляетъ подданныхъ на три класса: 1) дворянство, 2) купечество, мѣщанство и государственные крестьяне, 3) народъ рабочій и крѣпостные люди. Между этими классами распредѣляются три рода правъ: 1) права гражданскія общія, 2) права гражданскія особенныя, 3) политическія права. Права гражданскія общія принадлежатъ *всѣмъ тремъ классамъ* и состоятъ въ слѣдующемъ: 1) никто безъ суда наказанъ быть не можетъ; 2) никто не обязанъ отправлять личную службу (или общественную повинность) по произволу другого, но по закону, опредѣляющему родъ службы по состояніямъ (повинности также устанавливаются закономъ или добровольнымъ соглашеніемъ); 3) всякій можетъ пріобрѣтать собственность движимую или недвижимую и располагать ею по закону. Права гражданскія особенныя принадлежатъ только

постное право закономъ, а впослѣдствіи, путемъ постепенныхъ мѣръ, и вовсе уничтожить его. И въ концѣ царствованія Александра I, когда отмѣна крѣпостного права сдѣлалась важнѣйшимъ лозунгомъ тайныхъ обществъ, правительство со своей стороны не снимало съ очереди крестьянскаго вопроса. Такъ, напр., въ 1818 г. Аракчееву было поручено составить такой проектъ отмѣны крѣпостного права, «который былъ бы сопряженъ съ выгодами помѣщиковъ». Однако *практическихъ* мѣръ, улучшавшихъ бытъ *крѣпостныхъ*, при императорѣ Александрѣ I проведено было очень немного, а именно:

I. По предложенію гр. С. П. Румянцева, въ 1803 г. былъ изданъ законъ о «свободныхъ хлѣбопашцахъ». Этотъ законъ предоставлялъ помѣщикамъ право отпускать на волю своихъ крестьянъ, *надѣляя ихъ землей*, за что освобожденные, получавшіе названіе «свободныхъ хлѣбопашцевъ», отбывали въ пользу помѣщиковъ извѣстныя повинности (или выплачивали извѣстную сумму) по соглашенію съ ними. Важнаго практическаго значенія законъ не имѣлъ, такъ какъ за все царствованіе Александра I на основаніи его отпущено было на волю только нѣсколько десятковъ тысячъ крѣпостныхъ. II. Запрещены были публикаціи о продажѣ крестьянъ безъ земли. III. Въ 1804—1805 г.г. преобразованъ былъ бытъ лифляндскаго и эстляндскаго крестьянства, а въ 1816—1817 г.г. крѣпостные Прибалтійскаго края получили личную свободу, но не были надѣлены землей, вслѣдствіе чего оказались въ экономическомъ порабощеніи у мѣстнаго нѣмецкаго дворянства.

Еще болѣе усилился интересъ правительства къ крестьянскому вопросу въ царствованіе императора Николая I, который отчетливо сознавалъ и несправедливость крѣпостного права, и вредъ его для экономической жизни Россіи (см. ниже), и государственную опасность его, какъ первопричины частыхъ крестьянскихъ волненій, и который задался цѣлью начать «процессъ противъ рабства». Однако изъ всѣхъ сотрудниковъ императора, въ сущности, одинъ только Киселевъ (стр. 336), котораго государь называлъ «начальникомъ штаба по крестьянской части», смотрѣлъ на уничтоженіе крѣпостного права какъ на «святое дѣло» и страстно стремился къ его осуществленію. Остальные сановники предпочитали подготовительныя мѣры. Такъ,

---

дворянамъ и заключаются: 1) въ свободѣ отъ обязательной службы и 2) въ правѣ пріобрѣтенія и владѣнія недвижимой *населенной крѣпостными собственностью*, съ тѣмъ, однако, чтобы ею управляли не иначе, какъ по закону. Правами политическими пользуются только владѣющіе недвижимою собственностью или капиталомъ (пріобрѣтеніе собственности сообщаетъ политическія права и тѣмъ, кто раньше ихъ не имѣлъ, именно, низшему классу—рабочимъ и крѣпостнымъ). Сущность ихъ (т. е. политическихъ правъ) заключается въ правѣ избирать и быть избираемымъ въ государственныя учрежденія, иными словами, въ «участіи въ силахъ государственныхъ» или во власти (стр. 287).

комитетъ 6 декабря (стр. 300) полагалъ запретить продажу крестьянъ безъ земли, облегчить отпускъ ихъ на волю и ограничить число дворовыхъ. Преобразованія крестьянскаго быта должны были (по мысли Сперанскаго, игравшаго очень видную роль въ Комитетѣ 6 декабря) вестись въ такомъ направленіи, чтобы вернуть крѣпостное состояніе къ первоначальной стадіи его развитія—прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ,—а затѣмъ подготовить постепенно и незамѣтнымъ образомъ и полную отмѣну его. Кромѣ этого Комитета, еще 9 другихъ секретныхъ—послѣдовательно обсуждали способы ограниченія крѣпостного права, но изъ всего «процесса противъ рабства» они произвели, такъ сказать, лишь предварительное слѣдствіе, очень мало улучшившее положеніе крѣпостныхъ. Точное опредѣленіе ихъ повинностей, посредствомъ инвентарныхъ правилъ, сдѣлано было только для Западнаго края[1]); нѣсколько упорядочена была продажа людей (не допускалась, напр., продажа съ раздробленіемъ семействъ или безъ приписки къ землѣ), ограниченъ кругъ лицъ, имѣющихъ право владѣть крѣпостными (такъ, напр., ими не могли владѣть лица, возведенныя въ дворянское званіе изъ крестьянъ); дозволено послѣднимъ, съ разрѣшенія господъ, пріобрѣтать недвижимое имущество; предписано брать въ казенное завѣдываніе имѣнія, въ которыхъ на крестьянина приходится менѣе $4^1/_2$ десятинъ земли; опредѣлены закономъ наказанія, налагаемыя помѣщиками на провинившихся крѣпостныхъ; наконецъ, изданъ въ 1842 году «указъ объ обязанныхъ крестьянахъ», сходный съ указомъ о «свободныхъ хлѣбопашцахъ», подобно ему, не имѣвшій обязательнаго значенія и потому, въ сущности, излишній[2]).

Въ концѣ царствованія Николая I пріостановилась выработка и такихъ частичныхъ мѣръ, во-первыхъ, потому, что даже онѣ вызывали сильное недовольство большинства помѣщиковъ и являлись, по мнѣнію послѣднихъ, причиной «возмутительныхъ началъ, развивающихся въ Россіи», во-вторыхъ, потому, что самъ государь, встрево-

---

[1]) На крѣпостное право въ Западномъ краѣ обращено было особенное вниманіе потому, что правительство искало здѣсь въ крестьянской массѣ опоры себѣ для противовѣса польскому дворянству. Поэтому генералъ-губернатору юго-западнаго края Бибикову поручено было позаботиться объ урегулированіи крестьянскихъ надѣловъ и повинностей обязательными «инвентарными правилами». Для выработки ихъ были учреждены губернскіе комитеты изъ представителей мѣстной администраціи и выборныхъ отъ дворянства. Однако составленныя ими (для каждаго имѣнія отдѣльно) правила не удовлетворили Бибикова, и онъ предложилъ переработать ихъ сообразно указанной имъ общей нормѣ. Въ такомъ переработанномъ видѣ они и были введены въ дѣйствіе въ 1847 г. Вслѣдъ затѣмъ приступлено было къ составленію инвентарей для сѣверо-западнаго края, затянувшемуся, впрочемъ, на долгое время.

[2]) Главное различіе между этими законами заключалось въ томъ, что «свободнымъ хлѣбопашцамъ» земля давалась въ *«собственность»*, а обязаннымъ крестьянамъ въ *«пользованіе»*.

женный революціонными движеніями, происходившими въ 1848 г. въ Западной Европѣ, началъ опасаться, что отмѣна крѣпостного права вызоветъ волненія и въ Россіи; вопреки прежнимъ своимъ взглядамъ, онъ даже сталъ считать освобожденіе крестьянъ «преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства». Но когда Крымская война ярко обнаружила внутренніе недуги Россіи, и больше всего вредъ крѣпостного права, которое отвлекало силы правительства отъ борьбы съ внѣшними врагами для усмиренія крестьянскихъ волненій и не позволяло придать войнѣ народный характеръ изъ боязни, что въ такомъ случаѣ волненія еще больше разрастутся, тогда и правительство, и широкіе круги общества почувствовали недостаточность прежнихъ полумѣръ. Императоръ Николай I умеръ съ грустнымъ сознаніемъ, что ему не удалось оставить своему преемнику царства «мирнымъ, устроеннымъ, счастливымъ», «что онъ сдалъ ему команду не въ добромъ порядкѣ». Императора Александра II Крымская война сдѣлала великимъ реформаторомъ: онъ убѣдился, что для блага народа, для сохраненія и увеличенія могущества русскаго государства необходимы коренныя преобразованія. Важнѣйшимъ изъ нихъ и была крестьянская реформа, явившаяся фундаментомъ всѣхъ остальныхъ.

§ 95. Крестьянская реформа 1861 г. и послѣдующія узаконенія о крестьянахъ.

Подготовленіе реформы.

Императоръ Александръ II предрѣшилъ освобожденіе крестьянъ уже въ 1856 г. въ рѣчи, обращенной къ предводителямъ дворянства Московской губерніи. Нравственная поддержка великой княгини Елены Павловны, дѣловитость «главы прогресса» великаго князя Константина Николаевича и пламенная энергія друга государя Я. И. Ростовцева помогли ему выказать неуклонную твердость во все время выработки крестьянской реформы. Она вырабатывалась правительственными учрежденіями—министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (въ лицѣ министра Ланского и товарища его Левшина), «Негласнымъ», переименованнымъ затѣмъ (въ январѣ 1858 г.) въ «Главный», «Комитетомъ по крестьянскому дѣлу» (въ которомъ первенствующую роль играли великій князь Константинъ Николаевичъ и Ростовцевъ), Редакціонной Комиссіей (работавшей съ начала 1859 г. до осени 1860 г.; предсѣдателемъ ея былъ сперва Ростовцевъ, а послѣ кончины его—графъ Панинъ; изъ членовъ же Комиссіи особенно выдѣлялся своею необыкновенной энергіей, дѣловитостью и блестящимъ знаніемъ крестьянскаго дѣла Н. А. Милютинъ, назначенный преемникомъ Левшина), затѣмъ снова Главнымъ Комитетомъ и, наконецъ, Государственнымъ Совѣтомъ. Однако большое содѣйствіе работѣ этихъ правительственныхъ учрежденій оказало также общество—въ лицѣ *губернскихъ дворянскихъ комитетовъ* (открывшихся къ концу 1858 г. во всѣхъ губерніяхъ и со-

стоявшихъ изъ мѣстныхъ дворянъ), въ лицѣ *экспертовъ*, приглашенныхъ въ Редакціонную Комиссію (изъ нихъ очень извѣстны Самаринъ и кн. Черкасскій), и въ лицѣ писателей. Содѣйствіе нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ, прежде всего тверского, и печати было въ высшей степени плодотворнымъ: не безъ ихъ вліянія правительство отказалось отъ первоначально выработанныхъ основаній реформы, замѣнивъ ихъ другими, болѣе выгодными для крестьянъ.

Основанія реформы.

Первоначальныя основанія (изложенныя сначала въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя виленскаго генералъ-губернатора Назимова, а затѣмъ данныя въ руководство всѣмъ губернскимъ комитетамъ) сводились къ слѣдующему: право собственности на всю землю сохраняется за помѣщиками, крестьянамъ же предоставляется право въ опредѣленный срокъ выкупить лишь свои усадьбы, т. е. дворы; кромѣ того, имъ отводятся земельные участки въ «*пользованіе*», за что они должны отбывать повинности и въ теченіе нѣкотораго времени (не свыше 12 лѣтъ) находиться въ переходномъ «срочно-обязанномъ» состояніи, подчиняясь судебно-полицейской власти помѣщиковъ. Эти основанія, исключавшія, какъ видно, возможность выкупа *всего* крестьянскаго надѣла *въ собственность*, уступили мѣсто другимъ, выдвинутымъ прежде всего тверскимъ комитетомъ, а затѣмъ Ростовцевымъ. Сущность ихъ такова: хотя земля, какъ это считалось общепризнаннымъ, и представляетъ собою безусловную собственность помѣщиковъ, однако, съ ихъ согласія, крестьяне *могутъ выкупать надѣлы*, а не только дворы; личную свободу крестьяне получаютъ безвозмездно, дѣлаются вполнѣ независимыми отъ господъ и пользуются самоуправленіемъ. Такія начала и легли въ основу «Положеній» о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости (общаго, мѣстныхъ и частныхъ), выработкой которыхъ занялась Редакціонная Комиссія, пользуясь проектами губернскихъ комитетовъ *только* какъ матеріаломъ (ибо большинство ихъ было составлено по прежней, отвергнутой теперь правительствомъ, программѣ «пользованія» надѣлами).

Сущность Положеній.

Не мало труда потратила Комиссія на опредѣленіе величины тѣхъ земельныхъ надѣловъ, которые предполагалось отвести крестьянамъ. Въ общемъ, крестьянскій надѣлъ, особо устанавливаемый для разныхъ районовъ Россіи, колебался между 12 и одной десятиной. За полученный надѣлъ крестьяне впредь до его выкупа платили помѣщику оброкъ и, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ теченіе извѣстнаго времени, должны были отбывать барщину (мужчины 40 дней въ году, женщины—30). Размѣръ оброка устанавливался въ зависимости отъ мѣстности и количества десятинъ надѣла (оброкъ за высшій надѣлъ колебался отъ 10 до 8 руб. въ годъ). Однако, не всѣ десятины отводимой крестьянину земли облагались податью равномѣрно: за первую и иногда за вторую десятину, надъ которыми крестьянинъ, по

мнѣнію комиссіи, больше всего трудился и изъ которыхъ извлекалъ больше доходовъ, онъ долженъ былъ платить дороже, чѣмъ за остальныя (такъ, напр., за первую полагалось въ нѣкоторыхъ губерніяхъ платить 4 руб., за вторую 2 руб. 40 коп., за остальныя по 1 руб. 30 коп.). Вслѣдствіе такой «градаціи» обложенія, какъ называли принятый способъ назначенія повинностей, крестьянинъ, имѣвшій вдвое меньше земли, чѣмъ другой крестьянинъ той же мѣстности, платилъ не половину оброка послѣдняго, а нѣсколько больше. Это было, въ интересахъ помѣщиковъ, которые могли получать значительный оброкъ и съ мелкихъ надѣловъ. Равнымъ образомъ и выкупъ примѣнялся къ выгодамъ помѣщиковъ: они должны были получить капиталъ, проценты съ котораго возмѣщали бы имъ крестьянскій оброкъ. Такимъ образомъ они вознаграждались не столько за уступленную землю, сколько за прекращеніе крестьянскихъ платежей. Эта система выкупа надѣловъ косвенно заключала въ себѣ выкупъ самихъ крестьянъ и до извѣстной степени нарушала основной принципъ, въ силу котораго выкупаться должна была только земля, а не личность крѣпостныхъ. Такое нарушеніе оправдывалось экономическими условіями различныхъ районовъ Россіи. Дѣло въ томъ, что лишь въ черноземной полосѣ главную цѣнность представляла земля, въ губерніяхъ же съ рѣдкимъ населеніемъ помѣщики особенно дорожили крестьянской работой, а въ промышленныхъ—оброкомъ съ крестьянъ, уходившихъ на промыслы. Выкупленная у помѣщика земля становилась *не личной* собственностью крестьянина, а собственностью *всего общества* крестьянъ, населявшихъ помѣстье, и поступала въ *общинное владѣніе.* «Сельское общество» (такъ называлась крестьянская община) распредѣляло участки и повинности между своими сочленами. Изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ составлялась «волость». Крестьяне, собираясь на сельскіе и волостные сходы, выбирали должностныхъ лицъ (старшину, членовъ волостного правленія и суда, старосту и др.), на которыхъ возлагались хозяйственныя, полицейскія и судебныя обязанности, и которыя являлись посредниками между крестьянами и властями.

Въ окончательной стадіи выработки (подъ вліяніемъ гр. Панина, слывшаго, въ противоположность Ростовцеву, крѣпостникомъ, и нѣкоторыхъ членовъ Государственнаго Совѣта) Положенія были частично измѣнены въ смыслѣ нѣкотораго сокращенія надѣловъ и увеличенія оброка; сверхъ того, по предложенію члена Гос. Совѣта князя Гагарина, было постановлено, что тѣ крестьяне, которые получатъ отъ помѣщика *въ даръ*, т. е. безвозмездно, четвертую часть высшаго установленнаго надѣла, освобождаются отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ нему. Такой «дарственный надѣлъ» давалъ помѣщику возможность уступкой небольшой части земли избавиться отъ необходимости отвести крестьянамъ полные надѣлы.

17 февраля 1861 года обсужденіе реформы было закончено, а 19 государь подписалъ «Положенія» и знаменитый манифестъ о волѣ. Обнародованіе ихъ послѣдовало 5 марта.

Свершилось великое дѣло: 21.625.609 крестьянъ получили свободу. «Живые мертвецы», какъ одинъ писатель называлъ крѣпостныхъ, воскресли для новой, свободной жизни...

Проведеніе реформы.

Даруя крестьянамъ «волю», государь пришелъ имъ на помощь и въ выкупѣ земли. Именно, въ случаѣ согласія помѣщиковъ на выкупъ крестьянскихъ надѣловъ, правительство выплачивало имъ $^4/_5$ такого капитала, доходы съ котораго (считая по 6%) вознаграждали ихъ за прекращеніе крестьянскихъ повинностей; а затѣмъ крестьяне должны были возмѣщать правительству затраченную сумму по частямъ въ теченіе 49 лѣтъ и облагались для этого новыми налогами (такъ называемыми «выкупными платежами»); что касается остальной пятой доли капитала, то ее крестьяне вносили непосредственно помѣщикамъ по соглашенію съ ними. Если помѣщики отказывались отъ этой доли, то выкупъ могъ состояться по ихъ желанію, хотя бы крестьяне и не просили о немъ. За общее же правило было принято, что для выкупа двора нужно только желаніе крестьянина, а для выкупа надѣла, сверхъ того, согласіе помѣщика. Очевидно, что громадное большинство помѣщиковъ должно было предпочесть получить капиталъ, чѣмъ пользоваться повинностями «временно-обязанныхъ» (т. е. невыкупившихъ своихъ надѣловъ) крестьянъ, надъ которыми господа не имѣли уже власти. Дворовые освобождались безъ всякаго выкупа и безъ надѣла, но обязаны были прослужить своимъ господамъ еще два года.

Введеніе Положеній въ дѣйствіе, устройство крестьянъ на новыхъ основаніяхъ и разборъ ихъ недоразумѣній съ помѣщиками при составленіи «уставныхъ грамотъ» (т. е. письменныхъ условій о размѣрѣ отводимой крестьянамъ земли и объ ихъ повинностяхъ) поручены были «мировымъ посредникамъ». Положенія 1861 г. распространены были также на удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ, получавшихъ право выкупать казенныя земли. Такимъ образомъ создалось однородное состояніе или сословіе крестьянъ-собственниковъ (но собственниковъ *общинныхъ*).

Какъ видно, великая крестьянская реформа проведена была съ стремленіемъ по возможности согласовать интересы дворянъ и крестьянъ и тѣмъ самымъ разрѣшить сословный вопросъ, который, какъ упоминалось, въ теченіе ста лѣтъ тревожилъ русское правительство и являлся источникомъ тяжелыхъ осложненій. Понятно поэтому, что реформа 1861 г. считается величайшимъ дѣломъ Царя-Освободителя, тѣмъ болѣе, что она повлекла за собою рядъ другихъ великихъ всесословныхъ преобразованій (суда, мѣстнаго управленія, военной службы, народнаго просвѣщенія) и послужила центральнымъ узломъ, отъ котораго расходились всѣ они.

Послѣдующія узаконенія.

Однако, съ теченіемъ времени условія жизни, преимущественно экономическія, создали не мало затрудненій какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ. Выходъ изъ этихъ затрудненій и старалось найти послѣдующее законодательство.

Дѣйствительно, экономическое благосостояніе дворянства во многихъ мѣстностяхъ сильно разстроилось послѣ 1861 г., такъ какъ далеко не всѣ помѣщики сумѣли освоиться съ новыми условіями, созданными отмѣной крѣпостного права, далеко не всѣ расходовали деньги, полученныя за выкупленныя земли, на улучшеніе своего хозяйства,—и дворянскія имѣнія стали массами переходить въ не-дворянскія руки. Поэтому правительство учредило въ 1885 году Дворянскій земельный банкъ, ссужавшій помѣщиковъ деньгами на льготныхъ условіяхъ и имѣвшій своей задачей «облегчить потомственнымъ дворянамъ способы къ сохраненію принадлежащихъ имъ вотчинъ за своимъ потомствомъ». Поддержаніе дворянскаго землевладѣнія, учрежденіе должности земскихъ начальниковъ изъ дворянъ и измѣненіе земскихъ выборовъ (стр. 315—6) возстановляли до извѣстной степени дворянскій характеръ мѣстной жизни, поколебленный реформами 60-ыхъ гг.

Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство заботилось объ улучшеніи экономическаго положенія крестьянства, страдавшаго въ нѣкоторыхъ районахъ отъ малоземелья, отъ безденежья и отъ отсутствія кредита. Даже полные надѣлы не вездѣ удовлетворяли быстро возраставшее крестьянское населеніе, а между тѣмъ многіе крестьяне изъ-за безденежья предпочли «дарственные» надѣлы (стр. 342) полнымъ; по этой же причинѣ замедлился выкупъ земель, производившійся вначалѣ очень успѣшно (къ 1881 г. во владѣніи крестьянъ было свыше 130 мил. дес. надѣльной земли). Въ виду всего этого правительство принимало мѣры для обезпеченія крестьянъ землей и для облегченія ихъ податного бремени. Такъ, въ 1881 году произведенъ былъ обязательный выкупъ во всѣхъ внутреннихъ губерніяхъ, при чемъ выкупные платежи разсрочивались и сокращались, а Высочайшимъ манифестомъ 3 ноября 1905 г. были и вовсе отмѣнены, начиная съ 1907 г.; въ 1883 г. начата была постепенная отмѣна подушной подати, законченная къ 1887 г.; нѣсколькими указами стѣснялось право распоряженія надѣлами (запрещалось, напр., отчуждать ихъ въ постороннія руки или закладывать); упорядочивались раздѣлы земельныхъ участковъ между членами семьи и т. д.; для расширенія крестьянскаго землевладѣнія — 1) учрежденъ былъ въ 1882 г. Крестьянскій земельный банкъ, назначеніе котораго состояло въ выдачѣ крестьянамъ долгосрочныхъ ссудъ на покупку земли, 2) сдавались въ аренду казенныя земли, 3) успѣшно развивалось переселенческое дѣло. Съ 1906 г. стали учреждаться землеустроительныя комиссіи, уѣздныя и губернскія, дѣятельность которыхъ объединяется Комитетомъ по землеустроительнымъ дѣламъ.

Этимъ учрежденіямъ поручено не только улучшать землевладѣніе крестьянъ (посредствомъ соглашеній ихъ съ помѣщиками относительно обмѣна и купли-продажи земли) и направлять переселенческое дѣло, но и содѣйствовать проведенію въ жизнь *новой земельной политики*.

Сущность послѣдней, изложенная въ законодательныхъ актахъ 9-го и 15-го ноября 1906 г. (они были проведены въ порядкѣ 87-ой статьи, а затѣмъ приняты Государственною Думою 3-го созыва), заключается, по словамъ проф. Ключевскаго, въ слѣдующемъ: «Каждый домохозяинъ общины властенъ сдѣлаться *единоличнымъ частнымъ* собственникомъ отведеннаго къ одному мѣсту участка изъ земель общины (—въ видѣ хутора или «отруба»); надѣльныя земли, доселѣ изъятыя изъ общаго гражданскаго оборота, впредь могутъ быть закладываемы и продаваемы съ торговъ всѣмъ лицамъ сельскаго состоянія». Такимъ образомъ прежняя крестьянская община, въ случаѣ желанія ея членовъ, замѣняется классомъ мелкихъ *землевладѣльцевъ—крестьянъ*, каждый изъ которыхъ свободно распоряжается своей земельною собственностью; тотъ, кто не сумѣетъ сохранить ее, становится или сельскимъ рабочимъ или добываетъ средства къ жизни работой въ городахъ.

Правовое положеніе крестьянъ также измѣнилось благодаря Именному Высочайшему Указу Правительствующему Сенату 5 октября 1906 г. «Объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей и лицъ другихъ бывшихъ податныхъ состояній». Этотъ указъ, основываясь на томъ, что «великое преобразованіе 19 февраля 1861 г., пріобщивъ милліоны сельскихъ обывателей къ общегражданской жизни, положило начало постепенному уравненію крестьянъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ Имперіи», а также на томъ, что Высочайшіе манифесты отъ 6 августа и 17 октября 1905 г. призвали сельское населеніе къ участію въ законодательствѣ, ставитъ своей задачей «завершить мудрыя предначертанія Царя-Освободителя на возвѣщенныхъ началахъ гражданской свободы и равенства передъ закономъ всѣхъ россійскихъ подданныхъ».

Соотвѣтственно этому указъ признаетъ необходимымъ отмѣнить сохранившіяся еще въ законѣ по отношенію къ крестьянамъ и лицамъ другихъ бывшихъ податныхъ состояній «нѣкоторыя отдѣльныя ограниченія, не соотвѣтствующія основнымъ положеніямъ и общему духу Манифестовъ 6 августа и 17 октября 1905 г., а частью и утратившія уже первоначальное свое значеніе, за состоявшеюся отмѣною круговой поруки и выкупныхъ платежей». Такъ, между прочимъ, указъ постановляетъ:

1) «предоставить всѣмъ россійскимъ подданнымъ безразлично отъ ихъ происхожденія, за исключеніемъ инородцевъ, одинаковыя въ

отношеніи государственной службы права, примѣнительно къ таковымъ правамъ лицъ дворянскаго сословія, съ упраздненіемъ всѣхъ особыхъ преимуществъ на занятіе, по опредѣленію отъ Правительства, нѣкоторыхъ должностей въ зависимости отъ сословнаго происхожденія»;

2) «отмѣнить правило объ утвержденіи губернаторомъ земскихъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ изъ числа кандидатовъ, избранныхъ волостными сходами, предоставивъ избраннымъ кандидатамъ самостоятельное избраніе изъ своего состава положеннаго числа гласныхъ и опредѣленіе очереди заступленія ихъ остальными кандидатами».

§ 96. Городское состояніе.

Городское состояніе или состояніе городскихъ обывателей—«гражданъ»—въ XVIII в. соотвѣтствовало до извѣстной степени посадскимъ людямъ Московскаго періода: подъ гражданами разумѣлись не всѣ жители городовъ, а лишь торгово-промышленное населеніе, обязанное платить подати и отправлять по выборамъ службу финансоваго характера (подобную прежней «вѣрной» службѣ, стр. 171) и пользующееся спеціальными правами. При Петрѣ Великомъ, какъ сказано (стр. 326), былъ образованъ классъ регулярныхъ гражданъ, раздѣленныхъ на гильдіи и участвовавшихъ въ выборѣ магистратовъ. Организаціей городского самоуправленія Петръ надѣялся «купечество и мануфактуры размножить», завести торговыя дѣла, «по примѣру иностранныхъ купеческихъ городовъ», однимъ словомъ, создать въ Россіи богатую буржуазію. При ближайшихъ преемникахъ Петра городское самоуправленіе пришло въ упадокъ (стр. 307), а въ царствованіе Анны Іоанновны пострадали и экономическіе интересы русскихъ купцовъ, такъ какъ временщики-нѣмцы систематически предоставляли всякія льготы иностраннымъ капиталистамъ. Однако несеніе гражданами финансовой службы и рекрутской повинности было мало-по-малу облегчено [1]).

Къ мысли о созданіи «средняго сословія» — наподобіе западноевропейскаго «третьяго сословія» или буржуазіи — и о развитіи городовъ вернулась императрица Екатерина II.

Первоначально императрица разумѣла подъ понятіемъ «средняго сословія» всѣхъ тѣхъ, «кои, не бывъ дворяниномъ, ни хлѣбопашцемъ, упражняются въ художествахъ, наукахъ, въ мореплаваніи (т. е. заграничной торговлѣ на своихъ судахъ), торговлѣ и ремеслахъ». Идеальнымъ

---

[1]) Купцы могли освободиться отъ личной рекрутской повинности или посредствомъ денежнаго взноса или посредствомъ замѣщенія себя другимъ лицомъ (обыкновенно изъ выкупленныхъ крѣпостныхъ).

источникомъ для образованія такого сословія она считала Воспитательные дома и училища. Впослѣдствіи это понятіе нѣсколько сузилось, охвативъ преимущественно лишь торгово-промышленный классъ — купцовъ, ремесленниковъ и мѣщанъ [1]). Купечество, раздѣленное, въ зависимости отъ размѣра капитала, на 3 гильдіи (къ первой гильдіи относились купцы съ капиталомъ отъ 10 до 50 тыс. руб., ко второй—5—10 тыс. руб., къ третьей—1—5 тыс. руб. [2]), получило при Екатеринѣ II важныя права: 1) оно было освобождено отъ подушной подати, и взамѣнъ ея должно было платить 1%-ый сборъ съ капиталовъ, «по совѣсти объявляемыхъ»; 2) за извѣстный взносъ въ казну оно избавлялось отъ личной рекрутской повинности; 3) купцы первой и второй гильдій не подлежали тѣлеснымъ наказаніямъ; 4) они имѣли право владѣть фабриками и заводами; 5) со времени областной реформы 1775 г. купечество получило сословные суды—магистраты и представительство въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ (напр., въ приказѣ общественнаго призрѣнія и т. п.); засѣдатели ихъ избирались «собраніемъ градского общества», состоявшимъ изъ купцовъ первыхъ двухъ гильдій. Эти односословныя учрежденія сохранились несмотря на то, что Городовое Положеніе 1785 г. придало, какъ сказано (стр. 309), всесословный характеръ городскому самоуправленію, въ которомъ гильдіи, цехи и посадскіе участвовали наряду съ другими разрядами городскихъ обывателей.

Въ послѣдующее время число разрядовъ городского населенія, ихъ наименованія и права подверглись частичнымъ измѣненіямъ. Такъ, при императорѣ Александрѣ I изъ состава именитыхъ гражданъ (стр. 309) выдѣлены были «первостатейные купцы». Въ царствованіе Николая I оба эти званія были упразднены вслѣдствіе образованія въ 1832 г. новаго сословія—«почетныхъ гражданъ», принадлежность къ которому сообщала права гильдейскихъ купцовъ (освобожденіе отъ подушной подати, рекрутской повинности и тѣлесныхъ наказаній), но не обусловливалась имущественнымъ цензомъ. Почетные граждане раздѣлялись на потомственныхъ и личныхъ. Къ первымъ принадлежали: дѣти личныхъ дворянъ и церковно-служителей, получившихъ высшее образованіе, купцы, состоявшіе не менѣе 20-ти лѣтъ въ первой гильдіи или получившіе ордена, а также ученые и художники; личными гражданами были: дѣти церковно-служителей безъ высшаго образованія; лица, окончившія нѣкоторыя учебныя заведенія, и чиновники ниже 9-го класса.

---

[1]) Терминъ «мѣщане» употребляется въ Городовомъ Положеніи въ трехъ смыслахъ: 1) для обозначенія всѣхъ городскихъ обывателей вообще, 2) какъ синонимъ основного ихъ ядра—«средняго рода людей», т. е. торгово-промышленнаго класса, 3) для обозначенія торговцевъ съ капиталомъ менѣе 500 руб.

[2]) Первоначально, до изданія Городового Положенія, для гильдій была установлена слѣдующая норма: I—10—100 тыс. руб. II—1—10 тыс. руб. III—500 руб.—1 тыс. руб.

Такъ постепенно сложилось состояніе городскихъ обывателей подъ общимъ названіемъ гражданъ. Къ этому состоянію теперь принадлежатъ: 1) почетные граждане (права ихъ пріобрѣтаются еще нѣкоторыми другими, кромѣ указанныхъ, категоріями лицъ,) 2) купцы (которые дѣлятся теперь, въ зависимости отъ размѣра промысловаго налога, на двѣ гильдіи), 3) мѣщане, 4) ремесленники или цеховые[1]). Званіе купца и ремесленника не передается потомству и означаетъ собственно не сословіе, а занятіе. Однако купцы и ремесленники, подобно мѣщанамъ, образуютъ отдѣльныя «общества» со старостами и управами. Почетные же граждане сословной организаціи не имѣютъ. Что касается обще-городского самоуправленія, введеннаго императрицей Екатериной II, то оно было почти упразднено Павломъ I, возстановлено Александромъ I, получило сословный характеръ при Николаѣ I (стр. 310) и преобразовано на началахъ безсословности при императорахъ Александрѣ II и Александрѣ III (стр. 312).

Изъ изложеннаго обзора общественнаго строя Россійской Имперіи видно, что законодательство въ XVIII в. рѣзко разграничивало сословія, въ XIX-же, напротивъ, постепенно уравнивало ихъ въ правахъ. «Однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ уравнительномъ переустройствѣ русскаго общества былъ, по словамъ проф. Ключевскаго, уставъ 1874 г. о воинской повинности», внесшій коренныя измѣненія въ существовавшій дотолѣ порядокъ организаціи военныхъ силъ страны.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Развитіе военныхъ и морскихъ силъ.

§ 97. Армія и флотъ до введенія всеобщей воинской повинности.

Армія Петра Великаго.

Къ концу Московскаго періода общая численность военныхъ силъ Россіи была нѣсколько менѣе 200 тысячъ человѣкъ, при чемъ помѣстная дворянская конница, стрѣльцы и казаки уступали въ качественномъ и количественномъ отношеніи «полкамъ иноземнаго строя» (стр. 189). Послѣдніе, пополнявшіеся изъ лицъ разныхъ сословій посредствомъ вербовки «охотниковъ» и «даточныхъ» людей (подобіе позднѣйшихъ рекрутовъ), составляли въ исходѣ XVII в. главную часть войска и имѣли характеръ регулярной арміи (хотя и не вполнѣ: въ мирное время она созывалась лишь на учебные сборы,

[1]) Мѣщане, цеховые и крестьяне объединялись прежде подъ общимъ понятіемъ «податныя» сословія. Послѣ же отмѣны подушной подати и нѣкоторыхъ другихъ повинностей это понятіе утратило свой смыслъ, и въ законодательныхъ актахъ послѣднихъ лѣтъ (стр. 345) оно замѣнено наименованіемъ «*бывшія* податныя состоянія».

по прошествіи которыхъ распускалась по домамъ). Но послѣ низложенія Софіи, въ правленіе царицы Наталіи, какъ разъ въ то время, когда Петръ I былъ занятъ своими «потѣшными», полки иноземнаго строя пришли въ безпорядокъ и почти отсутствовали въ Азовскихъ походахъ, а стрѣлецкое войско, запятнавшее себя бунтами и волненіями, было уничтожено въ 1698 г. Поэтому царю пришлось чуть не заново организовать регулярную армію по образцу своихъ гвардейскихъ—Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, сформированныхъ изъ бывшихъ «потѣшныхъ» и нѣкоторыхъ другихъ воинскихъ частей. Начало правильной организаціи ея можно отнести къ 1699 г., когда были сформированы три дивизіи по 9 полковъ въ каждой, снаряженныя по примѣру западно-европейскихъ войскъ и подчиненныя командирамъ, большею частью, изъ иностранцевъ. Непрерывная война со Швеціей благопріятствовала военной реформѣ, такъ какъ дѣлала армію постоянной, служила для нея лучшей школой и указывала способы пополненія ея состава: двѣ трети пригодныхъ къ военной службѣ *дворянъ* опредѣлялись, какъ сказано (стр. 326), въ войска поголовно (сперва солдатами въ гвардейскіе полки, а затѣмъ на должности офицеровъ), для *остальныхъ же классовъ населенія* установлены были съ 1705 г. правильные рекрутскіе наборы. Рекруты (замѣнившіе прежнихъ «даточныхъ» людей), до вступленія въ регулярные полки, проходили извѣстную военную выучку. Войска, какъ полевыя, такъ и гарнизонныя, получили, соотвѣтственно роду оружія, опредѣленную организацію и снаряженіе. Управленіе и хозяйственная часть войска вѣдались цѣлою сѣтью учрежденій (важнѣйшимъ изъ которыхъ была военная коллегія) и нѣсколькими генералами различныхъ наименованій (напр., генералъ-фельдцейхмейстеръ, провіантмейстеръ и др.). Въ руководство имъ и для поддержанія строжайшей дисциплины составленъ былъ «воинскій артикулъ» (т. е. уставъ), источникомъ котораго служили военные уставы западно-европейскихъ государствъ. Общая численность регулярной арміи, въ которой пѣхота значительно преобладала надъ кавалеріей и артиллеріей, къ концу царствованія Петра достигала 220.000 человѣкъ; казаковъ и нерегулярныхъ было около 100.000 человѣкъ. Офицерамъ и солдатамъ назначено было денежное жалованье.

Флотъ Петра Великаго.

Одновременно съ регулярной арміей создавался и *военный флотъ*, неизвѣстный Московской Руси. Родоначальникомъ его можно считать англійскій ботикъ, найденный Петромъ I въ амбарѣ Н. И. Романова. Эта находка, а также изученіе нѣсколькихъ моделей кораблей, задуманныхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, такъ увлекли юнаго царя, что вода стала его любимой стихіей, и онъ занялся постройкой судовъ для плаванія сперва по тѣсной Яузѣ, затѣмъ по просторному Переяславскому озеру и, наконецъ, по Бѣлому морю. Но, конечно, это были только «нептуновскія потѣхи». Серьезное кораблe-

строеніе началось лишь послѣ перваго похода на Азовъ. Убѣдившись въ невозможности взять эту крѣпость безъ помощи флота, царь сталъ спѣшно сооружать его, въ теченіе зимы 1695—1696 г., преимущественно на рѣкѣ Воронежѣ. Когда второй Азовскій походъ оправдалъ надежды, возлагавшіяся на флотъ, судостроеніе было организовано на широкихъ началахъ: завѣдываніе имъ было поручено особому приказу (впослѣдствіи адмиралтейской коллегіи), средства же на сооруженіе кораблей должны были давать духовные и свѣтскіе землевладѣльцы, въ зависимости отъ числа имѣющихся у нихъ крестьянскихъ дворовъ, а также посадскіе люди. Для этого землевладѣльцы соединялись въ «кумпанства» (т. е. общества или компаніи), при чемъ каждое изъ нихъ содержало извѣстное число плотниковъ и мастеровъ русскихъ и иностранныхъ (изъ Венеціи, Голландіи, Даніи и Швеціи), строя корабли согласно росписямъ и чертежамъ, доставляемымъ приказомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ много русскихъ дворянъ послано было за границу (въ Венецію, Англію и Голландію) учиться «архитектурѣ и управленію корабельному». Послѣ того, какъ самъ царь, побывавъ за границей, изучилъ практику кораблестроенія (въ Голландіи) и его теорію (въ Англіи), работа закипѣла еще сильнѣе и привела къ существеннымъ результатамъ. Правда, послѣ Прутскаго похода (стр. 262) Азовскій флотъ прекратилъ свое существованіе, но зато выросъ Балтійскій, а затѣмъ и Каспійскій. Къ концу царствованія Петра Великаго флотъ состоялъ изъ 48 большихъ линейныхъ кораблей (вооруженіе которыхъ колебалось отъ 18 до 100 пушекъ) и нѣсколькихъ сотъ галеръ съ 28.000 человѣкъ экипажа. Первая крупная морская побѣда одержана была при Гангутѣ въ 1714 г.

Какъ видно, русскія сухопутныя и морскія силы организованы были по иноземному образцу. Однако подражаніе иноземцамъ было при Петрѣ I лишь *средствомъ*, а не цѣлью, какъ впослѣдствіи при Аннѣ Іоанновнѣ, поручившей преобразованіе арміи Миниху, и особенно при Петрѣ III и Павлѣ I, когда безъ нужды въ русское войско насаждались всѣ мелочи прусскаго военнаго строя того времени съ его муштровкой, изгонявшей духъ иниціативы и обращавшей солдатъ какъ бы въ машины, съ его безконечными утомительными ученіями и безпощадно-строгой дисциплиной.

Военная организація, введенная Петромъ Великимъ, являлась большимъ шагомъ впередъ по сравненію съ Московскимъ періодомъ, но тѣмъ не менѣе въ ней было много недостатковъ, къ числу которыхъ относились, напр., злоупотребленія при наборѣ рекрутовъ, дурное содержаніе ихъ («въ великой тѣснотѣ, по тюрьмамъ и острогамъ») до опредѣленія въ войска, безсрочная служба, жестокія тѣлесныя наказанія, и, какъ слѣдствіе всего этого, частые побѣги солдатъ. Во флотѣ также встрѣчались существенные недочеты: красиво-соору-

женные корабли не отличались прочностью, такъ какъ строились слишкомъ поспѣшно и не всегда изъ хорошаго лѣса, содержаніе и продовольствіе экипажа стояло далеко не на высотѣ, вслѣдствіе чего смертность въ русскомъ флотѣ была значительно большей, чѣмъ въ иностранныхъ. Нѣкоторые изъ указанныхъ недостатковъ подверглись частичнымъ исправленіямъ еще въ XVIII в., другіе просуществовали вплоть до великой военной реформы 1874 г.

Важнѣйшими мѣропріятіями, касавшимися арміи и флота, до 1874 г. были слѣдующія.

Развитіе арміи отъ кончины Петра Великаго до 1816 г.

При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ постановлено было производить ежегодный рекрутскій наборъ не со всего государства сразу, а лишь съ одной изъ пяти полосъ, на которыя оно было раздѣлено, и которыя каждый годъ чередовались. Несмотря на такое облегченіе рекрутчины, императрицѣ удалось, къ концу царствованія, довести численность арміи до 330 тыс. человѣкъ. Дальнѣйшіе шаги въ цѣляхъ равномѣрнаго распредѣленія рекрутской повинности предприняты были въ эпоху императрицы Екатерины II. Тогда же пожизненный срокъ солдатской службы замѣненъ былъ 25-лѣтнимъ (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и 15-лѣтнимъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ руководствомъ сперва Румянцева, затѣмъ Потемкина, русская армія, возросшая до 400 тысячъ человѣкъ, была перевооружена и получила болѣе стройную и однообразную организацію (распространившуюся и на казачьи войска), а блестящіе походы Суворова дали ей превосходную практическую школу. Начало царствованія императора Александра I ознаменовалось учрежденіемъ министерства военно-сухопутныхъ силъ, главнымъ назначеніемъ котораго (съ 1812 г.) сдѣлалось завѣдываніе хозяйственной частью арміи; въ эпоху трудныхъ войнъ съ Наполеономъ, выдвинувшихъ цѣлую плеяду талантливыхъ генераловъ, имена которыхъ общеизвѣстны, проведенъ былъ рядъ мѣръ для увеличенія состава войска; послѣ Вѣнскаго конгресса императоръ Александръ I увлекся устройствомъ «военныхъ поселеній».

Военныя поселенія.

Принципъ военныхъ поселеній заключался въ соединеніи военной службы съ земледѣльческимъ трудомъ. Осуществлялся онъ слѣдующимъ образомъ: въ нѣкоторыя мѣстности, населенныя государственными крестьянами, посылались на стоянку полки, солдаты которыхъ привлекались къ сельско-хозяйственнымъ работамъ. Крестьяне же тѣхъ деревень, въ которыхъ полки квартировали, занимались военной службой. Именно, они зачислялись въ военныхъ поселянъ, переходили въ вѣдѣніе военнаго начальства, должны были обучаться военному строю и пріемамъ, пополнять полки по мѣрѣ убыли солдатъ и содержать поселеніе своимъ трудомъ, за что освобождались отъ всякихъ другихъ податей; дѣти ихъ, получавшія названіе кантонистовъ, также проходили военную школу. Устройство воен-

ныхъ поселеній должно было преслѣдовать троякую цѣль: 1) сокращеніе государственныхъ расходовъ на армію, возросшую до 800—900 тыс. человѣкъ и требовавшую непосильныхъ затратъ; 2) облегченіе быта солдатъ, которыхъ служба совершенно отрывала отъ ихъ семей (для штрафованныхъ, т. е. подвергшихся дисциплинарнымъ взысканіямъ, нижнихъ чиновъ служба была не 25-лѣтней, а безсрочной; такой она была, конечно, для подавляющаго большинства, такъ какъ, при суровости дисциплины того времени, рѣдко кто могъ прослужить 25 лѣтъ, не подвергнувшись взысканію); 3) образованіе изъ военныхъ поселянъ хорошо обученнаго запаса для арміи. Именно, Александръ I надѣялся, что съ одной стороны сельско-хозяйственный трудъ военныхъ поселянъ и солдатъ хоть нѣсколько уменьшитъ расходы казны на содержаніе арміи, а съ другой стороны, что поселяне, съ малыхъ лѣтъ обучаемые военному строю, при своемъ вступленіи въ полки будутъ проходить службу не только успѣшнѣе, но и легче, такъ какъ не будутъ оторваны ни отъ своихъ семей, ни отъ родныхъ мѣстъ, ни отъ привычныхъ занятій. Осуществленіе военныхъ поселеній сдѣлалось завѣтной мечтой Александра I и, не представляя своего плана на обсужденіе ни Государственнаго Совѣта, ни какихъ-либо свѣдущихъ лицъ, онъ поручилъ проведеніе его въ жизнь своему любимцу Аракчееву. Послѣдній горячо принялся за него и съ 1816 года до конца царствованія Александра I устроилъ военныя поселенія въ разныхъ мѣстахъ Россіи (главнымъ образомъ, въ Новгородской, Харьковской и Херсонской губерніяхъ), доведя численность поселенцевъ до 375 тысячъ человѣкъ. Онъ увѣрялъ государя въ полезности и благодѣтельности проводимой реформы. А между тѣмъ дѣйствительность совершенно не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ: 1) казна не столько выигрывала отъ сокращенія расходовъ на армію, сколько теряла отъ прекращенія платежей государственныхъ крестьянъ, обращенныхъ въ поселенцевъ; 2) военная служба не была облегчена, а сдѣлалась еще болѣе тягостной, такъ какъ бремя ея распространялось не на однихъ солдатъ, но и на военныхъ поселянъ, и такъ какъ въ поселеніяхъ господствовала ничѣмъ не сдерживаемая «аракчеевщина» съ присущей ей жестокостью и произволомъ, вслѣдствіе чего тамъ часто вспыхивали отчаянные бунты. Несмотря на все это, императоръ Александръ I, убѣжденный въ благодѣтельности военныхъ поселеній, непреклонно настаивалъ на развитіи ихъ.

Военное дѣло при императорѣ Николаѣ I.

Императоръ Николай I не уничтожилъ военныхъ поселеній, однако провелъ нѣсколько преобразованій, касавшихся войскъ: они были раздѣлены на три группы—дѣйствующія или линейныя, мѣстныя (гарнизонныя) и вспомогательнаго назначенія (напр., корпусъ жандармовъ); изъ нижнихъ чиновъ, уволенныхъ въ безсрочный отпускъ, образовался запасъ; численность дѣйствующихъ войскъ къ 1853 г.

достигала почти 1 милл. (съ 28.000 генераловъ и офицеровъ), а во время Крымской войны поднялась до $1^1/_2$ милл.; кругъ вѣдомства военнаго министерства былъ расширенъ. Особенное же вниманіе удѣлялъ императоръ Николай I устройству военно-учебныхъ заведеній для подготовки офицеровъ.

Начало имъ было положено еще при Петрѣ Великомъ основаніемъ школъ — «математическихъ и навигацкихъ наукъ», инженерной и артиллерійской,—морской академіи и др.; Анна Іоанновна учредила Сухопутный Шляхетскій Кадетскій корпусъ; въ послѣдующія царствованія было открыто еще нѣсколько другихъ корпусовъ; при Павлѣ I возникло высшее медицинское училище (соотвѣтствующее нынѣшней военно-медицинской академіи). Однако большинство указанныхъ учебныхъ заведеній носило скорѣе общеобразовательный, чѣмъ спеціально-военный характеръ. Отчетливое разграниченіе гражданскихъ и военныхъ учебныхъ заведеній начинается, въ сущности, лишь съ царствованія Александра I. Императоръ Николай I учредилъ военную академію и нѣсколько кадетскихъ корпусовъ, устроенныхъ по войсковому образцу и подчиненныхъ суровой дисциплинѣ. Военный характеръ приданъ былъ и нѣкоторымъ гражданскимъ вѣдомствамъ (напр., лѣсному, горному, путей сообщенія) съ ихъ просвѣтительными заведеніями. Вообще заботы о военномъ дѣлѣ стояли на первомъ планѣ въ царствованіе императора Николая I, но возлагавшіяся на нихъ надежды не оправдались. Дѣйствительно, хотя во время Крымской войны проявился геройскій, самоотверженный, превосходный боевой духъ русскихъ солдатъ, однако эта война обнаружила, наряду съ другими внутренними недугами Россіи (стр. 340), также крупные недочеты въ военномъ дѣлѣ, напр., неудовлетворительность вооруженія и обмундированія солдатъ, отсутствіе хорошихъ дорогъ, необходимыхъ для передвиженія войскъ и снабженія ихъ продовольствіемъ, недостаточность обученныхъ резервовъ для пополненія убыли, незащищенность границы и т. д. Неменьшіе недочеты замѣчены были и во флотѣ, который значительно уступалъ непріятельскому.

Состояніе русскаго флота со времени кончины Петра I до полозины XIX в.

Въ эпоху ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго флотъ пришелъ въ упадокъ: при Екатеринѣ I правительство, въ видахъ экономіи, отказалось отъ постройки новыхъ большихъ судовъ, при Аннѣ Іоанновнѣ многіе старые корабли совершенно утратили боеспособность; въ еще худшее положеніе пришелъ флотъ въ регентство Анны Леопольдовны, когда генералъ-адмираломъ назначенъ былъ Остерманъ, не имѣвшій никогда ни малѣйшаго отношенія къ морскому дѣлу. За возрожденіе флота горячо принялась императрица Екатерина II. Уже въ первую турецкую войну нѣсколько старыхъ балтійскихъ судовъ приспособлено было для дальняго плаванія, и составленная изъ нихъ эскадра, подъ командой А. Орлова, уничтожила

турецкій флотъ при о. Хіосѣ и въ Чесменской бухтѣ. Послѣ такого успѣха обновленъ былъ Балтійскій флотъ постройкой 130 кораблей и фрегатовъ и созданъ Черноморскій—изъ 14 кораблей и 50 фрегатовъ. Во время второй турецкой войны русская эскадра, несмотря на понесенныя ею сильныя потери отъ бурь, играла довольно видную роль, показываясь, подъ командой Ушакова, то у береговъ Малой Азіи, то чуть не въ виду Константинополя. О поддержаніи флота заботились и Павелъ I, утвердившій «штаты россійскихъ флотовъ» (точно опредѣлявшіе количество судовъ, которыя должны содержаться въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ), и Александръ I; при немъ учреждено было морское министерство, а изъ адмираловъ его времени особенно прославился Сенявинъ. Однако къ концу царствованія Александра I морскія силы Россіи не считались значительными по сравненію съ западно-европейскими державами. Императоръ Николай I основалъ при Морскомъ Корпусѣ «офицерскіе классы» (прообразъ Морской Академіи) для подготовки морскихъ офицеровъ и поставилъ во главѣ Черноморскаго флота Лазарева, талантливѣйшими учениками котораго могутъ считаться Нахимовъ, Корниловъ, Истоминъ. Русскій флотъ очень удачно дѣйствовалъ противъ турецкаго (вспомнимъ участіе русской эскадры, подъ начальствомъ гр. Гейдена, въ Наваринской битвѣ, побѣду Нахимова при Синопѣ), но его парусныя суда не могли состязаться съ англійской и французской эскадрами, изобиловавшими паровыми судами. Вслѣдствіе такого неравенства силъ русскій флотъ во время Восточной войны не могъ препятствовать ни появленію англо-французской эскадры въ Черномъ морѣ, ни десанту враговъ въ Крыму, а вынужденъ былъ войти въ Севастопольскую бухту, гдѣ, по рѣшенію командировъ, нѣсколько судовъ было затоплено (чтобы затруднить доступъ въ нее непріятелю). Послѣ же Парижскаго мира вплоть до 1871 г. Черноморскаго флота вовсе не существовало (стр. 267—268).

Изъ изложеннаго видно, что Крымская война обнаружила крупные недочеты въ организаціи военныхъ и морскихъ силъ и выдвинула на очередь вопросъ о коренныхъ реформахъ ея, къ которымъ и приступилъ императоръ Александръ II.

§ 98. Всеобщая воинская повинность и другія преобразованія арміи и флота во второй половинѣ XIX в.

Всеобщая воинская повинность.

Сущность военной реформы императора Александра II, надъ разработкой которой особенно потрудился Д. А. Милютинъ, заключалась: 1) въ введеніи всеобщей воинской повинности, т. е. распространеніи ея на все мужское населеніе имперіи «безъ различія состояній» (а не только на крестьянъ и мѣщанъ, какъ это установилось съ тѣхъ поръ, когда дворянство и богатѣйшее купечество избавлено было отъ

обязательной службы, а мало-мальски состоятельные люди получили возможность откупаться отъ нея, ставя вмѣсто себя рекрутъ, въ которые помѣщики охотно продавали своихъ крѣпостныхъ); 2) въ сокращеніи и облегченіи дѣйствительной службы (со времени Екатерины II послѣдняя была двадцатипятилѣтней, а для штрафованныхъ—безсрочной и проходилась при такихъ тяжелыхъ условіяхъ, что справедливо считалась жестокимъ наказаніемъ; даже само законодательство смотрѣло на сдачу крѣпостного въ солдаты такъ же, какъ на ссылку его въ Сибирь: при Елизаветѣ Петровнѣ, какъ сказано, каждый сосланный засчитывался помѣщику за рекрута); 3) въ образованіи изъ прошедшихъ дѣйствительную службу «запаса», который пополняетъ войска при мобилизаціи, а изъ не попавшихъ на службу «ополченія», которое призывается къ оружію въ случаѣ нужды.

Устанавливая въ 1874 году всеобщую воинскую повинность, правительство исходило изъ тѣхъ соображеній, что военная служба представляетъ собой не тягость, а «священную обязанность каждаго русскаго подданнаго», и что «новѣйшія событія доказали, что сила государства—не въ одной численности войска, но преимущественно въ нравственныхъ и умственныхъ его качествахъ, достигающихъ высшаго развитія лишь тогда, когда всѣ, безъ различія званій и состояній, соединятся на это святое дѣло». Ежегодно всѣ молодые люди, достигшіе 21 года, должны явиться къ отбыванію воинской повинности (отсрочка допускается только для окончанія образованія, для приведенія въ порядокъ имущественныхъ дѣлъ и для поправленія здоровья), но такъ какъ государство въ мирное время не нуждается въ столькихъ новобранцахъ, сколько имѣется лицъ «призывного (т. е. 21-го-лѣтняго) возраста», то изъ послѣднихъ опредѣляется *по жребію* на дѣйствительную службу лишь то количество, которое признается правительствомъ необходимымъ для пополненія арміи и устанавливается заранѣе на каждый годъ [1]). Кромѣ номера вынутаго жребія, во вниманіе принимается также семейное положеніе призываемаго, состояніе его здоровья и отчасти родъ его дѣятельности. Именно, *уставъ 1874 г.* ввелъ *три* разряда *льготъ* по отбыванію воинской повинности въ зависимости отъ семейнаго положенія.

Льготой 3 разряда (низшей) пользовались лица, непосредственно слѣдующія по возрасту за братомъ, находящимся на дѣйствительной службѣ или умершимъ на ней, или же безъ вѣсти пропавшимъ на войнѣ. Льгота 2-го разряда предоставлялась «единственно способному къ труду сыну при отцѣ, способномъ къ труду (не старше 55 лѣтъ), и одномъ или нѣсколькихъ братьяхъ, къ труду неспособныхъ (моложе 18 лѣтъ)». Къ льготнымъ 1-го разряда относились единственные способные къ труду члены семьи (сынъ отца, неспособнаго къ труду, сынъ вдовы, братъ круглыхъ сиротъ), единственные сыновья въ семьѣ.

---

[1]) Въ 1874—78 гг. къ призыву являлось ежегодно около 700 тысячъ человѣкъ; изъ нихъ опредѣлялось на службу около 180 тысячъ; въ 1910—12 гг. изъ 1300 тыс. лицъ призывного возраста зачислялось около 450 тысячъ.

Значеніе льготъ по семейному положенію заключается въ томъ, что установленный *порядокъ* зачисленія въ дѣйствительную службу даетъ имѣющимъ льготы больше шансовъ освободиться отъ нея, чѣмъ безльготнымъ. Порядокъ этотъ таковъ: по вынутіи призывными номеровъ жребія, сначала зачисляютъ безльготныхъ по порядку тѣхъ номеровъ, которые имъ достались (начиная съ низшаго); потомъ, если комплектъ или контингентъ новобранцевъ не заполненъ безльготными, берутъ льготныхъ III разряда опять по порядку номеровъ; если комплектъ все еще не полонъ, переходятъ къ льготѣ II разряда; до льготныхъ же перваго разряда очередь почти никогда не доходитъ, и они не зачисляются поэтому въ службу. Отъ дѣйствительной службы освобождаются также лица, непригодныя къ ней по состоянію своего здоровья или занимающія опредѣленное положеніе (напр., священнослужители всѣхъ христіанскихъ исповѣданій), либо нѣкоторыя должности (напр., преподаватели).

По *уставу 1874 г.*, *дѣйствительная* служба продолжалась—въ арміи 6 лѣтъ, во флотѣ—7 лѣтъ; прошедшіе ее зачислялись въ запасъ на 9 лѣтъ (послѣ службы въ арміи) или на 3 года (послѣ флотской службы). (Состояніе въ запасѣ считается также службою, но не дѣйствительною). Запасные періодически созываются на сборы для повторенія военнаго обученія, а въ случаѣ приведенія арміи и флота въ военное положеніе (мобилизаціи) опредѣляются вновь въ войска. Для лицъ, получившихъ образованіе, устанавливался, въ зависимости отъ степени его, сокращенный срокъ дѣйствительной службы—отъ 4 лѣтъ до 6 мѣсяцевъ. Сокращенные сроки назначались и для вольноопредѣляющихся, т. е. поступающихъ на службу по собственному желанію, а не по жребію. (Вольноопредѣляющіеся съ высшимъ образованіемъ должны были служить только три мѣсяца).

Лица, пробывшія установленный срокъ въ *запасѣ*, перечисляются въ ратники *ополченія*, въ которомъ, *кромѣ нихъ*, состоитъ также *все* мужское населеніе отъ призывного возраста до 40-лѣтняго (*по уставу 1874 г.*), способное носить оружіе, но не попавшее при жеребьевкѣ на дѣйствительную службу. Ополченіе раздѣляется на два разряда. Ратники 1-го разряда получаютъ ознакомленіе съ военной службой на непродолжительныхъ учебныхъ сборахъ, а въ военное время, по мѣрѣ надобности, призываются въ помощь постояннымъ войскамъ. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ могутъ быть призваны также и ратники ополченія 2-го разряда, къ которымъ относятся: 1) лица, признанныя по состоянію здоровья негодными къ службѣ въ постоянныхъ войскахъ, однако способныя носить оружіе; 2) всѣ имѣющіе льготу 1-го разряда. Описанная организація давала возможность правительству содержать постоянно подъ знаменами сравнительно небольшую армію (въ 1876 г. она немного превышала 700 ты-

сячъ), доводить ее до огромныхъ размѣровъ призывомъ запасныхъ (коихъ въ 1876 г. числилось около 850 тысячъ) и непрестанно пополнять призывомъ ратниковъ ополченія [1]). Это достигалось безъ такихъ обременительныхъ средствъ, каковыми прежде были военныя поселенія (они уничтожены были уже въ началѣ царствованія императора Александра II).

Измѣнилось и самое прохожденіе службы: исчезли жестокія наказанія, и вмѣсто прежней чисто внѣшней выучки выдвинулось на первый планъ стремленіе дать солдату хотя бы нѣкоторое образованіе, внушить чувство долга по отношенію къ отечеству и научить сознательно исполнять свои обязанности. Чтобы сообщать будущимъ офицерамъ болѣе разностороннія познанія, кадетскіе корпуса, по мысли Милютина, преобразованы были въ военныя гимназіи, дававшія общее образованіе, для спеціальной же подготовки предназначены были военныя и юнкерскія училища [2]).

Императоръ Александръ II не ограничился указанными мѣрами, касавшимися состава арміи и флота. Приступлено было также къ перевооруженію: пѣхота получила ружья, заряжающіяся съ казенной части, артиллерія — скорострѣльныя пушки; подъ руководствомъ великаго князя Константина Николаевича деревянныя парусныя суда замѣнялись желѣзными паровыми, строились и пріобрѣтались крейсера и броненосцы, развивалось минное дѣло. Важнѣйшей военно-административной мѣрой было раздѣленіе Россіи на военные округи; преобразованіе коснулось также хозяйственной части арміи, завѣдываніе которой поручено было главному и окружнымъ интендантскимъ управленіямъ и полковымъ хозяйственнымъ комитетамъ, тогда какъ прежде всѣми суммами, отпускаемыми на полкъ, распоряжался безконтрольно его командиръ.

Другія военныя преобразованія.

Въ послѣдующее время военныя преобразованія императора Александра II подверглись частичнымъ измѣненіямъ. Такъ, чтобы имѣть

---

[1]) Сверхъ указаннаго раздѣленія на армію, запасъ и ополченіе, вооруженныя силы Россіи дѣлятся: *по роду службы*—на войска регулярныя, казачьи и милиціи (составляющіяся изъ добровольцевъ на Кавказѣ); *по роду оружія*—на пѣхоту (гвардейскую, гренадерскую и армейскую), кавалерію (гвардейскую и армейскую), артиллерію (нѣсколькихъ подраздѣленій) и техническія (инженерныя и желѣзнодорожныя) войска; *по назначенію*—на полевыя или дѣйствующія, крѣпостныя, запасныя и вспомогательнаго назначенія; *по численности*—пѣхота дѣлится на дивизіи (по 2 бригады), бригады (по 2 полка), полки (пѣхотный—4, иногда 2 баталіона; въ мирное время 1900 человѣкъ, въ военное—около 4000), баталіоны (4 роты), роты (въ мирное время 48 человѣкъ); въ кавалеріи и артиллеріи приняты нѣсколько иныя подраздѣленія. Высшими строевыми единицами являются корпуса, нормальный составъ которыхъ слѣдующій: двѣ пѣхотныхъ и одна кавалерійская дивизіи съ соотвѣтствующими артиллерійскими частями и одинъ саперный баталіонъ.

[2]) Въ царствованіе императора Александра III военныя гимназіи были вновь обращены въ кадетскіе корпуса.

возможность, въ случаѣ войны, выставить болѣе многочисленную армію, были продлены сроки службы въ запасѣ—до 39-ти-лѣтняго возраста—и въ ополченіи—до 43-хъ-лѣтняго возраста, а также сроки *дѣйствительной* службы вольноопредѣляющихся и льготныхъ по образованію; напротивъ, срокъ *дѣйствительной* службы неимѣющихъ льготъ по образованію постепенно сокращался съ 6-ти лѣтъ (по уставу 1874 г.) до 3 лѣтъ (въ частяхъ пѣхоты и артиллеріи, кромѣ конной) и 4 лѣтъ (въ частяхъ всѣхъ прочихъ родовъ войскъ), а во флотѣ—съ 7 лѣтъ до 5. «Эти сроки установлены собственно для мирнаго времени; во время же войны состоящіе въ сухопутныхъ войскахъ и во флотѣ обязаны оставаться на службѣ до тѣхъ поръ, пока того будетъ требовать государственная надобность».

Нынѣ дѣйствующій уставъ 1912 г. внесъ также нѣкоторыя измѣненія. Они касаются между прочимъ: 1) исчисленія призывного возраста («Къ исполненію воинской повинности призываются молодые люди, которымъ исполнилось *двадцать* лѣтъ отъ роду къ 1 января того года, когда производится призывъ»); 2) отсрочекъ и льготъ по образованію; 3) льготъ по семейному положенію.

Обучающимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ отсрочка дается до призыва того года, когда имъ исполнится 21 года, обучающимся въ высшихъ—до 27 или 28 лѣтъ; лица, получившія высшее и среднее образованіе, такъ же, какъ и окончившія учебныя заведенія второго разряда (низшія), отбываютъ дѣйствительную службу по жребію въ теченіе трехъ лѣтъ, *независимо* отъ рода войска; общій срокъ службы вольноопредѣляющихся—2 года; для выдержавшихъ, во время состоянія на службѣ, офицерскій экзаменъ срокъ ея нѣсколько сокращается. Что касается льготъ по семейному положенію, то ихъ установлено четыре разряда. Первый разрядъ—1) для единственнаго сына въ семьѣ, 2) для вдовца-одиночки, имѣющаго дѣтей, 3) для единственно способнаго къ труду члена семьи, «если у призываемаго *не* имѣется брата, достигшаго 16 лѣтъ, либо состоящаго на дѣйствительной службѣ по жребію или охотникомъ и подлежащаго увольненію изъ войскъ въ слѣдующемъ году»; второй разрядъ—«для единственно способнаго къ труду сына при отцѣ, способномъ къ труду, если отцу 50 лѣтъ, но менѣе 55, и онъ не имѣетъ другого сына, достигшаго 16 лѣтъ, либо состоящаго на дѣйствительной службѣ» и т. д., какъ выше; третій разрядъ—1) «для единственно способнаго къ труду сына, при отцѣ способномъ къ труду, если отцу менѣе 50 лѣтъ, и онъ не имѣетъ другого сына, достигшаго 16 лѣтъ, либо состоящаго на дѣйствительной службѣ» и т. д., какъ выше; 2) «для лица, непосредственно слѣдующаго по возрасту за братомъ, погибшимъ во время состоянія на дѣйствительной военной службѣ или безвѣстно пропавшимъ на войнѣ»; четвертый разрядъ—1) «для лица, непосредственно слѣдующаго по возрасту за братомъ, состоящимъ на дѣйствительной службѣ по жребію или охотникомъ и *не* подлежащимъ увольненію изъ войскъ въ слѣдующемъ году», 2) «для лица, не получившаго льготы одного изъ первыхъ трехъ разрядовъ вслѣдствіе наличія другого члена семьи, достигшаго шестнадцатилѣтняго возраста, либо состоящаго на дѣйствительной службѣ по жребію или охотникомъ и подлежащаго увольненію изъ войскъ въ слѣдующемъ году». Лицу послѣдней категоріи, если оно подлежитъ пріему въ войска, поступленіе на службу отсрочивается на одинъ годъ.

Уставъ 1912 г. даетъ возможность значительно увеличить численность арміи, которая *въ концѣ XIX в.* достигала 946 тысячъ

человѣкъ въ мирное время и 2.729 тысячъ въ военное. (Слѣдующей по численности была въ концѣ XIX в. германская — 2.370 тысячъ въ военное время).

Увеличивая численность арміи, правительство заботилось также объ усиленіи степени ея боевой готовности и, какъ уже упоминалось (стр. 273), перевооружало войска въ зависимости отъ успѣховъ военной техники. Обращено было также вниманіе на улучшеніе обороны государственной границы. Съ этою цѣлью при императорѣ Александрѣ III въ Западномъ краѣ былъ построенъ рядъ крѣпостей и проведено нѣсколько стратегическихъ желѣзнодорожныхъ линій.

Что касается флота, то количество боевыхъ судовъ во второй половинѣ XIX в. быстро росло, и къ концу его въ составъ Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ, а также Каспійской и Сибирской флотилій входило 18 эскадренныхъ броненосцевъ, 24 броненосца береговой обороны, 15 крейсеровъ 1-го ранга, 10—2-го ранга, минные крейсера, около 100 миноносцевъ и много судовъ другихъ наименованій. Въ началѣ XX вѣка, въ связи съ обостреніемъ «дальневосточнаго вопроса» (стр. 277), была сильно увеличена Тихоокеанская эскадра. Во время Русско-японской войны эта эскадра, а также посланная на поддержку ей Балтійская понесли очень большія потери. Послѣ этого приступлено было къ постепенному возрожденію флота, и съ 1905 г. до послѣдняго времени спущено на воду 6 линейныхъ кораблей, 1 броненосный крейсеръ, 3 крейсера и множество менѣе крупныхъ судовъ Балтійскаго флота, а также 5 линейныхъ кораблей и 2 крейсера Черноморскаго флота.

Военные расходы.

Содержаніе и развитіе вооруженныхъ силъ требовало въ теченіе всего Императорскаго періода огромныхъ денежныхъ средствъ. При Петрѣ Великомъ расходы на армію и флотъ составляли отъ $^2/_3$ до $^4/_5$ всего государственнаго бюджета (53 мил. нынѣшнихъ рублей), при Екатеринѣ Великой—45% бюджета, въ половинѣ XIX в.—42%, въ концѣ его—около 30%; по смѣтѣ 1911 г. расходы по военному и морскому вѣдомствамъ составляютъ 590.941.000 рублей.

Указанныя процентныя отношенія слѣдуетъ еще увеличить включеніемъ въ нихъ расходовъ по погашенію государственнаго долга, ведущихъ свое начало со времени Екатерины II (при ней они составляли 4,5%, въ началѣ XX в. около 18%), такъ какъ государственные займы расходовались преимущественно на военныя нужды. Возраставшіе въ теченіе Императорскаго періода государственные расходы требовали заботъ объ экономическомъ развитіи Россійской имперіи и финансовыхъ операцій.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Успѣхи экономическаго развитія Россійской Имперіи. Финансы и ихъ исторія.

§ 99. Сельско-хозяйственная дѣятельность.

Въ Императорскій періодъ такъ же, какъ и въ Московскій, Россія оставалась по преимуществу земледѣльческой страной, при чемъ въ ней, вплоть до освобожденія крестьянъ, преобладало такъ называемое «крѣпостное хозяйство». Въ исторіи послѣдняго можно различать два процесса: въ первой половинѣ XVIII в. замѣчается *развитіе «денежно-оброчной системы»*, въ послѣдующее время до самой реформы 1861 г. эта система сохраняется и даже продолжаетъ развиваться въ сѣверной *промысловой* полосѣ Россіи, *въ черноземной* же, собственно земледѣльческой, ея полосѣ, напротивъ, все больше и больше распространяется *барщинное хозяйство*. Прослѣдимъ направленіе этихъ процессовъ.

«Время послѣ Смуты (XVII в.) было, по словамъ проф. Струве, эпохой энергичнаго развитія земледѣльческой культуры на основѣ барщиннаго режима». Дѣйствительно, какъ уже упоминалось (стр. 195), именно въ это время помѣщики особенно усиленно искали даровыхъ рабочихъ рукъ для приведенія въ порядокъ разстроеннаго хозяйства и для увеличенія производства хлѣба. Ихъ усилія увѣнчались извѣстнымъ успѣхомъ: хлѣбныя цѣны, крайне высокія въ началѣ XVII в., значительно понизились къ концу его, а это свидѣтельствуетъ о томъ, что, благодаря развитію земледѣльческой культуры, не ощущалось недостатка въ предложеніи хлѣба. Преобразовательная эпоха Петра Великаго двояко отразилась на сельскомъ хозяйствѣ. Съ одной стороны, какъ сказано (стр. 327), введеніе подушной подати побуждало крестьянъ къ расширенію запашки. Съ другой стороны, при Петрѣ, по словамъ проф. Ключевскаго, «огромное количество народнаго труда было отвлечено отъ земледѣлія въ арміи, на фабрики и заводы, къ разнымъ казеннымъ работамъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ денежные сборы въ пользу государства увеличились въ три раза по сравненію съ прежнимъ временемъ. Крѣпостному хозяйству приходилось приспособляться къ этимъ новымъ условіямъ. Для помѣщиковъ, прикованныхъ къ службѣ, почти не показывавшихся въ своихъ имѣніяхъ, удобнѣе всего было сдавать ихъ на оброкъ, отправляя «избыточное населеніе» (т. е. лишнихъ людей) на заработки въ городъ или заставляя его заниматься кустарнымъ промысломъ, а также работой на господскихъ фабрикахъ, которыми, какъ увидимъ, увлекались въ это время дворяне. Такимъ путемъ,

въ ущербъ барщинному режиму XVII в., развивалась денежно-оброчная система. При господствѣ ея, по мнѣнію проф. Струве, сельское хозяйство, лишенное барскаго присмотра, не стояло на высотѣ. Справедливость этого мнѣнія Струве подтверждается многочисленными показаніями современниковъ, свидѣтельствующими о томъ, что оброчныя имѣнія не достаточно эксплуатировались, мало производили продуктовъ на сбытъ, что они были въ $3^1/_2$ раза менѣе доходны, чѣмъ барщинныя. Понятно поэтому, что барщина должна была воскреснуть и пышно расцвѣсть, лишь только стали слагаться благопріятныя для этого условія.

Эти условія вызваны были эпохой ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго и эпохой Екатерины II, когда, какъ мы знаемъ (стр. 328), дворянство постепенно превращалось изъ служилаго сословія въ привилегированное. Облегченіе дворянской службы, а затѣмъ и отмѣна ея обязательности дали возможность помѣщикамъ прочно осѣсть по своимъ имѣніямъ, энергично приняться за использованіе ихъ богатствъ, тѣмъ болѣе, что экономическая политика этого времени обезпечивала дворянамъ выгодный сбытъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, заботливо охраняя ихъ отъ конкуренціи другихъ классовъ общества. Дѣйствительно, какъ мы знаемъ (стр. 329), уже со времени императрицы Елизаветы Петровны, владѣніе населенными землями сдѣлалось дворянской монополіей; такою же монополіей стало и въ высшей степени доходное право на винокуреніе, на снабженіе войскъ провіантомъ и фуражемъ. Далѣе, развитіе городовъ при Екатеринѣ II превратило ихъ въ выгодные рынки для сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Въ это же время, какъ увидимъ ниже, чрезвычайно быстро росла внѣшняя торговля пшеницей. Спросъ на хлѣбъ, особенно во время войнъ и неурожаевъ, способствовалъ возвышенію хлѣбныхъ цѣнъ, которыя довольно крѣпко держались въ царствованіе Екатерины II и въ началѣ XIX в. Все это объясняетъ, почему дворянство, ставъ привилегированнымъ сословіемъ, сдѣлалось вмѣстѣ съ тѣмъ сословіемъ земельнымъ, прониклось «сельско-хозяйственнымъ предпринимательствомъ». Послѣднее должно было выразиться прежде всего именно въ *развитіи барщины*: помѣщику, особенно черноземной полосы, было выгодно эксплуатировать какъ можно больше земли, при помощи крѣпостного барщиннаго труда, въ свою пользу и какъ можно меньше отводить земельныхъ надѣловъ крестьянамъ. Одновременно съ измѣненіемъ *организаціи* хозяйства (т. е. введеніемъ барщины вмѣсто оброка) стала совершенствоваться и самая *техника* его. Не малую роль въ развитіи ея сыграли многочисленныя, учреждавшіяся въ разныхъ районахъ, экономическія и сельско-хозяйственныя общества, самымъ раннимъ и самымъ крупнымъ изъ которыхъ было основанное въ 1765 г. Вольное Экономическое Общество. Въ тѣсной

связи съ ними возникла и обширная агрономическая литература, оказавшая замѣтное вліяніе на улучшеніе сельскаго хозяйства: въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ успѣшно вводились усовершенствованныя сельско-хозяйственныя орудія, развивалось свеклосахарное производство, разведеніе мериносовъ и т. под. Вообще конецъ XVIII и начало XIX в. ознаменовались несомнѣннымъ прогрессомъ сельскаго хозяйства въ смыслѣ поднятія его доходности.

Однако удовлетвореніе помѣщичьихъ интересовъ достигнуто было цѣною полнаго пренебреженія къ интересамъ крестьянъ. Послѣдніе жестоко пострадали вслѣдствіе перехода отъ оброчной системы (при которой они не чувствовали непосредственнаго хозяйскаго гнета) къ барщинѣ, обращавшей ихъ на три дня еженедѣльно (стр. 337) въ подневольныхъ рабочихъ. Дальнѣйшее же развитіе барщины, неразрывно связанное съ сокращеніемъ крестьянскихъ надѣловъ, должно было бы повести къ *обезземеленію* крестьянъ; и дѣйствительно, уже въ 30-хъ и 40-хъ годахъ часть крестьянскаго населенія нѣкоторыхъ имѣній переводилась въ разрядъ «мѣсячниковъ», т. е. безземельныхъ и безплатныхъ рабочихъ, состоявшихъ на господскомъ иждивеніи. Такимъ образомъ крѣпостная неволя лишала, какъ сказано (стр. 333), крестьянъ чуть не всѣхъ гражданскихъ правъ, а крѣпостное хозяйство грозило лишить ихъ всякаго обезпеченія. Иными словами, крѣпостное право должно было бы завершиться обращеніемъ крестьянъ въ полныхъ рабовъ.

Нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что крѣпостное право, гибельное для крестьянъ и крайне вредное для русской промышленности (см. ниже), было невыгодно и для помѣщиковъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ районовъ Россіи. Въ доказательство этого ссылаются на то, что подневольный трудъ былъ непроизводителенъ; что нѣкоторые помѣщики намѣренно не прибѣгали къ сельскохозяйственнымъ машинамъ изъ опасенія оставить безъ дѣла барщинныхъ крестьянъ; что въ черноземной полосѣ крестьяне представляли собой не плюсъ, а минусъ въ хозяйствѣ, такъ какъ въ ихъ пользу приходилось все же отводить хоть какіе-нибудь надѣлы, а между тѣмъ земля *сама-по-себѣ* цѣнилась здѣсь очень высоко. Неблагопріятными условіями крѣпостного хозяйства объясняютъ и колоссальную задолженность помѣщиковъ: въ половинѣ XIX вѣка чуть не 50% имѣній было заложено въ банкахъ.

Проф. Струве опровергаетъ нѣкоторыя изъ приведенныхъ ссылокъ, не придаетъ большого значенія задолженности имѣній и утверждаетъ, что крѣпостное право было отмѣнено *вопреки интересамъ* помѣщичьяго класса. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ, что крѣпостное хозяйство въ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годахъ переживало кризисъ, выразившійся въ паденіи, къ невыгодѣ для помѣщиковъ, цѣнъ на хлѣбъ и особенно въ колебаніи ихъ (случалось, напр., что

въ одно и то же время хлѣбъ въ Псковской губерніи стоилъ въ десять разъ дороже, чѣмъ въ Курской). Чтобы выйти изъ этого кризиса, обусловливавшагося тѣмъ, что «рынокъ отсталъ отъ производства» (т. е. что предложеніе хлѣба превышало спросъ на него), необходимо было усовершенствовать пути сообщенія—покрыть Россію сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Проведеніе же этой сѣти произвело такія важныя перемѣны въ экономической жизни Россіи и поставило передъ ней такія новыя задачи, съ которыми крѣпостное хозяйство было несовмѣстимо. Значитъ, отмѣна крѣпостного права являлась не только актомъ справедливости, не только политическою и соціальною необходимостью (§ 94), но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимостью *экономическою*.

Однако эта отмѣна вызвала, какъ уже упомянуто (стр. 344), своего рода кризисъ какъ помѣщичьяго, такъ и крестьянскаго хозяйства, и законодательство конца XIX и начала XX в.в. искало выхода изъ него въ учрежденіи земельныхъ банковъ, въ расширеніи крестьянскаго землевладѣнія и въ новой землеустроительной политикѣ (стр. 345).

Эти мѣры нѣсколько измѣнили распредѣленіе землевладѣнія, которое въ послѣдней четверти XIX в., въ 49 губерніяхъ Европейской Россіи, охватывающихъ свыше 400 милл. десятинъ, имѣло слѣдующій характеръ: около $^2/_5$ указаннаго пространства принадлежало казнѣ (69,3% казенной земли покрыто лѣсами, 28,1%—представляетъ такъ называемую неудобную землю—тундры, болота, горные хребты, солончаки и т. д.); свыше $^1/_3$—состояло во владѣніи крестьянъ; менѣе $^1/_4$—было достояніемъ *частныхъ* собственниковъ (около 80% *частной* земельной собственности принадлежало дворянамъ); небольшой остатокъ, получавшійся за вычетомъ трехъ указанныхъ категорій землевладѣнія, распредѣлялся между удѣльнымъ вѣдомствомъ (стр. 286) и другими учрежденіями, а также городами, посадами и проч.

Объ огромномъ значеніи для Россіи сельскаго хозяйства свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что его продукты въ концѣ XIX в. составляли около 80% общей цѣнности всего русскаго вывоза. Значитъ, въ международной торговлѣ Россіи они играли неизмѣримо болѣе крупную роль, чѣмъ произведенія обрабатывающей промышленности.

§ 100. Промышленность и торговля.

Зарожденіе крупнаго производства при Петрѣ I.

Крупная фабричная промышленность ведетъ свое начало съ царствованія Петра Великаго: въ Московскій періодъ въ Россіи существовало лишь *мелкое* производство, такъ какъ московскіе капиталисты—«гости»—(стр. 202) предпочитали промышленности *торговлю*. Однако именно этотъ торговый капиталъ, имѣвшійся въ распоряженіи московскихъ купцовъ, и далъ *возможность* Петру Великому насадить въ Россіи крупное производство, которое было такъ же *необходимо* для нея, какъ и всѣ другія петровскія преобразованія. Дѣйствительно, «для того чтобы успѣшно вести войну, требовались не

только обученные солдаты, но также и пушки, ядра, порохъ, оружіе, солдатское сукно, полотно, вообще принадлежности воинскаго обмундированія и многое другое... Единственное средство избавиться отъ необходимости покупать воинскія принадлежности у иностранцевъ заключалось въ производствѣ этихъ принадлежностей у себя дома; а такъ какъ дома нужные товары не выдѣлывались, то оставалось устраивать для ихъ изготовленія казенныя мастерскія, фабрики и заводы. Но у казны средствъ было мало; при такомъ положеніи, что̀ оставалось Петру, какъ не поощрять всѣми силами частную предпріимчивость, частныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ, которые на свой капиталъ заводили производства, до такой степени необходимыя правительству»? (Слова проф. Туганъ-Барановскаго).

Помимо удовлетворенія военныхъ нуждъ, этой главной пружины петровскихъ преобразованій (стр. 246), къ развитію промышленности побуждало царя также стремленіе повысить производительность народнаго труда, поднять благосостояніе Россіи, тѣмъ болѣе, что это давало возможность увеличить податное обложеніе. Итакъ, *цѣль* Петра—понятна: она сводилась къ тому, чтобы всякая отрасль народнаго хозяйства стояла на должной высотѣ, чтобы Россія производила все нужное для нея, и чтобы вывозъ товаровъ преобладалъ надъ ввозомъ. Въ достижимость этой цѣли царь крѣпко вѣрилъ, такъ какъ былъ глубоко убѣжденъ, что его государство изобилуетъ естественными богатствами, что нужно только использовать ихъ, «дабы Божіе благословеніе подъ землею втуне не оставалось». Лучшимъ средствомъ для достиженія цѣли онъ считалъ правительственное вмѣшательство въ экономическую жизнь страны, т. е. *систему протекціонизма.* Онъ усвоилъ ее не только потому, что со времени Кольбера она господствовала въ Западной Европѣ, но и потому, что онъ былъ увѣренъ, будто русскіе люди «безъ принужденія не сдѣлаютъ и добраго дѣла, если только оно ново», и поэтому правительство должно побуждать ихъ «неволею».

Изъ изложеннаго не трудно убѣдиться, что экономическая политика Петра была не только необходима, но и исторически подготовлена: уже въ XVII в. намѣтилась цѣль ея—освобожденіе отъ иноземной конкуренціи и превышеніе вывоза надъ ввозомъ (стр. 207)—ея средства—меркантилизмъ—и отчасти ея почва—торговый капиталъ. Но при Петрѣ экономическія преобразованія, какъ и другія, получили ускоренный темпъ, «лихорадочный пульсъ» (стр. 247): протекціонизмъ доведенъ былъ до крайности.

Покровительственныхъ мѣръ предпринято было много. Петръ приглашалъ иностранныхъ мастеровъ и фабрикантовъ, всячески награждалъ и одаривалъ ихъ съ тѣмъ, чтобы они «учили русскихъ людей безъ всякой скрытности и прилежно». Однако, такъ какъ это условіе далеко не всегда соблюдалось, то приходилось цѣлыми партіями

отправлять русскихъ за границу для обученія всевозможнымъ ремесламъ и производствамъ до самыхъ мелочныхъ включительно. Русскихъ капиталистовъ царь всячески побуждалъ составлять компаніи для совмѣстной торговли и организаціи промышленныхъ предпріятій, соблазнялъ ихъ щедрыми вспомоществованіями и ссудами, а также освобожденіемъ отъ повинностей, съ любовью поддерживалъ всякую фабрику, заботился, чтобы она не терпѣла недостатка въ рабочихъ рукахъ, и очень часто устраивалъ какое-нибудь предпріятіе (фабрику или заводъ) на казенныя средства, а затѣмъ передавалъ его для эксплуатаціи частнымъ лицамъ, не останавливаясь даже передъ прямымъ *принужденіемъ*, придавая *торгово-промышленной дѣятельности характеръ какой-то обязательной службы.* Капиталисты подвергались немилости, если отказывались пускать свои средства въ оборотъ, и даже преслѣдованіямъ, если утаивали свои доходы. Такъ, напр., строжайше запрещались клады (нашедшій кладъ получалъ одну треть его себѣ, остальная часть отбиралась въ казну); бывали случаи, когда правительство, узнавъ по доносу, что кто-нибудь неправильно показалъ цифру своего капитала и тѣмъ уменьшилъ прибыль казны (съ оборота взимался 5%-й сборъ), конфисковывало у оговореннаго лица все необъявленное имущество. Не мало заботился царь и о развитіи торговли: торговать разрѣшено было всѣмъ, а не однимъ посадскимъ, интересы русскихъ купцовъ ограждены были покровительственнымъ тарифомъ, центръ внѣшней торговли перемѣщенъ изъ Архангельска въ Петербургъ и другіе Балтійскіе порты (напр., Выборгъ, Ревель, Рига, Перновъ), внутренняя торговля облегчена улучшеніемъ путей сообщенія, въ особенности же—прорытіемъ каналовъ (при Петрѣ были устроены Вышневолоцкая и Ладожская системы и задумано нѣсколько другихъ).

Старанія царя увѣнчались извѣстнымъ успѣхомъ: государственный бюджетъ возросъ за его царствованіе болѣе, чѣмъ въ три раза (по сравненію съ царствованіемъ Ѳеодора Алексѣевича; на наши деньги съ 20 до 70 милл.); было создано 233 фабрики; крупнѣйшими изъ нихъ были суконныя и полотняныя, на которыхъ занято было по нѣсколько сотъ рабочихъ, а также оружейные заводы; нѣкоторыя отрасли производства, особенно горное дѣло, достигли высокаго развитія, и къ концу царствованія Петра Великаго образовался обширный горнозаводскій округъ, центромъ котораго былъ Екатеринбургъ; въ торговлѣ удалось добиться превышенія вывоза надъ ввозомъ.

Однако экономическая политика царя все же не дала тѣхъ результатовъ, на которые разсчитывалъ онъ. Объясняется это не только злоупотребленіями должностныхъ лицъ, подчиненныхъ бергъ-и мануфактуръ-коллегіямъ, но и болѣе общими причинами: 1) принудительное насажденіе промышленности далеко не всегда давало жизнеспособные плоды, 2) чрезмѣрная регламентація ея (т. е. тщательное опредѣленіе правитель-

ственными указами самаго характера производства) была прямо вредной (такъ, напр., запрещеніе выдѣлки узкаго холста совсѣмъ подорвало ткачество крестьянъ сѣвернаго края и разорило ихъ), 3) главнымъ же препятствіемъ для развитія крупнаго производства былъ недостатокъ рабочихъ рукъ, который не прекращался, несмотря на цѣлый рядъ правительственныхъ мѣръ. Къ ихъ числу относятся, напр., разрѣшеніе фабрикантамъ принимать бѣглыхъ крѣпостныхъ крестьянъ, при чемъ прежніе владѣльцы послѣднихъ не смѣли требовать ихъ возврата; принудительная отправка на фабрики провинившихся въ чемъ-нибудь женщинъ, нищихъ и бродягъ; приписка къ заводамъ цѣлыхъ селъ; предоставленіе (въ 1721 г.) «купецкимъ людямъ» права покупать населенныя деревни къ фабрикамъ и заводамъ съ тѣмъ, чтобы эти деревни оставались при нихъ навсегда.

Экономическая политика ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго.

Въ первыя три царствованія послѣ Петра въ его покровительственную систему внесены были, по предложенію комиссіи о коммерціи (подъ предсѣдательствомъ Остермана), частичныя измѣненія: такъ, были ограничены монополіи фабрикантовъ, откупа и чрезмѣрная регламентація промышленности, понижены (въ 1731 г.) пошлины, приняты нѣкоторыя мѣры для развитія «вольной торговли», уничтожены стѣсненія для торговли черезъ Архангельскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы обезпечить фабрикантовъ рабочими руками, изданъ былъ въ 1736 г. указъ, *прикрѣпившій* всѣхъ рабочихъ съ ихъ семействами къ фабрикамъ, иными словами, окончательно замѣнившій прежній вольнонаемный трудъ *крѣпостнымъ*, *принудительнымъ*, при томъ очень суровымъ (рабочіе содержались крайне плохо и работали по 14 часовъ въ сутки). Этотъ указъ вызвалъ недовольство дворянъ, считавшихъ владѣніе крѣпостными своимъ исключительнымъ правомъ (стр. 329). Вслѣдствіе этого, со времени императрицы Елизаветы Петровны, покупка крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ стала ограничиваться, а затѣмъ была и вовсе запрещена. Результатомъ такого запрещенія явился переходъ многихъ промышленныхъ заведеній отъ купечества къ дворянству (пользовавшемуся трудомъ крѣпостныхъ своихъ имѣній), и въ царствованіе Екатерины Великой число *дворянскихъ* фабрикъ быстро росло.

Экономическая политика Екатерины II.

Въ отличіе отъ Петра Великаго, Екатерина II въ основу своей экономической политики полагала не принципы меркантилизма, а воззрѣнія современныхъ ей западно-европейскихъ политикоэкономовъ, ученіе которыхъ носитъ названіе физіократіи. Физіократы были противниками правительственнаго вмѣшательства въ торгово-промышленную жизнь страны и настаивали на предоставленіи ей естественнаго развитія (сообразно формулѣ: «laisser faire, laisser passer») [1]. Усвоивъ взглядъ, что особенное значеніе для государства имѣютъ земледѣліе и мелкая промышленность, и что «коммерція по большей части процвѣтаетъ вольностью и свободою», императрица приняла нѣсколько освободительныхъ мѣръ: 1) взамѣнъ системы монополій,

[1]) Проф. Туганъ-Барановскій доказываетъ, что ученіе физіократовъ соотвѣтствовало дворянскимъ интересамъ.

предоставлялась предпринимателямъ свободная конкуренція, очевидно, благопріятно отзывавшаяся на качествѣ произведеній промышленности, 2) правительственная власть отказывалась отъ вмѣшательства (столь замѣтнаго при Петрѣ I) въ дѣло открытія и устройства фабрикъ и заводовъ, и въ 1775 г. объявила устройство всякихъ промышленныхъ заведеній совершенно *свободнымъ для всѣхъ*.

Эти мѣры очень оживили русскую промышленность: число фабрикъ въ царствованіе Екатерины II увеличилось болѣе, чѣмъ въ три раза (съ 984 до 3161). Одновременно съ фабричной промышленностью и подъ непосредственнымъ ея вліяніемъ росло и кустарное производство: «фабрики, по словамъ проф. Туганъ-Барановскаго, явились практической школой для кустарей: вольнонаемные рабочіе, возвращаясь домой, разносили по всѣмъ деревенскимъ закоулкамъ новые техническіе навыки и пріемы». Соперничества между фабриками и кустарями не было, такъ какъ первыя имѣли своими потребителями казну и высшіе классы общества, а вторые простой народъ.

Несомнѣнные успѣхи сдѣлала также русская торговля. Ея развитію не мало способствовало уничтоженіе въ 1753 г. (при Елизаветѣ Петровнѣ) внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ и увеличеніе пограничныхъ. Послѣдующіе тарифы (1757, 1766, 1782 и 1793 г.г.), различаясь высотою пошлинъ, въ общемъ сохраняли покровительственный для русской торговли характеръ. Не малое значеніе имѣло также основаніе кредитныхъ учрежденій, т. е. банковъ — дворянскаго и купеческаго при Елизаветѣ Петровнѣ, государственнаго—при Екатеринѣ II,—улучшеніе путей сообщенія, возникновеніе торговаго флота, обезпеченіе морской торговли «конвенціей для охраненія нейтральнаго торговаго кораблеплаванія» (заключенною въ 1780 г.), учрежденіе консульствъ въ нѣсколькихъ заграничныхъ портахъ, устройство торговыхъ портовъ на Черномъ морѣ. Все это повело къ быстрому увеличенію вывоза въ Западную Европу. (Общая ежегодная цѣнность его достигала 26 милл. рублей, при чемъ около $^1/_3$ этой суммы—8,4 милл.—давали обработанныя и полуобработанныя издѣлія, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ стояли желѣзо—3,3 милл., а также полотно и холстъ—2,4 милл.). Вывозъ пшеницы за нѣсколько лѣтъ (1766—1779 г.г.) возросъ въ 9 разъ, и Россія сдѣлалась одной изъ главныхъ «житницъ» Западной Европы. Очень оживленная торговля велась между прочимъ съ Англіей, куда Россія сбывала свое сырье, получая оттуда мануфактурныя и колоніальныя произведенія. «Торговля съ Англіей, по утвержденію одного наблюдателя конца XVIII в., открывала единственные пути, которыми въ Россію притекало все для нея необходимое». Вотъ почему разрывъ съ нею при Павлѣ I (стр. 258), а затѣмъ «континентальная система» (стр. 259) вызвали крайне острое недовольство въ значительной части русскаго общества.

Состояніе промышленности и торговли съ начала XIX в. до 1861 г.

Исторію русской промышленности и торговли въ XIX в. можно раздѣлить на два періода: до *великой крестьянской реформы императора Александра II* и *послѣ нея*. За первый періодъ число фабрикъ возросло до 14.148 съ 522.500 рабочими. Правительство содѣйствовало промышленности поощреніемъ новыхъ изобрѣтеній, переводомъ иностранныхъ сочиненій, посвященныхъ экономическимъ вопросамъ, учрежденіемъ техническихъ учебныхъ заведеній, устройствомъ мануфактурныхъ выставокъ (первая всероссійская выставка была открыта въ 1829 г., а въ 1851 г. Россія участвовала на всемірной выставкѣ), наконецъ, тарифами, отличавшимися (за исключеніемъ тарифа 1819 г.) болѣе или менѣе охранительнымъ характеромъ (т. е. охранявшими произведенія отечественной промышленности отъ конкуренціи иностранныхъ — посредствомъ запрещенія послѣднихъ къ ввозу или высокаго обложенія ихъ пошлинами). Однако, несмотря на эти мѣры, далеко не всѣ отрасли русскаго производства стояли на высотѣ. Необыкновенно быстраго развитія достигло лишь хлопчато-бумажное производство: менѣе, чѣмъ за 50 лѣтъ (1812—1860 г.), количество перерабатываемаго въ Россіи хлопка увеличилось болѣе, чѣмъ въ 50 разъ. Напротивъ, полотняное производство, игравшее важную роль въ XVIII в., пришло въ упадокъ. Суконное,—представлявшее въ XVIII в. «важнѣйшую отрасль промышленности», въ началѣ XIX в. было крайне стѣснено правительственной регламентаціей и лишь послѣ отмѣны ея (въ 1816 г.) стало *количественно* развиваться, но качество выдѣлываемаго сукна улучшалось очень медленно. Въ области желѣзодѣлательной промышленности, несмотря на всяческое поощреніе со стороны правительства, замѣчался почти полный застой.

Слабый успѣхъ указанныхъ старинныхъ и покровительствуемыхъ властью отраслей производства объясняется *вліяніемъ крѣпостного права*. Послѣднее крайне неблагопріятно отражалось и на сбытѣ продуктовъ промышленности и на качествѣ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, при существованіи крѣпостного права спросъ на фабрикаты, въ особенности дорогіе, былъ очень невеликъ на *внутреннемъ рынкѣ* (т. е. въ самой Россіи), такъ какъ отягощенные повинностями и разоренные крестьяне не имѣли возможности покупать товаровъ; плохими покупателями были и помѣщики средней руки, потому что большинство ихъ довольствовалось предметами домашняго обихода, которые выдѣлывались крѣпостными. Лишь бумажныя ткани, вслѣдствіе своей дешевизны, находили большой сбытъ въ народной массѣ, чѣмъ и обусловливался ростъ хлопчатобумажнаго производства. Не лучше обстояло дѣло и съ внѣшней торговлей: вывозъ *обработанныхъ* и *полуобработанныхъ* издѣлій къ серединѣ XIX в. сократился по сравненію съ концомъ XVIII в. (Именно, хотя ежегодная цѣнность русскаго экспорта въ Зап. Европу достигла въ 1848—50 г.г. 80,8 милл.

рублей, однако обработанныхъ и полуобработанныхъ издѣлій вывозилось въ это время лишь на 7,4 милл. рублей, что составляло только около 9% общей цѣнности, а не около 1/3 ея, какъ это было въ концѣ XVIII в.; въ частности вывозъ желѣза понизился съ 3,3 милл. рублей до 0,8 милл., вывозъ полотна и холста съ 2,4 милл. до 1,4 милл.). Причина такого уменьшенія сбыта продуктовъ русской промышленности за границу коренилась въ томъ, что они не выдерживали конкуренціи съ фабрикатами Зап. Европы: въ послѣдней быстрый прогрессъ машиннаго производства неизмѣнно велъ къ удешевленію и къ улучшенію качества фабричныхъ издѣлій, между тѣмъ въ Россіи произведенія промышленности были мало удовлетворительны по своему качеству, такъ какъ значительная часть ихъ выдѣлывалась крѣпостнымъ, *принудительнымъ* и потому *непроизводительнымъ* трудомъ.

Во вредѣ такого труда стало убѣждаться и правительство и предприниматели. Такъ, императоръ Николай I считалъ крѣпостное право «причиною того, что у насъ нѣтъ торговли и промышленности». Помѣщичьи—*вотчинныя*, т. е. обслуживаемыя крѣпостными рабочими, фабрики падали и закрывались; все больше и больше обнаруживалась несостоятельность и тѣхъ фабрикъ, на которыхъ работали поссессіонные крестьяне. Классъ этихъ рабочихъ сложился изъ приписанныхъ и прикупленныхъ (пока это разрѣшалось) къ фабрикамъ крестьянъ и ихъ потомковъ. Въ отличіе отъ крѣпостныхъ, они считались «крѣпкими фабрикѣ», а не ея владѣльцу, и власть послѣдняго надъ ними была ограничена: такъ, напр., владѣлецъ не могъ увольнять поссессіонныхъ крестьянъ, не имѣлъ права измѣнять ни заработной платы, ни даже характера или способа производства (поссессіонные крестьяне не обязаны были даже обучаться новымъ пріемамъ работы). Все это обрекало поссессіонныя фабрики на застой, и «право пользованія принудительнымъ трудомъ обратилось, по словамъ проф. Туганъ-Барановскаго, въ бремя». Понятно поэтому, что правительство сочло нужнымъ приступить сперва къ частичнымъ преобразованіямъ поссессіонныхъ фабрикъ, а затѣмъ (съ 1840 г.) и къ постепенному упраздненію ихъ.

По мѣрѣ того, какъ экономическія условія все ярче выясняли непродуктивность принудительнаго (крѣпостного и поссессіоннаго) труда, спросъ на трудъ *вольнонаемный*, болѣе дорогой, но зато болѣе производительный, все возрасталъ. Сперва вольнонаемные рабочіе появились на мелкихъ фабрикахъ, многія изъ которыхъ развились изъ кустарныхъ избъ и принадлежали крестьянамъ (такъ, напр., основатель знаменитой впослѣдствіи фирмы, Савва Морозовъ, былъ крѣпостнымъ ткачомъ одного помѣщика [1]). Затѣмъ въ преимуще-

[1]) Еще въ началѣ XIX в. вольнонаемные составляли 48% общаго числа рабочихъ.

ствахъ свободнаго труда убѣдились и другіе предприниматели, какъ купцы, такъ и дворяне. Потребность въ немъ тѣмъ болѣе увеличивалась, чѣмъ сильнѣе чувствовалась необходимость ввести техническія усовершенствованія въ производство, чтобы имѣть возможность конкурировать съ Западно-Европейской промышленностью. Вольнонаемные рабочіе вербовались преимущественно изъ оброчныхъ крестьянъ и изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома. Но, конечно, этотъ источникъ оказывался недостаточнымъ и не удовлетворялъ вполнѣ спроса на свободный трудъ. *Значитъ, и для преуспѣянія промышленности и торговли Россіи такъ же, какъ для развитія всѣхъ остальныхъ сторонъ ея жизни, необходима была отмѣна крѣпостного права.*

Состояніе промышленности и торговли послѣ 1861 г.

Отъ освобожденія крестьянъ пострадали *лишь* тѣ помѣщичьи фабрики, на которыхъ до самаго 1861 г. господствовалъ крѣпостной трудъ, а также, на первыхъ порахъ, и горные заводы, такъ какъ, вслѣдствіе очень тяжелыхъ условій горнозаводскаго ремесла, рабочіе, получивъ волю, массами бросали его. *Вообще* же русская промышленность необычайно оживилась благодаря огромному притоку свободнаго труда и приливу капитала, полученнаго помѣщиками отъ выкупа крѣпостныхъ. Ея успѣхамъ содѣйствовалъ еще цѣлый рядъ другихъ условій, важнѣйшими изъ которыхъ являются постройка желѣзныхъ дорогъ (каждая изъ нихъ открываетъ какъ бы новый рынокъ [1]), возникновеніе Добровольнаго флота, пріобрѣтеніе среднеазіатскихъ владѣній и Батумскаго порта (стр. 270). Увлеченіе предпринимателей желѣзнодорожнымъ строительствомъ и сооруженіемъ фабрикъ съ очень сложными машинами доходило иногда даже до крайности и вело къ превышенію предложенія товаровъ надъ спросомъ, слѣдствіемъ чего было паденіе цѣнъ на нихъ, разореніе нѣкоторыхъ предпріятій и затѣмъ болѣе или менѣе продолжительный застой промышленности. Такіе «кризисы», отлично знакомые всѣмъ промышленнымъ странамъ, конечно, неизбѣжны и не представляютъ длительной опасности: застой рано или поздно вновь смѣняется оживленіемъ, и русская промышленность, несмотря на колебанія, продолжала развиваться. Объ ея успѣхахъ *къ концу XIX в.* можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: въ 1897 г. въ Россіи имѣлось около 40 тысячъ (39.029) фабрикъ и заводовъ, на которыхъ трудилось свыше 2 милл. (2.098.262) рабочихъ и которые вырабатывали продуктовъ и издѣлій почти на 3 милліарда (2.839.144.000) рублей.

[1]) Первая русская желѣзная дорога построена была еще въ 1838 г., но особенно кипучее строительство относится къ 1868—1871 и 1891—1899 г.г. Въ концѣ XIX в. русская желѣзнодорожная линія по своему *протяженію* (но не по отношенію къ *площади* страны) уступала лишь американской. По мѣрѣ развитія ея, утрачивали свое прежнее значеніе ярмарки: такъ, напр., Нижегородская ярмарка стала падать послѣ 1881 года.

На первомъ мѣстѣ стояло мануфактурное производство (прежде всего обработка хлопка), издѣлія котораго составляли около 30% всей цѣнности предметовъ обрабатывающей промышленности; за нимъ слѣдовала обработка питательныхъ продуктовъ (винокуреніе, винодѣліе, пивовареніе, сахарное, мукомольное производства и т. д.), далѣе горная и горнозаводская промышленность; значительно меньше были развиты обработка животныхъ продуктовъ (напр., кожъ и костей), обработка дерева, керамическое, химическое и писчебумажное производства.

Быстрое увеличеніе количества рабочихъ (процентъ прироста которыхъ значительно превышалъ процентъ *общаго* прироста населенія) и развитіе производства во второй половинѣ XIX в. ставили правительству двоякую задачу: 1) опредѣлить условія труда рабочихъ и ихъ отношенія къ предпринимателямъ, чтобы предотвратить недоразумѣнія между ними, приводящія нерѣдко къ крупнымъ безпорядкамъ или стачкамъ, 2) обезпечить предпринимателямъ выгодное производство и сбытъ продуктовъ посредствомъ благопріятнаго для нихъ тарифа и торговыхъ договоровъ съ иностранными державами.

Первую задачу правительство стремилось разрѣшить «фабричнымъ законодательствомъ», вторую — таможенной политикой. Новое фабричное законодательство ведетъ свое начало съ царствованія императора Александра III. Оно запрещаетъ пользоваться трудомъ малолѣтнихъ дѣтей; опредѣляетъ продолжительность рабочаго времени дѣтей старшаго возраста, женщинъ и взрослыхъ мужчинъ; требуетъ отъ фабриканта заключенія письменныхъ договоровъ съ рабочими; обезпечиваетъ соблюденіе ихъ и т. д. За исполненіемъ этихъ законовъ слѣдятъ фабричные инспектора (должность которыхъ учреждена была въ 1884 г.). Особенно важное значеніе «рабочій вопросъ» получилъ съ начала XX в., когда число рабочихъ еще увеличилось, и когда они, по примѣру западно-европейскихъ рабочихъ союзовъ, стали организоваться для того, чтобы сообща отстаивать свои интересы и взгляды.

Таможенная политика.

Что касается таможенной политики, то въ основѣ тарифа 1868 г., какъ и прежде, лежало стремленіе понизить пошлины на привозное сырье и повысить обложеніе заграничныхъ фабрикатовъ. Въ послѣдующіе годы правительство не разъ обращалось къ надбавкамъ пошлинъ. Всѣ эти надбавки приведены были въ систему изданіемъ новаго тарифа 1891 г., главной задачей котораго было оказать самую широкую поддержку тѣмъ отраслямъ промышленности, которыя страдали отъ иностранной конкуренціи, а также содѣйствовать успѣхамъ земледѣлія (для достиженія послѣдней цѣли была понижена пошлина на привозныя сельскохозяйственныя машины). Вскорѣ

затѣмъ въ русскую таможенную политику внесенъ былъ новый принципъ: высота пошлинъ стала обусловливаться не только характеромъ привозныхъ продуктовъ (какъ это было до 1891 г.), но и *происхожденіемъ* ихъ, т. е. *мѣстомъ ихъ вывоза*. Именно, *одинаковые* товары стали облагаться *различными* пошлинами въ зависимости отъ того, идутъ ли они изъ государства, *благопріятствующаго* намъ *своей* таможенной политикой, или же изъ какого-нибудь другого. Это было сдѣлано въ виду неблагопріятной для насъ таможенной политики Германіи. Послѣдняя, стремясь поднять свое собственное сельское хозяйство, обложила огромными пошлинами привозное русское сырье и, напротивъ, понизила ихъ на нужные ей товары тѣхъ государствъ, съ которыми она заключила торговые договоры. Конечно, въ отвѣтъ на это Россія тоже подняла пошлины на германскіе продукты и въ 1893 г. ввела, какъ сказано, *двойной* тарифъ: общій для *благопріятствующихъ* странъ и *повышенный* для остальныхъ. Въ томъ же году она заключила договоръ съ Франціей, сущность котораго состояла въ обоюдномъ пользованіи правомъ наиболѣе благопріятствуемой націи въ торговыхъ дѣлахъ. Въ 1894 г. заключенъ былъ договоръ съ Германіей, подвергшійся въ 1904 г. нѣкоторымъ невыгоднымъ для Россіи измѣненіямъ. Постепенно установлены были торговыя соглашенія и со многими другими государствами. Въ концѣ XIX в. русскій экспортъ (вывозъ за границу) оцѣнивался приблизительно въ 730 милл. рублей, импортъ же (т. е. ввозъ товаровъ въ Россію)—въ 600 съ лишнимъ милліоновъ [1]).

Поощреніе отечественной торговли и промышленности составляло лишь *одну* изъ сторонъ финансовой политики правительства. Обратимся къ изученію *другихъ* ея сторонъ, начиная съ эпохи Петра Великаго.

§ 101. Финансы и ихъ исторія.

Исторія финансовъ въ XVIII в.

Финансовая политика Петра I, помимо протекціонизма (стр. 364), характеризовалась, подобно политикѣ XVII в., увеличеніемъ податного обложенія, расширеніемъ казенныхъ монополій и установленіемъ повышенной стоимости денегъ (ср. стр. 206). Важнѣйшимъ

[1]) Въ началѣ XX в. эти цифры, конечно, возросли. Такъ, по даннымъ 1913 г., участіе Россіи во внѣшней торговлѣ *важнѣйшихъ* государствъ выражалось слѣдующими цифрами:

	Русскій экспортъ въ милліонахъ рублей.	Русскій импортъ въ милл. руб.
Германія	453,6	652,2
Англія	267,8	173,0
Франція	100,9	57,0
Австрія	65,3	35,7
Соед. Штаты	14,2	79,1
Италія	73,8	16,8

налогомъ при Петрѣ была не разъ упоминавшаяся, введенная въ 1719 г., *прямая*, подушная подать, которая взималась съ каждой души мужескаго пола *тяглаго* населенія, «не обходя отъ стараго до самаго послѣдняго младенца» [1]). Въ концѣ царствованія Петра она давала ежегодно свыше $4^1/_2$ милліоновъ рублей (деньги въ то время стоили приблизительно въ восемь разъ дороже, чѣмъ теперь), что составляло болѣе половины (53%) всего государственнаго дохода. Другую половину приносили иные источники, главнымъ образомъ *косвенные* налоги (т. е. налоги на предметы потребленія). Стремясь къ увеличенію ихъ, Петръ всячески поощрялъ «прибыльщиковъ», которымъ вмѣнялось въ обязанность «сидѣть и чинить государю прибыли». Ихъ профессія получила характеръ офиціальной должности, спеціальнаго финансоваго вѣдомства съ особыми канцеляріями, и прибыльщики проявляли удивительную находчивость въ своемъ стремленіи не упустить изъ виду ничего, что можно было обложить извѣстнымъ налогомъ.

За первымъ прибыльщикомъ Курбатовымъ, по предложенію котораго еще въ 1699 г. была введена въ Россіи «орленая» (т. е. гербовая) бумага, потянулся рядъ подражателей. По ихъ указаніямъ, устанавливалась цѣлая масса сборовъ, напр., поземельный, помѣрный и вѣсчій (при продажѣ), хомутейный, шапочный и сапожный (отъ клейменія хомутовъ, шапокъ и сапогъ), пчельный, банный, мельничный, ледокольный, погребной, водопойный, трубный (съ печи), привальный и отвальный (съ судовъ), съ продажи овощей, фруктовъ и другихъ съѣстныхъ припасовъ, съ найма домовъ и угловъ, съ постоялыхъ дворовъ и т. д. Установленъ былъ также особый налогъ на бороды, неодинаковый для разныхъ сословій (даже крестьянинъ при каждомъ въѣздѣ въ городъ и выѣздѣ изъ него долженъ былъ уплачивать по 1 коп. за свою бороду). Предлагалось взыскивать пошлину при заключеніи браковъ и рожденіи дѣтей.

---

[1]) Введеніе подушной подати вызвало большое недовольство: даже поклонникъ Петра—Посошковъ—возмущался ею, «понеже душа вещь—неосязаемая и умомъ непостижимая и цѣны не имѣющая». Такое недовольство объясняется не только жестокимъ сборомъ этой подати и злоупотребленіями сборщиковъ, но и неравномѣрнымъ распредѣленіемъ ея: многосемейному крестьянину приходилось платить больше, чѣмъ малосемейному; крѣпостные крестьяне ставились въ худшее положеніе, чѣмъ государственные, такъ какъ, хотя послѣдніе были обложены дополнительнымъ сборомъ въ 40 коп. и платили поэтому не 74 коп. (размѣръ подати съ души), а 1 р. 14 к. (городскіе тяглые платили еще больше—1 р. 20 коп.), однако эта надбавка была ничтожна по сравненію съ тѣмъ оброкомъ, который взимали помѣщики со своихъ крѣпостныхъ. По приблизительному подсчету, крѣпостная крестьянская семья въ 4 души платила помѣщику свыше 7 р. (около 60 р. на наши деньги), что составляло чуть ли не упятеренную сумму дополнительнаго сбора, вносимаго соотвѣтствующей семьей государственнаго крестьянина. Вообще, подушная подать, *замѣнивъ* собою *всѣ* другіе прямые налоги и сборы, на самомъ дѣлѣ значительно увеличила прямое обложеніе.

Изыскивая новые источники доходовъ, Петръ не забывалъ и тѣхъ финансовыхъ операцій, которыя были особенно излюбленными въ Московской Руси, а именно, установленія казенной монополіи на продажу всѣхъ прибыльныхъ товаровъ и перечеканки монеты. Казна сосредоточила въ своихъ рукахъ торговлю не только солью и табакомъ, но и всѣми мало-мальски ходкими товарами: «русскій дворъ, по словамъ современника-англичанина, превратился въ купеческій». Деньги, вырученныя отъ продажи, казна перечеканивала въ болѣе легковѣсную монету, придавая послѣдней повышенную стоимость. Такъ, напр., серебряныя деньги выпускали по цѣнѣ $17^1/_2$ коп. золотникъ, тогда какъ въ дѣйствительности золотникъ серебра обходился казнѣ 13—14 коп. Вслѣдствіе этого получалась прибыль («наддача») свыше 20%. Особенно выгадывало правительство отъ мѣдныхъ денегъ: изъ пуда мѣди, стоившаго 8 рублей, чеканилось монетъ на 20 рублей, иными словами, прибыль достигала 150%. Но, конечно, выгода была только призрачной, такъ какъ, насколько выигрывала казна, расплачиваясь легковѣсной монетой, настолько же она и проигрывала, получая съ населенія налоги новыми обезцѣненными деньгами. Вмѣстѣ съ тѣмъ вслѣдствіе такого обезцѣненія денегъ всѣ товары вздорожали. Какъ видно, перечеканка монеты была въ сущности очень неудачной операціей. Лишь неотложная нужда въ средствахъ побуждала не задумываться надъ ея послѣдствіями. Эта же нужда внушила Петру мысль пригласить въ Россію Джона Ло, финансовая операція котораго потерпѣла, какъ извѣстно, во Франціи полное крушеніе. Впрочемъ, переговоры съ нимъ кончились ничѣмъ.

Путемъ неимовѣрнаго напряженія платежныхъ силъ народа Петръ Великій къ концу своего царствованія, довелъ ежегодное поступленіе государственныхъ доходовъ до $8^1/_2$ съ лишнимъ милліоновъ рублей (на деньги того времени), но, несмотря на всѣ старанія, ему не удалось ни объединить финансоваго управленія (стр. 305—6), ни подчинить его дѣйствительному контролю. Колоссальное накопленіе недоимокъ, колоссальныя злоупотребленія многихъ должностныхъ лицъ (по мнѣнію современниковъ, чуть не половина средствъ, предназначавшихся для казны, въ дѣйствительности не поступала въ нее), стремленіе удовлетворять лишь текущія нужды, мало задумываясь надъ будущимъ, и прочія больныя стороны финансоваго хозяйства первой четверти XVIII в. не исчезли, а даже усилились въ эпоху ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго. Изъ финансовыхъ нововведеній этой эпохи можно отмѣтить лишь стремленіе увеличить косвенное обложеніе насчетъ прямого: въ бюджетѣ 1762 г., превышавшемъ 15 мил. рубл., косвенные сборы составили 60 съ лишнимъ %, а прямые—меньше 40.

Къ серьезнымъ финансовымъ преобразованіямъ приступила императрица Екатерина II. Она упорядочила финансовое управленіе учре-

жденіемъ экспедиціи о государственныхъ доходахъ (состоявшей при сенатѣ) и казенныхъ палатъ (стр. 308), освободила отъ подушной подати купцовъ, введя взамѣнъ ея 1% сборъ съ капитала (стр. 347), уничтожила цѣлый рядъ казенныхъ монополій. Казенные доходы отъ продажи вина переданы были на откупъ частнымъ лицамъ (что являлось, впрочемъ, малоудачной мѣрой). Недостатокъ въ денежныхъ средствахъ сталъ восполняться займами внѣшними [1]) и внутренними.

Исторія ассигнацій.

Послѣдніе заключались преимущественно въ выпускѣ ассигнацій, т. е. бумажныхъ денегъ (обращеніе которыхъ основано, какъ извѣстно, на кредитѣ, т. е. довѣріи, что правительство можетъ обмѣнять ихъ на монету изъ драгоцѣннаго металла). Выпускъ ассигнацій замѣнялъ до извѣстной степени перечеканку тяжеловѣсной мѣдной монеты въ легковѣсную. Вначалѣ онъ обставленъ былъ хорошо. Именно, учрежденъ былъ «ассигнаціонный банкъ» съ капиталомъ въ 1 мил. рублей звонкой монетой, подъ обезпеченіе котораго съ 1769 г. и стали выпускаться ассигнаціи. Правительство въ теченіе нѣкотораго времени обмѣнивало ихъ по одинаковой цѣнѣ на серебро, вслѣдствіе чего онѣ пользовались полнымъ довѣріемъ въ народѣ. Но затѣмъ началось нѣчто въ родѣ того, что было въ XVII в. при введеніи мѣдныхъ денегъ (стр. 209): банкъ увлекся неумѣреннымъ выпускомъ ассигнацій, отчего цѣнность ихъ стала падать, дойдя къ концу царствованія Екатерины II до 68 коп. сер. за ассигнаціонный рубль, а соотвѣтственно этому всѣ товары вздорожали.

Императоръ Павелъ I попытался поднять цѣнность ассигнацій посредствомъ сокращенія ихъ количества (съ этою цѣлью было сожжено ассигнацій на нѣсколько милліоновъ рублей). Однако расходы, вызываемые войнами, побудили правительство къ новымъ выпускамъ.

Въ царствованіе императора Александра I были учреждены министерство финансовъ и государственный контроль, но финансовое положеніе Россіи, особенно въ эпоху континентальной системы, было столь неблагопріятнымъ, что, по словамъ проф. Корнилова, въ 1810—11 г.г. «приближалось банкротство страны». Огромный дефицитъ (превышеніе расходовъ надъ доходами) сдѣлался хроническимъ явленіемъ. Покрывать его приходилось неумѣреннымъ выпускомъ ассигнацій, упавшихъ вслѣдствіе этого въ цѣнѣ настолько, что въ 1811 г. ассигнаціонный рубль равнялся 23 коп. сер. Бюджетъ разныхъ вѣдомствъ (въ переводѣ его на серебро) все сокращался. Такъ, напр., на нужды народнаго просвѣщенія въ 1810 г. ассигновано было (серебромъ) почти въ четыре раза меньше, чѣмъ въ 1804 году.

Сперанскій въ сотрудничествѣ съ Балугьянскимъ и нѣкоторыми другими спеціалистами занялся упорядоченіемъ финансовъ. Онъ пред-

[1]) Попытки заключить внѣшній заемъ дѣлались и предшественниками Екатерины II, но оставались безуспѣшными.

ложилъ прежде всего прекратить дальнѣйшій выпускъ ассигнацій, а оставшіяся въ обращеніи объявить государственнымъ долгомъ и изыскать средства для погашенія его (т. е. для замѣны ассигнацій серебромъ). Въ качествѣ такихъ средствъ Сперанскій, кромѣ экономіи, рекомендовалъ введеніе новыхъ временныхъ налоговъ (напр., подоходнаго—съ помѣщичьихъ имѣній), повышеніе прежнихъ—и продажу или закладъ государственныхъ имуществъ. Однако лишь немногія изъ его предложеній были осуществлены, и государственный долгъ продолжалъ расти (въ 1823 г. онъ достигъ 672 милл. руб., а вмѣстѣ съ займами у банковъ и ассигнаціями—1.345 милл. р.).

Въ началѣ царствованія императора Николая I ассигнаціонный рубль равнялся 25—20 коп. серебромъ, при чемъ и это отношеніе постоянно колебалось. Любопытно, что даже въ одно и то же время и въ одномъ и томъ же мѣстѣ, но при разныхъ денежныхъ сдѣлкахъ ассигнаціонный рубль цѣнился неодинаково. Колебанія цѣнъ представляли огромныя неудобства и для казны и для населенія, напр., при уплатахъ по долговымъ обязательствамъ. На это было обращено особенное вниманіе при Николаѣ I, и его министръ финансовъ, талантливый гр. Канкринъ задался цѣлью провести денежную реформу, сущность которой заключалась въ уравненіи металлическихъ и бумажныхъ денегъ. Для этого онъ прежде всего постарался, посредствомъ цѣлаго ряда постепенныхъ мѣръ, установить неизмѣнное отношеніе между серебрянымъ и ассигнаціоннымъ рублемъ,—именно, въ 1839 г. серебряный рубль приравненъ былъ $3^1/_2$ ассигнаціоннымъ; затѣмъ онъ накопилъ достаточный металлическій фондъ (посредствомъ особой операціи, которая заключалась въ томъ, что держателямъ звонкой монеты предлагалось вносить ее въ «сохранную кассу», получая взамѣнъ такъ называемые «депозитные» билеты и «серіи») и, наконецъ, въ 1843 г. выпустилъ кредитные билеты, обращавшіеся наравнѣ съ серебромъ, т. е. размѣниваемые на серебро соотвѣтственно означенной на нихъ цѣнѣ (рубль за рубль). Ассигнаціи были изъяты изъ обращенія, и рубль сдѣлался устойчивой денежной единицей, имѣющей одинаковую ходовую стоимость и въ видѣ звонкой монеты и въ видѣ «кредитки» [1]).

Финансовое хозяйство, упорядоченное Канкринымъ, вновь ухудшилось послѣ его отставки и пришло въ совершенное разстройство во время Крымской войны. Ежегодные государственные расходы значи-

[1]) Металлическій размѣнный фондъ равнялся одной шестой части стоимости выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ. Этого было достаточно для размѣна послѣднихъ, такъ какъ нельзя было предположить, чтобы всѣ держатели кредитокъ сразу потребовали ихъ размѣна на серебро. Впослѣдствіи изъ-за новыхъ выпусковъ ихъ, вызванныхъ Крымской войной и войной 1877—1878 г.г., разница между наличнымъ металлическимъ фондомъ и той суммой, на которую было выпущено бумажныхъ денегъ, очень увеличилась.

тельно превышали четверть милліарда рублей, государственный долгъ возросъ до огромной цифры, дефицитъ не прекращался, несмотря на повышеніе налоговъ, на частое обращеніе къ внутреннимъ займамъ (въ видѣ выпуска бумажныхъ денегъ и государственныхъ %-ыхъ бумагъ) и различныя финансовыя операціи. Государственные доходы чуть не цѣликомъ (въ размѣрѣ $^5/_6$) тратились на платежи по займамъ, на военныя и морскія нужды, а на все прочее оставалась ничтожная сравнительно сумма.

Финансовыя реформы императора Александра II.

Чтобы выйти изъ такого критическаго положенія, необходимы были коренныя преобразованія, надъ разработкой которыхъ (съ 1859 г.) трудилась особая комиссія (руководимая В. А. Татариновымъ), и которыя осуществлены были въ 1862—66 г.г. Эти преобразованія преслѣдовали троякую цѣль: 1) централизацію финансоваго управленія, 2) введеніе строгой отчетности, 3) увеличеніе доходовъ. Взамѣнъ прежняго порядка, при которомъ государственные доходы поступали въ кассы различныхъ вѣдомствъ, расходовавшихъ ихъ по своему усмотрѣнію, установлено было «единство кассы», состоявшее въ томъ, что всѣ доходы шли въ кассы министерства финансовъ, такъ называемыя «казначейства». Министру финансовъ предоставлено было полное распоряженіе средствами казны: онъ отпускалъ ихъ различнымъ вѣдомствамъ согласно заранѣе составленной ими смѣтѣ, при чемъ на каждую статью расхода назначался «спеціальный кредитъ», который не могъ тратиться ими на что-нибудь другое. Неизрасходованные остатки отъ ассигнованій могли употребляться министромъ финансовъ для пополненія другихъ кредитовъ и для покрытія непредвидѣнныхъ расходовъ. Общая роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ (такъ называемый бюджетъ), исчисленная на основаніи смѣтъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, составлялась впередъ на каждый годъ, разсматривалась Государственнымъ Совѣтомъ и обнародовывалась во всеобщее свѣдѣніе. За исполненіемъ этой росписи, т. е. за расходованіемъ вѣдомствами отпущенныхъ имъ кредитовъ согласно назначенію, а также за дѣятельностью министра финансовъ наблюдалъ «государственный контроль». Послѣдній былъ преобразованъ и получилъ мѣстныя учрежденія въ видѣ «контрольныхъ палатъ», которыя, будучи поставлены въ независимое положеніе отъ мѣстной администраціи, могли безпрепятственно ревизовать отчетность всѣхъ учрежденій. Всѣ указанныя мѣры должны были, конечно, благотворно отозваться на финансовомъ состояніи государства.

Обращено было также вниманіе на ту сторону государственнаго хозяйства, въ которой особенно процвѣтали злоупотребленія, и которая давно заботила правительство, именно, на систему винныхъ откуповъ (уничтоженную при Александрѣ I и возстановленную при Николаѣ I). Послѣдняя состояла въ томъ, что нѣсколько богачей, внеся

правительству извѣстную сумму, «откупали» у него право продавать вино, и торговали имъ потомъ по неимовѣрно дорогой цѣнѣ, спаивая недоброкачественной водкой народъ и развращая взятками мѣстную администрацію, многіе чины которой состояли чуть не на постоянномъ жалованьи у откупщиковъ и поэтому потворствовали ихъ продѣлкамъ. Въ виду всего этого, по предложенію К. К. Грота, откупная система была уничтожена въ 1863 году и замѣнена «акцизной». Сущность послѣдней заключалась въ томъ, что продажа питей разрѣшалась всѣмъ желающимъ, однако каждая бутылка спиртныхъ напитковъ облагалась особымъ налогомъ въ пользу казны—такъ называемымъ «акцизомъ», а погреба и питейные дома—патентнымъ сборомъ. Акцизъ распространенъ былъ также на табакъ соль и сахаръ. Благодаря энергіи и безупречной добросовѣстности начальника акцизнаго управленія Грота, новая система не только не уменьшила, но даже увеличила доходы казны.

Изъ другихъ финансовыхъ мѣропріятій слѣдуетъ указать отмѣну подушной подати съ мѣщанъ и преобразованіе цѣлаго ряда другихъ сборовъ. Государственные доходы за время царствованія императора Александра II увеличились въ $2^1/_2$ раза (до 651 милліона рубл. въ 1880 г.), но дефицитъ не прекращался, и государственный долгъ возросъ почти въ 3 раза (около 4 милліардовъ рублей). Объясняется это огромнымъ повышеніемъ государственныхъ расходовъ. Однако, въ отличіе отъ прежняго времени, они увеличились не столько на военныя нужды, сколько на удовлетвореніе внутреннихъ потребностей государства (такъ, напр., бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія повысился почти въ 6 разъ,—юстиціи и государственныхъ имуществъ—въ 5 разъ; на постройку желѣзнодорожной сѣти, протяженіемъ въ 20.000 верстъ, затрачено было около милліарда рубл.; на проведеніе крестьянской реформы—около полумилліарда).

Помимо осуществленныхъ мѣропріятій, въ царствованіе императора Александра II было намѣчено, поставлено на очередь и, такъ сказать, завѣщано послѣдующему времени нѣсколько финансовыхъ задачъ. Важнѣйшими изъ нихъ являлись: 1) облегченіе податного бремени крестьянъ, платежныя силы которыхъ были крайне истощены, и усиленіе, взамѣнъ этого, обложенія болѣе имущихъ классовъ; иными словами, распредѣленіе налоговъ сообразно налогоспособности плательщиковъ; 2) установленіе равновѣсія бюджета (т. е. уравненіе расходовъ съ доходами); 3) упорядоченіе желѣзнодорожнаго дѣла путемъ передачи его въ казну; 4) возстановленіе *металлическаго* обращенія посредствомъ перехода къ *золотому* основанію денежной системы. Надъ разрѣшеніемъ этихъ задачъ трудились министры финансовъ послѣдняго двадцатилѣтія XIX в. — Бунге, Вышнеградскій и Витте.

Финансовая политика послѣдняго 20-ти-лѣтія XIX в.

Огромною заслугою Бунге было *улучшеніе податной системы*, выразившееся въ пониженіи выкупныхъ платежей и постепенной отмѣнѣ подушной подати съ крестьянъ (стр. 344), въ установленіи налога съ имуществъ при переходѣ ихъ по наслѣдству или въ даръ, а также налога на денежные капиталы, въ повышеніи сборовъ съ торговыхъ предпріятій и недвижимыхъ имуществъ. Все это являлось какъ бы *подготовкой* для введенія въ будущемъ *подоходнаго обложенія*. Наблюденіе за правильностью распредѣленія прямыхъ налоговъ поручено было *податнымъ инспекторамъ*. Очень важной мѣрой являлось также учрежденіе сперва крестьянскаго, а затѣмъ и дворянскаго банковъ (стр. 344). Преобразованію желѣзнодорожнаго дѣла (именно, переходу его въ казну) Бунге положилъ такое прочное основаніе, что его преемникамъ оставалось лишь продолжить его начинанія.

Вторая задача—*установленіе равновѣсія* бюджета—исполнена была ближайшимъ преемникомъ Бунге — Вышнеградскимъ. Ему удалось даже добиться прочнаго превышенія доходовъ надъ расходами. Достигнуто это было отчасти крайней бережливостью, повышеніемъ прежнихъ акцизовъ и установленіемъ новыхъ (на керосинъ и спички), а также конверсіей (т. е. пониженіемъ %) процентныхъ бумагъ. Главною же причиною улучшенія финансовъ былъ колоссальный урожай 1887 г., вслѣдствіе котораго необыкновенно оживилась внѣшняя торговля хлѣбомъ.

Когда же въ 1891 г. Россію постигъ голодъ, финансы вновь разстроились, и правительство вынуждено было воспользоваться значительною частью накопленныхъ средствъ для помощи голодающимъ и даже опять прибѣгнуть къ займамъ. Возстановленіе металлическаго обращенія пришлось отложить, а между тѣмъ Вышнеградскій считалъ это главной своей задачей и особенно стремился къ накопленію золотого фонда, необходимаго для разрѣшенія ея.

Смѣнившій Вышнеградскаго С. Ю. Витте прежде всего позаботился объ увеличеніи государственныхъ доходовъ. Къ этому побуждали 1) необходимость упорядочить финансовое хозяйство, сильно поколебленное неурожаемъ 1891 г., 2) стремленіе имѣть запасной капиталъ для «разумнаго содѣйствія экономическимъ успѣхамъ и развитію производительныхъ силъ страны». Средствами для поднятія доходовъ являлись выгодный тарифъ 1893 г. (стр. 372), дальнѣйшая конверсія процентныхъ бумагъ, повышеніе нѣкоторыхъ акцизовъ, установленіе квартирнаго налога (въ 1893 г.), а также упорядоченіе торговли спиртными напитками путемъ введенія «казенной продажи питей». Благодаря принятымъ мѣрамъ финансы приведены были въ очень благопріятное состояніе и накоплены большіе запасы золота (въ 1894 г. золотой фондъ равнялся почти 650 милліонамъ рублей). Это дало возможность не только приступить къ сооруженію Вели-

каго Сибирскаго пути, но и вновь обратиться къ рѣшенію намѣченныхъ прежде основныхъ задачъ, а именно, къ облегченію податного обложенія неимущихъ классовъ населенія и къ *возстановленію металлическаго обращенія*. Дѣйствительно, въ 1895—1898 г.г. былъ отмѣненъ или облегченъ цѣлый рядъ налоговъ и пошлинъ, а въ 1897—99 г.г. осуществленъ переходъ къ новой денежной системѣ, въ основаніе которой полагался *золотой рубль*, съ содержаніемъ 17,424 доли чистаго золота, серебряная же монета сохранила значеніе лишь вспомогательнаго орудія, подобно бумажнымъ деньгамъ.

Что касается государственнаго бюджета, то къ концу XIX в. онъ равнялся приблизительно $1^1/_2$ милліардамъ, а въ 1910 г.—превышалъ $2^1/_2$ милліарда.

Для ознакомленія съ составными частями бюджета *конца XIX в.* разсмотримъ главнѣйшіе источники доходовъ и важнѣйшіе расходы 1897 г. Общая сумма доходовъ въ этомъ году равнялась 1.416.386.096 рубл., около половины ея составляли налоги, при чемъ косвенныхъ—поступило въ 6 разъ больше, чѣмъ прямыхъ; важнѣйшими изъ остальныхъ источниковъ доходовъ были доходы отъ государственныхъ предпріятій и государственныхъ имуществъ (26,1% общей суммы) и пошлины (5,3%). Наибольшихъ расходовъ требовало военное министерство вмѣстѣ съ морскимъ (29,2%), затѣмъ министерство путей сообщенія (17,4%), финансовъ (15,7%), внутреннихъ дѣлъ (6,2%), юстиціи (3,2%), государственныхъ имуществъ и земледѣлія (2,6%), народнаго просвѣщенія (2%). Въ послѣдующее время указанныя отношенія измѣнились; въ частности, значительно возросъ бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Церковная политика XVIII—XIX в.в.

§ 102. Святѣйшій Правительствующій Синодъ.

Причины учрежденія Св. Синода.

Въ XVIII в. Русская Церковь вступаетъ въ новый періодъ своей исторіи, который начинается учрежденіемъ въ 1721 г. Синода, смѣнившаго собою патріаршество, и называется поэтому обыкновенно *синодальнымъ*.

Къ уничтоженію древняго патріаршества и образованію вмѣсто него Синода, представляющаго собою коллегіальное *государственное* учрежденіе, вполнѣ подчиненное (не только фактически, но и *по закону*) Верховной власти, побуждало Петра Великаго нѣсколько причинъ. Важнѣйшими изъ нихъ были слѣдующія: 1) опасенія Петра встрѣтить въ лицѣ патріарха главу протеста противъ преобразованій, 2) стремленіе усовершенствовать церковный строй и религіозно-нравственный бытъ, не стоявшіе въ началѣ XVIII в. на высотѣ, 3) вліяніе на Преобразователя и его сотрудниковъ установившейся въ то время въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странахъ «государственной церковности», т. е. широкаго и энергичнаго вмѣшательства свѣт-

ской власти въ религіозную жизнь подданныхъ, при чемъ такое вмѣшательство теоретически обосновывалось многими писателями—представителями такъ называемой «школы естественнаго права», 4) увлеченіе Петра коллегіальной системой.

Разсмотримъ подробнѣе эти причины.

Нововведенія Петра, задѣвавшія интересы многихъ его современниковъ, пристрастно-оцѣниваемыя ими и казавшіяся имъ поэтому полной ломкой древнихъ русскихъ устоевъ и безповоротнымъ отказомъ отъ старины, вызывали, какъ уже сказано (стр. 249), почти что всенародное недовольство. Петръ работалъ въ полномъ смыслѣ на раскаленной почвѣ; онъ, по словамъ одного преданнаго ему современника (Посошкова), «самъ-десятъ въ гору тянулъ, а подъ-гору милліоны тянули». Однако царь благодаря своей желѣзной энергіи справлялся съ этими милліонами, хотя для этого ему приходилось не останавливаться передъ мѣрами жестокости. Но онъ страшился, что разсѣянныя повсемѣстно искры протеста, направляемыя одной одушевляющей силой, могутъ слиться въ огромный пожаръ, который испепелитъ его дѣло; онъ боялся, что разрозненно дѣйствующіе его противники могутъ объединиться вокругъ одного главы и получить вслѣдствіе этого огромную мощь. Силу, одушевляющую недовольныхъ, Петръ видѣлъ въ приверженномъ къ старинѣ духовенствѣ; ихъ возможнаго главу—въ патріархѣ. Отсюда—его стремленіе подчинить церковную власть свѣтской, чтобы застраховать свои преобразованія отъ ея протеста. Къ тому же современное духовенство его не удовлетворяло. Да и нельзя отрицать, что въ его время религіозно-нравственная жизнь какъ духовныхъ лицъ, такъ и мірянъ не стояла на должной высотѣ. Объясняется это въ значительной степени тѣмъ, что къ началу XVIII вѣка Русская Церковь еще не вполнѣ оправилась отъ тѣхъ потрясеній, которыя связаны были съ происхожденіемъ раскола. Рядовое духовенство, въ особенности сельское, не освоилось еще съ ново-исправленными книгами. Пожеланія собора 1667 г. о поднятіи его просвѣщенія, по большей части, остались неисполненными, и при Петрѣ полуграмотные люди сплошь и рядомъ рукополагались въ священники. Очень дурно поставленные въ матеріальномъ отношеніи, третируемые свысока епископами (относившимися къ нимъ по-никоновски), тѣснимые епархіальными приказными людьми, приходскіе священники часто влачили жалкое существованіе, едва не нищенствовали, ссорились изъ-за требъ, вели недостойный образъ жизни. Вслѣдствіе этого падалъ ихъ нравственный авторитетъ въ глазахъ паствы. Это отлично сознавали лучшіе представители духовенства. Одинъ изъ нихъ—св. Димитрій Ростовскій въ слѣдующихъ словахъ выражалъ свое негодованіе: «Окаянное наше время, въ которое такъ пренебрежено сіяніе слова Божія! и не знаю, кого прежде надобно винить: сѣятелей или землю, священниковъ или сердца человѣческія, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Сѣятель не сѣетъ, а земля не принимаетъ; іереи небрегутъ, а люди невѣжествуютъ; іереи слова Божія не проповѣдуютъ, а люди не слушаютъ и слушать не хотятъ». Петръ также еще въ годы юности упрекалъ патріарха Адріана въ томъ, что «священники ставятся малограмотные, надобно ихъ сначала научить таинствамъ, а потомъ ужъ ставить въ священный чинъ». Чуждый глубокой религіозности и неудовлетворенный духовенствомъ, царь корилъ его за тунеядство, не стѣснялся даже вышучивать церковныя церемоніи. Къ этому вышучиванію присоединялось и раздраженіе. Съ ранней юности, со времени стрѣлецкаго бунта и соперничества съ сестрой, Петръ считалъ духовныхъ лицъ своими противниками. Съ особенной непріязнью относился онъ къ монашеству. Мало дружелюбны были также отношенія къ патріарху. Адріанъ (преемникъ Іоакима) роптalъ на бурныя юношескія забавы Петра, осуждалъ брадобритіе и другія нововведенія, пытался вступиться за стрѣльцовъ во время страшнаго розыска 1698 г. Встрѣтивъ, однако, рѣзкій отпоръ со стороны Петра, онъ замкнулся въ себѣ и умолкъ, умолкъ съ очевиднымъ неудовольствіемъ. Даже такой молчаливый пассивный протестъ слабовольнаго и покладливаго Адріана раздражалъ царя.

Итакъ, церковное правительство—въ лицѣ патріарха и высшихъ іерарховъ—возбуждало подозрѣнія и опасенія Петра, а состояніе всей религіозно-нравственной жизни представлялось ему безотраднымъ. Естественно, что онъ захотѣлъ преобразовать и то и другое, тѣмъ болѣе, что считалъ своимъ неотъемлемымъ *правомъ* сдѣлать это. Дѣйствительно, какъ неоднократно отмѣчалось, на Руси издавна установилось такое взаимоотношеніе свѣтской и духовной власти, которое давало возможность первой властно вмѣшиваться въ вѣдомство второй. Сверхъ того, Петръ видѣлъ передъ собою и примѣръ Запада, гдѣ протестантскіе князья были полными хозяевами въ сферѣ церковной жизни, гдѣ даже въ католическихъ странахъ, къ этому времени, власть духовенства стала ограничиваться самымъ бдительнымъ надзоромъ со стороны государственной власти, присвоившей себѣ цѣлый рядъ правъ надъ Церковью. «Государственная церковность», которая представляла собою одинъ изъ яркихъ признаковъ слагавшагося тогда типа всеопекающаго «полицейскаго государства» (стр. 253) и завершилась впослѣдствіи «іозефинизмомъ» (такъ называется церковная политика Іосифа II Австрійскаго), находила литературныхъ защитниковъ въ лицѣ многихъ представителей «школы естественнаго права». Они усиленно проводили мысль, что государственное благо представляетъ собою единую цѣль, для достиженія которой должно пользоваться всѣмъ остальнымъ, значитъ, и религіей, лишь какъ послушными орудіями. Сочиненія нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. Пуфендорфа, были извѣстны въ Россіи, а основная ихъ мысль о благѣ государства, какъ главной и абсолютной цѣнности, составляла, какъ мы знаемъ (стр. 252), основу собственнаго міровоззрѣнія Преобразователя.

Изъ изложеннаго видно, что у Петра Великаго должна была возникнуть идея о *необходимости* и *возможности* реформы церковнаго управленія. Не трудно догадаться также, какими *способами* онъ рѣшилъ осуществить ее. Панацеей (т. е. цѣлебнымъ средствомъ) отъ всякихъ злоупотребленій и нестроеній онъ считалъ *коллегіальное* начало. Замѣнить единоличное управленіе патріарха коллегіальнымъ синодскимъ—представлялось тѣмъ удобнѣе, что, по словамъ проф. Верховского, «теоретически различіе коллегіи и собора въ тотъ моментъ, очевидно, не сознавалось, и Синодъ разсматривался какъ «соборное правительство», вполнѣ достойное и правомѣрное съ канонической точки зрѣнія».

Исторія учрежденія Синода.

Исторія учрежденія Синода такова.

Когда въ 1700 г. скончался патріархъ Адріанъ, царь, по совѣту одного изъ своихъ приближенныхъ (Курбатова), рѣшилъ повременить съ избраніемъ ему преемника. Трудно сказать, надѣялся ли Петръ подыскать соотвѣтствующаго своимъ взглядамъ патріарха, или уже теперь рѣшилъ вовсе уничтожить этотъ санъ, опасаясь, что на патріаршемъ престолѣ можетъ появиться такая властная натура, какъ Никонъ. Пока же блюстителемъ патріаршаго престола сдѣланъ былъ малороссъ по происхожденію, питомецъ Кіевской Академіи, только что избранный рязанскимъ митрополитомъ Стефанъ Яворскій. Впрочемъ, за нимъ были оставлены исключительно духовныя обязанности, всѣ же хозяйственныя дѣла, находившіяся въ вѣдѣніи патріарха, переданы возстановленному въ 1701 г. Монастырскому приказу (во главѣ его стоялъ Мусинъ-Пушкинъ, очень властно, прямо по-начальнически относившійся къ блюстителю). Петръ остановился на Яворскомъ, какъ на человѣкѣ, получившемъ блестящее по тому времени богословское образованіе, и какъ на малорусскомъ уроженцѣ, который очень недавно пріѣхалъ въ коренную Россію и, слѣдовательно, былъ

чуждъ непріятныхъ Петру старомосковскихъ традицій. И дѣйствительно, Яворскій усердно насаждалъ схоластику, поставлялъ въ архіереи малороссіянъ, старательно прославлялъ Петра въ своихъ рѣчахъ. Однако ему не чужды были, повидимому, теократическіе взгляды, и онъ не могъ примириться съ воззрѣніемъ Петра на Церковь, какъ на покорное орудіе въ рукахъ государственной власти. Поэтому, чѣмъ сильнѣе волна государственныхъ преобразованій вторгалась въ область Церкви, и чѣмъ дальше отодвигалась отъ Стефана возможность стать патріархомъ (на что онъ, вѣроятно, разсчитывалъ), тѣмъ рѣзче дѣлались его намеки на непозволительность петровской реформы. Конечно, все это не представляло особенной опасности, тѣмъ болѣе, что колеблющійся Стефанъ, выступая противъ Петра, тотчасъ же отступалъ назадъ, заметывалъ слѣды своихъ намековъ и перетолковывалъ ихъ въ смягченномъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе онъ не избѣжалъ преслѣдованій: стѣсняемый въ правѣ проповѣди, подвергаемый частымъ допросамъ, подозрѣваемый въ заговорахъ, онъ въ концѣ концовъ потерялъ всякое значеніе, а въ 1721 г. противъ воли сдѣланъ былъ президентомъ новаго учрежденія, окончательно смѣнившаго патріаршество,—Синода.

«Духовный Регламентъ».

Надъ разработкой устава Синода, изложеннаго въ такъ называемомъ «Духовномъ Регламентѣ», трудился другой, тоже пріѣзжій іерархъ Русской Церкви—епископъ Псковскій Ѳеофанъ Прокоповичъ. Прошлое его очень интересно: окончивъ Кіевскую Академію, онъ, переселившись въ Польшу, сдѣлался уніатомъ, затѣмъ для окончанія образованія отправился въ Римъ, едва не поступилъ въ іезуитскій орденъ, потомъ вернулся въ православіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ проникся симпатіей къ протестантизму. Въ противоположность Яворскому, онъ былъ противникомъ теократіи и считалъ «терномъ, змѣинымъ жаломъ и папскимъ духомъ взглядъ, будто священство и монашество могутъ не повиноваться государственной власти». «Священство, по его мнѣнію, есть особое сословіе въ государствѣ, а не особое государство». Царя Прокоповичъ очаровалъ своею хвалебной рѣчью по поводу Полтавской битвы, и съ этого времени онъ сдѣлался главнымъ сотрудникомъ Петра въ его церковныхъ мѣропріятіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ горячимъ и искреннимъ истолкователемъ и защитникомъ всѣхъ реформъ. Обладая широкимъ образованіемъ, большой практической смѣткой, сильнымъ краснорѣчіемъ и отличною наблюдательностью, Ѳеофанъ безукоризненно исполнялъ свою роль. Вышедшій изъ-подъ его пера «Духовный Регламентъ» вѣрно отражалъ взгляды Преобразователя на церковное управленіе и на задачи Церкви. Сущность церковной реформы Петра сводилась къ слѣдующему.

Единоличная власть патріарха замѣнилась Св. Синодомъ, т. е. коллегіальнымъ учрежденіемъ, соборнымъ правительствомъ, «установленнымъ монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ» и «по-

ставленнымъ такимъ образомъ въ непосредственную зависимость отъ верховной власти»; члены [1]) Синода назначались исключительно повелѣніемъ государя и при вступленіи въ должность обязывались «исповѣдывать крайняго судью духовныя сея коллегіи быти самаго всероссійскаго монарха». «Съ обращеніемъ Духовнаго Регламента въ дѣйствующій законъ, Русская Помѣстная Церковь стала, по словамъ проф. Верховского, интегральной частью русской *государственности*, а Синодъ—однимъ изъ русскихъ *государственныхъ* учрежденій» [2]).

Побужденія къ такой реформѣ были откровенно высказаны въ «Духовномъ Регламентѣ».

«Простой народъ, говорится тамъ, не вѣдаетъ, какъ разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но, удивляемый великою честью и славою высочайшаго пастыря, помышляетъ, что таковой правитель есть второй государь, самодержцу равносильный или большій, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство. Простыя сердца такъ развращаются этимъ мнѣніемъ, что не столько смотрятъ на самодержца, сколько на верховнаго пастыря. И, когда случится между ними распря, всѣ сочувствуютъ больше духовному правителю, чѣмъ мірскому... А что, если и самъ пастырь, возгордившись такимъ о себѣ мнѣніемъ, не будетъ дремать?».

Отъ соборнаго же правленія, по мысли Регламента, «можно не опасаться отечеству мятежей и смущенія, такъ какъ, когда народъ увидитъ, что оно установлено монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ, то пребудетъ въ кротости и потеряетъ надежду на помощь духовнаго чина въ бунтахъ».

Сущность остальныхъ аргументовъ Регламента въ пользу учрежденія Синода сводится къ восхваленію *коллегіальнаго* начала и вы-

---

[1]) Первоначально членамъ Синода даны были тѣ же названія, какъ и должностнымъ лицамъ коллегій; именно: президентъ (Яворскій), 2 вице-президента (пользовавшійся дурной славой среди современниковъ, типичный карьеристъ и придворный льстецъ Ѳеодосій Яновскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ), четыре совѣтника и четыре ассесора. Впослѣдствіи эти названія замѣнены были слѣдующими: первоприсутствующій, члены Синода и присутствующіе въ Синодѣ.

[2]) Духовный Регламентъ послѣ обсужденія и исправленія его царемъ, сенаторами и находившимися въ столицѣ архіереями и архимандритами, данъ былъ «для подписанія» всѣмъ архіереямъ, которые и подписали его. Едва ли, однако, они, зная характеръ царя, могли бы отказаться отъ этого, хотя бы и не сочувствовали содержанію Регламента. Далѣе, уже послѣ учрежденія Синода отправлена была грамота къ Константинопольскому патріарху Іереміи съ просьбою признать новоутвержденный Синодъ и пригласить къ такому признанію и другихъ восточныхъ патріарховъ. Черезъ два года полученъ былъ желаемый отвѣтъ: патріархи признали Синодъ въ равномъ достоинствѣ съ собою. Однако, по мнѣнію проф. Верховского, «они не могли составить себѣ яснаго и опредѣленнаго представленія о существѣ происшедшей перемѣны въ положеніи Русской Церкви и утвердили учрежденіе Св. Синода какъ бы съ закрытыми глазами», такъ какъ посланная Іереміи грамота излагала дѣло въ общихъ и даже неточныхъ выраженіяхъ.

ясненію преимуществъ «Духовнаго Коллегіума». Есть извѣстіе, что первоначально, по мысли Петра, Синодъ и приравнивался къ коллегіямъ, подчиненнымъ Сенату, и лишь когда въ первомъ торжественномъ засѣданіи члены Синода указали на неудобство такого пониженія его, Петръ разрѣшилъ ему именоваться Святѣйшимъ и Правительствующимъ и юридически (но не фактически) приравнялъ его къ Правительствующему Сенату.

Вѣдомство Синода.

Синоду, по словамъ проф. Горчакова, принадлежитъ власть законодательная, административная и судебная. Первая бываетъ трехъ родовъ. Въ однихъ случаяхъ Синодъ дѣйствуетъ самостоятельно. Это—исключительно «предметы ученія вѣры, религіозной нравственности, богослуженія, истолкованіе каноновъ вселенской Церкви». Въ другихъ случаяхъ постановленія Синода утверждаются верховной властью. Въ эту область входятъ обыкновенно «проекты законовъ касательно такихъ установленій, которыя относятся исключительно къ составу вѣдомства православнаго исповѣданія и не подлежатъ вѣдѣнію иныхъ учрежденій государства», именно, это—«проекты узаконеній относительно учрежденій вѣдомства Свят. Синода» (приходовъ, монастырей, духовныхъ учебныхъ заведеній и т. д.). Наконецъ, Синодъ приглашается къ участію въ законодательной дѣятельности другихъ вѣдомствъ, поскольку она касается церковныхъ вопросовъ. Административная власть Синода заключается въ завѣдываніи «всѣми учрежденіями русской Церкви по всѣмъ сторонамъ и предметамъ церковнаго управленія» и представленіи или назначеніи соотвѣтствующихъ должностныхъ лицъ. Какъ судебной инстанціи, Синоду подвѣдомственны «преступленія противъ вѣроученія, постановленій Церкви, нравственности, правилъ и законовъ о бракѣ,—преступленія духовныхъ лицъ противъ должности, благочинія и благоповеденія,—споры о церковныхъ правахъ и отношеніяхъ» и проч. Синодъ налагаетъ и высшія церковныя наказанія. Наконецъ, ему принадлежитъ также надзоръ за религіозно-нравственнымъ состояніемъ православнаго населенія Россіи; онъ можетъ обнародывать грамоты по случаю государственныхъ событій, назначать молитвословія и т. д.

Изъ всего сказаннаго видно, что дѣятельность Синода носитъ совершенно церковный характеръ, и отъ проявленій ея нельзя ждать столкновенія съ государственной властью. Къ тому же для надзора за нею учреждена была особая должность оберъ-прокурора.

Оберъ-прокуроръ.

Оберъ-прокуроръ Свят. Синода долженъ былъ, по мысли Петра, являться «государевымъ окомъ и стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ» въ Синодѣ. Онъ обязанъ быть живѣйшимъ посредникомъ между монархомъ и Синодомъ, строго наблюдать за законностью дѣйствій послѣдняго и, въ случаѣ нарушенія ея, представлять протесты или дѣлать доклады государю; онъ имѣетъ право предлагать на разсмотрѣніе Синода тѣ или другія дѣла. Такимъ образомъ, по юриди-

ческому положенію, оберъ-прокуроръ не уступалъ генералъ-прокурору Сената, и инструкціи имъ были даны одинаковыя.

Церковныя мѣропріятія Петра В.

Подчиняя Церковь государству, Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ стремился сократить расходы на нее и воспользоваться ея средствами для государственныхъ нуждъ. Съ этою цѣлью сокращено было число духовныхъ лицъ установленіемъ особыхъ штатовъ для приходовъ (на извѣстное число дворовъ полагалось не болѣе опредѣленнаго количества священниковъ и діаконовъ). Многіе церковные люди были записаны въ подушный окладъ; право постриженія въ монашество было сильно ограничено «для избѣжанія въ государственной службѣ умаленія». Стѣснялась постройка новыхъ церквей и монастырей. Существующіе монастыри приспособлялись для помѣщенія больныхъ и инвалидовъ, для устройства училищъ, однимъ словомъ, для того, что Петръ считалъ полезнымъ съ государственной точки зрѣнія. На духовенство возлагалась обязанность оправдывать и защищать передъ мірянами всѣ петровскія преобразованія и оповѣщать правительство о злоумышленникахъ (священникъ, узнавъ на исповѣди о какомъ-нибудь государственномъ преступленіи, долженъ былъ довести объ этомъ до свѣдѣнія начальства).

Положеніе духовенства при ближайшихъ преемникахъ Петра В.

Въ эпоху ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго не произошло важныхъ измѣненій въ русской церковной жизни. Конечно, на положеніи духовенства должно было отражаться вліяніе господствовавшихъ партій. Такъ, при временщикахъ-иноземцахъ царствованія Анны Іоанновны духовнымъ лицамъ, какъ и всему русскому народу, жилось очень тяжело, и даже епископы не избѣгли преслѣдованій и ссылки. Напротивъ, въ царствованіе Елизаветы Петровны, горячо преданной интересамъ православія и много заботившейся о распространеніи духовнаго просвѣщенія, правительство оказывало духовенству большое вниманіе и очень снисходительно относилось даже къ тѣмъ представителямъ его, которые были уличаемы въ неблаговидныхъ поступкахъ.

Однако такое колебаніе отношеній мало касалось Синода, какъ учрежденія. Въ предоставленной ему сферѣ дѣятельности онъ сохранялъ довольно независимое положеніе и былъ мало стѣсненъ контролемъ оберъ-прокурора, такъ какъ первые оберъ-прокуроры не отличались ни энергіей, ни чиновнымъ вліяніемъ; затѣмъ въ теченіе долгаго времени (съ перерывами отъ 1726 до 1741 г.) эта должность вовсе не замѣщалась, а при Елизаветѣ Петровнѣ оберъ-прокуроръ (кн. Шаховской) до извѣстной степени утратилъ свою самостоятельность, потому что о всѣхъ дѣлахъ долженъ былъ докладывать генералъ-прокурору сената, а не непосредственно Верховной власти.

Большія бѣды грозили обрушиться на духовенство въ царствованіе Петра III, какъ бы намѣренно подчеркивавшаго свое неуваженіе къ православной вѣрѣ. Онъ поднялъ гоненіе на домовыя

церкви и отдалъ приказъ Синоду упростить церковную обрядность, признать необязательность постовъ, не вмѣнять въ грѣхъ нарушеніе 7-ой заповѣди и облачить русское духовенство по образцу нѣмецкихъ пасторовъ. Далѣе онъ составилъ проектъ секуляризаціи (т. е. обращенія изъ духовныхъ въ государственныя) всѣхъ церковныхъ земель, рѣшивъ передать управлявшую ими Коллегію Экономіи изъ вѣдѣнія Синода въ вѣдѣніе Сената. Духовенство отвѣчало на такое намѣреніе императора письменнымъ протестомъ, къ которому онъ отнесся вполнѣ безучастно.

Секуляризація.

Изъ всѣхъ мѣръ, задуманныхъ Петромъ III, осуществлена была лишь послѣдняя. Ее осуществила императрица Екатерина II, несмотря на то, что она рѣзко осуждала всю политику своего мужа и въ манифестѣ о своемъ вступленіи на престолъ выражала, между прочимъ, намѣреніе «встать на защиту русской православной Церкви». Именно, въ 1764 г. церковныя земли были секуляризованы, а населявшіе ихъ крестьяне, въ числѣ около 1 милліона человѣкъ, получили названіе «экономическихъ» (отъ завѣдывавшей ими Коллегіи Экономіи), поставлены были въ одинаковое положеніе съ государственными и обложены особымъ сборомъ. Меньшая часть доходовъ съ нихъ тратилась, соотвѣтственно вновь составленнымъ штатамъ, на содержаніе церквей и монастырей, большая же шла на общенародныя (преимущественно благотворительныя) нужды. Такимъ образомъ Екатерина II окончательно и безповоротно рѣшила вопросъ о монастырскомъ землевладѣніи, къ которому приступали почти всѣ русскіе государи съ Іоанна III, дѣйствуя, какъ извѣстно, полумѣрами (стр. 214—5). Выразителемъ протеста противъ такого рѣшенія выступилъ Ростовскій архіепископъ Арсеній Мацѣевичъ. Рѣзко осуждая проведенную мѣру, онъ сравнивалъ ее съ дѣяніями Юліана Отступника и не остановился передъ анаѳематствованіемъ лицъ, виновныхъ въ похищеніи церковной собственности. Лишенный за это архіерейства и заточенный въ монастырь, онъ окончилъ потомъ дни свои въ тяжкомъ заключеніи въ крѣпости. Синодъ не могъ протестовать: въ царствованіе Екатерины II онъ былъ въ полномъ подчиненіи у свѣтской власти и долженъ былъ сносить частые уколы со стороны своего деспотичнаго и даже грубаго оберъ-прокурора Мелиссино.

Усиленіе оберъ-прокурорской власти.

«Съ конца XVIII и начала XIX в.», по словамъ проф. Верховского, «наблюдается рѣзкій переломъ въ пользу оберъ-прокуратуры въ силу проникновенія въ русскую государственность принципа единоличной министерской власти». Оберъ-прокуроры сперва фактически, а затѣмъ и юридически становятся какъ бы министрами «Вѣдомства Православнаго Исповѣданія», сосредоточиваютъ всѣ нити синодскаго дѣлопроизводства и подчиняютъ себѣ членовъ Синода. Этому отчасти способствовала личность первыхъ двухъ оберъ-проку-

ровъ начала XIX в., изъ которыхъ одинъ (Яковлевъ) былъ чрезвычайно властнымъ, другой—другъ императора Александра I, кн. Голицынъ—весьма вліятельнымъ. Особенно же сказалось на Синодѣ назначеніе въ 1817 г. Голицына министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (стр. 300).

Это министерство образовалось изъ объединенія вѣдомства народнаго просвѣщенія, Главнаго управленія духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій и вѣдомства Св. Синода (должность оберъ-прокурора была сохранена, но онъ оказался въ подчиненіи у министра). Въ задачу новому министерству ставилось «сдѣлать христіанское благочестіе основой истиннаго просвѣщенія». Однако своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ наукѣ, и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже открытымъ гоненіемъ на нее (см. ниже) оно вызвало рѣзкое осужденіе не только со стороны либеральныхъ, но и такихъ консервативно-настроенныхъ людей, какъ Карамзинъ. Что же касается вліятельныхъ духовныхъ лицъ (напр., митрополита Серафима и фанатика архимандрита Фотія), то они упрекали Голицына въ недостаточномъ рвеніи къ православію, стремленіи поработить Церковь своей власти, вели искусную интригу противъ него и, въ концѣ концовъ, въ 1824 г. вынудили его выйти въ отставку [1]). Послѣ этой отставки министерство народнаго просвѣщенія и вѣдомство Св. Синода были вновь разъединены, но оберъ-прокуроръ, по словамъ проф. Верховского, «вступилъ въ права Министра Духовныхъ дѣлъ, что нисколько не улучшило ни юридическаго, ни фактическаго положенія Св. Синода».

Въ Сводѣ Законовъ Россійской Имперіи 1832 г. положеніе Св. Синода яснѣе всего опредѣляется въ статьяхъ 42-й и 43-й.

Ст. 42. Императоръ, яко христіанскій Государь, есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры, и блюститель правовѣрія и всякаго въ церкви святой благочинія.

---

[1]) Вскорѣ послѣ отставки кн. Голицына, а именно въ 1826 г., было закрыто и Библейское Общество, президентомъ котораго онъ состоялъ. Оно учреждено было въ 1812 г. для распространенія Библіи на языкахъ всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію. Дѣятельность этого Общества и провинціальныхъ его отдѣленій развивалась очень успѣшно: къ концу десятилѣтія своего существованія оно напечатало свои изданія на 41 языкѣ и выпустило ихъ въ количествѣ свыше 700 тысячъ экземпляровъ; оно занималось также миссіонерствомъ, устройствомъ школъ для бѣдныхъ, благотвореніемъ. Населеніе относилось къ дѣятельности его съ большимъ сочувствіемъ, администрація всячески покровительствовала ему. Составъ Общества былъ очень разнообразный: много было въ немъ мистиковъ, отличавшихся религіозной терпимостью, но не мало было и такихъ лицъ, которыя вооружались противъ мистическихъ крайностей и горячо отстаивали православіе. Представители реакціонной партіи 20-хъ годовъ XIX в. относились къ Библейскому Обществу съ большой подозрительностью и добились закрытія его, несмотря на то, что въ послѣдніе годы существованія это Общество не только не отличалось «вольномысліемъ», но скорѣе прониклось даже извѣстнымъ обскурантизмомъ, т. е. отрицательнымъ отношеніемъ къ просвѣщенію.

Въ семъ смыслѣ Императоръ, въ актѣ о наслѣдіи Престола 1797 г. апр. 5, именуется Главою Церкви.

Ст. 43. Въ управленіи церковномъ Самодержавная Власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Ею учрежденнаго.

Эти статьи, основываясь на Духовномъ Регламентѣ, еще сильнѣе, чѣмъ онъ, подчеркиваютъ, по мнѣнію проф. Верховского, государственный характеръ Св. Синода и его несамостоятельность.

Послѣдующее время характеризуется дальнѣйшимъ усиленіемъ оберъ-прокурорской власти. Къ расширенію ея особенно стремились оберъ-прокуроры царствованія императора Николая I—Нечаевъ и гр. Пратасовъ, а въ недавнее время (въ концѣ XIX и началѣ XX в.) Побѣдоносцевъ. При нихъ образована была цѣлая сѣть учрежденій для завѣдыванія дѣлами, ранѣе подвѣдомственными самому Св. Синоду, при чемъ эти учрежденія состоятъ въ полномъ подчиненіи оберъ-прокурору.

Положеніе Св. Синода и его отношенія къ свѣтской власти и, въ частности, къ оберъ-прокурору служили предметомъ горячаго обсужденія въ публицистической литературѣ, которое особенно оживилось въ началѣ XX в.; высказывались, между прочимъ, пожеланія о возстановленіи патріаршества. Вопросъ объ усовершенствованіи церковнаго строя поставленъ былъ на очередь и правительствомъ. Такъ, въ 1906 г. было созвано Предсоборное Присутствіе, какъ подготовительная стадія къ будущему Русскому Помѣстному Собору.

Еще ранѣе созыва этого Присутствія послѣдовалъ Высочайшій указъ 17 апрѣля 1905 г. объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости, который, между прочимъ, существенно измѣнилъ положеніе старообрядцевъ, уничтоживъ тяготѣвшія надъ ними ограниченія въ правахъ.

§ 103. Отношеніе правительства къ старообрядцамъ.

Отношеніе къ старообрядцамъ въ царствованія Петра Великаго и его ближайшихъ преемниковъ.

На соборѣ 1667 г., положившемъ начало расколу (стр. 230), старообрядцы были признаны «еретиками», подлежащими «градскимъ казнямъ»; однако въ первые годы послѣ этого собора преслѣдованію подвергались лишь отдѣльныя лица. Духовный соборъ 1681—1682 г. поднялъ уже вопросъ о расколѣ какъ о чемъ-то цѣломъ, но не выработалъ еще строгой системы борьбы съ нимъ. Онъ заботился, главнымъ образомъ, о прекращеніи распространенія раскола и для этого постановилъ отсылать нераскаянныхъ старообрядцевъ къ гражданскому суду, отбирать ихъ книги, разрушать часовни и т. д. Цѣлая система преслѣдованій появилась лишь въ правительственномъ указѣ 1685 года [1]).

[1]) Перечислимъ главнѣйшіе его пункты. 1) Онъ предписывалъ: тѣхъ изъ рас-

Въ *началѣ* самостоятельнаго правленія Петра Великаго положеніе раскольниковъ нѣсколько измѣнилось. Царь отличался широкою вѣротерпимостью, которую онъ проявлялъ и по отношенію къ инославнымъ вѣроисповѣданіямъ (разрѣшивъ, напр., недопускавшіеся прежде смѣшанные браки) и *первоначально* по отношенію къ раскольникамъ: «пусть вѣруютъ, чему хотятъ, говорилъ онъ; когда ихъ ужъ нельзя обратить изъ суевѣрія разсудкомъ, то, конечно, не пособитъ ни огонь, ни мечъ; а мучениками за глупость быть,—ни они той чести не достойны, ни государство пользы имѣть не будетъ»; «съ противниками Церкви надлежитъ съ кротостью поступать по апостолу, а не такъ, какъ нынѣ, жестокими словами и отчужденіемъ». Однако, вслѣдствіе рѣзкаго противодѣйствія раскольниковъ реформамъ, Петръ самъ сталъ прибѣгать не только къ жестокимъ словамъ, но и къ жестокимъ мѣрамъ: раскольникамъ дана была особая одежда «какъ бы въ посмѣяніе надъ ними», ихъ обложили двойнымъ подушнымъ окладомъ да еще особой пошлиной за невѣнчаніе у православныхъ священниковъ; распространеніе раскола каралось самыми строгими наказаніями, богослуженіе стѣснялось; старообрядцы не только не имѣли права занимать общественныхъ должностей, но даже свидѣтельствовать на судѣ противъ православныхъ. Значительная часть этихъ ограниченій внушалась Петру нижегородскимъ епископомъ (Питиримомъ), которому было поручено увѣщевать раскольниковъ, но который оказался неудачнымъ литературнымъ полемистомъ и плохимъ проповѣдникомъ и больше всего старался выставить старообрядцевъ людьми вредными для государства. Въ помощь ему данъ былъ гвардейскій капитанъ (Ржевскій), уполномоченный подвергать раскольниковъ самымъ жестокимъ карамъ (напр., ссылкѣ на каторгу или на галеры, вырѣзыванію ноздрей и т. д.), однако, не за одно исповѣданіе раскола, а за какую-нибудь «явную вину», т. е. преступленіе противъ правительства. Очевидно, что совмѣстныя дѣйствія епископа-миссіонера и гвардіи-капитана, прибѣгавшаго къ чисто полицейскимъ мѣрамъ, не способствовали примиренію старообрядцевъ ни съ Православною Церковью, ни съ петровскою реформою, и они продолжали оставаться отъявленными врагами послѣдней.

кольниковъ, которые бранятъ Церковь, производятъ въ народѣ соблазнъ и мятежъ, «по троекратному у казни допросу, буде не покорятся, жечь въ срубѣ»; такой же участи подвергались и тѣ, которые побуждали другихъ къ самосожженію; смертная казнь грозила также тѣмъ, кто перекрещивалъ переходящихъ въ расколъ дѣтей и взрослыхъ; перекрещенцы, въ свою очередь, строго карались и въ случаѣ вторичнаго перехода въ расколъ предавались смерти; 2) покорившіеся раскольники должны отсылаться подъ строгій надзоръ и на испытаніе въ монастырь, причемъ по испытаніи выпускались изъ монастыря на поруки только женатые люди, а холостые оставались тамъ навсегда; 3) укрывающіе сознательно у себя раскольниковъ подвергаются битью кнутомъ или, кромѣ того, и ссылкѣ, и т. д.

Послѣ нѣкоторыхъ облегченій при императрицѣ Екатеринѣ I отношеніе къ раскольникамъ снова ухудшилось при ея ближайшихъ преемникахъ. Было установлено нѣчто въ родѣ прикрѣпленія ихъ къ мѣстамъ жительства со строгимъ контролемъ всякой отлучки, а также усилено отбываніе ими воинской повинности; наконецъ, введены нѣкоторыя мѣры, унижавшія ихъ личное достоинство; имъ запретили, напр., именоваться «старовѣрцами, скитскими общежителями и пустынножителями»; сохранено было лишь офиціальное названіе «раскольники»; на верхнія ихъ одежды нашивались особыя бляхи.

Отношеніе къ старообрядцамъ въ царствованія Петра III, Екатерины II и Павла I.

Петръ III прекратилъ преслѣдованія раскольниковъ и уравнялъ ихъ въ правахъ съ другими русскими иновѣрцами, и этимъ заслужилъ большую популярность въ ихъ средѣ (вспомнимъ ихъ дѣятельное участіе въ бунтѣ Пугачева, принявшаго имя Петра III). Вѣротерпимость проявлена была также императрицей Екатериной II: вскорѣ послѣ вступленія на престолъ она обратилась къ раскольникамъ, бѣжавшимъ за границу, съ предложеніемъ вернуться обратно въ Россію и на первое время освободила ихъ отъ всякихъ податей. Гражданскія права ихъ были отчасти возстановлены. Такъ, они получили право быть избираемыми на общественныя должности и выступать свидѣтелями въ судахъ и были отданы въ вѣдѣніе общихъ присутственныхъ мѣстъ (съ уничтоженіемъ въ 1763 г. «раскольничьей конторы», дѣйствовавшей съ 1725 г.). Ихъ освободили отъ установленнаго Петромъ I особаго платья, и названіе «раскольникъ» временно исчезло изъ офиціальнаго языка. Хотя послѣдующими указами (1768 и 1778 г.г.) старообрядцамъ запрещалось строить церкви и часовни, однако именно при Екатеринѣ II возникли главные центры раскола какъ въ Москвѣ (Преображенское и Рогожское кладбища), такъ и на окраинахъ (Иргизъ).

При императорѣ Павлѣ I, благодаря стараніямъ митрополита Платона, смотрѣвшаго на раскольниковъ не какъ на еретиковъ, а какъ на православныхъ, только придерживающихся старыхъ обрядовъ, удалось возсоединить съ господствующей Церковью умѣренныхъ поповцевъ, которые и получили затѣмъ названіе «единовѣрцевъ» (1800 г.): въ ихъ церквахъ служба совершалась по до-никоновскимъ книгамъ, но православными священниками.

Положеніе старообрядцевъ въ первой половинѣ XIX в.

Въ царствованіе Александра I, который не имѣлъ въ виду «дѣлать насиліе совѣсти и входить въ разысканіе внутренняго исповѣданія вѣры», однако не хотѣлъ «допускать внѣшнихъ оказательствъ отступленія отъ Церкви», отношеніе къ старообрядцамъ отличалось двойственностью. Раскольники (это названіе было вновь офиціально возстановлено) то получали право принимать «бѣглыхъ священниковъ» (стр. 231), то лишались его, то «не чинилось имъ препятствій въ продолженіи богослуженія», то закрывались ихъ часовни и т. д.

На церковную политику царствованія императора Николая I большое вліяніе оказывалъ оберъ-прокуроръ Пратасовъ (стр. 389), проявлявшій большую нетерпимость къ расколу. Занявшись изученіемъ русскаго сектантства, онъ раздѣлилъ всѣ существующія въ Россіи секты на три группы: вреднѣйшія, вредныя и менѣе вредныя. Къ «вреднѣйшимъ» были причислены нѣкоторые безпоповщинскіе толки, менѣе «вредной» признана была поповщина. Для надзора за раскольниками учреждены были въ губерніяхъ особые комитеты, состоявшіе изъ епархіальнаго архіерея, губернатора, предсѣдателя палаты государственныхъ имуществъ и жандармскаго штабъ-офицера, и имѣвшіе своею цѣлью «соединить духъ терпимости съ необходимыми мѣрами строгости». Послѣднія очень скоро возобладали надъ терпимостью. Всевозможныя ограниченія окутали всю жизнь раскольниковъ — и общественную, и частную, и религіозную. Они лишились права занимать общественныя должности, выступать свидѣтелями противъ православныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ, пріобрѣтать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ недвижимое имущество, отлучаться изъ мѣстъ своего жительства, поступать въ учебныя заведенія, принимать на воспитаніе въ свои семьи православныхъ дѣтей (за православною прислугою раскольниковъ устанавливался особый надзоръ, а православнымъ рекомендовалось не давать раскольникамъ отвѣтственныхъ мѣстъ на частной службѣ). Вмѣстѣ съ тѣмъ принимались самыя строгія мѣры противъ «бѣглыхъ поповъ», результатомъ чего было полное оскудѣніе священниковъ у раскольниковъ. «Десятками паръ, по словамъ Милюкова, приходилось вѣнчать браки; сотнями, хоромъ производилась исповѣдь по списку грѣховъ... отпѣвать приходилось заочно тысячами и десятками тысячъ иногда полгода и годъ спустя послѣ похоронъ». Однако всѣ эти мѣры строгости не привели къ желаннымъ результатамъ: лишь какихъ-нибудь 2—3 процента раскольниковъ обратилось въ единовѣріе, а отвѣтомъ на преслѣдованіе бѣглыхъ поповъ было учрежденіе правильной старообрядческой іерархіи. Именно, раскольничьи поиски «древле-православнаго епископа» въ 1846 г. увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ. Онъ появился сперва не въ Россіи, а въ австрійской раскольничьей колоніи «Бѣлой Криницѣ» (въ Буковинѣ): для этого мѣстечка удалось найти архіерея изъ константинопольскихъ безъ-епархныхъ епископовъ, который согласился на «перемазываніе» (т. е. вторичное міропомазаніе). Это былъ Амвросій. Хотя, по настоянію русскаго правительства, его скоро удалили, однако онъ успѣлъ назначить себѣ преемникомъ «митрополита» Кирилла, который и озаботился поставленіемъ архіереевъ для русскихъ раскольниковъ.

Болѣе успѣшно боролось правительство Николая Павловича съ католическимъ вліяніемъ. Важнѣйшей мѣрой въ этомъ отношеніи была отмѣна въ 1839 г. церковной уніи въ Юго-западномъ краѣ,

которая, какъ извѣстно, была введена насильственнымъ образомъ на Брестскомъ соборѣ 1596 г. (стр. 110). Императоръ Николай I уже съ начала своего царствованія принималъ мѣры для сближенія уніатовъ съ православными, учредивъ, напримѣръ, для этой цѣли особую греко-уніатскую академію. Особенно много содѣйствовалъ этому епископъ Іосифъ Сѣмашко. Благодаря его дѣятельности возсоединеніе уніатовъ съ Православной Церковью было подготовлено, и въ 1839 г., по ходатайству западно-русскаго духовенства, унія — объявлена уничтоженной. (Она сохранилась до 1875 г. только въ Холмской епархіи). Однимъ изъ побужденій къ ея уничтоженію послужило польское возстаніе (стр. 318).

Улучшеніе положенія старообрядцевъ.

Суровыя постановленія о раскольникахъ сохраняли свою силу и въ первые два года царствованія императора Александра II. Только съ 1857 года, когда министромъ внутр. дѣлъ былъ назначенъ Ланской, начались нѣкоторыя облегченія для нихъ. Такъ, въ 1858 г. было разослано губернаторамъ «Наставленіе для руководства при исполнительныхъ дѣйствіяхъ и совѣщаніяхъ по дѣламъ, до раскола относящимся», которое объединяло правительственную дѣятельность по отношенію къ расколу, ограничивая произволъ разныхъ инстанцій и лицъ. Далѣе разграничивались сферы дѣятельности духовной и свѣтской власти, при чемъ строгому преслѣдованію послѣдней подлежало только распространеніе раскола. Раскольники получили право на занятіе низшихъ общественныхъ должностей; и вообще былъ поставленъ вопросъ объ ихъ общегражданскихъ правахъ. Но получили они все же немногое. Такъ, въ 1875 году былъ изданъ законъ о раскольничьихъ бракахъ, по которому дѣти раскольниковъ признавались законными, но регистрація браковъ предоставлялась полицейскимъ учрежденіямъ. Попытки правительства вновь распредѣлить секты на группы по ихъ зловредности затормозили дѣло улучшенія быта раскольниковъ, и лишь 3 мая 1883 года появился законъ, создавшій болѣе сносное положеніе для нихъ.

По этому закону имъ выдаются паспорты на общемъ основаніи; разрѣшается вести торговлю, заниматься промыслами, поступать на общественныя должности (однако, помощникомъ раскольника по этой должности долженъ быть непремѣнно православный); имъ дозволяется общественная молитва, какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ предназначенныхъ для этого зданіяхъ. Однако возобновленіе этихъ зданій, ихъ ремонтъ, устройство новыхъ—все это ставится въ зависимость отъ разрѣшенія администраціи. Ихъ священники не признаются духовными лицами и не имѣютъ облаченія внѣ службы, точно такъ же, какъ и богослуженіе раскольниковъ не можетъ выноситься за предѣлы установленнаго для того зданія. Законъ 1883 г. дѣлалъ раскольниковъ терпимыми, но не дѣлалъ ихъ правоспособными: нѣкоторыя ограниченія продолжали тяготѣть надъ ними; такъ, напр., ихъ

духовенство не исключалось изъ податного сословія и не избавлялось отъ воинской повинности, они не имѣли права устраивать свои школы, печатать и ввозить въ Россію свои книги, заключать смѣшанные браки съ православными; стѣснены были и ихъ служебныя права.

Эти ограниченія и стѣсненія отмѣнены Высочайшимъ указомъ 17 апрѣля 1905 г., устранившимъ и самое наименованіе «раскольникъ» [1]), а также послѣдующимъ законодательствомъ. Сохраняя въ полной силѣ господствующее и первенствующее положеніе православной вѣры, указъ 17 апр. предоставляетъ, однако, всѣмъ не принадлежащимъ къ господствующей Церкви подданнымъ пользоваться повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной (исключеніе дѣлается лишь для безнравственныхъ и изувѣрческихъ сектъ).

Такова исторія русскаго законодательства, касающагося раскола. Необходимо, однако, помнить, что издавна правительство боролось съ развитіемъ старообрядчества (и сектантства) не только мѣрами строгости, но и расширеніемъ миссіонерской дѣятельности, а также распространеніемъ просвѣщенія въ народѣ. Къ обзору успѣховъ русскаго просвѣщенія въ Императорскій періодъ намъ и предстоитъ теперь обратиться.

---

[1]) Значеніе Высочайшаго указа 17 апрѣля обусловливается не только тѣмъ, что онъ разрѣшилъ вѣковой больной вопросъ о старообрядцахъ, но и численностью того класса русскаго населенія, права котораго имъ возстановляются. Къ сожалѣнію, невозможно получить хоть сколько-нибудь вѣрное представленіе объ этой численности, такъ какъ официальная цифра слишкомъ расходится съ другими данными. Такъ, напр., въ 1870 году во всей Россіи официально считалось всего 1.171.000 раскольниковъ и сектантовъ, тогда какъ по заграничному счету, основанному будто бы на секретныхъ данныхъ, ихъ было почти-что въ десять разъ больше. Точно такъ же и въ 1893 году по оберъ-прокурорскому отчету раскольниковъ и сектантовъ значилось менѣе 2.000.000, а заграничные источники опредѣляютъ такою цифрою число приверженцевъ лишь одной секты—штунды. Всероссійская народная перепись 1897 года насчитываетъ 2.173.738 старообрядцевъ и сектантовъ, что составляетъ 2,49% православнаго населенія. Раскольниковъ изъ этого числа 1.018.437 (именно 457.059 поповцевъ и 571.378 безпоповцевъ), сектантовъ 176.199 и не указавшихъ толка или секты 969.102. Довѣрять этимъ цифрамъ трудно, потому что, принимая во вниманіе непріязнь и страхъ раскольниковъ ко всякой переписи (отъ которой въ прежнее время они спасались даже самосожженіемъ), нельзя ожидать правдивости въ указаніи ими своихъ религіозныхъ убѣжденій. По расчету нѣкоторыхъ статистиковъ, приводимому Милюковымъ, число раскольниковъ и сектантовъ доходило въ концѣ XIX в. до 15 мил. Что касается числа лицъ, оставлявшихъ расколъ и присоединявшихся къ православію, то, по официальнымъ даннымъ, въ среднемъ ежегодно присоединялось по 18.000 въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка, по 10.800—въ сороковыхъ, по 9.000—въ пятидесятыхъ, по 2.800—въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ и по 5.500—въ восьмидесятыхъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Главные успѣхи русскаго просвѣщенія въ XVIII—XIX в.в.

§ 104. Зарожденіе свѣтской школы.

Московское государство дожило до послѣднихъ десятилѣтій XVII в. съ очень небольшимъ и притомъ одностороннимъ запасомъ научныхъ познаній. «Древне-русская школа, по словамъ проф. Рождественскаго, служила исключительно орудіемъ церковнаго просвѣщенія и въ распространенныхъ своихъ типахъ обычно не поднималась выше уровня элементарнаго образованія». Въ концѣ XVII в., когда, какъ извѣстно, въ связи съ церковной реформой Никона началось пріобщеніе части русскаго общества къ западно-европейской культурѣ, преподаваніе въ нѣкоторыхъ архіерейскихъ школахъ расширилось, а въ Москвѣ учреждена была высшая школа — Славяно-Греко-Латинская Академія, устроенная по образцу Кіевской Академіи (стр. 241).

Естественно, что Петръ I въ началѣ своего царствованія надѣялся найти въ духовныхъ школахъ, особенно въ высшей, т. е. Академіи, лицъ, пригодныхъ для всевозможныхъ занятій — «въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство».

Взгляды Петра Великаго на народное просвѣщеніе.

Но царь скоро разочаровался въ своихъ надеждахъ: Московская Академія на практикѣ не вполнѣ соотвѣтствовала первоначальному проекту, такъ какъ церковные интересы получили въ ней преобладаніе надъ свѣтскими (стр. 241); къ тому же схоластическая философія, господствовавшая въ ней, далеко не отвѣчала практическимъ требованіямъ Царя-Плотника. На первомъ планѣ для Петра стоялъ государственный интересъ, государственная польза. Государство, ведшее тяжелую войну и преобразовывавшееся во всѣхъ частяхъ, нуждалось, по его мнѣнію, прежде всего въ техникахъ, спеціалистахъ по разнымъ отраслямъ службы. Сдѣлавъ послѣднюю обязательной, царь, очевидно, долженъ былъ сдѣлать обязательнымъ, особенно для дворянства, и образованіе. При преобладаніи военныхъ потребностей надъ другими, онъ особенную энергію проявлялъ въ насажденіи военнаго образованія. Но такъ какъ война изобиловала всякими случайностями и сообщала всѣмъ петровскимъ мѣропріятіямъ «лихорадочный пульсъ», то, понятно, и его система народнаго просвѣщенія подвергалась колебаніямъ.

Изъ изложеннаго ясно, что образованіе должно было получить при Петрѣ утилитарный (т. е. разсчитанный на принесеніе пользы),

практическій (т. е. оцѣниваемый съ точки зрѣнія выгоды), профессіонально-сословный (а не всесословно-общій), преимущественно военный, принудительный, но при всемъ этомъ недостаточно выдержанный характеръ. Царь цѣнилъ не столько чистую науку, сколько прикладную, онъ не призывалъ народъ къ просвѣщенію, а принуждалъ къ нему; обученію онъ придавалъ характеръ не нравственной обязанности, а государственной, служебной повинности.

Профессіональныя учебныя заведенія.

Первыя учебныя заведенія, основанныя Петромъ, имѣли своей цѣлью обученіе техническимъ навыкамъ, подготовленіе спеціалистовъ для государственной службы. Такова была открытая въ 1701 г. въ Москвѣ «школа математическихъ и навигацкихъ наукъ» для «добровольно хотящихъ, паче же съ принужденіемъ набираемыхъ» молодыхъ людей. Это «единственное правительственное свѣтское училище» на практикѣ являлось, по словамъ проф. Рождественскаго, «своего рода политехникумомъ: изъ него выходили, кромѣ моряковъ, инженеры, артиллеристы, учителя въ другія новыя школы, геодезисты, архитекторы, гражданскіе чиновники, писаря, мастеровые и проч.». Черезъ нѣсколько лѣтъ нѣкоторыя спеціальныя отрасли знанія обособились: такъ, основаны были инженерная и артиллерійская школы и морская академія (въ 1715 г.); дѣлались попытки, впрочемъ, неудачныя, учрежденія юридическихъ школъ для подготовленія гражданскихъ чиновниковъ.

Элементарное и общее образованіе.

Для элементарнаго обученія и для предварительной подготовки къ поступленію въ указанныя учебныя заведенія и на службу, съ 1714 года стали открываться въ провинціяхъ низшія, такъ называемыя, цыфирныя школы, отличавшіяся узко-математическимъ и первоначально тоже профессіональнымъ характеромъ. Заполнять ихъ приходилось насильно: одинъ рачительный воевода разсылалъ даже по уѣзду солдатъ, которые хватали всѣхъ пригодныхъ для школы дѣтей и сажали за буквари; чтобы не дать ученикамъ разбѣжаться, ихъ держали подъ карауломъ, чуть ли не на цѣпи, а за пропуски уроковъ штрафовали. Далѣе, при Петрѣ приказано было священникамъ «строить школы и учить разнымъ наукамъ». Но такъ какъ при этомъ не указывалось, на какія средства должны создаваться подобныя училища, и что именно слѣдуетъ преподавать въ нихъ, то, очевидно, этотъ приказъ остался мертвой буквой. Немного болѣе удачны были попытки нѣкоторыхъ иностранцевъ заводить при матеріальной поддержкѣ правительства «разноязычныя школы» (имѣвшія характеръ среднихъ *общеобразовательныхъ* учебныхъ заведеній). Изъ нихъ наибольшую извѣстность заслужила школа, основанная плѣннымъ маріенбургскимъ пасторомъ Глюкомъ «для общія всенародныя пользы и для тѣхъ людей, которые своею охотою приходятъ». Уроки продолжались въ ней по 12 часовъ въ день. Программа была очень широковѣщательной. (По словамъ проф. Ключевскаго, въ

нее входили: «географія и этика, и политика, и латинская риторика съ ораторскими упражненіями, и философія, и языки: французскій, нѣмецкій, латинскій, греческій, еврейскій, сирійскій и халдейскій, танцовальное искусство, и «поступь нѣмецкихъ и французскихъ учтивствъ»). Едва ли, конечно, эта программа исполнялась, да и сама школа существовала не болѣе десяти лѣтъ, такъ что важной роли въ исторіи русскаго просвѣщенія она не играла.

Въ послѣдніе годы своего царствованія Петръ занятъ былъ выработкой проекта академіи наукъ, при которой должны были состоять университетъ и гимназія. Такое соединеніе представлялось ему выгоднымъ и полезнымъ: академія—собраніе ученыхъ, разрабатывающихъ научные вопросы, университетъ — «собраніе ученыхъ, преподающихъ младымъ людямъ высокія науки», гимназія — подготовительная ступень къ университету. Царь надѣялся при помощи этихъ учрежденій «расплодить въ своей странѣ науки», «людей своихъ елико мощно скорѣе обучити», «водворить художества и ремесла».

Царь не мало заботился также о внѣшкольномъ образованіи и даже о воспитаніи своихъ подданныхъ. Такъ, напр., образовательнымъ цѣлямъ должно было служить устройство кунстъ-камеры (т. е. музея), изданіе газеты, а также цѣлаго ряда книгъ научнаго и наставительнаго характера (напечатанныхъ введеннымъ Петромъ «гражданскимъ» шрифтомъ); воспитательнымъ—организація такъ называемыхъ ассамблей, на которыхъ столичные жители (тоже принудительно) должны были упражняться въ «людскости» (т. е. свѣтскости).

Дальнѣйшая судьба петровскихъ учебныхъ заведеній.

Таковы были просвѣтительныя мѣропріятія Петра Великаго. Они оказались въ значительной степени непрочными. Причинъ постигшей ихъ неудачи нѣсколько. Первая—коренилась въ насильственности и принудительности образованія. Другая причина заключалась въ тяжелыхъ условіяхъ быта учащихся, страдавшихъ и отъ чрезмѣрно суровой дисциплины, и отъ матеріальной необезпеченности школъ. Третья причина—въ томъ, что характеръ самихъ учебныхъ заведеній, которыя, по мѣткому выраженію проф. Ключевскаго, «служили преддверіемъ къ казармѣ или канцеляріи», не встрѣчалъ сочувствія въ современномъ обществѣ.

Наиболѣе непрочнымъ оказалось элементарное образованіе, развалъ котораго обнаружился еще въ царствованіе Петра Великаго, такъ какъ правительство стало постепенно освобождать отъ посѣщенія цыфирныхъ школъ различные классы общества.

Доступъ въ цыфирныя школы былъ закрытъ прежде всего для тѣхъ, для кого онѣ первоначально предназначались,—именно, для дворянъ,—на томъ основаніи, что элементарное обученіе отвлекаетъ ихъ отъ болѣе серьезнаго и отъ службы. Затѣмъ (въ 1720 г.) по-

садскіе люди обратились въ Сенатъ и добились указа, повелѣвавшаго «посадскихъ людей къ наукѣ не понуждать, дабы не было убытка торговымъ людямъ и царскимъ доходамъ». Въ слѣдующемъ году церковники (т. е. дѣти духовно- и церковно-служителей) отпросились въ развивавшіяся въ это время архіерейскія школы; сюда же поступали многія лица не духовнаго званія. Послѣ этого цыфирныя школы стали быстро хирѣть: это явствуетъ изъ очень краснорѣчивыхъ цифръ. (Первоначально предполагалось создать 42 школы. Однако около трети посланныхъ учителей вернулось обратно за неимѣніемъ учениковъ, такъ что въ 1726 г. дѣйствовало только 25 школъ. Изъ общаго числа состоявшихъ въ нихъ 2.000 учениковъ налицо въ этомъ году было только около 500: остальные выбыли по разнымъ причинамъ. Такъ, напр., посадскихъ и церковныхъ ушло—37%, бѣжало—20%, «скорбныхъ, въ ученіе негодныхъ и за непонятіе наукъ отпущенныхъ»—15%, взято въ разныя должности до окончанія курса—6%, выучено—только 20%). Къ 1744 г. осталось лишь 8 школъ съ 709 учащимися, состоявшими почти исключительно изъ дѣтей военно-служащихъ офицерскаго и солдатскаго ранга. Понятно поэтому, что цыфирныя школы совершенно утрачивали свой смыслъ въ качествѣ самостоятельныхъ учебныхъ заведеній, и правительство въ 1744 году (при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ) соединило ихъ съ образовавшимися къ этому времени *гарнизонными* школами для солдатскихъ дѣтей, имѣвшими спеціальный военно-ремесленный характеръ.

Въ то время, какъ цыфирныя школы хирѣли и умирали, а духовныя учебныя заведенія мало-по-малу изъ общеобразовательныхъ превращались въ духовно-профессіональныя—«семинаріи», другія перечисленныя выше спеціальныя школы (напр., морская, инженерная, артиллерійская), страдая отъ матеріальной необезпеченности, продолжали, однако, развиваться въ двоякомъ направленіи: съ одной стороны ихъ программа расширялась, вслѣдствіе чего первоначальное *узко-профессіональное* образованіе сближалось съ общимъ; съ другой стороны составъ учащихся сужался: заполняемыя на первыхъ порахъ лицами различныхъ общественныхъ классовъ, эти школы постепенно дѣлались *односословными*, *дворянскими* или шляхетскими, иными словами, пріобрѣтали сословную замкнутость. Такой процессъ объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что правительство естественно должно было научиться предпочитать разносторонне-образованныхъ людей узкимъ спеціалистамъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что само общество, преобладающее положеніе въ которомъ все болѣе и болѣе получало дворянство, стремилось къ сословно-общему шляхетскому образованію, составлявшему, по словамъ проф. Рождественскаго, «промежуточное звено между чисто-профессіональнымъ и общимъ образованіемъ».

Понятно поэтому, что, когда при Аннѣ Іоанновнѣ былъ учрежденъ

Сухопутный Шляхетный Кадетскій корпусъ, то ему придали не исключительно военно-профессіональный, но и общеобразовательный характеръ; поступавшіе въ него, смотря по природнымъ склонностямъ, изучали «воинскія» или «гражданскія» науки.

Академія Наукъ и университетъ.

Составленный Петромъ Великимъ проектъ Академіи Наукъ и состоящихъ при ней учрежденій также подвергся измѣненіямъ при осуществленіи его. Именно, по мысли Петра, съ Академіей должны быть соединены университетъ и гимназія, однако такъ, чтобы каждая изъ этихъ трехъ частей представляла собою нѣчто самостоятельное. Когда же въ 1726 году Академія начала дѣйствовать, то она сливалась съ университетомъ, иными словами, превращалась въ академическій университетъ. Судьба его, какъ учебнаго заведенія, была очень печальной вслѣдствіе измѣнчиваго состава академиковъ (которыхъ выписывали изъ-за границы), происходящей отъ этого случайности курсовъ, смѣшенія общеобразовательныхъ и профессіональныхъ задачъ и, въ особенности, вслѣдствіе недостатка слушателей (въ 1747 г. при 12 профессорахъ было 12 слушателей).

Неудача учебной системы побуждала правительство къ неоднократнымъ попыткамъ реформировать ее. Наконецъ, въ 1747 году изданъ былъ новый регламентъ, преобразовывавшій всю Академію. По смыслу его, университетъ превращался въ самостоятельное, хотя и тѣсно связанное съ Академіей, учрежденіе и получалъ «особливыхъ профессоровъ»; доступъ въ него имѣли всѣ, кромѣ записанныхъ въ подушный окладъ (противъ такого ограниченія горячо ратовалъ знаменитый Ломоносовъ); для привлеченія студентовъ были учреждены казенныя стипендіи и обѣщаны служебныя привилегіи окончившимъ курсъ. И тѣмъ не менѣе университетъ по прежнему пустовалъ, въ него вербовали кого попало, большею частью, молодежь, не имѣвшую никакой подготовки. Такимъ образомъ въ то время, какъ Академія, въ качествѣ *ученаго* учрежденія, развивалась и заполнялась русскими учеными, безсмертнымъ представителемъ которыхъ былъ М. В. Ломоносовъ (извѣстный, между прочимъ, своей борьбой съ нѣмецкимъ академическимъ начальствомъ), академическій университетъ постепенно умиралъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ кончины Елизаветы Петровны, оставшись съ 2—3 студентами, вовсе прекратилъ свое существованіе.

Неудачи, постигшія академическій университетъ, не обезкуражили главнаго дѣятеля по народному просвѣщенію въ царствованіе Елизаветы Петровны, Ив. Ив. Шувалова: (въ 1755 г.) онъ представилъ проектъ учрежденія университета и гимназіи въ Москвѣ, а черезъ нѣсколько лѣтъ въ (1760 г.) составилъ планъ повсемѣстнаго открытія гимназій и начальныхъ школъ. Такимъ образомъ, Шуваловъ имѣлъ въ виду создать цѣльную учебную систему, которая слагалась изъ трехъ степеней образованія: низшаго, средняго и высшаго. Этого

онъ не вполнѣ достигъ: его мечты объ организаціи низшаго образованія остались неосуществленными. Но открытый въ 1755 году Московскій университетъ (куратором, т. е. попечителемъ, котораго сдѣлался самъ Шуваловъ) и состоявшія при немъ двѣ гимназіи, одна для дворянъ, другая для разночинцевъ (а также возникшая вскорѣ гимназія въ Казани), не избѣжавъ на первыхъ порахъ недостатковъ академическихъ учебныхъ заведеній, въ концѣ-концовъ наладились и сыграли немаловажную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія. Идея общаго образованія возобладала въ нихъ постепенно надъ профессіональными цѣлями.

Принципъ сословности, вносившій полное разстройство въ учебный планъ академической гимназіи, сильно сказывался первоначально и въ жизни московскихъ гимназій: дворяне и разночинцы и содержались, и наказывались, и обучались различно. Такъ, напр., дворянамъ полагались бо́льшія порціи мяса, лучшее масло въ кашѣ (маковое, а не конопляное) и лучшій хлѣбъ (ситный, а не рѣшетный), чѣмъ разночинцамъ; дворянъ наказывали линейками, разночинцевъ—розгами; наконецъ, дворянамъ предоставлено было право выбирать по своему усмотрѣнію научные предметы изъ цѣлаго множества читавшихся разными преподавателями курсовъ (въ 1757 г. въ дворянской гимназіи состояло около 30 преподавателей, при чемъ каждый изъ нихъ обучалъ нѣсколькимъ предметамъ, большинство которыхъ имѣло характеръ «начатковъ», т. е. поверхностныхъ, общихъ понятій о данной наукѣ), тогда какъ разночинцы должны были подчиняться одному обязательному учебному плану. Однако съ теченіемъ времени (въ 60-хъ годахъ) такая двойственность учебнаго строя исчезаетъ: обѣ гимназіи получаютъ одинаковый планъ занятій, въ основу котораго полагаются языки: латинскій и новые, затѣмъ, какъ второстепенные предметы, математика, исторія и географія; главной задачей гимназическаго курса становится не приспособленіе къ разнообразнымъ дворянскимъ вкусамъ, а подготовленіе слушателей для университета. Посредствующимъ звеномъ между гимназіей и университетомъ былъ такъ называемый ректорскій классъ—высшій въ гимназіи. Прохожденіе университетскаго курса (въ Московскій университетъ такъ же, какъ и въ академическій, допускались только свободные и не записанные въ подушный окладъ) начиналось съ философскаго факультета, по окончаніи котораго студентъ, сообразно своимъ склонностямъ, избиралъ ту или иную группу наукъ (главныхъ группъ было три: общая, юридическая и медицинская). Такимъ образомъ въ университетѣ принята была предметная система.

Кромѣ гимназій, возникали и другія учебныя заведенія. Такъ, напр., къ Сухопутному Шляхетскому Корпусу прибавились еще два другихъ. Конечно, всѣ эти правительственныя школы обслуживали лишь небольшую часть дворянъ: огромное большинство шляхетства, особенно провинціальнаго, пребывало еще въ невѣжествѣ.

Жизнь провинціальнаго дворянства половины XVIII вѣка, по словамъ проф. Чечулина, была «грубая, чуть не первобытная»; въ рѣдкомъ домѣ можно было найти книгу; большинство провинціальнаго общества считало опаснымъ слишкомъ прилежное чтеніе, такъ какъ оно «сводитъ съ ума». Дворяне, желавшіе дать дѣтямъ хоть нѣкоторое домашнее образованіе, должны были преодолѣвать неимовѣрныя затрудненія въ пріисканіи учителей и часто попадались впросакъ: въ учителя нанимались иной разъ бѣглые каторжники, наказывавшіе дѣтей «самыми мучительными, даже неблагопристойными штрафами».

Чухонцы выдавали себя за французовъ и выучивали дѣтей чухонскому языку вмѣсто французскаго. Пономари и отставные нѣмецкіе унтеръ-офицеры считались еще лучшими преподавательскими силами.

Лишь въ столицѣ съ ея блестящимъ Елизаветинскимъ дворомъ (подражавшимъ версальскому), съ ея сооруженіями Растрелли, съ ея Академіей Художествъ и казеннымъ театромъ, процвѣтала «свѣтскость»: столичное общество перелицевалось на западный, преимущественно французскій, образецъ. Французскій свѣтскій обиходъ былъ тѣмъ идеаломъ, которому старались подражать щеголи Елизаветинскаго времени.

Изъ изложеннаго видно, что ко второй половинѣ XVIII в. истинно просвѣщенные люди считались лишь единицами, богатый классъ столичнаго населенія подвергся преимущественно внѣшней шлифовкѣ, принимавшей иногда очень отрицательный характеръ, остальное дворянство, несмотря на законъ объ обязательномъ обученіи, было почти не затронуто образованіемъ, народныя массы совсѣмъ не знали его. Значитъ, *народнаго* просвѣщенія въ это время еще не было. Къ новымъ попыткамъ распространить его обратилась императрица Екатерина II.

§ 105. Попытки обоснованія системы общаго образованія на принципахъ западно-европейской педагогики XVIII в.

Попытка «перевоспитанія» народа.

Просвѣтительныя *намѣренія* Екатерины II отличаются необыкновенной широтою. Въ 1764 году императрица, въ сотрудничествѣ съ извѣстнымъ педагогомъ-теоретикомъ генераломъ И. И. Бецкимъ, составляетъ такъ называемое «Генеральное Учрежденіе», въ которомъ излагаются важнѣйшіе принципы педагогики. Какъ ревностная послѣдовательница педагогическихъ теорій, господствовавшихъ въ это время въ западно-европейской (преимущественно французской) просвѣтительной литературѣ, Екатерина II исходитъ здѣсь изъ мысли, что «корень всему злу и добру — воспитаніе», и надѣется посредствомъ разумнаго воспитанія «произвести новую породу отцовъ и матерей», образовать «человѣка и гражданина». Какъ видно изъ этого, императрица, первая изъ русскихъ монарховъ, поставила вопросъ о правильной организаціи не только мужского, но и *женскаго* воспитанія и образованія, при чемъ цѣлью ихъ она считала *не* подготовленіе *профессіональныхъ* работниковъ для государственной службы, а прежде всего «созданіе человѣка и гражданина». Однако, несмотря на такую общность цѣли, Екатерина II на практикѣ не могла отказаться отъ сословныхъ взглядовъ. Поэтому опытъ примѣненія новыхъ идей, изложенныхъ въ «Генеральномъ Учрежденіи», выразился не въ основаніи однородныхъ, доступныхъ для всѣхъ школъ, а въ открытіи нѣсколькихъ сословныхъ мужскихъ и женскихъ воспита-

тельныхъ заведеній съ неодинаковой программой, въ которыхъ дѣти должны были оставаться безвыходно отъ 5—6 до 18—20 лѣтъ, чтобы быть убереженными отъ всякаго вреднаго вліянія.

Изъ такихъ заведеній необходимо упомянуть слѣдующія: 1) Воспитательное общество (или училище) благородныхъ дѣвицъ (учр. въ 1764 г.), имѣвшее цѣлью развить въ своихъ питомицахъ «свѣтскія добродѣтели» посредствомъ обученія ихъ цѣлому ряду наукъ и искусствъ; 2) особливое училище при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ для воспитанія мѣщанскихъ дѣвицъ (учр. въ 1765 г.), ставившее своей задачей уже не достиженіе «свѣтскихъ добродѣтелей», а подготовленіе къ «службѣ экономической» (т. е. хозяйству); 3) мужскія воспитательныя училища (преимущественно для мѣщанъ) при Академіяхъ Художествъ и Наукъ; 4) преобразованный согласно новому уставу Сухопутный Шляхетскій корпусъ. По образцу указанныхъ воспитательныхъ заведеній, императрица намѣревалась учредить со временемъ и многія другія «во всѣхъ губерніяхъ Россіи». Эти училища должны были прежде всего воспитывать своихъ питомцевъ, дѣлая ихъ добродѣтельными, а затѣмъ уже обучать и просвѣщать (общее элементарное образованіе предполагалось сдѣлать доступнымъ и даже обязательнымъ для всѣхъ, среднее образованіе—для всѣхъ, кромѣ крестьянства, высшее—преимущественно для дворянства).

Дѣятельность Янковича.

Однако намѣренія Екатерины II не увѣнчались успѣхомъ: ей пришлось ограничиться перечисленными выше нѣсколькими воспитательными заведеніями. Открыть ихъ повсемѣстно оказалось невозможнымъ, и поэтому во вторую половину своего царствованія императрица обратилась къ болѣе простому способу рѣшенія просвѣтительной задачи. Именно, въ 1780 г. она пришла къ мысли приспособить къ Россіи австрійскую систему народнаго просвѣщенія, съ которой ознакомилъ ее императоръ Іосифъ II, рекомендовавшій ей къ тому же превосходнаго помощника въ просвѣтительной работѣ—серба по происхожденію—Янковича-де-Миріево. Ему и порученъ былъ трудъ пересадки австрійской системы на русскую почву. Самая эта пересадка происходила слѣдующимъ образомъ: I. Въ 1782 г. была учреждена Комиссія о народныхъ училищахъ, представлявшая собою какъ бы временное Министерство Народнаго Просвѣщенія. II. Комиссія уже въ 1783 г. открыла первое, такъ называемое, «главное народное училище» (съ четырехлѣтнимъ курсомъ), съ которымъ была соединена учительская семинарія для подготовки преподавателей; вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшно составлялись учебники. III. Когда образовался извѣстный запасъ учителей и учебныхъ пособій, началось массовое открытіе въ губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ сперва «малыхъ училищъ»—съ двухлѣтнимъ курсомъ, посвященнымъ элементарному образованію и изложенію обязанностей

«человѣка и гражданина»,—а затѣмъ и главныхъ. Два первыхъ класса ихъ соотвѣтствовали малому училищу, а слѣдующіе два давали общее «реальное» образованіе, приноровленное преимущественно къ нуждамъ «средняго состоянія» людей, т. е. горожанъ, а также знаніе языковъ: латинскаго и «сосѣдственнаго» («сосѣдственнымъ» назывался языкъ народа, жившаго по сосѣдству съ тѣми губерніями, въ которыхъ открывались главныя училища: такъ, «сосѣдственнымъ» языкомъ для южныхъ губерній былъ греческій, для восточныхъ — арабскій, для Сибири—китайскій). Воспитаніе въ этихъ училищахъ отличалось гуманностью (тѣлесныя наказанія отсутствовали), а образованіе—наглядностью (быть можетъ, даже злоупотребляли правиломъ учить «играючи»). IV. По образцу главныхъ училищъ реформировались учрежденныя ранѣе учебныя заведенія, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ отдавались въ вѣдѣніе Комиссіи. V. Когда въ 1786 г. дѣло устройства новыхъ училищъ было нѣсколько налажено, появился общій уставъ ихъ, представлявшій собою переработку соотвѣтствующаго австрійскаго устава. Такая переработка свидѣтельствуетъ о томъ, что австрійская система не просто пересаждалась на русскую почву, а значительно приспособлялась при этомъ къ условіямъ послѣдней.

Нечуждая нѣкоторыхъ недостатковъ, учебная система Екатерины II дала, однако, хорошіе плоды: число главныхъ и малыхъ училищъ росло быстро, достигнувъ къ концу XVIII в. цифры — 316 (съ 744 учителями, 16.220 учениками и 1.121 ученицей). Составъ учащихся былъ разнородный, начиная съ дворянъ и кончая городскими господскими слугами.

Такимъ образомъ императрица справилась съ организаціей низшаго образованія. Среднее образованіе ей не удалось, такъ какъ главное училище не соотвѣтствовало типу средней школы—гимназіи, готовящей къ университету. Не осуществилось также ея намѣреніе основать новые университеты по усовершенствованному плану.

Культурный прогрессъ.

Итакъ, цѣльная система народнаго просвѣщенія, связывающая въ неразрывную цѣпь низшее, среднее и высшее образованіе, не была создана при Екатеринѣ. Въ учебныхъ заведеніяхъ ея времени было не мало внѣшняго, показного лоска, прикрашивающаго внутреннюю пустоту. Тѣмъ не менѣе русское общество благодаря стараніямъ императрицы сдѣлало огромный шагъ впередъ на пути культурнаго прогресса. Какъ «ученица» великихъ французскихъ философовъ, какъ плодовитая и разносторонняя писательница, Екатерина II оказывала самое ревностное покровительство искусству и наукѣ, была истой «меценаткой». Такъ, напр., для изученія русскаго языка и поощренія русской словесности при Академіи Наукъ учреждена была особая «Россійская Академія» подъ предсѣдательствомъ кн. Дашковой. Вмѣстѣ съ тѣмъ большіе успѣхи сдѣлало собираніе и изданіе

матеріаловъ по русской исторіи и изученіе ея. Знаменитый академикъ Шлецеръ приступилъ къ критической обработкѣ древнѣйшихъ лѣтописей; купецъ Голиковъ собиралъ всѣ матеріалы, относящіеся къ царствованію Петра Великаго, офицеръ Болтинъ писалъ «примѣчанія» къ исторіи Россіи, составленной французомъ Леклеркомъ. Появились въ свѣтъ также русскія попытки изложенія ея. Такъ, издана была исторія, написанная нѣкогда петровскимъ сподвижникомъ Татищевымъ, а также «Исторія Россійская» кн. Щербатова. Очень развилась сатирическая журналистика, большіе успѣхи сдѣлала художественная литература. Разрѣшеніе открывать частныя типографіи необыкновенно оживило книгоиздательство: изъ всѣхъ книгъ, изданныхъ въ XVIII вѣкѣ, $84^1/_2\%$ приходится на царствованіе Екатерины (при чемъ за одно пятилѣтіе 1786—1790 г.г. появилось въ свѣтъ 1699 книгъ, тогда какъ за все царствованіе Петра I ихъ издано было только 579, а при Елизаветѣ лишь 382 [1]). Самымъ крупнымъ книгоиздателемъ и въ то же время лучшимъ представителемъ Екатерининскаго просвѣщенія былъ журналистъ Новиковъ. Вмѣстѣ съ извѣстнымъ московскимъ профессоромъ Шварцемъ онъ создалъ цѣлое литературно-ученое общество (такъ называемое «Дружеское общество»), члены котораго посвятили свои силы переводу и изданію серьезныхъ книгъ, народному образованію и распространенію полезныхъ знаній. Огромной заслугой Новикова является изданіе двадцати-томной «Древней Россійской Вивліоѳики», представляющей собою сборникъ матеріаловъ по русской исторіи. (Шварцъ, Новиковъ и Елагинъ были также родоначальниками русскаго «масонства», центромъ котораго сдѣлалась Москва).

Такъ при Екатеринѣ II подготовлена была почва для просвѣтительной дѣятельности *начала* царствованія императора Александра I, когда, по словамъ Богдановича, въ нѣсколько лѣтъ сдѣлано было для народнаго просвѣщенія «больше, чѣмъ за все предшествовавшее столѣтіе».

§ 106. Созданіе цѣльной системы народнаго просвѣщенія и ея судьба въ первой половинѣ XIX в.

Народное просвѣщеніе въ началѣ царствованія императора Александра I.

Важнѣйшими мѣропріятіями императора Александра I въ области народнаго образованія являлись 1) устройство постояннаго центральнаго учрежденія, сосредоточивающаго и объединяющаго въ своихъ

[1]) Въ «Наказѣ» (стр. 321) императрица высказывалась въ пользу свободы слова и печати, однако цензура, особенно въ концѣ ея царствованія, отличалась строгостью. Поэтому не могли появиться въ печати интересныя публицистическія сочиненія кн. Щербатова—приверженца аристократической, конституціонной монархіи, а Радищевъ жестоко поплатился за выпускъ въ свѣтъ 25 экземпляровъ своего «Путешествія изъ Петербурга въ Москву».

рукахъ завѣдываніе имъ, а именно, *министерства народнаго просвѣщенія*, 2) раздѣленіе Россіи на *учебные округа* (которыхъ было тогда шесть) съ попечителями во главѣ, 3) созданіе цѣлой лѣстницы учебныхъ заведеній. Она начиналась приходскими училищами (съ одногодичнымъ курсомъ), подготовлявшими къ уѣзднымъ училищамъ (двухгодичный курсъ), служившимъ ступенью къ гимназіямъ (4-хлѣтній курсъ), и завершалась университетами, которые пользовались, по уставу 1804 года, широкой автономіей (послѣдняя выражалась въ предоставленіи университетамъ права выбора своихъ должностныхъ лицъ и самостоятельнаго завѣдыванія своими учебными, хозяйственными и дисциплинарными дѣлами). Въ учебной системѣ принципъ *безсословности* преобладалъ надъ сословнымъ началомъ. Къ прежнимъ университетамъ въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ (нынѣшнемъ Юрьевѣ) прибавилось еще три: въ Казани, Харьковѣ и Петербургѣ (послѣдній былъ образованъ въ 1819 году изъ Педагогическаго Института); кромѣ того, открыты были три лицея: въ Царскомъ Селѣ, Ярославлѣ, Одессѣ и еще нѣсколько спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній [1]).

Огромную поддержку правительству оказало общество своими щедрыми пожертвованіями: Ярославскій Лицей былъ основанъ на средства Демидова, гимназія высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ—на средства Безбородко; харьковскіе дворяне, въ отвѣтъ на воззваніе Каразина, собрали свыше 400 тысячъ рублей на устройство университета; было много и другихъ пожертвованій. Такимъ образомъ правительство работало въ полномъ единеніи съ лучшею частью русскаго образованнаго общества.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ учебная система Александра I имѣла и крупные недочеты; напр., она отличалась чрезмѣрною дробностью учебныхъ заведеній, которыя не давали притомъ законченнаго образованія; далѣе, программа гимназій была слишкомъ трудной, непосильной для средняго уровня общества того времени, вслѣдствіе чего многіе предпочитали имъ «благородные пансіоны» съ сокращеннымъ и упрощеннымъ курсомъ; университетскія каѳедры, за неимѣніемъ русскихъ ученыхъ, замѣщались иностранцами, читавшими лекціи на малопонятномъ латинскомъ языкѣ; поэтому университеты часто пустовали, несмотря на то, что правительство привлекало туда студентовъ и стипендіями, и правами государственной службы. Многіе изъ этихъ недостатковъ съ теченіемъ времени были замѣчены и устранены. Такъ, напр., чтобы избѣжать необходимости

[1]) Гимназій учреждено было 42, уѣздныхъ училищъ—405. Многія гимназіи образованы были изъ екатерининскихъ главныхъ училищъ, уѣздныя училища - изъ малыхъ. На нужды народнаго просвѣщенія въ 1804 году ассигновано было 2.800.000 р., тогда какъ самая большая ассигновка при Екатеринѣ II не превышала 780.000 р. въ годъ. (Эти цифры приводятся проф. Корниловымъ).

выписывать иностранныхъ ученыхъ, стали посылать русскую молодежь за границу для довершенія образованія; чтобы облегчить научныя занятія, въ гимназіяхъ обратили особое вниманіе на древніе языки, упростивъ другіе отдѣлы программы. Къ гимназіямъ прибавили три *низшихъ* класса, что сообщило имъ цѣльность, но зато разорвало ихъ связь съ низшей школой.

Императоръ Александръ I не ограничивался устройствомъ учебныхъ заведеній: онъ покровительствовалъ также ученымъ обществамъ и поощрялъ литературу какъ оригинальную, такъ и переводную. Случалось, что авторы присылали ему свои рукописи, и государь приказывалъ издавать ихъ на свой счетъ. По Высочайшему повелѣнію, были переведены многія иностранныя сочиненія, касавшіяся общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Распространеніе книгъ и журналовъ не встрѣчало затрудненій, такъ какъ новый цензурный уставъ 1804 года отличался мягкостью.

Народное просвѣщеніе въ концѣ царствованія Александра I.

Отношеніе правительства къ просвѣщенію и печати рѣзко измѣнилось послѣ Вѣнскаго конгресса, особенно, со времени учрежденія «министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія». Нѣкоторые дѣятели этого министерства выказали себя прямо гонителями просвѣщенія. Самымъ яркимъ образцомъ ихъ былъ создавшій себѣ весьма печальную извѣстность Магницкій. Свою дѣятельность онъ особенно замѣтно проявилъ во время производимой имъ ревизіи Казанскаго университета. Обвинивъ профессоровъ въ безбожномъ направленіи преподаванія, онъ предложилъ совсѣмъ «разрушить» университетъ. Такъ какъ это предложеніе не было принято, то онъ сталъ его «преобразовывать». Преобразованія привели къ совершенному подавленію науки въ университетѣ. Въ Харьковѣ Магницкому подражалъ Карнѣевъ, въ Петербургѣ—Руничъ, привлекшій къ суду цѣлый рядъ талантливыхъ профессоровъ и допрашивавшій ихъ какъ какой-то инквизиторъ.

Не меньшимъ стѣсненіямъ подверглась и печать вслѣдствіе чрезмѣрной строгости цензуры. Кромѣ общей цензуры, появилась спеціальная, состоявшая въ вѣдѣніи министерства полиціи и пересматривавшая книги, уже разрѣшенныя общей. Запрещалась критика не только должностныхъ лицъ, но даже актеровъ казеннаго театра, не допускались вполнѣ невинные лирическіе стихи и пьесы; не разрѣшенъ выпускъ сочиненія самого Магницкаго на томъ основаніи, что онъ трактовалъ въ немъ, хотя и съ обличительною цѣлью, о конституціонномъ строѣ правленія; наконецъ, изъята была изъ обращенія изданная императрицей Екатериной II книга «о должностяхъ человѣка и гражданина».

Народное просвѣщеніе въ царствованіе Николая I.

Крайности Магницкаго встрѣтили рѣзкое осужденіе со стороны императора Николая I, вскорѣ послѣ воцаренія котораго Магницкій былъ уволенъ со службы и сосланъ въ Ревель. Но свобода препо-

даванія, особенно въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, продолжала оставаться очень стѣсненной.

Правительство въ царствованіе Николая I, какъ сказано (стр. 353), удѣляло особенное вниманіе военнымъ учебнымъ заведеніямъ. Изъ вновь основанныхъ гражданскихъ школъ, какъ высшихъ, такъ и среднихъ, необходимо упомянуть университетъ Св. Владиміра въ Кіевѣ (взамѣнъ закрытаго Виленскаго), училища: Правовѣдѣнія и Строительное, институты: Технологическій, Главный Педагогическій, Константиновскій Межевой (въ Москвѣ) и нѣсколько женскихъ, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи. Очень важной мѣрой было принятіе на казенный счетъ содержанія уѣздныхъ училищъ, существовавшихъ раньше исключительно на мѣстныя средства. Благодаря стараніямъ гр. Киселева учреждено было много школъ для дѣтей государственныхъ крестьянъ (стр. 337).

Изданный въ 1828 г. «уставъ гимназій и училищъ, уѣздныхъ и приходскихъ» вмѣнялъ учебнымъ заведеніямъ въ обязанность способствовать нравственному воспитанію дѣтей, противодѣйствовать «своевольству мыслей, роскоши полупознаній, порыву въ мечтательныя крайности». Для достиженія этого предполагалось расположить ученіе въ каждомъ изъ заведеній такимъ образомъ, чтобы оно могло давать окончательное образованіе тому классу населенія, для котораго оно преимущественно предназначается [приходскія школы предназначались для крестьянъ, мѣщанъ и промышленниковъ низшаго класса, уѣздныя (съ трехлѣтнимъ курсомъ)—для купечества и дворянъ, гимназіи (съ семилѣтнимъ курсомъ)—для дворянъ, не лишая, впрочемъ, и другія состоянія права поступать въ нихъ]. Въ основу воспитанія, по мысли министра народнаго просвѣщенія гр. Уварова, должны были полагаться слѣдующія начала: «православіе, самодержавіе и народность». Изъ преподаваемыхъ въ гимназіяхъ предметовъ на первомъ планѣ стояли древніе языки (преимущественно латинскій) и математика. При нѣсколькихъ гимназіяхъ учреждены были благородные дворянскіе пансіоны; нѣкоторые изъ нихъ превратились впослѣдствіи въ дворянскіе институты съ сокращенной программой.

Въ 1835 г. изданъ былъ новый университетскій уставъ, ограничивавшій автономію, дарованную университетамъ въ началѣ царствованія императора Александра I. Должность ректора оставалась еще выборной, но его права были нѣсколько сокращены; университетскій судъ пересталъ существовать. Вмѣстѣ съ тѣмъ усилена была власть попечителя учебнаго округа, въ зависимость отъ котораго ставилась университетская инспекція, обязанная поддерживать строгую дисциплину среди студентовъ. Подъ вліяніемъ западно-европейскихъ революціонныхъ событій 1848 года былъ принятъ рядъ новыхъ мѣръ для уничтоженія остатковъ автономіи (ректоръ сталъ назначаться правительственною властью) и для ограниченія свободы преподава-

нія (каждый лекторъ обязанъ былъ представлять заблаговременно точныя программы своихъ лекцій съ указаніемъ тѣхъ сочиненій, на которыя онъ намѣренъ ссылаться, при чемъ «въ содержаніи программы не должно скрываться ничего, несогласнаго съ ученіемъ Православной Церкви или съ образомъ правленія и духомъ государственныхъ учрежденій»; запрещено было касаться на лекціяхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками; преподаваніе нѣкоторыхъ наукъ, напр., государственнаго права и философіи, вовсе упразднялось; чтеніе логики и психологіи поручалось только духовнымъ лицамъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ еще до 1848 г. правительство издало нѣсколько распоряженій съ цѣлью предотвратить переполненіе университетовъ. Такъ, напр., «для удержанія стремленія юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій» рѣшено было повысить плату за ученіе, а затѣмъ установленъ былъ комплектъ студентовъ для каждаго университета.

Стремленіе молодежи къ высшему образованію (не наблюдавшееся, какъ мы знаемъ, въ царствованіе Александра I) объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ 40-хъ годахъ въ русскихъ университетахъ (особенно въ Московскомъ) подвизались выдающіяся ученыя силы. Многія изъ нихъ были питомцами университетовъ Александровскаго времени, побывавшими за границей для довершенія своего образованія и для подготовленія къ профессорскому званію. Оттуда они принесли въ Россію западно-европейскую науку и философію. Поэтому, наряду съ изученіемъ точныхъ наукъ, преподававшихся такими свѣтилами, какъ отецъ хирургіи Пироговъ, и съ глубокимъ интересомъ къ исторіи, возбужденнымъ блестящимъ московскимъ профессоромъ Грановскимъ, лекціи котораго составили какъ бы цѣлую эпоху въ исторіи русской общественной мысли, наблюдалось также необыкновенное увлеченіе нѣмецкой философіей и примѣненіемъ ея началъ къ оцѣнкѣ русской дѣйствительности. (Такое примѣненіе породило два общественныхъ теченія—западничество и славянофильство). Однако строгости, вызванныя событіями 1848 года, очень неблагопріятно повліяли и на русскую науку, и на русскую литературу, на поприщѣ которой выступали тогда величайшіе писатели (Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Бѣлинскій и др.). Цензура не допускала ничего, въ чемъ слышался хотя бы слабый намекъ на критику существующаго строя. Такъ продолжалось до вступленія на престолъ императора Александра II, знаменующаго новую эру въ исторіи развитія русскаго просвѣщенія.

§ 107. Успѣхи русскаго просвѣщенія во второй половинѣ XIX в.

Въ области народнаго просвѣщенія особенно много было сдѣлано при императорѣ Александрѣ II для развитія *низшаго и женскаго* образованія. Распространеніе начальнаго образованія шло успѣшно, главнымъ образомъ, благодаря дѣятельности земствъ, покрывшихъ Россію тысячами народныхъ училищъ, учителя которыхъ подготовлялись въ учительскихъ семинаріяхъ [1]). Органы городского самоуправленія заботились о расширеніи сѣти городскихъ (прежнихъ уѣздныхъ) училищъ, получавшихъ преподавателей изъ питомцевъ учительскихъ институтовъ. По частному почину массами устраивались воскресныя школы, гдѣ занимались преподаваніемъ люди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ слоевъ: и представители аристократіи, и военные, и учащаяся молодежь. Частная иниціатива замѣтно проявилась также въ организаціи высшаго женскаго образованія: именно, когда сторонникамъ его не удалось добиться у правительства допущенія женщинъ въ университеты, они стали устраивать «высшіе женскіе курсы», соотвѣтствующіе университетамъ, и медицинскіе курсы для подготовленія женщинъ-врачей. Не открывая женщинамъ доступа въ университеты, правительство Александра II подвинуло, однако, значительно впередъ среднее женское образованіе, которое въ предшествующія царствованія пріобрѣталось только въ институтахъ и въ частныхъ пансіонахъ. При Александрѣ II, по предложенію Н. А. Вышнеградскаго, правительство (сперва вѣдомство учрежденій императрицы Маріи, а потомъ и министерство народнаго просвѣщенія и Синодъ) стало устраивать женскія гимназіи и епархіальныя училища. Такимъ образомъ положено было начало организаціи открытаго, т. е. предназначаемаго для приходящихъ ученицъ, женскаго образованія. Отношеніе правительства къ мужскому среднему и высшему (въ частности университетскому) образованію подвергалось колебаніямъ въ зависимости отъ политическихъ соображеній.

Въ 1864 г. (въ министерство Головнина) изданъ былъ новый уставъ гимназій, въ выработкѣ котораго принимали дѣятельное участіе общество и печать, горячо обсуждавшія вопросъ о томъ, какого типа должна быть гимназія, дающая общее образованіе: классическаго (т. е. съ преобладаніемъ древнихъ языковъ—греческаго и ла-

[1]) Надзоръ за учебной частью народныхъ училищъ предоставленъ былъ министерству народнаго просвѣщенія (въ лицѣ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ), а также губернскимъ и уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ подъ предсѣдательствомъ предводителей дворянства. Общее число начальныхъ учебныхъ заведеній *всѣхъ* вѣдомствъ къ концу царствованія императора Александра II достигало почти 23 тысячъ (обучавшихся въ нихъ было свыше 1 мил.).

тинскаго) или реальнаго (съ преобладаніемъ естественныхъ наукъ). Сторонники классическаго образованія напирали на то, что оно даетъ отличную гимнастику ума, ихъ противники доказывали, что лишь реальное образованіе сообщаетъ положительныя знанія. Въ результатѣ этихъ споровъ рѣшено было учредить гимназіи обоихъ типовъ съ тѣмъ, чтобы классическія подготовляли къ университету, реальныя—къ высшимъ спеціальнымъ учебнымъ заведеніямъ. Однако, вслѣдствіе недостатка преподавателей-классиковъ, которыхъ приходилось выписывать преимущественно изъ Чехіи, лишь въ очень немногихъ классическихъ гимназіяхъ преподавались оба древнихъ языка: большинство ограничивалось только латинскимъ. Съ теченіемъ времени, при преемникѣ Головнина гр. Д. А. Толстомъ данъ былъ перевѣсъ классическому образованію надъ реальнымъ. Въ послѣднемъ стали усматривать причину чрезмѣрнаго увлеченія общества естественными науками и матеріализмомъ, источникъ «превратныхъ воззрѣній, приводящихъ къ нигилизму», т. е. отрицанію всѣхъ авторитетовъ, религіи, основъ семейной жизни и т. д.

Изданіемъ въ 1871 году новаго устава гимназій, который устанавливалъ классическую систему и замѣнялъ реальныя гимназіи немногочисленными «реальными училищами», гр. Д. А. Толстой надѣялся достигнуть того, чтобы изъ гимназій выходили «молодые люди скромные и солидно образованные».

Еще болѣе озабочено было правительство положеніемъ университетовъ, въ которыхъ сильно отражались бурныя и крайнія общественныя теченія, проявлявшіяся въ эпоху великихъ реформъ, и въ которыхъ часто вспыхивали студенческіе безпорядки. Въ самомъ началѣ царствованія императора Александра II были отмѣнены многія мѣры правительства Николая I, касавшіяся университетовъ (уничтоженъ комплектъ студентовъ, ограничена власть инспектора, возстановлено избраніе ректора и декановъ, возобновлены командировки профессоровъ за границу), а затѣмъ, опять-таки при содѣйствіи общества и печати, приступлено было къ выработкѣ новаго устава, который и появился въ 1863 году. Одною изъ задачъ его было усилить вліяніе профессорской среды на студентовъ, и для этого развить ея самодѣятельность. Университеты получали выборныхъ должностныхъ лицъ и профессоровъ и самую широкую автономію по ученымъ, учебнымъ, хозяйственнымъ и даже судебнымъ дѣламъ (поскольку послѣднія касались проступковъ студентовъ въ стѣнахъ университета). Студенчество организаціи не получило, такъ какъ вопросъ о допустимости ея признанъ былъ спорнымъ. При гр. Толстомъ университетская автономія стала ограничиваться. Научная жизнь развивалась въ царствованіе императора Александра II чрезвычайно успѣшно: учреждены были университеты въ Одессѣ и Варшавѣ, Историко-Фи-

логическій институтъ въ Петербургѣ и лицей цесаревича Николая въ Москвѣ; въ столицахъ и большихъ городахъ организовались ученыя общества (естественно-историческія, историческія, археологическія, юридическія и т. д.); русскіе ученые собирались на многолюдные съѣзды, снаряжали научныя экспедиціи, печатали свои труды въ заграничныхъ изданіяхъ; русская наука становилась на одинъ уровень съ западно-европейской.

Императоръ Александръ III въ вопросахъ народнаго просвѣщенія былъ убѣжденнымъ сторонникомъ церковно-приходскихъ школъ, руководительство которыми принадлежало священнослужителямъ, и главной задачей которыхъ было воспитаніе дѣтей въ духѣ православной вѣры, въ преданности престолу и отечеству. Число этихъ школъ, отданныхъ въ вѣдомство Синода и составлявшихъ предметъ особыхъ попеченій его оберъ-прокурора Побѣдоносцева, возросло съ 4.000 до 30.000. Успѣшно развивалось также *техническое и профессіональное* образованіе; въ курсъ земскихъ училищъ вводилось обученіе ремесламъ. Нарождалось и женское *профессіональное* образованіе: такъ, напр., профессіональный характеръ приданъ былъ спеціальнымъ классамъ новаго Ксеніинскаго института; кромѣ того, учреждены были 4-хъ-классныя Маріинскія училища для приходящихъ дѣвицъ. Эти училища такъ же, какъ и женскіе институты и гимназіи Вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, находятся подъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Изъ мѣропріятій, касавшихся высшаго образованія, нужно отмѣтить учрежденіе въ 1888 году университета въ Томскѣ и изданіе въ 1884 г. новаго университетскаго устава, уничтожавшаго автономію профессорскаго персонала и увеличившаго плату за ученіе.

Ставя университетамъ исключительно научныя и учебныя цѣли, императоръ Александръ III оказывалъ неизмѣнную и щедрую поддержку ученымъ обществамъ. Особеннымъ его вниманіемъ пользовались общества, занимающіяся изученіемъ исторіи и археологіи Россіи. Нѣкоторыя изъ нихъ состояли подъ его покровительствомъ и предсѣдательствомъ.

Въ правленіе нынѣ царствующаго Государя Императора учреждено нѣсколько политехническихъ институтовъ, много коммерческихъ и сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, а также высшихъ начальныхъ училищъ; поставленъ на очередь вопросъ о пересмотрѣ университетскаго устава (въ 1905 г. возстановлено право избранія ректора и деканов), о преобразованіи средней школы, о постепенномъ введеніи *всеобщаго* обученія. Къ 1912 г. *всѣхъ* учебныхъ заведеній въ Россіи числилось болѣе 125.000 (свыше 8 мил. учащихся); въ томъ числѣ высшихъ — 51, среднихъ — около 2.000.

Краткій списокъ важнѣйшихъ трудовъ по русской исторіи.

I. Общіе обзоры.

Соловьевъ. Исторія Россіи.
Ключевскій. Курсъ русской исторіи. 4 т. и Краткое пособіе по русской исторіи.
Платоновъ. Лекціи по русской исторіи.
Дьяконовъ. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси.
Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности.
Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права.
Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. 3 ч.
Багалѣй. Русская исторія.
Довнаръ-Запольскій. Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ.
Покровскій. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ.
Энцикл. Словарь Брокгаузъ-Ефронъ, №№ 54 и 55. «Россія».

II. Кіевская Русь.

Кромѣ указанныхъ общихъ обзоровъ.

М. Грушевський. Історія Украіни-Руси. Т. I—III.
М. Грушевскій. Исторія Кіевской земли.
Ефименко. Исторія украинскаго народа.
Рожковъ. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Ч. I.
Браунъ. Разысканія въ области готско-славянскихъ отношеній.
Забѣлинъ. Исторія русской жизни, ч. II.
Погодинъ. Г. Гедеоновъ и его система.
Гедеоновъ. Варяги и Русь, 2 ч.
Иловайскій. Разысканія о началѣ Руси.
Томсенъ. Начало русскаго государства.
Вильбасовъ. Появленіе русскихъ на исторической сценѣ.
Тіандеръ. Поѣздки скандинавовъ въ Бѣлое море.
Шахматовъ. Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ.
Сергѣевичъ. Вѣче и князь. Совѣтники князя.
Пресняковъ. Княжое право.

Пассекъ. Новгородъ самъ въ себѣ.
Костомаровъ. Сѣверно-русскія народоправства.
Никитскій. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода.
Голубинскій. Исторія русской Церкви, т. I.
Знаменскій. Руководство къ русской церковной исторіи.
Приселковъ. Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII в.
Пархоменко. Начало христіанства Руси.
Аничковъ. Язычество и древняя Русь.

III. Владимірская Русь.

Кромѣ указанныхъ общихъ обзоровъ.

Павловъ-Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси.
Чичеринъ. Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей.

IV. Литовская Русь.

Грушевський. Історія України-Руси, т. III, IV и V.
Антоновичъ. Очеркъ исторіи Великаго княжества Литовскаго.
Дашкевичъ. Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго княжества.
Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ.
Довнаръ-Запольскій. Государственное хозяйство Литовскаго государства.
Малиновскій. Рада Великаго княжества Литовскаго въ связи съ боярской думой древней Руси.
Леонтовичъ. Рада Великаго княжества Литовскаго и правоспособность литовско-русской шляхты. Ж. М. Н. Пр. 1907—9 гг.
Лаппо. Великое княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской уніи до смерти Стефана Баторія.

V. Московская Русь.

Кромѣ указанныхъ общихъ обзоровъ.

Платоновъ. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII в.в.
Дьяконовъ. Власть московскихъ государей.
Савва. Московскіе цари и византійскіе василевсы.
Васенко. Книга Степенная царскаго родословія и ея значеніе въ древнерусской исторической письменности.
Пыпинъ. Исторія русской литературы, ч. II.
Платоновъ. Московское правительство при первыхъ Романовыхъ. Ж. М. Н. Пр. 1906 г.
Ключевскій. Боярская дума древней Руси.
Латкинъ. Земскіе соборы древней Руси.
Гурляндъ. Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ.
Маркевичъ. О мѣстничествѣ.
Маркевичъ. Исторія мѣстничества.
Рождественскій. Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в.
Крестьянскій строй, изд. кн. Долгорукова и гр. Толстого.
Бѣляевъ. Крестьяне на Руси.
Дьяконовъ. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ.
Чечулинъ. Города Московскаго государства въ XVI в.
Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ.

Каптеревъ. Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку.
Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ.
Икономовъ. Наканунѣ реформъ Петра Великаго.

Императорскій періодъ.

Кромѣ указанныхъ общихъ обзоровъ.

Устряловъ. Исторія Петра Великаго.
Брикнеръ. Иллюстрированная исторія Петра Великаго.
Князьковъ. Очерки изъ исторіи Петра Великаго и его времени.
Кн. Долгоруковъ. Время Петра II и Анны Іоанновны.
Корсаковъ. Воцареніе Анны Іоанновны.
Ешевскій. Очеркъ царствованія Елизаветы Петровны.
Бильбасовъ. Исторія Екатерины II.
Брикнеръ. Иллюстрированная исторія Екатерины II.
Лаппо-Данилевскій. Очеркъ внутренней политики Екатерины II.
Иконниковъ. Значеніе царствованія Екатерины II.
Ключевскій. Императрица Екатерина II («Русск. Мысль» 1896 г.).
Корниловъ. Курсъ исторіи Россіи XIX в.
Довнаръ-Запольскій. Новѣйшая русская исторія, т. I.
Исторія Россіи въ XIX в. Изд. Гранатъ.
Шильдеръ. Императоръ Павелъ I.
Шумигорскій. Императоръ Павелъ I.
Шильдеръ. Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе.
Богдановичъ. Исторія царствованія императора Александра I.
Великій князь Николай Михаиловичъ. Императоръ Александръ I.
Шильдеръ. Императоръ Николай I, ч. I.
Татищевъ. Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе.

Костомаровъ. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой.
Надлеръ. Императоръ Александръ I и идея Священнаго Союза.
Татищевъ. Внѣшняя политика императора Николая I.
Татищевъ. Императоръ Николай I и иностранные дворы.

Казанскій. Власть Всероссійскаго императора.
Милюковъ. Верховники и шляхетство.
Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I.
Великій князь Николай Михаиловичъ. Гр. П. А. Строгановъ.

Градовскій. Высшая администрація Россіи XVIII стол. и генералъ-прокуроры.
Исторія Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ.
Кн. Вяземскій. Верховный Тайный Совѣтъ.
Строевъ. Бироновщина и кабинетъ министровъ.

Богословскій. Областная реформа Петра Великаго.
Кизеветтеръ. Городовое Положеніе Екатерины II 1785 г.
Кизеветтеръ. Историческіе очерки.
Гессенъ. Судебная реформа.
Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ.

Латкинъ. Законодательныя комиссіи въ Россіи.
Дитятинъ. Екатерининская комиссія о сочиненіи проекта новаго уложенія.
Абрамовъ. Сословныя нужды, желанія и стремленія въ эпоху екатерининской комиссіи («Сѣверный Вѣстникъ» 1886 г.).
Бар. Корфъ. Жизнь гр. Сперанскаго.

Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в.
Заблоцкій-Десятовскій. Гр. Киселевъ и его время.
Корниловъ. Крестьянская реформа.

Милюковъ. Государственное хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великаго.
Струве. Крѣпостное хозяйство.
Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ.

Благовидовъ. Оберъ-прокуроры св. Синода въ XVIII и первой половинѣ XIX в.
Верховской. Очерки по исторіи Русской Церкви въ XVIII и XIX ст.

Рождественскій. Очерки по исторіи системъ народнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII и XIX вѣкахъ.
Скабичевскій. Очерки по исторіи русской цензуры.
Лихачева. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи.
Черепнинъ. Императорское Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ.

им. ГОРЬКОГО
БИБЛИОТЕКА
№ 2
М. Г. У.

-10

5G0
1066